

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1

Орел 2009

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Зайченкова М.С., Золотарев Ю.В., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Нечаева Т.М., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Учредитель —

ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,

Орловский государственный университет

Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»

E-mail: e.puzankova@univ-orel.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- С.Ю. Новакова* Краткая история развития ипотеки: зарубежный опыт 5

ИСТОРИЯ

- И.В. Гончарова* Конец 20-х гг.: хлебозаготовки и свертывание нэпа в Центральном Черноземье 13
А.А. Никулин К вопросу о влиянии войны в Ираке на проблемы национальной безопасности Великобритании 20
О.О. Федорова Германия в 90-е гг. XX столетия: трудности постобъединительных процессов 27
А.Н. Гребенкин Социокультурный облик преподавателей российских военных учебных заведений в первой трети XIX в. 32
С.Т. Минаков Наследник Ленина и «спаситель России»? 38
М.Ю. Илюхин «Особая позиция» П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период балканских войн 1912 – 1913 гг. 47
И.В. Проваленкова Представители «Смоленской шляхты» на территории Орловской губернии в XVII — начале XX в. 55
Г.С. Чувардин Между «старой Русью» и «незалежной Украиной»: судьба российской военной элиты в контексте биографии Павла Петровича Скоропадского 64

ФИЛОСОФИЯ

- С.Н. Коськов* Конвенционализм и его эпистемологические начала 73
Е.И. Хохлова Философия культуры С.Н. Булгакова 79

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

- Киприан (Яценко),
А.Я. Данилюк
М.А. Боронтов* Концепция новой образовательной области «Духовно-нравственная культура» 85
С.Ю. Просветов Концепция организации духовно-нравственного воспитания в современной России . . . 92
М. Моравчикова Источники и характер цитирования текстов Ветхого Завета в Евангелии от Матфея, вводимых от лица Христа 103
*А.Ю. Савосичев,
О.Ю. Кузьмина* О перспективах православно-теологического образования в Кубанском государственном университете 107
Т.Г. Человенко Три образа истории, три видения будущего. Босния и Герцеговина как многоэтническая религиозная лаборатория 113
Л.В. Стах Рязанский архиепископский двор середины XVI века 123
*В.П. Римский,
О.В. Ковальчук* Предфеноменологическая традиция в концепции богословского знания А.С. Хомякова . . 130
К.А. Страхова Кенотическая сотериология в философской транскрипции 136
Структуры повседневности православного человека и культурный диалогизм Византийской цивилизации 140
Дивертимент современного российского кальвинистского антифеминизма 152

ФИЛОЛОГИЯ

- Н.Д. Кабанова* Сложные имена прилагательные в языковом наследии К.Г. Паустовского: особенности словообразования и употребления 156
Ю.М. Прусова Модель интегративного изучения лексико-фразеологических систем русского и английского языков в 5 классе 162
Г.Ф. Хасанова Образ человека боя в прозе фронтового поколения (конец 1950-х – середина 1980-х гг.) . 166
А.А. Кравцова ...И вот чужое слово проступает 172
О. В. Иванайнен Функции формул «яко же рекохомъ», «мы на прежнее возъвратимся» и других в тексте «Повести временных лет» 177

<i>Е.Н.Ашихмина</i>	Лесков в Орловской палате Уголовного суда: новые автографы писателя	182
<i>А.Л. Дмитрировский</i>	Виды композиций в журналистском тексте	189

ПРАВО

<i>В. И. Опрятков</i>	К вопросу о системе исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации . .	198
<i>И.А. Мальцев</i>	Особенности применения согласительных процедур как гарантии реализации конституционного принципа разделения властей	200
<i>Ю.Б. Мальцева</i>	Усиление административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах как реализация Стратегии развития российского финансового рынка	204
<i>В. А. Никифоров</i>	Деятельность ЮНКТАД и ЮНСИТРАЛ в выработке принципов и правовых основ международной торговли	211
<i>В.И. Филонов</i>	Законодательные аспекты основных ограничений прав человека	214
<i>Ю.Е. Коньшева</i>	Взаимодействие международного права и национального права в сфере защиты прав человека в условиях глобализации	217
<i>О.К. Чунаева</i>	Особенности правового статуса физических и юридических лиц в международном праве	221
<i>В.Е. Кирсанова</i>	Тенденции развития Международно-правовой ответственности транснациональных корпораций	224
<i>М.М. Александров</i>	Оформление внешнеполитического курса РФ на обеспечение региональной и национальной безопасности в нормах национального законодательства и международно-правовых актах	227
<i>Е. Луканкина</i>	Международная действительность юридических документов в нотариальном производстве	230
<i>С. Астахов</i>	Правовое положение беженцев в международном праве	233
<i>Т. Добарина</i>	Защита прав личности во время вооруженных конфликтов	237

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Г.Е. Котькова</i>	Влияние социально-педагогических факторов на основы процесса личностного развития ребенка	241
<i>А.А. Калекин</i>	К вопросу концепции образовательной области «Технология» в профильной школе .	249
<i>Е.С. Пелепейченко</i>	Проектная деятельность в предметах образовательной области «искусство» («музыка», «изобразительное искусство», «мировая художественная культура», «искусство»)	258
<i>Т.К. Авдеева,</i> <i>И.Ф. Авдеев</i>	Закон больших чисел в решении проблем образования	261
<i>Е. Н. Кирюхина</i>	Особенности обобщающе-систематизирующего повторения в выпускных классах . .	264
<i>Н.Н. Митюшкина</i>	Индуктивный подход к определению ориентированной поверхности	269
<i>Ю.М. Логвинова</i>	О некоторых изменениях в типологии заданий ЕГЭ по русскому языку за период с 2002 по 2009 годы	274
<i>А.Р. Садыкова</i>	Рефлексивное мышление как стратегия познавательной деятельности	280
<i>А.В. Овсянникова</i>	Критерии включения методологического материала в содержание вузовского обучения	282
<i>Е.А. Новикова</i>	Психодидактические характеристики активного обучения в педагогическом проектировании	285
<i>Т.А. Ягупова</i>	Художественное образование как основное средство, влияющее на формирование личности ребенка	289
<i>Н.В. Шульдешова</i>	Терминологический барьер в формировании билингвальной методической компетенции	292
<i>М.А. Шошин</i>	Сущность трудового воспитания в современных условиях	295

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Н.В. Егупова</i>	Русское узорное ткачество: история и современность	301
<i>Н.Н. Сошнев</i>	Некоторые особенности методики преподавания дисциплины «Графический дизайн упаковки» на отделении «Графический дизайн» ХГФ ОГУ	306

ЭКОНОМИКА

*С.Ю. НОВАКОВА, ассистент кафедры прикладных
экономических дисциплин
Орловского государственного университета*

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИПОТЕКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье показаны исторические корни и пути развития ипотеки в различных странах, обобщен зарубежный опыт ипотечного кредитования. Проведен анализ различных моделей ипотечного кредитования, показано их применение в различных странах в зависимости от исторически сложившихся основ законодательства и организации кредитной деятельности.

Ключевые слова: ипотека, залог, жилищный кредит, ипотечный банк, модель контрактных сбережений, двухуровневая система ипотечного кредитования, секьюритизация.

Инвестиционно-финансовая деятельность, как, впрочем, и современная экономика в целом, немыслима в настоящее время без участия ссудного капитала (кредитования). На кредитных взаимоотношениях строятся в первую очередь капиталоемкие отрасли и виды деятельности, например строительство. Поэтому существование в финансово-экономической системе общества стабильно и надежно функционирующей подсистемы кредитования строительной индустрии является сегодня одним из наиболее значимых показателей развития и залогом стабильности самого общества. В свою очередь надежность и работоспособность любых рыночных моделей перераспределения финансовых средств в значительной мере зависят от степени рискованности кредитных операций, которая, неизбежно возрастая с увеличением сроков кредитования, может быть снижена только путем создания надежных механизмов обеспечения возвратности кредитов. В этом качестве с древнейших времен и до наших дней наиболее часто выступает залог недвижимого имущества, называемый также ипотекой.

Изучение исторических корней и путей развития ипотеки в различных странах является актуальным в наше время, так как позволяет проследить особенности общественно-экономического развития каждой отдельно взятой страны с этапами эволюции ипотеки в ней и выделить общие принципы организации ипотеки; рассмотрение исторического опыта ипотечного кредитования показывает, что ипотека находит свое применение в зависимости как от исторически сложившихся основ законодательства и организации кредитного дела, так и от современных тенденций деловой практики и законодательства.

Ипотека как элемент хозяйственной жизни уходит глубокими корнями в историю. Зародившись до н.э. как альтернатива обеспечения обязательства личностью должника, которому в случае невозврата кредита грозило рабство, в новейших экономических формациях ипотека превратилась в мощный инструмент инвестиционно-финансовой деятельности.

Само понятие «ипотека» пришло в мировую финансово-экономическую систему из Древней Греции. Его ввел афинский архонт (archon — «правитель») Солон в VI веке до н.э. В 594 году до н.э. Солон провел свои знаменитые реформы, в результате чего были отменены поземельные долги, объявлена свобода завещания, по которой имущество уже не обязательно переходило к наследникам рода. До реформ Солона в Афинах залогом обязательств должника являлся он сам и если не выполнял их, то становился рабом. Для того чтобы заменить личную ответственность имущественной, Солон организовал следующий порядок: кредитор ставил на земельном владении должника (обыкновенно на пограничной меже) каменный столб, на этом столбе были начертаны имена хозяина земельного участка, заложившего его, кредитора, сумма залога и срок, когда долг надлежало вернуть. Такой столб получил название «ипотека» (от греч. *hypotheka* — подставка, подпорка)¹. В переносном смысле это слово стало употребляться для обозначения залога недвижимости. Хозяин заложенного земельного участка не имел права выносить с него имущество, а также не мог перезаложить его еще раз, поскольку все теперь видели, что земля уже заложена. Нововведение Солона было вызвано еще и тем, что некоторые должники по несколько раз закладывали свои земли, тем самым обманывая кредиторов. Чуть позже на смену столбам пришли специальные ипотечные книги, доступ к которым мог получить каждый желающий и заинтересованный гражданин, дабы выяснить состояние того или иного земельного участка.

Несколько столетий спустя институт ипотеки переключился в Римскую империю, а потом и в средневековую Европу. Римляне не просто позаимствовали греческий опыт ипотечного кредитования, но и развили его. Это связано с аграрной специализацией Рима (в отличие от греков, главными источниками богатства для которых являлись торговля, мореплавание, а позднее мануфактурное производство), вследствие чего земля здесь представляла относительно большую ценность, а принцип частной собственности на землю получил основательное законодательное оформление. Первоначально здесь была распространена самая древняя форма залога недвижимости, при которой закладываемое имущество передавалось в собственность кредитору. Должник же, погасив долг, получал право требовать имущество обратно. Позднее получила распространение ипотека, при которой

имущество оставалось в собственности и использовании должника, а кредитор получал право требовать удовлетворения из ценности данной недвижимости.

В Древнем Риме не было системы ипотечных книг, и хотя основная идея ипотечной системы, заключающаяся в защите кредитора и добросовестного приобретения вещных прав третьими лицами, не была чужда римскому законодательству, ипотечные сделки сопровождались разного рода махинациями. Поскольку принцип публичности ипотеки в отличие от Древней Греции здесь не соблюдался, кредитор не мог быть уверен, что это имущество уже не заложено. Должник имел возможность закладывать имущество у нескольких лиц, таким образом получая под него кредит, значительно превышающий рыночную стоимость залога².

Римское правительство предпринимало попытки централизовать ипотечные отношения, организовав официальные ипотечные организации и банки, действовавшие на основании специального законодательства. В I в. н.э. создавались ипотечные учреждения, которые выдавали кредиты под залог имущества частным лицам. В период правления императора Антония Пия (II в. н.э.) было разработано особое законодательство для ипотечных банков³. Уже тогда существовало около 50 банков и действовало более 800 ростовщических и меняльных контор. Банки становились специализированными. Развивались различные банковские институты: коммунальные, религиозные и другие, возникали прообразы сберкасс, сберегательных ассоциаций и т.п. Государство всегда оказывало большую поддержку ипотечному кредитованию. Для этого создавались специальные социальные институты. При императоре Траяне были созданы финансовые алиментарные фонды для поддержки вдов и сирот, предоставлявшие ипотечные кредиты под 5 % годовых, — это был самый низкий процент в Риме в то время.

Институт ипотеки (залога недвижимости) в течение относительно небольшого времени прошел эволюцию от фидуции (от лат. *fiducia* — сделки на доверии или доверительной сделки, первой формы вещного обеспечения) к более прогрессивной стадии — пигнусу и далее к ипотеке⁴. Здесь необходимо пояснить, что первая стадия, «фидуция», возникла и развивалась в древнеримском праве. В начале развития классического римского права появился «пигнус» (от лат. *pignus* — неформальный залог) и лишь затем собственно «ипотека». При этом сами договоры о залоге первоначально

чайно были лишь дополнительными при первичных кредитных соглашениях (договорах). Основная суть «фидуции» заключалась в том, что сразу по заключении договора официально устанавливались права кредитора на закладываемую недвижимость, сам предмет передавался в «fiducia», и кредитор обязан был возвратить недвижимость после исправного и своевременного исполнения договора. Сделка (или договор) «фидуция» также прошла свою эволюцию.

На первом этапе развития института «фидуции» должник не обладал практически никакой защитой и кредитор сам решал, что ему выгоднее: или требовать от заемщика выплаты долга, или не возвращать ему имущество. В дальнейшем было введено официальное положение к документу о залоге (actio fiducia), которое отменяло эту достаточно выгодную альтернативу кредитора. Но все равно в технологии сделки оставались достаточно серьезные правовые моменты, которыми мог воспользоваться кредитор и которые были невыгодны заемщику.

Следующая стадия развития института ипотеки носила достаточно прогрессивный характер, защищая заемщика от своевольных действий кредитора. Договор «пигнуса» (договор о залоге на стадии «пигнуса») предусматривал передачу закладываемой недвижимости уже не в собственность, а только во владение ею и только как гарантии исполнения взятого заемщиком обязательства. За кредитором оставалось условное право продать закладываемую вещь, чтобы возместить свои средства, только при неисполнении заемщиком взятых им обязательств. При этом уже тогда кредитору было запрещено оставлять продаваемую недвижимость (предмет залога) у себя. В случае невыполнения должником взятых обязательств кредитор после продажи недвижимости возвращал всю разницу между выручкой за недвижимость и остатком долга заемщику. Данный вид сделок тщательно регламентировался. Требования, не входившие в регламентацию, были предметом особого судебного разбирательства.

Появление последней стадии института ипотеки — собственно самой ипотеки — было обосновано политическими и экономическими условиями того времени: ослабление рабовладельческого хозяйствования в Риме и массовая передача земель арендаторам привели к возникновению классического института ипотеки. По существующему законодательству ни одна действующая правовая форма не подходила для гарантирования этого вида сделок между соб-

ственными земель (латифундистами) и арендаторами, так как мелкие арендаторы не имели ничего, кроме орудий труда, которые они в силу своей профессии не могли заложить. Выходом из этой ситуации было введение новой формы залога — залога арендаторами самих орудий труда.

Позже новый вид залога распространился на другое, в частности на залог недвижимости. Таким образом возник институт ипотеки, который был, во-первых, договором о залоге, во-вторых, договором о гарантии, что взятые заемщиком обязательства будут выполнены, на основании чего при неисполнении должником обязательства возникало право кредитора истребовать закладываемую вещь с последующей ее продажей с торгов и компенсацией из вырученной суммы оставшихся долгов заемщика. Свидетельством данного соглашения были сначала простые соглашения между заемщиком и кредитором, позже, в постклассическое время, составлялись официальные и неофициальные документы, которые уже обладали правовой силой. Такой же силой обладали частные документы, подписанные тремя и более свидетелями. Институт классической ипотеки также проходил свои этапы и свою эволюцию. Вводились различные легальные ипотеки, действовавшие без согласия сторон. В них включались ипотеки по закону (императора): ипотека инвестора на инвестиции, ипотека «фиска» на имущество неплательщика налогов, ипотека на имущество опекуна, ипотека жены на имущество мужа, ипотека церкви и так далее⁵.

Роль государства в соблюдении прав участников ипотечных сделок была велика. Достаточно сложные по структуре сделки требовали контроля и регулирования, отлаженной регистрационной системы. В связи с ослаблением этих государственных функций, связанным с закатом эпохи Древнего мира, институт ипотеки перестал существовать в течение нескольких веков⁶.

Свое второе рождение она обрела уже в средневековом обществе несколько веков спустя. Во Францию ипотека пришла в XVI веке, причем «снизу» (не регулировалась государством, носила негласный характер). В Германии она возникла не ранее XIV столетия, также в простейших формах.

У древних германцев до XIII века господствовал принцип имущественной ответственности за долги. Но потеря владения и права пользования недвижимостью, эксплуатация которой часто со-

ставляла основное занятие должника, была нежелательной. Уже в XIII веке — сначала только в больших городах — стала развиваться новая форма залога недвижимости. Заложённая земля оставалась во владении и пользовании должника, при этом собственник лишался права отчуждения имущества и его вторичного залога.

Ипотечное право самостоятельно существовать не может. Если нет права, в обеспечение которого ипотека установлена, то не может быть и ипотеки, так как нет предмета, подлежащего обеспечению. Недействительность или прекращение требования влечёт за собой недействительность или прекращение ипотеки, но не наоборот. Это значение ипотеки изначально признано не только римским правом, но и рядом законодательств европейских стран. По римскому праву ипотека распространялась на требование и на все его составляющие, включая проценты с ипотеки и издержки, понесённые кредитором с целью получения удовлетворения. По ипотечному законодательству ряда стран в XVII–XIX столетиях капитальная сумма требования определялась её провозглашением (в соответствии с гласностью), её размером (фиксированным в ипотечной книге), набёжавшими на сумму процентами, но при условии, что они обозначены в книге записей.

В средневековье путем рецепции (то есть заимствования и последующей адаптации) римского права ипотека перешла в западноевропейское законодательство, и прежде всего германское. Германское право не остановилось на римской форме ипотеки: оно привнесло в нее условие гласности и постепенно формализовало его путем введения уже в XIX веке системы земельных и ипотечных книг в Германии, а также в Австрии, Швейцарии и других странах. Но еще задолго до этого были заложены основы этой системы. В средневековой Европе возникла практика совершения актов об отчуждении или залоге недвижимой собственности в народных собраниях, церквях или городских ратушах, позже — путем занесения актов об отчуждении в судебные или городские книги.

С конца XVII века разрабатывается специальное законодательство, регулирующее права на недвижимое имущество и формулирующее основные положения ипотечного права. В западноевропейское законодательство ипотека перешла с двумя основными чертами:

- 1) она стала применяться только к недвижимому имуществу;
- 2) продажа заложённых имений стала произ-

водиться не самим кредитором, а при посредничестве суда.

Для кредитора ипотека становится самым верным способом получить «обеспечение по долгам», не принимая в свое владение имение должника и не опасаясь конкуренции кредиторов. Ипотека становится надежным вещным правом, но только после внесения специальной записи об ипотеке в особую книгу. Средневековые кодексы сохранили определение, что «внесённая ипотека по самой своей природе неделима, она основана на праве получения удовлетворения». «*Hypotheca est tota in tota, et tota in qualibet parte*» — право получения удовлетворения остается на целом предмете, обременённом ипотекой, пока существует какая-либо часть обязательства. Отдельная продажа частей не лишала кредитора права требовать удовлетворения из них долга в полной сумме. Ипотека распространялась на недвижимость (как правило, имение) и не зависела от смены владельца⁷.

Ссуды под обеспечение недвижимостью предоставлялись сначала частными лицами (ростовщиками, торговцами), затем банкирами, банковскими домами и частными банками. Так, например, в Англии в XVIII веке выделялась группа банков Вестенда, которые обслуживали земельную аристократию и провинциальное дворянство, обеспечивая хранение их сбережений и предоставляя им ссуды под залог земли или недвижимости. Специализированные ипотечные учреждения появляются в Европе в первой половине XIX века. Первым по времени основания был Баварский ипотечный и вексельный банк, начавший свои операции в 1835 году для Баварии и некоторых других государств Южной Германии. Однако до 60-х годов ипотечный кредит в германских государствах удовлетворялся преимущественно государственными или же земскими земельными учреждениями. Во Франции в 1852 году возник специализированный ипотечный банк «Земельный кредит». В Австрии, несмотря на широкое развитие ипотеки, специализированные (акционерные и земские) учреждения появились только во второй половине XIX века, а до этого ссуды под обеспечение недвижимости выдавали государственные кредитные учреждения. В Англии же специализированных ипотечных банков в XIX веке еще не существовало.

Ипотечная система создавалась параллельно с системой поземельных книг, в которых фиксировались все права земельных собственников,

а также необходимые сведения о текущем юридическом положении земельных участков, включая все изменения в правах собственности на эти участки. В ипотечных книгах фиксировалось только то, что было связано с залогом. Земли, свободные от залогов, в ипотечные книги не попадали. Цель ипотечной системы — предотвратить опасности, связанные с негласными способами установления прав на недвижимость. По мере того, как земля становилась товаром, появляется необходимость исключить риск для покупателя, что имение (земельный участок) в действительности не принадлежит продавцу, а также риск для кредиторов по закладной, что на имении уже есть долги, не заявленные при установлении залога⁸.

Сущность ипотечной системы заключалась в том, что для каждого недвижимого имущества велась в специальном учреждении особая книга, где записывалось все, что относилось к вещным правам, предметом которых служило это имущество: имя собственника, переходы права собственности, сервитуты (то есть ограниченные права третьих лиц), а также лежащие на имении долги. Все записи в ипотечных книгах имели не просто справочное, а строго юридическое значение. Ипотека приобретала юридические права со времени занесения ее в ипотечную книгу. Создание ипотечной системы свидетельствовало о высоком уровне залогового права.

Законченная ипотечная система была введена в Пруссии (Уставы 1783–1872 гг.), в Австрии (Гражданское уложение 1811 г. и Устав 1871 г.), в Саксонии (Устав 1843 г., подтвержден в 1863 г.) и в некоторых других немецких государствах.

По мере развития и утверждения рыночных отношений ипотека приобрела функции, свойственные современному кредиту. Благодаря ипотеке государственный, банковский и кооперативный капитал устанавливает свой контроль над значительной частью земельного фонда. В то же время ипотека становится одним из основных каналов обеспечения притока инвестиций в сельское хозяйство и в другие отрасли экономики, помогая предпринимателям (владельцам недвижимости) увеличить долю производительно используемого капитала, а земледельцам — финансировать покупку участков земли при сравнительно высоком уровне цен на нее.

Все эти функции ипотеки начали «работать» в европейских странах в первой половине XIX века, когда здесь складывались (а кое-где уже сложились) национальные рынки. Однако в полной мере они проявили себя во второй полови-

не XIX века, когда в результате индустриализации капиталистических стран, гигантски увеличившей масштабы общественного производства и ускорившей процессы урбанизации и технического прогресса в сельском хозяйстве, перед ипотекой возникли новые задачи и новые возможности.

До окончания второй мировой войны наиболее развивающейся формой организации ипотечного кредитования являлись ипотечные банки. Такие банки самостоятельно эмитировали ипотечные ценные бумаги с целью привлечения долгосрочных финансовых ресурсов.

Деятельность ипотечных банков лежит в основе так называемой одноуровневой системы ипотечного кредитования. Такие системы доминируют в Дании, Швеции и Канаде, также очень развиты в Германии, Австрии, Нидерландах, Великобритании и Финляндии. Во Франции и Испании одноуровневая система реализована через монопольные государственные ипотечные банки.

В Германии с 1900 года существует специальная сеть ипотечных банков. С тех пор ни один из них не разорился. Кроме того, проценты по закладным листам они выплачивали своим вкладчикам даже во время первой и второй мировых войн. Ипотечные банки впервые возникли в Германии в XVIII веке. Первый ипотечный банк основан в Силезии в 1770 году. Это был государственный банк, оказывавший финансовую помощь крупным помещичьим хозяйствам. Для привлечения средств банк стал выпускать закладные (разновидность ипотечных облигаций)⁹.

С XVIII века в Германии действует модель контрактных сбережений — строительные сберегательные кассы. Они начали возникать в конце XVIII столетия в шахтерских поселках по простому принципу: если для строительства одного дома требовалось 10 тысяч денежных единиц, а каждый желающий обзавестись собственным жильем мог сэкономить за год только тысячу, то, следовательно, он мог построить жилье лишь через 10 лет. В случае объединения сбережений десяти таких желающих один из них мог приобрести жилье уже через год, если другие предоставляли ему свои сбережения в качестве кредита. На второй год мог приобрести жилье второй, если первый теперь уже вместо сберегательного вклада вносил долю по возврату кредита и т.д. Таким образом, все желающие достигали цели в среднем в два раза быстрее по сравнению с тем подхо-

дом, при котором каждый действовал бы единолично.

Современные строительные сберегательные кассы – один из основных институтов инвестирования жилищной сферы в Германии. Сегодня строительство каждых трех из четырех единиц жилья финансируется с участием системы жилищных стройсбережений.

Источником ресурсов для целевых жилищных займов в стройсберкассе являются вклады граждан, плата заемщиков за пользование жилищным займом, а также государственная премия, которая выплачивается в соответствии с контрактом о строительных сбережениях при условии, что вкладчик в течение года вложил на свой счет определенную сумму. Жилищный кредит может получить только вкладчик стройсберкассе по истечении определенного времени (обычно пять-шесть лет), в течение которого он ежемесячно делал вклады на установленную в контракте сумму. Процентные ставки (как на вклад, так и на кредит) — фиксированные на все время действия контракта.

Погашение жилищного займа осуществляется в течение срока, определенного в контракте о стройсбережениях. Как правило, срок погашения займа длительный, не менее 10 лет. Процентные ставки обычно составляют 7–8% годовых.

В Великобритании с XIX столетия успешно функционирует система строительных обществ. Механизм их работы немного похож на деятельность немецких, но для получения жилищного кредита не обязательно быть вкладчиком строительного общества. Во второй половине XX столетия в результате либерализации банковского законодательства Соединенного Королевства деятельность строительных обществ все больше начала пересекаться с деятельностью коммерческих банков — процесс формирования ипотечных банков приобрел характер замещения строительных обществ. Крупнейшие строительные общества, например Abbey National, сами превратились в ипотечные банки. В 90-х годах прошлого столетия ипотечные банки стали преобладать по объемам кредитов над строительными обществами.

В Канаде традиционным видом кредитных институтов являются ипотечные банки. Они занимают главным образом кредитованием операций с недвижимостью, а также инвестициями в долгосрочные ценные бумаги государства и корпораций. Вначале объектом их деятельности было кредитование сельского хозяйства под за-

лог земли, впоследствии — кредитование жилищного строительства. В то же время ключевыми участниками канадской системы ипотечного кредитования являются государственные жилищные корпорации, организующие жилищное строительство, подбор заемщиков и страхование кредитных рисков.

В Дании реализована система ипотечного кредитования, в которой 100% ипотечных кредитных обязательств секьюритизируется, т.е. преобразуется в ценные бумаги, реализуемые на рынке с целью привлечения долгосрочных кредитных ресурсов. Поэтому по объемам ипотечных ценных бумаг Дания занимает 29% от общего объема оборачиваемых в Европе (впереди только Германия с 44%)¹⁰.

Эволюция ипотеки привела к формированию так называемой двухуровневой системы ипотечного кредитования. Впервые такая система была реализована и получила распространение в США.

В Соединенных Штатах Америки во времена Ф. Рузвельта начала складываться разветвленная система ипотечного кредитования жилищного строительства и приобретения жилья в собственность. Сегодня система финансирования жилья в США — это сложный рынок общенационального масштаба, на котором действует огромное число учреждений, включая ипотечные банки, сберегательные и кредитные ассоциации, коммерческие и сберегательные банки, страховые компании, пенсионные фонды и т.п.

Решающим фактором успеха в данном направлении оказались мероприятия по формированию вторичного ипотечного рынка, что решило главную проблему жилищного финансирования — проблему кредитных ресурсов. С этой целью в разные годы были созданы специализированные организации — Федеральная национальная ипотечная ассоциация Federal National Mortgage Association (FNMA, Fannie Mae), Корпорация жилищного кредитования (Freddie Mac) и Правительственная национальная ипотечная ассоциация (Government National Mortgage Association, GNMA или Ginnie Mae).

Сегодня Fannie Mae — крупнейшая по размеру активов национальная корпорация, а также крупнейший источник обыкновенных ипотечных фондов в США. Акциями Fannie Mae торгуют на Нью-Йоркской фондовой бирже (New-York Stock Exchange, NYSE). Ее акции находятся среди наиболее активно продаваемых. Freddie Mac, Ginnie Mae осуществляют финансирование ипотечных

кредитов из государственных ресурсов. Ginnie Mae – государственная корпорация, созданная для управления ипотечными программами, которые не могли бы развиваться в частном секторе¹¹.

Эти организации наделены полномочиями покупать ипотечные кредиты на жилье и под государственную гарантию или государственное страхование, выпускать ценные бумаги, обеспеченные выкупленными ипотечными кредитами.

Следует обратить внимание на любопытный факт: в странах Восточной Европы США напрямую или через Мировой банк, где основным «донором» опять же выступают США, потратили десятки миллионов долларов в рамках программ помощи по созданию систем ипотечного кредитования и финансирования по американскому образцу, но в итоге эти страны приняли законы, основанные на германском (европейском континентальном) праве, как более соответствующем историческим традициям и экономическим реалиям этих стран.

В то же время в последние годы в континентальных европейских странах, например в той же Германии, всё чаще начинают обращаться к американской системе секьюритизации активов, то есть рассматривают возможной двухуровневую систему ипотечного кредитования. Иными словами, две системы (одноуровневая и двухуровневая) не являются антагонистическими и могут действовать параллельно.

Особенности общественно-экономического развития каждой отдельно взятой страны (в частности, различия в регулировании гражданских правоотношений и банковской деятельности) в значительной степени определили этапы эволюции и современные черты ипотеки в них. Так, например, существенные исторические и нынешние различия гражданских законодательств в странах романо-германского и англосаксонского права породили различные подходы в оформлении взаимоотношений сторон по договору ипотеки в этих странах:

— во всех государствах континентальной Западной Европы (кроме Дании) режим ипотеки имеет много общего: обязательное нотариальное удостоверение актов, регистрация в кадастре или поземельной книге, публикация ипотек и другие существенные формальности;

— в странах англосаксонского права концепция ипотеки более гибкая и менее формализованная, в частности там нет необходимости в нотариально заверенном акте, а ипотека может носить общий характер, когда предмет залога подробно не обозначен или отсутствует публикация на этот счет. Датская система является промежуточной — она использует обе вышеописанные схемы.

Другой пример: исторически и законодательно обусловленная развитость фондового рынка США (в частности, до самого последнего времени американские банки могли заниматься инвестиционно-фондовой деятельностью только как исключительной) повлияла на чрезвычайную развитость американского рынка ценных бумаг, в том числе долговых обязательств, обеспеченных ипотекой.

Таким образом, ипотека, возникнув еще в эпоху античности, прошла через средневековье и вошла в Новое время, приспособившись уже к новым экономическим потребностям. При рабовладении и феодализме ипотечный кредит представлял собой разновидность ростовщического капитала. В этом случае ссудные деньги являлись капиталом лишь для кредиторов. В руках заемщиков они служили главным образом покупательным или заемным средством и использовались в основном в потребительских целях.

В течение нескольких столетий своего развития система ипотечного кредитования доказала свою эффективность в решении важных социально-экономических задач, таких как решение жилищной проблемы, стабилизация финансовой системы и экономики в целом.

Примечания

1. Балабанов И.Т. Экономика недвижимости [Текст] / И.Т. Балабанов. СПб.: Питер, 2000. С. 43.
2. Ерошенков С.Г. Анализ истории и эволюции ипотеки на примере развитых и развивающихся стран [Текст] / С.Г. Ерошенков. М.: МТ-Пресс, 2004. С. 19.
3. Вечный квартирный вопрос [Текст] / Эксперт. — 2000. — № 12. — С. 22.
4. Ерошенков С.Г. Анализ истории и эволюции ипотеки на примере развитых и развивающихся стран [Текст] / С.Г. Ерошенков. М.: МТ-Пресс, 2004. С. 21.
5. Головин Ю.В. Банки и банковские услуги в России [Текст] / Ю.В. Головин. М.: Финансы и статистика, 1999. С. 42.
6. Головин Ю.В. Ипотечное кредитование жилищного строительства [Текст]: учеб. пособие для вузов / Ю.В. Головин. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. С. 46.

7. Ерошенков С.Г. Анализ истории и эволюции ипотеки на примере развитых и развивающихся стран [Текст] / С.Г. Ерошенков. М.: МТ-Пресс, 2004. С. 86.
8. Иванов В.В. Все об ипотеке [Текст] / В.В. Иванов. М.: МТ-Пресс, 2000. С. 107.
9. Вечный квартирный вопрос [Текст] / Эксперт. — 2000. — № 12. — С. 30.
10. Вечный квартирный вопрос [Текст] / Эксперт. — 2000. — № 12. — С. 31.
11. Иванов В.В. Ипотечное кредитование [Текст] / В.В. Иванов. М.: Информ.-внедр. центр «Маркетинг», 2001. С. 128.

Библиографический список

1. Балабанов И.Т. Экономика недвижимости [Текст] / И.Т. Балабанов. СПб.: Питер, 2000. 231 с.
2. Вечный квартирный вопрос [Текст] / Эксперт. — 2000. — № 12. — С. 22–31.
3. Головин Ю.В. Банки и банковские услуги в России [Текст] / Ю.В. Головин. М.: Финансы и статистика, 1999. 342 с.
4. Головин Ю.В. Ипотечное кредитование жилищного строительства [Текст]: учеб. пособие для вузов / Ю.В. Головин. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. 246 с.
5. Ерошенков С.Г. Анализ истории и эволюции ипотеки на примере развитых и развивающихся стран [Текст] / С.Г. Ерошенков. М.: МТ-Пресс, 2004. 120 С.
6. Иванов В.В. Все об ипотеке [Текст] / В.В. Иванов. М.: МТ-Пресс, 2000. 287 с.
7. Иванов В.В. Ипотечное кредитование [Текст] / В.В. Иванов. М.: Информ.-внедр. центр «Маркетинг», 2001. 306 с.

Novakova S.J.

Short history of development of the mortgage: foreign experience

In the article historical roots and ways of development of the mortgage in the various countries are shown, foreign experience of mortgage credit lending is generalised. The analysis of various models of mortgage credit lending is made and their application in the various countries depending on historically developed fundamentals of legislation and the organisation of credit activity is shown.

Key words: **mortgage, lien, housing credit, mortgage bank, model of contract savings, two-level system of mortgage credit lending, securitization.**

ИСТОРИЯ

*И.В. ГОНЧАРОВА, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Орловского государственного университета*

КОНЕЦ 20-х гг.: ХЛЕБОЗАГОТОВКИ И СВЕРТЫВАНИЕ НЭПА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ

В статье идет речь о проведении хлебозаготовительных кампаний в 1927–1929 гг. в Центральном Черноземье. Рассматриваются методы воздействия власти на деревню, предписываемые центром, и региональная практика хлебных изъятий. Анализируется стратегия власти, направленная на раскол деревни. Изучается отношение крестьян к проводимой политике, масштабы крестьянского сопротивления. Ставится проблема условий осуществления антикрестьянской политики власти в деревне.

Ключевые слова: *хлебозаготовки, власть, крестьянство, Центральное Черноземье, сельхозналог.*

Жесткие хлебозаготовительные кампании, свертывание нэпа, начало раскулачивания и коллективизации в конце 20-х гг. являются одними из самых драматичных страниц модернизации аграрного сектора в XX в. В истории раскрестьянивания деревни остается много открытых вопросов, в том числе и о позиции крестьянства, о механизмах влияния власти на сельское общество. Реконструкция социально-политической ситуации в Центральном Черноземье в свете современного приращения источниковой базы направлена на изучение условий осуществления этатизации сельского хозяйства.

В конце осени 1927 г. в регионе, повторяя указания центра, заговорили о «катастрофическом падении хлебозаготовок». Между тем расхождения в показателях хлебозаготовительной ситуации 1927/28 г. с 1926/27 г. в Орловской губернии, например, не превышали 5% [1,2–4]. Директивы ЦК ВКП(б) требовали добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. В регионе уже осенью 1927 г. появились заградительные отряды от перекупщиков — «полехов», практиковались подворные обыски, зерно оставлялось только для личного потребления. В январе 1928 г. уездные исполнительные комитеты стали разверстывать хлебозаготовительные планы по волостям и отдельным селениям [2, 16].

Хлебозаготовки сопровождались увеличением финансовых изъятий. В Орловской губернии сельхозналог с 1870 тыс. руб. в 1925/26 г. увеличился до 3920 тыс. руб. к 1928/29 г. [3, 130]. Одновременно разворачивались кампания по самообложению в пределах 35% к сельхозналогу [4, 29] и распространению 900 тыс. рублей Крестьянского займа [4, 35]. Финансовые мероприятия проводились ударным способом, агитация для весомости подкреплялась угрозой и насилием, в счет пога-

шения недоимок ускорялась процедура изъятия имущества. Выдача кредитов сокращалась, право на их получение предоставлялось бедноте и колхозам.

Близость центра заставляла власти Центрального Черноземья неукоснительно выполнять распоряжения вышестоящих инстанций. 13 февраля 1928 г. постановлением Политбюро ЦК предписывалось применение 107 статьи УК РСФСР к крестьянам, имевшим 2–3 тыс. пудов хлеба. В регионе «планка» занижалась, например в Ельце до 40–70 пудов. В ходе спровоцированного кризиса появился миф о кулацкой угрозе. В ЦЧО была направлена телеграмма Молотова с призывом обрушиться на кулака [5, 6–7]. Орловские коммунисты в большинстве приветствовали эти меры и воспринимали их как начало серьезной работы, перестройки на военный лад: «Мы перешли от спячки к действительной работе по-большевистски» [6, 110]. Хлебозаготовительные планы были выполнены с превышением, но результаты были достигнуты дорогой ценой. Большинство дел по 107 ст. фабриковалось с грубейшими нарушениями правовых норм по прямому указанию партийных и советских органов. К 1 апреля 1928 г. в Орловской губернии было привлечено 418 хозяйств, из них только по 281 хозяйству дела рассматривались в суде [7, 12]. Применение санкции имело не сплошной, а выборочный характер. Нельзя не согласиться с В.А. Ильных и О.К. Краскевич: «нужно было не разорить зажиточных крестьян, а напугать их» [8, 243]. Репрессии против кулаков, прикрываемые классовой избирательностью, были направлены на то, чтобы заставить всех держателей, особенно середняков, ускорить реализацию плана. Сплошь и рядом под 107 ст. попадали середняки и беднота.

Размытость официальных признаков социально-экономической градации хозяйств давала возможность отнесения к кулацкому практически любого крестьянского двора, втянутого в рыночные отношения. Среди параметров определения «кулака» у местных функционеров были, например, «дореволюционное положение» и «кушает по-настоящему» [9, 66].

Следствием хлебозаготовок 1927 г. стали дезорганизация хлебного рынка, обнищание деревни и массовое возмущение. Крестьянство противопоставляло себя органам власти, воспринимая их как инструмент государственного насилия. В деревне распространились слухи о войне, с ними связывали надежду на

падение советской власти. «Чтоб эта власть провалилась бы, я такого ига никогда не видел, — говорил орловский середняк Калетаев Г.Ф. — Сейчас приходится туго не только зажиточным, но и беднякам; крестьянина растерзали со всех сторон... Начнется война, придет другая власть, и крестьянину будет жить вольнее» [10, 19]. Крестьяне все чаще ассоциировали новую власть с бывшим крепостным правом. Неприятие большевиков становилось для них очевидным.

Рост общественной активности и формирование нового политического сознания крестьянства Центрального Черноземья проявились в идее создания крестьянского союза как организации представительства и защиты интересов крестьян. ОПУ для Центрального Черноземья прологом считало «бандитское восстание» в Тамбове в 1921 г. [11, 630]. Приписывать грандиозный размах крестсоюзовскому движению нельзя. В центре с 1 октября по 6 декабря 1927 г. ОГПУ насчитало 112 выступлений, из них в губерниях Черноземья — 16 [11, 591, 606, 614]. При этом признавалось, что в земледельческом районе задача крестьянского союза должна была заключаться в установлении выгодных для крестьян торговых отношений. Одной из причин социальной самодеятельности было то, что общественные организации, санкционированные властью, ККОВ, кооперация не удовлетворяли деревню. Любая социально-политическая инициатива крестьян, исходившая не из официальных партийных инстанций, воспринималась как покушение на существовавшую систему управления. Но большинство реально существовавших «крестьянских союзов» в Черноземье не претендовало на политическое самовыражение и не выдвигало требований по вопросам власти.

Хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. уже с самого начала, с июля 1928 г., стала внушать власти серьезные опасения. Крестьянство летом 1928 г. столкнулось с новыми способами работы «под заказ» — контрактацией и закупкой урожая на корню. Кредит доверия власти у населения был существенно подорван, нововведения не приветствовались: «нас стараются поймать, чтобы власти по амбарам не ходить» [12, 104]. В деревне ассоциировали контрактацию с барщиной. Поползли слухи о голоде, усилились разговоры о войне, о предстоящих реквизициях по примеру 1918–19 гг. [13, 23]. Кампания разворачивалась на фоне ставших круглогодичными хлебозаготовок. Посулы и уговоры были действенны в основном

для бедняков. Контракция по твердой низкой цене при непредсказуемом урожае и росте цен оборачивалась для крестьян опасностью не рассчитаться с многочисленными платежами.

Опасность была реальной, так как налог в 1928 г. в среднем увеличился на 74,3%, (с 9,53 руб. до 16,53 руб. в пересчете на хозяйство). При этом средние цифры не передают общей картины, цель налога заключалась в изоляции зажиточной части населения. Центром была спущена контрольная цифра (2%) для хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению. Социальная направленность налога проявлялась в расширении льгот бедноте — предполагалось освободить 35% хозяйств. Налоговый разрыв между условно середняцкими и условно зажиточными составлял 5,6 раза, середняцкими и кулацкими — 13,8 [13,49]. Такой подход открывал дорогу произволу учетных комиссий и социальному антагонизму в деревне.

Цены на сельскохозяйственные товары в Орловском округе за год выросли на 13%, на промышленную продукцию — на 8,2%. Покупательная способность населения уменьшалась, привоз хлеба на рынок сократился в 2 раза, состояние базарной торговли характеризовалось как «вялое» [14,5]. Чтобы погасить задолженность, крестьяне продавали скот, но цены на него падали. Промышленная продукция оставалась очень дорогой. Крестьяне сетовали: «вынуждены за воз хлеба покупать одни сапоги» [15, 124]. В ноябре 1928 г. литр подсолнечного масла на базаре стоил 1 р. 3 коп., аршин ситца — 42,7 коп., мыло — 63,4 коп., а центнер ржаной муки — 17 руб. 50 коп.

Население осталось без хлеба уже в начале зимы 1929 г. Крестьяне выпекали хлеб с примесью суррогатов. Появляться на рынке с хлебом стало опасно. Полехов называли «контрреволюционерами в хлебозаготовках», отбирали у них хлеб [14,35]. При виде уполномоченных крестьяне разбегались, бросая и хлеб, и лошадей. Своеобразно препарируя обрывочные сведения о международной ситуации, потоком лившиеся из уст пропагандистов, крестьяне были уверены, что хлеб вывозят в Китай и Германию. Обострилось и противостояние городским рабочим: «власть только обращает внимание на рабочего, а служащий или крестьянин-бедняк с голоду издыхай» [15,125]. Чтобы стимулировать приток хлеба, местные руководители инициировали добровольную сдачу — организовывали красные обозы. Находчивые крестьяне использовали обозы часто в своих целях, рассчитывая, что демон-

страция политической лояльности предотвратит подворные обыски. Местные работники украшали ими свои рапорты. Маневр использовали и зажиточные, уполномоченные называли это «красной уткой».

В сельской потребкооперации вводилась система дифференцированных паевых взносов. В феврале появились новые формы воздействия: «бойкот» (общественная изоляция) и «броня» (продажа товаров сдатчикам хлеба). Сворачивание рынка приводило к регрессу товарно-денежных отношений. В начале 1929 г. появились «красные коробейники», «красные сани» и «красные повозки», продававшие крестьянам мануфактуру в обмен на сдачу хлеба.

Весной 1929 г. в передел собственности попали мельники. Мельницы отбирались и передавались в аренду советским организациям, их владельцы штрафовались или арестовывались. Опустошение хлебного рынка использовалось властью для наступления на деревню под знаком проведения классовой линии, которое с новой силой началось во время майско-июньских заготовок 1929 г. Вводились «новые методы»: инициатива принятия поселенной разверстки должна была исходить от «общественных организаций» деревни. Обком ЦЧО направил в помощь окружным парторганизациям 148 коммунистов. По сообщению из Белгорода: «Из города командировано в районы 111 человек, из районов по селам послано свыше 400 коммунистов» [15,125].

В целях борьбы со спекуляцией создавалась разветвленная осведомительная сеть из бедняков и батраков, чтобы выявлять хлебных спекулянтов и перекупщиков в городе и деревне [15,194].

Контрольная цифра хлебозаготовок накладывалась на 20% дворов, предполагалось обсуждение и принятие задания на сельском сходе. «Массовая работа» должна была проводиться в два этапа: сначала вопрос под руководством партячек продавливался на собраниях бедноты, затем беднота должна была обеспечить положительный результат голосования на сельском сходе. За это ей обещалось 5% от общего количества заготовки хлеба.

Отсутствие параметров определения крестьянских хозяйств при больших объемах заготовок открывало дорогу произволу по обязательной сдаче хлеба. Практиковалось подворное обложение, критерием распределения было наличие аренды, отходники в хозяйстве и т.д. [16,10]. В результате вместо создания бедняцко-середняц-

кого блока в деревне, как отмечал инструктор ВКП(б) Янсон из Россошанского района, получается «единый фронт кулака и середняка против хлебозаготовок и самообязательства» [17, 124]. На местах было очевидно, что изъять все предписанное количество хлеба без обложения всех слоев деревни было невозможно. Как общую тенденцию следует отметить стремление под разными предложениями местных работников довести «в виде опыта» план хлебозаготовок до середняцких и даже бедняцких дворов. В селе Березовка излишки были высчитаны в размере от 14 пудов с «кулака» до 6 кг хлеба с беднячки [18, 15]. В Богородском сельсовете, напротив, весь план возложили на одного кулака и двух священников [18, 3]. Требование вывезти хлебные излишки предъявлялось даже служителям культа, не имеющим земельных наделов.

Повсеместно инициировались подворные обходы и обыски по амбарам. Из Тамбовского округа сообщали: «Сплошь и рядом беднота укрывает хлеб кулаков» [17, 125]. Отмечаемое единение было прямым следствием выкачивания средств из села. «В отношении бедноты, — общалось в послании Варейкису, — надо прямо сказать, что от той бедноты (по революционности ее и твердости), которую мы помним по ревокомам и комбедам, за исключением лишь отдельных лиц, следа не осталось». На бедняцких собраниях крестьяне говорили: «Когда давят кулака, то давят бедняка. Если мы укажем, у кого есть хлеб, тогда и самим негде будет взять». Объяснение такой позиции мы находим в сообщении из Елецкого округа: «Наш костяк в деревне — беднота — настроена весьма скверно, основная причина к этому — бескормица. Многие сейчас питаются не только подачками по селу, но и суррогатами. Некоторая часть бедноты выступает, и местами резко, против хлебозаготовок» [17, 125].

«Крестовый поход» партии за хлебом в майско-июньскую кампанию 1929 г. имел огромные последствия. Варейкис во время своего визита в Орел назвал их «железной метлой, расчищающей путь для коллективизации сельского хозяйства» [17, 93]. В ходе этой кампании был раскручен маховик репрессий, дифференцированы формы изъятия хлеба в деревне: «контрольные цифры» для «кулаков», которых в относительно бедной черноземной деревне искали в угоду спущенным из центра показателям, «самообложение» и «самообязательство» для середняков и «красные обозы» для бедняков. «Массовая работа» во время хлебозаготовок, так же как и по-

литика фаворизации бедноты, была нацелена на раскол деревни, разжигание социального антагонизма для облегчения дальнейшего наступления на деревню.

На хлебозаготовительную кампанию 1929/1930 г. мобилизовался весь партийный и советский аппарат. Деревенские общественные организации приводились «в боевую готовность». На базе общин в августе 1929 г. создавались комиссии содействия хлебозаготовкам. Крестьяне относились к комиссиям негативно, усматривая в этом угрозу разрушения социального мира в деревне: «Нам комиссии не нужны, а если власти нужен хлеб, то пусть она сама берет, а нас травить нечего» [17, 123].

Устанавливался жесткий контроль над рынком, в административные тиски зажимался весь процесс заготовки хлеба. «Хлебные спекулянты и перекупщики» становились на учет в милиции, выявлялись связи между городскими и сельскими торговцами и посредниками. Спекуляция и мешочничество квалифицировались как «вредительство хлебозаготовительным мероприятиям», поэтому сведения о «вредителях» направлялись в ОГПУ [17, 194].

Одной из главных трудностей, с которой столкнулись функционеры во время новой кампании, было создание мифа о поддержке населением хлебозаготовок. Сельские сходы отказывались принимать «контрольную цифру». Крестьяне жаловались, что она разорит крестьянство: «Теперь обратно вернулись к барщине, опять оброк, сам собой не можешь располагать, а все по какому-то плану» [17, 123].

Задание раскладывали подворно, подешаивно и даже подушно. В одном из сел Белгородского района под «план» попал сельский пастух, обязанный сдать излишки по контрактационному договору [17, 307]. Доведенные до отчаяния крестьяне мечтали о «справедливости» продрозверстки: «Вы лучше возьмите все, оставив мне только норму» [17, 279]. Кооперативным организациям в директивах по составлению хлебозаготовительных планов были действительно определены нормы питания для населения и фуражирования скота [17, 320]. В Россошанском округе крестьяне заявляли: «План большой, и мы его не принимаем и вывозить хлеба не будем». При обсуждении плана хлебозаготовок в селе Ломное вдова-беднячка принесла за пазухой кусок хлеба: «Нате вам хлеба, а больше у меня нет» [17, 307а]. Отказывались вывозить хлеб и отдельные колхозы. В Буденновском районе члены колхоза «1 Мая» заявили: «По колено в крови

станем, а хлеб не отдадим» [17, 307а]. В партийные задачи входили локализация бедноты и противопоставление ее сельскому сходу. В Прохоровке Белгородского округа были случаи ухода бедноты с общих сходов [17, 301].

Административный, психологический и финансовый нажим (сельхозналог, пятикратный штраф, самообложение и III заем индустриализации) заставил сдавать хлеб. Крестьянские обозы потянулись на ссыпункты. В агитационный ажиотаж вовлекались даже школьники, создававшие «красные обозы» и вывозившие хлеб со школьных участков [19, 3]. При организации «красных обозов» было много волокиты и путаницы. В Белгородском округе кооперативная организация Союзхлеб имела платную агентуру для создания «красных обозов». В том же округе описывается случай проявления острого негатива к такой организованной сдаче: «...В «Прохоровский Коопхлеб» приехал «красный обоз» — 247 подвод, когда обоз, сопровождаемый гармошкой, скрипкой и балалайкой, прибыл к месту, то к нему подошли пьяные хулиганы и начали бить уполномоченного, швырять камнями в обоз, а служащий Союзхлеба Ермаков кричал: «Бей уполномоченных!» Одного крестьянина порезали» [17, 307а].

В разгар хлебозаготовительной кампании в декабре 1929 г. создавалась полномасштабная система выкачивания ресурсов из деревни. Крестьяне не просто отбрасывались за порог нищеты, за длительный период революционной нестабильности у них, скорее всего, выработался иммунитет на экономические спады, у них выбивалась почва из-под ног, они становились социальными изгоями. Первичные формы протеста фокусировались на низовых проводниках административной политики. Поджоги, угрозы, насилие в их адрес становились показателем отчаянного сопротивления со стороны крестьянства, у которого на глазах разрушался их традиционный образ жизни и подрывались хозяйственные основы. Создавались невыносимые условия для жизни крестьян, попавших в разряд «кулаков», многие бросали имущество и бежали.

В Лискинском районе в 1929 г. появились контрреволюционные листовки, предрекавшие сильный голод в 1932 г.: «Товарищи!

- 1) Крестьяне, не сдавайте хлеб государству, а сберегайте его в укромных местах.
- 2) Весь ваш хлеб идет за границу лишь для того, чтобы укрыться высшим органам от нападения других стран.

- 3) В 1932 г. в России наступит сильный голод, так как сумежные страны заключили договор, чтобы к 1932 г. Россия вывезла 100 000 тонн хлеба...» [17, 126].

В Россосанском округе произошел «наиболее характерный» случай. Священнослужитель согласился выполнить только часть предписанного задания. Когда сельские власти приступили к описи имущества, в селе ударили в набат, сбежалась толпа около 400 человек. С криками «Грабители!» крестьяне вернули отобранный у попа хлеб из ПО и возвратили обратно. Конфликт усугубился нападением на секретаря ячейки. Против вооруженных хлебозаготовителей крестьяне выставили колья. Уполномоченные бежали, переплыли Дон и скрылись. Анализируя случившееся, председатель Округкома всю ответственность за организацию демарша возложил на кулаков, но отметил при этом и главный повод — «искривление линии партии». Уполномоченные облагали хлебозаготовками даже те хозяйства, которые могли быть освобождены, а при выдаче отчислений для бедноты проводили предварительную проверку нуждаемости по амбарам [17, 126].

В информационной сводке о ходе хлебозаготовок по ЦЧО от 5 октября 1929 г. отмечались массовые случаи поддержки беднотой «явно кулацких тенденций»: отказ всем земельным обществом от принятия контрольной цифры, укрывательство хлеба зажиточных крестьян и т.д. В селе Марьино Давыдовского района зам. председателя сельсовета выступил против плана хлебозаготовок с таким заявлением: «Наше правительство своей пятилеткой создает невозможные условия для жизни крестьян» [17, 303].

Тяжелее всего приходилось крестьянам, попавшим в разряд кулаков. Осенью 1929 г. в отдельных местах были созданы невыносимые условия для жизни. В Репьевском районе четыре кулака, узнав о «предназначенном нажиме», оставили имущество и вместе с семьями скрылись неизвестно куда. В селе Дракино Давыдовского района возложенное на кулаков задание по хлебозаготовкам побудило их к социальному бегству: они организовали зерновое товарищество. Очевидно, коллективизация по сравнению с хлебозаготовками была наименьшим злом. Агитации и массовой работе функционеров зажиточные крестьяне противопоставляли свои методы. В Львовском округе кулаки спаивали бедняков и заставляли их голосовать против хлебозаготовок, вели «контрреволюцион-

ную пропаганду»: «Если не прекратится эта бомбардировка, то крестьяне поднимут восстание». В селе Пены бывший эсер Шкурин при обсуждении хлебозаготовительного плана произнес яркую политическую речь: «Граждане, я сын полей. Видно, как худеют крестьянские хозяйства. Крестьянину не дают возможности поднять и расширить свое хозяйство...». Другие крестьяне вторили ему: «Пусть присылают вооруженный отряд и отберут у нас хлеб, а добровольно не отдадим» [17, 307а].

Пассивные методы сопротивления перерастали в открытое проявление негатива. Одной из форм протеста являлись поджоги. Доведенные до отчаяния крестьяне в селе Вознесенке Белгородского округа вывесили объявление: «Расписание пожаров по селу Вознесенке:

- 1) Алексеев С.Н. будет гореть со всех концов 25 октября;
- 2) Громадин И.В. — 24 ноября;
- 3) Громадин А.Ф. — 24 октября;
- 4) Петренко Е. — 15 октября;
- 5) Свеклосюз будет гореть 30 октября.

Просьба вышеуказанных лиц выбраться из помещений к указанным числам.

- 6) Юрченко и Радченко будут гореть на днях. Бандиты – крестьяне» [17, 303об.].

Непосильные хлебозаготовки, административный произвол местного начальства разрушили хрупкий социальный компромисс между властью и крестьянством, существовавший в середине 20-х г. В условиях, близких к массовому психозу, провоцировались самые жестокие и нелепые поступки. В селе Засосне Острогожского округа произошел вопиющий случай: крестьянина-бедняка уличили в спекуляции хлебными излишками. Комиссия содействия вместе с милиционером Чертковым обнаружила 59 пудов хлеба, из которых 17 было отложено на посев, а остальное предназначалось для пропитания семьи из 4-х человек. Не вникая в доводы, милиционер потребовал сдачи хлеба. Возмущенный крестьянин схватил топор: «Я скорее порублю себя на части, но не допущу отбора хлеба». Сообщив о происшедшем в район, милиционер получил санкцию и подкрепление для ареста Пономарева. Народный следователь и два милиционера дежурили у дома бедняка, когда вечером он вернулся домой. Милиционер Чертков приказал поднять руки и с поднятыми вверх руками идти в сельсовет. По дороге в сельсовет безоружный крестьянин опустил

руки. Чертков стал кричать, что будет стрелять, если он не поднимет рук. «Ну, стреляй», — среагировал Пономарев. Милиционер выстрелил и убил его... Примечательно, что райком оставил этот случай без внимания, но крестьянское возмущение дошло до Окружкома, который назначил расследование и снял секретаря райкома [17, 304].

По данным ОГПУ, в Центрально-Черноземной области с 1 января до середины декабря 1929 г. состоялось 94 массовых выступления. Самыми яркими были события 30 октября — 3 ноября 1929 г. в Ивнянском районе Белгородского округа, в эпицентре оказались села Новенькое, Федчевка и Песчаное с более 17 тысячами участников, называвших свои действия «восстанием». На их подавление прибыли вооруженные отряды коммунистов. Член бюро обкома ВКП(б) А.Г. Ремейко констатировал: «Мы имеем... единый фронт в деревне». Такой вывод П.В. Загоровский считает очень важным для оценивания расстановки противоборствующих сил [20, 43]. Поэтому трудно согласиться с ОГПУ, идентифицирующим массовые выступления как одну из «форм антисоветской активности кулачества» [11, 919]. По сведениям ОГПУ, наибольшее количество выступлений возникало в связи с хлебозаготовками, на втором месте были конфликты на религиозной почве, на третьем месте — продовольственные затруднения.

За первые полгода 1929 г. в ЦЧО произошло 313 актов насилия со стороны крестьян. Пик борьбы крестьянства с властью пришелся на вторую половину 1929 г. В докладной записке Секретно-оперативного отдела ОГПУ отмечалось, что истекший 1929 г. «характеризуется бешеным сопротивлением наших классовых врагов» [11, 1016].

Таким образом, в конце 20-х гг. с изменением социально-политической ситуации резко осложнились взаимоотношения крестьянства и власти. Стремление превратить деревню в придаток индустриального государства встретило крестьянский отпор. Центральной проблемой, на которой фокусировалось крестьянское недовольство, были хлебозаготовки, превратившиеся в настоящий хлебозаготовительный фронт. Для широкомасштабного выкачивания средств из деревни использовались финансовые, агитационные и административные ресурсы. Раскручиваемый репрессивный механизм не мог наносить точечные удары, в его поле действия неминуемо

попадали все крестьяне. Власть делала ставку на раскол деревни, фаворитизацию бедноты и изоляцию «кулаков». При этом понятие «кулак» было относительным, в условиях бедной черноземной деревни имело скорее политический, нежели экономический смысл. Миф о «кулаке» был необходим для воздействия на основных поставщиков хлеба — середняков. Создание социальной базы на селе из сельских пролетариев в 1929 г. стало под-

крепляться иллюзией добровольности сотрудничества с властью. С этой целью был задействован общинный механизм. Несмотря на сопротивление со стороны крестьян власти, последней удалось расколоть деревню. Очевидно, без опоры на поощряемую льготами бедноту и сельских коммунистов, выходцев из крестьянской среды, проводить широкомасштабные кампании в деревне было просто невозможно.

Примечания

1. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1947.
2. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1985.
3. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2036.
4. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1852.
5. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 197.
6. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2109.
7. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 43.
8. Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Новосибирск, 2006. С. 243.
9. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1892.
10. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 282.
11. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Т. 2.
12. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 33.
13. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 50.
14. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 122.
15. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 98.
16. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 206.
17. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 214.
18. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 218.
19. Орловская правда. 19 сентября 1929 г.
20. Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 43.

I.V.Goncharova

THE END OF 20s: GRAIN PROCUREMENTS AND NEW ECONOMIC POLICE TERMINATION IN CENTRAL CHERNOZEMYE

This article tell us about the process of grain procurements in Central Chernozemye of 1927-1929. Here, the methods of government policy and s regional practice of grain removal are regarded. Besides, we analyse the government strategy, aimed at country dissidence, peasantry attitude to that and the scales of their opposition. At the end of the article we arise the problem of this antipeasantry policy implementation in countryside.

The key-words: **grain procurements, government, peasantry, Central Chernozemye, agricultural tax.**

*А.А. НИКУЛИН, аспирант кафедры
всеобщей истории
Орловского государственного университета*

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВОЙНЫ В ИРАКЕ НА ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Данная статья посвящена тем негативным последствиям в области безопасности, к которым привело участие Великобритании в войне в Ираке. В работе автор указывает на основные причины, приведшие к атакам террористов на подданных Соединённого Королевства, а также на британских военных. Здесь также даётся анализ антитеррористических мер, предпринятых правительством Тони Блэра.

Ключевые слова: Ирак, Тони Блэр, безопасность, международный терроризм, заложники.

7 июля 2005 г. Эта дата навсегда войдёт в историю Британии как дата начала новой эпохи в жизни страны, которая оказалась под угрозой атак террористов, причём воспитанных в британском обществе. Терракты в Лондоне стали самыми кровавыми в истории страны, даже ИРА (Ирландская республиканская армия — подпольная террористическая группировка, добивавшаяся силовыми методами присоединения Северной Ирландии к Республике Ирландия. — А.Н.) не могла нанести такой серьёзный урон Британии и британцам, заставив их жить в ежеминутном страхе за свою жизнь. Так что же привело к такому положению дел? Как спокойная жизнь миллионов британцев оказалась под угрозой? Каковы последствия терактов в Лондоне? Почему атаки на своих сограждан совершили мусульмане, родившиеся в Великобритании? Что ждёт британцев в будущем? Попытка ответить на эти и другие вопросы будет предпринята в данной статье.

Участие Великобритании в агрессии против Ирака должно было стать серьёзной проверкой для служб безопасности Соединённого Королевства. События 2003 г., когда войска США и Великобритании переступили границу Ирака, а затем свергли правивший в этой стране режим Саддама Хусейна, который довольно успешно сдерживал проникновение разного рода экстремистских группировок на территорию страны, положили начало новой эпохе в борьбе с международным терроризмом. Ирак со времени вторжения и падения Хусейна стал в силу своего выгодного геополитического положения очень привлекательным для действия подпольных незаконных группировок, которые наводнили страну, невзирая на присутствие там войск коалиции. Преступники разных мастей стали использовать разорение, царившее в Ираке, в своих корыстных целях. Но самым страшным и неожиданным для англо-американских войск и их союзников стало не только то, что последние приверженцы Саддама продолжали борьбу с войсками оккупантов, пытаясь вернуть власть, а то, что в Ираке появились ячейки «Аль-Каиды» и ряд других агрессивных террористических группировок, которые не гнушались ни взрывами и убийствами мирных граждан, ни похищением заложников-иностранцев. Зародился новый выгодный бизнес.

В Британии вся страна следила за судьбой Кеннета Бигли — британского инженера, похищенного 16 сентября 2004 г. в Ираке вместе с американскими коллегами боевиками группировки «Джамаат ат-Таухид валь Джихад». Террористы требовали немедленного освобождения всех иракских женщин из американских тюрем. Несмотря на то, что это требование было заранее невыполнимым, Пол Бигли — брат похищенного — просил Тони Блэра убедить Джорджа Буша пойти на уступки террористам. Он даже заявлял, что знает о готовности иракских судебных властей к такому шагу, но американское военное и политическое руководство не хотело об этом даже слышать. Американских товарищей Бигли практически сразу же казнили, т.к. их правительство не хотело идти на контакт с террористами. Британское же правительство во всеуслышание заявляло о том, что сделает всё возможное для того, чтобы выволить подданного Британской Короны из иракского плена, хотя в Интернете появилось видеообращение заложника, который говорил, что Блэр не делает ровным счётом ничего для его спасения, и просил выполнить все требования террористов¹. Об этом же заявляли и родственники заложника, которые без устали критиковали Блэра за нежелание помочь пленнику². Пол Бигли говорил о том, что руки Блэра будут в крови, если террористы обезглавят его брата³. Однажды Кеннет Бигли предпринял попытку бежать — это случилось незадолго до последующих трагических событий. Побег оказался неудачным. Кеннет Бигли был обезглавлен 8 октября. Общественное мнение в Великобритании было склонно обвинять в его гибели Тони Блэра, который, как считалось, сделал слишком мало для спасения соотечественника. Известие о гибели Бигли привело к массовым акциям протеста в Лондоне с требованием вывода британского контингента из Ирака. Но Блэр не внял мольбам общественности, несмотря на то, что Пол Бигли обвинил именно Блэра в смерти своего брата.

Кеннетом Бигли похищение британских подданных в Ираке не закончилось. За ним последовала Маргарет Хасан, которая возглавляла Иракский филиал международной гуманитарной организации Care International. Хасан родилась в Великобритании, но больше тридцати лет прожила в Ираке, имея английское, иракское и ирландское гражданство. Похищение произошло в Багдаде 19 октября 2004 — менее чем через две недели после казни Бигли. Похитители гро-

зились передать пленницу группировке «Каида аль-Джихад в Ираке», во главе которой находился террорист № 2 после Бен Ладена, Абу Мусаб аз-Заркауи. Требования у боевиков были стандартными — вывод всех оккупационных войск с территории Ирака и освобождение всех иракских женщин-заклужённых. Как и в случае с Бигли, Хасан сделала обращение к британскому правительству с просьбой выполнить требования боевиков, в противном случае её ожидала судьба Кеннета Бигли. Следует отметить, что и Хасан, и Бигли были абсолютно мирными гражданами и не имели никакого отношения к вторжению в Ирак.

Организация Care International, которой руководила Хасан, занималась восстановлением и ремонтом канализационных систем и систем водоснабжения. Вскоре появилось повторное обращение, в котором Хасан вновь просила выполнить требования террористов, однако руководство британского правительства во главе с Блэром и министерство обороны Соединённого Королевства не сделали и не думали делать аналогичных шагов. Блэр, конечно же, делал подбавляющие заявления о том, что правительство всеми силами пытается выволить пленницу, но дальше голословных утверждений не шло. Британский премьер при этом постоянно подчёркивал, что похищение свидетельствует о том, с какими опасными силами приходится иметь дело войскам коалиции в Ираке. В самом Ираке проходили акции протеста местных жителей с требованием освобождения заложницы, которая сделала очень много для мирных иракских жителей за все годы своей работы в этой стране. Судьба Маргарет Хасан оказалась не менее печальной, чем участь Кенка Бигли, — её также казнили спустя более чем год плена. Это вызвало новую бурю возмущения не только по всей Великобритании, но и по всему миру, включая сам Ирак и другие арабские страны, осудившие очередное преступление террористов против мирных граждан. Родственники Хасан также обвинили в смерти заложницы правительство Великобритании, которое отказалось идти на прямые переговоры с похитителями, потребовавшими в дальнейшем 10 млн. долларов выкупа⁴.

Но самый серьёзный удар по системе безопасности Великобритании был нанесён 7 июля 2005 г., когда в разных частях Лондона практически одновременно прогремели взрывы, унесшие жизни более пятидесяти человек и ранившие около 700. Жизнь британцев переменилась.

В те дни Великобритания принимала саммит «большой восьмёрки», который проходил в шотландском Глениглсе. Музыканты из разных стран приурочили к встрече в верхах акцию «Сделаем бедность историей», целью которой было стремление убедить лидеров ведущих держав мира принять меры по борьбе с нищетой в разных частях земного шара, прежде всего в Африке. За день до терактов Лондон обошёл Париж в споре за право принять летние Олимпийские игры 2012 г. В общем, на Туманном Альбионе царило радостное и приподнятое настроение, и даже демонстрации антиглобалистов не могли его испортить. Основные силы полиции и спецслужб были стянуты именно в Шотландию. Позднее британская разведка и Скотленд-Ярд заявляли о том, что они обладали информацией о готовящихся терактах, но предполагали, что мишенями станут главы государств G-8. Возможно, на это и рассчитывали террористы, добившись того, что Лондон остался незащищённым. До июльских событий последний теракт в британской столице произошёл в 1996 г. Новыми жертвами террористов стали не только британцы. От рук убийц погибли граждане Австралии, Сьерра-Леоне, Кения, Португалии и Польши.

Тем не менее британская полиция, не сумев предотвратить теракты, сработала оперативно в другом плане, а именно в вопросе поимки террористов. Как отмечает газета «Время новостей»: «Уже через три недели (после терактов. — А.Н.) людям были предъявлены подозреваемые, потом обвиняемые. С лицами, городами проживания, историей их жизни»⁵. Такой быстрой поимке преступников способствовал тот факт, что Лондон напичкан камерами видеонаблюдения, которые не помогли предотвратить теракты, но серьёзно способствовали поиску и поимке преступников.

Так кто же они, лица, совершившие самый чудовищный теракт в истории современной Британии? К ужасу британского общества, это иммигранты во втором поколении, т.е. те люди, которые были рождены и воспитаны уже на территории Великобритании. Они так и не приняли ценностей демократического общества Соединённого Королевства. Теракты в Лондоне породили серьёзный диалог по поводу гордости британцев — мультикультурализма. Теракты показали всю безуспешность политики по интеграции иммигрантов в традиционное европейское общество. За несколько месяцев до событий в Лондоне по всей Франции горели

автомобили, устраивались массовые погромы, организаторами которых опять же были радикально настроенные иммигранты из арабских стран.

Как отмечает директор Программы по иммиграции и национальной безопасности Центра имени Никсона Роберт Лейкен: «Сети джихадистов раскинулись по всей Европе — от Польши до Португалии — благодаря распространению радикального ислама среди потомков гастарбайтеров, которых вербовали когда-то для поддержания экономического чуда в послевоенной Европе»⁶. И далее он продолжает: «...в дымных кофейнях Роттердама и Копенгагена, в импровизированных молельнях Гамбурга и Брюсселя, в лавках исламистской литературы в Бирмингеме и «Лондонистане», в тюрьмах Мадрида, Милана и Марселя иммигранты или их потомки записываются добровольцами на священную войну против Запада — джихад»⁷. Вообще, рассматривая статью Лейкена, можно обнаружить в ней антиисламский дух. Он, безусловно, сгущает краски, но и рациональное зерно в его утверждениях есть. Политика мультикультурализма оказалась, мягко говоря, не слишком успешной, но всё же причин для её свёртывания нет.

Теракты в Лондоне вынудили правящую лейбористскую партию начать серию переговоров с представителями оппозиции по выработке совместных и адекватных антитеррористических мер. Прошли встречи министра внутренних дел Чарльза Кларка с «теневыми» министрами — консерватором Дэвидом Дэвисом и либерал-демократом Марком Оутеном. Разговоры о необходимости внесения поправок и об изменении действовавшего антитеррористического законодательства велись ещё до терактов 7 июля, особенно после того, как 11 сентября 2001 г. «Аль-Каида» совершила теракты в США, показав уязвимость даже такой сверхдержавы. После тех событий британское правительство приняло Акт об антитерроризме, срок действия которого истек в марте 2005 г. Старый закон предусматривал возможность задержания подозреваемых в терроризме иностранных граждан на неопределённый срок. Палата лордов заявила о том, что данная часть закона напрямую нарушает права человека.

Новый «Билль о предотвращении терроризма» британское правительство предложило за два месяца до всеобщих парламентских выборов, намереваясь сделать террористическую угрозу основной темой своей предвыборной

платформы. Билль предусматривал, что «контрольные ордера», предписывающие ограничение тех или иных свобод подозреваемого, могут быть предъявлены как иностранному гражданину, так и британцу»⁸. Законопроектом чётко определялся и перечень ограничительных мер. Он включал в себя не только незначительные ограничения, например запрет на пользование телефоном или Интернетом, но и более суровые наказания вплоть до домашнего ареста. Основные дискуссии в парламенте вызвало положение о возможности министерством внутренних дел самостоятельно принимать решения по вопросам задержания, в обход судебных органов. Эта поправка не пользовалась полной поддержкой даже в рядах ЛПВ. В ходе голосования по законопроекту во втором чтении 32 депутата-лейбориста, среди которых было семь бывших членов кабинета министров, высказались против⁹. Комитет палаты общин по правам человека заявил, что билль противоречит Европейской конвенции прав человека, а новый прецедент нарушал бы права, заложенные ещё в 1679 г. в Habeas Corpus Act — документе, который и по сей день является основным в Великобритании в деле обеспечения прав и свобод подданных. Опасаясь провала законопроекта, министерство внутренних дел заявило, что готово передать судьям право первыми принимать решение о домашнем аресте, но в то же время намеревается наделить полицейские службы особыми полномочиями в деле борьбы с терроризмом.

Британский кабинет министров предложил принять четыре принципиальные поправки к законодательству по борьбе с терроризмом. Правительство намеревалось покончить с практикой, по которой террористические организации, запрещённые в стране, в случае изменения названия могли избежать уголовного преследования. По мнению правительства, необходимо было поставить вне закона любые формы участия в обучении терроризму как в Великобритании, так и за её пределами; в качестве подготовки к террористическим актам должно рассматриваться размещение в Интернете инструкций по изготовлению взрывных устройств; косвенное подстрекательство к терроризму также должно считаться преступным¹⁰. Последний пункт связан с пропагандой экстремизма и воспеванием террористов-смертников в британских мечетях.

В общем и целом оппозиция поддержала предложения правящей партии, но с определёнными

оговорками. Консерваторы хотели бы уточнить законодательную базу обвинения в борьбе с терроризмом в плане использования материалов прослушивания телефонов. В свою очередь либерал-демократы требовали более точной дефиниции понятия «косвенное подстрекательство».

Влиятельная британская общественная организация Королевский институт международных отношений, известный как «Чэтем-хаус», в своём докладе говорила о том, что участие Лондона в войнах в Афганистане и Ираке сделало Великобританию более подверженной атакам со стороны террористов. По мнению сотрудников института, авторов доклада, Лондон недооценил возможности «Аль-Каиды» и опасность, исходящую от неё, позволяя террористам заниматься вербовкой кадров и средств, в т.ч. и на территории Соединённого Королевства. В докладе говорилось, что уже с середины 1990-х гг. «... Лондон всё чаще использовался как база для тех, кто занимался планированием и финансированием терактов»¹¹. Сторонники британского премьер-министра Тони Блэра встали на его защиту с заявлениями о том, что терроризм является общемировым явлением и Великобритания сталкивается и борется с ним не в одиночку. В то же время утверждалось, что даже те страны, которые не поддержали войну в Ираке, также подверглись массированным атакам со стороны террористов. В качестве примера здесь приводилась Турция.

В ноябре 2005 г. в палату лордов был внесён новый законопроект, направленный на борьбу с терроризмом. Он предусматривал продление срока задержания подозреваемых в терроризме без предъявления обвинения с 14 до 90 дней. Правительство при обсуждении этой поправки потерпело поражение. Даже 49 депутатов-лейбористов высказались против нее. Единственное, чего удалось добиться Блэру, — это двадцативосьмидневный срок заключения без предъявления обвинения. Оппозиция тут же начала требовать отставки премьер-министра, а внутри лейбористской партии стали звучать лозунги о необходимости уделять больше внимания первоочередным вопросам внутренней политики — здравоохранению и образованию.

Теракты породили и целую серию других обсуждений в плане изменения законодательства Британии. Так, пацифистам и либералам теперь было необходимо искать новые основания, чтобы противиться принятию более жёстких зако-

нопроектов. Разразился спор и вокруг идентификационных карт, правительство было вынуждено пойти на введение биометрических паспортов, чтобы избежать мошенничества с идентификационными картами.

Конечно, законодательная база в борьбе с терроризмом имеет очень важное, если не определяющее, значение, но всё же не следует упускать из виду и другие факторы. Очень важной в плане понимания позиции Великобритании по вопросам борьбы с терроризмом международного масштаба является написанная Тони Блэром статья под названием «Битва за глобальные ценности»¹². Как писал британский премьер-министр: «Нам не выиграть кампанию против глобального экстремизма, не доказав, что мы превосходим его не только по своей мощи, но и с точки зрения ценностных ориентиров». И далее Блэр утверждал, что цивилизованный мир сможет победить, «только показав всему миру, что наши ценности имеют качественное преимущество по сравнению с альтернативными ценностями, и продемонстрировав наше беспристрастное и открытое стремление сделать их общедоступными»¹³. Безусловно, англосаксонская культура обладает широким набором разных демократических ценностей, которым можно подражать и которые можно перенять, но не стоит забывать о том, что исламская и другие культуры также не лишены ценностных ориентиров и европейцам и жителям других христианских стран следовало бы многому у них поучиться. Обмен опытом, взаимоуважение и взаимодополняемость культур могли бы стать той спасительной соломинкой, которая бы помогла преодолеть столкновение цивилизаций и не привести в конечном итоге к общемировому открытому конфликту по линии Север—Юг (или по линии Восток—Запад). Блэр не упомянул в своей статье о том, что же стало реальной причиной гибели под бомбами цивилизованного Запада сотен и тысяч мирных граждан в Ираке, Югославии, Афганистане. Просто человеку, потерявшему семью, не объяснишь, что это продиктовано гуманитарными соображениями и делается в его интересах. К сожалению, политики часто не думают о последствиях своих действий.

Англо-американские агрессивные действия в Афганистане и Ираке настроили против «цивилизованного» Запада практически весь исламский мир. Правда, следует согласиться с Блэром в том, что теракты 11 сентября 2001 г. в США не являются следствием вторжения в Афганис-

тан и Ирак, т.к. они произошли до указанных событий. Из этого следует, что международный экстремизм был распространён задолго до оккупации Ирака и Афганистана войсками коалиции. Но всё же безусловным является тот факт, что агрессивные действия США и их союзников, среди которых наиболее ярко выделялась Великобритания, привели к резкому всплеску международного терроризма. И следует напомнить, что та же «Аль-Каида» была вскормлена на американские деньги, чтобы бороться с СССР в арабском мире.

Нельзя не упомянуть о том, что Блэра неоднократно предупреждали о негативных последствиях его агрессивных действий в Ираке и Афганистане. Так, член палаты общин и ярый противник военных кампаний Блэра Джордж Гэллуэй предупреждал его, что лондонцы заплатят цену за решение Блэра идти войной на Ирак и Афганистан. Не только пацифисты отговаривали Блэра от участия в военных авантюрах США. Как отмечает английская газета «Independent»: «В 2003 г. парламентский комитет по разведке и безопасности раскрыл информацию о том, что за пять недель до начала войны в Ираке Блэр был предупреждён Совместным разведывательным комитетом о том, что «Аль-Каида» и связанные с ней группы продолжают представлять серьёзнейшую террористическую угрозу западным интересам и эта угроза только увеличится в результате военной акции (в Ираке)»¹⁴.

В той же статье «Битва за глобальные ценности» Блэр пытается сделать реверанс в адрес исламской культуры, указывая на то важное значение, которое сыграл Коран в деле просвещения и духовного обогащения людей. В то же время он связывает всплеск терроризма с годами отчуждения, гонений и политических преследований в арабском и мусульманском мире, а не с действиями его страны в Ираке¹⁵.

Тем не менее надо отдать должное британскому премьеру в том, что к моменту, когда ему пришлось уйти в отставку (2007 г.), он начал постепенно осознавать, насколько важно бороться с общемировой бедностью, деградацией окружающей среды, социальным неравенством, чтобы предотвратить появление террористов всех мастей. Блэр отмечал, что мусульмане хотят того же, что и все люди, а именно жить в свободном, счастливом, безопасном мире. Британский премьер задаётся вопросом о том, почему до сих пор нет успеха в политике мультикультурализма, и видит ответ в недостаточности энергичных усилий.

Как пишет российский исследователь А.А. Громыко, после лондонских терактов в Соединённом Королевстве со всей остротой встал вопрос о том, что же всё-таки такое «британская нация, как соотносятся интеграция и ассимиляция, жизнеспособна ли концепция мультикультурализма»¹⁶. И далее он приводит данные о том, что ещё в 2002 г. девять из десяти жителей Туманного Альбиона считали, что британец не обязательно должен иметь белый цвет кожи, а четыре из пяти говорили о необходимости уважения прав этнических меньшинств¹⁷.

Блэр, вместе с американским президентом Бушем затеяв войну в Ираке, подвергли население своих стран опасности со стороны террористических организаций. Как отмечала на следующий день после терактов в Лондоне влиятельная британская газета «Independent»: «Триумф (выигрыш Лондоном права на проведение Олимпийских игр—2012. — А.Н.), превратившийся вчера в трагедию, стал страшным напоминанием о том, что тень Ирака до сих пор висит над Тони Блэром»¹⁸.

В 2007 г. Блэр покинул пост премьер-министра Британии, но война в Ираке не закончилась, а угроза терроризма никуда не исчезла. В ходе перестановок в правительстве, когда в премьерское кресло после долгих лет ожидания должен был сесть Гордон Браун, поступили сообщения о том, что британские спецслужбы сумели предотвратить новые теракты в Лондоне, а также в Глазго. Как отмечает А.А. Терентьев, «...выбор Глазго отнюдь не случаен — это вызов террористов новому премьеру, который является уроженцем Шотландии»¹⁹. Правда, здесь правительство отреагировало очень оперативно, повысив на время уровень угрозы до критического, а правительственный комитет «Кобра», который собирается в чрезвычайных условиях, заседал практически ежедневно. А.А. Терентьев так

же подчёркивает важность того, что понятие «война с терроризмом» исчезло из официального лексикона, а люди, совершившие теракты в Лондоне, рассматриваются как уголовные преступники²⁰. Из этого можно сделать вывод, что Британия будет бороться с терроризмом не только военными методами. Ещё в 2006 г. Браун, тогда ещё министр финансов, говорил о необходимости использовать все имеющиеся средства, чтобы положить конец международному терроризму, — военные, экономические, культурные.

Агрессия против Ирака, непродуманная политика государств т.н. «золотого миллиарда» в отношении исламских стран привели к печальным последствиям. Британцы, любившие спокойную и размеренную жизнь, бывшие уверенными в своей полной безопасности, ещё многие годы будут вынуждены озираться по сторонам, боясь стать жертвой терактов, и выискивать в каждом человеке мусульманской внешности потенциального террориста. Как справедливо отметил А.А. Громыко: «У британцев теперь появились свои «лица кавказской национальности» — мусульмане»²¹. Но нельзя хоронить мультикультурализм. Атмосфера подозрительности в британском обществе рано или поздно пройдёт, а уж кому, как не жителям страны, которая когда-то была крупнейшей империей в мире, над которой никогда не заходило солнце, знать, каким образом наводить мосты и интегрировать в общество представителей различных национальностей, религий и культур. Безусловно, британское общество не скоро оправится от последствий терактов, но это так или иначе произойдёт. И тогда в общепринятый оборот вернётся понятие «британская нация», которое включает в себя не только то, что в политической науке называется WASP (White Anglo-Saxon Protestant), но и всех тех иммигрантов, которые интегрировались в британское общество.

Примечания

1 The Times, 23 September 2004.

2 The Times, 29 September 2004.

3 The Times, 27 September 2004.

4 The Times, 5 June 2006.

5 Бабаева С. Год активного Блэра//Время новостей. — 2005. — 29 декабря.

6 Лейкен Р. Разгневанные мусульмане Европы//Россия в глобальной политике. — 2005. — № 6. — С. 90.

7 Там же.

8 Время новостей. — 2005. — 1 марта.

9 Там же.

10 Там же. — 2005. — 19 июля.

11 Там же.

12 Блэр Т. Битва за глобальные ценности//Россия в глобальной политике. — 2007. — № 1. — С. 14.

13 Там же.

14 The Independent, 8 July 2005.

15 Блэр Т. Указ. соч. С.20.

16 Громыко А.А. Великобритания: после захода солнца//Россия в глобальной политике. — 2005. — № 6. — С.23.

17 Там же.

18 The Independent. 2005, 8 July.

19 Терентьев А.А. Гордон Браун: моралист у власти//Россия в глобальной политике. — 2007. — № 4. — С. 102.

20 Там же.

21 Громыко А.А. Указ. соч. С. 23.

Nikulin A.A.

«To the Question of the Influence Exercised by the War in Iraq on the Problems Concerning the National Security of Great Britain».

This article is devoted to the negative consequences in the sphere of security, caused by the British participation in the War in Iraq. In this work the author points out the main reasons, which had lead to the terrorist attacks against the British subjects and also the British militaries. Here there is an analysis of measures taken by the Tony Blair's government against the international terrorism.

Key words: **Iraq, Tony Blair, security, international terrorism, hostages.**

*О.О. ФЕДОРОВА, аспирант кафедры всеобщей истории
Орловского государственного университета*

ГЕРМАНИЯ В 90-е гг. XX СТОЛЕТИЯ: ТРУДНОСТИ ПОСТОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье рассматриваются сложные, противоречивые экономические и социально-политические процессы в современной Германии после объединения. Автор убедительно показывает, что надежды немцев к восстановлению единства нации в итоге переросли в противостояние «весси» (западные немцы) и «осси» (восточные немцы) не только на идеологическом и экономическом уровне, но и в повседневной жизни.

Ключевые слова: объединительный процесс, «весси», «осси», приватизация, социальная помощь, «старые земли».

Одной из наиболее актуальных тем современной германистики и социально-экономической истории объединенной Европы являются проблемы, связанные с итогами объединения двух германских государств в 90-е гг. XX в. Историки и современники этого глобального процесса с неослабевающим вниманием наблюдают за процессами, происходящими в новой Германии.

3 октября 1990 г., спустя 40 лет независимого существования, Германская Демократическая Республика вошла в состав Федеративной Республики Германия. Кажется, немцы вновь стали единой нацией, а те немногочисленные проблемы, что еще существовали, будут легко и быстро разрешены. По крайней мере, так думало большинство людей осенью 1990 г.

Однако очень скоро реалии социально-экономической действительности притушили первоначальный энтузиазм немцев. «Половина Германии сидит теперь на диване и дуется», — заметил по этому поводу один журналист¹. Никто не предполагал, что путь к единству окажется столь тяжелым, потребует больших жертв и огромных затрат. Перед страной стояла задача определить свою роль на международной арене и разобраться в своих внутренних делах.

Внезапное исчезновение ГДР с политической карты Европы побудило некоторых отечественных авторов проводить параллели с исчезновением Атлантиды². Г. Коля и правящие круги Западной Германии злоупотребили тем доверием, которое было им оказано восточными немцами на выборах 18 марта 1990 года. Действительность в Восточной Германии, особенно в первые годы после ее присоединения к ФРГ, в корне противоречила нормальной логике. Политика правительства Г. Коля в отношении пяти новых земель по существу представляла собой политику в отношении побежденного и оккупированного враждебного государства. Всего за три года после аншлюса промышленное производство бывшей ГДР сократилось на две трети. Аналогичные разрушительные процессы наблюдались и в других областях. Практическая политика правительства Г. Коля в отношении пяти новых земель являла собой по сути полную ликвидацию существовавших в ГДР экономических, общественно-политических, социальных и культурных структур и устоев.

Для смягчения положения на рынке труда в восточных землях был принят ряд экстренных мер: значительное число людей было досрочно отправлено на пенсию, развернута

широкая сеть центров по перекалфикации и по обучению новым профессиям, организованы разного рода временные работы³. Тем не менее в пяти новых землях возникли целые населенные пункты, где все взрослые не имели работы⁴. Многие немцы с востока страны вынуждены были в поисках работы переезжать на запад. Что же касается тех, кто остался, то они во все большей степени впадали в зависимость от государственной помощи и оценивали свое будущее все более мрачно.

В новых условиях прибывшие с запада специалисты и по своим знаниям, и по навыкам работы, и по деловым связям во многих случаях обладали преимуществами перед своими восточногерманскими коллегами. Это была целенаправленная политика правительства, которая позволяла западным немцам одерживать верх в соревновании и обеспечивать себе руководящие должности во многих сферах.

В бывшей ГДР сменилась вся система социальных приоритетов. В одночасье рухнула иерархическая лестница. Высшие и средние государственные служащие, представители партийной и профсоюзной номенклатуры, офицеры Национальной народной армии (ННА) были отправлены на пенсию или остались без работы. Такая же судьба постигла и представителей профессорско-преподавательского состава, деятелей искусства и культуры, большинство из которых были связаны с партийными и государственными структурами ГДР. Из этой категории лиц смогли сохранить прежнюю работу считанные единицы. К примеру, из многочисленного офицерского корпуса ННА с ходу были уволены на пенсию более 70 %, а к концу 90-х гг. на службе в бундсверре бывшие служащие ННА насчитывали от силы около тысячи человек. Из тысячи бывших дипломатов ГДР в систему МИД ФРГ были приняты только 23 сотрудника, совсем молодые люди «без прошлого»⁵.

В новой ФРГ в отношении восточногерманских коммунистов проводился жесткий курс по недопущению на службу в федеральные и местные учреждения и по ограничению их общественной деятельности⁶. Устройство этих людей на работу в частные фирмы являлось крайне проблематичным. Эта категория лиц подвергалась дискриминации и в других отношениях, в частности в пенсионном обеспечении, так как для них были установлены «штрафные пенсии». Многие из прежних дипломатов и представителей других престижных специальностей вынуждены были зарабатывать на жизнь в качестве продавцов, водителей такси, мойщиков автомашин. Репрессивные меры и меры по компрометации политиков и чиновников, при-

частных к деятельности органов государственной безопасности, а также ограничения служебной и общественной деятельности бывших функционеров СЕПГ и государственных служащих ГДР гармонично вписывались в общую тенденцию вытеснения восточногерманской элиты не только с ключевых позиций в государстве, но и вообще к устраниению от активной политической деятельности.

Характерно, что в Федеративной Республике Германия бесследно исчезли с политической сцены почти все лидеры гражданских движений ГДР, сыгравшие столь заметную роль в объединении страны. Восточногерманские политики оказывали все меньшее влияние на судьбу собственной страны. Объединение Германии стало в какой-то степени точкой отсчета начала политических преследований. После объединения в СМИ звучали жесткие обвинения: «ГДР была государством, которое функционировало аналогично немецкому фашизму»⁷. Для обоснования такой теории нужно было сделать руководителей ГДР чуть ли не уголовными преступниками. Лидер восточногерманских коммунистов Э. Кренц вспоминает: «С 1991 года я часто задерживался прокуратурой, без повода проводились обыски в квартире у меня и у членов моей семьи. Меня взяли на полицейский контроль, как уголовника. Я находился под постоянным надзором полиции, много лет не имел паспорта, соответственно не только не имел права выезжать за пределы страны, но мог находиться лишь в черте Берлина»⁸. Дело против него с самого начала носило явно политический характер, хотя официально Кренцу поставили в вину «соучастие в убийстве четырех беженцев из ГДР» на том основании, что его подпись стояла под документами, определяющими пограничный режим. Процесс против Кренца, продолжавшийся свыше 100 дней, начался в 1995 году. Он закончился обвинительным заключением 25 августа 1997 года⁹. Приговаривая его к тюремному наказанию, суд ФРГ как бы рассчитался за все провинности руководства социалистической Германии. В декабре 2003 года он досрочно был освобожден из знаменитой тюрьмы в Плетцензее, отсидев половину из отпущенных ему 6,5 года заключения¹⁰.

Подобная ситуация вызывала острое недовольство коренных восточных немцев, считавших, что тем самым идет закрепление за Восточной Германией роли глубокой периферии, осуществляется их колонизация западными немцами, которых подчас даже сравнивали с оккупантами, пришедшими на смену русским. Причем режим последних считался гораздо менее жестким¹¹. Известный западногерманский исто-

рик Арнульф Баринг в 1992 году уверял восточных немцев: «Кто-то называет себя юристом, экономистом, педагогом, психологом, социологом или даже врачом, инженером — но это абсолютно ничего не значит. Их знания во многом бесполезны...Люди там превратились в основном в говорящих по-немецки поляков»¹².

Надежды властей ФРГ, фактически «купившей с потрохами» ГДР, взявшей на себя абсолютно все заботы по «восстановлению ослабленных коммунистическим строем» восточногерманских земель и вложившей за эти годы в развитие бывшей ГДР огромные средства, не оправдывались¹³. Восточные земли развивались чрезвычайно медленно. Молодые специалисты предпочитали уезжать из восточных земель за рубеж. При этом почти половина огромных трансфертов была потрачена на социальную помощь, а это приучило население бывшей ГДР к подобному порядку вещей.

Приватизация государственных предприятий бывшей ГДР, которая первоначально была задумана как перевод их на рельсы рыночного хозяйства, на деле обернулась их ликвидацией. Она дала лишь отрицательный эффект. Чтобы владеть ситуацией, западные немцы создали на территории бывшей ГДР «Ведомство по опеке над государственным имуществом», которое сразу же превратилось в крупнейшего в мире предпринимателя, контролирующего 9000 компаний, около двух миллионов гектаров земельных и двух миллионов гектаров лесных угодий¹⁴. Оно должно было приватизировать все, что было возможно приватизировать, и закрыть все остальное. Деятельность «Ведомства» казалась восточным немцам чрезвычайно подозрительной, поскольку все их национальное достояние на глазах распродавалось по бросовым ценам, а сами они превращались в граждан второго сорта. Все чаще можно было слышать: «Мы чувствуем себя подмятыми под Запад»¹⁵.

Ежегодные расходы на финансирование ГДР составляли от 150 до 200 миллиардов немецких марок, то есть примерно стоимость 5% внутреннего валового продукта «старых земель». За десятилетие в качестве «взноса солидарности» пять новых земель поглотили астрономическую сумму в два триллиона немецких марок¹⁶. Экономический эффект оказался незначительным.

Население старых федеральных земель надеялось, что объединение никак не повлияет на привычный уклад жизни. Несмотря на то, что жителям многих западногерманских городов, особенно бывших приграничных, приходилось мириться с набегами полчищ покупателей из Восточной Германии, радостное будущее ставилось под сомнение только тогда, когда перемены затрагивали непосредственно интересы граждан или

били по их карману. Экономический спад тем не менее не обошел стороной Западную Германию. Прекратилась выплата дотаций бывшим приграничным районам, была отменена дотация и Западному Берлину. Впервые после того, как экономика ФРГ начала развиваться быстрыми темпами, уровень благосостояния рядового немца не повысился ни на йоту. Для западных немцев это стало настоящим потрясением, поскольку десятилетиями народ жил в условиях стабильного роста благосостояния.

Отсутствие устойчивого внутривнутриполитического курса усугубляло трудности. Был введен специальный налог для оказания помощи восточным землям, его затем отменили и вновь ввели вместе со сбором социального страхования на нужды больниц, домов для престарелых и т.п. В результате общая сумма налогов, которую должен был платить немецкий рабочий, выросла до болезненных размеров. Когда дефицит государственного бюджета впервые превысил отметку 1 млрд немецких марок, западные немцы, уже не скрывая страха, стали смотреть на Восточную Германию как на бездонную яму, способную поглотить не только благосостояние рядовых граждан Западной Германии, но и всю Федеративную Республику, подорвав ее экономику¹⁷.

Значительные сдвиги произошли в Восточной Германии в социальной области. На восточных немцев свалилась не только безработица, — полностью менялась их повседневная жизнь. Действовали новые законы, были введены новые паспорта, новые страховые полисы, новые пенсионные пособия, улицы переименовали, одно время даже поговаривали о том, чтобы устроить восточным немцам переэкзаменовку для получения водительских прав¹⁸. «Братские» споры из-за земли и собственности накаляли обстановку в стране. Врачи стали платными, исчезли многие детские сады, появилось множество документов, которые семья должна вести сама, например справки о доходах. Все это происходило в условиях массовых увольнений. Западная конкуренция оказалась такой жесткой, что предприятия, директора которых не провели своевременного резкого сокращения персонала, пытались помочь людям или сохранить коллектив, в течение последующего года в большинстве случаев разорились. Заметны были изменения, вызванные искушениями и соблазнами, они проявлялись даже в кругу ближайших друзей: «Раньше мы почти никогда не говорили о деньгах, а сегодня мы только и делаем, что говорим о них», — отмечал один из жителей бывшей ГДР¹⁹.

У населения в обеих частях страны стало распространяться взаимное недоверие, перераста-

ющее в антипатию. Географическое объединение страны не привело автоматически к восстановлению единства нации. Более того, раскол нации на западных («весси») и восточных немцев («осси») стал заметным фактором жизни в объединенной Германии, словно бы Берлинская стена продолжала благополучно стоять на месте. Как у восточных, так и у западных немцев за это время накопилось немало претензий друг к другу на бытовом уровне. Так, 4 октября 1990 года, на следующий день после «присоединения» ГДР к Федеративной Республике, один житель Лейпцига навел своих знакомых в Нюрнберге и был принят ими особенно радушно. «Теперь вы тоже немцы», — услышал он²⁰. Сочетание доброжелательности и невежества было характерно не только для этой семьи из Нюрнберга. Недооценка нематериальных сторон единства стала основной чертой объединительной политики Бонна, полностью соответствовавшей взглядам подавляющего большинства западных немцев, которые всегда представляли себе «воссоединение» Германии не иначе как присоединение ГДР к Федеративной Республике.

В сознании «весси» и «осси» началось формирование устойчивых стереотипов в отношении друг друга с отчетливо выраженными негативными признаками. Проводимые в Германии многочисленные опросы убедительно отражают существующий и ныне взаимный антагонизм. Так, восточный немец считает существенными чертами своего соотечественника с Запада его индивидуализм, заносчивость, жестокость, высокомерие, самодовольство, обжорство, жадность. В свою очередь «весси» склонны считать жителей бывшей ГДР нытиками и нахлебниками, лентяями и неуверенными в себе людьми, с недостаточной профессиональной квалификацией и слабыми трудовыми навыками²¹. И в том и в другом из нарисованных портретов есть зерно правды, оба типа легко узнаваемы в реальной жизни. «Весси» недовольны тем, что им каждый месяц приходится отдавать из своего заработка так называемый «налог на солидарность», которого «осси» как объекты этой солидарности не платят. Дело дошло до того, что в стране получила распространение серия анекдотов об «осси» и «весси». «Осси», например, предстают примитивными, бестолковыми чудаками, подобно персонажам бытовавших у нас в свое время анекдотов о чукчах: «Что получится, если скрестить западного и восточного немца? — Ответ: наглый безработный»²². Популярный восточногерманский певец Кай Ниман поет: «Знатокам давно известно, что девушки на востоке красивее, а мужчины лучше

целуются. Что здешний народ быстрее соображает, да и вообще здесь всё лучше, чем на западе»²³. К проблеме «осси»—«весси» добавилось раздражение в обществе к этническим немцам, переехавшим в Германию на постоянное место жительства из стран СНГ.

Действительно, за полвека раздельного существования немцы на Западе и на Востоке в известной степени утратили общность культуры как один из важных признаков единой нации. Начиная со школьной скамьи немцы в ГДР и в ФРГ воспитывались на совершенно различных культурных образах, находились под воздействием принципиально разных героев кино, театра и литературы. Да и сама разница укладов жизни в обоих германских государствах способствовала формированию у людей различных моделей поведения, что не могло не наложить отпечаток на их национальный характер. Под воздействием различных условий существования на Востоке и на Западе сложились свои системы ценностей. Теперь же власти ФРГ действуют методом «парового катка», стремясь как можно быстрее добиться унификации бывшей ГДР с Западом. Эта линия, проводимая с немецкой основательностью, сопровождается удалением всех признаков, которые напоминали бы о существовании второго германского государства.

Большинству западных немцев трудно понять, почему на Востоке ширится недовольство и пропасть между двумя частями Германии становится не уже, а шире. Ведь восточные немцы хотели смены системы и выступали за объединение, способствовали ему; это объединение принесло им исполнение многих их желаний, и большинство из восточных немцев живут лучше, чем прежде, — так почему они должны испытывать недоверие к западным немцам, замыкаться в себе? Особенно это трудно давалось людям зрелого и пожилого возраста. Переориентация и необходимость всему учиться заново — все это было еще не самым сложным и трагичным; в настоящее время все это в основном позади. Восточных немцев сбивало с толку ощущение беспомощности перед новой властью. Прежде всего, практически никто в Федеративной Республике не понимал, что навязывание западных норм без разбору задевает чувство собственного достоинства соотечественников на Востоке.

Воспоминания о прошлой жизни в ГДР, ощущение ущербности, второсортности по сравнению с западными немцами — все это порождает недовольство условиями своего существования, то есть ведет к возникновению негативного потенциала, тормозящего развитие общества. Восточные нем-

цы все еще не могут ощущать себя полностью равноправными гражданами, ибо ни зарплата, ни пенсии во многих случаях до сих пор не достигли того уровня, который существует в старых землях: «При трезвой оценке обстановки следует признать, что после падения Берлинской стены и создания единого германского государства существует все что угодно, только не единое отечество, объединяющее всех немцев»²⁴.

Сегодня сближение немцев уже часто не является предметом обсуждения, разве что в тех случаях, если какая-нибудь годовщина заставляет делать признания, подводить итоги или высказывать предупреждения, что делается тогда в избытке. На Западе многие считают, что дело сделано и все само собой разрешится по прошествии определенного времени. На Востоке многие полагают, что дело испорчено и ничего уже не изменишь. И обе стороны не видят особого смысла в том, чтобы продол-

жать диалог. Подавляющее большинство немцев действительно хотели объединения Германии, но в результате появилась не совсем та Германия, какой ее многие хотели бы видеть, и не такая процветающая, как обещали, но она есть.

Впрочем, скептиков объединения меньше, чем оптимистов. И даже они называют воссоединение западных и восточных земель огромным достижением граждан. И признают: все еще впереди. Просто для того, чтобы «Германия стала одним целым, а немцы — одним народом, нужно гораздо больше времени»²⁵. Вероятно, потребуется время жизни, по крайней мере, одного поколения немцев, чтобы «переварить» новые реальности. Несомненно, постепенно будет срастаться то, что составляет единое целое, однако и через 18 лет после политического объединения Германии ни у кого не осталось никаких иллюзий относительно многообразия и сложности этого пути.

Примечания

- 1 Лебедев В.Б. Знакомьтесь: Германия. М., 2000. С. 47.
- 2 Вайс Г.: Объединение Германии изменило ход истории // www.aif.kz/article.php?article_id=3142
- 3 Бедные и богатые Германии // www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Publikationen/Sozialpolitik/Datei_arm-reich,property=Daten.doc
- 4 За что боролись, на то и напоролись // www.korrespondent.net/main.php?arid=7100
- 5 Шмид Т. Вторжение другой германской судьбы. Федеративная Республика оккупирована // Объединенная Германия: политико-культурные и социально-экономические аспекты. М., 1992. С. 18.
- 6 Турусова Л.И. Экономические и социальные проблемы объединения Германии // Объединенная Германия: политико-культурные и социально-экономические аспекты. М., 1992. С. 21.
- 7 Уваров С. Эгон Кренц: или социализм, или варварство (интервью) // Советская Россия. 2004. № 79. С. 6.
- 8 Там же. С. 7.
- 9 Уваров С. Эгон Кренц: или социализм, или варварство (интервью) // Советская Россия. 2004. № 79. С. 7.
- 10 Георгиев Р. Эгон Кренц на воле // Труд. 20.12.2003. // Trud.ru
- 11 Воронцов А.Г. Исчезла ли стена между Западной и Восточной Германией? // www.podrobnosti.ua/society/2004/10/02/149210.html
- 12 Модров Х. Я был за по этапное сближение двух германских государств // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 33.
- 13 Германия: объединение без единства // www.polemics.ru/articles/?articleID=7071&hideText=0&itemPage=1
- 14 Зайдениц Ш., Баркоу Б. Эти странные немцы. М., 2001. С. 8.
- 15 Воронцов А.Г.
- 16 Кузьмин И.Н. 41-й год Германской Демократической Республики. М., 2004. С. 81.
- 17 Меняющийся облик Германии // www.ladyfromrussia.com/karnaval/mir/german_book3.shtml
- 18 Воронцов А.Г.
- 19 Бендер П. 10 лет германского единства // www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Publikationen/Sonderthemen/Vereinigungssessay2000word,property=Daten.doc
- 20 Там же.
- 21 Хартунг К. Что Запад не видит на Востоке // Die Zeit. 3.10.1997. С. 19.
- 22 Миллер Е. Путевые заметки. Хорошо там, где нас нет // www.eiprd.ru/information/doc.php?id_a=2070&id_sec=1
- 23 «Осси» и «весси»: две ментальности, одна страна // old.iamik.ru/8191.html
- 24 Модров Х. Указ. соч. С. 34.
- 25 Воронцов А.Г.

О.О. Fedorova

Postunited processes in modern Germany

In this article the author examines complex, inconsistent economic and socio-political processes in modern Germany after its unification. It is convincingly shown that in the long run all expectation of the Germans to restore the unity of the nation have developed into the opposition between “Wessy” (the western Germans) and “Ossy” (east Germans) not only at ideological and economic level but In a daily life too.

Key words: uniting process, «ossy», «wessy», privatisation, socialhelp, «ancient lands».

*А.Н. ГРЕБЕНКИН, аспирант третьего года обучения
кафедры истории России
Орловского государственного университета*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

В данной статье предпринимается попытка дать обобщенный социокультурный портрет преподавателей военных учебных заведений Российской империи в первой трети XIX в. Автор характеризует уровень образования преподавателей, особенности их служебной карьеры, материальную обеспеченность и манеру поведения. В статье делается вывод о том, что социокультурный облик преподавательского состава напрямую зависел от правительственной политики в области образования.

***Ключевые слова:* преподаватель, социокультурный облик, военно-учебное заведение.**

Первая треть XIX века стала переломной эпохой для российских военных учебных заведений. Быстрый рост их числа, унификация и регламентация учебно-воспитательной работы, тотальная милитаризация внутренних порядков, изгнание из стен заведений укоренившихся там в конце XVIII века традиций Просвещения и энциклопедизма, пристальное внимание к военным учебным заведениям со стороны императора и высшего генералитета, видевших в них важный источник офицерских кадров для русской армии, — все это не могло не отразиться на социокультурном облике преподавательского состава.

При воссоздании социокультурного облика преподавателя военного учебного заведения Российской империи первой трети XIX века необходимо учитывать динамику процесса изменения этого облика в течение полувека и специфику отдельных учебных заведений. Последняя, впрочем, в ряде случаев условна, ибо многие преподаватели параллельно работали в нескольких военно-учебных заведениях; нередкими были и случаи перехода из одного заведения в другое.

Первое десятилетие царствования Александра I для преподавательского корпуса военных учебных заведений стало переходным периодом. С одной стороны, в начале XIX века продолжалась педагогическая карьера сподвижников Ангальта и Меллисино, помнивших традиции Просвещения, которые господствовали в кадетских корпусах в конце XVIII века, и не собиравшихся отказываться от старых идеалов. С другой стороны, немаловажным было влияние мероприятий Павла I, направленных на милитаризацию кадетских корпусов и изгнание из них духа гуманизма и энциклопедизма. Наконец, решающим стало воздействие сподвижников самого Александра, и прежде всего П.А. Зубова, задумавшего коренную реформу военных учебных заведений, которая не могла не коснуться преподавательского состава.

Кто же преподавал в кадетских корпусах в начале столетия?

В Первом кадетском корпусе в 1803 г. был очень велик процент преподавателей, начавших службу в последней трети XVIII века. Как правило, это были превосходно образованные, умудренные опытом люди, заслуженные профессора: статский советник Н.И. Фусс, академик высшей математики, сын архитектора, ранее

служивший адъюнктом в Академии наук; статский советник Вольфганг Крафт — академик экспериментальной физики, сын профессора, с 1767 г. состоявший на службе в качестве адъюнкта Академии наук и с 1781 г. преподававший в корпусе; надворный советник Ф.И. Кнапп, выпускник университета при Академии наук и Академии художеств, преподававший в корпусе с 1776 г.; выпускники Академии художеств Н.К. Соколов, А.В. Долинский и др. [19. Л. 2 об. — 8 об.].

Великолепный подбор преподавателей объяснялся тем, что в конце XVIII века «еще не существовало в Петербурге университета, и потому все лучшие преподаватели избирали для своего педагогического служения 1-й кадетский корпус, всегда находившийся под особым покровительством наших государей... В прежние времена [т.е. в конце XVIII в. — А.Г.] корпус пользовался многими из университетских прав, например правом экзаменовать домашних учителей и иностранцев-гувернеров и выдавать им на право преподавания свидетельства» [13. С. 233].

В целом для Первого кадетского корпуса и в начале XIX века была характерна высокая квалификация учителей. В 1803 г. там работали 28 учителей и 13 учительских помощников, причем все они имели классные чины. Среди них было 2 статских советника (Н.И. Фусс и В. Крафт), 6 надворных советников, 6 коллежских асессоров, 13 титулярных советников и капитанов и всего 1 губернский секретарь. Из 13 учительских помощников 11 имели чин 12-го класса и всего 2 — низший чин коллежского регистратора [19. Л. 1–52].

Высок был и образовательный ценз преподавателей. Двое из них, как уже упоминалось выше, ранее были адъюнктами Академии наук; семеро окончили Академию художеств, трое — Первый кадетский корпус, пятеро — мещанское отделение (гимназию) при Первом кадетском корпусе, двое — корпус Чужестранных единоверцев, один — Артиллерийский и инженерный шляхетный корпус, один — духовную семинарию. У семи преподавателей образовательный ценз не указан; но все они, за исключением коллежского асессора 63-летнего П.А. Черкасова, были выходцами из Франции и Германии и преподавали свой родной язык.

Высоким образовательным уровнем могли похвастать и учительские помощники. 10 из них окончили мещанское отделение при Первом кадетском корпусе, были молоды (20–23 года) и могли рассчитывать на успешную карьеру. Лишь 3 учительских помощника (поляк Жансон, преподававший французский язык, и два выходца из солдатских де-

тей, С.И. Понамарев и А.И. Воронцов) не получили никакого образования и, будучи в годах и имея на попечении большие семьи, вряд ли могли надеяться на продвижение по службе.

Второй кадетский корпус в начале XIX века также отличался высококвалифицированными преподавателями. Среди них были: преподаватель «вышней математики» В.И. Висковатов, преподаватель физики и химии В.В. Петров, профессор физики и академик Медико-Хирургической академии, известный своими опытами с вольтовой дугой и сочинением «Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений» (1801 г.). Преподавателем истории и географии был доктор философии Равич-Русецкий, обучением кадет ситуации занимался Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части полковник Фицтум [7. С. 159].

К 1810–1811 гг. преподавательский состав значительно изменился. Так, в 1810 г. из вновь определенных в Первый кадетский корпус учителей лишь М.Е. Резанов обладал высоким научным авторитетом — выпускник Харьковского колледжума и Санкт-Петербургской учительской гимназии, он состоял в Санкт-Петербургском педагогическом институте в должности профессора чистой и прикладной математики и имел награды за переводы учебных руководств [20. Л. 23 об.]. Прочие же вновь поступившие в учителя лица были выпускниками Первого же кадетского корпуса и не обладали надлежащей педагогической подготовкой и практическим опытом преподавания. При этом старые преподаватели увольнялись один за другим. В том же 1810 г. по прошению был уволен преподаватель арифметики и геометрии с 23-летним стажем подполковник Гераков.

Во Втором кадетском корпусе в 1810–1812 гг. среди обучавших кадет французскому и немецкому языкам встречаем лиц, положение которых при поступлении их на службу определяется следующими выражениями: «иностранец»; «находящийся не у дел»; «отставной подпоручик»; «служащий в экспедиции Государственного банка кассир»; «служащий в Департаменте министерства полиции» и пр. Не всегда были на высоте своего положения учителя и прочих предметов, особенно в нижних классах. Доказательством того же служат нередкие увольнения учителей «за болезненными припадками», под которыми приходится подразумевать излишнее пристрастие к вину.

В отсутствие директора Второго кадетского корпуса генерала Клейнмихеля заступивший на

его место полковник Маркевич 7 ноября 1812 г. получил от тогдашнего петербургского обер-полицмейстера И.С. Горголия письмо такого содержания:

«Милостивый государь мой, Андрей Иванович. Учитель 2-го кадетского корпуса Екимов за пьянство и буйство неоднократно был взят здешнею полицией, который и ныне за такое же поведение взят и представлен ко мне от пристава Васильевской части. Я, препровождая его при сем к вам, покорнейше прошу к исправлению его от дурного поведения сделать ваше распоряжение» [7. С. 159–160].

Падение образовательного уровня учителей сопровождалось ухудшением их материального положения. Положение офицеров было более-менее сносным. Капитан П.П. Черкасов, преподававший в Первом кадетском корпусе фортификацию и артиллерию, в 1810 г. получал 600 рублей в год и за отличную службу в том же году был удостоен увеличения годового жалованья на треть [20. Л. 12]. Штатскому же учителю жалованье выплачивалось в сумме от 222 до 375 рублей в год, в зависимости от преподаваемого им предмета и класса, в котором он преподавал. Причем русские учителя получали в 2–3 раза меньше, чем иностранцы. В Военно-сиротском доме учитель немецкого языка имел за 15 часов 900 рублей в год, а учитель русского языка за 18 часов получал 300 рублей в год [1. С. 53].

В начале XIX в. штат преподавателей и в военных, и в гражданских учебных заведениях часто совпадал (преподаватели совмещали работу в нескольких местах из-за небольшого жалованья). Это относилось и к профессорам. Например, по сведениям на 1812 г. по Пажескому корпусу, большинство преподавателей работали в разных военно-учебных заведениях: «Учитель Василий Стуковский служит в Морском корпусе, откуда получает жалованье 400 рублей, учитель Козьма Горбунов служит в Морском корпусе, откуда получает жалованья 700 рублей. Профессор математики, коллежский асессор Матвей Резанов служит, кроме Пажеского корпуса, в Педагогическом институте, получая там жалованья по 600 р. в год, учитель Иван Горяинов служит в армейской семинарии, откуда получает жалованье 300 рублей» [2. С. 87].

Бедность учителей, их низкий социальный статус не позволяли им завоевать авторитет в глазах воспитанников. Часто наставники будущих офицеров являлись на занятия в рваной одежде и худых сапогах. Н.В. Вохин, выпускник Второго кадетского корпуса, учившийся в нем в 1801–1807 гг., вспоми-

нал, что учителя нижних классов были «люди добрые и знающие», но некоторые из них настолько бедны, что «дозволяли кадетам наполнять пустые учительские карманы кусками хлеба, мяса, каши и масла в бумажках» [8. С. 549–550]. Насмешки со стороны воспитанников, приниженное положение перед лицом начальства — все это отнюдь не прибавляло педагогу очков и способствовало распространению пренебрежительного отношения к учебе.

После Отечественной войны 1812 года и заграничных походов произошло почти двойное увеличение числа подразделений русской армии, что потребовало соответствующего пополнения армии офицерами и привело к значительному расширению системы кадетских корпусов [3. С. 128]. Однако реформирование системы подготовки преподавательских кадров для старых и вновь образованных военно-учебных заведений не поспевало за быстрым ростом числа кадетских корпусов, и поэтому постановка учебной части была далека от совершенства ввиду катастрофической нехватки специалистов, особенно в провинции.

Лучшие педагогические кадры были сосредоточены в столичных заведениях. В Первом кадетском корпусе в 1831 г. служили 21 учитель и 2 учительских помощника [17. Л. 1 об. — 27 об.]. Как и в начале века, большая часть учителей находилась в чинах IX, VIII и VII классов по Табели о рангах (соответственно 4, 1 и 10 человек). Статский советник был один, коллежский советник — также один. Учительские помощники имели низший чин коллежского регистратора.

Налицо резкое изменение образовательного ценза учителей. Если в начале века лидировали выпускники Академии художеств и гимназии при Первом кадетском корпусе, то к началу 30-х гг. на первое место выдвинулся Главный педагогический институт (он был образован в Петербурге в 1816 г. на базе реорганизованного Петербургского педагогического института, существовавшего с 1804 г.) — его выпускниками были 4 учителя. Мещанское отделение при Первом кадетском корпусе сохранило свои позиции (также 4 выпускника). Кроме того, среди учителей оказались выпускники Дерптского университета, Горного кадетского корпуса, Санкт-Петербургской гимназии, Академии художеств и отделения военных кантонистов при Первом кадетском корпусе. Любопытно, что бывших кадет Первого кадетского корпуса среди учителей не было; все оставленные в корпусе выпускники служили не на учительских должностях.

Как и прежде, среди тех, кто не имел специального образования, преобладали выходцы из Франции и Германии — учителя иностранных языков И.И. Лемсон, А.Ф. фон Штейн, К.П. Фулон, Д.К. Сеже, П.Ф. Руссель, А.В. Динокур, В.П. Розенкранц. Некоторые учителя были из числа пленных французов (например, титулярный советник К.П. Фулон) [17. Л. 13 об.].

Многие учителя работали в нескольких учебных заведениях не обязательно военного ведомства. Статский советник И.Н. Вольмут работал в своей alma mater — Горном кадетском корпусе, надворный советник Д.М. Драницын — в Пажеском корпусе, титулярный советник Д.К. Сеже — в Обществе благородных девиц [17. Л. 13 об.]. Надворный советник А.Ф. фон Штейн не только преподавал немецкий язык кадетам, но и служил в Департаменте государственных имуществ помощником начальника чертежной [17. Л. 11 об.].

Формулярные списки преподавателей за 1835 год [18] позволяют выявить еще 5 учителей, по неизвестной причине не упомянутых в документах за 1831 г.

Учитель математики Петров в детстве находился в числе военных кантонистов Первого кадетского корпуса; по окончании Главного педагогического института с 1823 г. был учительским помощником в Первом кадетском корпусе, а в 1833 г. стал учителем.

Учитель французского языка поручик А.И. Генглез служил в Первом кадетском корпусе с 1825 по 1835 г.

Коллежский регистратор Г.И. Леве с 1825 г. занимал в Первом кадетском корпусе должность учителя немецкого языка.

Штабс-капитан В.Г. Гудим преподавал в Первом кадетском корпусе с 1831 г.

Подполковник Е.И. Сивербрик, выпускник Первого кадетского корпуса, служил в Первом кадетском корпусе с 1820 г., обучая кадет фехтованию, тактике, правилам строевой, лагерной и гарнизонной службы.

С 1820 г. в кондуитных и формулярных списках иногда указывались сведения о познаниях того или иного офицера или учителя. Формулировки были стандартными: те, кто окончил учебное заведение, обладали разнообразными знаниями. Например, подполковник А.М. Стражев, окончивший в 1815 г. Второй кадетский корпус, был аттестован так: «грамоте по-русски умеет, по-немецки и французски понимает, науки геометрию, тригонометрию, конические сечения, алгебру, высшие вычисления, механику, артиллерию, фортификацию, историю, географию, рисовать и

чертить планы» [16. Л. 38]. Познания же тех, кто не имел за плечами курса кадетского корпуса или иного учебного заведения, были весьма скромны. В 1820 г. поручик С.Ф. Лютинский, участник сражений под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, получил следующую аттестацию: «русской грамоте, по-немецки и рисовать знает» [16. Л. 38].

К 1825 г. все офицеры военно-учебного ведомства получили преимущество в один чин перед армейскими, сравнившись таким образом по старшинству с офицерами-артиллеристами и инженерами [3. С. 52]. Однако материальное положение педагогов (особенно тех, кто не имел офицерского чина) по-прежнему оставалось тяжелым.

В 1814 г. во Втором кадетском корпусе учителям платили: «надворному советнику Дмитриеву за обучение кадет...по-русски читать из 450 р. и добавочных за долговременную и беспорочную службу из 200 р., всего 650 р. в год; коллежскому регистратору Шишмареву за обучение кадет по-русски читать из 200 р. в год; подполковнику Ефимову за обучение кадет артиллерии из 650 р. и геометрии из 650 р. в год; титулярному советнику Шулепову за обучение вышней математике из 600 р. в год» [7. Приложение VIII].

Бывший воспитанник Второго кадетского корпуса, обучавшийся в нем в 1822–1832 гг., вспоминал: «...был у нас учитель немецкого языка, Гр...н, вероятно, человек очень бедный, ибо приходил в класс одетый крайне неопрятно: иногда с разорванными локтями, а иногда в сапогах, из которых выглядывали пальцы... Были и такие учителя, которые собирали с кадет дань медными пуговицами, говоря, что это годится на самовар, или булками, которые, нимало не конфузясь, увязывали в платки» [4. С. 150–151]. В Военно-сиротском доме «учитель арифметики Иноземский, тогда уже дряхлый, беззубый старик,... постоянно старался разжалобить кадет своей бедностью, и кадеты собирали ему сальные огарки и куски хлеба, а Иноземский все брал, всякое даяние для него было благо» [9. С. 122–123].

От нужды не были застрахованы даже заслуженные преподаватели. Профессор российской словесности Иванов, преподававший в Первом кадетском корпусе с 1812 г., в 1830 г. был удостоен высочайшего внимания именно по причине своей вопиющей нищеты. Николай I встретил Иванова в морозный зимний день на Невской набережной. Профессор, отдавший шинель в починку, шел из корпуса одетый в один сюртук и дрожал от холода. Император, отправив Иванова на гауптвахту обогреться, навел о нем справ-

ки (отзывы начальства были более чем положительными) и повелел не только выдать профессору теплую шинель, но и удвоить ему жалованье [15. С. 637–638].

Подобная ситуация была типичной, так как на учителей не распространялись льготы и привилегии, которыми обладали государственные служащие. Вот почему, умирая, педагоги зачастую оставляли свои семьи в полной нищете. Учитель Пажеского корпуса Лельо, прослужив верой и правдой 33 года, «оставил жену с тремя малолетними детьми в самом бедственном положении, без всякого пропитания», и вдова его вынуждена была ходатайствовать о назначении пособия и определении сына в Царскосельский благородный пансион на казенный счет [2. С. 89].

В таких условиях военные учебные заведения оказались наводнены разного рода случайными людьми, не обладавшими специальными познаниями и не имевшими ни малейшей склонности к преподавательской деятельности.

В 1820-е гг. в Первом кадетском корпусе, по воспоминаниям одного из бывших кадет (его записки послужили основой для рассказа Н.С. Лескова «Кадетский малолеток в старости»), преподавательский состав был из рук вон плох: «Учителя у нас были, большей частью, из кантонистов, которых только переодели в форменные фраки. Это были карикатуры на педагогов, и иного от них ждать было невозможно. Тот, который преподавал арифметику, и Олкин, который учил рисованию, были чистые шуты гороховые» [14. С. 114]. Дело доходило до того, что директор корпуса М.С. Перский был вынужден сам замещать нерадивых учителей, ибо «особенно часто случалось... что они бывало запьянствуют и не являются в классы. Тогда вместо каждого из них, где поспевал, садился сам Перский, а провинившихся пьяниц потом наказывал». Наказание было своеобразным — протрезвевших горе-наставников в солдатских шинелях на глазах у воспитанников заставляли мести двор.

В Московском кадетском корпусе в начале 30-х годов преподавателями были корпусные офицеры; «ученость их была весьма сомнительна, почему и выезжали они больше на щелчках да на толчках. Поверки познаниям и учительским способностям их тогда никакой не было, а потому попасть в преподаватели было очень легко — была бы только охота» [10. С. 373–374]. Некий капитан Ф-р 1-й, «человек бездарный во всех отношениях», читал русскую грамматику слово в слово по учебнику и даже не помышлял о расширении собственного умственного кругозора. Впрочем, стимула к это-

му у него не было, ибо в то время «высшее начальство на жалованье, выдаваемое корпусным офицерам за преподавание наук, смотрело как на сердобольное пособие» [12. С. 153].

Как сообщал в 1834 г. член Совета о военно-учебных заведениях И.М. Фовицкий, учителя в своей массе — «такая посредственность, что строгим требованиям звания [учителя] не удовлетворяют»; «если в корпусе появятся два-три хороших преподавателя, их обычно переманивают на лучшие места». 2-й кадетский корпус в Петербурге «с трудом удовлетворяет свою потребность в учителях потому только, что удален от середины города», а Московский корпус «не может иметь даже посредственных учителей». В провинции же, по словам генерала Сиверса, вообще было «невозможно находить хороших учителей» [11. С. 156].

Л.М. Жемчужников, учившийся в Первом кадетском корпусе в 30-х гг., вспоминал: «Учитель русского языка Орешников был рыженский, в коротких штанах с пятнами, из кантонистов. Каждый почти раз приходил он в класс подпивши и, бывало, уговаривал нас сидеть тише, когда слышал, что вдали на галерее скрипит дверь, из боязни, чтобы инспектор, услышав шум, не вошел. Он таинственно произносил, указывая на дверь: «Господа, дверь скрипит; инспектор идет!» — и при этом облизывался» [6. С. 55].

В особенно тяжелой ситуации оказалось преподавание иностранных языков. Первопричиной здесь была личность учителя, которым, как правило, был иностранец, случайно оказавшийся в России и обладавший лишь одним «богатством» — знанием своего природного языка. Большая часть преподавателей французского языка рекрутировалась из осевших в России солдат Великой армии, которых кадеты презрительно именовали «барабанщиками», не ставили ни в грош и беспрестанно травили, пользуясь приниженностью бывших французских солдат и тем, что они плохо знали русский язык. Не меньшим презрением были окружены преподававшие немецкий язык выходцы из германских государств — «колбасники», по корпусной терминологии.

Необходимо отметить, что своим поведением преподаватели-иностранцы еще больше усугубляли собственное положение. Так, в Первом кадетском корпусе учитель французского языка Миранд — разумеется, «бывший барабанщик» — был крайне груб и поддерживал дисциплину в классе с помощью палки, которой неистово стучал по полу. Его отношение к воспитанникам было более чем предвзятым и зави-

село от настроения: «Однажды он явился очень серьезный и подпивши, вынул из кармана кошелек, высыпал монеты на кафедру, отсчитал, сколько, и по числу их выставил в классном журнале для отметок столько же нулей, ни у кого не спрашивая урока, подремал, походил по классу и ушел» [6. С. 55].

Разумеется, руководство не могло не знать истинного положения вещей. Стремление привлечь на службу в кадетские корпуса лучшие педагогические кадры и обеспечить им высокую

социальную защиту привело к принятию в 1836 г. нового «Положения о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства» [5], согласно которому учителя были приравнены к чиновникам и стали пользоваться большими преимуществами, нежели прежде. Эти меры привели к тому, что в 40-е гг. в большинстве военно-учебных заведений произошел «переворот» в постановке учебного дела и случайные люди были вытеснены из корпусов квалифицированными педагогами.

Библиографический список

1. Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., Учпедгиз, 1958. 244 с.
2. Аурова Н.Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII — первой половине XIX века. М., 2003. 276 с.
3. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
4. Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. — 1861. — № 7. — С. 141–164.
5. Второе ПСЗ. Т. XI. 9712.
6. Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. 1830–1850 гг. // Вестник Европы. — 1900. — № 11. — С. 41–87.
7. Жервэ Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912.
8. Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. — 1891. — № 3. — С. 547–566.
9. Кадетский быт двадцатых—тридцатых годов. 1826–1834 гг. (отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В.Д.Кренке) // Исторический вестник. — 1882. — № 4. — С. 110–126.
10. Корсаков А.Н. Воспоминания московского кадета // Русский архив. — 1882. — № 1. — С. 358–376.
11. Кочаков Б.М. Педагогические кадры военно-учебных заведений в царской России // Труды Высшего военно-педагогического института им. М.И. Калинина. Т. 2. Л., 1947. С. 154–189.
12. Краткий отчет о положении и ходе Военно-Учебных заведений в двадцатипятилетнее царствование Императора Николая. СПб., 1850.
13. Кропотков Дм. Несколько сведений о Рылееве. По поводу записок Греча // Русский вестник. — 1869. — № 3. — С. 229–245.
14. Лесков Н.С. Кадетский малолеток в старости (К истории «Кадетского монастыря») // Исторический вестник. — 1885. — № 4. — С. 111–131.
15. Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.И. Львовой // Русская старина. — 1880. — № 3. — С. 635–650.
16. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 183: Формулярный список штаб- и обер-офицеров. 1820 г.
17. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 187: Формулярный список о службе учителей 1-го кадетского корпуса. Октября 22 дня 1831 года.
18. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 189: Формулярные списки преподавателей. 1835 г.
19. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4104: Послужные списки офицерского звания чинам. 1803 г.
20. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4325: Об определении и увольнении офицеров и учителей из корпуса и о прочем. 1810 г.

Grebenkin A.N.

THE TEACHERS OF MILITARY SCHOOLS OF RUSSIAN EMPIRE IN THE 1ST THIRD OF THE XIX CENT.: THE SOCIAL AND CULTURAL PORTRAIT.

Summary: This article gives an attempt to show the generalized social and cultural portrait of the teachers of military schools of Russian Empire in the 1st third of the XIX cent. The author characterizes the educational level of the teachers, the peculiarities of their career, their well-being and the manner of their behaviour. The conclusion made in this article is that social and cultural appearance of the teachers was directly determined by the governmental politics in the sphere of education.

Key words: **teacher, social and cultural appearance, military school.**

*С.Т. МИНАКОВ, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Орловского государственного университета*

НАСЛЕДНИК ЛЕНИНА И «СПАСИТЕЛЬ РОССИИ»?

*(Общественное мнение 1923 г. в Советской России и русском
зарубежье в ожидании нового «национального лидера»)*

В настоящей статье исследуется общественное мнение в Советской России и русском зарубежье в один из важнейших переломных политических моментов истории нашего Отечества на рубеже 1922 — 1924 гг., когда лидер русской большевистской революции В.И. Ленин из-за прогрессирующей болезни оказался исключен из политики и чья близкая и неизбежная смерть породила различные прогнозы, надежды и ожидания, связанные с предположениями о политическом наследнике Ленина. Статья основана на архивных (в том числе неопубликованных) документах и мемуарных исторических источниках.

Ключевые слова: *болезнь и смерть Ленина, общественное мнение, «бонапартизм», Тухачевский.*

Начну с фразы, смысл которой вряд ли можно считать открытием в области ментальных свойств русского человека, однако позволяющей мне предложить некоторый исторический экскурс в этом направлении: «этнокультурный архетип» поиска «национального лидера» и «спасителя России».

«...Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет», — утверждал свою правоту Великий Инквизитор¹.

В смутное время сквозь густой и сумеречный туман, окутывающий и пронизывающий реальность, трудно, да и почти невозможно отличить ее силуэты от фантомов, рожденных нашим напряженным воображением.

Февральско-октябрьскую «красную сумеречность» Великой русской революции, объявшаю гигантскую Россию в 1917 году, образованные наши соотечественники и соседи, свидетели и участники этих эпохальных событий, также стремились рассеять, упрямо и уверенно «угадывая» в ней некий «парафраз» Великой французской революции. Ленин казался им красным Робеспьером, Троцкий — Дантоном или Карно, Радек — Маратом, Тухачевский — Бонапартом, Дзержинский — Фуше, Буденный — Мюратом и т.п. «Чудо, тайна и авторитет» слились воедино, доведя до предельного напряжения ощущение Власти Земной, в ожиданиях и гаданиях о кремлевском наследнике Ленина, чей разум, жизнь и власть с роковой неумолимостью угасали в подмосковных Горках.

...Болезнь Ленина, в роковом исходе которой с весны 1923 г. уже мало кто сомневался, стала политическим фактором, послужившим толчком для развертывания нового и в определенном смысле завершающего этапа революционного процесса в России. Всевозможные соображения и домыслы о состоянии здоровья «вождя» и его политическом положении начали распространяться в Советской России еще ранней весной 1922 г., хотя никаких официальных сообщений на этот счет власти не делали.

Это обстоятельство, очевидно, и порождало слухи, ибо информация о болезни главного «большевика», конечно же, просочилась в общественное мнение, приводя его постепенно в апокалиптическую истерику: «Что же будет?»

Одним из первых попытался дать хотя бы общий ответ на этот вопрос и научно обосновать свои прогнозы П.А. Сорокин, в будущем всемирно известный русско-американский социолог. В своей «Социологии революции», опубликованной в октябре 1923 г., он, исторгнутый из Советской России (где он начал писать этот свой труд) осенью 1922 г., делит революционный процесс (полагая это деление «социальным законом» революции) в России на два периода — восходящий и нисходящий, определяя для каждого из периодов соответствующий тип лидеров.

«...Первый — восходящий — период революции, — отмечал Сорокин, — поднимает на верхи всякого рода авантюристов, маньяков, полуненормальных, самолюбивых и т.п. жертв неуравновешенной психики, вместе с преступниками, убийцами, проститутками и подонками общества, обладающими теми же чертами, принадлежащими к тому же психологическому типу. ...Эта группа, занимающая доминирующее положение в первый период революции, в следующий ее период начинает вытесняться, уступая место людям второго и третьего типа»².

«...Примерами лиц первого типа, — продолжал, уже конкретизируя их персонально, русский социолог, — могут служить: Ленин (его болезнь медицински подтверждает этот прогноз), Сталин, Троцкий, Зиновьев, Лацис, Радек, Кедров, Дзержинский и десятки тысяч русских коммунистов, вышедших из разных слоев: из преступников, бандитов, рабочих и крестьян, промотавшихся аристократов и буржуазии, неудачливых журналистов, литераторов и интеллигентов»³.

Обращает на себя то, что значимость перечисленных фигур для Сорокина и, очевидно, для лиц его круга и его политической среды определялась не номенклатурным положением, а реальным влиянием на политическую и общественную жизнь в годы русской революции 1917–1922 гг. Поэтому кажется на первый взгляд непривычным, что в «восьмерку избранных» оказались включенными Лацис, Кедров, Радек, даже Дзержинский наряду с Лениным, Троцким, Сталиным, Зиновьевым. Если Ленин и Троцкий были признанными лидерами социалистической революции в России, Зиновьев и Сталин являлись членами Политбюро ЦК, то остальные не входили в состав высшего большевистского руководства по номенклатуре зани-

маемых должностей, даже Дзержинский. Но Сорокин не созерцатель. Он в годы революции находился в гуще политической жизни и борьбы, и его подборка «персоналий» не случайна. Она отражает реальную значимость «избранных» им большевиков для российского населения и для российского «политического актива» эпохи революции. Примечательно и то, что в составе этой «великолепной восьмерки» лишь одни большевики. Нет ни одного представителя, «выскочившего» на политическую арену на волне Февральской революции. Ни одного из них Сорокин не удостоил «этой чести».

Однако примечателен и порядок перечисления указанных лиц. Он, несомненно, предопределен относительной значимостью каждого из перечисленных. Первым, и это не может вызывать сомнений, Сорокин поставил Ленина. Однако на второе место, вопреки ожиданиям, русский социолог поставил Сталина, а не Троцкого, отдавая ему лишь третье место после Сталина, иными словами, именно в малоизвестном и совсем не популярном тогда Сталине усмотрев претендента № 1 на «ленинское наследство».

Интересна «сорокинская» мотивировка неизбежности перехода революционного лидерства от этих лиц к «вождям» «второго типа». «Значительная часть их, — объясняет он, — прошла через тюрьмы и каторгу, что не могло не отразиться на их нервах, чем и объясняются те каторжные методы и тот каторжный режим, которые они ввели вместо обещанного земного рая. (Отсюда практический вывод: нецелесообразно избирать на командные посты после низвержения старого режима много страдавших «борцов за свободу». Они неизбежно неуравновешенны и не годны для выполнения функций управления)»⁴.

Однако не только Сорокин считал Сталина идущим следом за лидером русской революции и претендующим на его наследие.

«Власть в России после Ленина, — записал врангелевский резидент в Берлине генерал-майор А.А. фон Лампе в начале августа 1923 г. в своем дневнике, — которого естественно заменить некем и заместителя которому ищут, принадлежит в порядке влияния шести человекам: Сталин, Зиновьев, Дзержинский⁵, Каменев, Троцкий, Бухарин; это Россия — Джугашвили, Радомысльский, Дзержинский, Розенфельд, Бронштейн и Бухарин»⁶. Принадлежа, можно сказать, к противоположному политическому полюсу, к военной, монархической «белой эмиграции», фон Лампе, однако, также считает Сталина первым претендентом на «ленинское наследство», на

власть в Советской России. Но следом за Сталиным, в отличие от Сорокина, фон Лампе поставил не Троцкого, а Зиновьева, затем Дзержинского, Каменева и уже за ними — Троцкого. Таким образом, к лету 1923 г. в русском белом зарубежье Сталина также считали наиболее влиятельным после Ленина человеком, претендующим на политическое первенство в стране после его смерти.

Однако фон Лампе не думает, что наследником Ленина из числа большевистских «вождей» станет Сталин. «Хороша картинка, — завершает свою дневниковую запись генерал. — В заместители ищут непременно русского человека, и проходит, по-видимому, Георгий Пятаков, известный по Киеву, потом ставивший свою подпись на кредитках!»⁷.

«...Все настойчивее слухи о том, что Ленин не у дел, — записал петроградский интеллигент Г.А. Князев 23 июня 1922 г. — Взяла верх левая крайняя — Сталин, Бухарин, Зиновьев. Некоторые настойчиво утверждают, что Ленин умер, другие — сошел с ума...»⁸. Примечательно, что в этой записи, отражавшей настроение значительного слоя образованных людей северной столицы, отношение к Ленину «никакое». К нему уже относятся как к «труп». Людей пугала перспектива прихода к власти наименее приемлемых «новых вождей» на смену Ленину. При этом и рядовой петроградский интеллигент первым в ряду наследников Ленина называет Сталина, хотя ранее в своих дневниковых записях (которые он вел с 1915 г.) это имя не упоминалось ни разу.

Недовольство «вождями», которые должны были стать «наследниками» Ленина и, очевидно, делить его «наследство», нарастало в последующие месяцы. Красноречива в этом отношении запись, сделанная Князевым под новый 1923 год, 31 декабря 1922 г. «...Власть их окончательно развратила, — рассуждал он о «вождях» страны. — Ничего идейного у них не осталось. Наглость некоторых дошла до полного бесстыдства. Все эти тт. Крыленки, Курские, Каменевы давно забыли и думать о коммунизме... Они держатся за власть, и все силы направлены к тому, чтобы удержаться у власти. Некоторые из них нисколько не стесняются в своей личной жизни — и пьют, и развратничают... Грызня идет страшная. Троцкий не терпит Луначарского, Луначарский интригует против Троцкого, Каменев и Бухарин «подсигивают» друг друга и т.д. Бывали случаи, когда Ленин не принимал с докладом Луначарского... В Москве на верхах сплошная вакханалия. Мы во власти обнаглевших хулиганов...»⁹.

Вскоре слухи о болезни Ленина распространились и в русском зарубежье. В политико-экономическом обзоре ГПУ 22 июля 1922 г. сообщалось: «Монархисты возлагали большие надежды на выбытие тов. Ленина из строя, что внесло бы, по их мнению, раздор между большевиками при первом же ложном шаге во внутренней или внешней политике»¹⁰. Маклаков складывающуюся внутриполитическую ситуацию в Советской России в ноябре 1922 г. расценивал как «отход Ленина на задний план...»¹¹. Разговоры и всевозможные догадки по этому поводу активизировались начиная с января 1923 г.

В спецполитсводке ГПУ от 12 января 1923 г. по Вологодской губернии сообщалось о «слухах» в Тотемском уезде о том, «что якобы тов. Ленин скрылся и власть переходит в руки буржуазии...»¹². Согласно информации ГПУ по Смоленской губернии от 13 января того же года «...среди крестьян распространяются провокационные слухи о том, что будто бы Ленин сбежал...»¹³. В Москве, также по сводке ГПУ от 14 января 1923 г., говорилось, что «среди рабочих завода АМО болезнь Ленина вызывает тревожное настроение», а «среди обывателей в Сокольническом районе ходят толки о том, что Ленин умер и что правительственное сообщение о состоянии его здоровья имеет целью подготовить общественное мнение к его смерти»¹⁴.

Резко активизировались разговоры и слухи о болезни Ленина после его третьего инсульта 9 марта 1923 г. Сообщение об этом было официально помещено в экстренном выпуске «Правды» 12 марта 1923 г. Уже спустя два дня, 15 марта, в спецполитсводке ГПУ сообщалось, что «на Газовом заводе болезнь тов. Ленина вызвала беспокойство рабочих, причем среди них ходят слухи о том, что в случае смерти тов. Ленина как в партии, так и в правительстве произойдет раскол». В то же время «на Измайловской трикотажной фабрике среди рабочих распространяются слухи о том, что тов. Ленин умер». И в связи с этим, как отмечается в сводке, «среди рабочих усилилась антисоветская агитация»¹⁵. В то же время 17 марта «в типографии «Пролетарское слово», в Рязанском трамвайном парке и в Басманной больнице настроение рабочих тревожно в связи с болезнью Ленина», а «в Рязанском трамвайном парке рабочие считают, что в случае смерти Ленина произойдет раскол в партии»¹⁶. В Калужской губернии «болезнь Ленина, — согласно информации ГПУ за 26 марта 1923 г., — также всколыхнула крестьянские массы. Несмотря на отсутствие газет, слухи о болезни тов. Ленина быстро принимаются в деревню,

вызывая злорадное чувство среди антисоветских элементов и сожаление среди крестьянской бедноты»¹⁷. Уход Ленина от руководства страной серьезно беспокоил и другие слои советских граждан, вызывая в основном сочувственные отклики на его болезнь. «...Среди интеллигенции и торговцев отмечается чувство сожаления по поводу болезни тов. Ленина, — сообщалось в секретной сводке ГПУ. — Интеллигенция считает, что со смертью Ленина мир потеряет идейного руководителя социализма»¹⁸. В волостях Екатеринославской губернии, как свидетельствует сводка ГПУ за 28 марта 1923 г., «интеллигенция распространяет слухи о болезни тов. Ленина и о том, что будто бы тов. Ленин сошел с ума»¹⁹.

Болезнь Ленина беспокоила и так называемых «нэпманов». Поскольку Ленина считали «либеральным большевиком», то «торговцы Рязанской губернии опасаются, что со смертью тов. Ленина их положение ухудшится»²⁰. Болезнь Ленина «...сильно беспокоит рабочих.... Красноармейцы выражают сожаление по поводу болезни тов. Ленина»²¹.

В обстановке спровоцированного нэпом растущего бытового антисемитизма в стране «...среди обывателей упорно носят слухи, что будто бы Ленин умер давно, а страной правит Троцкий, что это скрывается ото всех, даже от коммунистов»²². В отличие от Ленина Троцкий воспринимался значительной частью населения резко отрицательно. Поэтому «среди рабочих Хамовнического района (г. Москвы) ходят толки о том, что тов. Ленин является единственным крупным работником русского происхождения, остальные евреи»²³. Скудность официальной информации и малограмотность большинства советского населения порождали разные вариации на тему исчезновения Ленина из политического поля. «По другим версиям, — информируют осведомители ГПУ, — тов. Ленин не умер, но навсегда ушел от работы ввиду сложившихся тяжелых обстоятельств большой государственной важности, предоставив советскому правительству выпутываться из создавшегося положения. Циркулируют также слухи о неизбежности войны между Францией и Россией»²⁴.

«...9 марта, — отметил для себя Н.В. Валентинов (Вольский), — Ленин сражен третьим ударом паралича. На выздоровление его нет надежды. Скрывать то, что до сих пор скрывалось, больше нельзя»²⁵. В русском зарубежье обсуждение сообщения «Правды» от 12 марта 1923 г. об инсульте, поразившем Ленина, началось уже

14 марта, когда об этом было напечатано в местных газетах. «Сегодня, — спешил сообщить об этом Б.А. Бахметьев В.А. Маклакову, — газеты пишут, что с Лениным случился удар. Это крайне важное событие, особенно в связи со съездом коммунистической партии. Я с интересом жду съезда и его результатов, хотя в свете прошлого я отвык связывать свои надежды с определенными датами и событиями»²⁶. Разумеется, не официальное сообщение о резком ухудшении здоровья Ленина, появившееся в зарубежных газетах, спешил он передать Маклакову. Тогда же, 14 марта, об этом уже было известно в Париже. Бахметьев, на это следует обратить внимание, выразил надежду на то, что в связи с уходом Ленина от дел и опасным ухудшением его здоровья грядущий съезд РКП(б) может принять решения, которые, быть может, радикально изменят политический и социально-экономический курс в Советской России. Он полагал, однако, в отличие от общественных ожиданий в самой Советской России, что эти изменения пойдут в направлении, желательном для правых либеральных кругов русского зарубежья. В связи с фактическим отходом Ленина от дел определенная часть политиков в русском зарубежье желаемые социально-политические изменения связывала с «буржуазно» настроенной частью большевистской элиты. Уверенность в том, что Ленин уже не вернется в политику, начиная с марта 1923 года обострила вопрос о его преемнике и в руководстве Советской России. Нарастающее ожесточение внутривнутриполитической борьбы в большевистской элите невозможно было утаить от пристально следившего за ней русского зарубежья, рождая в нем разнообразные прогнозы и расчеты. Все — и в Советской России, и в русском зарубежье, и в «зарубежье не-русском» — ждали «Спасителя». Хотя Сталин виделся представителями различных слоев русского образованного общества как внутри Советской России, так и за ее пределами, в эмиграции, стоящим, скажем так, в непосредственной близости к «трону» умирающего «вождя русской и мировой социалистической революции», однако никто не видел в нем «спасителя России».

«...Марий, Цинна, Серторий, Антоний, Помпей, Цезарь, Август, Ян Жижка, Прокоп Большой, Кромвель, Ферфакс, Монк, Дюмурье, Наполеон, Врангель, Кавеньяк, Мак-Магон, Брусилов, Слащев, Буденный, Тухачевский, Фрунзе, Каменев и т.д., — переходит Сорокин к перечислению типичных выразителей второго периода Революции, — образцы людей второго типа»²⁷. Среди

перечисленных для нас интересны шесть последних из названных имен — имен кандидатов в «русские Наполеоны»: Брусилов, Слащев, Буденный, Тухачевский, Фрунзе, Каменев²⁸.

Примечательно, что, оценивая политическую ситуацию в СССР к концу 1922 — началу 1923 г. и отражая сложившиеся к этому времени в общественном мнении представления, выдающийся русский философ И.А. Ильин писал, размышляя о кандидатах в «русские Наполеоны» в своей «Записке», адресованной П.Н. Врангелю, назвав почти те же фамилии: «Такая фигура может попытаться «вынырнуть» из революции, поставив ее силу к своим услугам и не напрягая ее против себя. На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащева, может быть, Троцкого (вряд ли), полковника Каменева и Буденного»²⁹.

Далее, характеризуя каждого из названных, Ильин отметил: «Брусилова и Зайончковского я знаю: оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому сами ничего не сделают, если их не сделают события. Слащева — не знаю... Полковник Каменев — просто штабной спец из радикалов. ...Троцкий — умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он — давнишний сотрудник немцев»³⁰. Ильин выделил лишь одну фигуру: «Тухачевский — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится»³¹.

...В своем письме из Берлина к Маклакову в Париж от 28 мая 1923 г., сообщая о положении в Советской России и рассуждая о возможной роли армии в антибольшевистском перевороте, Е.Д. Прокопович-Кускова особое внимание уделяла М.Н. Тухачевскому³². В связи с полученными от нее сведениями Маклаков писал Бахметьеву из Парижа 7 июня 1923 г.: «...Ленина нет. Все остальные слишком слабы.... Момент становится настолько острым, что они понимают, что эта толпа засосет их в болото, что это та же толпа, которая во время пожара убивает всякую надежду на спасение. Тогда и является фатальная надежда на единоличную власть, на силу военного диктатора. Вы постоянно вспоминаете о Директории; вспомните, как собирались соблазнить разных генералов еще до Бонапарта; ведь ни в одном законе не написано, чтобы военным диктатором был непременно победоносный полководец; если так и бывает, то это только случайность; на это больше шансов; но по существу нужно только иметь с собой военную силу, и если кто-либо располагает ею и не будучи победонос-

ным полководцем, то этого достаточно. Общее желание порядка и спокойствия может быть настолько сильным, что заменит и внешнюю победу. И ведь при Директории обращались до прибытия Бонапарта к тем, за кем таких громких побед не числилось. Я не хотел бы дать Вам подумать, что я верю в неизбежность этого поворота событий; я только допускаю его возможность и даже вероятность; и думаю дальше, что если бы это произошло и если бы какой-нибудь Тухачевский разыграл роль, скажем, даже не Бонапарта, а Муссолини, который тоже ведь не был победоносным полководцем, то этот военный диктатор, разогнавший коммунистических паразитов, был бы принужден немедленно и в упрощенном порядке сделать то, что я предчувствовал в виде медлительного процесса: передать на места, местным людям и учреждениям управление всей жизнью страны»³³. Здесь я позволю себе небольшую, но, полагаю, уместную ремарку, касающуюся, назову это так, «философии революции».

Маклаков оговаривается, что «18 брюмера» может совершить не обязательно «победоносный полководец», намекая на поражение Тухачевского под Варшавой. Активный деятель Русского Обще-Воинского Союза журналист Н.А. Цуриков, несколько позже разрушая в своих воспоминаниях о Тухачевском «наполеоновские» надежды, возлагавшиеся на него частью русской белой эмиграции, также обращал внимание на то, что «Наполеон рождается, однако, не из поражения и не из балаганных маневров, а из победы...»³⁴. Однако расхожее мнение, что «18 брюмера» было совершено победоносным генералом Бонапартом, — это устойчивое хрестоматийное заблуждение³⁵.

Бонапарт совершил переворот 18 брюмера 1799 г., сбежав в Париж после поражения в Египте, где он бросил остатки своей армии. То же самое повторилось и после его поражения в «русской кампании» 1812 г. В обоих случаях он покидал потерпевшие поражения войска, схиная ответственность за случившееся на других генералов. Само бегство Бонапарта обозначало его военно-тактические, стратегические и политические неудачи. «Варшавский разгром» армий Тухачевского, несомненно, был более впечатляющим, близким в пространстве и свежим во времени и для европейцев, и для русской эмиграции, но его стратегические и политические последствия, пожалуй, были менее значимы, чем «египетское» и «русское» поражения Наполеона. И таковыми они были в результате силь-

нейшего удара, нанесенного Тухачевским в июле 1920-го на Березине, отбросившего польские войска до Варшавы. Почему-то это событие забывалось всеми рассуждавшими по поводу Варшавского поражения «красного Бонапарта», которое в силу мощности его июльского удара так и не привело к восстановлению стратегической ситуации июля 1920-го. «Египетская экспедиция» и «русский поход» Наполеона с навязчивой идеей сокрушения Англии и установления мирового господства были, пожалуй, даже большими авантюрами (если так квалифицировать действия Тухачевского в 1920-м и Наполеона в 1798-м, 1799-м и в 1812-м), чем «варшавский поход» Тухачевского, прикрывавшийся пафосом «мировой социальной революции». Если отвлечься от конкретики «революционно-имперской фразеологии» Великой французской и Великой русской революций, грандиозные по замыслам военно-революционные авантюры Бонапарта и Тухачевского — проявление характерных свойств именно Великих Революций, вожди которых (а Бонапарт и Тухачевский оказались в их числе) всегда одержимы «великими химерами», претендующими на «всемирность», к которой они пытаются направить «революционную энергию» восставших масс.

«18 брюмера» как раз и склонен (да и вынужден) совершать, скорее, «не победоносный генерал», а генерал, потерпевший поражение. Захватив в свои руки власть, он мог «спрятать» его, представив прежних владык главными виновниками военных неудач. Генерал Бонапарт превратился в Наполеона не из победы, а как раз из поражения в Египте, захватив власть и переведя «стрелки» ответственности за военные неудачи в Египте и в Италии на Директорию. К тому же Бонапарту легче было «спрятать» свое поражение и его масштабы, учитывая периферийность театра военных действий (Египет, а не Европа). Впрочем, впечатление от поражения Тухачевского под Варшавой тоже «прикрылось» свежим ореолом его славы «спасителя Революции и Советской власти», взявшего мятежный Кронштадт и подавившего Тамбовское восстание. Эта слава (в контексте социально-политической ситуации тех лет гораздо более жизненно значимая для «революционной власти», да и для русского белого зарубежья, чем возможная победа под Варшавой) заменила ему в значительной мере «18 брюмера». Наконец, следует обратить внимание на еще одно обстоятельство.

Несмотря на поражение Бонапарта в Египте, а Тухачевского под Варшавой, оба военачальни-

ка имели уже сложившуюся и настолько устойчивую репутацию лучших «революционных генералов», что эти поражения казались невероятными и должны были побудить общественное мнение искать их причины (после череды удивительных побед) не в них самих (усомниться в их военных способностях или профессиональном умении казалось невозможным), а в ком-то или в чем-то ином.

...О Тухачевском заговорили в 1920 г. «Демон гражданской войны», «победитель Колчака и завоеватель Сибири», — эпически оценивал И.В. Сталин Тухачевского в феврале 1920 г.³⁶. «Было у нас тревожное настроение, — записал 27 марта 1920 г. в свой дневник белогвардейский полковник А.А. фон Лампе, — большевистское радио много говорило о торжественном заседании в Москве в ЦК по поводу взятия Новороссийска. Какая ирония: Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?»³⁷. Он не мог допустить, что этот, быть может, «красный Наполеон» — его однополчанин, офицер л.-г. Семеновского полка.

В следующий раз фон Лампе останавливает свое внимание на этой фигуре уже в июле 1920 г., в разгар «блиц-крига» Тухачевского на Варшаву. Он обратил внимание на газетную статью «Красные генералы», сделал ее вырезку и не мог удержаться от комментария для своего дневника.

«Красные генералы», — отметил он газетный заголовок, цитируя наиболее, на его взгляд, важные места помещенной под ним заметки. — Европейские корреспонденты «интересуются новым главнокомандующим советской армии Тухачевским, бывшим подполковником царской армии. Английская печать окружила эту фигуру, «внесенную на гребень революционной волны... ореолом какой-то особенной славы и таинственности. И когда читаешь подобные корреспонденции, становится действительно непонятным, кто такой этот красный герой, вынырнувший из мрака неизвестности, ловкий приспособляющийся авантюрист или новый Наполеон, временно укрывшийся под личиной пролетарского генерала»³⁸, — вновь задается вопросом врангелевский полковник.

Продолжая свою дневниковую запись, фон Лампе пересказывает газетную информацию о Тухачевском. «...Один из членов первой посетившей Россию английской рабочей делегации, — отмечает он, — после свидания с Тухачевским заявил: «После того как я видел этого человека, для меня стал ясным исход польско-русского столкновения». Английская пресса утверждает,

что советские главари страшно дорожат присутствием в их среде Тухачевского...»³⁹.

Примечательна запись, сделанная фон Лампе в дневнике 7 ноября 1920 г. «Статья в газете «На службе у большевиков», — отметил он. — Я не верю, что Лечицкий у большевиков, — эти сведения не совсем верны. Гиттис был полковником, в Особом совещании генералов чуть ли не десять! Но в общем-то имена знаковые — кое-кто из очень хороших моих знакомых — Зайончковский, Гиттис, Лазаревич и т.д. Да и наш Семеновец Тухачевский!»⁴⁰ Наконец, фон Лампе выяснил и отметил со смешанным чувством недоумения и затаенной гордости «полковой семьи», к которой он принадлежал: «наш Семеновец Тухачевский!»

К весне 1923 г. фон Лампе (уже генерал-майор и резидент генерала П.Н. Врангеля в Берлине) тоже был заинтригован вопросом: кто же овладеет властным наследством умирающего Ленина? «Мне кажется, — записал он в своем дневнике свои раздумья в марте 1923 г., — что монархистам придется перейти к идеям прямого бонапартизма⁴¹. Я лично считаю, что царем на Руси должен быть тот, кто сумеет этого добиться...⁴². Это возможно только внутри самой России!...⁴³. По-видимому, России придется пройти и через «красного Наполеона», должен сказать, что при всем том, что сейчас прямо иду к исповеданию бонапартизма, я не могу пойти за жидом! Не атавизм ли?!⁴⁴ ...Троцкий, по-видимому, не может опереться на Красную Армию, то есть она не в его руках, — это повышает значение спецов...⁴⁵. Если бонапартизм Врангеля был не мифом, я пошел бы за ним⁴⁶.... Ну да все равно, пусть хоть Буденный или Тухачевский!»⁴⁷.

В начале сентября 1923 г. фон Лампе направил донесение Миллеру, Кусонскому, Чебышеву, Иловайскому, в котором сообщал следующее: «В Берлин приехал на короткое время опальный советский главнокомандующий Вацетис. Есть сведения, что он настроен сильно против «жидов», вершащих судьбами России, и видит спасение «советской России» в смене современной власти диктатурой. В качестве диктатора он называет Тухачевского, которого считает выдающимся по воле и энергии. Приняты меры для проверки этих сведений и выяснения физиономии Вацетиса»⁴⁸.

Если в сентябре-октябре 1923 г. в белом зарубежье рассуждали лишь о «бонапартистском потенциале» Тухачевского, то в январе 1924 г. фон Лампе сообщал своему начальству о «заговоре Тухачевского в Смоленске и подготовке им

военного переворота силами подчиненных ему войск Западного фронта⁴⁹. Процитирую один документ, позволяющий утверждать, что сообщения врангелевского резидента не являлись слухами.

«С. секретно. Т. Менжинскому, — писал конфиденциальную записку своему заместителю Ф.Э. Дзержинский 1 января 1924 г. — В связи с данными о наличии в армии Зап. фронта к.-р. (контрреволюционных. — С. М.) сил и подготовке (переворота. — С. М.) необходимо обратить на Зап. фронт сугубое внимание. Полагаю необходимым:

1) составить срочно сводку всех имеющихся у нас данных о положении на Зап. фронте, используя и весь материал, имеющийся в ЦКК — РКИ (Гусев — Шверник), 2) наметить план наблюдения и выявления, а также мер по усилению нашего наблюдения и по предупреждению всяких возможностей.

Меры должны быть приняты по всем линиям нашей работы Ос. От., КРО погранохрана, губотделы, а также по линии партийной — ЦК и губкомы.

Нельзя пассивно ждать, пока «Смоленск» пожелает «продиктовать свою волю Кремлю».

Прошу этим заняться, используя пребывание здесь Апетера⁵⁰. Я думаю, кое-какие задания можно было бы дать Благоднарову и Самсонову и Межину по линии ж.д. и их влияниями, и их смычки»⁵¹.

«Смоленск» — это Тухачевский, командующий войсками Западного фронта, штаб которого находился в Смоленске. «Кремль» — понятно, Сталин, Зиновьев, Каменев, Троцкий. Впрочем, прервусь: этот сюжет требует уже специального рассмотрения.

...Типичными «лидерами» третьего периода русской революции, по мнению Сорокина, должны явиться «Красин, Стеклов, Некрасов, Кутлер, лидеры «сменовеховства», «живой церкви», буржуа, ставшие коммунистами, и коммунисты, перекарасившиеся из красного цвета в розовый, и все эти Гредескулы, Святловские, Елистратовы, Кирдецовы, Иорданские и тысячи других в русской революции»⁵². Он сопоставляет их с Талейраном, Тальеном, Мерленом, Баррасом, Фуше, Сийесом, Камбасересем во Французской революции, десятками «перевертышей» вроде Т. Милдмея и М. Уайтокера — в Английской революции.

От авантюристов и фанатических идеалистов — к военным диктаторам и талантливым циническим комбинаторам, — завершает свои рассуждения Сорокин, — такова линия развития революции в

ее фазах. Только с момента вхождения революции в русло мирной жизни люди иного психологического типа начинают восходить в командные слои»⁵³. Сорокин назвал в числе лидеров «третьего типа» большевика Л.Б. Красина. Очень интересная фигура, однако она является сюжетом, позволю себе так выразиться, для другого рассказа.

«Как ни неприятны, быть может, люди второго и третьего типа, — заключает социолог, — все же приходится предпочесть их людям первого типа: цинические комбинаторы, по крайней мере, умеют жить сами и дают жить другим, тогда как непримиримые революционеры-сектанты и сами не умеют жить, и не дают жить другим. Революционный и контрреволюционный фанатизм страшнее цинизма — такова горькая истина, преподносимая историей»⁵⁴.

Можно сказать, всех перечисленных «вождей» всех трех типов объединяет в революции одно, главное свойственное всем им качество — социокультурная, а следовательно, и мировоззренческая маргинальность. Она-то и порождает в их мировоззрении отрицание и отторжение существующего мира, ибо сами они этим ми-

ром отвергнуты. Они — «не от мира сего». Они «от мира иного», не «дольнего», но «горнего», однако «горнего» в их понимании». Мира еще не существующего, мира, в чем они убеждены, грядущего, в котором они, «кто был ничем», «станут всем».

Что касается общественного мнения, то как в Советской России, так и в «зарубежной», очевидно, было либо неприятие, подчас острое, любого из претендентов на ленинское властное наследие из партийно-большевистской элиты, либо, в лучшем случае, — равнодушие к ним. И это в основном при положительно-сочувственном отношении большинства населения, преимущественно необразованного или малообразованного, к Ленину. Однако предпочтительным вариантом в выборе наследника Ленина и «спасителя России» оказывался культурно-архетипически привычный «человек с ружьем», «генерал», «русский Бонапарт». В этом воплощении не исключено было примирение России «красной» с Россией «белой» уже в те, ныне далекие от нас 20-е гг. прошлого века, на завершающем витке Великой Русской революции. Я думаю, что это так.

Примечания

1. Достоевский Ф.М. Сочинения. М., 1958. Т. 9. С. 320–321.
2. Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. С. 241–242.
3. Там же.
4. Там же.
5. Так записал эту фамилию генерал в своем дневнике.
6. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. Л. 5151.
7. Там же.
8. Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента (1919–1922 гг.) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1994. Книга 5. С. 221.
9. Там же, с. 226.
10. «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 — 1923 гг.). М., 2001. Т. 1. Часть 1. С. 212.
11. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев — В.А. Маклакову. Переписка 1919–1951. М., 2002. Т. 2. С. 373.
12. «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину... Т. 1. Часть 2. С. 538.
13. Там же, с. 651.
14. Там же, с. 772.
15. Там же, с. 781.
16. Там же, с. 790.
17. Там же, с. 825–826.
18. Там же.
19. Там же, с. 838.
20. Там же, с. 825–826.
21. Там же.
22. Там же, с. 826.
23. Там же.
24. Там же, с. 826.
25. Валентинов (Вольский) Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 13.
26. «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 2. С. 500.
27. Там же, с. 243.
28. Имеется в виду Главком Вооруженных сил Республики бывший полковник Генштаба С.С. Каменев, а не известный большевистский лидер Л.Б. Каменев (Розенфельд).

29. Ильин И.А. Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. Адресована П. Врангелю // Русское прошлое. СПб., 1996. № 6. С. 220.
30. Там же.
31. Там же.
32. «Совершенно лично и доверительно!»... М., 2002. Т. 3. С. 568.
33. Там же, с. 15.
34. Цуриков Н.А. Генерал Тухачевский. Листки воспоминаний // Россия — Париж, 1927. № 14.
35. Тюлар Ж. Наполеон. М., 1996.
36. РГВА. Ф. 245. Оп. 4. Д. 201. Л. 87.
37. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 422.
38. Там же, д. 2(6). Л. 724.
39. Там же, д. 2(6). Л. 724.
40. Там же, д. 4 (2). Л. 1125.
41. Там же, д. 10. Л. 4125
42. Там же, д. 11. Л. 4708.
43. Там же, д. 10. Л. 4125.
44. Там же, л. 4131.
45. Там же, д. 14. Л. 6264.
46. Там же, д. 11. Л. 4708.
47. Там же, д. 10. Л. 4125.
48. Там же, д. 12. Л. 5319.
49. Подробнее о «заговоре Тухачевского» 1923–1924 гг. см.: Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000; его же: Сталин и его маршал. М., 2004; его же: Сталин и заговор генералов. М., 2005; его же: Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004 (второе издание. М., 2006).
50. Полномочный представитель ОГПУ по Западному краю и начальник Особого отдела Западного фронта.
51. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 165. Л. 10. Подлинник. Рукопись. Опубликовано: Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917 — 1926. Документы. М., 2007. С. 515.
52. Сорокин П.А. Указ. соч. С. 242.
53. Там же.
54. Там же.

S. Minakov

“Lenin’s heir” and “the Saviour of Russia”?”

Key words: **Lenin’s illness and death, public opinion, “bonapartism”, Tukhachevsky.**

The article treats the public opinion in Soviet Russia and of the Russian Emigration in one of the crucial moments of the Russian political history at the turn of 1922–1924, when V. Lenin, the leader of the Russian bolshevist revolution, because of his illness growing progressively worse, was excluded from politics. His inevitable death caused different forecasts, hopes and expectations concerning Lenin’s political heir. The article is based on the archival documents (including unpublished archives) and memoirs.

*М.Ю. ИЛЮХИН, старший преподаватель
кафедры всеобщей истории
Орловского государственного университета*

«ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ» П.Н. МИЛЮКОВА ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912 – 1913 гг.

Настоящая статья освещает проблему отношения партии кадетов в целом и ее лидера П.Н. Милюкова в частности к балканским войнам 1912–1913 гг. Основное внимание уделяется «особой позиции», занимаемой Милюковым по отношению к сторонам, участвовавшим во второй балканской войне. Указаны причины, приведшие лидеров кадетов, вопреки мнению как партийного большинства, так и официальных кругов России к поддержке Болгарии в этом конфликте. Автором использованы архивные материалы, публикации в кадетской периодике, мемуарная литература.

Ключевые слова: кадетская партия, балканские страны, «европейский концерт», балканские войны, «турецкое наследство», «российский интерес».

Во внешнеполитической концепции кадетов Балканский регион занимал исключительно важное место. Виднейший идеолог партии, принадлежавший к ее правому крылу, П.Б. Струве в своей программной статье «Великая Россия» обозначил в качестве приоритетного направления внешнеполитической деятельности русского правительства бассейн Черного моря. По его мнению, именно здесь складываются условия для создания как «внутреннего», так и «внешнего» могущества державы. Прилегающий к Черному морю регион, в первую очередь Балканский полуостров, должен стать сферой безраздельного экономического и политического господства России [20, 143–155]. Хотя многие положения, высказанные Струве, вызвали острую полемику среди кадетов, в целом ни у кого из них не вызывало сомнения то, что балканскому направлению во внешней политике следует уделять особое внимание. Этому мнению придерживались лидер партии и ее думской фракции П.Н. Милюков, считавшийся в кадетской среде главным специалистом по международным вопросам, теоретик внешнеполитической доктрины русского либерализма С.А. Котляревский, известные кадетские публицисты. Разделяли это мнение все без исключения члены ЦК партии кадетов и думской фракции.

Кадеты постоянно призывали правительство отказаться от «дальневосточных авантур», уже однажды обернувшихся для страны поражением в русско-японской войне, и активизировать политику на Балканах, где Россия утратила влияние. Ее интересы сталкивались здесь с интересами Австро-Венгрии и Германии, поэтому, по справедливому мнению кадетских аналитиков, на Балканском полуострове находился один из опаснейших очагов напряженности, могло вспыхнуть пламя общеевропейского военного пожара. И дело было не только в том, что противоборствующие великие державы не желали, что вполне естественно, упустить возможность контролировать столь важный в геополитическом смысле район. Сложность ситуации заключалась еще и в том, что на полуострове с 1908 года начался процесс пересмотра границ, установленных решениями Берлинского конгресса в 1879 году.

Отношение кадетов к политике русского правительства на Балканах получило достаточное освещение в исторических исследованиях [1; 21; 22]. Основными объектами исследований стала позиция кадетов по вопросам внешней политики в связи с младотурецкой революцией, боснийским кризисом и балканскими войнами 1912–1913 гг. В своей монографии В.В. Шелохаев говорит об «особой позиции» П.Н. Милюкова по отношению к Болгарии в период второй балканской войны 1913 года [22]. Но специальных работ, посвященных исследованию взглядов П.Н. Милюкова на проблему взаимоотношений балканских союзников и политику России по отношению к участникам балканских войн, нет. Статья М.А. Бирмана освещает деятельность Милюкова в составе международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий войн [2]. Однако это лишь эпизод деятельности лидера кадетов в связи с вооруженными конфликтами 1912–1913 гг. на Балканах. Цель настоящей статьи – по возможности дать общий обзор этой деятельности во всей ее полноте.

К 1910 году кадеты считали, что для прочного утверждения России на Балканах необходимо объединение под её эгидой всех южнославянских государств. Поэтому русской дипломатии, согласно взглядам кадетов, следовало заботиться о поддержании согласия между этими государствами, прежде всего – между Сербией и Болгарией. В противном случае не так, другая отойдут от России и сблизятся с Австрией. Данные соображения определили положительное отношение кадетов к оформлению в 1912 году под покровительством России союза Балканских государств, целью которого была ликвидация турецких владений в Европе. Поскольку к 1912 году кадеты разочаровались в младотурках как в силе, способной осуществить модернизацию Османской империи по либеральному пути, и в связи с этим утратили надежду на возможность вовлечения Турции в орбиту русского влияния, программа, легшая в основу заключения соглашений между Грецией, Сербией, Черногорией и Болгарией, была для них приемлема. Однако реальные события, связанные с ходом балканских войн 1912 – 1913 годов, внесли свои коррективы в их политические симпатии и антипатии. Если в первой балканской войне они, по крайней мере публично, поддерживали всех балканских союзников в их «справедливой борьбе» за Македонию, то во время второй войны, когда Сербия, Греция и примкнувшая к ним Румыния «доказывали» Болгарии свои «исключительные права»

на эту бывшую турецкую провинцию, положение изменилось. Кадеты, вместе с октябристами и прогрессистами, вслед за официальными кругами заняли ярко выраженную просербскую позицию [22, 186]. Единственным «болгарофилом» в их среде оказался П.Н. Милюков.

Анализ публикаций того времени, официальных партийных документов и мемуарной литературы позволяет утверждать, что в целом партия кадетов заняла в этот период весьма активную позицию по вопросам балканской политики. В ней возникла оппозиция Милюкову, который после встречи с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, имевшей место в конце сентября или начале октября 1912 года [22, 179], внезапно прекратил со страниц «Речи» ругать его за «уступчивость» и недостаточную твердость и начал усердно хвалить за осторожность и взвешенность проводимого министром курса.

12 октября 1912 года состоялось заседание ЦК, на котором большинство присутствующих выступили с критикой милюковской линии. Его позицию осудили П.Б. Струве, Н.А. Гредескул, А.В. Тыркова, А.С. Изгоев, В.И. Вернадский [3]. Через десять дней еще более решительно высказались за активные действия в связи с событиями на Балканах члены Московского отделения ЦК [4]. Милюков же продолжал настаивать на том, что партия должна поддержать осторожность министра иностранных дел, отказаться от воинственных призывов. В отличие от большинства партийных деятелей он в период балканских войн руководствовался принципом, который сам провозгласил еще во время боснийского кризиса: во внешнеполитических вопросах оппозиционная партия при выработке своей линии должна руководствоваться не партийными, а общегосударственными интересами. Для большинства же членов ЦК, как и осенью 1908 – весной 1909 года, критика любой политики правительства на Балканах оставалась главной задачей. Они опасались, что отказ от публичной поддержки славян и соглашение с правительственным курсом не найдут понимания в обществе и нанесут ущерб популярности партии. Таким образом, Милюков пошел значительно дальше своих коллег по ЦК. Он отказался от т.н. «негативной критики» правительственного курса. Это, разумеется, не означает, что он выражал полную поддержку МИДу, более того, он не соглашался с линией официальной дипломатии. Фактически он был единственным из видных кадетов, кто внес предложения по существу дела.

Но его предложения носили конструктивный характер. Вот почему «особая позиция» Милюкова в период балканских войн заслуживает специального рассмотрения.

Первая балканская война началась утром 9 октября 1912 года открытием боевых действий на черногорском фронте. 17 октября войну Турции объявили Сербия и Болгария, 18 октября – Греция. Милюков, как знаток многих тонкостей политической жизни на Балканах, стал одним из первых, кто дал квалифицированную оценку событиям. Еще в сентябре он разъяснял в «Речи» суть устремлений и чаяний балканских союзников: Сербия, Греция, Черногория и Болгария желают один на один «выяснить отношения» с Турцией. Они не просят никакого содействия со стороны великих держав и настаивают на их невмешательстве. Эти требования Милюков считал справедливыми, ибо, как показал предшествующий опыт, всякие попытки «европейского концерта» выступить в качестве посредника в решении вопроса о судьбе Македонии не увенчались успехом [7]. Он, конечно, не мог обойти проблему локализации конфликта пределами Балканского полуострова, но считал, что опасности перерастания войны в общеевропейскую не существует, если только в ход событий не вмешается Австрия [7]. Милюков имел основания для подобных утверждений, поскольку ему, видимо, было известно о гарантиях невмешательства европейских держав, в том числе Австро-Венгрии. Вполне возможно, что об этих гарантиях ему сообщил Сазонов во время упомянутого «свидания». Тогда время этой встречи следует отнести к середине – второй половине сентября. Эти гарантии косвенно были подтверждены нотой от 7 октября, переданной через посредство России. В своих воспоминаниях лидер кадетов твердо заявляет, что великие державы были уверены в победе Турции, а потому вели себя по отношению к балканским союзникам лицемерно. Их призывали воздержаться от боевых действий в обмен на очередное обещание реформ в европейских владениях Османской империи, а туркам – сохранение этих владений независимо от исхода войны [5, 351]. Таким образом, Милюков обладал информацией, неизвестной другим видным деятелям партии кадетов. Возможно, в этом кроется одна из причин его конфликта со многими членами ЦК на заседании 12 октября. К тому же у него имелись собственные впечатления от поездки на Балканы. Эта поездка состоялась во второй половине октября 1912 года. Хотя сам лидер кадетов не на-

зывает точных дат, определить её время не составляет труда. Он сообщает, что для поездки на Балканы воспользовался периодом между 8 июля (ропуск III Думы) и 15 ноября (созыв IV Думы) 1912 года. Между тем он присутствовал на заседании ЦК 12 октября и, естественно, был в Петербурге во второй половине сентября, во время «свидания» с С.Д. Сазоновым. А 23 октября находился на станции Мустафа-паша на берегу р. Марицы, в конечном пункте своего путешествия [5, 352]. О необходимости совершения этой поездки Милюков, по его собственному признанию, задумывался еще весной. Поэтому, когда его старый знакомый Чарльз Крейн, находившийся осенью 1912 года на Балканах, предложил составить компанию в турне по региону, Милюков с радостью согласился [5, 352]. Начало боевых действий застало «путешественников» на пути в Старую Загору. Вместо планируемого возвращения в Софию они последовали за действующей армией и, как было сказано выше, к 23 октября достигли станции Мустафа-паша. Во время этой «туристической прогулки» Милюков имел возможность ознакомиться с местными настроениями, политическими симпатиями населения, прогнозами дальнейшего развития событий. По возвращении в Софию он впервые встретился с царем Фердинандом. Хотя эта встреча была неофициальной и имела ознакомительный характер, болгарский монарх, видимо, уже тогда имел намерение использовать знакомство с лидером крупнейшей российской оппозиционной партии в собственных политических целях.

В результате поездки Милюков уже осенью 1912 года пришел к выводу о том, что война союзников против Турции станет лишь первым актом балканской драмы. Далее последует борьба из-за дележа «турецкого наследства». А так как это будет сопровождаться развалом Балканского союза, позиции России на полуострове не просто ослабнут. Есть реальный шанс полностью их утратить. Поэтому с конца октября Милюков постоянно призывает русскую дипломатию любыми средствами спасти Балканский союз от развала. Впрочем, дипломатов не нужно было уговаривать.

Сразу же по возвращении Милюков заявляет о необходимости предоставить Сербии порт на Адриатике. Так как Салоники по соглашению между союзниками отойдут к Греции, а земли к востоку от Вардара – к Болгарии, только получение сербами выхода к Адриатическому морю удовлетворит их давние желания, не ущемляя ин-

тересов других участников блока [8]. Уже тогда Милюков больше всего опасался конфликта между Сербией и Болгарией. Потому-то он настаивал на поощрении сербского продвижения к Адриатике и указывал на недопустимость их закрепления на берегах Эгейского моря [8]. Исходя из тех же соображений, он осудил провозглашение независимости Албании, последовавшее 16 октября при поддержке Австрии: австрийцы, считал он, пытаются остановить сербскую экспансию на запад, обратить её на восток, т.е. спровоцировать сербско-болгарский конфликт. Следствием этого будет распад Балканского союза и переход Болгарии в орбиту венского влияния [6]. Он даже предложил ответить на австрийскую военную демонстрацию у побережья Дураццо, направленную на устрашение Сербии, мобилизацией русского флота, а при необходимости и армии. Таким образом, уже к ноябрю 1912 года у Милюкова сложились весьма обоснованные опасения на счет будущего Балканского союза и опасности перехода Болгарии под покровительство Австро-Венгрии, а значит, и Германии. Именно этим следует объяснить его проболгарскую позицию в период второй балканской войны, противоположную позиции большинства кадетов.

Между тем Турция 22 октября обратилась к великим державам с просьбой вмешаться в ход событий на Балканах. 20 ноября Турция и союзники, за исключением Греции, заключили перемирие. 2 декабря в Лондоне собрались представители Балканских стран, а на следующий день начались совещания послов великих держав. Но, несмотря на очевидность поражения, турки в ходе переговоров не собирались проявлять уступчивость. 4 января 1913 года великие державы обратились к Турции с призывом проявить благоразумие. Кадетская «Речь», в свою очередь, призвала державы оказать на Турцию серьезное давление, ибо продолжение боевых действий создаст «дополнительные трудности» в деле локализации конфликта [18]. В тот же день Болгария в категорической форме потребовала сдачи и передачи ей осажденного Адрианополя. 16 января переговоры в Лондоне были прерваны, а 21 января возобновились боевые действия. 13 марта Адрианополь был взят.

Успехи «братьев-славян» вызвали в России волну ликования среди правых, к которой присоединилась большая часть либералов, в том числе кадетов [22, 185]. Но эта эйфория не затронула Милюкова. Его более волновали проблемы, связанные с послевоенным устройством

Балкан. К тому же Румыния внезапно выступила с территориальными претензиями к Болгарии, угрожая оккупировать требуемые территории. Так как Румыния не входила в число воюющих стран, её вмешательство создавало угрозу де-локализации конфликта. «Речь» назвала претензии Бухареста провокацией [13]. Конечно, утверждал Милюков, угрозы Румынии останутся пустым звуком, если за Болгарию вступится Россия. Но её вмешательство развяжет руки Австрии. Поэтому лидер кадетов признал правильной позицию российского МИДа, советовавшего болгарам уступить, однако считал, что требовать от них слишком больших уступок «и не тактично, и унижительно для самолюбия победителей» [13].

После того, как Адрианополь был взят, между Болгарией и Турцией было заключено соглашение о перемирии сроком до 21 апреля 1913 года. Этим перемирием, а также пасхальными каникулами Думы (6–23 апреля) Милюков решил воспользоваться для совершения новой поездки на Балканы. Теперь главным интересующим его вопросом были взаимоотношения между балканскими союзниками по поводу раздела бывших турецких владений. Перед самым отъездом он публикует в «Речи» статью под броским названием «Распри между союзниками» [19]. Желая показать, что он выступает не от имени редакции, а высказывает только свое мнение, лидер кадетов, вопреки обыкновению, подписался под этой статьей. Он указывал, что интересы Сербии и Греции, не противореча друг другу, сталкиваются в Македонии с интересами Болгарии. Милюков предлагает проанализировать обоснованность претензий всех сторон на македонские земли, основываясь на традиционном для либерализма принципе апелляции к мнению коренного населения Македонии. Население это, считает он, еще не оформилось этнически, поэтому македонцы «приписывают» себя к тому или иному этносу в зависимости от вероисповедания, точнее, поскольку все они православные, в зависимости от церковно-административного подчинения. Те, кто находится под юрисдикцией болгарского экзарха, считают себя болгарскими. Прихожане Греческой патриархии на севере Македонии – сербами, на юге – греками. Не отрицая существования на северо-востоке Македонии настоящей сербской, а на юге – греческой общин, чьи территории должны безусловно отойти к Сербии и Греции, Милюков считал, что абсолютное большинство македонцев – «патриархистов», или, по местной терминологии,

гии, «сербоманов» и «грекоманов», являются этническими болгарами [19]. Далее он приводит статистические данные о количественном соотношении представителей этих групп, согласно которым в зоне оккупации Сербии проживает 467 012 «болгар-эксархистов» и всего 49 224 серба и «сербомана». Схожая картина в зоне греческой оккупации: 123 262 «болгара-эксархиста» и 49 198 греков и «грекоманов» [19]. Даже если предположить, что «сербоманы» и «грекоманы» не болгары, а те, кем сами себя считают, говорит Милюков, все равно болгарское население Македонии составляет подавляющее большинство. Поэтому претензии Сербии и Греции на центральную часть этой страны Милюков признает необоснованными [19]. Позже, во время поездки по Македонии, он обращал внимание на политику насильственной «сербизации» и эллинизации коренного населения, проводимой в сербской и греческих оккупационных зонах. Эта политика выражалась не только в глумлении «освободителей» над обычаями «освобожденных», но и в прямых запретах говорить по-болгарски, считать себя болгарами и даже использовать по праздникам в качестве украшения бело-зелено-красные ленты [10]. Особое возмущение Милюкова вызвали притеснения, которым подвергся со стороны сербов митрополит Велешский Неофит, вынужденный покинуть Македонию [10].

Хотя Милюков в своих воспоминаниях утверждает, что в тот период не знал о тайных переговорах между Сербией, Грецией и Румынией о создании союза против Болгарии [5, 358], наивно было бы полагать, что столь искушенный политик не догадывался о готовящемся антиболгарском выступлении. Не случайно же высшие руководители и Сербии, и Болгарии оказывали ему знаки особого внимания [5, 358]. Сам он с иронией замечал, что на Балканах, видимо, сложилось преувеличенное представление о степени влияния лидера оппозиционной партии на российскую внешнюю политику. Иначе не стал бы царь Фердинанд дважды (лично и через министра Христова) просить Милюкова о содействии в убеждении Николая II «протезировать» передачу Болгарии города Родосто на побережье Мраморного моря [5, 357]. На пути в Россию, в Вене, Милюков имел доверительную беседу с сербским министром иностранных дел Миловановичем, давним сторонником сербо-болгарского сближения, который, видимо, предоставил ему дополнительные сведения о разгоравшемся между союзниками конфликте [5, 358].

К моменту возвращения Милюкова противоречия между союзниками зашли так далеко, что Болгария вынуждена была обратиться к России с просьбой о посредничестве. Милюков тут же определил пределы русского посредничества следующими пунктами: 1. Настояние на соблюдении обеими сторонами договора от 29 февраля 1912 года как единственно прочной основы для дальнейших мирных отношений. 2. Решение частных пограничных споров путем взаимных компенсаций. В противном случае, утверждал он, договор следует считать разорванным, от арбитража отказаться [16]. Иными словами, лидер кадетов предлагал министерству иностранных дел оказать на вчерашних союзников прямое давление с целью вынудить их сохранить Балканский союз. Понятно, что давление при подобных обстоятельствах было бы направлено отнюдь не на Болгарию.

В процессе назревания вооруженного конфликта между Сербией и Болгарией официальный Белград, пытаясь заручиться поддержкой не только официальной России, но и либерального общественного мнения, прибегал к посылке в Петербург специальных эмиссаров, главной задачей которых было разъяснение «справедливости» сербских претензий к Болгарии по поводу раздела Македонии. Эти эмиссары «выражали мнение» всего «сербского общества», правда, от имени его, как это часто бывает в подобных случаях, выступали бывшие высшие чиновники и представители националистически настроенной интеллигенции. Первым из таких эмиссаров был профессор Белич. Затем прибыли бывший министр внутренних дел Генчик и профессор Вукичевич. Со страниц «Нового времени» они принялись обличать Болгарию в нарушении союзнических обязательств, что, по их мнению, делало сербские претензии на большую часть Македонии вполне обоснованными. Деятельность сербов вызвала раздражение Милюкова, не понаслышке знавшего реальное положение дел в Македонии. В двух статьях под общим заголовком «Сербские аргументы» он прямо обвиняет Белича и Генчика во лжи [17; 9]. Тогда Генчик и Вукичевич в середине июня опубликовали в нескольких русских газетах открытое письмо в адрес Милюкова. Лидер кадетов обвинялся в стремлении «унизить» и «растерзать» «несчастный сербский народ», в разжигании сербофобии среди «просвещенного русского общества», в желании разрушить «вековые устои» сербско-русской дружбы. Но самым обидным для Милюкова стало обвинение его в «давних связях с болгарским

правительством». Хотя оно не особенно бросалось в глаза на фоне велеречивых словоизлияний о национальном долге, славянском братстве и т.д., это обвинение было, пожалуй, самым опасным для престижа кадетского лидера. Ведь получалось так, что руководитель популярной оппозиционной партии фактически является болгарским шпионом. Тем более что Милюков действительно работал в Болгарии в 90-х годах XIX века, неоднократно посещал эту страну и встречался с ее официальными лидерами и заметными политическими деятелями. Сербы при этом забывали о том, что он столь же часто бывал у них, заводил полезные знакомства, встречался и вел переписку с важными персонами.

Милюков опубликовал текст открытого письма в «Речи», а затем дал сербским эмиссарам гневную отповедь. Он заявил, что, во-первых, никогда не состоял на службе в Сербии. Следовательно, никаких «обязательств» перед сербскими властями у него не было и не могло быть. Для официальных сербских кругов он всегда был и остается частным лицом, а как частное лицо всегда находил в Сербии самый теплый прием. Но в то же время, посещая Македонию, он никогда не выполнял там никаких поручений официальной Софии.

Следовательно, заявления Генчича о неоднократных «командировках» Милюкова как «благодарного болгарского чиновника» являются клеветой. Наконец, его «давняя связь» с болгарским правительством, о которой говорил Генчич, заключается, по утверждению Милюкова, в том, что оно не по своей воле, а под нажимом русского правительства разорвало с ним контракт о чтении лекций в Софийском университете. Это происшествие, по ироничному замечанию Милюкова, оставило у него столь же малое чувство «благодарности», как и досады [11].

Более обстоятельно Милюков рассмотрел другое обвинение Генчича в свой адрес. Сербский экс-министр утверждал, что Милюков призывал Австро-Венгрию к вторжению в Ново-Базарский санджак. Причем призыв этот якобы был сделан с думской трибуны. Лидер кадетов не отрицал того факта, что во время своего выступления в Думе 9 июня 1913 года он назвал поведение Сербии безумным, говорил о том, что в случае разрыва сербско-болгарского договора Новый Базар окажется не защищенным от австрийского вторжения, а двести тысяч болгарских солдат превратятся

из союзников Сербии в ее врагов. Тогда Россия вряд ли согласится опекать виновников развала созданного ею же Балканского союза. Конечно, в этих словах, писал Милюков, содержится угроза в адрес Сербии, но он здесь не был оригинален. Он лишь повторил то, что содержалось в Высочайшей телеграмме. Ему лично принадлежит только заявление о том, что, «делая безумства, их виновники рассчитывают, что по счету заплатит Россия», но подобное высказывание трудно оспорить. Что же касается обвинений в «систематической травле сербского народа», «заведомой пристрастности», то лидер кадетов их просто игнорировал: он полагал, что русское общество, хорошо его знавшее, не поверит голословным упрекам и обвинениям [11].

Итак, в период обострения противоречий между балканскими союзниками, когда партия кадетов в целом осталась индифферентной, ее лидер проявил солидарность с русскими дипломатами, предпринимавшими лихорадочные попытки спасти разваливающийся блок. Именно с сохранением Балканского союза он связывал возможность сохранить русское влияние на Балканах. Поэтому его проболгарская позиция определялась отнюдь не личными симпатиями к стране, где он проработал ряд лет и пользовался известностью. Для Милюкова было ясно, что в случае вооруженного конфликта между Сербией и Болгарией русское правительство, скорее всего, поддержит сербов. Тогда в болгарских официальных кругах победит мнение о необходимости перейти под покровительство Австрии. Милюков оставался верен оценкам, данным кадетами еще в 1908 году, перспективам развития болгарского государства и его роли в политической жизни Балканского полуострова. Поэтому он призывал «удержать» Болгарию в сфере русского влияния путем ее активной поддержки в конфликте с Сербией. Что до последней, то на счет ее перехода под покровительство Австрии лидер кадетов не опасался: сербо-австрийские противоречия приравнивали к нулю шанс подобного развития событий. Вот почему начало второй балканской войны повергло Милюкова в отчаяние. «Речь» лишь констатировала этот факт, оставив его без комментариев. Когда русское правительство предложило организовать посредничество для урегулирования конфликта, Милюков одобрил эту инициативу, расценив отказ от русского предложения,

последовавший со стороны Сербии и Греции, как безответственный и легкомысленный шаг, «диктуемый затуманенным сознанием победителей» [12]. Заключенные в Бухаресте соглашения он назвал унижительными, грабительскими и просто антигуманными по отношению к Болгарии [14]. Острой критике с его стороны подверглась позиция стран Антанты, в частности Франции, отказавшейся поддержать русское требование о передаче Болгарии Ковалы [14], критиковал он и русскую дипломатию за недостаточную активность и деловитость в защите как русских, так и болгарских интересов [15]. По мнению Милюкова, Бухарестские соглашения не ликвидировали македонского вопроса, они только усугубили противоречия между Балканскими государствами, создав для Австрии возможность проводить в регионе собственную, никак не соответствующую русским интересам политику [14].

После этого Милюков в августе 1913 года еще раз посетил Балканы. Его пригласили участвовать в работе комиссии, созданной отделом воспитания и пропаганды организации Карнеги, изучавшей проблему «балканских зверств», т. е. злоупотреблений и жестокостей со стороны военных властей всех участников балканских войн по отношению к мирному населению и военнопленным. Первой вопрос о «зверствах» со стороны сербов, греков и турок подняла Болгария. Из-за участия Милюкова комиссия была выдворена из Белграда, Салоник и Афин. В сербской столице националистически настроенная молодежь даже устроила манифестацию с призывами расправиться с «врагом Сербии» [5, 359]. Но в Болгарии членов комиссии приняли тепло и предоставили возможность полноценно работать. Как и следовало ожидать, работа эта фактически окончилась ничем: определить правых и виноватых не удалось, «зверства» в той или иной форме совершались всеми участниками конфликта. Но Милюков считал, что независимо от результата деятельность комиссии была особенно важна для болгар, униженных Бухарестским миром [5, 359]. Для себя же он сделал вывод о полной политической эмансипации славянских стран Балканского полуострова от российской опеки. Теперь Россия, по его мнению, должна руководствоваться в своей балканской политике собственными интересами, не связывая себя обязательствами идео-

логического характера [5, 359]. После того, как Болгария окончательно отошла от ориентации на Россию, он потерял к этой стране всякий политический интерес.

Таким образом, в период балканских войн 1912–1913 гг. П.Н. Милюков, несмотря на имевшие место эмоциональные взрывы и срывы, проявил себя как рационально и трезво мыслящий политик, способный прагматично просчитывать последствия возникающих на его глазах явлений и процессов. Вся его деятельность определялась соображениями двоякого рода. Во-первых, не сомневаясь в локальности конфликтов, разгоревшихся на Балканах, он понимал, что тот или иной вариант их разрешения повлияет на расстановку сил в Европе и поспособствует нарушению европейского политического равновесия. Вот почему он с особым вниманием относился к Болгарии, способной при игнорировании ее интересов Россией перейти под покровительство Австро-Венгрии. Именно этими соображениями, а отнюдь не проболгарскими симпатиями руководствовался он при определении своего отношения к сторонам — участницам второй балканской войны. Тем не менее не следует игнорировать и соображений, вытекающих из элементарного чувства справедливости по отношению к македонскому населению, подвергнутому в угоду политическим амбициям «освободителей» насильственной сербизации и эллинизации. Во-вторых, Милюков постоянно заботился об интересах России на Балканском полуострове. Не имея ничего общего с великорусскими шовинистами, он выступал за усиление России на международной арене, рассматривая Балканы как один из важнейших районов активности русской дипломатии. В России он видел ту державу, которая в силу исторически сложившихся причин должна и может господствовать на Балканском полуострове. Милюков справедливо полагал, что в случае потери Россией влияния в этом регионе вакантное место сразу же будет занято Австрией.

Процесс изменения расстановки сил на Балканском полуострове повлиял на эволюцию взглядов Милюкова на принципы взаимоотношений России и Балканских государств. От политики патернализма Россия, по его мнению, должна перейти к политике защиты и отстаивания собственных интересов.

Библиографический список

1. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906 –1910. М., 1961.
2. Бирман М.А. Звездный час П.Н. Милюкова-балканиста. (П.Н. Милюков – член международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий балканских войн 1912–1913 гг.) //Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992.
3. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 223–231.
4. ГАФР – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 50–51.
5. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 351.
6. Речь. – 1912. – 1 (14) ноября.
7. Речь. – 1912. – 13 (26) сентября.
8. Речь. – 1912. – 28 октября (10 ноября).
9. Речь. – 1913. – 10 (23) мая.
10. Речь. – 1913. – 10 (23) апреля.
11. Речь. – 1913. – 13 (26) июня.
12. Речь. – 1913. – 2 (15) июля.
13. Речь. – 1913. – 22 января (4 февраля).
14. Речь. – 1913. – 26 июля (8 августа).
15. Речь. – 1913. – 27 июля (9 августа).
16. Речь. – 1913. – 3 (11) мая.
17. Речь. – 1913. – 5 (18) мая.
18. Речь. – 1913. – 6(13) января.
19. Речь. – 1913. – 8 (21) апреля.
20. Русская мысль. – 1908. – № 1. – С. 143–155.
21. Чапкевич Е.И. Отношение царского правительства и политических партий России к буржуазным революциям в Азии начала XX в. Орел, 1987.
22. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1908–1914 гг. М., 1991.

Ilyukhin M.U.

“The particular opinion” of P. Milyukov on the issues of foreign policy during the Balkan Wars 1912–1913.

The article treats the attitude of the Constitutional Democratic party (the Kadets) in general and of its leader Pavel Milyukov in particular towards the Balkan Wars 1912–1913. The main problem the article deals with is “the particular opinion” of P. Milyukov concerning the belligerents of the II Balkan War. The reasons are pointed out that made the Kadet’s leaders support Bulgaria during this conflict, neglecting the opinion of the party’s majority as well as the official position of the Russian government. The author has used archival documents, the Kadet’s periodical publications, memoirs.

Key words: **tbu Kadets, tbu Balkan Wars, tbu Balkan countries, «tbu European concert», «Russian interests», «Turkey heritage».**

*И.В. ПРОВАЛЕНКОВА, старший преподаватель
кафедры истории России
Орловского государственного университета*

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «СМОЛЕНСКОЙ ШЛЯХТЫ» НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII — НАЧАЛЕ XX в.

В статье дается исторический очерк и характеристика «смоленской шляхты» как этносоциального явления, исследуются различные этнокультурные источники формирования этой общности. На основе анализа архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, и опубликованных исторических памятников выявляются и исследуются дворянские фамилии, встречающиеся как в составе «смоленской шляхты», так и на территории Орловской губернии, выясняется их принадлежность именно к «смоленской шляхте», определяется число фамилий, действительно относящихся к этой этнокультурной группе, их происхождение, прослеживается время проживания представителей той или иной дворянской фамилии, принадлежавшей к «смоленской шляхте», в Орловской губернии. В качестве характерного примера выходцев «смоленской шляхты» на территории Орловской губернии рассматривается дворянский род Потемкиных.

Ключевые слова: «смоленская шляхта», дворянские фамилии, Орловская губерния, этносоциальный феномен, этнокультурная группа.

Исследование вопроса о начале появления представителей польско-литовского дворянства на территории будущей Орловской губернии в XVI–XVII вв. свидетельствует, что одним из источников наиболее раннего проникновения польско-литовских выходцев в среду «служилых людей» Московского государства в XVI–XVII вв. и их «оседания» в России, в частности на территории Орловской губернии, была так называемая «смоленская шляхта» — своеобразная военная этносоциальная группа, образовавшаяся в специфических социально-политических условиях русско-польско-го пограничья XVI–XVII вв. [31].

Понятие «смоленская шляхта» как устойчивая этносоциальная региональная группа российского дворянства окончательно закрепилось в XVIII в. в силу специфики своего социально-сословного положения в составе населения Российской империи, обусловленного ее происхождением. Это в своем большинстве дворянство польско-литовско-русско-татарского происхождения, постоянно проживавшее в Смоленске и его округе. Формирование этой своеобразной этносоциальной группы восходит еще ко временам после монголо-татарского нашествия и перехода Смоленска в начале XIV в. под власть великих князей Литовских. Среди их подданных оказалось все русское население Смоленщины, включая и представителей смоленской княжеской ветви Рюриковичей, в числе которых оказались предки будущей разветвленной фамилии князей Друцких (Друцких-Соколинских и пр.). Вместе с потомками смоленских Рюриковичей на территории Смоленщины оставались и их бояре, и «дети боярские». Правда, как полагает исследователь смоленского дворянства и «смоленской шляхты» С.В. Думин, «таких «старосмоленских» семей, известных в Смоленске еще в 1574 г., можно назвать практически лишь несколько: Азанчевы (они же Азанчевские и Азанчевские-

Азанчевы) (см. прим. 1), Бердяевы, Лопатины, Лыкошины, Потемкины, Пыжовы, Рыковы, Халютины (и их ветвь, носившая фамилию Колечицких), Шатихины, Шестаковы, Якушкины (смоленская и вяземская ветвь)» [31, 6]. Следует к ним добавить и смоленского «сына боярского» Афанасия Федоровича Тухачева (Тухачевского) (см. прим. 2), упоминаемого в документах под 1582 г.

Другая социальная группа, принявшая участие в формировании «смоленской шляхты», — это представители польской шляхты и литовского дворянства. Они чаще всего принадлежали к старинным польским и литовским фамилиям, известным в Польше, Литве и Речи Посполитой еще в XV–XVI вв.

Важным этапом в формировании такого этнокультурного и этносоциального своеобразия «смоленской шляхты» можно считать взятие Смоленска войсками великого князя московского Василия III Ивановича в 1514 г. в ходе русско-литовско-польской войны [33, 18, 19] и включение его в состав Московского государства. После этого события, однако, наряду с вновь появившимися «детьми боярскими», помещенными великими князьями и царями Московскими в Смоленске и его округе (такими как Тухачевские, к примеру), среди смоленских бояр и слуг, указанных в десятне 1574 г., присутствуют те, которые принадлежали к фамилиям смоленских бояр и слуг в списке 1480-х годов: Вошкины, Дерновы, Коверзины, Козловы, Копыловы, Лесковы, Микулины, Некрасовы, Перфульевы, Пешковы, Ходневы, Шестаковы [33, 8, 9]. К ним следует добавить также Бердяевых, которые в десятне 1574 г. обозначены как «туточние земцы деревни Берднева» [33, 9].

Следует отметить, что в XVI–XVII вв. русские цари и польские короли селили в Смоленске и его округе, наделяя землями за службу, и «служилых иноземцев» немецкого и иного западноевропейского происхождения в составе рейтарских полков (Энгельгардты, фон Ляры, Корфы, Буксгевдены, Лесли и др.), которые также влились в состав «смоленской шляхты». Еще ранее, пожалуй, начиная с XIII–XIV вв., на службе великих князей Литовских в Смоленске появляются так называемые «литовские татары», потомки которых также составили часть «смоленской шляхты» к XVII в. Следует еще раз подчеркнуть, что все эти разнообразные по этнокультурному происхождению представители «смоленской шляхты» были людьми военными и все испытали на себе в большей или меньшей

мере воздействие естественной культурной «полонизации».

Многие потомки смоленских бояр, оказавшись на службе у великих князей Литовских, а затем у польских королей и подвергшись большей или меньшей культурной «полонизации», оказывали в то же время и свое культурное влияние на оседавших в Смоленщине польских и литовских шляхтичей. В частности, следует иметь в виду, что в составе «смоленской шляхты» были и католики, и православные (преимущественно лица русского и литовского происхождения), и униаты по вероисповеданию.

На фоне преобладающего большинства представителей польского, отчасти полонизированного литовского дворянства, польско-литовской шляхты к середине XVII в. в составе «смоленской шляхты» присутствовала заметная группа представителей в большей или меньшей мере полонизированных русских дворянских фамилий, в том числе и известных.

После взятия Смоленска русскими войсками царя Алексея Михайловича в 1654 г., с началом новой русско-польской войны 1654–1667 гг., свыше 800 представителей «смоленской шляхты» перешли на службу к русскому царю. Они принадлежали к 648 «шляхетским» фамилиям [43, 47–75]. В их числе 30 русских: Азанчевы, Азанчевские, Азанчевы-Азанчевские, Воронцовы, Городничины, Давыдовы-Швуйковские, Дунины, князя Ингельдеевы, Княжнины, Колленовы, Кроховы, Кудиновы, Кульневы, Лопатины, Лыкошиновы, Малышчины, Мещерины, Микулины, Мостолтовы, Озеровы, Отоменковы, Петуховы, Позеровы, Потемкины, Пустошкины, Пушкины, Стончевы, Тютчевы, Шамшовы, Шатихины. Это представители русского по происхождению дворянства, получившие поместья в районе Смоленска, видимо, еще в XVI–XVII вв., т.е. до 1611 г. и в промежутке между 1611 и 1654 гг.

Исследование фамильного состава «смоленской шляхты» XVI–XVII вв. и сравнение его с фамильным составом орловского дворянства польско-литовского происхождения XVI — начала XX в. позволили установить, что на территории Орловской губернии в XVII — начале XX в. временно или постоянно проживали представители 140 дворянских фамилий польско-литовско-русского происхождения, встречающиеся в фамильном перечне «смоленской шляхты»: Абрамовичи, Адамовичи (Адамовы-Адамовичи), Азанчевские (Азанчевы-Азанчевские), Арцишевские, Базары, Баратынские (Боратын-

ские), Белевские (Белявские), Бельские, Бернацкие, Богдановичи, Богушевские, Боровские, Брежинские (Бржежинские), Бржозовские, Бучинские (Бушчинские), Василевские, Вербицкие (Вержбицкие), Вигуры, Вильчинские, Воеводские, Воллодкевичи, Гедройцы, Глинка, Григоровичи (Грегоровичи), Гриневици (Грыневици), Грохольские, Грушевские, Давыдовские (Давидовские), Двержецкие (Дворжецкие, Дворецкие), Денбровские (Домбровские, Дамбровские), Друцкие-Соколинские, Езерские, Жилинские, Жоравские (Журавские), Жуки, Жуховичи (Жуковичи), Заблоцкие, Залеские, Здановичи, Зенкевичи, Зюбржицкие (Зубрицкие), Ивановские, Каковинские (Коковинские), Калицкие, Каличицкие (Колечицкие), Каменские, Каминские, Карчевские, Келпинские, Клопотовские, Клочковские (Клечковские-Хилькевичи), Ковалевские, Кожуховские, Козловские, Клоссовские (Колоссовские, Колусовские), Копец (Капец), Корейво, Корженевские, Корсаки, Косковичи (Коссовичи), Котовичи (Катовичи), Кочевские (Кошевские), Краевские, Красинские, Красовские, Крживицкие (Кривицкие), Крушинские (Крошинские), Лебецкие (Лабецкие), Лесли, Липские, Лоссовские, Мальковские, Мацкевичи, Менчинские (Менжинские), Миклашевичи, Миклашевские, Мицкие, Модзелевские (Мозалевские, Модзалевские, Музалевские), Мочульские (Мачульские), Нарбуты (Нарбутцы), Новицкие, Околов (Околовий, Околович, Окольские), Олениковы-Романовские, Останковичи, Островские, Павловичи, Павловские, Пашкевичи, Пенские, Песляки, Петрашевичи (Петрошевичи), Петровские, Плавинские, Плескачевские, Погорельские (Погоржельские), Подгорецкие, Подобеды, Потемкины (Потемпские), Прозоркевичи, Прокоповичи, Пузыревские, Путята, Пятницкие (Пятковские?) (см. прим. 3), Райские, Раковские, Рачинские, Реуты, Родзевичи, Романовские, Савицкие, Свенцицкие (Свентицкие), Скиндеры (Скиндерские), Соболевские, Соколовские, Станкевичи, Станковичи (Станюковичи), Стржижевские (Стрышевские), Тарновские (Тарнавские, Терновские, Тернавские), Тимашевские (Тимашевы, Тимашевы-Тимашевские), Толпыго, Томашевские, Тризна (Трызна), Трушевские (Трышевские, Трычевские), Тухачевские (Тухочевские, Тукачевские, Тухач-Тухачевские, Тухачевы-Тухачевские), Федоровичи, Флоровские (Фроловские), Франциевичи-Сурож, Хмелевские, Чаплевские, Чаркевичи (Шаркевичи), Чернецкие (Чарнецкие), Чернявские (Черневские), Чеховские, Шатковские (Шадковские),

Шимановские, Шиманские, Якубовские, Янковские, Яновичи, Яроцкие.

Указанное количество дворянских фамилий (140) составляет 15% от общего числа (929) выявленных при исследовании материалов различных источников фамилий польского происхождения, осевших на протяжении XVII — начала XX в. на территории Орловской губернии. Это доказывает, что в процессе миграции польского дворянства на территорию Орловской губернии в XVII — начале XX в. выходцы из Смоленской губернии (см. прим. 4), представители «смоленской шляхты», играли заметную роль, но возникает вопрос, в силу каких обстоятельств.

Действительную принадлежность орловских дворян — носителей перечисленных фамилий к «смоленской шляхте» представилось возможным определить, во-первых, на основании прямых указаний источников, во-вторых, на основании принадлежности фамилии к «коренному» смоленскому дворянству («смоленской шляхте») XVI–XVII вв., в-третьих, с большей или меньшей долей вероятности доказательством принадлежности носителя фамилии к «смоленской шляхте» может служить его православное вероисповедание в совокупности со свидетельствами родословцев и «Общего Гербовника», указывающими на смоленское происхождение данной ветви фамилии, но при условии, что эта ветвь — единственная православная в указанной фамилии.

В качестве основных исторических источников для проведения указанного анализа были использованы протоколы заседаний Орловского дворянского депутатского собрания [5–12], книги метрических записей Орловского римско-католического костела [14–25], Памятные книжки и Адрес-календари Орловской губернии [38–40], списки выпускников Орловского Бахтина кадетского корпуса [13], «Список смоленской шляхты» 1654 г., опубликованный по материалам Виленского архива в «Приложении» к работе И.И. Орловского [43], источники личного происхождения [3; 28; 29], летописи [33; 35].

В результате проведенного исследования было выявлено 35 дворянских фамилий, принадлежавших (в ряде случаев предположительно, с большей или меньшей вероятностью) к представителям «смоленской шляхты», поселившимся на территории Орловской губернии в XVII–XIX вв. Целесообразно представить сведения по указанным дворянским фамилиям в виде следующей таблицы:

№ п/п	Фамилия	Этнокультурное происхождение; древность рода	Герб	Первое упоминание в «смоленской шляхте»	Появление первых представителей фамилии в Орловской губернии; конфессия; профессия
1.	Азанчевские (Азанчеевы-Азанчевские)	Русско-польское, XVI [31, 6, 9, 20; 43, 48]		1574 [31, 6, 9, 20; 43, 48]	1859 правосл.; военный [38, 53; 39, 53; 13,19]
2.	Баратынские (Боратынские)	Польское, XVI [27]	Корчак [32, 274]	XVI в. [31, 20]	1914 правосл. [40, 302]
3.	Богдановичи	Польско-малороссийское, XVII [46, 197]	Роля [32, 290]	1654 [43, 64]	1863 правосл.; католик; военный [39, 22; 1, 24, 25, 28; 40, 2, 42; 24, 15, 36, 47, 74; 17, 13; 22, 4]
4.	Брецинские (Бржещинские)	Польское, XVI [43, 66]		1654 [43, 66]	1869 католик [11, 5; 5, 12, 13]
5.	Василевские	Польское, XVII [43, 56, 59; 45, 575]		1654 [43, 56, 59]	1807 правосл.; военный [10, 41–42, 55–57; 11, 6; 40, 2]
6.	Воеводские	Литовское, XVI [43, 52]	Абданк [32, 258]	кон. XVI в. [43, 52]	1904 католик [24, 86]
7.	Глинка	Польское, XVI [27; 43, 58]	Тржаска, Бяла, Любева [32, 293-294]	1634 [43, 58]	1857 католик; военный [13, 11]
8.	Друцкие-Соколинские (см. прим. 5)	Русско-литовское, XVI [43, 54, 55]	Друцк [32, 268]	1654 [43, 54, 55]	1880 униат; чиновник [28; 29]
9.	Жилинские	Литовское, XVII [37, 142; 47, 953, 954]	Любич, Янина [32, 279; 47, 953, 954]	1656 [37, 142; 47, 953, 954]	1879 правосл.; католик; чиновник [40, 5, 11; 20, 10]
10.	Каличицкие (Колечицкие)	Русско-польское, XVII [31, 6, 11, 12, 20; 43, 65]		1514–1522 [31, 6, 11, 12, 20]	1851 правосл.; военный [7, 71–74; 39, 39; 1, 123, 128]
11.	Каменские	Польско-русское, XVI [27; 43, 70]	Роля, Холева, Долэнга, Ястржембец, Одровониц, Равич, Слеповрон [32, 267, 290, 291, 296]	1654 [43, 70]	1728 правосл.; католик; военный [41]
12.	Ковалевские	Польское, XVII [43, 55]	Долэнга [32, 267]	1654 [43, 55]	1859 католик; чиновник [21, 11; 38, 55]
13.	Корсаки	Литовско-польское, XVI [27; 43, 49, 54, 55, 57, 70]	Корсак [32, 274]	1654 [43, 49, 54, 55, 57, 70]	1878 католик [12, 6; 5, 26–27; 8, 41–42]
14.	Краевские	Польское, XVI [37, 108 об.; 27; 43, 47, 57, 70]	Ясеньчик [32, 295-296]	1654 [43, 47, 57, 70]	1875 правосл.; католик; чиновник [1, 55; 15, 3; 16, 10; 23, 5; 17, 11; 25, 41; 40, 65]
15.	Красовские	Польское, XVI [27; 43, 50, 68, 69, 70]		1654 [43, 50, 68, 69, 70]	1840 правосл.; католик; военный [7, 62–62, 66–67, 72–73; 5, 26–27; 1, 10, 12, 28, 34; 40, 65]
16.	Лесли	Шотландско-русско-польское, XI [30]		1656 [30]	1903 правосл.; военный [5, 30, 31]
17.	Мицкие	Польско-русское, XVII [43, 77]		1654 [43, 77]	кон. XIX правосл. [11, 24–25; 5, 33–34]

№ п/п	Фамилия	Этнокультурное происхождение; древность рода	Герб	Первое упоминание в «смоленской шляхте»	Появление первых представителей фамилии в Орловской губернии; конфессия; профессия
18.	Модзелевские (Мозалевские, Модзалевские, Музалевские)	Польское, XV [27; 48, 586; 2, 201; 43, 50]	Бойча, Модзеле [48, 586; 32, 260]	1654 [43, 50]	1611 правосл.; католик; военный [2, 201; 34, 222, 223, 379, 386, 439, 479; 5, 33–35, 81, 82; 6, 61–63; 10, 199; 12, 8; 13, 12, 18; 39, 24; 1, 145; 40, 172, 215]
19.	Нарбуты (Нарбутцы)	Литовско-польское, XV [49, 60; 32, 294]	Трубы-Тронбы [32, 294]	1654 [43, 53]	1859 правосл.; католик; военный [13, 9, 10; 17, 46; 38, 18; 39, 13; 40, 61]
20.	Плескачевские	Польское, XVII [43, 66, 74]		1654 [43, 66, 74]	1793 правосл.; военный [9, 1–2]
21.	Подгорецкие	Польское, XVI [27]		После 1654?	1791 правосл.; военный [5, 40–41; 6, 68]
22.	Подобеды	Польское, XVI [2, 250; 43, 63]		1654 [43, 63]	1875 католик [12, 10; 1, 160; 39, 149]
23.	Потемкины (Потемпские)	Русско-польское, XVI [27; 44, 535; 31, 6, 9, 20; 43, 63]	Погоня [32, 285–286]	1574 [44, 535; 31, 6, 9, 20; 43, 63]	1820 правосл.; военный [10, 273–277]
24.	Прокоповичи	Польское, XVII [43, 57]		1654 [43, 57]	1897 католик [11, 32]
25.	Пузыревские	Польское, XVII [43, 73]		1654 [43, 73]	1875 католик; военный [5, 39–40; 24, 128; 1, 11, 158; 40, 351, 355]
26.	Путята	Русско-польское, XVI [27; 43, 64]		1654 [43, 64]	1846 правосл.; военный [13, 7]
27.	Пятницкие (Пятковские?) (см. прим.)	Русско-польское, XVII [43, 60, 65]		1654 [43, 60, 65]	кон. XIX правосл. [5, 4–5, 83–84]
28.	Романовские	Польское, XVI [36, 104; 27; 43, 55]	Боньча [32, 260]	1654 [43, 55]	1855 правосл.; католик; военный [13, 10; 1, 57; 40, 33]
29.	Соколовские	Польское, XVI [36, 114; 27; 43, 59]	Помян [32, 286]	1654 [43, 59]	1844 правосл.; католик; военный [13, 4; 5, 42–44, 87–88]
30.	Станкевичи	Литовско-польское, XVI [27; 43, 50, 57, 61, 65, 67, 70; 34, 483]	Могила [32, 279–280]	1654 [43, 50, 57, 61, 65, 67, 70]	1851 правосл.; католик [11, 34, 36; 14, 5; 18, 17; 19, 5; 24, 56; 25, 64; 40, 15, 211]
31.	Станковичи (Станюковичи)	Литовско-польское, XVII [31, 21; 43, 53]	Вадвич [32, 262]	1654 [43, 53]	1875 правосл. [1, 78; 40, 3, 83]
32.	Тарновские (Тарнавские, Терновские, Тернавские)	Польское, XIV [27; 43, 68; 10, 357]	Тарнава, Лелива [32, 277–278, 293]	1654 [43, 68]	1848 правосл.; католик; военный [10, 357–359; 40, 61, 196]
33.	Тимашевские (Тимашевы, Тимашевы-Тимашевские)	Русско-польское, XVII [50, 180]		середина XVI [50, 180]	1875 правосл.; чиновник [1, 150]
34.	Толпыго	Польско-белорусское, XVII [31, 25; 43, 73]		1574 [31, 25; 43, 73]	1843 католик; военный [5, 46–48; 13, 2, 21]
35.	Тухачевские (Тухочевские, Тукачевские, Тухач-Тухачевские, Тухачевы-Тухачевские)	Русско-польское, XV [42, 1; 37, 10 об.; 4, 1; 35, 387, 399; 2, 327]	Гриф, Свобода, Погоня [32, 265–266, 285–286]	1582–1618 [35, 387, 399]	1625 правосл.; военный [4, 1–11; 7, 35; 11, 25; 3, 593–594, 752, 753, 889, 1235, 1321]

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что в своем большинстве перечисленные представители «смоленской шляхты» принадлежат к старинным польским дворянским фамилиям — 60%, 21% — полонизированных русских и 19% — литовско-белорусских. Значительная часть перечисленных фамилий относится к старинным польским дворянским родам. По профессиональной занятости (на основе установленных сведений) 20 фамилий (57,2 %) из указанных 35, т.е. большинство, — военные. Конфессиональный состав различен: православные, католики, униат.

Указанные параметры подтверждают, что «смоленская шляхта» играла заметную роль в процессе миграции польского дворянства на территорию Орловской губернии в силу специфики своего формирования и состава: органично вобрала в себя католическое польское, православно-католическое литовское, православно-католическое литовско-татарское, православно-католическо-униатское белорусско-литовское и полонизированное православное русское дворянство, в результате чего представители «смоленской шляхты» были более лабильными в конфессиональных вопросах, менее болезненно переживали процесс «обрусения», сопряженный с переходом в православие, при переходе на русскую службу; эта группа военного дворянства и ее военно-профессиональные, «служебные» свойства были востребованными в XVII–XVIII вв. оборонительными функциями «орловской украины» (это ее качество сохраняется и в XIX в.). Таким образом, «смоленскую шляхту» можно представить своеобразным католически-православным адаптационным «шлюзом» польской миграции в Орловскую губернию, психологически способствовавшим ее привлекательности для поляков-мигрантов из дворянской среды.

Что касается остальных 105 фамилий, указанных в общем списке, то вполне возможно, что они также связаны со «смоленской шляхтой», хотя никаких косвенных признаков из ранее обозначенных, позволяющих предполагать их принадлежность к этой социокультурной группе, в источниках не обнаружено, кроме самих фамилий, указывающих на фамильно-родовую общность. Это, однако, не дает оснований совершенно исключить вероятность генеалогической связи любой из этих фамилий со «смоленской шляхтой». Подобные предположения возможны, например, в отношении фамилий Арцишевских и Бржозовских, уроженцев Могилевской губернии, соседней со Смоленской, Крушинских, Новицких и др. В этом смысле все 140 фамилий, указанные в списке, в некото-

рой степени все-таки были тоже представителями «смоленской шляхты» — особой социокультурной группы, способствовавшей своим историко-культурным опытом миграции польской этнокультурной и этноментальной группы в господствующую русско-православную среду Орловской губернии.

В качестве характерного примера представителей «смоленской шляхты» на территории Орловской губернии следует рассмотреть дворянскую фамилию Потемкиных. Описывая осаду и взятие поляками Смоленска в 1610–1611 гг., летописец упоминает в составе «смоленской шляхты» того времени «Юрья Потемнина (Потемкин)» [33, 111], который, узнав, что король польский Сигизмунд III, оставив в Смоленске «осадных людей, сам поиде в Литву. С тою же вестию прибежа в Московские полки под Москву Юрья Потемнин» [33, 111]. Упомянутый выше «смолянин» Юрий Потемкин оказался одним из тех, кто был причастен к гибели предводителя 1-го ополчения Прокофия Ляпунова [33, 113]. «Смолянин Юшка Потемкин» оказался затем связан с казаками, действовавшими против московских властей [33, 120].

Потемкины, согласно Общему Гербовнику дворян российских, имели литовское происхождение. На это указывает принадлежность их рода к польско-литовскому гербу литовских князей Гедиминовичей, потомка великого князя Гедимиона (XIV в.) «Погоня» [32, 285]. В составе «смоленской шляхты» 1654 г. также указан один из представителей этого рода Семион Потемкин [43, 63].

Действительно, согласно официально признанным родословцам, Потемкины вели свой род от польского шляхтича Яна (Ганса) Потемпского, выехавшего в Россию в начале XVI в. и поступившего на службу к Великому князю Московскому Василию III Ивановичу. Ян Потемпский принял крещение с именем Тарасия Александровича Потемкина и был пожалован поместьями. Правда, эти сведения документально ничем не подтверждаются. Однако вполне достоверно, что Федор Илларионович Потемкин, сын Иллариона Тарасовича Потемкина по прозвищу Булгак, был, согласно их генеалогии, внуком указанного выше родоначальника, Яна Потемпского. В 1569 г. его назначили приставом у литовского гонца, а затем в 1576 г. он выполнял ту же должность у польского посланника и у польских послов в 1583 г., что позволяет предполагать знание им польского языка. В 1582 г. он исполнял ту же должность у папского нунция Антония Поссевина, а в 1584 г. — у послов Римского императора [26, 237–238]. Указанные функции, поручавшиеся Ф.И. Потем-

кину, могут косвенным образом свидетельствовать о его хорошем знакомстве с польско-католическими традициями, в какой-то мере свидетельствуя о том, что родословная легенда Потемкиных не лишена оснований. Потемкины упоминаются уже в десятне 1574 г. среди «смоленской шляхты» [31, 9], Ф.И. Потемкин в 1590 г. был назначен «первым головой» в Смоленске. Его сыном был указанный выше представитель «смоленской шляхты» 1654 г. Семион Потемкин. Его сын, Сила Семенович Потемкин, дворянин московский и стольник в 1686 г., был прадедом знаменитого светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического (1739–1791).

В числе «смоленской шляхты» в конце XVI в. был уже упоминаемый Потемкин Юрий Федорович (Юшка), смоленский сын боярский [33, 111]. Он был сыном Федора Ивановича Потемкина, двоюродного брата упомянутого выше Федора Илларионовича Потемкина. Учитывая его поведение, можно считать, что он подвергся сильной «полонизации» или сохранял значительную долю своей прежней польской идентичности. В 1602 г. Ю.Ф. Потемкин был дворянином при герцоге Иоанне. В 1611–1612 гг., будучи участником Первого и Второго ополчений, он в 1612 г. попал в плен к полякам, вступил на польскую службу и был причислен к польскому дворянству (шляхетству) [33, 113, 120; 44, 535; 31, 6, 9, 20]. В 1634 г., видимо за хорошую службу, был пожалован от короля Владислава IV поместьями в Смоленском уезде. Все сказанное выше свидетельствует во всяком случае о сильной полонизации представителей фамилии Потемкиных в составе «смоленской шляхты».

В Орловской губернии представители дворян-

ской ветви Потемкиных, но тоже из числа «смоленской шляхты», появились в первой четверти XIX в. В состав орловского дворянства 24 апреля 1839 г. был определен ротмистр и кавалер Александр Дмитриевич Потемкин, рождения 1791 г., прибывший из Смоленской губернии вместе с сыном Григорием (1828 г. рождения) [10, 273–277]. Они происходили от родного брата деда знаменитого Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. Определение по дворянству старшего сына А.Д. Потемкина Николая (1820 г. рождения) было задержано до возвращения ему дворянского достоинства, поскольку, будучи юнкером, он был разжалован в рядовые за совершенное преступление [10, 273–277]. Определение по орловскому дворянству дочерям А.Д. Потемкина Софье (1826 г. рождения), Евгении (1828 г. рождения) и Елизавете (1830 г. рождения) состоялось 9 февраля 1840 г., жене Екатерине Александровне — 28 января 1842 г., а младшему сыну Дмитрию (1835 г. рождения) — 3 февраля 1843 г. [10, 279–281]. Следует, однако, отметить, что А.Д. Потемкин жил в Орловской губернии уже к 1820 г., поскольку его брак, а также рождение детей были удостоверены в Орловской духовной консистории [10, 273–277]. Жена его, Екатерина Александровна, была родом из Мценского уезда, где у нее находилось имение и 59 душ крестьян [10, 273–277]. Сам же А.Д. Потемкин являлся обладателем имения в Малоархангельском уезде Орловской губернии с 122 душами крестьян [10, 273–277]. Трудно сказать, являлся ли А.Д. Потемкин прямым потомком упомянутого выше «смоленского шляхтича» Симеона Потемкина 1654 г., однако из сказанного выше следует, что он, во всяком случае, происходил из «смоленской шляхты».

Примечания

1. Следует обратить внимание на то, что часто фамилии представителей «смоленской шляхты» из старых дворянских родов, скорее всего русского происхождения, но полонизированных, имели как бы два варианта — «русский» и «польский», а то и двойной характер. Примером тому могут служить: Азанчевы-Азанчевские, Потемкины-Потемковские, Тимашевы-Тимашевские, а также Тухачевы-Тухачевские или Тухачи-Тухачевские.

2. Тухачевых в составе старинного русского дворянства не было. Были Тухачевские. Следует обратить внимание на разночтения фамилии в XVII в.: Тухачевские, Тухочевские, Тукачевские, Тухачевы, Тухачи. См.: Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 327. Некоторые исследователи выводят этимологию фамилии «Тухачевские» из тюркского слова «ТУХАЧИ», т.е. «знаменосец». Учитывая, что Тухачев существовал уже в первой трети XIV в., задолго до появления фамилии Тухачевских, это тюркское слово лежит в основе названия населенного пункта «Тухачев», сама же фамилия Тухачевских, в свою очередь, была производной от этого названия, т.е. от названия населенного пункта, который был дан им в вотчину. Тухачева волость, или Тухачев, видимо, первоначально принадлежала какому-то татарскому «тухачи», т.е. «знаменосцу», в XIII — начале XIV в. как «Тухачева волость», т.е. «владение Тухачи». Вполне возможно, что родоначальник Тухачевских сам являлся неким «тухачи», т.е. «знаменосцем»: это могло быть его прозвище по должности или он в самом деле был татарским «тухачи». Дети его, приняв православие, стали именоваться «Тухачевыми детьми» или «Тухачевыми». Такой вариант фамилии Тухачевских встречается во второй половине XVI в. Среди смоленских детей боярских числился в 1582 г. Афанасий Федорович Тухачев. Пребывание в полонизированной русско-польско-литовской среде «смоленской шляхты» могло при-

вести к изменению фамилии Тухачев на ее полонизированную форму — «Тухачевские». В таком случае можно полагать, что родоначальник Тухачевских принадлежал к так называемым «литовским татарам», каковые также составляли определенную часть «смоленской шляхты». Впрочем, возможна и иная этимология фамилии Тухачевских. В XVII в. она произносилась и писалась также в варианте «Тукачевские». Тогда в основе ее могло быть слово финно-угорского происхождения «тукач», что означает «сноп, связка, охапка соломы или льна». Но, возможно, слово «тукач» происходит от общеславянского «тук» — «жир, сало». — Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 10; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 4. С. 116.

3. Чаще всего фамилия Пятницких встречается как признак принадлежности к духовному сословию. Однако в документах ГАОО Пятницкие принадлежат к старинному русскому дворянству и значатся в VI части родословной книги Смоленского и Орловского дворянства. Возможно, что Пятницкие — это русский вариант фамилии, а Пятковские — ее польский вариант. Как уже упоминалось, такая ситуация с фамилиями полонизированных русских смоленских дворян обычна.

4. Административно-территориальное понятие, появившееся в 1708 г. с учреждением Смоленской губернии. До этого: до 1654 г. в пределах Речи Посполитой это было Смоленское воеводство, затем Смоленский уезд и примыкавшие к нему уезды, вошедшие затем в состав Смоленской губернии.

5. Княжеский род Друцких-Соколинских являлся одной из ветвей князей Друцких, ведших свой род от смоленской ветви Рюриковичей и получивших свою фамилию от стольного города своего удельного княжества г. Друцка. Одним из самых ранних из упоминаемых князей Друцких был Иван Друцкой, служивший сначала воеводой у великого князя владимирского и московского Ивана Даниловича Калиты (в 1340 г.), а затем находившийся на службе у великого князя литовского Кейстута (1372 г.). Непосредственный родоначальник князей Друцких, Дмитрий Юрьевич Друцкой, выехал из Литвы в Москву в 1508 г. В XV в. от этого рода отделились несколько ветвей. В их числе была и ветвь князей Друцких-Соколинских.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Орловской губернии на 1875 год. Орел, 1875.
2. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
3. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97.
5. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 52.
6. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 55.
7. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 58.
8. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 60.
9. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 61.
10. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 64.
11. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 68.
12. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 69.
13. ГАОО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 6.
14. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 24.
15. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 46.
16. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 48.
17. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 52.
18. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 57.
19. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 58.
20. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 59.
21. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 61.
22. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 63.
23. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 64.
24. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 68.
25. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 69.
26. Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995. Т. 2.
27. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Фамилии, существовавшие в Польше и Литве прежде 1600 г. Ч. 1–4. СПб., 1854–1857.
28. Друцкой-Соколинский В.А., князь. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914 гг.). Орел, 1996.
29. Друцкой-Соколинский В.А., князь. На службе отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994.
30. Думин С.В. Род Лесли//Смоленское дворянство. Выпуск 1. М., 1997.
31. Думин С.В. Смоленское дворянство//Смоленское дворянство. Вып. 1. М., 1997.
32. Лакиер А.Г. Русская геральдика. М., 1990.
33. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью. (Продолжение) //Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIV.

34. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006.
35. Новый летописец //Хроника Смутного времени. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX. М., 1998.
36. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. М., 2007. Часть 5.
37. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. М., 2007. Часть 7.
38. Памятная книжка Орловской губернии на 1860 г. Орел, 1860.
39. Памятная книжка Орловской губернии на 1864 г. Орел, 1864.
40. Памятная книжка Орловской губернии на 1915 год. Орел, 1915.
41. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Д. 21.
42. РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3.
43. Список осажденных царем Алексеем Михайловичем в Смоленске в 1654 году //Орловский И.И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905.
44. Хроника Смутного времени. М., 1998.
45. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. Va.
46. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. X.
47. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. XIa.
48. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. XIXa.
49. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. XXa.
50. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. XXXIII .

Provalyonkova I.V.

The representatives of «the Smolensk szlachta» in the Oryol province in the XVII — early XX century.

The article gives a historical outline and characterizes «the Smolensk szlachta» as an ethno-social phenomenon while studying its ethnic and cultural origins. The analysis is given of the archival documents introduced into scientific practice for the first time and of the literary monuments already known. The article defines the noble clans which are to be found both among «the Smolensk szlachta» and on the territory of the Oryol province, the comparison bringing into evidence their belonging to this group. The article determines the number of the clans, their origin, the period of their presence in the Oryol province. The Potyomkin family is treated as a prime example of «the Smolensk szlachta» in the Oryol province.

Keys: «the Smolensk szlachta», ethno-social phenomenon, ethno-cultural group, noble clans, the Oryol province

*Г.С. ЧУВАРДИН, кандидат исторических наук,
Орловский государственный университет*

Героем статьи является «блистательный гвардеец», офицер л.-гв. Кавалергардского полка генерал-лейтенант П.П. Скоропадский — фигура крайне неоднозначная, по-своему трагичная, своей биографией поставившая значительную веху на стыке двух кровавых и безжалостных эпох. Генерал Скоропадский стоял у истоков «самостийного, националистического» движения на Украине и в то же время старался сохранить генетическое единство украинского и русского народов. Отказ от «оголтелого национализма», попытки найти компромисс между «украинским» и «русским» стали основными источниками жизненной драмы этого выдающегося и неординарного человека.

МЕЖДУ «СТАРОЙ РУСЬЮ» И «НЕЗАЛЕЖНОЙ УКРАИНОЙ»: СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ БИОГРАФИИ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СКОРОПАДСКОГО

Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же самом языке, на котором мать их учила; знали бы подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым, чтобы украинцы работали над созданием своей собственной культуры, настолько же я считаю бессмысленным и губительным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении. При существовании у нас в свободном развитии русской и украинской культуры мы можем расцвести, если же мы теперь откажемся от первой культуры, мы будем лишь подстилкой для других наций и никогда ничего великого создать не сумеем.

Павел Скоропадский

Ключевые слова: «блистательный гвардеец», самостийное движение, лейб-гвардия, Украина.

От старых идеологических клише нам осталось восприятие генерала П. Скоропадского как «одного из лидеров украинской буржуазно-помещичьей контрреволюции»¹.

Длительное время фигура генерала П.П. Скоропадского, так своеобразно высеченная М. Булгаковым в своих произведениях о гражданской войне, воспринималась как явно «антисоветская», тем более что генерал стоял у истоков «самостийного, националистического» движения на Украине. Кем же был на самом деле генерал П.П. Скоропадский?

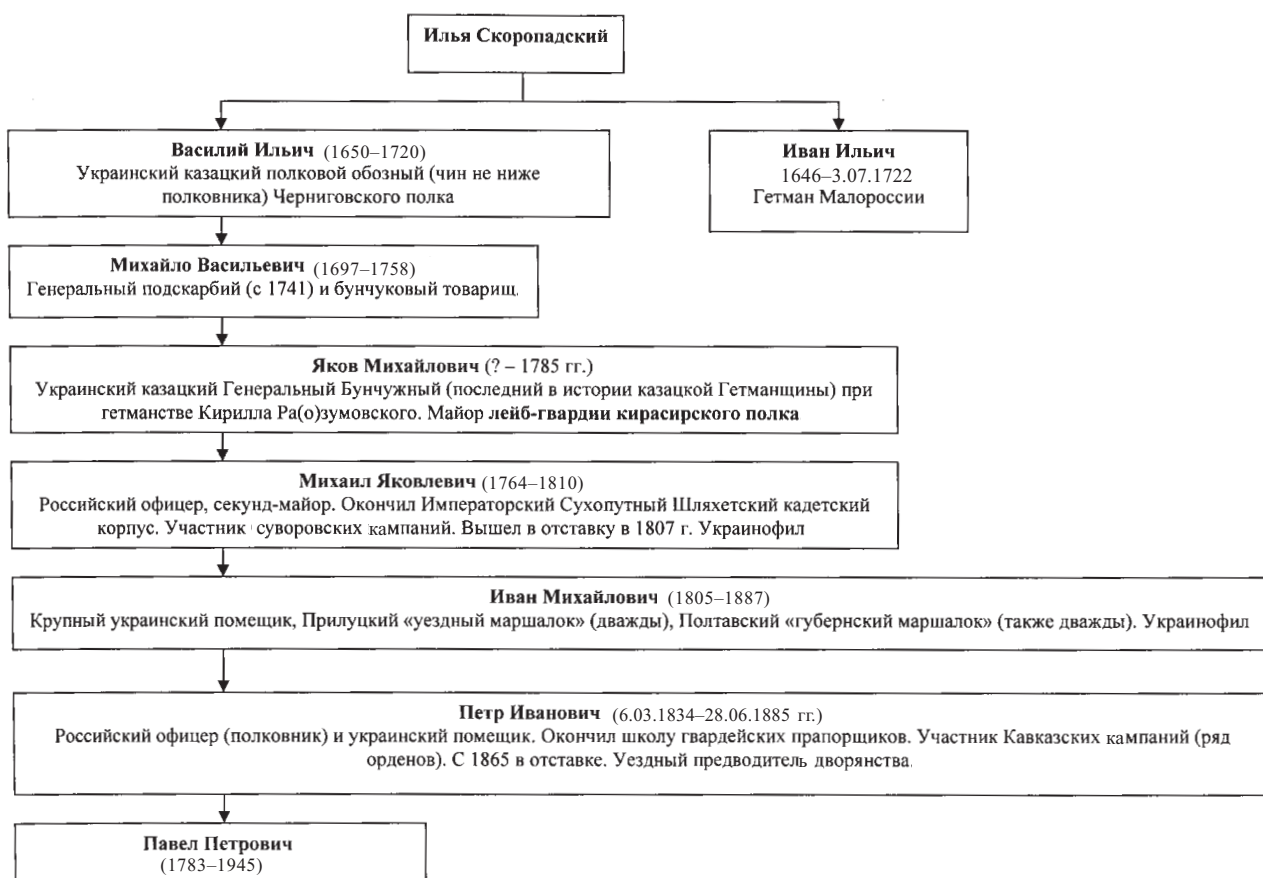
Необходимо отметить, что Павел Петрович — фигура во многом парадоксальная. Являясь «коренным кавалергардом» (его отец, Петр Иванович, также служил в составе л.-гв. Кавалергардского полка²), он многие стороны и принципы «кавалергардского типа» перенес на окружающий мир, пытаясь примерить свои «мен-

тальные иллюзии» с суровой реальностью исторической действительности.

Павел Петрович родился в Висбадене в семье гвардейского офицера Петра Ивановича Скоропадского — помещика Полтавской губернии и Марии Андреевны Миклашевской 3.V. 1873 г. Позднее Павел Петрович будет писаться как «крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний». Позднее адъютант гетмана П.П. Скоропадского Василий Васильевич Кочубей вспоминал: «Странно случается на этом свете: с П.П. Скоро-

падским мы были соседями по Глуховскому уезду Черниговской и по Прилукскому — Полтавской губерний, а дед мой и отец Павла Петровича были большими друзьями»³. Рассматриваемая ветвь рода Скоропадских вела свое происхождение от черниговского полкового обозного Василия Ильича Скоропадского, брата гетмана Малороссии Ивана Ильича Скоропадского. Данная ветвь рода Скоропадских была внесена в VI часть родословной книги Черниговской губернии (см. схему 1).

Схема 1

Герб Скоропадских был помещен в 14й части «Общего гербовника Дворянских родов Российской Империи», диплом герба от 1884 г.

До 5 лет Павел Петрович жил за границей, затем в имении родителей в Полтавской губернии. С 10 лет он начал свое обучение в гимназии, а затем как сын «потомственного военного», ведущего свое родство от служилого казачества, поступил в Пажеский корпус, который окончил в 1893 г. по первому разряду. 6.XII. 1897 г. Павел Петрович получает звание поручика. После окончания Пажеского корпуса он был зачислен

в л.-гв. Кавалергардский полк и с 1896 г. становится адъютантом полка⁴. В.В. Кочубей вспоминал следующее: «Павел Петрович Скоропадский родился в 1873 году. Отец его был кавалергардом, а поэтому и Павел Петрович по окончании в 1893 г. Пажеского корпуса вышел в Кавалергардский полк»⁵. С 1897 г. Павел Петрович заведует школой солдатских детей. С началом русско-японской войны уже 15.III. 1904 г. штабс-ротмистр П.П. Скоропадский становится есаулом 3-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. По прибытии на место на-

значения Павел Петрович был назначен адъютантом к начальнику Восточного отряда генерал-лейтенанту графу Федору Эдуардовичу Келлеру⁶. А после гибели генерала, с июля 1904 г., командовал сотней во 2-м казачьем Читинском полку⁷. Войну Павел Петрович закончил адъютантом главнокомандующего.

Он зарекомендовал себя «храбрым и лихим офицером»⁸. За подвиги, совершенные во время войны, он был отмечен орденами Св. Анны с IV по II степень (последняя с мечами), Св. Станислава II степени с мечами, Св. Владимира IV степени с мечами и бантом, а также Золотым оружием с надписью «За храбрость»⁹.

Интересно отметить, что во время русско-японской войны П.П. Скоропадский служил в одной дивизии с П.Н. Врангелем. Они достаточно близко сошлись. П.Н. Врангель дал следующий психологический портрет Павла Петровича: «Среднего роста, пропорционально сложенный, блондин, с правильными чертами лица, всегда тщательно точно соблюдая форму, одетый, Скоропадский внешним видом своим совершенно не выделялся из общей среды гвардейского кавалерийского офицерства. Он прекрасно служил, отличаясь большой исполнительностью, редкой добросовестностью и большим трудолюбием. Чрезвычайно осторожный, умевший молчать, отлично воспитанный, он молодым офицером был назначен полковым адъютантом и долгое время занимал эту должность.

Начальники были им очень довольны и охотно выдвигали его по службе, но многие из товарищей не любили. Ему ставились в вину сухость и замкнутость. Впоследствии в роли начальника он проявил те же основные черты своего характера: большую добросовестность, работоспособность и настойчивость в достижении намеченной цели. Порыв, размах и быстрота решений были ему чужды»¹⁰.

Таким образом, П.П. Скоропадский воспринимался как типичный гвардейский офицер-службист, и война в этом плане сослужила ему неоценимую услугу. Павел Петрович вернулся в родной полк 7.XI.1905 г., а уже 9.XII того же года император пожаловал его флигель-адъютантским званием. С 19.XII.1905 г. П.П. Скоропадский становится командиром лейб-эскадрона. Так же удачно складывается и его личная жизнь — он женился на дочери офицера л.-гв. Кавалергардского полка, фрейлине Императорского Двора Александре Петровне Дурново. Ее отец находился в отдаленном родстве с министром внутренних дел, членом Государственного Совета П.Н. Дурново¹¹. От бра-

ка П.П. Скоропадский имел четырех детей, которым к 1912 г. было: Марии — 14 лет, Елизавете — 13 лет, Петру — 12 лет, Даниилу — 8 лет. I.VIII.1910 г. Павел Петрович был назначен командиром 20-го Драгунского Финляндского полка. 15.IV.1911 г. П.П. Скоропадский становится командиром л.-гв. Конного полка¹², которым до него с 1906 г. командовал полковник Хан Гуссейн Келбали Нахичеванский.

Началась служба Павла Петровича в качестве командира гвардейского полка. Князь С. Белосельский-Белозерский отмечал, что по сравнению со спокойной натурой Хана Нахичеванского П.П. Скоропадский «представлял большой контраст своей энергией и желанием работать». «Из всех командиров последнего царствования, — отмечал князь С. Белосельский-Белозерский, — П.П. Скоропадский являлся самым выдающимся по своей энергии и в высшей степени добросовестному и щепетильному отношению к исполнению возложенной на него Высочайшей волей трудных и ответственных задач командования таким полком, каким была в то время Конная Гвардия»¹³. Благодаря своей энергии П.П. Скоропадский добился двукратного посещения офицерского собрания полка императором. Это был один из высших знаков расположения императора к полку. П.П. Скоропадский также сумел добиться расположения крайне неуживчивого Командующего войсками Гвардии и Петербургского Военного Округа Великого Князя Николая Николаевича. В этот промежуток времени Павел Петрович был пожалован свитским званием.

В 1914 г. свиты Его Императорского Величества генерал-майор П.П. Скоропадский вывел л.-гв. Конный полк в составе конницы Хана Нахичеванского на войну, а к моменту знаменитого сражения под Каушеном фактически являлся командиром 1-й гвардейской кавалерийской бригады¹⁴. Во время Каушенского боя Павел Петрович продемонстрировал очевидный образец воинского мужества и героизма. Кочубей отмечал: «На войне я впервые увидел Скоропадского 6 августа 1914 г. во время Каушенского боя. Никогда не забуду этого момента! Когда цепи нашего 3-го эскадрона, в котором я был младшим офицером, вышли около Цу-Опелишкен на шоссе Краупишкен-Мальвишкен, я увидел генерала Скоропадского, который стоял, несмотря на сильный огонь германской пехоты и артиллерии, во весь рост и, будучи старшим из начальствующих лиц на этом самом горячем участке боя, руководил всеми перемешанными между собой частями пол-

ков первых бригад 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий. Бесстрашие генерала произвело на меня тогда очень сильное впечатление. Выделяясь своей высокой фигурой среди окружающих его, он спокойно и хладнокровно отдавал приказания и, занятый наблюдением за развивающимся боем, не замечал, казалось, опасности»¹⁵.

Явная нерешительность и крайний непрофессионализм генерала Хана Нахичеванского привели к тому, что его отстранили от командования, что, впрочем, не помешало ему получить в командование 2-й кавалерийский корпус. П.П. Скоропадский становится начальником Сводной Кавалерийской Дивизии, а позднее начальником Гвардейской Кирасирской Дивизии (1915–1916 гг.) в составе Гвардейского Конного корпуса свиты Его Императорского Величества генерал-лейтенанта фон-Гилленшмидта (с 15.XI.1914 г. по 15.I.1915 г.). В конце 1916 г. Павлу Петровичу было присвоено звание генерал-лейтенанта.

По воспоминаниям Кочубея: «После Брусиловского прорыва гвардию перебросили на Волынь. Вскоре Скоропадский вызвал меня в штаб дивизии, но на этот раз был я с ним недолго, так как вскоре меня откомандировали в Академию Генерального штаба. Когда в начале января 1917 года я вернулся из Академии на фронт и представился тогдашнему начальнику штаба Юго-Западного фронта генералу Духонину, то получил назначение в штаб своей дивизии, где теперь должен был уже на законном основании занять должность по Генеральному штабу. Однако там ожидали меня две новости: во-первых, я узнал, что наш начальник дивизии генерал Скоропадский уехал, будучи назначен командиром 34-го армейского корпуса. Во-вторых же, что касалось меня лично, из штаба фронта была получена телеграмма о моем назначении на должность старшего адъютанта в штаб того же 34-го корпуса. «Наградил же меня Скоропадский!» — подумал я. Для меня было ясно, что это именно он выхлопотал мой перевод в штаб своего корпуса»¹⁶.

Итак, в начале 1917 г. генерал-лейтенант П.П. Скоропадский становится командиром 34-го армейского корпуса Особой армии Юго-Западного фронта. К этому промежутку времени он «имел репутацию одного из лучших генералов фронта»¹⁷.

Неудачи России в 1-й мировой войне привели к полной переоценке жизненных ценностей кавалергардом П.П. Скоропадским. Можно с определенной долей уверенности говорить об очевидном «психологическом надломе» генерала. Конъюнк-

тура сложилась так, что П.П. Скоропадский в одночасье стал, по словам генерала В.Н. Воейкова¹⁸, «щирым украинцем». В конце 1916 г. П.П. Скоропадский оказывается перед серьезным выбором — на каком основании строить последующую карьеру. Февральская революция стремительно ускоряет ход этого выбора. Осенью 1917 г. начинается процесс украинизации отдельных дивизий. На Юго-Западном фронте этот процесс охватывает целый корпус — это был 34-й корпус, которым командовал П.П. Скоропадский. Корпус медленно попадает под влияние пропаганды «генерального секретаря Петлюры». (4 марта 1917 г. в Киеве на базе всех социалистических партий и организаций была создана Центральная рада в составе 815 чел.: председатель — профессор истории, лидер украинских эсеров М.С. Грушевский, заместители — В.К. Виниченко и С.А. Ефремов, иностранными делами заведовал В. Шульгин. Симон Петлюра становится военным министром Украины. Он начал работу по формированию украинских национальных частей — гайдамаков и «вольных казаков». К осени 1917 г. при поддержке командующего Юго-Западным фронтом Володченко было сформировано около 10 дивизий так называемых «украинизированных частей»¹⁹, в чем Петлюру поддерживал Духонин.). Уже в этот момент Павел Петрович сделал последующий выбор, вспомнив, что один из его предков был гетманом Украины. А.И. Деникин вызвал Павла Петровича к себе и потребовал прекратить неуправляемую украинизацию вверенных ему частей. Антон Иванович считает, что П.П. Скоропадский смалодушничал, а может быть, и «покривил душой», когда заявил, «что об его деятельности составилось превратное мнение, вероятно, по историческому прошлому фамилии Скоропадских, что он истинно русский человек, гвардейский офицер и совершенно чужд самостийности; исполняет только возложенное на него начальством поручение, которому сам не сочувствует... вслед за сим Скоропадский поехал в Ставку, откуда моему штабу указано было... содействовать скорейшей украинизации 34-го корпуса»²⁰.

К весне 1918 г. процесс украинизации зашел так далеко, что приобрел необратимый характер. Следует отметить, что Павел Петрович постоянно испытывал давление со стороны украинских националистов. В своих воспоминаниях он упоминает о нескольких разговорах с поручиком Скрипчинским: «До мене приїхав один поручник, на призвище Скрипчинський, український комісар при штабі фронту, і пропонував мені, за згодою головнокомандуючого Гутора, українізувати корпус... Він

відповів, що українізації співчують зверху, бо це рух національний, а не виключно соціалістичний, а ще через те, що українська солдатська маса більше дисциплінована і більш здатна воювати»²¹. В кінцевому ітоге генерал П.П. Скоропадський фактично переіменувал 34-й армійський корпус в 1-й Український, після чого був избран атаманом. Ще в октябрі 1917 г. на с'їзді «вольного казачества» в Чигирині генерал був назначен главою воєнних формувань Центральної ради. По воспоминанням самого Скоропадського, серйозне впливання на розмишлення, таким путем следует идти Украине и лично ему, Скоропадскому, оказал поляк Ходкевич. Павел Петрович отмечал: «В розмові зі старшинами мені один з них, Поляк Ходкевич, сказав, що я мусів би прийняти участь в українській русі, що я міг би бути видатним українським діячем, Гетьманом навіть...»²².

Необходимо отметить, что П. Скоропадский фактически переіменувал 34-й армійський корпус в 1-й Український, після чого був избран атаманом. Еще в октябрі 1917 г. на с'їзді «вольного казачества» в Чигирині генерал был назначен главою воєнних формувань Центральної ради.

29.IV. 1918 г., не без помощи немецких союзников, «русский человек», как он сам себя называл, Павел Скоропадский на «съезде хлеборобов» в здании **цирка** в Киеве был избран гетманом Украины и провозгласил создание «Украинской державы». Единственное государство, поддержавшее это по сути созданное немцами марионеточное государство, было такое же прогерманское «Всевеликое Войско Донское» во главе с атаманом генералом Петром Красновым.

В специальной «грамоте» гетман восстановил частную собственность на фабрики и заводы, землю, ввел военно-полевые суды, возродил деятельность полиции. Во главе губерний и повятов назначались так называемые старосты из числа бывших царских генералов, чиновников и помещиков. Правительством «Украинской державы» был провозглашен Совет Министров, деятельность которого полностью контролировало германское командование. Правительство возглавляли председатель Полтавской земской управы Ф.А. Лизогуб, а с ноября — бывший член Государственного Совета С.Н. Гербель. «Украинская держава» поддерживала прогермански настроенное «правительство» Донского казачества — представитель при гетмане генерал А. Черячукин. Вооруженные силы «Украинской державы» были представлены:

1. Дивизия генерала Патиева (дислокация в Харькове).
2. Сердюцкая гвардейская дивизия.
3. Охранные и пограничные сотни.
4. 1-я Украинская пехотная дивизия.
5. Самоорганизованные белогвардейские подразделения.

Показателен тот момент, что гетман отказался от участия в панихиде по последнему российскому императору, проходившей в Софийском соборе в Киеве. За короткий промежуток своего гетманства Павел Петрович сумел окончательно испортить репутацию «русского человека», так как в большинстве своих выступлений Павел Петрович выражал, «по словам местных жителей, восторг по поводу избавления его родины — Украины — от двухсотлетнего угнетения ее москалями»²³. В.Н. Воейков отмечал: «Близко знавшие Скоропадского говорили, что ему не были дороги ни Малороссия, ни Великороссия, а нужна была одна Украина, независимая от России, как он сам сказал в минуту откровения — на положении королевства Саксонского»²⁴. Таким образом, находясь десять лет в свите Его Императорского Величества, Павел Петрович сам захотел стать Его Императорским Величеством. Необходимо отметить, что против гетмана и созданного им политического образования сразу же началась борьба как со стороны украинских националистов, так и со стороны большевиков. В так называемой «нейтральной зоне» началось формирование ревчасти. Среди командиров этих частей стоит выделить В. Боженко (ком. Таращанского полка) и Н. Щорса (ком. Богунского полка).

«Царствование» П.П. Скоропадского было необычайно коротким, уже 14.XII. 1918 г. он покинул «самостийную Украину» — он был свергнут Украинским Национальным Союзом (создан в мае 1918 г. как Национальный Державный союз, также поддерживался немцами) Винниченко и Всеукраинским Союзом Земств Петлюры (которые установили режим Украинской директории) и бежал в Германию.

Ситуация разворачивалась следующим образом. В ноябре 1918 г. в Германии свершилась демократическая революция — немцы стали отводить свои войска с территории Украины. В этих условиях П. Скоропадским было принято решение отказаться от поддержки лозунга «самостийности и незалежности (независимости)» Украины. Вслед за этим гетман, видевший себя одним из лидеров антибольшевистского движения в России, заявил о единстве России и готовности вме-

сте с Донской и Добровольческой армиями бороться против «революционной заразы». Павел Петрович пошел на сближение с «Украинским Национальным Союзом», но его лидеры, имевшие под своим началом около 40 тыс. человек, решили, что они вполне самостоятельно могут захватить власть на Украине. В результате такого решения 13 ноября 1918 г. создается Украинская директория из пяти «директоров» (Винниченко, Макаренко, Швец, Андриевский, Петлюра). А 18 ноября 5-тысячная армия Директории выступила в поход на Киев (ядром армии были сичевые стрельцы Е. Коновальца, а также формирования атаманов Григорьева, Зеленого, Оскило и др.). Интересно отметить, что с выступлением означенного войска германское командование, по сути, предало Павла Петровича и дало согласие на замену П.П. Скоропадского С. Петлюрой и захват Киева. П.П. Скоропадский воспринимался как «личный друг» к тому моменту ставшей одиозной фигуры кайзера. В.Н. Воейкой отмечал, что гетман «ездил на поклон к императору Вильгельму, наградившему его званием «светлости» и лентой одного из прусских орлов. Еще до возвращения главы самостоятельной Украины население Киева было оповещено о подробностях его пребывания в гостях у германского императора благодаря помещенным в витринах на Крещатике фотографиям, на которых можно было любоваться восторженным выражением лица гетмана на приемах у бывшего врага нашего государя»²⁵. К тому же он был очевидным реликтом «старого режима» — одного командования Конной Гвардией было вполне достаточно для политической дискредитации. Отныне П.П. Скоропадский был не нужен немцам, которые хотели обеспечить себе прочный тыл для «отхода», не нужен он был и Антанте. Видимо, и сам Павел Петрович получил определенные гарантии в обмен на свое «бескровное» бегство.

Вместо себя Павел Петрович оставил «типичного гвардейца» графа В. Келлера²⁶, некогда командовавшего л.-гв. Драгунским полком, который в отличие от Павла Петровича свою Родину, которой был предан до конца, не покинул и, как верный уже не существующему престолу, от командования украинскими войсками отказался, передав его князю А.Н. Долгорукову, тоже командиру л.-гв. Кавалергардского полка. Граф В. Келлер попытался бросить вызов петлюровцам, взявшим город, совершенно открыто проживая в Михайловском монастыре. 14 декабря граф был арестован, а 21 декабря зверски убит недалеко от памятника Богдану Хмельницкому на Большой Владимир-

ской улице. Также зверски были убиты бывшие сослуживцы П.П. Скоропадского, офицеры л.-гв. Гусарского, л.-гв. Кавалергардского и л.-гв. Конногренадерского полков граф Менгден, Эгершторм и граф Клейнмихель. По поводу убийства графа Георгия Георгиевича Менгдена В.Н. Звегинцов писал следующее: «...недалеко от канцелярии пункта на графа Менгдена набросились в темноте несколько человек и его убили. Люди совершенно озверели. Уже мертвого продолжали колотить штыками. В гостиницу, где жил Конногренадер Эгершторм и на квартиру Лейб-гусара графа Клейнмихеля ворвались солдаты, притащили их на место, где лежало тело графа Менгдена, и закололи их там штыками»²⁷.

Показателен тот момент, что перед этим на графа Г.Г. Менгдена неоднократно давили с требованием отказаться («отречься») от императора, на что граф однозначно отвечал: «Я присягал Государю и Ему не изменю» — типичный ответ «типичного гвардейца»²⁸. Так проявлялся ортодоксальный механизм поведения в пороговой ситуации «типичного гвардейского» офицера, а в хаосе, несущем деградацию и разрушение всех веками складывавшихся устоев, сохранить присутствие духа, остаться смелым и верным до конца было крайне сложно. Гвардия, в сущности, ассоциировалась со «святой святых монархии» — за одно только хранение гвардейской формы могли расстрелять. Такой случай описывал А. фон-Лампе: «Расстрел А.Г. Ковалевского за то, что нашли кирасирские протоколы и обмундирование, оставленные Ганей»²⁹. Основной удар «новой власти» пришелся по представителям «старой гвардии», в частности офицерам л.-гв. Конного полка, командиром которого некогда был генерал Скоропадский. После убийства Урицкого в Кронштадтской тюрьме был расстрелян офицер полка граф Н.Н. Грабе. Вместе с императором был расстрелян один из старых офицеров полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майор князь Василий Долгоруков. Из других офицеров л.-гв. Конного полка были убиты:

1. Корнет Г.А. Мосолов (сын А.А. Мосолова) — под Нальчиком в партизанском казачьем отряде, 21.XII.1918 года.
2. Князь Р.В. Сангушко — расстрелян в своем имении в Слобутах в октябре 1917 года.
3. Свиты Его Императорского Величества генерал-майор князь А.И. Багратион-Мухранский — расстрелян в Пятигорске 13.X.1918 года.

4. Князь Б.Л. Вяземский — расстрелян в 1917 году.
5. Полковник П.Н. Золотницкий — расстрелян в Москве в 1918 году.
6. Полковник граф Г.В. Комаровский — расстрелян в Туапсе в марте 1920 года.
7. С.М. Крупенский — расстрелян в Одессе в 1918 году.
8. Поручик Н.А. Кармалин — убит в партизанском отряде под Екатеринодаром 17.III.1918 года.
9. Штаб-ротмистр В.В. Касаткин — расстрелян в Ялте в декабре 1920 года³⁰.

На фоне столь откровенных и показательных смертей сослуживцев поведение П.П. Скоропадского рисовалось во всех его проявлениях как откровенное предательство, что достаточно красочно обыгрывает в своих произведениях, посвященных описываемым событиям, М. Булгаков. Устами полковника Малышева в «Белой гвардии» Михаил Афанасьевич называет Павла Петровича «последней канальей и трусом»³¹. Струсил ли П.П. Скоропадский или же вполне четко осознавал безнадежность сложившейся ситуации, что, впрочем, не мешало ему и струсить, особенно на фоне той безжалостной революционной вакханалии, устроенной противоборствующими сторонами и лишившей человека «слишком человеческого», сложно сказать. По крайней мере, Павел Петрович избежал участи «пострадать», «отдать свою жизнь» за Родину.

Итак, генерал оказался в Германии — теперь он жил своим прежним политическим капиталом: даже в тридцатые годы XX в., когда Павел Петрович начинает активно сотрудничать с нацистами, он по-прежнему считал себя гетманом Украины. В эмиграции П. Скоропадский возглавил одну из эмигрантских украинских группировок, провозгласивших целью создание «Народно-трудовой монархии» во главе с ним. В документах II отдела РОВСа везде напротив статуса генерала значилось: «...гетман Украины»³². К своему титулу П.П. Скоропадский относился очень ревниво, что вело к значительному числу скандалов и инцидентов. Наиболее показательным можно считать скандал, разразившийся между гетманом и начальником II отдела РОВСа полковником А.А. фон-Лампе.

А.А. фон-Лампе в качестве консультанта помог группе студентов Берлинской колонии поставить пьесу М. Булгакова «Дни Турбиных». Украинская группа достаточно сильно противодействовала постановке спектакля. Полковник отмечал: «Украинцы были правы, что противодей-

ствовали постановке спектакля, потому что гетманщина поносилась сильно и, сказал бы я, очень справедливо»³³. Генерал П.П. Скоропадский был весьма сильно задет и написал «сокрушительное письмо» А. фон-Лампе. Дело дошло до того, что «врангелевская» группа сочла это оскорблением всему «патриотическому движению», возглавляемому П.Н. Врангелем (ситуация была усугублена неожиданной смертью Петра Николаевича — «все были на взводе»), и приняла решение о том, «...что первая задача русских по приходе в Москву... повесить Скоропадского!» — между прочим, многими семеновцами³⁴. Скоропадский воспринимался как сепаратист и предатель «общего дела»³⁵. П.П. Скоропадский был обвинен в предательстве не только престола, но и русской армии, которую он бросил на произвол в Киеве. Гетман, естественно, пытался оправдаться и свой просчет, связанный с оставлением Киева, объяснял следующим образом: «Вы, конечно, знали, что в последний период гетманства я не был во главе войск, передав командование временно по политическим соображениям³⁶, к сожалению, может быть, и ошибочно русским генералам из числа находившихся в Киеве /примечание мое: Павел Петрович/, как бы напрочь забывает про своего адъютанта, а ведь именно его рукой был подписан приказ: «Ввиду чрезвычайных обстоятельств командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я поручаю генералу от кавалерии графу Келлеру... все гражданские власти Украины подчиняются графу генералу Келлеру»³⁷. Конечно же, генерал граф Келлер был русским генералом! Другими словами, не будучи во главе войск, я не мог их бросить, войска же обязаны были Киев и меня защищать, но по тем или другим причинам, о которых здесь говорить не место, своей задачи не выполнили...»³⁸.

Обиженный и уязвленный П.П. Скоропадский разорвал всякие отношения не только с А. фон-Лампе, но и с РОВСом. Полковник А. фон-Лампе не мог сдержаться и ответил главной отповедью обиженному гетману: «...Оставьте наши русские дела, как я не вмешиваюсь в Ваши украинские предприятия. И в последнем случае, чтобы не быть голословным, укажу вам на то, что я ни одним намеком не позволил себе делать Вам те или иные указания, когда в русских военных кругах в Берлине царил бесконечное негодование по поводу того, что Вы, в прошлом офицер и генерал, позволили себе присутствовать на панихиде по Симоне Петлюре, обагрившему свои руки в крови

замученных им русских офицеров!.. — для меня ясно из того сомнительного достоинства жеста, который вы сделали, что Вы поставили крест на своем русском прошлом, Ваша же украинская политика нас не касается!.. Признаюсь, мне и до сих пор не понятно, почему Вас, именно Вас должны были защищать русские генералы и офицеры, а не... украинские атаманы и старшины!.. Это я сделал... пригласил Вас присутствовать на торжественном банкете, данном мною в честь генерала Врангеля в декабре 1924 г. Вы от присутствия на русском банкете уклонились, и я перестал бывать в Вашем доме и перевел наше знакомство в встречи в Берлине (знакомства нашего желал покойный ныне Главком)³⁹. В данном случае перед нами яркий образец гвардейского «политеса», построенный в лучших «рыцарских традициях» отверженной российской аристократии. Словесная дуэль содержит замечательные и изысканные выпады и уклоны, оба действующие лица «уязвлены», «обижены» и «негодуют», и между обоими пролегла непреодолимая пропасть, отделяющая «погибшую Россию» от России в изгнании.

Итак, П. Скоропадский поставил на национальную карту и вынужден был идти «в национализм» дальше. Очень скоро он переориентировался на германское направление, приверженцем которого оставался начиная с Киевской эпопеи и связи с немецкими «мартинистами». Через В.В. Бискупского⁴⁰ он активно сотрудничал с тайными обществами «Консул-Балтикум», а позднее с «Ауфбау» и через него с генералом Эрихом Лю-

дендорфом⁴¹, то есть немецкими «правыми». Есть предположение, что Павел Петрович «связался» с тайными обществами еще в период своего гетманства на Украине⁴². После прихода к власти нацистов и развала II отдела РОВСа, с последующей трансформацией его в «Объединение Русских воинских Союзов», П.П. Скоропадский был вовлечен в орбиту деятельности немецкого РОВСа-ОРВСа и активно сотрудничал со своим бывшим коллегой по «Балтикуму» генералом В.В. Бискупским и возглавляемым им Единым Управлением делами русской эмиграции, созданным в 1936 году ...

Гетман Украины, кавалергард П.П. Скоропадский погиб весной 1945 г. вместе с гибелью режима, на сторону которого он перешел: поезд, на котором генерал ехал к своей семье в Южную Германию, попал под удары авиации союзников. А.А. фон-Лампе вспоминал: «...в пути на юге от последствий налета умер Скоропадский»⁴³.

Можно с определенной уверенностью сказать, что Павел Скоропадский стал еще одним пленником идеи, «попав в силки» стереотипного гвардейского мышления, разбавленного «мутным духом» «самостийности», — за идею Павел Петрович и погиб.

*«Все йде, все минає — і краю немає.
Куди ж вот ділось? Відкіля взялось?
І дурень, і мудрий нічого не знає,
Живе... умирає»...*

Примечания

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 474.
2. См.: Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. (Составлен под редакцией С. Панчулидзева). Т. 4. СПб., 1908. С. 190.
3. Тинченко Я. Кавалергард Скоропадский. М., 1998. С. 8.
4. РГВИА (Российский Государственный военно-исторический архив). Ф. 3543. Оп 1. Д. 3152. Л. 6.
5. Тинченко Я. Указ. изд. С. 8.
6. Граф Келлер Федор Эдуардович (1850–1904), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Соратник Скобелева по Шипке-Шейново, командир л.-гв. Стрелкового батальона, вплоть до начала войны — директор Пажеского корпуса. Погиб во время Янзелинской операции.
7. Кавалергарды. История, биографии, мемуары. М., 1997. С. 323.
8. РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 395. Л. 6–7.
9. РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 395. Л. 7.
10. Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Т. 1. М., 1992. С. 97.
11. Примечателен тот факт, что Кочубеи также находились в родстве со Скоропадским.
12. РГВИА. Ф. 3543. Оп II. Д. 2054. Л. I.
13. Белосельский-Белозерский С. князь. История лб.-гв. Конного полка. Т. 3. Париж, 1961. С. 91–92.
14. П. Скоропадский оставался командиром Конной гвардии до 3 октября 1914 г.
15. Тинченко Я. Указ. изд. С. 9.
16. Там же.
17. Таланов А.И. Кавалергарды. Ч. 2. М., 1999. С. 84.

18. Воейков Владимир Николаевич, как и П.П. Скоропадский, — выпускник Пажеского корпуса, затем офицер л.-гв. Кавалергардского полка, с августа 1907 г. — командир л.-гв. Гусарского полка, с 1909 г. — генерал-майор. С 1913 г. последний Дворцовый комендант. Активного участия в Белом деле не принимал. С 1924 г. в эмиграции. Последние годы жизни проживал в Ницце.
19. Финкельштейн Ю.Е. Симон Петлюра// Генерал Деникин. Симон Петлюра. Ростов-на-Дону, 2000. С. 361–362.
20. Деникин А.И. Очерки русской смуты// Вопросы истории. — № 10. — 1990. С. 109.
21. См. Уривок зі «Споминів» Гетьмана Павла Скоропадського//Хлеборобська Україна. — Книжка четверта. — Рік 1922-1923. — Збірник VII і VIII. Відень.
22. Там же.
23. Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 367.
24. Там же. С. 367.
25. Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 367.
26. Келлер Федор Артурович (1857–1918), племянник убитого на русско-японской войне генерала Ф.Э. Келлера. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 г. Ушел из Тверского кав. Юнкерского уч-ща добровольцем на фронт. Офицерскую службу начал в 1-м лейб-драгунском Московском полку. К 1914 г. ген.-лейтенант, ком. 10-й кав. дивизии. Кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (1914 г.). В 1917 г. — генерал от кавалерии. 5.XI. 1918 г. назначен гетманом П. Скоропадским Главнокомандующим войсками на территории Украины, позднее помощник Главнокомандующего князя А.Н. Долгорукова.
27. Звегинцов В.Н. Кавалергарды в Великой и Гражданской войне. Т. 3. Париж, 1938. С. 46.
28. Там же. С. 46.
29. ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. 5853. Оп. I. Д. I. Л. 68.
30. Белосельский-Белозерский С. князь. История лб.-гв. Конного полка. Т. 3. Париж, 1961. С. 9.
31. Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 113.
32. ГАРФ Ф. 5853. Оп. I. Д. 36. М/ф 2. Л. 101–102.
33. ГАРФ Ф. 5853. Оп. I. Д. 36. М/ф I. Л. 15.
34. То есть офицерами л.-гв. Семеновского полка. Полковник фон-Лампе также офицер этого полка.
35. ГАРФ Ф. 5853. Оп. I. Д. 36. М/ф 2. Л. 36.
36. Генерал граф В. Келлер воспринимался немцами как «свой», таким образом, была предпринята попытка «свалить» провал обороны Киева на союзников-немцев.
37. Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 373.
38. ГАРФ Ф. 5853. Оп. I. Д. 36. Л. 70.
39. ГАРФ Ф. 5853. Оп. I. Д. 36. М./ф. Л. 72–75.
40. Бискупский Василий Викторович (1878–1945), окончил Николаевское Кавалерийское училище, офицер л.-гв. Конного полка, участник русско-японской войны 1904–1905 гг., к началу войны — старший полковник Иркутского Гусарского полка. С 1915 г. — генерал-майор. Кавалер ордена Св. Георгия IV ст., ком. 1-й кав. дивизии. Участник гражд. войны. В эмиграции сошелся с М.Э. фон-Шойбнер-Рихтером, одним из негласных «отцов» германского фашизма. К 1936 г. нач. бюро русских беженцев и лидер ОРВСа. Длительное время был доверенным лицом В.К. Кирилла Владимировича (см. Чувардин Г.С. Ронин: жизненная драма В.В. Бискупского//Проблемы исторической психологии и взаимодействия мировоззрений в истории. Орел, 2000. С. 131–136).
41. В 1923 г. вместе с А. Гитлером организовал «пивной путч», с 1924 г. член рейхстага от Тевтонской национал-социалистической партии. Безуспешно баллотировался в президенты Веймарской республики.
42. Окультные силы России (под ред. А.Д. Балабухи). СПб., 1998. С. 396.
43. Письмо А.А. фон-Лампе И.А. Ильину от 5.08. 1945 г. // Материалы по истории русского освободительного движения. М., 1999. С. 549.

The article is devoted to “the brilliant guardsman”, life Guards’ Cavalry regiment officer, lieutenant General P.P. Skoropadsky. All though his personality is regarded in different interpretations, there is no doubt, his life was a kind of tragedy, that put a boundary mark between two bloody and merciless epochs. On general Skoropadsky’s initiative they organized a new “samostiinoe (independent) nationalistic” movement in Ukraine. Simultaneously, he was trying to preserve the genetic unity of Russian and Ukrainian peoples. Lieutenant General P.P. Skoropadsky refused “wild nationalism” and was trying to make a compromise between “Ukrainian” and “Russian”. These very actions provoked some dramatic consequence in the life of this outstanding and peculiar person.

Key words: **“the brilliant guardsman”, “samostiinoe nationalistic”, movement, life Guard, “Ukraina”**

ФИЛОСОФИЯ

*С.Н. КОСЬКОВ, кандидат философских наук,
доцент кафедры логики и методологии науки
Орловского государственного университета*

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА

В данной статье анализируется базисная идея современной методологии науки — конвенционалистская трактовка природы научного знания и познания. Возникновение и развитие конвенционалистской методологии и науки рассматривается как необходимый этап в эволюции методологического сознания. В этой связи анализируются методологические и мировоззренческие проблемы, трудности, с которыми столкнулась наука и философия на рубеже 19 и 20 веков. Методология конвенционализма представлена как попытка решения новых методологических проблем в условиях мировоззренческого поиска.

***Ключевые слова:* конвенционализм, конвенция, конкуренция теорий, факт, методология науки.**

Одной из наиболее распространенных базисных идей современной философии науки является конвенционалистская трактовка природы научного знания.

Существенное влияние на возникновение и развитие конвенционалистской методологии оказали выявившиеся в конце XIX — начале XX в. некоторые особенности научного познания, характерные и для нашего времени.

В качестве первой и главной особенности можно отметить возрастание абстрактности и степени общности естественнонаучных теорий. Отдаление научно-теоретических построений от реальности усиливало представление о независимости теории от опыта и научной практики. Конвенционалисты осознали этот факт возрастания относительной самостоятельности теории по отношению к опыту, утверждая, что научные теории в достаточно слабой степени детерминируемы опытом и суть не что иное, как результат конвенции. Так, Пуанкаре в этой связи писал, что приложимые к совокупности процессов всей вселенной «постулаты сводятся, в конце концов, к простым конвенциям. Эти конвенции мы вправе устанавливать, так как заранее уверены, что никакой опыт не окажется с ними в противоречии» [12:140]. В еще более сильной форме кредо конвенционализма сформулировал позднее известный польский логик К. Айдукевич: «Основное положение обыкновенного конвенционализма, представителем которого является, например, Пуанкаре, заключается в том утверждении, что существуют проблемы, которые опыт не в состоянии решить, пока не будет введена произвольно принятая конвенция.... В настоящем исследовании мы намереваемся обобщить и радикализировать это положение обычного конвенционализма. А именно, мы хотим выдвинуть и обосновать утверждение, что не только некоторые, но и все суждения, которые мы признаем и которые составляют все наше изображение мира,

не являются еще однозначно определенными через данные опыта, а зависят от выбора понятийной аппаратуры, с помощью которой мы отображаем данные опыта. Эту понятийную аппаратуру мы можем, однако, избрать такой или другой, благодаря чему меняется и все наше изображение мира» [15:259–260].

Явление математизации знания преобразовало в XX столетии все естествознание. С распространением в науке математических методов связано, к примеру, то обстоятельство, что одна и та же математическая теория может быть применена для описания совершенно различных областей действительности. В частности, в теории функций комплексного переменного АУ связана с явлениями тяготения, света, звука, теплоты, магнетизма, электростатики, электрического тока, электромагнитного излучения, морских волн, полета самолета, колебания упругих тел и строения атома. Одна теория имеет двенадцать различных приложений. Такое разнообразие приложений одной и той же математической теории формирует ценностно-психологическую установку, согласно которой в принципе символизм математики является произвольным (математик придерживается лишь внутриматематических и логических критериев — непротиворечивости, полноты и т.д.) и сама математика навязывает определенную упорядоченность и схему неформальной хаотической действительности.

Второй особенностью научного познания второй половины XIX — начала XX в. было постоянное и сознательное использование учеными гипотезы в качестве необходимой и важнейшей формы научного знания. Выдающиеся естествоиспытатели того времени М. Фарадей, Д. Максвелл, Л. Больцман, А. Эйнштейн подчеркивали, что нет абсолютной грани между гипотезой и вырастающей из нее теорией, в том числе и общепризнанной, как показывает опыт науки. «Всякое обобщение есть гипотеза, — писал А. Пуанкаре. — Поэтому гипотезе принадлежит необходимая, никем никогда не оспаривавшаяся роль. Она должна лишь как можно скорее подвергнуться и как можно чаще подвергаться проверке» [13:97]. После окончательного построения теории ее исходные предпосылки, по мнению конвенционалистов, должны рассматриваться как определения (т.е. как аналитические утверждения), выбор которых хотя и не произволен, но зависит в первую очередь от ценностно-методологических установок познающего, таких, например, как удобство, простота и т.п. По поводу подобных рассуждений Л. Больцман писал: «Простейшее размышление учит нас, что без-

надежно трудно наткнуться на верную картину мира посредством одних только высосанных из пальца предположений. Такая картина образуется очень медленно посредством приспособления отдельных удачных идей» [2:122].

Кроме того, согласно конвенционалистской методологии, фундаментальные теории принципиально не опровергаемы, поскольку ученые, их защищающие, могут так перестроить их или так переинтерпретировать противоречащие им результаты экспериментов, что последние окажутся их подтверждением. Но если принять подобную методологическую установку относительно принципиальной непроверяемости фундаментальных теорий, то возникает ряд проблем с исключением старых и введением новых теорий.

В-третьих, ломка и пересмотр понятий, казавшихся абсолютно незыблемыми, отказ от одних фундаментальных понятий (понятие эфира), изменение содержания других (понятия атома, одновременности), введение новых (поле, электрон) подняли проблему объективного статуса научных понятий. Изменение понятийного аппарата науки закономерно ставит ряд вопросов: какова природа понятий, их источник? обладают ли они объективным содержанием или являются результатами конструирующей силы разума и т.д. Каждая философская методологическая программа решает их по-своему.

Научное знание имеет свою логику, и логика развития научных понятий обладает определенной спецификой. Конвенционализм лишает научное знание статуса абсолютной априорности, но лишает его и статуса эмпирической детерминированности фактами и объявляет понятия, принципы, суждения условными соглашениями, конвенциями. «Эти условные положения, — пишет А. Пуанкаре, — представляют собой продукт свободной деятельности нашего ума, который в этой области не знает препятствий. Здесь наш ум может утверждать так, как он здесь предписывает; но его предписания налагаются на нашу науку, которая без них была бы невозможна, но они не налагаются на природу» [13:8]. Итак, Пуанкаре считает математические понятия, аксиомы скрытыми определениями, замаскированными определениями, не имеющими прямого значения для природы. Айдукевич, объявляя понятия чисто условными образованиями, придает им самодовлеющий характер: с его точки зрения, понятийные системы не отражают мир, а лишь изображают его согласно конвенционально принятым определениям. Определения, в свою очередь, по Айдукевичу, не подлежат обоснованию. Различные понятийные сис-

темы и их картины мира абсолютно несоизмеримы, непередаваемы.

Исследователь, прежде чем начать работать с данными опыта, уже обременен определенной понятийной системой, согласно которой он обрабатывает опытные данные, и если они (понятия) конвенциональны, то и эмпирическое знание после такой обработки в определенных границах оказывается конвенциональным, будь то протокольные (Венский кружок) или базисные (Поппер) предположения.

Вследствие условности определений эмпирическая основа науки в известной степени не может быть не условной, так как формируется согласно условным теоретическим положениям. А теория не может быть не условной, так как базируется на условном, в определенной мере эмпирическом базисе. Признание роли конвенции на одном уровне научного познания ведет с необходимостью к признанию конвенциональности на другом уровне, и наоборот. Отсюда и такая высокая роль в конвенционалистской методологии вне-эмпирических критериев оценки научных понятий, теоретических построений (требование непротиворечивости, простоты, удобства, экономности, изящества и т.д.), связанных в большей степени с ценностной ориентацией субъектно-объектной модели познания. Например, определение пространства и времени как прерывных или непрерывных совершенно по-разному ставит вопрос об определении конгруэнтности метрических стандартов, что, в свою очередь, ведет к различным трактовкам физических законов, проблемы выбора геометрических систем для описания физической реальности, к совершенно противоположному пониманию соотношения физики и геометрии (Пуанкаре, Эйнштейн, Рейхенбах, Грюнбаум).

Свобода выбора при формировании понятийных систем (концептуального языка) предполагает свободу выбора фактуального материала и свободу его концептуализации при создании познавательного образа.

После становления понятийной системы появляется возможность определять понятия через другие понятия, не обращаясь к действительности. И для развитой науки, достигшей своего теоретического уровня, формулирующей свои законы на количественном уровне, эта возможность используется не только и не столько как совершенствование системной организации понятийного аппарата, а как мощное эвристическое средство.

Хотелось бы отметить, что системность знания заключается не только и не столько в возможности определять одни понятия через другие, в воз-

можности, изменяя определения исходных понятий, создавать альтернативные теоретические системы, а в открытости понятий, понятийных систем: в их способности ассимилировать эмпирический и теоретический опыт, изменять свое содержание под напором эмпирического материала, конструировать новые понятия для открытия новых характеристик действительности. Если остановиться на анализе взаимоотношений понятий внутри системы, то не будет приращения принципиально нового знания, да и само «углубление познания» субъективируется (так, к примеру, понятие электрона логически никак не следует из понятийной системы классической физики и т.д.).

В-четвертых, в конвенционализме содержится важное преимущество, состоящее в подчеркивании того существенного момента процесса научного познания, который не был отмечен в других методологических концепциях, а именно осознание конвенциональности семантики научных терминов как средства творческого построения научного знания. В терминах естественного языка их конвенциональный характер несколько скрыт обезличенностью соглашений. В научном же языке конвенциональный характер семантики терминов выступает более явно. Конвенция является неустранимым элементом научного познания, впрочем, не только научного, но и других его видов, связанных с объективными характеристиками природы научного познания и творческих возможностей познающего субъекта. Сюда прежде всего следует отнести семантические конвенции относительно содержания применяемых терминов [см.: 6–9].

Семантическая конвенция выступает как необходимое условие, средство связи абстрактных сущностей с непосредственно чувственными представлениями. С ее помощью происходит переход от живого созерцания, чувственного познания к обобщенному, отвлеченному мышлению. Конвенциональность уже в своем тривиальном случае — семантическая конвенция — ведет к обнаружению и формулированию в явном виде релятивных моментов познания. Она одновременно является средством введения терминов, понятий, теоретических конструктов и средством их связи с научной реальностью, средством связи чувственного и рационального.

Конвенциональность языка является необходимым условием развития сознания как общественно-историческое явление, как духовный продукт развития общества. Язык, выполняя свои познавательную и коммуникативную функции, связывает людей не только данной социальной группы или

данного поколения, но и различных групп и различных поколений. Тем самым создается преемственность исторических эпох. Через орудия труда и язык в обществе происходит передача социального опыта.

Конвенционалисты совершенно верно подметили, что язык науки является тем каналом, через который конвенции проникают в научное знание, но придали этому каналу несколько самодовлеющее значение. Да, совершенно верно, что конвенции начинаются в языке и с языка, но главное не в этом. Главное в тех релятивных моментах процесса научного познания, которые выражаются в форме семантических, эмпирических и теоретических конвенций.

В-пятых, определенную роль в становлении конвенционалистской методологии сыграло то обстоятельство, что часто один и тот же эмпирический факт и соответственно подтверждаемое им предложение истолковывались по-разному, а на основе этого включались в различные теории. Почти классическим можно считать пример с опытом Физо относительно распространения луча света в движущейся среде: первоначально результаты опыта были приняты волновой теорией света, но затем в теории относительности получили иное объяснение. Данное обстоятельство конвенционализм интерпретирует как принятие той или иной объясняющей теории по соглашению. А этот критерий, как уже отмечалось, не дает оснований утверждать объективную истинность знания. Отсюда следуют две особенности конвенционалистского подхода к проблеме анализа научного знания: сознательно индифферентное отношение к компонентам и обедненное понимание факторов, детерминирующих формирование научных принципов. «Никакое высказывание не может быть установлено из эксперимента, — писал И. Лакатос. — Высказывания могут быть логически выведены из других высказываний, но они не могут быть получены из фактов. Они могут быть доказаны опытом не более чем ударом кулака по столу» [16: 99]. Таким образом, Лакатос, делая акцент на роли конвенций на теоретическом уровне, отказывается вслед за Дюгемом от детерминации теоретического знания эмпирическим материалом. Отношения между теорией и фактом он переводит в область логических отношений между теориями, и эта проблема приобретает у него статус гносеологической проблемы конкурирующих теорий.

Достижение достоверности научного знания за счет возрастания субъективного фактора вследствие достижения наукой своего теоретического

уровня развития, крах догмы о нейтральности эмпирического материала по отношению к теоретическому знанию (в особенности в логическом позитивизме), наличие рационального компонента в структуре научного факта были истолкованы рядом ученых и философов как доказательство конвенциональности теоретических положений и эмпирических данных.

Если одни конвенционалисты подчеркивают роль конвенций на теоретическом уровне (Дюгем, Лакатос, Айдукевич), то другие абсолютизируют их роль на эмпирическом уровне (Поппер, Грюнбаум). «Наука не покоится на твердом фундаменте фактов. Жесткая структура ее теорий поднимается, так сказать, над болотом. Она подобна зданию, воздвигнутому на сваях. Эти сваи забиваются в болото, но не достигают никакого естественного или «данного» основания. Если же мы перестаем забивать сваи дальше, то вовсе не потому, что достигли твердой почвы. Мы останавливаемся просто тогда, когда убеждаемся, что сваи достаточно прочны и способны, по крайней мере, некоторое время выдерживать тяжесть нашей структуры» [11:147–148]. Итак, признание условности знания на одном уровне с необходимостью детерминирует признание конвенциональности на другом уровне: конвенциональность эмпирического базиса предполагает условность теории, и, наоборот, условность теоретического знания ведет к конвенциональности научных фактов.

Теоретические предпосылочные знания непосредственно включаются в эмпирическое исследование уже на самых ранних его этапах, к примеру, уже в процессе отбора фактов, явлений действительности. Вследствие этого объективно существующие явления могут объявляться несуществующими и, наоборот, объективно не существующие объявляются существующими. Так, оппоненты Галилея отрицали существование пятен на Солнце, сложный рельеф Луны, существование спутников Юпитера. Они не только отказывались взглянуть в телескопы, но и выдвигали теоретические соображения, согласно которым эти явления объявлялись плодом оптического обмана. Для доказательства объективного существования данных явлений Галилею пришлось выдвинуть целую систему теоретических доводов, среди которых — предположение об идентичности оптических процессов на Луне и Земле, которые он сам не мог доказать. «Перед моими глазами, — говорил Галилей, — раскрывается совершенно противоположное тому, что перед вашими» [3 Т. 1: 90].

Теоретическая нагруженность эмпирического исследования приводит к тому, что некоторые свойства не попадают в область исследования, не замечаются, сознательно отбрасываются или получают неверную оценку. Так, по этому поводу, имея в виду великого Ньютона, Френель с возмущением писал: «Трудно понять, каким образом изгиб света во внутреннюю часть тени мог ускользнуть от столь опытного наблюдателя, в особенности если принять в расчет, что он производил опыт с самыми узкими телами, так как он пользовался даже волосами. Можно подумать даже, что этим он был обязан своим теоретическим предубеждениям, до некоторой степени закрывающим ему глаза на многозначные явления, сильно ослаблявшие то главное возражение, на котором он основал превосходство своего принципа» [14:11–12].

Полнота и достоверность научного факта существенно зависят от теории, в которой он формулируется и которая им проверяется. «Парадокс заключается в том, — пишет А.В. Ахутин, — что факт приобретает значение объективности по мере того, как он включается в ту самую теоретическую систему, для подтверждения которой он привлекался» [1:178].

В-шестых, важной существенной особенностью развития науки является наличие в ней конкурирующих теорий, объясняющих один и тот же круг эмпирических фактов: например, волновая и корпускулярная теории света, эволюционные учения Ламарка и Дарвина, электродинамика Лоренца и специальная теория относительности Эйнштейна и т.д. Эта особенность была осознана как проблема выбора теории. На ней необходимо остановиться в связи с тем, что конвенционализм подчеркивает важность внеэмпирических критериев оценки теории: простоты, совершенства, красоты и т.п. Так, Пуанкаре утверждал: «Никакая геометрическая система не может быть вернее другой; она может быть лишь более удобной» [12: 58].

Принятию той или иной гипотезы, несомненно, способствует, например, легкость оперирования ее математическим аппаратом, большая доступность для усвоения и понимания, обычно отождествляемая с простотой теории, а также факторы эстетического плана. Так, из нескольких основных постулатов ньютоновской небесной механики следовали многочисленные открытые к тому времени законы движения планет. Именно в плане простоты специальная теория относительности совершеннее электродинамики Лоренца, анализ оснований которой показал, что она базируется на

слишком большом количестве независимых допущений (до одиннадцати). Как справедливо пишет Е.В. Мамчур, простота есть «синоним систематичности и синтезирующей силы теоретической концепции. Стремление объяснить разнородные явления с единой точки зрения определяет выбор исходных посылок, обладающих возможно большей общностью, способных объяснить все известные факты в исследуемой области и способных тем самым стать подлинной основой единства многообразного» [10: 239].

Вместе с тем и так трактуемая простота также недостаточна для принятия той или иной теории. Простота ЖР, понятая как легкость решения проблемы, оказывается скорее психологически ценностным соображением, чем методологическим регулятором. Она несет в себе значительный субъективный момент. А в конвенционализме простота, во-первых, считается определяющим критерием для выбора из конкурирующих теорий, во-вторых, трактуется либо в смысле удобства оперирования терминами, либо как эстетическое соображение.

Признавая всю важность простоты и других частных критериев выбора наиболее обоснованной гипотезы, нужно сказать, что они еще не гарантируют истинности научного знания. Выбирая более простую и совершенную теорию, мы, конечно, останавливаемся на той, которая лучше других согласуется с экспериментальными данными. Известнейший физик Гейзенберг переводит эту проблему в сферу ценностно-мировоззренческого решения: «Среди конкурирующих научных гипотез истинной следует признать ту, из которой вытекают более гуманитарные, нравственные выводы» [4:65].

Конвенциональность: «Условность, — как пишет Коршунов А.М., — одно из проявлений активности субъекта... Эвристическая условность — это поисковая модель, функциональное средство достижения объективно-верного знания о мире» [5:190–191].

Таким образом, конвенционализм как философское учение возникает как попытка решить проблему активности человеческого познания применительно к процессу научного творчества. Представители конвенционалистской методологии стремятся отыскать, указать и сформулировать в явном виде те наиболее релятивные моменты в построениях науки, которые действительно в них присутствуют и, более того, неизбежны в силу незамкнутости научного знания, возможности дальнейшего его прогрессивного развития.

Список использованной литературы

1. Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М.: Наука, 1976. С. 291.
2. Больцман Л. Статьи и речи. М.: Наука, 1970. С. 405.
3. Галилей Г. Избранные труды в двух томах. Т.1. М.: Наука, 1964. С. 640.
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. С. 399.
5. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
6. Коськов С.Н. Взаимодополняемость семантических конвенций и метафор в языке науки // Вестник МГУ. — Серия 8. Философия. — 1991. — № 6.
7. Коськов С.Н. Конвенциональность знания как методологическая норма //Материалы III Российского философского конгресса «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия». — Ростов-на-Дону. — 2002.
8. Коськов С.Н. Статус истины — статус ученого. Переоценка ценностей //Философия и будущее цивилизации. Тезисы и доклады IV Всероссийского философского конгресса. Т. 1. М., 2005.
9. Коськов С.Н. Субъектно-объектная природа научного познания М.: МГУ, 2007.
10. Мамчур Е.А. Внеэмпирические критерии в обосновании истинности теоретического знания// Практика и познание. М.: Наука, 1973, С. 228–246.
11. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 606.
12. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. СПб., 1906. С. 235.
13. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. С. 560.
14. Френель Н. О свете. М., Л., 1928.
15. Ajdukiewicz K. Das weltbild und die bergiffsappa-ratur//Erkenntis,4.Leipzig.1936
16. Lakatos I. Falsifikation and the methodology of skientifik research program-mers.// Criticism and the growth of knowledge. Cambridge.1970

Koskov S. N.

Conventionalism and it's epistemology principles.

In this article is analyzing foundationally idea of modern methodology of science — conventionally interpretation of nature scientific knowledge and cognition. There is considering the rise and development a conventionally methodology and science as a necessary stage in evolution of methodology mind. In this connection is analyzing methodology's and world outlook's problems, difficulties, which science and philosophy collided in 19–20 century. Conventionally methodology is presenting as an attempt to decide new methodology's problems in the world outlook's search.

*Е.И. ХОХЛОВА, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета*

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ С.Н. БУЛГАКОВА

Статья посвящена некоторым аспектам философии культуры Сергея Николаевича Булгакова (1871 – 1944) – русского религиозного философа конца XIX – начала XX века. Рассматриваются воззрения Булгакова о сущности культуры, генезисе культуры, связи культуры и хозяйства, сущности искусства, кризисе искусства модерна и тенденциях развития культуры XX века. Идеи русского философа о кризисе культуры, о становлении массовой культуры, о потере культурой человеческого начала являются актуальными и существенными для осмысления культуры постмодерна.

Ключевые слова: философия, культура, искусство, человек, творчество, хозяйство.

В философском наследии С. Н. Булгакова наличествует огромный пласт культурфилософских воззрений. Этот пласт ранее практически никем не исследовался и даже не вычленялся в качестве самостоятельного объекта философско-аналитического рассмотрения. В данной работе мы попытаемся выделить философию культуры Булгакова из всего массива его философских построений по онтологии, философии хозяйства, философии религии, философской антропологии, софиологии, философии искусства, имея в виду их тесную взаимосвязь и взаимозависимость. С.Н. Булгаков – это не только богослов, экономист, создатель философии хозяйства, софиолог и т.п. Он, на наш взгляд, еще и автор весьма значительных и интересных идей по философии культуры, о чем свидетельствует изучение его произведений различного рода – от фундаментальных философских трудов до публицистики и дневниковых записей.

В целом в русской религиозно-философской мысли, безусловно, имеются свои ориентиры в понимании человека и культуры, своя культурфилософская специфика. С.Н. Булгаков и вполне типичен для русской религиозной философии в этом плане, и вместе с тем весьма индивидуален и интересен. Принадлежность философских исканий Булгакова к отечественной философской традиции проявляется помимо религиозности, интенциональных антропологизма, онтологизма, этицизма и в таких существенных чертах, как глубокий и пристальный интерес к проблемам культуры, стремление очертить границы мира собственно человеческого, поразмышлять над его сущностью. Очевидно, что культурфилософская проблематика не является для Булгакова приоритетной, но она тем не менее присутствует практически во всех его произведениях, где находится в органичном синтезе, в гармоническом единстве с другими философскими проблемами – онтологическими, антропологическими, этическими, социально-философскими и т. п.

Необходимо также иметь в виду идейно-теоретические источники философии культуры Булгакова. В качестве таковых мы полагаем наследие западной философии (прежде всего кантианство, неокантианство, шеллингианство) и наследие отечественной религиозно-философской мысли (прежде всего идеи Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева). Всякая культура (и культура вообще, и философская культура в частности) есть прежде всего традиция, опора на опыт прошлых поколений. С.Н. Булгаков, бес-

спорно, демонстрирует в своем творчестве высокий уровень философской культуры. Об этом свидетельствует глубокое знание философских идей предшественников и современников, владение философской терминологией, т.е. строгость и правильность языка его философствования. Предыдущий философский опыт Булгаковым тщательно усвоен и преломлен в свете собственных построений, в том числе и непосредственно в размышлениях о культуре.

Логика построения философии культуры Булгакова, на наш взгляд, такова: сначала думаем о человеке, выявляем его сущность, размышляем о смысле его существования, а затем думаем о нем в его собственном мире, мире, сконструированном им самим, пусть и по заданному Богом плану. Сама структура его фундаментального философского труда «Свет Невечерний» (особенно раздела третьего под названием «Человек»), на наш взгляд, убедительно демонстрирует данную логику.

Русский философ С.Н. Булгаков в своих философских размышлениях движется от постижения глубинно-онтологических оснований человека и его сущности к осмыслению существования человека во внешнем, социальном, социально-культурном мире, к идентификации и реализации себя в нем, выбору пути человека в обществе, истории, индивидуальной жизни.

В отличие, например, от С.Л. Франка, демонстрирующего в своих воззрениях бесспорный культуроцентризм, у С.Н. Булгакова идея культуры не является основополагающей. Культура рассматривается в сопряжении с антропологическими умозрениями, более того, зависит от них, вытекает из них. Определив суть человека, его родовые, индивидуальные, социальные характеристики, Булгаков конструирует свою философию культуры. Человек у него первичен, культура вторична, Однако человек – это субъект культуры. Бытие человека в мире – это бытие в системе культурных ценностей.

Нам думается, что Булгаков – не культуролог, а именно культурфилософ. Философию культуры (культурфилософию) от культурологии отличает именно антропологический акцент, то есть имманентное присутствие в размышлениях о культуре размышлений о человеческой природе, о человеческом бытии, о назначении человека, о личности и ее ценности. Кроме того, существенно отметить, что в философии культуры (как вообще в философии) доминирует момент поиска истины, сомнения. В культурологии в качестве приоритета выступает некое найденное, обретенное знание. Культурология в отличие от философии культуры – это

не поиск знания, а само знание. Собственно, суть отличия культурологии от философии культуры состоит в том же, в чем наука отличается от философии, представляя собой различные формы и уровни освоения сущего. Булгаков, размышляя о культуре, ищет, сомневается, преломляя свои искания через размышления о человеке. Для Булгакова-философа нет проблемы культуры как таковой, есть проблема человека и культуры. Причем известно, что для социолога Булгакова союз «и» имеет принципиальное онтологическое значение, Этот союз означает неразрывную связь, единство, целостность, как, например, в сочетании «Бог и Мир». Как Бог не может мыслиться без мира (и наоборот), так и человек вне культуры, без культуры. И, наоборот, культура не может мыслиться в отрыве от человека.

Булгаков размышляет о генезисе культуры. Так, в «Свете Невечернем» он пишет, во многом будучи созвучным, в частности, П.А. Флоренскому, что «колыбелью культуры» является религиозный культ, что все основные элементы культуры (искусство, философия, право, наука, хозяйство) изначально имели сакральный характер, что «связь культуры с культом есть вообще грандиозного значения факт в истории человечества» [3, 326]. Культура имеет свои корни в так называемом «золотом детстве» человечества, то есть в том замечательном времени, когда человеком еще не завладели утилитарные потребности, когда существовала наивная, детская искренность отношений между человеком и миром (а значит, и Богом). Во времена культа, как пишет философ, «человечество, само живя в лачугах, воздвигало богам величественные храмы, в противоположность теперешней эпохе, когда умеют строить вокзалы и отели, но почти разучились создавать святилища» [3, 326].

Безусловно, размышления о культуре находят прежде всего в так называемых фундаментальных сочинениях Булгакова – в работах «Философия хозяйства» и «Свет Невечерний». Однако кроме них соответствующие идеи содержатся в и других, менее известных работах, которые не всегда можно рассматривать как собственно философские. Обратимся, в частности, к статьям, вошедшим в книгу «Православие: Очерки учения православной церкви», которая была издана впервые после смерти автора в 1964 г. в Париже. Несмотря на преимущественно богословский характер данной работы в целом, в ней вполне эксплицируются философские идеи С.Н. Булгакова, являющиеся в некотором роде итогом его размышлений.

В статье «Икона и иконопочитание в православии» Булгаков пишет: «Культура и культ раскрываются в том своем единстве, которое является исходным, изначальным, а вместе с тем и последнею целью истории человечества» [2, 307]. Человек в своем творчестве, в своем хозяйстве, в своем преобразении жизни (а все это и есть, по Булгакову, культура) стремится к «ософиению» мира, к Богу. Культура «софийна», поскольку творческие усилия человека представляют собой напряжение всех сил его как «духовного существа», устремляющегося к Богу. Софийное всеединство как некий результат человеческого «transcende te ipsum» («превзойди себя самого») основывается на духовном делании самого себя, на преодолении себя как сугубо материалистически-экономического существа, «экономического человека», который господствует в современном мире. В культуре и через культуру человек, по мысли Булгакова, возвратится к «храмовой ограде», то есть человеческое творчество вернется к своим родовым истокам.

Булгаков, несмотря на частое синонимическое обозначение хозяйства и культуры, все же разводит по смыслу эти понятия. И хозяйство, и культура есть творчество, но между ними имеется существенное различие. На наш взгляд, под хозяйством мыслитель имеет в виду прежде всего материально-производственное творчество человека, обогащенное духовной компонентой. Под культурой, напротив, философ мыслит прежде всего духовное творчество, в свою очередь обогащенное материально-производственной компонентой. Конечно, всякое творчество «софийно» в метафизическом плане, всякое творчество есть субъект-объектное единство, воплощение неразрывной связи материального и духовного. Получается, по Булгакову, что из указанного единства и связи рождается новый мир – «новый мир культуры, создаваемый в хозяйстве» [5, 157]. Это мир духовного роста человека, создаваемый им самим, пусть и по заданному Богом плану, мир духовного (нравственного, интеллектуального, эстетического) преобразования и возвышения человека.

Обращаясь к осмыслению искусства как чувственной сферы культуры, Булгаков рассматривает современное ему искусство модерна. На примере размышлений о живописи Пикассо, навеянных посещением выставки этого художника, он описывает особое эмоционально-психологическое состояние от соприкосновения с картинами этого автора. Это особое эмоциональное состояние явилось стимулом к глубоким метафизическим раздумьям о кризисе искусства, о сущ-

ности искусства, о человеке в искусстве и человеке в культуре.

С.Н. Булгаков утверждает, что смысл искусства – в поиске Добра и Красоты, поиск высшей Истины, высшего света. При этом настоящее, подлинное искусство есть выражение душевных сомнений, душевной борьбы автора, есть мышление о вечном. Анализируя современное ему искусство, Булгаков выявляет феномен «эстетизма» (о котором, кстати, писал и Бердяев). Черты этого феномена философ обосновывает на примере творчества французских импрессионистов (Матисса, Гогена, Сезанна, Ренуара). Произведения импрессионистов бесхитростны, наивны и простодушны, они не будят мысль, не вызывают сомнений, не устремлены в вечность. Однако не таковы творения П. Пикассо, отношение к которым у Булгакова далеко не однозначное. Как и близкий ему по духу философ «серебряного века» Н.А. Бердяев, эмоционально-психологически Булгаков не может принять кубические картины Пикассо. Философа не пленяет мир «в черном цвете», отталкивает «уродливое», «кошмарное» мироощущение художника, проникнутое «тоской и ужасом бытия». Однако живопись Пикассо, в отличие от творений импрессионистов, не эстетизм, а настоящее искусство. По Булгакову, Пикассо не просто играет с красками, цветом, светом, он размышляет о мире. И это размышление есть именно свободное искание человеком Истины, Добра и Красоты. Творчество Пикассо, как пишет Булгаков в работе «Труп красоты», «волнует и тревожит», «возбуждает мысль», оставляет впечатление, принадлежащее к числу «наиболее сильных, какие можно вообще иметь от искусства» [4, 531].

Искусство Пикассо и вообще искусство модерна представляет собой, с точки зрения Булгакова, специфическое порождение «нашей духовной эпохи», эпохи рубежа XIX–XX веков, с характерным для нее ощущением кризиса культуры, с трагическими настроениями и чувством «мистической жути», катализированными войнами, социальными конфликтами. Поэтому в искусстве модерна запечатлены «кошмарные видения», поэтому тела изображенных художниками людей утратили человеческую теплоту. В этих телах нет «жизни и аромата», они «иссушены и обескровлены». Сама жизнь, сама эпоха обуславливает эту «обескровленность». Это искусство нового мира, новой культуры, которую гениально предчувствовал Ницше и центральной идеей которой является «смерть Бога». Творчество Пикассо Булгаков называет ницшеанским по духу, видит в нем проникнутость «богоборческим цинизмом». Картины Пикассо – это

«музыка Достоевского, его мука, его «подполье», философия вечности Свидригайлова и еще более Николая Ставрогина» [4, 532]. Булгаков полагает, что если бы не любящий и отрицающий Бога герой Достоевского Ставрогин писал картины, то «должно было бы получаться нечто вроде Пикассо, так он чувствовал бы плоть, так видел бы мир» [4, 532].

Художественное творчество Пикассо Булгаков рассматривает как антиномичное, противоречивое. Эта антиномичность выражается в противопоставлении черт подлинного искусства и «бесовской» мистерии. С одной стороны, Пикассо – истинный художник, он «прозревает» саму Софию-Красоту, он устремлен к высшему, «горнему» миру, он видит лик Софии. Однако вместе с любовью к Красоте и устремленностью к ней Пикассо демонстрирует свое к ней презрение. Метафизический лик Красоты художник видит сквозь призму «самости», циничного субъективного отрицания самого высшего мира, сквозь призму человекобожеского сознания. Картины Пикассо являются, по мысли Булгакова, замечательной художественной иллюстрацией к работе П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (к главе «Геенна»), где показана «самопоедающая самость», существующая «только для себя, а не о себе и не для другого» [4, 533]. Кубические и вообще футуристические картины представляются Булгакову «мистической судорогой духа», испытывающего «черную тоску», находящегося на грани бытия и «тьмы небытия», порождением духа, осознавшего эту грань и как бы заглянувшего за ее пределы. Думается, что несколькими десятилетиями позже именно это состояние человеческого духа К. Ясперс назовет «пограничной ситуацией», когда очевидной становится реальность этой грани (между бытием и небытием), когда возникает вопрос о смысле, когда ощущаются страх и тоска. Творчество Пикассо и художников-модернистов проникнуто экзистенциальным мироощущением, и Булгаков проникает в этот настрой мыслей и образов и специфически его выражает в своих работах. Для Булгакова произведения модернистов – не только метафизический «прорыв» свободного творческого духа, но еще и отражение внутреннего мира страдающего (именно страдающего) человека эпохи кризиса культуры и глобальных социальных перемен.

Искусство модернистов, рассматриваемое философами прежде всего на примере творчества Пикассо, парадоксально. Эту парадоксальность Булгаков видит в сочетании антиномичных начал – гармонии и дисгармонии, созидания и

разрушения, красоты и уродливости, культуры и антикультуры. Именно эти колебания делают произведения художников модерна собственно искусством – вечным исканием Истины, Добра и Красоты. Художник для Булгакова – это тот человек, который ищет «высший мир», кто тоскует по высшей Красоте. Однако путь человека (и путь художника) к высшим началам бытия индивидуален, что проявляется в ярком авторском начале художественного творчества, в свободе самовыражения художника. Искусство несет на себе печать духовного поиска, а точнее – внутреннего религиозного поиска художника, и одновременно пробуждает в других людях их религиозные чувства и философские размышления.

Возвращаясь к осмыслению Булгаковым феномена эстетизма в искусстве, следует отметить, что, с точки зрения философа, в эстетствующем искусстве нет истинного понимания смысла искусства вообще. Эстетизм есть не что иное, как «работа над художественной формой», «мастерство формы». Примерами такого эстетизма кроме уже указанного импрессионизма являются «александрийство» – искусство эллинистической эпохи, «парнасство» – литературное движение во Франции во второй половине XIX века, «академизм» – направление в изобразительном искусстве XVI–XIX веков. Для всех этих направлений характерно следование известному лозунгу «искусство для искусства», выдвигание на первый план чисто эстетических задач искусства, сознание того, что «сама форма и есть существенное содержание искусства, и его нет вне работы над формой» [3, 329]. Булгаков задается вопросом о том, каково же самосознание такого искусства. Для философа очевидно, что, с позиции эстетствующего художника, именно искусство творит красоту. Однако это совершенно ложное самосознание, суть которого в том, что «не Красота создает искусство, призывая к алтарю своему его служителя, но искусство само творит красоту, поэтому художник есть бог, который созидает радужный мир мечты и сказки по образу своему и подобию» [3, 330]. Самосознание эстетизма Булгаков называет субъективным идеализмом в искусстве, или эстетическим иллюзионизмом, когда художник видит своей высшей целью создание некоего иллюзорного мира, где все красиво и пленительно, где нет трагического и безобразного. Такое эстетствующее искусство, по замечанию Булгакова, весьма притягательно для многих людей, для «толпы», не умеющей и не желающей думать, отворачивающейся от самых различных проявлений реальной жизни. В этой связи очевидно, что Булгакову чуждо, на наш

взгляд, шопенгауэровское понимание искусства, смысл которого состоит в стремлении увести человека от страданий, заставить замолчать всякие желания, помочь уйти в иллюзорный мир покоя. Для русского философа искусство стимулирует мыслительную активность человека и само есть проявление этой активности.

Как думается, из самосознания эстетствующего искусства во многом рождается феномен массовой культуры, исследуемый позже тем же Ортегой-и-Гассетом и другими мыслителями XX века. Примером такого искусства для «массы», для «толпы» Булгаков, в частности, называет современный ему театр, который, несмотря на серьезное отношение к самому себе (на отношение к себе как к подлинному искусству), остается всего лишь эстетическим развлечением, «зрелищем», какими были для римской плебейской толпы гладиаторские игры и цирковые представления. Эстетствующее искусство удовлетворяет только одну человеческую потребность – эмоциональную или, как уточняет ученик и последователь Булгакова Вл. Вейдле в работе «Умирание искусства», апеллирует к «специализированным, чувственно-рассудочным, относительно поверхностным способностям человека» [1, 288]. Вполне справедливым в этой связи является, на наш взгляд, вывод и Булгакова, и Вейдле о том, что такое искусство теряет человека как субъекта и объекта творчества, человека в декартовском смысле как существо мысля-

щее, сомневающееся, стремящееся к высшей сути. Так, Вейдле пишет: «В таком искусстве отсутствует самый образ человека... Подмена искусства утилитарно-рассудочным производством, сдобренным эстетикой, привела к чему-то, в принципе, общепонятному и потому... пригодному для массы, и не так-то легко бороться с тем, чью пользу и удобство докажет любая газетная статья, что одобрит на основании присущего ему здравого смысла всякий лавочник» [1, 289].

Итак, мы видим, что философия культуры С.Н. Булгакова имплицитно содержит животрепещущие умонастроения XX века, примером чему являются их размышления об «омассовлении» искусства и, шире, – культуры, об утрате стиля, об умирании собственно искусства.

Размышления С.Н. Булгакова, несомненно, актуальны и сейчас, в начале XXI столетия. Все тенденции индивидуальной человеческой и общественной жизни, увиденные и проанализированные философами, имеют место и в нашем времени. Современная культура, определяемая как культура эпохи постмодерна, тоже «дегуманизирована», тоже представляет собой воплощение творцом особого ощущения «расколотости», «деконструктивности», «бездуховности» современного мира. В этом смысле можно говорить о Булгакове как о своего рода провозвестнике постмодернистского мироощущения и постмодернистского искусства, всей культуры постмодерна в целом.

Библиографический список

1. Вейдле Вл. Умирание искусства. В кн.: Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
2. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991.
3. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
4. Булгаков С.Н. Труп красоты. Булгаков С.Н. Соч., т. 2. М., 1993.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Булгаков С.Н. Соч., т. 1. М., 1993.

Helen Khokhlova

Sergey Bulgakov's Philosophy of Culture

The article is devoted to some aspects of Sergey Bulgakov's, a religious philosopher of the end of the 19th – the beginning of the 20th century, philosophy of culture. The author of the article considers Bulgakov's views on the essence of culture, its genesis, the connection between culture and economy, the essence of art, crisis in culture of modernism and tendencies in culture development in the 20th century. This Russian philosopher's ideas of cultural crisis, mass culture formation, the loss of culture of its humane basis are still acute and important to understand postmodern culture.

Key words: philosophy, culture, art, a person, creative work, economy

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Внимание учёных-религиоведов к целевой комплексной программе «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России» вызвано её особым теоретико-методологическим характером, соединившим дескриптивное, объективно-фактологическое знание с нормативно-мировоззренческим. На наш взгляд, авторам программы удалось сочетать объективный подход в изложении истории культуры и цивилизации, важнейшим духовным ядром которого является религия, с оценочным, где мировоззренческие системы начинают «конкурировать». Учитывая культурно-религиозную многоукладность и полиэтничность России, авторы опираются на универсальный характер Православия, обращённый ко всем народам и к каждому человеку прежде всего своей духовно-нравственной компонентой.

Сегодняшняя ситуация в глобализирующемся мире обращает наше внимание на проблему сохранения уникальной духовности и культуры нашей страны. Решение данной проблемы возможно при условии сотрудничества государства, общества и Церкви, что наглядно представлено не только в содержании, но и в самом факте создания программы.

Член научно-экспертного Совета
национальной программы «Духовно-нравственное
воспитание подрастающего поколения»
Т.Г. ЧЕЛОВЕНКО

The interest of Religious Studies scholars to the comprehensive program «Spiritual and Moral Guidance for Russian Youth» is caused by its special theoretical and methodological contents, which combine descriptive and factual knowledge with beliefs and normative standards. In our view, the authors of the program managed to combine the objective approach in presenting the history of culture and civilization, the core of which is religion, with evaluative approach in giving assessment and comparing various systems of belief. Taking into consideration Russia's multiethnicity and multiculturalism they rely upon the universal nature of Orthodoxy whose moral and spiritual component addresses all nations.

The present-day situation and globalization make us concerned about preserving the unique spirituality and culture of our country. It will become possible when state, Church and society join their efforts. The contents of the program and the very fact of its creation will definitely contribute to this end.

Member of Scientific and Expert Council of the National Program
«Moral and Spiritual Culture of Russia's Young Generation»
CHELOVENKO T.G.

КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»*

Проект «Духовно-нравственная культура» как новая научная и образовательная область» реализуется в рамках национальной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России (2006–2010 гг.)».

Программа осуществляется под духовным патронатом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА.

Председатель Попечительского Совета программы — С.В. МЕДВЕДЕВА.

Сопредседатели Программы — министр культуры РФ А. АВДЕЕВ и Председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви, ректор МПДА Архиепископ Верейский ЕВГЕНИЙ.

Цель концепции «Духовно-нравственная культура» как новая научная и образовательная область» — обоснование и включение духовно-нравственной культуры как новой научной и образовательной области в систему российского образования.

1.1. Значимость включения образовательной области «Духовно-нравственная культура» в базисный план

Образовательная область «Духовно-нравственная культура» (ДНК) обеспечивает реализацию приоритетов национальной доктрины образования, согласно которым «...система образования призвана обеспечить:

- историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России;
- воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов;

- формирование культуры мира и межличностных отношений».

Национальная доктрина связывает главные цели развития образования со стратегическими целями развития страны, среди которых — поддержание статуса России как великой державы в сфере науки, культуры, технологий, образования; обеспечение высокого качества жизни для граждан страны; преодоление экономического и духовного кризиса.

Об актуальности изучения в школе духовно-нравственной культуры и этики свидетельствуют такие кризисные явления современной жизни, как наркомания, пьянство, криминализация детской и молодежной среды, половая распущенность, низкий уровень общественной морали, утрата традиционных семейных ценностей, упадок патриотического воспитания. Преподавание основ духовно-нравственной культуры в школе будет способствовать нравственной ориентации учащихся, поможет им побуждать себя к развитию и самосовершенствованию.

Духовно-нравственная культура — фундаментальная основа общего образования, база для самосовершенствования личности и социального взаимодействия на принципе единства свободы и ответственности. Опыт освоения духовно-нравственных смыслов и ценностей культуры поможет плодотворному освоению таких отраслей и форм общественного знания, как история, искусство, естествознание, право, экономика и политика, и позволит решить одну из самых актуальных задач современной общеобразовательной школы: становление гармонически развитого гражданина, добросовестного труженика, преданного семьянина и патриота Отечества. Без укрепления духовных начал общественной жизни, ее нравственных основ невозможно поступательное развитие Российского государства, невозможны совершенствование личности, школьная и семейная жизнь, консолидация гражданского общества.

*© О.И. Артеменко, Е.В. Бондаревская, В.С. Воробьев, Л.П. Гладких, И.Ф. Гончаров, А.Я. Данилюк, Т.П. Довгий, М.В. Захарченко, Д.Д. Зуев, иеромонах Киприан (Яценко), А.В. Камкин, М.Н. Кузьмин, И.В. Кулаков, В.И. Курашов, О.Г. Леонова, Н.Ю. Новицкая, протоиерей Борис Пивоваров, протоиерей Олег Кобец, протоиерей Виктор Дорофеев, Т.И. Петракова, А.В. Пересыпкина, И.П. Рязанцев, И.В. Симонов, Н.Ю. Твардовская, Л.А. Харисова, Л.Л. Шевченко, игумен Георгий (Шестун), О.Л. Янушкявичене.

Освоение образовательной области «Духовно-нравственная культура» призвано содействовать формированию нравственной культуры молодых поколений граждан России через восприятие социокультурного опыта предшествующих поколений, представленного в культурно-исторической традиции. Система ценностей традиции складывалась на протяжении многих столетий, вбирая в себя опыт поколений под влиянием истории, природы, географических особенностей территорий, на которых жили народы России, условий их жизни, быта, взаимодействия, общих бед, трудов и свершений, веры, культурного творчества, языка. Народы нашей страны имеют многовековой опыт совместной жизни и сотрудничества, осмысляемый как общность судьбы на родной земле. Они объединены верностью памяти предков, завещавших любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость.

Надежным залогом межконфессионального мира и братской дружбы народов, живущих в России более тысячи лет, являются духовно-этические принципы и социокультурные традиции православной цивилизации. Культурообразующее значение православия признано в нормах российского законодательства. Многовековая православная цивилизация является ценнейшим достоянием всех граждан Российского государства, всех народов нашего Отечества. Она устанавливает прямую преемственность отечественной культурной традиции с цивилизациями древнего мира, образует основу ее самобытности и выводит в ряд мировых цивилизаций.

Духовно-нравственная культура личности — это культура свободы, культура самоопределения в традиции. Она обладает своей спецификой, которая не может в полной мере быть реализована средствами других областей учебного плана, в которых решаются свои специфические задачи. **Отсюда вытекает необходимость вычленения духовно-нравственного образования в особую образовательную область, обладающую своими методологическими доминантами, структурой, целями, способами реализации.** Область «Духовно-нравственная культура» системно связана с другими образовательными областями и образует фундаментальную основу общего образования.

1.2. Теоретические основы духовно-нравственной культуры

Для раскрытия содержания духовно-нравственного воспитания населения необходима единая трактовка понятий **духовность, нравственность,**

культура. Эти термины определяются средствами понятийного аппарата философской, эстетической, педагогической, психологической, богословской и других наук.

Понятием **культура** (в переводе с латинского — «возделывание, воспитание, развитие») обозначается среда обитания человека, представленная в виде продуктов человеческой деятельности. Традиционно культура делится на материальную и духовную. Если культура материальная включает в себя бытовую и производственную сферы, то духовная представлена философией, искусством и религией, утверждающими определенную систему духовных ценностей, социальных норм и отношений человека к Богу как Высшему Началу, миру, людям. Духовная сфера определяет направленность культуры.

Русской национальной культуре присущи такие особенности, как: высокая нравственная направленность российской идеи; преданность своей вере в сочетании с веротерпимостью; соборность и взаимопомощь; общность и потребность населения в коллективной жизни; особая любовь к родной природе.

Понятием **духовность** обозначалось все относящееся к человеческой душе, духу, Богу, Церкви, вере (В.И. Даль). Если более развернуто, духовность — это: 1) в этическом, политологическом и теологическом смысле — устремление человека к тем или иным высшим ценностям и смыслу — к какому-либо, им предпочтенному идеалу, стремление человека переделать себя, приблизить себя и свою жизнь к этому идеалу (уподобиться) и тем самым одухотвориться, внутренне освободиться от обыденности; 2) основа и главная причина любовью веры и религиозности.

Духовность проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, строить свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. Одним из сильнейших источников духовности является совесть, а проявлением духовности — любовь.

Нравственность — это компонент духовности, содержанием которого выступают этические ценности, составляющие основу сознания. Нравственность — это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способности и приемы передачи во вне своего внутреннего духовного мира. Духовность и нравственность — понятия, существующие в неразрывном единстве. При их отсутствии начинается распад личности и культуры.

Нравственность принято понимать как совокупность общих принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу в обществе. Нравственность регулирует чувства, желания и поведение человека в соответствии с моральными принципами определенного мировоззрения. В основе нравственности лежит безусловное и внеисторическое религиозное начало.

Духовно-нравственное воспитание содействует формированию у человека:

- нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма);
- нравственного облика (терпения, милосердия, кротости, незлобивости);
- нравственной позиции (способности к различению добра и зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний);
- нравственного поведения (готовности служения людям и Отечеству, проявления духовной рассудительности, послушания, доброй воли).

1.3. Цели и задачи введения образовательной области «Духовно-нравственная культура»

Целью освоения образовательной области «Духовно-нравственная культура» является осознание школьниками ведущих ценностных ориентаций отечественной цивилизации, приобщение новых поколений к смыслам родной культуры, развитие внутреннего мира детей ради утверждения ими себя деятельными субъектами, сохранения и приумножения богатства национальной традиции в сфере духовно-нравственного и социокультурного опыта.

Духовно-нравственное воспитание детей осуществляется через решение следующих задач:

- служение своему Отечеству и народу;
- усвоение лучших моральных и нравственных принципов, выработанных человечеством на протяжении своей истории;
- усвоение и воплощение в жизнь нравственных традиций русского народа и своего этноса;
- сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества;
- гармоничное духовное развитие каждой личности, привитие ей основополагающих принципов нравственности: доброты, честности, желания заботиться о ближнем, укрепления семейных уз, любви к детям и уважения к старшим;

- формирование национального самосознания, ответственного отношения к русскому языку как государственному и как к средству межнационального общения;
- усиление духовно-нравственной направленности при освещении событий и явлений общественной жизни средствами массовой информации, активное противодействие пропаганде образцов массовой культуры, основанных на культе насилия;
- объединение усилий семьи, образовательных учреждений, органов управления образованием, культурой, детских и молодежных общественных организаций, религиозных конфессий в воспитании и социализации детей и подростков;
- сохранение исторической преемственности поколений; развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России;
- воспитание патриотов России, граждан правового демократического государства, уважающих права и свободы личности, проявляющих национальную и религиозную терпимость;
- развитие культуры межэтнических отношений.

В сфере личностного развития область «Духовно-нравственная культура» призвана раскрывать творческий потенциал детей, формировать в них чувство ответственности, воспитывать качества патриотизма, гражданственности, бескорыстной любви к Отечеству, малой родине, семье и соотечественникам, способствовать выработке собственной жизненной позиции и мировоззрения, формировать ориентацию на базовые ценности российской культуры.

В сфере социализации область «Духовно-нравственная культура» предназначена для воспитания в учащиеся достойных представителей своего Отечества, знающих, чувствующих и понимающих его идеалы и ценности, формирования у детей навыков толерантности (национальной, религиозной, личностной и социальной терпимости), сотрудничества в современном полиэтничном и поликультурном социуме, стремления к социальной консолидации и стабильности российского общества.

В сфере подготовки к профессиональной деятельности область ДНК будет способствовать осознанию духовно-нравственных смыслов базовых видов человеческой деятельности, формировать добросовестное отношение к труду, развивать навыки совместной деятельности, кооперации и достижения согласия, соборности.

1.4. Методологические основы образовательной области «Духовно-нравственная культура»

Методология образовательной области «Духовно-нравственная культура» определяет связь целей, содержания и методов образовательной области.

Задача освоения смыслов и ценностей традиции предполагает кроме информационного элемента также поведенческий, эмоциональный, деятельностный и рефлексивный элемент. В процессе освоения содержания области «Духовно-нравственная культура» ученик приобретает навыки актуализации собственного опыта, различения добра и зла, осознания ценностных основ своего поведения, нравственной оценки поступков в контексте идеалов и образов совершенства, запечатленных в культурной традиции.

Качественная характеристика результатов образования в этой области предполагает учет пяти аспектов: содержательного (знания, представления), коммуникативного (отношения, взаимодействие, кооперация), управленческого (самоорганизация, организация деятельности в группе, выбор на основе нравственных ценностей), психологического (мотивация к самосовершенствованию, эмоциональное приятие другого в ситуациях взаимодействия), социокультурного (формирование стратегий социального поведения на основе осмысленных норм и ценностей традиции).

Развитие образовательной области «Духовно-нравственная культура» предполагает актуализацию современных педагогических методов и технологий, включающих в себя коллективные формы обучения, рефлексию, осмысление опыта, осознание смысловых переживаний, организацию социально значимой деятельности, взаимодействие с реальной жизнью традиции в открытом образовательном пространстве и др.

Методы работы с содержанием образовательной области должны способствовать определению собственной жизненной позиции и мировоззрения учащихся на основе осмысления ими педагогически организованного опыта ориентации на базовые ценности российской культуры. Они предполагают организацию диалога, позволяющего соотносить различные жизненные установки, социальный и личностный опыт, социокультурные и этноконфессиональные традиции с целью достижения оснований мира и согласия для жизни и труда на родной земле.

1.5. Принципы духовно-нравственного воспитания

Принципами духовно-нравственного воспитания являются:

— **принцип системно организованного подхода**, который предполагает скоординированную, целенаправленную работу всех государственных и общественных структур по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения;

— **принцип ценностной ориентации**, имеющей определяющую жизненную значимость для формирования системы ценностей подростка;

— **принцип лично ориентированного подхода в духовно-нравственном воспитании**, предполагающий использование особых форм и методов работы с учетом психологических особенностей каждой возрастной, социальной группы школьников;

— **принцип сохранения исторической памяти народа**, который способствует становлению исторического самосознания населения, оказывает благотворное влияние на формирование высоко нравственной социально активной личности, умеющей осуществлять социальный прогноз, исходя из понимания сущности настоящего, инвариантности прошлого и альтернативности будущего; осознавать историческую ответственность за свою деятельность;

— **принцип воспитания на традициях**: культурных (сохранение и приумножение исторических и духовных достижений народов России); боевых (бережное отношение к героике прошлого, образцам самоотверженного служения народу и стране в военной, трудовой и культурной сферах, празднование великих для России событий и дат); трудовых (культура производства, сознательное отношение к труду в интересах человека, общества и государства);

— **лингвистический принцип**, требующий всемерного сохранения и развития русского языка как средства межнационального общения и языка своей нации, народности, как средства сохранения и воспроизводства культуры своего народа;

— **принцип информационной защищенности**. Суть этого принципа заключается в признании прав человека на обеспечение защиты от тех видов информации, которые представляют опасность для его физического, нравственного и духовного здоровья.

Все названные принципы взаимосвязаны и реализуются в единой целостной системе всей совокупностью воспитательных средств в образовательной области «Духовно-нравственная культура».

Образовательная область «Духовно-нравственная культура» призвана сформировать духовно-нравственный компонент образовательной деятельности современной российской школы и тем самым усилить воспитательный потенциал содержания образования. Ориентация образования на духовно-нравственное воспитание, в свою очередь, поможет развитию личности обучающегося, его познавательных и созидательных способностей, поможет также формированию правовой грамотности и гражданской ответственности школьников.

1.6. Компетенции образовательной области «Духовно-нравственная культура»

В ходе освоения основных образовательных программ образовательной области «Духовно-нравственная культура» выпускник средней (полной) школы должен обладать следующими **компетенциями**:

Духовно-нравственные:

- иметь устойчивые представления о духовности и нравственности в рамках понятий добро—зло, свобода—ответственность, самопожертвование—эгоизм, совесть и долг, правда и ложь;
- с точки зрения указанных понятий уметь давать нравственную оценку поступкам и делам;
- уметь соотносить права человека и достоинство личности.

Социально-личностные:

- дорожить духовно-нравственным и культурно-историческим наследием России;
- уметь ориентироваться в системе духовно-нравственных ценностей и учитывать особенности ценностно-смысловых ориентаций различных социальных, национальных и религиозных социальных групп;
- обладать навыками межкультурной коммуникации;
- быть способным занимать активную нравственную позицию в социально-конфликтных ситуациях и содействовать их разрешению;
- уметь ориентироваться в ситуациях, когда нужна срочная помощь человеку, попавшему в беду или нуждающемуся в социальной помощи и защите;
- владеть нормами и навыками здорового образа жизни;
- стремиться к духовно-нравственному совершенствованию.

Культурные:

- знать достопамятные события отечественной истории, выдающиеся памятники литературы и художественной культуры;
- знать имена величайших просветителей, государственных деятелей и деятелей культуры и искусства, героев, педагогов России, а также уметь оценить их вклад в развитие российской истории и культуры;
- уметь раскрыть особую роль православия в истории России, в становлении ее духовности и культуры.

1.7. Структура образовательной области «Духовно-нравственная культура» и ее место в базисном учебном плане

Образовательная область «Духовно-нравственная культура» охватывает весь период общего образования детей от дошкольной ступени образования до старшей ступени общеобразовательной школы. Образовательная область «Духовно-нравственная культура» структурно включает в себя:

- систему преемственно связанных базовых курсов;
- элементы содержания в других базовых областях учебного плана (межпредметные связи, интеграция);
- систему воспитательной деятельности;
- дополнительные курсы, выполняющие роль углубления и расширения содержания образовательной области.

Базовый курс строится на единой методологии с общим содержательным стандартом, предполагающим возможность вариативности на отдельных этапах обучения, варианты в выборе материала с учетом региональных особенностей и этноконфессионального разнообразия страны. Базовый курс способствует осознанию учащимися цивилизационной традиции России, образующей культурно-историческую основу ее государственно-территориального и гражданского единства.

Дополнительные курсы, выполняющие роль углубления и расширения содержания образовательной области, способствуют эффективной интеграции учащихся в локальные традиции России, в том числе этноконфессиональные. Обучение религии осуществляется в соответствии с законодательством, за рамками учебного плана. Образовательная область позволяет учащимся глубже осознавать связь веры, религиозного исповедания и творческой культурной активности человека, духовную основу социального действия, гражданских свобод и ответственности.

Межпредметные связи строятся на принципах методологического единства познавательной и аксиологической составляющей деятельности. Реализация межпредметных связей на основе объединяющей функции ДНК способствует выработке целостного мировосприятия и современного научного мировоззрения у учащихся, формированию у них интегрированных представлений о различных формах духовной активности человека, выраженной в науке, религии, искусстве, социальной практике, во взаимопроникновении гуманитарных и естественных дисциплин в развивающемся самосознании учеников.

Воспитательная система реализует социально ориентированные проекты, позволяющие практически осуществлять в укладе школьной жизни и в деятельности школьных коллективов ценностные установки и традиции, а также обеспечивает взаимодействие с живыми явлениями и событиями традиции в открытом образовательном пространстве.

1.8. Программа реализации образовательной области «Духовно-нравственная культура»

Реализация образовательной области «Духовно-нравственная культура» в составе общего образования в системе общеобразовательных школ России осуществляется на принципах целостности, системности, этапности.

Принцип целостности реализуется на основе единства методологических оснований разработки и практического внедрения всех элементов образовательной области.

Принцип системности осуществляется через единство цели и форм организации и управления, обеспечивающих согласованность в реализации аспектов:

1. Содержательный аспект системного подхода включает в себя методологию образовательной области «Духовно-нравственная культура», формирование системы общественного духовно-нравственного воспитания и образования.

2. Институциональный аспект системного подхода предполагает одновременное привлечение духовно-нравственных компонентов к воспитательной деятельности всех социальных институтов: семьи, разных уровней системы образования, государственных учреждений и общественных организаций.

3. Кадровый аспект предусматривает поэтапную подготовку и переподготовку специалистов различного уровня (представителей вла-

сти, управленцев и практических работников образования, здравоохранения, культуры) в образовательной области «Духовно-нравственная культура».

4. Организационно-правовой аспект имеет в виду разработку и принятие нормативно-правовой базы по осуществлению системной деятельности духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

5. Информационный аспект обеспечивает активное использование элементов духовно-нравственного воспитания в средствах массовой информации, преодоление при этом сложившихся стереотипов и комплексов негативного плана, целенаправленное и творческое освещение духовно-нравственных установок.

Принцип этапности осуществляется на основе реализации единства научно-исследовательской, организационно-педагогической, экспертно-аналитической, мониторинговой, проектно-программной деятельности.

Программа поэтапного включения образовательной области «Духовно-нравственная культура» в содержание общего образования рассчитана до 2025 года — срок действия Национальной доктрины образования.

Механизм поэтапного включения образовательной области «Духовно-нравственная культура» в содержание общего образования состоит из следующих этапов:

1. Изучение, общественная оценка и обобщение опыта преподавания отдельных элементов образовательной области.

2. Описание и предъявление методологии образовательной области «Духовно-нравственная культура», организация подготовки и переподготовки кадров, осуществление разработки учебно-методических комплексов, их профессиональной и общественной экспертизы на основе единых концептуальных положений.

3. Разработка стандарта образовательной области «Духовно-нравственная культура».

4. Организация мониторинговых исследований изменений качества образования под влиянием системного включения образовательной области в содержание образования.

Внедрение в учебный процесс образовательной области «Духовно-нравственная культура» предполагает соответствующее обеспечение:

— **нормативно-правовое** — включает в себя нормативно-правовые акты всех уровней государственной власти, регулирующие деятельность по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения;

— **теоретико-методологическое** означает организацию научных исследований в образовательной области «Духовно-нравственная культура» применительно к духовно-нравственному воспитанию и использованию их результатов в практической деятельности, а также разработку методических рекомендаций;

— **программное и учебно-методическое** — это разработка учебно-методических комплексов, учебных и специальных программ, методик преподавания предметов в образовательной области «Духовно-нравственная культура». Кроме того, необходимы организация издания периодических журналов, освещающих эту сферу деятельности с учетом передового отечественного и зарубежного педагогического опыта, проведение экспертизы гуманитарных и воспитательных авторских программ;

— **кадровое** — предусматривает поэтапную реализацию системы мер по подготовке и переподготовке специалистов различного уровня в вопросах образовательной области «Духовно-нравственная культура»;

— **финансово-экономическое** — предполагает финансирование из бюджетных и внебюджетных средств.

1.9. Нормативно-правовое обеспечение образовательной области «Духовно-нравственная культура»

Нормативно-правовое обеспечение образовательной области «Духовно-нравственная культура» представлено следующими документами.

КОНСТИТУЦИЯ И ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.

2. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1 (с последующими изменениями и дополнениями).

3. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (с изменениями от 26.03.2000 г., 21.03.2002 г., 08.12.2003 г., 29.06.2004 г., 06.07.2006 г.).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

4. Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период 2000–2025 гг.

5. Доктрина информационной безопасности

Российской Федерации (Москва, 09.09.2000 г.).

6. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 08.11.2000 № 3200 «О частичном изменении Приказа Минобразования России от 02.03.2000 № 686 «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования»» (о включении теологии в перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования).

7. Приложение к письму Минобразования России от 22.10.2002 г. № 14-52-876 ин/16 о примерном содержании образования по учебному предмету «Православная культура».

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

8. Социальная концепция Русской Православной Церкви (Москва, август 2000 г., Архиерейский Собор).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

9. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г.

10. Итоговый документ Венской встречи государств—участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания (Вена, 15.01.1989 г.).

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.

12. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.

13. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений от 25.11.1981 г.

14. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г. (вступление в силу 22.05.1962 г.).

15. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (с изменениями от 21.09.1970 г., 20.12.1971 г., 01.01.1990 г., 11.05.1994 г.).

16. Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20.03.1952 г. с изменениями от 11.05.1994 г.).

17. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 01.08.1975 г.).

18. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20.11.1989 г.).

КИПРИАН (ЯЩЕНКО), иеромонах,
кандидат педагогических наук,
ректор Института экспертизы образовательных
программ и государственно-конфессиональных отношений,
декан педагогического факультета ПСТГУ,
доцент МДА и ПСТГУ

А.Я. ДАНИЛЮК, профессор кафедры
педагогики Московского государственного
гуманитарного университета им. М.А. Шолохова,
член-корреспондент РАО

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Введение

Распад СССР, развенчание коммунистической идеологии и советской системы ценностей, в нач. 90-х гг. XX в. воспринимавшиеся как условия утверждения долгожданной свободы, на самом деле стали источником затяжного, не преодоленного до сих пор духовного кризиса. Разрушение привычных мифологем в сознании людей привело к острому дефициту национальной идеи, так как девальвация советских идеалов не сопровождалась закладкой нового идейного фундамента.

Кризис национального самосознания особенно опасен для молодого поколения. В нач. 90-х гг. прошлого века система коммунистического воспитания была целенаправленно разрушена, а вместе с ней под сомнение было поставлено и воспитание как таковое. С ним стали связывать покушение на духовную свободу личности, на ее уникальность, самобытность. Воспитание казалось столь же недопустимым, сколь и непродуманные генетические эксперименты. Однако последствия такого радикализма не замедлили сказаться. В отсутствие одного из факторов социализации — воспитания — гипертрофированных масштабов достигает другой — среда. А она в современной России не просто неблагоприятна, но откровенно враждебна по отношению к детям.

Слабость институтов воспитания привела к тому, что основным источником ценностей для молодежи стали СМИ, где свобода слова обернулась произволом и вседозволенностью. В отсутствие цензуры и общественного контроля СМИ создают свой миф, антагонистический по отношению к традиционным нравственным идеалам. Любовь к ближнему, прощение врагов, завещанные Христом, уступили место всеобщему ожесточению, недоверию, подозрительности. Деньги превратились в доминирующую ценность современного мира. Достижение материального благополучия и комфорта рассматривается как образец недаром прожитой жизни, показатель успешности и реализованности человека.

Идейное бездорожье, размытость нравственных ориентиров, преобладание негативных социальных практик, утверждение рыночных отношений, разрыв естественных связей между людьми — все это симптомы духовного кризиса, который имеет серьезные последствия и для общества в целом, и для личности. Следствием его является болезненное состояние души человека, утрата смысла жизни, радости бытия, истин-

ной любви, созидательного труда. Материальные блага очень быстро обесцениваются, иллюзии рассеиваются, и человек остается один на один с пустотой.

В настоящее время приходит все более отчетливое понимание того, что единственный путь выхода из сложившейся ситуации — обращение к богатому духовно-нравственному потенциалу нашей страны. «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности, — подчеркивал Президент РФ В.В. Путин, — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров».

Установка современного образования на самоопределение личности, ее самореализацию, сформулированная на основе идей гуманистической педагогики, предполагает перманентный процесс духовно-нравственного воспитания, ибо в бездуховном обществе человек, его жизнь перестают быть абсолютными ценностями («Если Бога нет, то все позволено»). Это значит, что современная Россия, в первую очередь российское воспитание, нуждается в Боге как в идеале, в вере как смысло-генерирующей форме общественного сознания.

В связи с этим первоочередными задачами становятся преодоление возникшего начиная с 1917 г. отчуждения от отечественной культурной традиции, возвращение к исконным духовным ценностям российского народа, возрождение системы социального воспитания с учетом современных реалий и на основе новейших достижений педагогики.

Духовное совершенствование общества — это процесс многотрудный и долгосрочный. Успешное решение этой проблемы зависит от духовного развития каждого отдельного человека. Приобщение людей, прежде всего молодого поколения, к нравственному опыту народа — залог возрождения России. Судьба страны сегодня решается в школе, за партой, в детской душе.

2. Духовная цивилизация России как перспективный социально-политический проект

Возрождение воспитания в нашей стране возможно только на прочной идейной основе. Этот процесс предполагает осмысление места России в мире, специфики национального самосознания и его истоков, восстановление прерванной реформами 90-х гг. прошлого века преемственности

поколений в российской культуре и, соответственно, в российском воспитании.

Мировоззренческим фундаментом духовно-нравственного воспитания в нашей стране, перспективным идейным концептом может послужить понятие «духовно ориентированная цивилизация». Определению понятия «цивилизация» посвящена обширная литература. Несмотря на то, что этот термин трактуется неоднозначно, важнейшим признаком цивилизации называют формирование социокультурной общности на основе универсальных, сверхлокальных ценностей, получивших выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства. Это означает, что любая цивилизация предполагает следование определенным нравственным ориентирам, общепринятым и признаваемым большинством людей.

В разные периоды времени Россия оказывалась перед необходимостью выбора этих ориентиров. В прежние времена новые ценностные основания, приводившие к историческому рывку, российская цивилизация получала извне, адаптируя чужой культурный опыт. Так произошло и в момент принятия христианства в его византийской традиции, и в период Петровских реформ, и тогда, когда «призрак коммунизма», блуждавший по Европе, решил материализоваться в России. На эту особенность культурно-исторического пути России указывал Н. Бердяев: «Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею. В жизни духа владеют ею то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж. Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилитическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу...» [1: 19–20]. Подобный механизм выбора направления развития использовался и в течение последних 15 лет отечественной истории. В качестве перспективных целей рассматривались либеральные ценности. Один из вариантов национальной идеи определялся прозападной, либерально-американской цивилизацией. По-прежнему под правилами, нормами, идеалами, способными упорядочить общественные структуры, отграничить цивилизацию от варварства и дикости, понимаются исключительно западные образцы. Однако наличие характерных черт, отличных от тех, что присущи странам Запада, вовсе не должно рассматриваться как свидетельство отсталости. Общецивилизационные ценности либерализма ни у кого не

вызывают сомнений, однако в современных российских условиях их утверждение сопровождается распространением мифа об ущербности России и русского народа, его идейной несамостоятельности. Очередное заимствование, происшедшее на фоне национального самоуничтожения, привело к торжеству псевдолиберализма и варварского капитализма, культурно-исторической смуте и культурной дезориентации. Единственный способ обретения истинного пути для современной России — возвращение к себе самой, к своей собственной почве. Вновь обратимся к мысли Н. Бердяева: «Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине, мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания» [1:20].

Духовно ориентированная цивилизация как особая форма социально-культурного организма обладает признаками, отличающими ее от предшествующих периодов. Остановимся на них подробнее. Прежде всего, она характеризуется самостоятельностью, опорой на собственные силы и предполагает выбор идейных оснований не на основе заимствования, а на основе возвращения к собственным корням. Отказываясь от копирования «чужих» идеалов, мы невольно оказываемся перед вопросом: где искать источник новых ценностей? Таким источником становится сегодня отечественная культурно-историческая традиция. Возвращение к прошлому в его целостности и многообразии предполагает не механическое воспроизведение, а качественное развитие собственных культурных оснований. В этом случае возникает прецедент диалога культур как единственно возможной формы их существования. Если раньше в развитии России определяющим был закон отрицания отрицания (один этап отбрасывался другим, при этом разрывались естественные связи и исключалась преемственность), то теперь процедура гегелевского снятия заменяется процедурами взаимообогащения и взаимобоснования различных периодов развития культуры. В связи с этим создаются условия для становления подлинной духовности как стремления к открытию и порождению смыслов. Человек обретает духовную свободу, становится субъектом социального и культурного созидания.

Движение России к духовно ориентированной цивилизации отвечает общемировой тенденции повышения роли личности в социуме, экономике, культуре, гуманизации общественных отноше-

ний. Современный человек не просто носитель определенного объема знаний, а духовный работник, который из информации творит культуру, переводит объективные значения в личные смыслы и ценности. Человек культуры воспринимает ее не как сферу готовых продуктов, а как живое пространство духовных произведений, которые ему предстоит «прочитать», осмыслить, научиться творить.

Становление духовно ориентированной цивилизации, опирающейся на отечественный культурно-исторический опыт, определяет особую роль православия как важнейшей культурной традиции и нравственного фундамента. Его историческое значение для России неоспоримо, масштабы воздействия на российское общество, российскую государственность, культуру, интеллектуальное и нравственное воспитание россиян огромны. Не случайно А.С. Пушкин писал: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». Православие определило феномен «русского духа», сделало ключевыми для российской ментальности не утилитарные, материальные, а духовные ценности. Не индивидуализм и прагматизм определяют наше национальное самосознание, а нестяжательная самореализация, идея служения людям. Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» перечисляет основные черты русской души: религиозность, способность к высшим формам духовного опыта и связанное с ним искание абсолютного добра, органическое соединение чувства и воли, доброта, даровитость, мессианство и миссионерство, готовность заботиться не о личном благе, а о благе других людей. Американец Г. Ласки в книге «Дух Америки» выделяет некоторые особенности американского характера: страсть к величию, чувство достоинства, дух первопродчества, индивидуализм, гибкость, эмпирический подход и приоритет практических интересов, стремление к благополучию и преуспеянию, вера в собственные силы, уважение к труду и частной собственности. Сопоставление этих рядов качеств показывает своеобразие российской ментальности, ее отличие от западного склада мышления и жизненной позиции. Об этом же пишет Н. Бердяев: «Русский народ в глубоких явлениях своего духа — наименее мещанский из народов, наименее детерминированный, наименее прикованный к ограниченным формам быта, наименее дорожающий установленными формами жизни... Западные люди... более прикреплены к усовершенствованным формам своей ци-

визации, более дорожат своим настоящим, более обращены к благоустройству земли» [2:236].

Православие является фундаментом русской культуры. Оно оказало влияние на народный характер, искусство и философию в России. Не случайно А. Тойнби назвал российскую цивилизацию православно-христианской. Н.Я. Данилевский, в свою очередь, подчеркивал, что православие соответствует психологическому складу славян.

Среди традиционных православных ценностей наиболее значимыми для российской культуры стали:

- идея соборности: человек принадлежит миру, мир принадлежит человеку;
- нестяжательство;
- непрерывное нравственное совершенствование отдельного человека как источник духовного преображения мира;
- самоотречение, самоотверженное служение благородной цели: Творцу, человечеству, ближнему;
- тоска по вселенской гармонии, устремленность к Царствию Небесному;
- идея всемирной отзывчивости русской души, сострадание как главнейший закон жизни;
- высшая ценность христианской любви.

Идеи русской философии (Н. Данилевский, И. Ильин, И. Киреевский, В. Соловьев, Г. Федотов и др.), художественные образы русской литературы, созданные в произведениях Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Распутина, В. Белова и др., опыт социально-экономического и политического развития нашей страны свидетельствуют о том, что путь к «потребительскому обществу» является для России тупиковым. Подтверждением этому является то, что «маятник» общественного сознания, уставшего от пропаганды примитивных потребностей, секса, насилия, качнулся в сторону нравственных ценностей. Духовно ориентированная цивилизация в современной России должна выстраиваться на идейном основании Православия, постулаты которого уже давно вышли за пределы сугубо религиозных ценностей и приобрели статус культурно-исторических. Православие имеет необходимый духовный потенциал и многовековой положительный опыт духовно-нравственного просвещения. При этом, безусловно, должна быть открыта возможность для диалога и сотрудничества Православной Церкви с другими традиционными для России конфессиями в деле духовно-нравственного воспитания россиян.

3. Цели, задачи и метод духовно-нравственного воспитания молодых россиян

Среди всех возможных стратегий движения к духовно ориентированной цивилизации: экономической, политической, социальной, культурной и др. — особая роль принадлежит воспитанию как научно обоснованному, педагогически организованному процессу. Духовность, понимаемая как устремление человека к высшим ценностям, путь преображения себя, своего внутреннего и внешнего мира, не может существовать вне личности. Духовная цивилизация создает разнообразные условия, благоприятствующие совершенствованию, развитию, преображению человека, преодолению им порока, зла, греха, смерти. Воспитание как процесс поддержки и помощи в духовном становлении и совершенствовании личности должно рассматриваться как решающий фактор построения духовно ориентированной цивилизации. Она состоит из людей, идущих путем духовного совершенствования, стремящихся к нему и нуждающихся в нем. Духовная цивилизация есть по сути цивилизация соборного православного типа.

Исходя из вышеизложенного, цель духовно-нравственного воспитания — становление и развитие человека духовного. Обычно светское и религиозное понимание духовности разделяются. В научной традиции духовность, как правило, отождествляется с понятиями сознания, мышления, с развитием интеллекта и эрудиции. С этой точки зрения духовный человек — это тот, кто получил необходимые в жизни систематизированные знания, умения и навыки, усвоил основные положительные принципы, ценностные ориентации, морально-этические нормы, существующие в обществе, и принял их как основания собственного поведения. Духовно-нравственное воспитание в таком случае рассматривается как процесс, результатом которого должен стать человек, умеющий жить в соответствии с общепринятыми нормами и производительно трудиться. С позиций православия духовным считается тот, в ком действием Божественной энергии — благодати — душа достигла достаточной чистоты и силы. Термин «воспитание» связывается с «вращиванием» души. Человек сотворен по образу Божию, задача воспитателя и самого человека — раскрыть в себе этот образ, способность к внешнему и внутреннему преображению.

Религиозная и антропоцентрическая трактовки человека во многом совпадают и позволяют получить более широкое толкование духовности

как движения личности к главным ценностям, возвышающим ее до состояния преображения. Духовная личность — это личность преображенная и преображающая. Духовность — это всегда результат самовоспитания (внутренняя интенция личности) и воспитания (создание условий, способствующих непрерывному совершенствованию). Духовность проявляется в стремлении человека к душевной гармонии и внутренней чистоте, в желании и умении строить отношения с другими людьми на основе добра, истины, красоты, совершенствовать мир и себя в нем. Один из важнейших источников духовности — любовь, ибо без любви творение невозможно.

Понятие «духовность» тесно связано с понятием «нравственность», которую обычно определяют как совокупность общих принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу в обществе. В связи с этим нравственность можно рассматривать как социальный аспект духовности. Этические нормы не могут навязываться человеку. Один из парадоксов нравственных правил, в отличие, скажем, от правовых норм, в том, что они не требуют точности исполнения каких-то предписаний. Да и предписаний никаких нет. Человек самостоятельно решает, как поступить в той или иной ситуации, чтобы это было нравственно. Причем нравственная ценность поступка зависит от степени самостоятельности решения человека.

Выбор нравственных ценностей не может быть результатом давления и принуждения. Подлинно нравственный человек принимает законы морали как личностные смыслы, как часть своего субъективного пространства. Он придерживается правил не из страха наказания или осуждения, не из корысти и желания получить вознаграждение, а потому, что иначе поступить не может, потому что глубоко убежден в справедливости и истинности нравственного императива. Иными словами, нравственному выбору должен соответствовать нравственный мотив: «если добро имеет причину, то это уже не добро» (Л. Толстой).

Такое понимание нравственной личности приводит к очень важной мысли: нравственность без духовности лишена оснований. Нравственным может быть только человек духовно развивающийся, творящий, а не выполняющий чьи-либо предписания и указания. Если нравственность не подкрепляется духовной жизнью, то она рано или поздно вырождается в свою противоположность. Не существует нравственности «в чистом виде». Она всегда имеет духовную окраску.

Духовно-нравственное воспитание оказывает педагогическую поддержку человеку в процессе его духовного саморазвития, преображения, реализации духовного потенциала применительно к различным сферам жизнедеятельности.

Цель духовно-нравственного воспитания предполагает постановку следующих задач:

- восстановление исторической преемственности национального образования, нацеленного на воспитание личности, которой присущи творческая энергия, совестливость, добродетель, трудолюбие, почитание старших, чувство долга, жертвенное служение, патриотизм;
- обеспечение нравственной ориентации молодого поколения, побуждение его к развитию и совершенствованию;
- содействие формированию у человека нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма), нравственного облика (терпения, милосердия, кротости), нравственной позиции (способности к различению добра и зла, проявлению любви, готовности к преодолению жизненных испытаний), нравственного поведения;
- формирование знаний о духовных истоках становления и развития культуры русского народа;
- воспитание бережного отношения к отечественному культурному наследию, природе страны, истории и традициям своего края;
- достижение нового уровня взаимодействия семьи, образовательных учреждений, органов управления образованием, молодежных общественных организаций, религиозных конфессий в воспитании и социализации молодежи;
- воспитание культуры межнациональных взаимоотношений;
- развитие творческих способностей личности через создание условий для нравственно ориентированной социализации;
- обеспечение становления учащихся действительными субъектами сохранения и приумножения культурного наследия;
- укрепление физического и духовно-нравственного здоровья молодого поколения и общества в целом.

Решение поставленных задач предполагает опору на известные методы воспитания, а также придание им дополнительных смысловых оттенков, их творческое развитие. Сохраняют свою актуальность основные группы методов воспитания:

методы воспитания сознания, убеждений и методы воспитания привычного поведения. Первая группа носит просветительский характер и предполагает знакомство молодых людей с духовными ценностями и нравственными ориентирами. Вторая — предполагает организацию особого рода деятельности. В настоящей концепции ей придается особое значение. Особого внимания заслуживает такой метод, как социально-культурные практики. Для того, чтобы понять его сущность, необходимо признать, что процесс духовно-нравственного воспитания не может протекать исключительно в школе и ограничиваться ее стенами. Он реализуется в открытом социально-воспитательном пространстве, которое предполагает активное включение учащихся в решение социальных и культурных проблем.

4. Социальная организация системы духовно-нравственного воспитания школьников

Духовно-нравственное воспитание должно носить непрерывный, всеобъемлющий характер. Оно может осуществляться только в условиях возрождения на новой основе целостной системы социального воспитания. Дореволюционная и советская Россия имела богатый опыт его организации. В основу системы воспитания закладывались *принципы иерархичности и централизации*, актуальные и сегодня. Однако на современном этапе в этот перечень необходимо включить *принцип полисубъектности*. Учет этого принципа — отличительная особенность организации воспитания в России XXI в. Прежние системы были моносубъектными, их функционирование определяла либо Церковь, либо партия. Сейчас такая организация невозможна. В современном поликультурном мире работа системы социального воспитания обеспечивается государственными, общественными, религиозными, военными, спортивными организациями, бизнес-структурами и пронизывает все стороны жизни — социально-экономическую, политическую, культурно-педагогическую, правовую. С этим связан еще один новый принцип — *государственно-общественного управления системой воспитания*.

На основе вышеобозначенных принципов разработана предполагаемая организационная структура системы духовно-нравственного воспитания (схема 1).

Ведущим субъектом политического управления воспитанием может стать Государственный Совет

по духовно-нравственному воспитанию. В него входят видные государственные и общественные деятели, представители различных религиозных конфессий, научных и общественных организаций. Возглавляет Совет Президент РФ, он же назначает его членов. Совет разрабатывает цели и задачи государственной политики в области воспитания, методы и формы их реализации, оценивает эффективность действующей системы государственно-общественного управления воспитанием, состояние нравственного здоровья населения России, определяет общие подходы к решению общенациональных проблем воспитания. Исполнительным органом Государственного Совета становится Федеральный центр духовно-нравственного воспитания. Кандидатура его руководителя вносится Президентом РФ и утверждается Советом. Бюджетное финансирование деятельности Федерального центра духовно-нравственного воспитания осуществляется через Министерство образования и науки, в которое он входит в качестве структурного подразделения.

В областях, краях и республиках РФ учреждаются Региональные советы по духовно-нравственному воспитанию, возглавляемые руководителями регионов. Исполнительные функции выполняют Региональные центры духовно-нравственного воспитания. В их подчинении находятся городские и районные центры.

Федеральный центр духовно-нравственного воспитания координирует работу региональных центров, разрабатывает федеральные воспитательные программы, организует их выполнение, проводит всероссийские конференции по вопросам социального воспитания, готовит программные документы и выполняет иные виды деятельности по обеспечению единого общероссийского воспитательного пространства. Региональные центры:

- разрабатывают и осуществляют комплексные воспитательные программы с учетом особенностей региона;
- организуют систему повышения квалификации, подготовки и переподготовки кадров для региональных воспитательных систем;
- проводят анализ, оценку, прогнозирование и моделирование состояния процесса духовно-нравственного воспитания в регионе;
- осуществляют своевременную корректировку текущих и перспективных задач воспитательной деятельности;
- организуют работу городских и районных центров духовно-нравственного воспитания.

**Организационная структура государственно-общественной системы
духовно-нравственного воспитания**

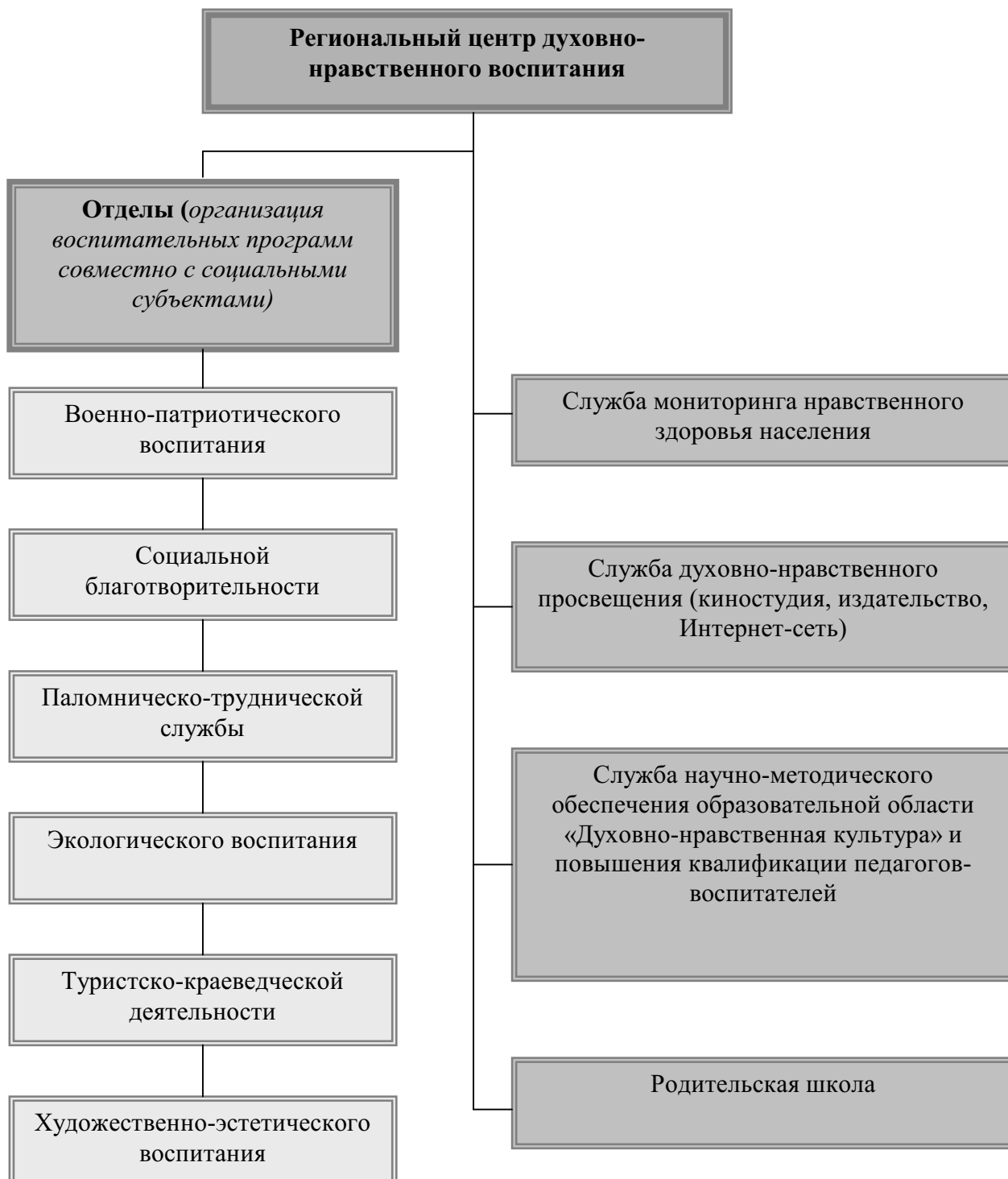
Основная работа по духовно-нравственному воспитанию осуществляется на региональном, городском, районном уровнях, наиболее близких к школе — ядру системы социального воспитания. Ниже представлена подробная структура Регионального центра духовно-нравственного воспитания (схема 2).

Региональный центр духовно-нравственного воспитания объединяет деятельность социальных субъектов и специальных отделов. Социальные субъекты представлены Церковью, общественными организациями, организациями социальной защиты и опеки, спортивными, военными, ветеранскими организациями, СМИ, школой. Совместно с отделами Регионального центра духовно-нравственного воспитания, состав которых определяется Региональным советом

по духовно-нравственному воспитанию, социальные субъекты участвуют в разработке воспитательных программ, в их реализации, обеспечивают проведение социальных и культурных практик.

В подготовке и осуществлении программ духовно-нравственного воспитания важна роль всех социальных субъектов, но особое значение имеет деятельность Церкви. На выбор православных идеалов добра, милосердия, сострадания, помощи ближнему в социальном поведении мощное влияние оказывает духовный пример, наставление не только словом, но и делом. В связи с этим не оценимую роль в воспитании молодого поколения может оказать постоянное взаимодействие со священнослужителями и иными воцерковленными лицами.

Организационная структура Регионального центра духовно-нравственного воспитания

К числу отделов Регионального центра духовно-нравственного воспитания относятся следующие: военно-патриотического воспитания, социальной благотворительности, экологического воспитания, туристско-краеведческой работы, паломническо-труднического служения, художественно-эстетического воспитания. Работа служб Регионального центра осуществляется по программному принципу. Все отделы разрабатывают воспитательные программы, рассчитанные на различные возрастные категории (от дошкольников до студентов); положения об организации и проведении конкурсов школьных ученических работ, работ молодых ученых по вопросам духовно-нравственного воспитания. Список отделов может быть расширен с учетом особенностей и интересов региона

Статус самостоятельных подразделений имеют также «родительская школа», служба духовно-нравственного просвещения, служба научно-методического обеспечения образовательной области «Духовно-нравственная культура», служба мониторинга нравственного здоровья населения.

Базовым социальным субъектом Регионального центра духовно-нравственного воспитания является образовательное учреждение, прежде всего — общеобразовательная школа. Именно она становится главной площадкой реализации всех воспитательных программ, ядром системы духовно-нравственного воспитания.

5. Интегративное содержание духовно-нравственного воспитания

Система духовно-нравственного воспитания выстраивается как открытое социально-воспитательное пространство, которое имеет два уровня организации: школу и социум.

В общеобразовательной школе вводится с 1 по 11 класс предмет «Духовно-нравственная культура». Он строится на культурологической основе, не нарушая научного характера школьного государственного образования. С каждым классом возрастает значение межпредметных связей, и в старшей школе духовно-нравственная культура становится образовательной областью, интегральным гуманитарным образовательным пространством, воссоздающим в целостности культурно-исторический мир России, ее духовные ценности (прежде всего ценности православной культуры, а также других традиционных для России конфессий). Новый предмет в интеграции с другими гуманитар-

ными дисциплинами не только передает ребенку систему научных знаний о культуре, но выполняет главную миссию образования — учит его быть человеком, россиянином, бережно хранить и творчески умножать наследие предков, осознанно принимать как высший дар свою жизнь, судьбу, Отечество.

Принципиальная новизна предлагаемой нами концепции состоит в том, что духовно-нравственное воспитание не ограничивается только знаниевой составляющей. Нравственные идеалы превратятся из объективных значений в личностные смыслы, если будут востребованы детьми, войдут в их мир, в их субъективное пространство. Импульсом к этому может стать интеграция приобретенных знаний и разнообразных форм социокультурной деятельности. На внешкольном уровне организации воспитательного пространства учащиеся включаются в проведение социальных и культурных практик, организуемых центрами духовно-нравственной культуры совместно с основными субъектами социального воспитания. К числу таких практик относятся: военно-патриотические мероприятия, паломническо-труднические службы, экологическая работа, участие в оказании социальной помощи нуждающимся и т.д.

Каждый компонент духовно-нравственного воспитания (курс «Духовно-нравственная культура» и социально-культурные практики) должен сохранять свою внутреннюю структуру и специфику. Но необходимо найти некий интегрирующий механизм, позволяющий сопрягать полученные знания и конкретные поступки, нравственные выборы, на этих знаниях основанные. Этим интегрирующим механизмом выступает педагогически организованная учебная деятельность учащегося. Проблема, поставленная в рамках изучения курса духовно-нравственной культуры, получает более глубокое решение при обращении к непосредственным социально-культурным практикам. Так, например, организации паломничества в монастырь предшествует знакомство с феноменом монашества, монастырской культурой, традициями паломничества. После посещения монастыря ранее полученные представления углубляются, расширяется диапазон эмоциональных переживаний, возникает живое чувство, искренний интерес к православным ценностям.

Создание открытого пространства духовно-нравственного воспитания позволяет форми-

ровать у молодого поколения деятельное и ответственное отношение ко всему, что происходит в стране и мире, способность к творческому преобразению действительности на различных уровнях. Православная ориентация предлагаемой концепции не предполагает познания всей полноты вероучительных догматов и канонов Православия, невозможного в светской школе. Речь идет о системе традиций, жизненных ценностей и норм, которые сложились в нашем Отечестве на православной основе, обусловив единство и преемственность поколений.

6. Управление организацией проекта «Духовно-нравственное воспитание молодого поколения россиян»

Возрождение системы социального воспитания, организацию ее инфраструктуры целесообразно осуществлять в рамках ПНП «Образование». Общей задачей национальных проектов является повышение качества жизни

россиян. Оно не сводится к материальным благам — «не хлебом единым жив человек». Возможности ПНП «Образование» далеко не исчерпаны. В настоящее время он предусматривает в основном, распределение финансовых ресурсов, но пока не позиционируется в общественном сознании как поддерживаемая властью общенациональная стратегия развития образования, обеспечивающая воспитание нового человека для новой России. Концепция духовно-нравственного воспитания молодых россиян может стать идейным основанием ПНП «Образование» и поднять его на качественно новую ступень. В свою очередь, для системы духовно-нравственного воспитания включение в приоритетный государственный проект означает полноценную реализацию, так как в этом случае она приобретает общероссийское значение. Как возможный вариант модели государственно-общественного взаимодействия в области духовно-нравственного воспитания приводится нижеследующая схема.

Алгоритм создания инфраструктуры государственно-общественной системы духовно-нравственного воспитания

№ этапа	Мероприятия	Примерные сроки
1	2	3
1.	Организация Федерального центра духовно-нравственного воспитания (ФЦДНВ) в структуре Минобрнауки. Назначение исполняющего обязанности руководителя ФЦДНВ приказом министра	
2.	Подготовка ФЦДНВ программных документов, нормативной документации, согласование организационных вопросов с органами государственной власти на федеральном и региональных уровнях. Подготовка Общероссийского съезда (совещания) по организации духовно-нравственного воспитания	
3.	Проведение Общероссийского съезда (совещания) по организации духовно-нравственного воспитания с участием представителей государства, научно-педагогической общественности, российских церквей, политических партий и общественных организаций. Обсуждение и принятие программных документов, в том числе «Концепции (Национальной доктрины) духовно-нравственного воспитания» и обращения к Президенту и Правительству РФ с предложением расширить ПНП «Образование» путем включения в него нового направления: «Духовно-нравственное воспитание молодого поколения россиян»	
4.	Принятие Президентом и Правительством РФ предложений съезда	
5.	Создание Совета по духовно-нравственному воспитанию при Президенте РФ	
6.	Утверждение Советом по предложению Президента РФ кандидатуры руководителя ФЦДНВ	
7.	Организация Советов и Центров в регионах России	

7. Заключение

В современной России и мире в целом складывается понимание образования как важнейшего фактора национальной безопасности, стабильности, поступательного и эффективного развития. Главной государственной, общественной, экономической, культурной ценностью является человеческий ресурс. Модернизация общества не может осуществляться за счет недооценки его приоритетного значения. Не случайно в Законе РФ «Об образовании» и ряде последующих документов интересы личности поставлены на первое место. Цель современной школы — создание условий, обеспечивающих полноценную реализацию каждого ребенка.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.» в качестве важнейших качеств, которыми должен обладать современный выпускник, названы духовность, нравственность, самостоятельность, инициативность, предприимчивость, толерантность, мобильность. Показательно, что на первое место поставлены те черты, которые в российском сознании всегда почитались как главные. Это свидетельствует о назревшей потребности в возрождении традиций отечественного воспитания. Начало нового тысячелетия в России связано с возвращением духовно-нравственных ориентиров в политику государства, с осознанием того, что возрождение страны, решение экономических и социальных про-

блем неразрывно связаны с воспитанием человека высокой культуры.

Духовно-нравственное воспитание — это реальная возможность восстановления социального института, преемственного по отношению к лучшим педагогическим традициям прошлого и способного ответить на вызовы времени. Духовно-нравственное воспитание, восходящее к отечественному культурному, прежде всего православному, наследию, обеспечивает условия для становления человека, готового в любых областях деятельности следовать нравственному закону, стремящегося улучшить мир, природу, культуру, самого себя. Эта цель достигается только тогда, когда усилиями различных социальных субъектов создается открытое воспитательное пространство. Оно позволяет преодолеть конфликт между школой и средой, противоречия между ценностями, декларируемыми педагогами и диктуемыми логикой реальной жизни. Интеграция возможностей государства, Церкви, общественных организаций, школы, семьи в решении проблем воспитания молодых россиян будет способствовать гражданской консолидации, национальному единению.

Духовно ориентированная цивилизация может стать приоритетной национальной идеей, а духовно-нравственное воспитание — важнейшим общенациональным делом, которое сплотит народ и позволит России выйти на новые исторические рубежи.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.
2. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и нач. XX в. / Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2 т. М., 1994. Т. 2.

М.А. БОРОНТОВ, кандидат богословия, старший преподаватель кафедры религиоведения и теологии Орловского государственного университета

ИСТОЧНИКИ И ХАРАКТЕР ЦИТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ, ВВОДИМЫХ ОТ ЛИЦА ХРИСТА

Рассматривая ветхозаветные цитаты в устах Христа в Евангелии от Матфея, автор приходит к выводу, что почти все они соответствуют тексту Септуагинты, а не еврейского оригинала. Этот факт является исследовательской проблемой для современной библеистики, поскольку сам евангелист Матфей в большинстве случаев цитирует Ветхий Завет как раз по еврейскому тексту.

Ключевые слова: Септуагинта, масоретский текст, цитирование, парафраз.

(Продолжение. Начало см.: «Ученые записки ОГУ». Том 4. Серия: Религиоведение. Вып. 4. Орел, 2006)

Пример 31.

Мф 22:31–32

31. А о воскресении мёртвых не читали ли вы реченного вам Богом: 32. Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова?...

ἐγώ εἰμι ὁ θεὸς Ἀβραὰμ
καὶ ὁ θεὸς Ἰσαὰκ καὶ ὁ
θεὸς Ἰακώβ...

Исх 3:6

И сказал ему (Моисею. – М.Б.): Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова...

...ἐγώ εἰμι ὁ θεὸς τοῦ
πατρὸς σου, θεὸς
Ἀβραὰμ καὶ θεὸς Ἰσαὰκ
καὶ θεὸς Ἰακώβ...

אלהי	אביך	אלהי
אנכי...		
אלהי	יצחק	ואלהי
אברהם		יעקב

Господь отвечает цитатой из Исхода саддукеям на их сомнения о воскресении мёртвых. Евангельский текст несколько сокращён по сравнению с ветхозаветным: в нём опущено выражение «Бог отца твоего». Септуагинта имеет одно небольшое отличие по сравнению с масоретским текстом: между словами «Бог Авраама» и «Бог Исаака» в ней стоит союз «и», которого нет в еврейском тексте. Стоит этот союз и в Евангелии от Матфея, из чего мы можем заключить, что связь евангельского текста с LXX несколько более вероятна, чем с масоретским текстом.

Относительно того, почему Господь цитирует именно Исх 3:6, приведём объяснение авторов «Толковой Библии» А.П. Лопухина. «В Ветхом Завете есть места, где содержится более ясное учение о воскресении, чем в приведённой Христом цитате из Исх 3:6. См. Иов 19:25, Ис 26:19, 66:14, Иез 37:1–14, Дан 12:2, 2 Мак 7:9, 12:14 и др. Почему же Спаситель не ссылается на эти более ясные

места, а предпочитает не столь ясное Исх 3:6? Объясняя это, Иероним предполагал, что они (саддукеи) принимали только книги Моисея, отвергая пророчества. Следовательно, неразумно было заимствовать свидетельства из таких источников, авторитет которых саддукеи не

признавали. Новейшие же экзегеты, однако, признают, что саддукеи не отвергали пророков, но только Пятикнижие считали каноническим в собственном смысле. Если так, то вполне ясно, почему Спаситель для доказательства воскресения обратился к Пятикнижию Моисея».

Пример 32.

Мф 22:37

Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим.

Втор 6:5

и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими.

...ἀγαπήσεις κύριον τὸν θεόν σου ἐν ὅλῃ τῇ καρδίᾳ σου καὶ ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ σου καὶ ἐν ὅλῃ τῇ διανοίᾳ σου

καὶ ἀγαπήσεις κύριον τὸν θεόν σου ἐξ ὅλης τῆς καρδίας σου καὶ ἐξ ὅλης τῆς ψυχῆς σου καὶ ἐξ ὅλης τῆς δυνάμεώς σου

את יהוה אלהיך בכל ואהבתי ובכל נפשך ובכל מאדך: לבבך

Отвечая на вопрос одного из законников, Господь цитирует постановление Второзакония. Евангельский текст имеет одно небольшое смысловое отличие от ветхозаветного: вместо «всеми силами твоими» (точнее было бы «всею силой твоею») — *ἐξ ὅλης τῆς δυνάμεώς σου* — у Матфея стоит «всем разумением твоим» — *ἐν ὅλῃ τῇ διανοίᾳ σου*. Кроме того, есть и ещё одно немаловажное отличие: еврейское выражение *בכל* — «всем» (сердцем, душой, силой) в Сеп-

туагинте переводится *ἐξ ὅλης* — «от всего» (так же в славянском переводе), а в Евангелии форма этого выражения точно соответствует еврейской — *ἐν ὅλῃ*. Учитывая это и то, что евангельское *τῇ διανοίᾳ σου*, не соответствующее варианту *LXX τῆς δυνάμεώς σου*, может быть самостоятельным переводом еврейского *מאדך*, с большой степенью вероятности можно утверждать, что в данном случае евангельский текст более соответствует масоретскому.

Пример 33.

Мф 22:43–44

43. Говорит им (Христос. — М.Б.): как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: 44. сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?

Пс 109:1

Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.

εἶπεν κύριος τῷ κυρίῳ μου· κάθου ἐκ δεξιῶν μου, ἕως ἄν θῶ τοὺς ἐχθρούς σου ὑποκάτω τῶν ποδῶν σου

Εἶπεν ὁ κύριος τῷ κυρίῳ μου κάθου ἐκ δεξιῶν μου, ἕως ἄν θῶ τοὺς ἐχθρούς σου ὑποπόδιον τῶν ποδῶν σου

יהוה לאדני שב לימיני עד נאם איביך הדם לרגליך: אשית

Господь обращает эти слова к фарисеям, которые не верили в Его Божество и мессианство. Смысловых расхождений между тремя рассматриваемыми текстами нет. Есть лишь некоторые отличия в форме выражения мыслей. Так, ивритское существительное רִשְׁוֹן — «речь, выступление» передано в обоих греческих текстах через глагол — εἶπεν. Еврейское פִּתְּחֵם — «подножие, скамеечка для ног» в Септуагинте и у Матфея переведено по-разному: ὑποπόδιον (подножие) и ὑποκάτω (внизу, под низом, ниже) соответственно (но в некоторых рукописях Евангелия от Матфея стоит также ὑποπόδιον). Κύριος имеет ар-

тикуль у LXX и не имеет в наиболее важных рукописях евангельского текста. Если говорить о том, к какому ветхозаветному тексту ближе евангельский вариант цитаты, то нужно отметить, что, с одной стороны, он почти во всём точно повторяет Септуагинту, но с другой — имеет важное различие с последней в переводе еврейского פִּתְּחֵם (подножие). Это особенно важно, если учесть, что все остальные слова еврейского текста вряд ли можно было перевести на греческий как-то иначе, чем в Септуагинте. Следовательно, можно с равной вероятностью предполагать использование как масоретского текста, так и LXX.

Пример 34.

Мф 23:38
Се, оставляется вам дом ваш
пуст.

Иер 22:5
А если не послушаете слов сих, то Мною клянусь, говорит Господь, что дом сей сделается пустым.

...ὁ οἶκος ὑμῶν ἔρημος

...ὅτι εἰς ἐρήμωσιν
ἔσται ὁ οἶκος οὗτος

כי לחרבה יהיה הבית הזה...

Господь, конечно, имел в виду указанное пророчество и Своими словами провозгласил о его совершении по причине того, что большинство жителей Иерусалима не приняли Его как Мессию. Цитата не буквальная, но в клю-

чевых словах довольно близкая к ветхозаветному тексту (בֵּית — οἶκος, חרבה - ἔρημος). Сказать же, к какому тексту — масоретскому или Септуагинте — ближе Евангелие, вряд ли возможно.

Пример 35.

Мф 24:15
Итак, когда увидите м е р -
зость запустения, реченную че-
рез пророка Даниила...

Дан 9:27
...и на крыле святилища будет мерзость запустения...
Дан 11:31
... и прекратит ежедневную жертву, и поставит мерзость запустения.
Дан 12:11
Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней.

...τὸ βδέλυγμα τῆς
ἐρημώσεως...

Дан 9:27
...βδέλυγμα τῶν
ἐρημώσεων...
Дан 11:31
...βδέλυγμα ἐρημώσεως
Дан 12:11
...τὸ βδέλυγμα τῆς
ἐρημώσεως...

...שְׁקוּצִים מְשֻׁמִּים...

השְׁקוּץ מְשֻׁמִּים:

...שְׁקוּץ שָׂמִים...

Предрекая разрушение Иерусалима и события времён Второго Пришествия, Господь употребляет выражение пророка Даниила «мерзость запус-

тения». Судя по всему, евангельская форма этих слов соответствует Септуагинте, как можно видеть из сопоставления текстов, данного выше.

Пример 36.

Мф 24:21
 ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет.

Дан 12:1
 ...и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени...

ἔσται γὰρ τότε· θλίψις
 μεγάλη οἷα οὐ γέγονεν
 ἀπ' ἀρχῆς κόσμου ἕως
 τοῦ νῦν...

...καὶ ἔσται καιρὸς
 θλίψεως, θλίψις οἷα οὐ
 γέγονεν ἀφ' οὗ
 γεγένηται ἔθνος ἐπὶ τῆς
 γῆς ἕως τοῦ καιροῦ
 ἐκείνου

וְהָיְתָה עַת צָרָה אֲשֶׁר לֹא
 נִהְיְתָה מִדְּיוֹת גּוֹי עַד הַעַתְּ הַזֵּה...א

Господь, конечно, использует, хотя и свободно, материал книги пророка Даниила. Судя по всему, евангельский текст ближе к Септуагин-

те, т.к. общая Евангелию и пророчеству лексика передаётся в соответствии с LXX: צרה - θλίψις, והיתה לא אשר לֹא - οἷα οὐ γέγονεν.

(Продолжение следует.)

Borontov M.A.

The Sources and Manner of Old Testament Citations in Jesus Christ's Speech in the Gospel of Matthew

Analyzing the Old Testament texts cited by Jesus Christ in the Gospel of Matthew, the author draws the conclusion that they all correspond to the text of Septuagint, but not the Jewish original. This fact is quite interesting, for Matthew himself cites the Old Testament according to the Jewish original.

*С.Ю. ПРОСВЕТОВ, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного университета*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРАВОСЛАВНО- ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена некоторым наиболее существенным концептуальным аспектам становления православно-теологического образования в российском классическом университете (на примере одного из ведущих классических университетов Юга России — Кубанского государственного университета). Автор показывает возможность и необходимость научно-академического и нравственно-практического развития современной православной теологии в университетской культуре современной России.

Ключевые слова: *православная теология, современный классический российский университет, религиозное образование в высшей школе.*

В свете процессов интеграции России в европейское образовательное пространство неудивительно, что в одном из ведущих вузов России — Кубанском государственном университете планируется открытие специальности «Теология». Руководителями отделения философии факультета истории, социологии и международных отношений был подготовлен пакет конкретных документов, представленный в Совет по теологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию России (УМО), функционирующего на базе МГУ им. М.В. Ломоносова, подобран профессиональный высококвалифицированный преподавательский состав, собран большой объем классической и современной научной и учебной литературы по этой отрасли знания для библиотеки КубГУ. Кубанский госуниверситет выдержал все многочисленные требования Совета по теологии УМО, получил его положительное экспертное заключение. Если лицензия Рособнадзора будет получена, то уже с июня 2009 г. Кубанский госуниверситет начнет прием абитуриентов по этой новой для вуза образовательной программе.

Ее актуальность обусловлена тем, что Краснодарский край, как известно, является одним из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов России, поэтому перед образовательными учреждениями, органами государственного и муниципального управления, институтами гражданского общества стоит важная задача по профилактике религиозной нетерпимости и вражды, недопустимости дестабилизации межконфессиональной обстановки в регионе и Южном федеральном округе в целом.

На сегодняшний день на Кубани осуществляют свою духовную деятельность значительное количество различных религиозных организаций и объединений. Особо важную роль в этом процессе играет традиционная, государствообразующая конфессия России — православие. Ее развитие предполагает подготовку высококвалифицированных теологов: экспертов, консультантов по религиозным вопросам в органах го-

сударственного и муниципального управления, общественных организациях и коммерческих структурах, преподавателей религиоведческих и теологических дисциплин в духовных и светских образовательных учреждениях Краснодарского края и Южного федерального округа в целом.

Очевидно, что утверждение православно-теологического образования в Кубанском государственном университете имеет свои объективные духовные и социальные основания. Это обусловлено, во-первых, необходимостью устранения односторонности отечественного гуманитарного образования, не дающего выпускникам высшей школы каких-либо адекватных религиозных знаний. В силу этого можно повсеместно на совершенно различных государственных уровнях наблюдать полное невежество в самых элементарных религиозных вопросах как среди чиновников, так и среди простого народа. Это, в частности, послужило причиной распространения начиная с 1990-х годов самых различных агрессивных и деструктивных сект, создающих всевозможные виды вражды: мировоззренческой, религиозной, этнической, расовой. Следовательно, перед нами остро стоит задача предохранить современное многонациональное российское общество в целом и многоэтническое население Краснодарского края в частности от опасности возникновения конфликтов на межрелигиозной основе. Таким образом, одна из основных причин необходимости открытия направления «Теология» — это возможность дать адекватные религиозные знания на должном научно-теоретическом уровне в общегосударственном масштабе в рамках светских (внецерковных) высших учебных заведений.

Во-вторых, актуальность открытия направления «Теология» обусловлена необходимостью адекватного уравнивания российских и европейских дипломов в рамках гуманитарного знания. Как известно, российские дипломы по гуманитарным наукам не котируются в Европе, в том числе из-за отсутствия в них сведений о собственно теологических дисциплинах. Кроме того, отсутствие отечественных специалистов в области религии и теологии с неизбежностью может привести к насыщению как российской гуманитарной науки, так и высшей школы идеями внеправославных теологических систем, чуждых для нашей страны и культуры. В то же время бесспорно актуальной является необходимость возрождения и развития до общемирового уровня отечественной теологической науки, каковой она и была в конце XIX и начале XX века, а поэтому она востребована и в настоящее время в качестве примера блестящего изло-

жения теологических знаний, о чем в том числе свидетельствуют и многочисленные переиздания литературы по данной тематике. Ведь с точки зрения православия теология — это не сумма схоластических знаний о Боге и религии. Это прежде всего всеобщий духовный путь, который ведет обучающегося к выбору верной жизненной стратегии, к приобретению разумного мировоззрения, всегда сопряженного с неустанным поиском истины (что, конечно же, соответствует сущности философии как идейной основы классического университетского образования).

В-третьих, необходимость институционализации в КубГУ именно православно-теологического направления определена тем, что православие более тысячи лет являлось и является до сих пор духовной, культурной, межнациональной и государственной основой России, объединяющей всех ее граждан без различия их этнической и конфессиональной принадлежности. Без основополагающих знаний христианской религии и особенно православного вероучения невозможно адекватно уяснить смысл русской философии, литературы, отечественной истории, менталитета и искусства. Так, например, русский мыслитель Вл. Соловьев в «Философских началах цельного знания» указывает, что знания об изучаемых событиях или явлениях должны быть полными, целостными, а для этого их необходимо наполнить всеобщим содержанием, которое наиболее достоверно может быть освещено теологией, имеющей предмет изучения абсолютное первоначало всего существующего, то есть Бога. «Только это начало сообщает настоящий смысл и значение как идеям философии, так и фактам науки, без чего первые являются пустой формой, а вторые — безразличным материалом» [6: 150]. Кроме того, общехристианская традиция лежит в основе всей европейской истории и культуры, что опять-таки свидетельствует о необходимости просвещения в первую очередь отечественных чиновников и интеллигенции, а также современного российского общества в целом базовыми знаниями данной религии, которые необходимы им вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, личных взглядов и убеждений.

Как известно, в соответствии с российским законодательством образование в государственных учебных заведениях, в том числе и высших, должно носить светский характер. В связи с этим в современном отечественном научном сообществе возникли дискуссии об интерпретации понятия светскости образования. Так, большинство российских ученых ставят равенство между понятия-

ми «светский» и «атеистический». Другие же признают разницу между этими понятиями, не уточняя, однако, в чем она состоит. Третьи настаивают на том, что светскость образования заключается в равноудаленности как от религиозных, так и от атеистических воззрений. Считая данные точки зрения либо односторонними, либо в принципе неверными, отмечу, что светскость образования заключается в осуществлении процесса обучения по образовательным стандартам, утвержденным в установленном порядке соответствующими государственными органами. Здесь же следует уточнить, что светское образование в области религии должно давать адекватные религиозные знания и не иметь цели воцерковления обучающихся, в то время как в рамках профессионального (конфессионального) религиозного образования вполне уместна и даже необходима подготовка священнослужителей или служителей культа. Поэтому государственные образовательные учреждения высшей школы должны давать, как это ни абсурдно звучит для закоренелых представителей атеистического мировоззрения, светское религиозное образование, то есть такое, которое органично должно сочетать объективные данные светских наук (например, церковной истории, библейской археологии и т.д.) с богословско-мировоззренческими основами вероучения той или иной религиозной конфессии.

Преподавание отдельных дисциплин, таких как этика и аксиология в религии, история древней христианской церкви, история архаических и нехристианских религий, в связи с изложенным выше должно осуществляться на строго научной объективно-фактологической основе, без извращения и субъективного истолкования фактов, как правило, обусловленного мировоззренческими позициями (атеистическими или, наоборот, религиозными) самого преподавателя. Здесь ни в коем случае нельзя забывать, что преподавание различных дисциплин (в первую очередь связанных с теми или иными религиями) по направлению «Теология» осуществляется в светском, то есть нерелигиозном, учебном заведении, а потому среди его студентов вполне могут оказаться не только представители различных конфессий, но и совершенно безразлично относящиеся к религии и даже атеисты, тем более что светское государственное образование (в отличие от чисто религиозного) это вполне допускает. В связи с этим преподавание тех или иных дисциплин, связанных с вероучениями различных конфессий, должно осуществляться не только на высоком теоретическом уровне, но и строго корректно по отношению

к тем конфессиям, о которых идет речь, чтобы не создавать конфликтов с представителями этих конфессий, так как цель любого, в том числе и государственного, образования — давать адекватные знания о том или ином предмете, а не фанатичное отстаивание преподавателем своей (может быть, и не всегда верной) точки зрения. Таким образом, преподавание различных научных дисциплин по направлению «Теология» приведет к позитивным результатам только при их объективном беспристрастном изложении, исходя из строгой логики развития самого фактического материала преподаваемой дисциплины.

Как известно, религиозность среди населения в конечном итоге способствует росту его нравственности и определенному виду духовности. Как это ни парадоксально, но духовность бывает двух видов: внерелигиозная и религиозная. Основу внерелигиозной духовности в нашей стране закладывает современное российское гуманитарное образование. Религиозная же духовность распространялась в рамках самих конфессий и их учебных заведений, что по сути своей серьезно обедняло отечественную (внерелигиозную) интеллигенцию советского и постсоветского периодов. Светская или внерелигиозная духовность лежала в основе всего (в том числе и высшего) светского образования нашей страны в советский период. Это было обусловлено главным образом тем, что нравственные нормы и, как следствие этого, основы духовности стали формироваться в обществе без адекватного понятия Бога в Его абсолютно-личностной интерпретации. Бог перестал восприниматься как абсолютный Творец мироздания вообще, так и человека в частности. Духовные искания человеком своего Творца были вытеснены и заменены совершенно иными — относительными, мимолетными, преходящими, временными идеалами. Жития святых в духовно-образовательной и нравственной жизни человека как примеры для подражания, требующие определенных усилий над собой, были замещены художественными произведениями обличительного или развлекательного характера, свидетельствующими об обыденности, возводимой в ранг культуры, и занимающими сведениями о человеческих слабостях. Сюда можно отнести сентиментальные романы со счастливым концом, наиболее ярким примером которых являются сочинения раннего Ч. Диккенса. Подобное литературное творчество в качестве основ светской духовности весьма востребовано и в наши дни, о чем свидетельствуют как экранизации таких романов в двухтысячные годы в Европе (преимущественно в Англии), так и их показ по различ-

ным каналам отечественного телевидения. Однако пропаганда земного, преходящего и исчезающего во времени счастья фактически полностью устранила абсолютные, вневременные ценности, которые несла в себе и продолжает нести до сих пор религиозная духовность. Практически полное отсутствие знаний о ней целиком извратило духовные ценности. Так, одна из фундаментальных заповедей Божиих гласит: «Не убий» (Исх. 20: 13). В светской же духовности интерпретация данной заповеди вполне может приобрести противоположный смысл. Например, говоря о самоубийстве Катерины, главной героине драмы А.Н. Островского «Гроза», Н.А. Добролюбов отмечает: «Но и без всяких возвышенных соображений, просто по человечеству, нам отраднее видеть избавление Катерины — хоть через смерть, коли нельзя иначе... Тихон, бросаясь на труп своей жены, вытащенный из воды, кричит в самозабвении: «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!»... Собственно говоря, восклицание Тихона глупо: Волга близко, кто же мешает и ему броситься, если жить тошно? Но в том-то и горе его..., что он ничего, решительно ничего сделать не может, даже и того, в чем признает свое благо и спасение. Это нравственное растрепанье, это уничтожение человека действует на нас тяжелее всякого самого трагического происшествия: там видишь гибель одновременную, конец страданий..., а здесь — постоянную, гнетущую боль, расслабление, полутруп, в течение многих лет согнивающий заживо... Зато какую же отраднее, свежую жизнь веет на нас здоровая личность, находящая в себе решимость покончить с этой гнилой жизнью во что бы то ни стало!..» [2:521]. Таким образом, мы видим, как светская духовность осуждает идеал христианского смирения и в противоречии с Божией заповедью воспекает «здоровую личность», решившую в порыве отчаяния и безысходности покончить со своей жизнью, и говорит о «нравственном растрепанье» человека, отказавшегося последовать тому же. Да и само название работы Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» говорит о явных симпатиях этого автора к главной героине упомянутой драмы — Катерине в противопоставлении ее образа «темному царству» — Диких и Кабановых, в то время как в общехристианской традиции, восходящей к работам «О Божественных именах» (4, 4–6) и «О мистическом богословии» (1–2) корпуса «Ареопагитик» [1:97–105; 341–353], свет вообще и умственный свет в частности олицетворяет Божественное начало, то есть святость и чистоту, а уж никак не самоубийц или иные проявления отрицательного, в данном

случае бесовского, начала. Именно в этом и состоит сформулированное самыми общими словами принципиальное различие между светской и религиозной духовностью.

Если говорить открыто, то необходимо признать, что теология как наука о Боге может быть только конфессиональной. Никакого надконфессионального богословия как такового, конечно же, быть не может. Поэтому вполне справедливо, что в УМО разработано несколько вариантов направлений в теологии — православный, мусульманский, иудейский; в принципе, возможны и иные стандарты: католический, буддийский и другие. В связи с этим становится очевидным, что современный специалист гуманитарного профиля должен быть знаком как с нерелигиозной, так и с собственно религиозной духовностью.

Введение направления «Теология» в современной высшей школе вызывает недовольство не только со стороны желающих толковать светскость российского образования в качестве атеистического, но и среди ученых, считающих вполне достаточным в высшей школе существование направления «Религиоведения». Однако направления «Теология» и «Религиоведение» ставят перед собой разные задачи и имеют в связи с этим различные образовательные программы. Хотя, конечно же, многие гуманитарные дисциплины для обоих этих направлений являются общими.

Основу религиоведческого образования составляют гуманитарные дисциплины, рассмотренные в религиозном аспекте (например, история религии, социология религии и т.д.). Поэтому религиоведческое образование дает чисто внешние знания о тех или иных феноменах религии и религиозной жизни как таковой. В связи с этим религиоведение не может и не должно быть конфессиональным, поскольку его предметом является религия как таковая, то есть всевозможные проявления религиозной жизни. Вот как формулирует современный учебник по религиоведению предмет своего изучения: «Религиоведение изучает закономерности возникновения, развития и функционирования религии, ее строение и различные компоненты, ее многообразные феномены, как они представляли в истории общества, взаимосвязь и взаимодействие религии и других областей культуры» [4:5]. Таким образом, чисто внешний характер знаний, получаемых в процессе религиоведческого образования, о религии вообще и религиозных догматов, систем и образа жизни в философском, историческом, социологическом, психологическом и мировоззренческом аспектах в частности [5:11–18] позволяет воспринимать

специальность «Религиоведение» в качестве того тезиса, который дает возможность получить светским (находящимся вне тех или других конфессий) гражданам России самые общие знания о таком феномене культуры, как религия.

Однако поскольку религии как таковой или «религии вообще» не существует, то внутреннее глубинное изучение феномена религии происходит наиболее адекватным образом в конфессиональных духовных учебных заведениях. Несмотря на принципиальное различие интерпретации религиозной жизни в различных религиозных конфессиях, она изучается и прежде всего переживается в их учебных заведениях изнутри и поэтому значительно более реально или даже экзистенциально, нежели внешне-отвлеченно, как это предусмотрено госстандартом по направлению «Религиоведение». Но образование в конфессиональных духовных учебных заведениях, никак не соотносясь с образовательным госстандартом светского государства, с неизбежностью оказывается идеологически предвзятым [3] и обусловленным той парадигмой интерпретации религиозного мировоззрения, в рамках которой осуществляется обучение в том или ином учебном заведении. Поэтому образование в конфессиональных учебных заведениях, на наш взгляд, следует воспринимать в качестве антитезиса, позволяющего получить углубленное знание не о религии вообще, а об одной из ее конкретно-исторической разновидности, вовлекая обучающегося в сам процесс непосредственного переживания именно данной, а не какой-либо другой религии и интерпретируя при этом другие проявления религиозной жизни в иных конфессиях идеологически предвзято.

В качестве органического синтеза обозначенных выше тезиса и антитезиса в аспекте получения знаний о религии должно выступить светское теологическое образование. Оно берет у тезиса и антитезиса все объективно лучшее, а именно так же, как в религиоведении в светском теологическом образовании, обучение осуществляется в соответствии с госстандартом, а так же, как и в духовных учебных заведениях, светские теологи постигают религию не отстраненно, то есть внешним образом, а непосредственно вовлекаются в сам процесс углубленного изучения той или иной конфессии, основ ее мировоззрения, истории, ее отношения к другим конфессиям и т.д.

В отличие от религиоведения, имеющего своим предметом изучение различных феноменов религии, теология имеет свой самостоятельный предмет. Сам греческий термин «теология», условно переводящийся на русский язык как «бого-

словие», в современном употреблении означает комплекс наук о Боге и Его отношении к миру и человеку. Содержание частных богословских наук обозначается прилагательными, которые присоединяются к термину «богословие». Например, догматическое богословие, нравственное, гомилетическое и т.д. Таким образом, теология — это построенная в логических формах наука о Боге, основанная на священных текстах, в которых через откровение дается свидетельство Бога о Самом Себе. Что касается теологии, то как самостоятельная научная дисциплина в государственном вузе она имеет свой определенный предмет — Бога, свои особые методы исследования, свой категориальный аппарат, свою систему. Однако здесь важно понимать, что теология как наука обязательно предполагает концепцию личного абсолютного Бога, трансцендентного миру, и потому она возможна только в рамках теизма. Поэтому собственно о теологии можно говорить только относительно христианского, иудаистского и исламского вероучений, то есть трех строго последовательных теистических религий. В буддизме же теология как систематический свод основ вероучения возможна лишь постольку, поскольку в этой религии содержатся элементы теизма. В нетеистических религиозных системах (например, в даосизме) теология как таковая существовать не может.

Государственный образовательный стандарт по направлению «Теология» дает возможность изучения собственно теологических дисциплин, таких как патристика, догматическое богословие, нравственное богословие и другие в совокупности с историческими курсами, как, например, история древней христианской церкви, религиозная философия и т.д. Следовательно, в отличие от религиоведческого образования государственный образовательный стандарт по направлению «Теология» ориентирован на фундаментальное изучение теоретически развитых теологических систем (основанных на духовном опыте, священных текстах, основах вероучений соответствующих конфессий) в динамике их внутреннего становления и развития, а также в их межрелигиозном, научном, общественном, культурном и общегосударственном взаимодействии.

Открытие Министерством образования и науки направления «Теология» логически должно завершиться принятием решения о включении самостоятельной отрасли науки «Теология» в перечень научных специальностей ВАК. Это обусловлено не только необходимостью карьерного роста в отечественной науке выпускников-теологов, но и воз-

возможностью избежать привлечения зарубежных (в первую очередь католических, протестантских и иных) кандидатов и докторов теологии, которые будут развивать и насаждать в нашей стране чуждые отечественной культуре богословские традиции. Кроме того, отсутствие теологии среди специальностей ВАК РФ будет вынуждать выпускников отечественных теологических кафедр и факультетов для дальнейших научных занятий в рамках своей специальности стажироваться за рубежом и становиться профессионалами в неправославной теологической науке, то есть становиться приверженцами иных, не традиционных для России религиозных конфессий.

Светский характер образования в высшей школе несколько не ограничивает, а даже расширяет возможность трудоустройства специалистов в данной области. Теологи востребованы не только в епархиальных управлениях, но и в чисто свет-

ских (внецерковных) организациях и учреждениях: в администрациях, образовательных структурах, учреждениях культуры, СМИ, органах социального обеспечения, законодательной и исполнительной власти, экспертных сообществах различного уровня и многих других.

Подводя итог всему выше рассмотренному, хочется надеяться, что открытие направления православной теологии в КубГУ позволит восполнить нерелигиозную односторонность светского государственного образования в Краснодарском крае религиозной составляющей путём расширения ценностных ориентиров в деле формирования всестороннего духовного развития личностей в молодёжной среде и подготовки будущих подлинно свободно мыслящих граждан, не перекладывающих ответственность за свое поведение на других, а помогающих людям осознать назначение каждого человека на земле.

Библиографический список

1. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. О мистическом богословии. Тексты, перевод с древнегреческого. СПб.: Глаголь, 1995.
2. Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве («Гроза». Драма в пяти действиях А.Н. Островского) // Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. Л.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 435–522.
3. Митрофан (Зноско-Боровский), протоиерей. Сравнительное богословие: православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство. М.: Артос-Медиа, 2003.
4. Основы религиоведения: учебник / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, К.И. Никонов и др.; под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 2000.
5. Религиоведение: учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. М.: Гардарики, 2004.
6. Соловьев Вл. С. Философские начала цельного знания // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 139–288.

S.Yu. Prosvetov

ON THE PROSPECTS OF EDUCATION OF ORTHODOX THEOLOGY AT THE KUBAN STATE UNIVERSITY

The article is dedicated to most essential conceptual aspects of the formation of education of orthodox theology at a Russian classical university (by the example of one of leading classical universities in the South of Russia — the Kuban State University). The author shows the possibility and necessity of the scientific and moral development of modern orthodox

М. МОРАВЧИКОВА, лицензиат теологии,
 директор Института государственно-церковных отношений
 (г. Братислава, Словакия)

ТРИ ОБРАЗА ИСТОРИИ, ТРИ ВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО. БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА КАК МНОГОЭТНИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Статья посвящена крайне актуальной проблеме — межкультурной коммуникации в поликонфессиональном пространстве современных Балкан.

На примере Боснии и Герцеговины, расположенной на пересечении православной византийской, католической западноевропейской и мусульманской культурно-цивилизационных сфер, автор раскрывает влияние национальных и политических факторов на мирное сосуществование народов и обращает особое внимание на опасность подмены той или иной культурной парадигмой всего культурно-цивилизационного многообразия Боснии.

(Продолжение. Начало см.: «Ученые записки ОГУ».
 Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2008, № 3)

Оценка специфики исламизации

Более чем четырёхсотлетнее исламское иго значительно изменило характер Боснии и Герцеговины. С приходом ислама Босния стала ещё более многоконфессиональной. Оценки турецкого периода в истории весьма разнообразны. Среди них преобладают следующие две позиции.

Туркофильская оценка представлена главным образом боснийскими мусульманскими авторами. По их мнению, османы принесли порядок и религиозную терпимость в конфессионально и политически разобщенную средневековую Боснию. Согласно этой точке зрения, переход большинства населения в ислам был добровольным, а не насильственным. Кроме того, османы обогатили боснийскую культуру элементами Востока.

Туркофобская оценка характеризует османов как завоевателей, которые задержали политическое и культурное развитие балканских народов на несколько веков. Кроме того, более или менее насильственная исламизация Боснии заставила местное население забыть о своих корнях, своей (сербской или хорватской) идентичности.

Ранее историография не находила объяснения (1) тому, почему так много людей в Боснии приняли ислам, поэтому возник миф о «предательском заговоре» Боснийской церкви богомилов и «ударе меча», поразившем европейское христианство в Боснии. По некоторым сведениям, богомилы-аристократы без борьбы уступили страну туркам и вместе со своими подданными приняли ислам, что позволило им сохранить владения и политическую власть. В этом ключе описывал события папский легат Никола Модрушки, а позднее и сам папа Пий II (1458–1462) (2). В XIX в. этот миф присутствует в работе боснийского францисканца Ивана Юкича и хорватского историка Франьо Рачки *Vogomili a paterijni* (Богомилы и патарены) (1870).

[Турецкое вторжение во II пол. XV в. сопровождалось опустошением обширных земель. Большая часть католической боснийской аристократии была уничтожена.

Подсчитано, что в 80-х гг. XV в. в Центральной Боснии осталось только 20–30% исконного населения [3:45]. Преемственность между средневековой и османской Боснией почти полностью отсутствовала.

Боснийское королевство пало, в центральной Боснии был образован Боснийский санджак (область) (3), несколько позже, в 1470-м, — Герцеговинский санджак, а в 1478–1483 гг. — санджак Зворница на северо-восточной боснийско-сербской границе. Боснийская церковь исчезла. Сохранялась только францисканская миссия (4). На рубеже XV–XVI вв. на территории Боснии и Герцеговины произошли этнические изменения. Опустевшие земли были заселены народами с юго-востока Балкан, этническими сербами из Белград-

ского пашалыка, Черногории и влахами, жившими на границе современных Сербии, Албании, Македонии и севере Греции. Продолжали прибывать православные священники, позиции православия укреплялись.

Основная волна исламизации пришлась на 80-е гг. XV в. — сер. XVI в. (позднее процесс исламизации значительно замедлился). За эти 60–80 лет 70–75% местного населения Боснии [3:111–121] перешло в ислам, что было связано среди прочего и с ростом урбанизации. Образование независимого Османского пашалыка (5) в 1580 г. свидетельствовало об успехе исламизации. Пашалик состоял из семи санджаков. Столицей вначале была Баня Лука, с 1638 г. — Сараево (6).

Рост мусульманского населения Сараево [1:82–83]:

Год	1485	1489	1519	1530	1570
%	33,17	40,08	85,59	94,56	98,04

(Один из способов исламизации состоял в том, что у христиан отбирали детей. Благодаря этому многие люди — боснийцы по происхождению — достигли высших должностей в Османской империи. Тому примером может служить Мехмед-паша Соколович, один из Великих визирей (7) (премьер-министров). Он использовал своё положение для возрождения автокефальной Православной церкви. Первыми двумя патриархами Сербской Православной Церкви после её возрождения были брат и племянник Великого визиря Соколовича.)

Исламизация в XVI в. происходила во всех завоёванных Турцией землях (Сербии, Хорватии, Венгрии и т.д.), но к концу XVII в. она прекратилась везде, кроме Боснии. Это связано со спецификой боснийской истории в XVII–XIX вв., когда из переднего края она превратилась в защитный бастион Османской империи [17]. Десятки тысяч мусульман переезжали в Боснию из регионов, откуда постепенно изгоняли турков, особенно после их поражения в Вене (1683). Это значительно укрепило мусульманский элемент в Боснии. Внешние угрозы сплотили мусульман вне зависимости от социальной иерархии.

Патриотизм был свойствен и францисканцам, которые по историческим и психологическим причинам были тесно привязаны к провинции Босна Сребрена. Патриотические настроения пе-

редались и мусульманской аристократии. Постепенно чувство единения охватило всё население вне зависимости от вероисповедания. Вошёл в употребление термин “narod bosanski” — боснийский народ.

Попытки модернизировать ситуацию в Боснии (во II пол. XIX в.) и уступки христианам на северо-западе Балкан ознаменовали близкий конец слабеющей Османской империи.

Австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины

После поражения турок во время т. н. Великого Восточного кризиса (1875–1876) в соответствии с пунктом XXV Берлинского соглашения Босния и Герцеговина отошла к Австро-Венгрии. Сан-Стефанский договор, с помощью которого Россия хотела утвердить совместную опеку над Боснией и Герцеговиной, не имел успеха, что означало сохранение Боснии и Герцеговины неделимой. Если бы России удалось достичь желаемого, то доминирующая роль в местной политической жизни принадлежала бы православным христианам, которые постепенно оттеснили бы мусульман.

Тот факт, что Босния и Герцеговина не растворилась в империи, есть результат постоянного соперничества Будапешта и Вены. После 1910 г., когда Босния и Герцеговина была аннексирована

Австро-Венгрией, произошло укрепление статуса Боснии. Исходя из этого, иногда делаются утверждения о том, что Босния и Герцеговина была искусственным колониальным образованием в Австро-Венгрии.

В 1918 г. Босния и Герцеговина была включена в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Во время второй мировой войны она стала частью «Независимого государства Хорватии», созданного усташами (хорватскими националистами), а в 1945–1990 гг. — частью Федеративной, после 1963 г. — Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Коммунистическая Босния и Герцеговина

После второй мировой войны Босния была провозглашена мусульманской, хорватской и сербской. Однако прежде всего она была югославской. Жители Боснии и Герцеговины (5–8%), рожденные от смешанных браков, утерявшие тесную связь с какой-либо одной нацией, стали называть себя югославами. Кроме того, Босния и Герцеговина была коммунистической. В этой связи показательны слова министра сельского хозяйства Васо Чубрилович (1945):

«Каждый, кто хоть немного знаком с внутренними условиями Югославии, осознаёт, что её народы не будут едины до тех пор, пока не ограничено влияние религий, пока они сосредоточены на религиозных целях и религиозной деятельности. Единственный способ изменить ситуацию — это ослабить экономическую, культурную и политическую силу церкви. Для этого необходим ряд мер, таких как гражданское бракосочетание, секуляризация образования, аграрная реформа. Всё это позволит ослабить влияние церквей. Другими словами, необходимо запретить церквям воспитывать подрастающее поколение в религиозной изоляции и нетерпимости» (8).

Термин «мусульманская национальность» появился в последней конституции Социалистической Югославии эпохи Тито. Это был политический акт, направленный на то, чтобы уменьшить трения между хорватским и сербским населением. Исламский аргумент был также важен для защиты особого статуса Югославии, которая являлась, пожалуй, главным членом Движения Неприсоединения. Этот политический шаг Тито был также средством завоевать популярность и поддержку данной группы людей (мусульман).

Публикация старых исторических документов после падения Югославии Тито

Из-за её многонационального состава Боснию и Герцеговину также называют Югославией в миниатюре. Поэтому распад большой Югославии привёл к серьёзным последствиям для Федеративной Республики Боснии и Герцеговины. Парадоксально, что наибольший расцвет историографии Боснии и Герцеговины пришёлся именно на конец XX в., время после распада Югославии.

После падения коммунистической идеологии, формально объединявшей страну, в боснийской историографии возродились три прежних течения.

Сербские историки (в Сербии и Боснии и Герцеговине) выступали против идеи независимости Боснии и Герцеговины. Их лидером был Милодар Экмечич (9). По его инициативе стали печататься старые исторические работы, особенно работы В. Чоровича. В Белграде были организованы конференции по Боснии и Герцеговине. На них Босния и Герцеговина была представлена как изначально сербская земля, отделённая от Сербии, жители которой стремятся к единству с остальными сербами.

Хорватские историки, особенно при президенте Ф. Туджмане, начали публиковать исторические работы Доминика Мандича [4, 9], исследования, где Босния и Герцеговина представляла как исконная хорватская территория, жители которой желают присоединиться к Хорватии.

Мусульманские историки тоже не остались в стороне и стали публиковать работы, в которых романтизировалась роль мусульман (Энвер Имамич [20], Салих Ялиман [7], Мустафа Имамич [10]).

Работы М. Имамича посвящены истории Боснии, политическому строю Боснии в течение тысячелетия, и мусульмане рассматриваются в них как истинные боснийцы.

В период трёх направлений в боснийской историографии в 90-х гг. существовала и группа боснийских историков, которая придерживалась мультиэтнического подхода. Ими были изданы следующие работы:

Коллектив авторов (10) *Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata*. (Sarajevo, 1994).

REDŽIĆ, Enver. *Istorijki pogledi na vjerske i nacionalne odnose u Bosni i Hercegovini*. (Sarajevo, 1993).

LOVRENOVIĆ, Ivan. *Unutarnaja zemlja. Kratki pregled kulturne povijesti Bosne i Hercegovine*. (Zagreb, 1998).

Религия, национализм и популизм — комбинация Франкенштейна

Борьба за «власть после Тито» (11) включала и борьбу против панисламских настроений боснийских мусульман.

В 1983 г. суд Сараево приговорил двенадцать человек (в том числе А. Изетбеговича) в общей сложности к 90 годам тюремного заключения. Этот показательный процесс был реакцией на бунты албанцев в Косово в 1981 г., после которых по всей Югославии прокатилась волна антимусульманской истерии. Передавалось, что панисламские силы, поддерживаемые аятоллой Хомейни, пытаются укрепиться на Балканах и разрушить Югославию. Мусульмане в Косово, Санджаке, Македонии и Боснии и Герцеговине должны были стать их пятой колонной. Судебный процесс критиковался сербской интеллигенцией (Добрица Чосич), как типичное наказание за инакомыслие [8:235].

В действительности же мнение обвиняемых могло повлиять лишь на небольшую группу окружающих людей, главным образом студентов Сараевского теологического факультета, который невысоко котирировался в мусульманском мире из-за его слишком европейской атмосферы и плохого знания арабского у студентов. Вообще в мировом исламском сообществе боснийские мусульмане воспринимались как мусульмане-коммунисты (12). Они даже не признавались частью уммы.

Боснийские мусульмане были сильно секуляризованы. Они обычно не соблюдали Рамадан, редко посещали мечеть и не совершали паломничества в Мекку. Многие из них не воздерживались от употребления алкоголя. Они считали себя европейцами и поддерживали идею многокультурного боснийского общества.

В 1988 г. примерно триста исламских служителей (Движение имамов) выступили с резкой критикой в адрес рейс-уль-улемы Муйича. Его обвиняли в содействии правительственному режиму и разложении религиозной жизни Боснии и Герцеговины.

Три конфессионально-политические силы — ПДД, SDS BiH, HZD BiH

В 1990 г. А. Изетбегович основал ПДД — Партию Демократического Действия (вначале он хотел назвать её Югославской Мусульманской Партией, но тогда законы запрещали создавать партии по национальной принадлежности). У

Изетбеговича возникли разногласия с Зульфичарпашичем о характере партии.

Зульфичарпашич хотел создать гражданскую партию, ориентированную на широкую демократизацию общества, с либеральной программой. Он был против участия исламского духовенства в политике партии.

Изетбегович хотел создать национальную мусульманскую партию, деятельность которой сосредоточилась бы на возрождении исламских религиозных традиций в мусульманском сообществе. Он считал участие имамов необходимым для партийной агитации.

Газета *Oslobodenje* [15:1] назвала борьбу двух фракций «борьбой маленькой и большой «М»». Изетбегович (13) вышел из неё победителем. Он усилил мусульманскую программу, и партия была клерикализована в соответствии с его идеями.

Почти сразу после основания ПДД появились Сербская демократическая партия Боснии и Герцеговины Радована Караджича и ХДС БиГ Хорватский Демократический союз Боснии и Герцеговины.

В результате выборов 1990 г. у власти оказались три националистически ориентированные политические партии. (Из 18 партий, участвовавших в выборах, эти три набрали 86% мандатов.)

Власть в Боснии и Герцеговине была поровну поделена между мусульманами, сербами и хорватами, но не было полной программы дальнейшего развития республики. Между политическими партиями то и дело возникали конфликты. Они проявлялись наиболее очевидно, когда отдельные элементы исполнительной власти отказывались подчиняться должностным лицам из другой партии. Конфликты быстро распространились на всё боснийское общество.

Обострению ситуации способствовали и заявления, исходящие извне — от Милошевича и Туджмана, которые касались политических и административных границ республики.

И тот и другой считали лучшим выходом раздел Боснии между Сербией и Хорватией и полную независимость каждой республики, что подразумевало распад Югославии. Ф. Туджман говорил послу США Уоррену Циммерману, что мусульмане смогут сохранить за собой «*zemljica Bosne*» — небольшую часть боснийской территории вокруг Сараево. Но в любом случае достижение стабильности на Балканах представлялось ему возможным только с изменением границ Боснии и Герцеговины [5:213–214].

Три видения будущего Боснии и Герцеговины, основанные на понимании её истории, быстро распространились среди её населения

Когда возникла напряжённая ситуация и сербско-хорватская война дошла до Боснии и Герцеговины, Изетбегович призвал её жителей к общей гражданской сознательности.

Караджич считал этот призыв утопией и настаивал на равных правах для каждой нации в составе Боснии и Герцеговины. Сербь предложили федерализацию Боснии и Герцеговины и кантонизацию местного самоуправления, которое должно было строиться по этническому принципу.

Позднее выступления Караджича стали более воинственными и антимусульманскими. Он убеждал сербов не продавать мусульманам земли Боснии и Герцеговины в районах, где проживали сербы. Он говорил о борьбе за жизненное пространство.

Хорваты в целом поддерживали предложение о кантонизации Боснии и Герцеговины.

«Закон о сохранении единства Боснии и Герцеговины» Изетбеговича и внутреннее разделение

Война в Боснии и Герцеговине (1992–1995) была войной за этнически и конфессионально чистые районы Боснии и Герцеговины [2,6,12,19,21]. Для разжигания страстей лидеры враждующих сторон использовали в агитации религиозные символы, историю церкви, балканские мифы и предания (культ меча, битва на Косовом поле, Видов дан (сербский религиозный праздник), князь Лазар). Сербская Православная Церковь, местные мусульманские и католические организации взяли на себя роль защитников наций. Для разжигания розни между немусульманами и мусульманами вспоминалась история османского завоевания. Военные преступники, такие как Аркан (14), сравнивались идеологами с гайдуками. Исламские государства снабжали боснийских мусульман оружием, добровольцы–моджахеды из Афганистана, Ирана, Алжира — вступали в их боевые отряды. Их количество достигало 2–3 тысяч.

Все основные предложения о разрешении конфликта предполагали сохранение границ Боснии и Герцеговины и образование достаточно свободной конфедерации трёх республик (план Вэнса—Оуэна, план Оуэна—Штольтенберга (15), план Холбрука).

Желая избавиться от отрицательных ассоциаций и связи с исламским радикализмом, боснийские мусульмане решили использовать название Вољнјаси (16) — босняки вместо «мусульмане» (17). Они также готовились к возможному образованию «Минибоснии». Их принадлежность к государству боснийских мусульман должна была отражаться и в названии нации. Примечательно, что только во время войны произошло окончательное оформление боснийских мусульман как нации и создалось четкое представление о Боснии как «национальном государстве» этого этноса [8:279].

Языковое разделение

В 1993 г. боснийский парламент принял закон, по которому государственным языком Боснии и Герцеговины объявлялся *боснийско-герцеговинский*. Каждый имеет право назвать его по своему выбору — боснийским языком (18), сербским или хорватским языком (19).

Этнические группы стали широко использовать свои диалектные особенности в средствах массовой информации. Сербия и Хорватия начали импортировать в Боснию и Герцеговину школьные учебники на чисто сербском или чисто хорватском диалекте с соответствующей национальной интерпретацией истории. Боснийские мусульманские школы начали работать по собственным учебникам на боснийском диалекте языка.

Понимание и представление об истории определяет и будущее этноконфессиональных сообществ

В наши дни государственная форма Боснии и Герцеговины ещё окончательно не определена. Существуют, по меньшей мере, три видения того, какой она должна быть.

По конституции и в соответствии с Дейтоновскими мирными соглашениями (20) Босния и Герцеговина состоит из двух политических формирований: Мусульманско-хорватской Федерации (51% территории) и Республики Сербской (49% территории).

Высшие политические представители сторон были вынуждены подписать соглашения и по возвращении из Дейтона представили их как собственный успех или возможность к достижению успеха в будущем. Сообщают, что Туджман заявил, что со временем Мусульманско-хорватская Федерация образует конфедерацию с Хорватией.

С. Милошевич говорил о недолговечности Дейтоновских соглашений, логический конец которых он видел в том, что, получив международное признание, Республика Сербская сможет объединиться с Сербией.

Харис Силаджич выразился так: «Может быть, это несправедливый мир, но это мир» [16:1–2].

Реализация Дейтоновских мирных соглашений, которые сохраняют целостность государства, но разделяют его политически, вряд ли была бы возможна без сильного военного присутствия миротворцев, строго следящих за выполнением принципов соглашений [8:292].

Функционирование согласованной модели, целью которой является сохранить контроль над страной, глубоко разделённой этнически, воз-

можно только на основе принципа равенства и консенсуса.

Консенсуса во мнениях достичь очень сложно. Для обеспечения успешной реализации Дейтоновских соглашений Совет по Установлению Мира принял резолюцию (1997), которая значительно расширила полномочия высшего представителя международного сообщества в Боснии и Герцеговине. Они позволяют ему отправить в отставку любого представителя государственной или местной администрации, применить финансовые или административные санкции в отношении любой политической партии, включая полный запрет на деятельность [24]. Без этих полномочий Дейтоновские соглашения, вероятно, потерпели бы неудачу.

Население Сараево [23]

Год	Число жителей	Мусульмане	Сербы	Хорваты	Югославы	Другие
1991	530 000	49.2 %	29.8 %	6.6 %	10.7 %	3.6 %
2003	402 000	80 %	11.25 %	6.75 %		2.5 %

Население государства и субъектов [22]

	Босния и Герцеговина	Боснийско-хорватская Федерация	Республика Сербская	Район Брчко (21)
Мусульмане / босняки	48,2%	72, 6%	10%	
Сербы	37, 2%	4,6%	89%	
Хорваты	13,7%	21,8%	0,7%	
Религии		В основном мусульмане-сунниты, католики, православные	Православные, мусульмане	Православные, католики

Если после первых выборов в 1995 г. три политические партии оказались у власти на долгое время, период с 2000 по 2002 г. был периодом Альянса перемен — коалиции с программой, ориентированной на многоэтничность. Население уже устало от трёх традиционных националистических партий и связанных с ними коррупционных скандалов.

Международные организации часто критиковали Боснию и Герцеговину за поддержку моджахедов, которых американские спецслужбы подозревали в связях с исламским терроризмом. В 2000 г. девятнадцать моджахедов из Саудовской Аравии, Иордании и Судана были высланы из Боснии и Герцеговины. В 2001 г. в связях с терроризмом подозревалось уже несколько десятков человек.

Эти факторы привели к изменениям в составе мусульманской партии. Изетбегович вышел из руководства партии (22).

Внешний подход также изменился.

Во время своего визита в Сараево (23 марта 2000 г.) хорватский президент Стипе Месич подчеркнул, что боснийские хорваты являются равноправной нацией государства, а не диаспорой, как называл их его предшественник.

В 2001 г. Сараево посетил югославский президент В. Коштуница и подчеркнул важность выполнения Дейтоновских соглашений.

Сербский президент Борис Тадич во время визита в Сараево принёс от лица сербской нации извинения за совершенные преступления и призвал к примирению народов Западных Балкан.

За время пребывания у власти Альянса перемен было проведено несколько конституционных реформ, три основные национальности были провозглашены равноправными в каждом из субъектов Федерации. Был реформирован закон о выборах главы государства (президентское кресло по очереди занимали представители трех наций) и глав субъектов. Для всех граждан были введены паспорта единого образца.

Сейчас наибольшие проблемы для сохранения целостности Боснии и Герцеговины связывают с «духовными» вопросами. Среди них языковая дифференциация (все официальные документы издаются на трёх вариантах языка) и различия в системах образования. По закону родители имеют право выбирать, в школе с каким вариантом языка будет учиться их ребёнок. Если выбранная школа находится далеко от дома, то детей туда отвозит специальный школьный автобус.

На местном уровне по-прежнему случаются вспышки этно-конфессиональной нетерпимости. В результате нападения на делегацию церемония закладки первого камня новой мечети (23) в Баня Лука проводилась дважды. Останки муфтия, убитого в Баня Лука, пришлось перевозить в Сараево из-за протестов сербов против его захоронения в Баня Лука.

На последних выборах (в 2002 г.) Альянс перемен потерпел поражение, и три националистические партии (24) снова оказались у власти, что увеличило разделение общества на три части.

Ещё одной проблемой в Боснии и Герцеговине являются так называемые «белые мусульмане». Так как арабы слишком заметны в Европе, террористические группы стараются привлечь сторонников с европейской внешностью, «белых мусульман». Боснийские мусульмане являются благодаря их славянской внешности «невидимыми» в европейском обществе. Поэтому их стараются завербовать террористические сети, например Аль-Каида, Аль-гама'а аль-Исламия и др. (25) Молодые боснийские мусульмане представляют собой лёгкую добычу для вербовщиков из-за тяжёлой экономической ситуации в Боснии и Герцеговине, высокого уровня безработицы (40%), пессимистических настроений среди молодёжи, из которых 50% желали бы уехать из страны...

Для распределения гуманитарной помощи, присылаемой в пострадавший регион с Ближнего Востока, были построены мусульманские культурные центры, откуда распространяются и радикальные исламские идеи.

18 апреля 2006 г. в Сараево были арестованы три человека, подозреваемые в подготовке террористических атак на посольства Евросоюза на Балканах. Двое из них — коренные боснийцы.

Большая часть сторонников многоэтнического подхода до сих пор находятся в эмиграции. Они мало верят в многоэтническое будущее Боснии и Герцеговины. Большая часть националистически настроенных немусульман относится к существованию государства как к вынужденной мере.

Мнения современных историков о будущем

Боснийский историк Энвер Реджич: *«В Боснии часто слышна фраза — сильная боснийская нация=сильная Босния и Герцеговина. Однако, основываясь на историческом опыте, можно сказать следующее: чем сильнее какая-то одна нация в Боснии, тем Босния и Герцеговина слабее. Босния и Герцеговина может существовать только при соблюдении равных прав каждой нации. Для будущего многонациональной Боснии необходимо, чтобы каждая сторона оставила все попытки добиться политического превосходства в стране» [18:198].*

Словенский историк Вера Кржишик Букич считает, что целью политики Боснии и Герцеговины должно быть образование не национального государства, а государственной нации, которую как общую политическую категорию должны создавать все три этнические группы [11:23-24].

Боснийский историк Русмир Махмутчеаич рассматривает сохранение Боснии как пример парадигмы единства в разнообразии. Он отрицает идею боснийского государства и говорит о том, что все этноконфессиональные группы должны научиться воспринимать Боснию и Герцеговину как свою собственную землю и в то же время сохранять свою национальную идентичность («сербскость», «хорватскость», «боснякскость») [14].

Заключение: самая сложная страна в Европе

Военный конфликт в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 гг. был вызван среди прочего рядом проблем прошлого и настоящего, связанных с расположением страны на пересечении культур, национальностей и политических интересов.

Вследствие Великого восточного раскола две большие культурно-цивилизационные сферы

столкнулись в этом районе: греко-православная византийская и католическая западноевропейская. В XVI в. боснийские земли были завоёваны турками-османами. Объединив Боснию и Герцеговину, они образовали Боснийский пашалык. Из-за периферийного положения Боснии и Герцеговины в каждой из данных культурно-цивилизационных сфер ни одна из них не имела большей ассимиляционной силы, чем прочие. Поэтому со средних веков они сосуществовали вместе, взаимодополняя друг друга.

По одной из резолюций Берлинского конгресса 1878 г. Босния и Герцеговина отошла к Австро-Венгрии и оставалась её частью до 1918 г., когда была включена в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Во время второй мировой войны Босния и Герцеговина являлась частью Независимого государства Хорватии, созданного усташи. В 1945–1990 гг. она входила в состав Федеративной, с 1963 г. — Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Несмотря на некоторые попытки, здесь не приживалась идея нации в просветительском или романтическом смысле. Поэтому основой самоидентификации проживающих здесь наций стала религия в сочетании с этническим происхождением. Мусульманская составляющая стала главной особенностью боснийской истории. По решению югославского президента Тито боснийские мусульмане стали одной из равноправных наций Федеративной Республики Боснии и Герцеговины. Боснийские сербы всё время поддерживали тесную связь с Сербской Православной Церковью, а хорваты — с католической церковью.

Многоэтничность, служившая в мирные периоды средством культурного взаимообогащения, становилась опасным фактором в период кризисов. В наше время очевидна хрупкость религиозно разделённого государства Боснии и Герцеговины. В современной Боснии не происходит дальнейшего смешения наций и религий, из-за войны страна поделена на более или менее обособленные этнорелигиозные районы. Военный конфликт повлёк за собой кристаллизацию трёх

образов истории и послужил началом к формированию трёх гетто, изолированных друг от друга. Три культурные парадигмы пытаются подменить собой культурное многообразие и богатство Боснии. Война создала психологические, социальные и этно-религиозные предпосылки для реклерикализации и десекуляризации. В наши дни православные, католические и мусульманские религиозные институты стоят перед опасностью национальной монополизации культур и вмешательства в политическую власть.

Сейчас в Боснии и Герцеговине происходит формирование гражданского многоэтнического общества, но «боснийский вопрос» всё ещё не закрыт.

Словенский писатель Йосип Видмар на первом собрании Краевого веча народного освобождения Боснии и Герцеговины (26) в 1943 г. сказал, что Босния и Герцеговина вступила в XX в. как самая сложная страна в Европе [13:102]. Это утверждение справедливо и для начала XXI в.

Примечательным символом Боснии является Старый мост (27) через реку Неретва в Мостаре. Он был разрушен во время войны, 9 ноября 1993 г. Разрушенный мост стал символом разделения города на сербскую и хорватскую части. Его восстановление в первоначальном виде с использованием сохранившихся каменных блоков стало символом стремления наций к примирению.

Ещё одним символом Боснии и Герцеговины является Вечница — государственная и университетская библиотека в Сараево. Каждый, кто её видел, безусловно, запомнит её как одну из неповторимых достопримечательностей Сараево. Когда во время войны в библиотеке возник пожар, все без исключения бросились тушить его — сербы, хорваты, мусульмане — все, кто находился в городе. Вечница представляла собой общую ценность, настолько значимую, что заставила стороны прекратить сражаться и объединиться для борьбы с огнём. Библиотека стала символом того, что при определённых условиях даже в такой сложной стране, как Босния и Герцеговина, веками стоящей на пересечении культур и цивилизаций, можно достичь согласия.

Примечания

1. Самое приемлемое объяснение — это то, что они просто хотели избежать дискриминации и обеспечить себе лучшие условия для экономической и социальной деятельности. Отрицательный опыт католицизма мог также оказать влияние на переход в ислам.
2. Komentáre (Комментарии).
3. Меньшая турецкая административная единица (область, район).
4. Говорят, что в этом заслуга Андео (Ангелуса) Звиздовича. Он якобы встречался с султаном Мухмедом II в 1463 г. Султан вручил ему ahdnama — церемониальный документ, гарантирующий францисканцам право на религиозную дея-

тельность в Османской империи. Благодаря этому документу францисканцы (а в их лице католики) сохранили легальный статус в Боснии на несколько последующих столетий.

5. Berglerbegluk or elajet.
6. Сараево (основан турками примерно в 1455 г., значительно вырос в 16 веке при правителе Гази-Хусрев-беге) был центром Боснийского пашалика до 1697 г., когда был разрушен Евгением Савойским. В 1703–1850 гг. резиденция правителя пашалика находилась в Травнике, после 1850 г. снова в Сараево.
7. 1565–1579. До Мехмеда Соколовича, в 1544–1561, другой босниец, Рустем-паша, также занимал должность визирия.
8. Лекция для Посольства СССР в Белграде. RADIĆ, Radmila. Država i vjerske zajednice 1945–1970. Beograd, 2002. vol. I, p. 179.
9. Он покинул Белград после 1992 г.
10. Коллектив авторов, состоящий из мусульман, хорватов и сербов.
11. Он умер 4 мая 1980 г.
12. Comp. MOE, Christian. Becoming Bosniaks? The Ends of an Ethno-Religious Identity. Paper presented at the 28th ISSR Conference, Zagreb, 18–22 July 2005.
13. Адил Зульфикарпашич основал Мусульманскую Боснийскую Организацию (МБО) гражданской либеральной направленности. Он ожидал, что будут основаны аналогичные Сербская Боснийская и Хорватская Боснийская организации, которые вместе будут добиваться суверенитета Боснии и Герцеговины в Югославской Федерации. Однако МБО была слишком элитарной организацией и не получила поддержки широких слоев населения.
14. Городской разбойник Željko Ražnatović.
15. Эти планы предусматривали возможность выхода из состава республики. Таким образом, в них таилась опасность распада Боснии и Герцеговины и образования «Минибоснии». Они также не исключали возможность «этнического удаления» мусульман с многих территорий, где они проживали до войны.
16. Чтобы обозначить принадлежность к Боснии и Герцеговине в целом, используется слово Bosanac — босниец, а для обозначения мусульман Боснии и Герцеговины слово Bošnjak — босняк.
17. Muslimani.
18. Bosanski jezik.
19. Существует около 3% различий между боснийско-герцеговинским и литературным хорватско-сербским или сербско-хорватским языком.
20. Конституция Боснии и Герцеговины изложена в Приложении 4 Дейтоновских мирных соглашений, которые были утверждены 21 ноября 1995 г. в Дейтоне и официально подписаны 14 декабря 1995 г. в Париже.
21. В 1997 г. Арбитражная комиссия издала декрет, где говорилось, что условие, которое позволит принять окончательное решение по Брчко, ещё не выполнено. Был создан руководящий орган, наблюдающий за развитием этой части федерации. В данный момент его возглавляет Сьюзан Джонсон. Пока что Брчко относится в двум субъектам, но фактически является самоуправляемой единицей того же уровня, что и Мусульmano-хорватская Федерация и Республика Сербская.
22. На посту лидера партии его сменил достаточно мягкий политик Сулейман Тихич, адвокат по образованию. Изетбеговичу же удалось сохранить значительное политическое влияние. Он стал председателем политического совета SDA.
23. Ferhadija džamija.
24. Теперь выборы проходят раз в 4 года, ранее — раз в 2 года.
25. См.: Совместный доклад разведывательных служб США и Хорватии.
26. Zemljansko vijeće narodnog oslobođenja Bosne i Hercegovine.
27. Старый мост в Мостаре построен по проекту архитектора Хайрудина в 1566 г.

Библиографический список

1. Bosna i Hercegovina. Od najstarijih vremena do kraja drugog svjetskog rata. Sarajevo, 1994.
2. CALIC, Marie Janine. Der Krieg in Bosnien-Herzegovina. Ursachen — Konfliktstrukturen — International Lösungsversuche. Frankfurt a. M., 1995.
3. DŽAJA, Srećko, M. Konfesionalnost i nacionalnost Bosne i Hercegovine. Predemancipacijski period 1463 — 1804. Sarajevo, 1992.
4. Etnička povjest Bosne i Hercegovine. Roma, 1967.
5. F. Tudjman In Zimmermann, Warren. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. Zagreb, 1997.
6. GLENNY, Misha. The Fall of Yugoslavia. The Third Balkan War. London, 1996.
7. Historija Bošnjaka. Sarajevo, 1998.
8. HLADKÝ, Ladislav. Bosenská otázka v 19. a 20. století. Brno, 2005.
9. Hrvati i Srbi, dva strana različita naroda. München — Barcelona, 1971.
10. Korijene Bosne. Sarajevo, 1995.
11. KRŽIŠNIK BUKIĆ, Vera. Prilog programu za Bosnu. Pozališta za rješavanje bosanskog pitanja. Ljubljana, 1997.
12. KUMAR, Radha. Divide and Fall? Bosnia in the Annals of Partition. New York, 1997.
13. LOVRENOVIĆ, Ivan. Bosna a Hercegovina. Krátký přehled kulturní historie, op. cit.
14. MAHMUTČEHAJIĆ, Rusmir. Kriva politika. Sarajevo-Tuzla-Zagreb, 1998. p.

15. Oslobodenje 19th of September, 1980, supplement Sedam dana.
16. Oslobodenje, 23. 11. 1995.
17. PALMER, Alan. The Decline and the Fall of the Ottoman Empire, Woodstock, 1992.
18. REDŽIĆ, Enver. Sto godina muslimanske politike. U tezama i kontratezama istorijske nauke. Sarajevo, 2000.
19. REISMÜLLER, Georg. Die bösnische Tragödie, Stuttgart, 1993.
20. Studia o bosanskim bogomila. Tuzla, 1996.
21. ULLMAN, Richard. The World and Yugoslavia's Wars. New York, 1996.
22. <http://www.bosnaunas.cz//>
23. <http://www.fzs.ba//>
24. <http://www.ohr.nt//>

Moravchikova M.

Three Pictures of History, Three Projections of Future. Bosnia and Herzegovina – Multiethnic Religious Laboratory

The article focuses on the problem of intercultural communication in the multiconfessional Balkans.

Analyzing the example of Bosnia and Herzegovina which is situated on the intersection of three cultural-civilisational spheres, i.e. Orthodox-Greek Byzantine, Catholic-West European, and Muslim the researcher reveals the influence of national and political factors on peaceful coexistence of the peoples. Peaceful and mutually beneficial development turned out to be impossible in the period of crises. Nowadays we witness the crystallisation of three images of history and three ethno-cultural «ghettos». As for religious sphere, there appear psychological, social and ethno-confessional premises for re-clericalisation and desecularisation.

The author of the article warns against the danger of substituting one cultural paradigm for the whole cultural diversity of Bosnia.

А.Ю. САВОСИЧЕВ, кандидат исторических наук,
доцент кафедры религиоведения и теологии
Орловского государственного университета

О.Ю. КУЗЬМИНА, выпускница кафедры
религиоведения и теологии
Орловского государственного университета

РЯЗАНСКИЙ АРХИЕПИСКОПСКИЙ ДВОР СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Одним из результатов интеграции РПЦ в структуру феодального общества стало возникновение социального слоя «церковных людей», главной функцией которых было осуществление административной и экономической деятельности церкви. На примере Рязанского архиепископского двора середины XVI — начала XVII в. авторы показывают роль владычных детей боярских в структуре формирования архиерейских дворов, прослеживают процессы взаимовлияния светских слуг РПЦ и государевых служилых людей.

Ключевые слова: Рязанский архиепископский двор, владычные дворяне, генеалогический состав владычных детей боярских, служилое землевладение.

Рязанский архиепископский двор, подобный дворам других феодальных владений Северо-Восточной Руси, складывается еще до присоединения великого княжества Рязанского к Москве. В актовом материале Рязанского края первое упоминание вассалов главы местной церковной организации относится примерно к третьей четверти XV в. Боярин рязанского епископа Давыда Федор Гавердовский в 1464–1471 гг. от имени владыки судился по поземельному делу с неким Василием Александровичем [51].

Примерная численность, персональный состав, а также характеристика землевладений светских вассалов рязанского архиерейского дома реконструируются на основании анализа данных сотной грамоты с писцовых книг 1567/68 г. письма и меры Ивана Юрьевича Траханитова на земельные владения рязанского и муромского владыки. Источник содержит данные по Окологородному, Перевицкому, Каменскому, Старорязанскому, Пехлецкому, Кобыльскому, Ростисловскому и Моржевскому станам Рязанской земли.

Всего в нашем источнике содержится информация о 86 поместьях владычных дворян. Об уровне их материального благосостояния дает представление следующая таблица:

Размеры владений в четвертях	Количество владений	%
1,0–20	9	10,47
20–50	24	27,9
50–100	32	37,2
100–200	17	19,78
200–500	4	4,65
Свыше 500	0	0
Итого:	86	100

При анализе данной таблицы обращает на себя внимание почти полное отсутствие крупных земельных владений. Всего 4 владения из 86 имеют размеры более 200 четвертей. Преобладают мелкие и мельчайшие владения. У 9 владычных детей боярских земельные владения сравнимы по размерам с крестьянскими наделами.

Господство мелкого служилого землевладения в Рязанской земле, по-видимому, было явлением не нового порядка, а восходило ко временам рязанской самостоятельности. Развиваться крупному землевладению в Рязанской земле было трудно ввиду ее пограничного положения [52:395]. Кроме того, малоземелье было характерно в целом для всех землевладельцев южных уездов Московского государства. Однако даже с учетом этих обстоятельств можно сделать заключение о том, что вассалы духовных владетелей жили беднее государевых дворян.

В сотной 1567/68 г. упоминаются 70 владычных детей боярских, относящихся к 45 фамилиям: **Аншевы, Вяловы, Глебовские, Деденевы, Коробовы, Котовасьевы, Лялины, Мазыловы, Митякины, Назарьевы, Печерские, Пледвицкие, Прямоглядовы, Пурловы, Сукровы, Умрихины, Цвилевы, Чебуковы, Чюприховы, Шаблыкины, Шахмановы и Шелудины** [43:27, 29, 30, 33, 35, 39, 40, 42, 45, 48, 49, 51]. Кроме упоминания в сотной, других сведений о носителях этих фамилий найти не удалось. Происхождение их, таким образом, неясно. Видимо, данные фамилии принадлежали к низшему слою дворянства, возможно, служившему исключительно рязанским владыкам.

Безобразовы [43:27, 51]. Место рязанских владычных детей боярских Безобразовых в генеалогии одноименной дворянской фамилии неясно. Род, первые представители которого известны с XV в., к концу XVII столетия сильно размножился и разделился на несколько ветвей. Удовлетворительную генеалогию его не смогли составить ни сами Безобразовы, подавшие соответствующую роспись в Палату Родословных дел, ни последующие исследователи [35:103–110]. В судной грамоте, составленной в 30-е годы XVI в. Яковом Измайловым и Михаилом Язвецом, упоминается владычный посельский Степан Яковлевич Безобразов [38:92]. Это косвенно указывает на весьма невысокий служебный статус Безобразовых-рязанцев. Ларя Некрасов Безобразов «з братьею с Фалейком, да с Олешкою, да с Ортемком», а также Нечай Игнатъевич Безобразов, вне всякого сомнения, были родственниками Степа-

на Яковлевича. Однако о степени родства можно только гадать.

Нечай и Третьяк Игнатъевичи Безобразовы упоминаются в Рязанской десятне детей боярских 1578–1579 гг.: «Ефимко Истомино сын Мордвинов дано ему государева служба на мерине в саадаке в сабле да мерин прост а порука по нем в службе и в деньгах *Нечай да Третьяк Игнатевы дети Безобразова*» [38:55]. Таким образом, Нечай Игнатъевич Безобразов перешел на более перспективную государеву службу. Из службы его брата Третьяка следует, что Безобразовы служили параллельно как владыке, так и государю.

Воронцовы [43:48]. Происхождение Воронцовых неясно. Несмотря на то, что в XVI в. существовал древний род Воронцовых-Вельяминовых, принадлежность Федора Воронцова к этой фамилии маловероятна, так как представители крупного московского боярства вряд ли могли быть вассалами архиепископа.

Гавердовские [42:254; 43:40–42]. Боярин рязанского епископа Давыда Федор Гавердовский в 1464–1471 гг. от имени владыки судился по поземельному делу с неким Василием Александровичем. В правовой грамоте, данной рязанским кн. Василием Ивановичем рязанскому епископу Давыду на землю и бобровые гоны по р. Проне 1464–1471 гг., читаем: «Князь великий Василий Иванович рязанский суд судил. Тягался во владычне место Давыдова рязанского и муромского, боярин его Федор Гавердовский с Васильем Александровичем, что тот Василий побил владычни бобры в реце Проне» [6:348].

Видимо, Федор Гавердовский и был родоначальником фамилии рязанских владычных дворян Гавердовских. Род этот, таким образом, восходит своими корнями к периоду независимости великого княжества Рязанского от Москвы. В дальнейшем фамилия разделилась на несколько ветвей. Часть Гавердовских продолжала служить местным епископам, а другие перешли в разряд великокняжеских вассалов [42:54, 55, 73, 76, 79, 251, 270–272, 326–327, 334, 340; 43:119; 44:204, 206, 214, 227, 256–257, 279, 284, 344–345].

Дьяковы. Фамилия Дьяковых была довольно распространенной в различных социальных слоях населения. Дьяковы — служилые землевладельцы — упоминаются в целом ряде уездов [46:50, 220, 222; 22].

Интересные данные содержатся в актах рязанского владычного дома. Слуга рязанского епископа Ионы Ивашка Дьяк в 1529/30 г. судился с Юрием и Михаилом Андреевичами Чевкины-

ми [48]. Можно предположить, что он является родоначальником фамилии Дьяковых. В 1567/68 г. епископский дворянин Иван Иванович Дьяков владел двумя поместьями в Рязанском уезде. Скорее всего, это сын Ивашки Дьяка. В Окологородном стане за ним была д. Багликовская Индрикова, а в Каменском стане — часть д. Коленец на р. Проне [43:35, 92]. В 1594–1597 гг. 0,75 этой деревни, успевшей за три десятилетия стать сельцом, а потом превратиться в пустошь, принадлежали Осану Ивановичу Дьякову, возможно, сыну Ивана Ивановича Дьякова.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ивашка Дьяк в акте назван «человеком». Человеком в документах рассматриваемой нами эпохи обычно называли холопов. На низкий социальный статус указывает отсутствие фамилии и наименование уменьшительно-пренебрежительной формой имени. Ивашка Дьяк, видимо, принадлежал к высшему слою лично зависимых людей рязанского архиепископского дома. В архивах духовных корпораций откладывались в первую очередь документы, подтверждающие права на владения землей. Спор Ивана с братьями Чевкиными, скорее всего, был поземельным, а сам Дьяк принадлежал к управленческому хозяйственному персоналу.

Если наши предположения верны, то на примере истории трех поколений семьи Дьяковых мы наблюдаем процесс проникновения в среду дворянства наиболее удачливых представителей непривилегированных сословий. Средством для социального роста была верная служба. В нашем случае служба рязанскому архиерейскому дому.

В «Списке 100-го года» упоминаются двое Дьяковых на службе церкви — Грязной Дьяков, сын боярский архиепископа Тверского, и Михаил Дьяков, сын боярский владыки Рязанского. Ранее 23 октября 1553 г. епископский сын боярский Темир Дьяков владел дворовым местом в Переславле Рязанском [49]. Вассал архиерейского дома Федор Иванович Дьяков в 1627/28–1628/29 гг. владел небольшим поместьем — часть д. Мерединовы на р. Мерединовке — в Каменском стане Рязанского уезда [44:496]. Принадлежность всех их к одному роду несомненна, но точные родственные отношения установить сложно. Таким образом, можно сделать вывод, что служба рязанскому владычному дому была наследственной в роде Дьяковых.

Злобины [43:28]. В источниках XVI в. носители данной фамилии встречаются весьма часто, причем как среди детей боярских, так и среди представителей непривилегированных сословий.

Среди первых попадаются люди родословные, входившие в состав Государева двора. Но найти в этой массе родственников Злобиных-рязанцев не удастся.

Карцовы [43:24,48]. В сотной грамоте 1567/68 г. упоминается сын боярский великого князя Ненаш Карцов. Нет сомнений в том, что он и Берсень Карцов — родственники. Карцовы служили по Рязани на протяжении по меньшей мере четырех поколений. Это коренной местный род государевых и владычных вассалов. Конкретные служебные назначения их не выявлены. Видимо, Карцовы-рязанцы были городскими детьми боярскими [43:130; 4:№ 169; 20].

Короваевы [43:39]. В XVI столетии данная фамилия часто встречается в различных социальных слоях. В Рязанской писцовой книге 1594–1597 гг. упоминается целый ряд Короваевых — государевых детей боярских [42]. Служебные назначения их неизвестны. По всей видимости, Короваевы-рязанцы служили в основном с городом.

Котовы [43:42]. В исследуемый период по источникам прослеживается несколько ветвей данной фамилии, скорее всего, не находившихся в родстве друг с другом. Котовы-рязанцы известны с конца XV в. В 1491/92–1518/19 гг. Панкрат Михайлович Котов присутствовал на докладе заемных кабал рязанским боярам Ивану Ивановичу Измайлову, Федору Ивановичу Сунбулу и Михаилу Дмитриевичу Кобякову [6:№ 348, 349, 371, 379, 386, 387].

Можно уверенно заключить, что рязанские помещики Котовы второй половины XVI в. были если не прямыми потомками, то, во всяком случае, родственниками Панкрата Михайловича. Видимо, Котовы издревле параллельно служили рязанскому владыке и местному великому князю.

В конце XVI в. рязанскому архиепископу продолжал служить Федор Милованов Котов. В писцовых книгах 1594–1597 и 1627/28–1628/29 гг. упоминается целый ряд Котовых, чья служба не была связана с владычным двором [42:44, 53, 69, 136, 252, 253, 267, 315; 43:171; 44:218, 228, 364–365, 370]. Сравнение данных писцовых книг показывает процесс перехода дворян с владычной на государеву службу [44:203–206].

Кунаковские. В писцовой книге 1567/68 г. их четверо: Потаня и Тихон Дмитриевичи; Денис и Федор Васильевичи [43:20]. В описи 1594–1597 гг. упоминаются Денис и Федор, а также Василий Васильевич; Богдан и Федор Ивановичи Кунаковские. Первые двое служили владыке, остальные — царю [42:132, 172, 176, 188–189].

В писцовой книге 1627/28–1628/29 гг. упоминается только один Кунаковский, царский вассал Петр Сергеевич. Родоначальника рода Кунаковских определить сложно. Похоже, что это местный рязанский род. Представители этой фамилии служили как владыке, так и государю.

Логиновы [43:49]. В судной грамоте судей Якова Измайлова и Михаила Язвеца, разбиравших по земельный спор Рязанского Ольгова монастыря с Федором Карцовым Курдумовым в 30-е гг. XVI в., упоминается сын боярский Якуш Логинов [38:93]. Иван Логинов из писцовой книги 1567/68 г. явно родственник Якуша Логинова, но точные родственные связи установить сложно.

Лукины [43:35, 39, 51]. В отводной грамоте 1546 г. упоминается городской приказчик Борис Лукин [38:31]. В Рязжской десятне детей боярских 1578–1579 гг. сообщается о Сенке Игнатьеве Лукине [38:66]. Возможно, это родственник Бориса Лукина. Владычный сын боярский Василий Лукин, судя по всему, находился с ними в родстве.

Фамилия Лукин довольно распространена. Это осложняет установление происхождения рода. Опираясь на тот факт, что Борис Лукин был городским приказчиком, можно предположить, что Лукины служили с городом.

Матыцыны [43:39]. В Рязжской десятне детей боярских 1578–1579 гг. упоминается Артемий Неклюд Матыцын. Оклад его невелик — всего 100 четв. Однако он был признан годным для дальнего похода и внесен в первую статью документа [38:62]. Явно, что Артем был родственником владычного вассала Ярца Васильевича Матыцына.

В писцовой книге 1627/28–1628/29 гг. проходят дети боярские рязанского архиепископа: недоросль Степан Гаврилович Матыцын и Шестой Григорьевич Матыцын [44:492–493].

Здесь мы опять видим тесную связь Государева и владычного дворов. На основе того, что в десятках упоминается только рядовое провинциальное дворянство, можно сделать вывод, что Матыцыны были городскими детьми боярскими.

Милославские [43:30]. В росписи Милославских, поданной в конце XVII в. в Палату Родословных дел, никакого Василия Дмитриевича Милославского нет [45]. Впрочем, для данного типа источников неполнота и неточность характерны. Посему происхождение Василия от Вячеслава Петровича Милославского исключать нельзя. В сотной 1567/68 г. Василий Дмитриевич Милославский упоминается как боярин рязанских владык. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем

дело с известным явлением: назначением в состав двора церковных иерархов государевых вассалов по царскому приказу. В середине XVI в. Милославские известны как рядовые члены Государева двора и слуги новгородских владык.

Новгородовы [43:52]. В XVI столетии Новгородовы известны также по Ржеву и Владимиру [12:315; 54:№ 109]. Карьерными успехами никто из них не блистал. Хотя генеалогические связи между Новгородовыми-рязанцами и их однофамильцами установлению не поддаются, ясно, что это рядовая фамилия городских детей боярских.

Невзоровы [43:27]. Невзоровы продолжали служить по Рязани в составе Государева двора и в последней четверти XVI в. [17; 42:186, 191, 195, 198]. Конкретные назначения их неизвестны. Видимо, Невзоровы-рязанцы относились к городскому дворянству.

Неретины [43:39]. В Рязжской десятне детей боярских 1578–1579 гг. упоминаются Иван Ураков и Иуда Иванович Неретины. Первый был признан годным к дальней, а второй — к пограничной службе [38:63,67]. Иуда Иванович Неретин — несомненно, сын Ивана Уракова Неретина. Оба они явные родственники владычного помещика Степана Неретина.

По Рязани служили три поколения Неретиных [42]. Видимо, это местный род. На основании того, что в десятках XVI в. упоминается только рядовое провинциальное дворянство, можно сделать вывод, что Неретины служили с городом.

Поздеевы [43:36]. В исследуемый период упоминаются по Бежецкому Верху [10:№ 70; 5:№ 332], Новгороду [37; 4:№ 220; 26], Переславлю [3:№ 66], Рузе [18] и Ярославлю [32:20; 23], притом не только среди собственно дворянства, но и в числе «слуг под дворскими» — псарей, рассыльщиков [1:№ 253/II; 36]. Есть Поздеевы и среди представителей непривилегированных сословий. Так что, скорее всего, Поздеевы-рязанцы служили с городом.

Салковы [43:33]. Представители этой фамилии служили рязанским владыкам на протяжении по меньшей мере трех поколений. В 1594–1597 гг. местному архиепископу служил Иван Салков, в 1627/28–1628/29 гг. — его сыновья и родственники [42:99; 44:204–205, 230–231, 378, 493].

В разрядных, родословных и боярских книгах Салковы не упоминаются. О службе их нам удалось найти только одно упоминание. В июле 1617 г. елецкие воеводы кн. Василий Ромодановский и Иван Хрущев посылали голов Олимпия Арсеньева и Гаврилу Салкова против татар,

вторгшихся в уезд. Дворяне разбили противника в Запловских лесах в 20 верстах от города [33:61]. Эта служба характерна для дворянина из верхней прослойки служилого города.

Старынины [43:43]. Кроме сотной 1567/68 г. Антон Игнатьевич Старынин упоминается в Рязской десятне 1578–1579 гг. [38:62]. Он государев сын боярский, годный для пограничной службы. Старынины, таким образом, городовые дворяне. Антон Игнатьевич со временем перешел на более перспективную государеву службу.

Сушковы. Род этот служил в Рязанской земле еще до присоединения ее к великому княжеству Московскому. 1 декабря 1506 г. сын боярский Степан Васильевич Сушков выступил послухом в жалованной грамоте великой княгини Рязанской Аграфены Аграфениной пустыни на с. Бельничихи Татаринovo с деревнями близ Зарайска. Судя по контрагентам сделки, Степан Васильевич служил местным великим князьям. В 1529 г. в разбирательстве поземельного спора в Рязанском уезде участвовал Потряс Сушков.

Их потомки упоминаются в актах и писцовых книгах середины XVI в. Епископские вассалы Григорий и Лева (Лев или Леонтий) Григорьевичи Сушковы в 1567/68 г. владели поместьем — д. Княжичи Сушково на р. Раке в Каменском стане. Рязанскому владыке служили Рудень Михайлович Сушков, владевший поместьем — частью д. Соловьево в Кобыльском стану Рязанского уезда, и его сын Клемен Руднев Сушков, владевший частью с. Под Скиркиным Крем на р. Скирке в Моржевском стане. В 1564/65 г. Гаврило Алексеевич Сушков выступил послухом в закладной кабале на с. Городище, данной Василием Ивановичем и Гаврилой Васильевичем Коробыными Петру Ивановичу Таптыкову. В платежной книге 1594–1597 гг. упоминается только один архиепископский вассал по фамилии Сушков. Остальные скрылись за формулой «с племянники» [38:67].

Другие отрасли фамилии в тот же период служили великому князю [42:151, 168, 184, 234–234]. Судя по данным писцовой книги 1627/28–1628/29 гг., во второй четверти XVII в. на государеву службу перешли и потомки владычных дворян [44:246, 293, 305].

Кроме Рязани Сушковы служили также по Ярославлю. Именно они в конце XVII в. подавали роспись своего рода в Палату родословных дел для включения в Бархатную книгу. Маловероятно, что ярославские Сушковы — родственники рязанским Сушковым, так как расстояние между Рязанью и Ярославлем достаточно большое.

В разрядных и боярских книгах никто из Сушковых не упоминается. Из служебных назначений Сушковых-рязанцев известны два. Алексей Сушков 13 января 1557 г. упоминается как городовым приказчиком в Рязани [50]. В той же должности состоял Постник Алексеевич Сушков 1 декабря 1588 г., 22 ноября 1593 г., 17 мая 1595 г. и 18 октября 1596 г., произведший отделы поместий в Понисском и Перевитском станах. Возможно, он был сыном Алексея Сушкова.

Таким образом, Сушковы, как и Гавердовские и Котовы, происходили из древнего рязанского рода, известного еще до присоединения Рязанского княжества к Москве. Они служили не только рязанскому владыке, но и государю. Судя по служебным назначениям, Сушковы были заметными фигурами у себя в уезде и принадлежали к верхушке провинциального дворянства.

Угловы [43:42]. Кроме сотной 1567/68 г. упоминаются в Рязской десятне 1578–1579 гг. Никифор Алексеевич Углов был годен к пограничной, а Григорий Кучин Углов — к дальней службе [38:56, 67–68]. Статус фамилии, таким образом, ясен — городовые дети боярские. Вопрос о происхождении рода, за недостатком данных, остается пока открытым.

Чеглоковы [43:39]. Никита Семенович Чеглоков из сотной 1567/68 г. упоминается в числе вассалов рязанского владыки еще 17 апреля 1535 г. От имени сюзерена он участвовал в поземельном споре в Каменском стане Рязанского уезда [30]. В XVI столетии кроме Рязани служили по Арзамасу [25:82], Волоку [8:№ 281, 290, 293, 296, 303, 306, 308, 309, 313, 320, 325, 330, 334, 336, 343, 391; 2: № 74; 26], Ржеву [28:138, 202, 310; 13:309, 322], Новгороду [34:207–209; 24:158, 166; 39:381–382; 40:32, 45, 46, 52, 60–63, 335, 374] и Торопцу [53:101; 6: № 185; 21; 39:513, 567, 633–635, 637, 639–654, 682; 11:85, 117; 15; 16; 176, 177]. Чеглоковы из последних трех уездов входили в рядовой состав Государева двора. О служебном статусе других носителей интересующей нас фамилии и о родстве их между собой сказать что-либо определенное сложно. Не похоже, чтобы Чеглоковы-рязанцы имели генеалогические связи со своими однофамильцами из северо-западных уездов. Появляясь в источниках спустя всего пятнадцать лет после присоединения Рязани к Москве, Чеглоковы производят впечатление «местного домосковского» рода, служившего преимущественно с городом.

Чирковы [43:30]. В XVI столетии носители данной фамилии служили по Владимиру [31:77; 19;

54: № 109, 341], Мурому [28:189; 5: № 454], Рузе [7:47–49; 47:115–116, 133] и Ярославлю [9: № 185]. Максимальным служебным успехом для них был чин выборного дворянина. Интересно, что в апреле 1558 г. поместьем в Рязанском уезде был пожалован казачий атаман Григорий Михайлович Чирков [14]. Переходы служилых людей по прибору в ряды дворянства известны. Вполне возможно, что Василий Петрович Чирков, сын боярский рязанского архиепископа, происходил из местных казаков. Худородство закрывало для него перспективы службы в рядах Государева двора, где отечество было определяющим фактором карьеры. Посему Василий выбрал службу местному владыке.

Шишкины [43:42] служили в Рязанской земле еще до присоединения ее к Москве. В записи-обязательстве Семена Злобина Ворыпаева 1515–1516 гг. упоминается послух Яков Васильевич Шишкин [38:88]. В 1533/34, 1536/37, 1538/39 и 1539/40 гг. он упоминается как дьяк в Великом Новгороде [29:583]. Здесь вполне может идти речь об одном и том же человеке. Если это так, то мы видим, что Яков Васильевич дослужился до высокого чина. Средством для социального роста была верная служба государю.

Изучение землевладения светских слуг рязанского архиепископа в середине XVI в., основанное на исследовании сведений писцовых книг уезда, позволило выявить и рассмотреть наиболее существенные стороны социально-экономических процессов, характерных для феодальных земельных владений того времени.

При определении уровня материального благосостояния владычных дворян было выявлено, что в Рязани в середине XVI в. господствовало мелкое служилое землевладение. Владычные дети боярские были обладателями мелких и мельчайших поместий, зачастую сравнимых с крестьянскими наделами. Однако, несмотря на то, что малоземелье было характерно для всех землевладельцев южных уездов Московского государства, можно сделать вывод, что светские слуги главы местной церковной организации жили беднее государевых дворян.

Анализ генеалогического состава владычных вассалов показывает, что двор рязанского архиепископа складывался по тем же законам, что и Государев двор. Социальная природа, происхождение и динамика службы светских вассалов церкви весьма сходны с аналогичными явлениями в среде Государева двора XVI в.

Библиографический список

1. Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2.
2. Акты Российского государства (Архивы Московских монастырей и соборов XV — начала XVII в.). М., 1998.
3. Акты Русского государства. М., 1975.
4. Акты служилых землевладельцев. М., 1997. Т. 1.
5. Акты служилых землевладельцев. М., 1998. Т. 2.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3.
7. Акты феодального землевладения и хозяйства. Л., 1984.
8. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2.
9. Акты Юшкова. М., 1898.
10. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1.
11. Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // РД. Вып. 10. М., 2004.
12. Антонов А.В. Землевладельцы Ржевского уезда по материалам писцовой приправочной книги 1588–1589 годов // АРИ. М., 2002. Вып. 7.
13. Антонов А.В. Землевладельцы Ржевского уезда по материалам писцовой приправочной книги 1588–1589 годов // АРИ. М., 2002. Вып. 7.
14. Антонов А.В. Из истории нагодчины в Рязанской земле // РД. Вып. 4. М., 1998.
15. Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов. №№ 7, 12, 18 // РД. Вып. 10. М., 2004.
16. Антонов А.В. Приговорная грамота 1566 года // РД. Вып. 10. М., 2004.
17. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. № 1815 // РД. М., 2002. Вып. 8.
18. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. № 2530 // РД. М., 2002. Вып. 8.
19. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. № 3503 // РД. М., 2002. Вып. 8.
20. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. № 1203 // РД. М., 2002. Вып. 8.
21. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. №№ 3420, 3421 // РД. М., 2002. Вып. 8.
22. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. №№ 126, 249, 1821, 907, 908, 910, 2937, 3194 // РД. М., 2002. Вып. 8.

23. Антонов А.В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII в. № 11 // РД. Вып. 5. М., 1999.
24. Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // АРИ. М., 2002. Вып. 7.
25. Арзамасские поместные акты. М., 1915.
26. Баранов К.В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря XV — начала XVII века. № 6 // РД. Вып. 4. М., 1998.
27. Баранов К.В. Новые документы по истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI — начала XVII века. № 18 // РД. Вып. 5. М., 1999.
28. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
29. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
30. Грамоты XIV–XV вв. из копийной книги рязанского архиерейского дома. № 5 // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1989.
31. Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. Юрьев, 1895. Вып. 1.
32. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896.
33. Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М. — Варшава, 1995.
34. Козляков В.Н. Новый документ об опричных переселениях // АРИ. М., 2002. Вып. 7.
35. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб., 2003.
36. Морозов Б.Н. Документы дворцовых приказов конца XVI — начала XVII века из нотной библиотеки государственных певчих дьяков. № 9 // РД. Вып. 3. М., 1998.
37. Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. VI. Стлб. 944–945.
38. Памятники русской письменности XV–XVII вв.: Рязанский край (далее — ПРП РК). М., 1978.
39. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4.
40. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 5.
41. Писцовые материалы Ярославского уезда. Ч. 2. СПб., 2000.
42. ПКРК. Т. 1. Вып. 1.
43. ПКРК. Т. 1. Вып. 2.
44. ПКРК. Т. 1. Вып. 3.
45. РГАДА. Ф.199. П. 284. Ч. 3. Ед. хр. 22.
46. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. М., 1997.
47. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. М., 1996.
48. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. № 19 // РД. М., 1999. Вып. 6.
49. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. № 41 // РД. М., 1999. Вып. 6.
50. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. № 128 // РД. М., 1999. Вып. 6.
51. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. № 14 // Русский дипломатарий. М. 1999. Вып. 6.
52. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
53. Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века. М. — Л., 1950.
54. Шумаков С.А. Обзор Грамот Коллегии экономии. М., 2002. Вып. 5.

Savosichev A.Yu., Kuz'mina O.Yu.

RYAZAN' ARCHBISHOP'S COURT IN THE MIDDLE OF THE 16TH CENTURY

One of the results of the integration of the Russian Orthodox Church into feudal society was the emergence of the social layer of church people who were involved in administrative and economic activities of the Church. Studying Ryazan' Archbishop's Court as an example, the authors examine the role of boyars' children in archbishops' courts and reveal connections between secular servants of the Russian Orthodox Church and the tsar's officials.

Т.Г. ЧЕЛОВЕНКО, кандидат педагогических наук,
доцент, зав. кафедрой религиоведения и теологии ОГУ,
член Учебно-методического совета по теологии УМО
по классическому университетскому образованию

ПРЕДФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ БОГОСЛОВСКОГО ЗНАНИЯ А.С. ХОМЯКОВА

Статья посвящена некоторым особенностям философско-богословского дискурса А.С. Хомякова, которые можно рассматривать как предфеноменологические характеристики русской философии.

Ключевые слова: феноменология, русская религиозная философия, экзистенциально-феноменологический дискурс.

Творчество А.С. Хомякова характеризует собой предфеноменологическую традицию русской философии, складывавшуюся в XIX в. Для философского дискурса Хомякова характерен отказ от объективистской объяснительной установки. Истоки нравственного действия, а ему он придаёт принципиальное значение, видятся ему в реальном бытии сознания, рефлексивный характер которого не может реализовываться вне активной церковной жизни. Поэтому и его богословие пронизано глубоким жизненным и личностным смыслом.

Хомяков не преследовал целей традиционного гносеологического «познания», хотя хорошо известны его рассуждения в этом направлении. Его философские работы не эпистемологические наброски, подкреплённые теологической риторикой, как, например, может выглядеть известная идея соборности познавательных сил (чувства, разума, воли). Гносеологические размышления изначально помещаются мыслителем в горизонт социально-исторического бытия человека в мире, а не в абстрактном противостоянии его как наделённого разумом существа (субъекта) абстрактному же образу мира (объекту) в так называемом «познавательном» субъект-объектном отношении.

Чтобы правильно оценить новизну концептуальных идей Хомякова, надо отметить включённость его философского дискурса в пространство мыслительной традиции, поставившей вопрос о предельном обосновании знания о религии, что в дальнейшем станет востребованным в развитии концепции «экзистенциального мышления» (Паскаль, Киркегор, Тиллих, Бахтин, Мамардашвили и др.). Отвлечённые науки, говорил Паскаль, являются препятствием к достойному мышлению. Мыслить достойно — значит мыслить экзистенциально, считал Киркегор, или мыслить участно, «расшифровывал» позднее Бахтин. Субъективный мыслитель не должен допускать никакой дистанции (дистанции отвлечения) между собственным мышлением и собственным *существующим бытием*. Он должен не просто «держат мысль», но держать её в существовании, какое-то время спустя скажет Мамардашвили, обосновывая свою трактовку тождества мышления и бытия [3:56–74].

Человеческое бытие понимается Хомяковым как разумная, но ещё совсем не обязательно сознательная деятельность. Мыслитель, отвергая концепт бессознательного, вводит понятие «недосознанности», которым и характеризует состояние индивидуального и общественного сознания в России (как в «древней», так и в «современ-

ной»). Актуальной задачей для него становится поиск этого «сознания» на обоих уровнях, которое он рассматривает как условие проповеди, цель которой — сделать выбор веры сознательным делом, могущим впоследствии привести к спасению русский народ. Эта проповедь, по мнению Хомякова, должна восполнить тот «недостаток сознания», который он обнаружил в Древней Руси, принявшей православие не «по разуму», а «по обряду», негативным последствием чего Хомяков считал разобщённость в русском обществе (дружина и земщина) и церкви (старообрядчество и никонианство).

Введение измерения сознания в сотериологию — характерный момент русской религиозной философии, что мы видим у Хомякова и что получило своё дальнейшее развитие у Вл. Соловьёва в учении о триедином стволе спасения — теократии-теософии-теургии. Но у Хомякова главным было легитимировать новую социальную инстанцию — светского мыслителя, апеллирующего к мистической церковности (1).

Хомяков говорит о невозможности для человека в пределах земной жизни освоить «полное сознание». Удивительно актуально в современном обществе и современной культуре звучат задачи светского проповедника, поставленные Хомяковым, — быть посредником отношения «дружины» (увлечёвшейся односторонним западным образованием) и «земщины» (механически исповедующей традиционное христианство). Духовная элита в лице светских интеллектуалов должна была, по замыслу славянофилов, контролировать и направлять разумные усилия тех «немногих или многих» государственных и церковных деятелей, которые, в свою очередь, управляли бы «неразумием» всех остальных. Конечно, эта стратегия не является простой проекцией гносеологических идей мыслителя на широко известную социологическую концепцию славянофилов, которая поставила бы в соответствие понятия воля/разум — земщина/дружина. Мы согласны с Чубаровым, который считает, что гносеологические и социологические анализы Хомякова подчинены скорее перспективе создания своеобразной социологии сознания как совершенно особой исследовательской стратегии.

Гносеологические и онтологические экскурсы Хомякова развиваются в сопоставлении с традиционными для того времени гегельянскими и шеллингианскими моделями философствования, получившими широкое распространение в России к сер. XIX в. Поэтому наиболее продуктивно на сегодняшний день рассматри-

вать идеи мыслителя в контексте современной философии желания и своеобразного «дискурса любви», имеющего своим конечным результатом прямое нравственное действие, осуществляемое на основе сознательно выстроенной религиозно-нравственной (коммуникативной) стратегии.

Основным оппонентом славянофильской философии (в лице и Хомякова, и Киреевского) является немецкая классическая традиция философствования с её генеральной стратегией власти — познания, из которой и на основе которой возникали уже и моральные, и политические, и даже мистические программы [7:13–37].

Нельзя сказать, что немецкая классическая философия не поднимала проблем, беспокоящих Хомякова. Например, идею собирания познавательных способностей — чувства, разума и воли — можно найти и у позднего Фихте, и у Гегеля, и у Шеллинга. Критику рассудочности трансцендентальной философии подробнейшим образом осуществил Гегель в большой и малой «Логике». Но отличительной особенностью и ключевым моментом славянофильства является *воля*. В отличие от гегелевской *der Wille* разумеющая воля Хомякова подвижна отнюдь не влечением к (само)познанию, присущим некоей транссубъективной духовной субстанции. Хомяковская *разумеющая воля* представляет собой скорее сознательно управляемое индивидуальное желание конкретного человека, который не нуждается ни в какой «духовной» субстанциальной поддержке (подпорке), чтобы волевать, напрямую соотнося свои воления с Божественной волей (Святым Духом), также отнюдь не в каузальном или диалектическом смысле, а в смысле коммуникативном, религиозно-нравственном, церковном. Другими словами, если у Гегеля воля характеризует мышление как стремящееся к познанию и в этом смысле представляет собой особый способ мышления (оно даже возникает из мышления), то у Хомякова воля первичнее мышления и, скорее, сама способна мыслить как «разумеющая воля».

Сильной стороной философских размышлений Хомякова является непонятное подражание Богу, когда вера предстаёт как функция воли. Как известно, Гегель тоже критиковал кантовскую философию за рассудочность, но рассудок не устраивал его не сам по себе, а за тот чисто формальный характер, который придал ему Кант. Хомяков также обращается к понятию рассудка, но не путём изменения «метода» с аналитического на диалектический, а *путём более*

фундаментального превращения всего дискурсивного порядка философии, придания ему «новых начал», т.е. область рассудка объять «цельным разумом», чтобы управлять и направлять его к принципиально иным экзистенциальным целям.

Отсюда открывается доступ к реальности бытия, к обоснованию принципиально других, нежели выработанных немецким идеализмом, антропологических моделей и, соответственно, альтернативного классическому образу самой философии и всего гуманитарного знания. Миссия последнего будет находиться скорее не в логико-гносеологической философской традиции с её уклоном в методологизм, а в парадигме экзистенциально-антропологической философской традиции, направленной на поиск адекватных жизненных (коммуникативных) стратегий, основывающихся на «законе любви». Философия в таком понимании, подчёркивал уже Киреевский, «есть не что иное, как переходное движение человеческого разума от области веры в многообразное приложение мысли бытовой» (2).

Размышления над тем, каким образом такой переход осуществить, были характерны для всей русской культуры и философии, для Хомякова в том числе. Эти же вопросы актуализируются в современных поисках новой эпистемы эпохи глобализации, которой придают значение транскультурного характера (3).

Особенность предфеноменологического дискурса Хомякова хорошо раскрыл И.М. Чубаров, выделив две различные ориентации его богословия — дескриптивно-феноменологическую и социально-провокативную. Любое понятие в конкретном тексте обретает помимо логического значения ещё и смысл, служащий денотатом уже для нового понятия. Тогда различные понятия в пределах одного предложения (или текста) могут различаться на уровне прямых значений, но быть идентичными на смысловом уровне, имплицитно новое понятие. Например, понятие «церковности» относится у Хомякова к числу провокативных понятий его дискурса. На событийно-смысловом уровне этому понятию у Хомякова соответствует интенсивная практика — интервенция дискурса мыслителя-проповедника в господствующие дискурсы церковной и гражданской власти. На уровне феноменологического описания сознания это событие имеет своего «агента» — автономный, «самозаконный» разум, используемый Хомяковым параллельно в своём дискурсе. Таким образом, различные по значению понятия «отвлечённого» и «церковно-

го» разума оказываются сводимыми по смыслу уже в концепте «всецельный разум». Денотатом последнего, т.е. тем, что оно обозначает, выступает их единый смысл. Единство смысла оказывается возможным только при предварительном разведении стилей — провокативном характере «церковности» и дескриптивно-феноменологическом происхождении «отвлечённого разума». Именно это разведение определяет различие значений упомянутых понятий разума, делая возможным их смысловое единство.

В этом и заключается концептуальный вклад Хомякова в критику «отвлечённого разума» (рассудка) как базового концепта идеалистических систем немецкой классической философии. Противопоставляя ему веру как высшую познавательную силу [7:21], он выходит на разные смыслы понятия «разум». В славянофильской философии понятие «отвлечённого разума» соотнесено с концептом веры, задающим новые дуальные серии понятий: веру как функцию воли и веру как мистическую способность религиозного сознания. Хомяков зачастую смешивает эти две серии в провокативных целях, но их различие прослеживается в его концептуальных идеях.

Учение Хомякова о «живом знании» и «цельном разуме», разуме «соборном» сводится к тому, что отдельный человек не может своими душевными силами (воля-разум-чувства), данными ему к тому же в отвлечении друг от друга, постичь некую «высшую истину». И только в соборном, совместном усилии, в единстве церкви «живых и мёртвых» его душевные способности собираются вокруг главной и самой фундаментальной из них — веры и, опираясь друг на друга, продвигаются в её познании.

Гетерогенность хомяковского текста выражается прежде всего в том, что разнородные его рассуждения принципиально несводимы друг к другу, не сливаются в единый дискурс, но находятся во взаимодействии друг с другом через вышеописанные гносеологически ориентированные понятия-фигуры (термин И.М. Чубарова). К таким понятиям относятся и «волящий разум», и «разумеющая воля», и «живознание». «Живознание» — типичное для хомяковского дискурса слово — служит не столько для связи «знания» и «жизни» как неких абстрактных моментов метафизической картины мира, что мы наблюдаем в философии жизни, сколько обеспечивает резонирование целого ряда сформулированных Хомяковым проблем. Поэтому «жизнь» у Хомякова не стоит интерпретировать как жизнь

разума, ибо сам разум рассматривается у него как одна из способностей живущего человека, занимающая локальное место в совокупности других его познавательных сил, направляемых верой и желанием (волей). Жизнь в этом смысле носит непонятный характер, превосходит подчинённую *ratio* область человеческого существования и даже вбирает эту последнюю в себя. Она полагает ей вполне определённое место наряду с эстетической, этической и телесной областями, каждая из которых получает свой смысл в непосредственной (церковной) связи человека с другими людьми и Богом, именуемой Хомяковым «общением любви».

Личностные и жизненные переживания служат у Хомякова источником экзистенциальных оснований концепции богословского знания и идентификации его религиозного опыта, который характеризуется особым ощущением и пониманием смысла православной традиции, особенно православных молитв и православного чудотворения (4). Нетрадиционные когнитивные построения Хомякова предвосхитили современные предметно-смысловые трансформации философского дискурса, пытающегося преодолеть кризис европейских наук на путях выхода в личностное измерение (5).

Уникальность богословского опыта мыслителя, как и познавательных подходов к его изучению, Самарин справедливо объяснял прежде всего цельностью личности Хомякова, в которой в полной мере проявилось единство ума и воли. «... Хомяков жил в Церкви (разумеется в Церкви православной, ибо двух Церквей нет)...». И далее эту особенность он разъясняет следующим образом: «...и это значит: во-первых, иметь в себе несомненное убеждение в том, что Церковь есть не только что-нибудь, не только нечто полезное или даже необходимое, а именно и действительно то самое и всё то, за что она себя выдаёт, т.е.: *явление* на земле бесприимесной истины и несокрушимой правды. Далее, это значит: всецело и совершенно свободно подчинять свою волю тому закону, который правит Церковью. Наконец, это значит: чувствовать себя живой частицей живого целого, называющего себя Церковью, и ставить своё духовное общение с этим целым превыше всего в мире...» [6:84].

Флоровский уникальность богословского метода видит в том, что «Хомяков исходит из внутреннего опыта Церкви... Он не столько конструирует или объясняет, сколько именно *описывает*. В этом и сила его. Как очевидец, он описывает ре-

альность Церкви, как она открывается изнутри, через опыт жизни в ней. В этом отношении богословие Хомякова имеет достоинство и характер свидетельства. Быть в Церкви — это необходимое предусловие богословского познания. Христианство познаваемо только изнутри. «Сие исповедание постижимо, так же как и вся жизнь духа, только верующему и члену Церкви»... Этот опытный характер богословствования у Хомякова отмечал ещё Самарин в своём известном «предисловии». «Хомяков выяснил область света, атмосферу Церкви. Именно в этом его историческая влиятельность и значимость» [5:274–275].

Богословские сочинения Хомякова, изданные впервые уже только после его смерти, в богословский обиход начали входить ещё позже. Недоверие и настороженность к хомяковскому подходу к Богопознанию вполне объясняются его новизной. Но это была новизна метода, подчёркивает Флоровский, но не новизна содержания. Это был призыв вернуться на «забытый путь опытного богопознания». Именно это ценили и ценят последующие поколения у Хомякова. Именно это в его богословии смущает приверженцев старого метода... В богословском наследии Хомякова всего важнее его «Опыт катехизического изложения учения о Церкви» (издан впервые только в 1864 году). Сам Хомяков написал ещё проще: «Церковь одна». Это сразу и тема, и тезис, и предпосылка, и вывод... Сразу же нужно определить тот «литературный тип», к которому этот катехизический «опыт» относится. Напрасно искать у Хомякова определений и доказательств. Он ставит себе и решает другую задачу. И ведь он исключает от начала самую возможность определять или доказывать с внешней убедительностью, связывающей и обязывающей также и неверующего. Хомяков отрицает самую возможность или надежду «доказать истину и дойти до неё собственной силою разума», — речь идёт о познании христианской истины. «Но силы разума не доходят до истины Божией, и бессилие человеческое делается явным в бессилии доказательств...». Хомяков сознательно не доказывает и не определяет, — он свидетельствует и описывает, подчёркивая, что вместо логических определений он стремится начертать образ Церкви, ключом к которому есть вера: «...христианское значение не есть дело разума испытывающего, но веры благодатной и живой» [5:275].

Новизна предложенного Хомяковым метода постижения богословского знания послужила причиной неоднозначной оценки его творче-

ства. Ю.Ф. Самарин, А.М. Иванцов-Платонов, Н.П. Барсов считали его выразителем подлинного «апостольского и святоотеческого духа богословствования» [4]. П.С. Казанский, А.В. Горский, В.Ф. Певницкий, П. Флоренский, С. Трубецкой обвиняли его в протестантизме и католическом уклоне [2]. Но принципиально важное значение в смысле пересмотра отношения представителей РПЦ к философско-богословскому учению Хомякова имела статья проф. С.-Петербургской духовной академии Н.И. Барсова «Новый метод в богословии» (1869), а также неоконченная работа прот. А.М. Иванцова-Платонова «Несколько слов о богословских сочинениях А.С. Хомякова» (1869). Барсов, например, высоко оценивает применяемый Хомяковым «философский метод» в богословских исследованиях, предполагающий *целостное историческое изучение религиозных явлений*. Иванцов-Платонов характеризует богословские сочинения Хомякова как «наиболее полное выражение широкой православной мысли». В последующем прот. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» напишет, что Хомяков был родоначальником «христианской философии» в России, что основополагающим принципом его философии явилось «живое чувство Церкви», а основной задачей — извлечь из идеи Церкви (в православном её понимании) основы философии и всей культуры. Таким образом, христианская философия Хомякова выступает, по мысли Зеньковского, своего рода «экклесиологией культуры».

Наиболее цельные и глубокие оценки бого-

словского творчества Хомякова встречаются у прот. Г. Флоровского в его работе «Пути русского богословия». Согласно Флоровскому, подлинная ценность и значимость богословских идей Хомякова заключается не столько в новизне содержания, сколько в *новизне метода, суть которого в «опытном богопознании»*. Хомяков исходит из внутреннего опыта Церкви. Он описывает реальность Церкви, «как она открывается изнутри, через опыт жизни в ней». Именно Флоровский был одним из первых, обративших внимание на экзистенциальные истоки богословского творчества Хомякова. В этом отношении он как бы конкретизировал мысль Бердяева о том, что «русская философия в наиболее своеобразных своих течениях всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования» [1:107].

Таким образом, близость философии Хомякова феноменологической парадигме заключается не только в признании автономной реальности бытия сознания с его внутренними пространственно-временными характеристиками, что получило дальнейшее развитие в творчестве М. Каринского и Вл. Соловьёва, но и в предвосхищении феноменологического различения интенции значения и осуществления значения в концептах «недосознанного» и «цельного» разума, а также в идее рефлексивности сознания как существенной характеристики его бытия. Многие идеи Хомякова послужили обоснованию и формированию в современной философии экзистенциально-феноменологического дискурса как особой эпистемы, актуализирующей теоретические концепты сохранения личностного начала.

Примечания

1. В работах современных философов Хомяков рассматривается не только как религиозный мыслитель, но и как *светский богослов*; см. подробнее: Хоружий С.С. Жизненный мир А.С. Хомякова: славянофильский этап творчества // Духовное наследие А.С. Хомякова: теология, философия, этика. Юбилейный сборник. Тула, 2003. С. 7–36; Холодный В.И. Соборная феноменология А.С. Хомякова // Там же. С. 188–208; Назаров В.Н. Теология Откровения А.С. Хомякова: единение в свободе и любви // Там же. С. 300–316.

2. Цит. по ст.: Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Антология феноменологической философии в России / Под общей ред. И.М. Чубарова. Москва, 2000. С. 35.

3. Об актуальности транскulturации как новой эпистемологической модели, основанной на динамическом многообразии транснациональных языков, дискурсов и традиций, вышедших на первый план в культурных процессах конца XX — начала XXI века см.: Тлостанова М.В. Критика западного образца глобализации в деколонизальном проекте // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2007. № 1 (13). С. 5–13; Философия в интеркультурном диалоге Востока и Запада. Москва: Изд-во РУДН, 2008.

4. Формированию особого богословского метода послужило весьма своеобразное и глубокое восприятие Хомяковым смысла и сути молитвы и чудес. Деятельная и личностная приверженность церковной молитвенной жизни видна из его письма к Аксакову: «...Труд для пользы других, бескорыстный (хотя отчасти), есть молитва, и молитва не только высшая, чем лепетание Славянских слов в уголке, перед Суздальской доскою, но высшая многих, гораздо более разумных молитв, в которых выражается какой-то загробный эгоизм более, чем любовь. Молитве, так сказать, нет пределов. Отрывать её от жизни, формулировать, заключать её в отыскании «середины точки» и проч., — всё это нелепо. Она цвет жизни. Как всякий цвет, она обращается в плод; но она не лезет со своим великолепным венком из лепестков и семенных пучков. Она

может возникнуть, как некоторые тропические растения; в обоих случаях у неё были жизненные корни. Кому в голову придёт отделить молитву Иисуса от его проповеди, от Его исцелений, от Его крестного подвига? Впрочем, всякое счастье нужно человеку и всякое даётся Богом: вспомните чудо в Канне Галилейской...» (См.: Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. Письма. Москва, 1900. С. 364).

Феноменологические интуиции Хомякова, пусть и не облечённые в понятийные выражения, хорошо видны из следующего отрывка: «...Я нахожу, что вы совершенно верно называете видимое чудо грубым проявлением воли Божией (точнее, проявлением для грубых). ... В этом мире воли Божией, свободной, ходит опять свободная наша воля, всегда свободная в себе, хотя всегда подчинённая высшей воле в отношении своего проявления или последствий своего проявления. Так, желающий вредить может помочь нехотя, и желающий помочь — вредить нехотя. Но воля Божия проявляется не для себя, а для разумного творения, человека, и когда воля человека, по своим чистым и святым побуждениям (всегда любви) совпадает с характером воли Божией (т.е. любви и святости), происходят новые явления, по-видимому, чуждые общему порядку вещей... Всякое явление мира физического есть только непонятое нами проявление — грамота — воли святой, Божией...» (См.: Хомяков А.С. Указ. соч. С. 252).

5. Развёртывание феноменологического познания в условиях постнеклассической науки потребовало внедрения в ход рассуждений антропологического и, более того, личностного измерения; см., например, такое направление философской мысли, как «реалистическая феноменология» (Антология реалистической феноменологии / Под ред. Д. Атласа, В. Куренного. Москва, 2006), посттрансцендентальную онтологию феномена Сафронова П.А. (Сафронов П.А. Онтология феномена. Москва, 2007), исследования антропологических оснований трансцендентальной аксиологии Бакуновой Я.В. и др.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Ленинград, 1991.
2. Горский А.В., прот. Замечания к богословским трудам Хомякова // Богословский вестник, 1900, ноябрь; Певницкий В.Ф. О богословии Хомякова // Труды КДА. 1870, февраль; Флоренский П., прот. Около Хомякова. Критические заметки. Сергиев Посад, 1916.
3. Мамардашвили М. Введение в философию. Курс лекций // Новый круг. Киев, 1992. № 2.
4. Самарин Ю.Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А.С. Хомякова // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. В 4-х т. Прага, 1867. Т. 2; Иванцов-Платонов А.М., прот. Предисловие к письмам А.С. Хомякова к В. Пальмеру // Там же; Иванцов-Платонов А.М. О богословских сочинениях А.С. Хомякова // Православное обозрение 1869, январь, 1870, февраль; Барсов Н.П. Новый метод в богословии // Христианское чтение, 1879.
5. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1983.
6. Хомяков А.С. в воспоминаниях современников. Тула, 2004.
7. Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Антология феноменологической философии в России / Под общей ред. И.М. Чубарова. Москва, 2000.

T.G. Chelovenko

PRE-PHENOMENOLOGICAL TRADITION IN THE CONCEPT OF THEOLOGICAL KNOWLEDGE OF A. S. KHOMYAKOV

The article is devoted to some peculiarities of Khomyakov's philosophic and theological discourse, which can be regarded as pre-phenomenological characteristics of Russian philosophy.

*Л.В. СТАХ, ассистент кафедры
теологии и религиоведения
Дальневосточного государственного университета*

КЕНОТИЧЕСКАЯ СОТЕРИОЛОГИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

В статье предпринята не бесспорная, но интересная попытка выразить некоторые аспекты христианского вероучения языком современной философии. В центре внимания — христианское учение о спасении. Автор приходит к выводу о возможности и перспективности выражения теологических категорий «Бог» и «человек» через философские соотносительные категории «целое» и «часть».

***Ключевые слова:* целое, часть, кенотическая сотериология.**

Как никогда ранее, в современную эпоху ощущается требование времени раскрыть дисциплинированному по западному образцу уму сокровища восточного умозрения, которые являются истоком русского православия. Истина вечна, но она должна иметь возможность быть узнанной, т.е. быть адаптированной к современному уровню восприятия и мышления. Особенности и определенные трудности междисциплинарных исследований в современной христианской теологии, в частности православной, заключаются в том, что современная православная теология не имеет четко выраженного языка, равно доступного теологизированному и секулярному сознанию. Таким языком может стать язык философии, он является универсальным средством достижения понимания религиозных истин для современного внерелигиозного человека и может быть широко применен в общекультурной деятельности с целью установления единого межконфессионального пространства и духовного обогащения человека постиндустриальной и постхристианской технической цивилизации. В связи с этим важен опыт перевода теологических истин на современный язык философии. Беглый обзор возможных результатов демонстрирует данная статья.

По авторской рабочей гипотезе, философская транскрипция (приведена в скобках) состоит в следующих положениях. В результате грехопадения (отрыва части/человека от целого/Бога, замыкания первой на своем частичном и оттого условном существовании) Бог не проникает все Своими энергиями (целое не структурирует в себе частное, вследствие чего частное в мнимой целостности не занимает подобающего ему места = частное, свободно упорствующее в нежелании интегрироваться в целое, остается недоступным проникновению энергиями целого) (состояние части, и так условное по причине сотворения мира «из ничто», сделалось тотально условным), все, наличествующее в падшем бытии, существует только при условии быть спасенным (за счет потенции интеграции в целое). Для исполнения этого условия Бог принимает падшую природу человека, становясь одновременно Богом и человеком в Лице Иисуса Христа (целое принимает на себя ограничение тотальной условности частного), причастием к Которому обуславливается «спасенность — обоженность — теозис» (обеспечивается возможность интеграции в целое каждой части, объединившейся с Ним, возможное сущее становится действительно сущим = тотальная условность снимается).

Обоснуем перспективы разграничения философских категорий целого и части. Гегель вводит характеристику силы для целого: «сила (есть) тождественное с

собой целое как в-себе-бытие и как снимающее это в-себе-бытие и обнаруживающее себя и, наоборот, обнаружение исчезающее и возвращающееся в силу» [2:303]. *Целое как сила* наиболее приемлемое для нас философское понятие целого, однако мы вносим коррективы: Бог как Сила, обнаруживая Себя, не может исчезать, но вечно обнаруживает Свои энергии, которые при истечении не отделяются от Него и потому не возвращаются к Нему. В дальнейшем мы будем рассматривать целое как нетварные божественные энергии, которые могут быть названы силами Бога.

Методологический принцип целостности сформулировал южноафриканский философ Я. Смэтс в формуле: «целое больше, чем сумма его частей», он трактовал целое как центральное понятие философии, *синтезирующее в себе объективное и субъективное, материальное и идеальное*, — это положение мы заимствуем [4:490–491].

Отметим специфические черты целостности: 1) целое — это сила, которая разделяется в некотором смысле на многие силы или энергии, но не перестает быть тождеством-с-собой, она вечно обнаруживает свои энергии, которые при истечении не отделяются от нее; 2) целое характеризуется возникновением нового в процессе развития; появлением новых типов целостности; возникновением новых структурных уровней и их иерархической соподчиненностью; 3) отличие органической целостной системы в том, что части не могут быть выделены из нее как внешне обособленные без утраты их новой природы. В этой связи мы будем применять категорию целого к Божественному бытию в его энергийном аспекте как сфере Отца, здесь мы имеем в виду проникнутость бытия нетварными Божественными энергиями, — это есть то, что святоотеческая традиция называет «жизнью в Боге». Категорию части же — к человеческому существованию в его падшей природе как сфере Сына. Связью, объединяющей предметы в целом, является любовь Бога к человеку как нетварная энергия и человека к человеку как отображение первой — это *кенозис* Богоснисхождения и Боговоплощения, объединяющий целое и часть посредством любви в Богочеловечестве Христа.

В нашем смысле целое не есть всеединство, оно объединяет лишь то, что волит проникнуться Божественными энергиями, что осознает частичность и тотальную условность своего существования и осуществляет практически первую фазу кенозиса (самоотречения от себя как кажущегося самодостаточным целого), т.е. желание интег-

рироваться в целое, запускающее динамический процесс кенозис — теозис, — это есть актуально-сущее целое. Между ним и только возможно-сущим или существующим на основании остаточной потенции интеграции проведен дуалистический разрыв, выражаясь теологическим языком, разрыв положен между бытием-с-Богом и бытием-без-Бога, «светом» и «тьмой». Часть может упорствовать в мнимой целостности: «именно в этом упорстве тьмы, в этом ее сокрытии себя от света заключается (...) ее имманентное *самообличение* (ее *суд*). Если бы тьма не противоборствовала свету, а (...) давала себя осветить, то ее встреча со светом означала бы тем самым ее исчезновение как тьмы, ее «просветление» [6:30]. Таким образом, и «небытие» имеет свободу «бытийствовать», разрыв между ними не онтологический, а энергийный.

Целое не есть сущность Бога. Познание сущности Божией в опыте через пронизанность бытия божественными нетварными энергиями было догматизировано на Соборе 1351 г. в связи с учением св. Григория Паламы, хотя он не сделал открытия, но имел задачей «развернуть» многочисленные суждения о Божием действии, которые уже имели место у свв. отцов. «Нет ни сущности по природе без энергии, — пишет св. Василий Великий, — ни какой бы то ни было энергии без сущности, и больше того, мы познаем сущность через энергию, имея для удостоверения саму эту энергию как показание (δείλωμα) сущности: ведь Божией сущности никто никогда не видел, но мы все равно достоверно знаем эту сущность через энергии» (1). Подобным образом высказывались и свв. Григорий Нисский, Кирилл Александрийский, Иоанн Златоуст и Кирилл Иерусалимский, — все они говорили о нераздельности сущности и энергии в Боге (2).

Теперь мы встали на другую исходную позицию преодоления расчлененности и обретения единения целого и части. Такая позиция обретается в Логосе, Личности или Ипостаси Иисуса Христа, в Его Богочеловечестве, где целое (Божественно-энергийное бытие) соединяется с частью (тотально условное существование падшей природы). Итак, целое, став одновременно и целым, и частью в Богочеловечестве Христа, обеспечивает возможность обретения целого для каждой части, свободно и добровольно объединившейся с частичным аспектом Личности Христа (Телом Христовым), и, таким образом, актуализировать динамический процесс кенозис—теозис, становясь целостной личностью, — это есть *суть церковного таинства Евхаристии*.

Все соотносительные философские категории можно представить через призму фундаментальных категорий целого и части. Сын Божий — Слово — Логос, умалаясь, соединил в Себе обе природы и являет одновременно единство фундаментальных категорий, вследствие этого оказывается возможной применимость универсальных категорий к Его Личности, а потому и к Богу [1:150–154], а также такое взаимоотношение соотносительных категорий, которое исключает их противоречия для верующего сознания и делает возможным путь приобретения человеком тех качеств, которые отображают божественные предикаты, т.е. путь обожения как осуществление главной и конечной цели человеческого существования.

Абсолютное (*absolutus*) как божественный предикат характеризуется следующими качествами: безусловное, независимое, безотносительное, самостоятельное, непреложное, само по себе сущее, несотворимое, вечное, всеобщее, неуничтожимое, самодостаточное, автономное от прочих форм, свободное существование; относительное (*relativus*) же как предикат тварного бытия — следующими: условное, преходящее, временное, порожденное, зависимое, изменчивое, обусловливаемое системой отсчета и оценок, несовершенное, преходящее, определяет явление в его отношениях и связях с другими явлениями и в зависимости от них. Соотношение абсолютного и относительного как целого и части характеризует меру проявления безусловного в условном, вечно-го во временном, совершенного в несовершенном, субстанции в акциденциях.

Раскроем некоторые качества абсолютного в соответствии с современной метафизикой. Бог есть «само бытие» (*ipsum esse*), бытие как принцип существования и содержания бытия уже не воспринято и не ограничено конечной сущностью, а пребывает в изначально чистой полноте в самом себе; тогда как все конечное сущее контингентно, последнее предполагает абсолютно необходимое бытие, тотально обусловленное. Если имеется само бытие, то все, что вообще возможно в содержании бытия или совершенстве бытия, сперва должно быть изначально действительностью в абсолютном бытии, и т.к. бытие есть принцип чистой позитивности и актуальности, которая не полагает ему никаких границ, то *само бытие по необходимости бесконечно*, — оно оказывается изначальноным единством и бесконечной полнотой всей действительности бытия и всего совершенства бытия. Из этого следует *единство и простота абсолютного бытия*, то, что оно может быть лишь одно, будь их два или более, оно имело бы в другом свою границу и оказалось бы конечным су-

щим. Само бытие может быть только одно, и потому оно также должно быть простым: простое — это то, что не имеет частей, поэтому оно неделимо (3) [3:211–212]. Таким образом, абсолютное бытие хотя и должно быть решительно простым единством, тем не менее не исключает множество и различность конечных сущих, именно осуществляя их, и осуществляя не только в конечном (тотально обусловленном) бытии посредством энергий, но и в собственном вечном бытии при условии желаний на то свободной личной воли, которая должна быть приведена в соответствие с волей абсолютной. Из простоты абсолютного бытия следует его *сущностная неизменность*, т.к. всякое изменение означает приобретение или утрату в содержании бытия, что опять ведет к конечности. Отсюда вытекает и то, что абсолютное бытие не должно быть подвластно времени и пространству, оно *сверхвременно*, ибо все, что пребывает во времени, контингентно; точно так же оно должно быть *сверхпространственно*, ибо если бы оно состояло из рядоположенности пространственных протяженностей, то должно было бы иметь части и быть делимым [3:212–213]. Абсолютная действительность подразумевает актуальную трансценденцию, последняя, в свою очередь, не абсолютна, эта трансценденция «вживлена» нам через причастие самоумалившемуся Богу. Современная философия признает Абсолютное как достигнутое чистое совершенство, реализовавшуюся бесконечность, самодовлеющую, самозаконную, трансцендентную, непостижимую, вечную, ничем не ограничиваемую и саму по себе непосредственно создавшую сущность, всецело противоположную миру отношений, где человеческое познание лишено моментов абсолютного, последний описывается в духе релятивизма. Такое противопоставление содержит логическое противоречие: характеристика самодовлеющего Абсолюта противоречит Абсолюту свободному и волеизъявляющему, т.к. изоляция есть форма несвободы; Абсолют предполагает его открытость иному бытию и погружение в мир отношений. Абсолютное может постулироваться как целое, созидающее свои части (отношения) и не сводящееся к их сумме.

Сущность (*haecceitas*) как абсолютная сущность Бога была уже нами описана, сущность как конечная, как «этовость»: совокупность сущностных свойств и качеств вещи, субстанциальное ядро самостоятельного сущего необходимо связано с явлением (*quidditas*), «чтойностью» — чувственно воспринимаемой характеристикой вещи, или «что есть эта вещь» [5:137–138]. Сущность и явление составляют конечное сущее — «я есмь», но я есмь не само бытие, я полагаю разли-

чие, выделяю себя из другого и знаю, что я ограничен в бытии так же, как и все другое, таким образом, я есмь конечное сущее (*ens finitum*), — это «обреченность» или «падшесть», по Хайдеггеру, эта подверженность конечности, тлению, смерти может быть преодолена только через теозис. Вместе с тем *haecceitas* как единство «по числу» дополняется его *quidditas* («чтойностью»), т.е. единством «по природе», роднящим его с элементами того или иного множества. И если *haecceitas* одна, то *quidditas* может быть сколько угодно в зависимости от системы отсчета (родового признака множества). Конкретное (*concretus*) характеризуется как: многостороннее, сложное, развитое, целостное, реально сущее, вполне определенное, точное, предметное, вещественное соотносится нами с целым как результатом интеграции всех изволивших частей в абсолютносущее («Бог — всяческая во всем»). Абстрактное (*abstractio* — «отвлечение, удаление») — это есть: сторона, часть целого, одностороннее, простое, неразвитое, этап движения самого конкретного — нераскрывшееся, нераз-

вернувшееся, неразвившееся Конкретное, соотносится с тотальной условностью существования части. Действительность (*energeia, actus*) — объективно сущее, наличное состояние предмета, конституированность в качестве фрагмента бытия, ставшая реальность как совокупность всех реализовавшихся возможностей, предметно совпадает с феноменом наличного бытия, при некоторой корректировке может быть соотносена с действием в мире божественных нетварных энергий. Возможность (*dinamis, potentia*) — объективно существующая тенденция изменения предмета, возникшая на основе закономерности его развития — тенденция становления как возможность теозиса.

Так соотносительные категории, рассматриваемые через призму категорий целого и части в рамках кенотической сотериологии, образуют непротиворечивый ряд, соответствующий динамическому процессу кенозис—теозис, чем обеспечивается возможность богословско-философского обоснования идеи кенозиса и процесса ее реализации в теозисе.

Примечания

1. Цит. по: Слова св. Василия Великого, приводимого в сочинении VII в. «Учение отцов о воплощении Слова», 14, 9: F. Diekamp (ed.). *Doctrina patrum de incarnatione verbi*. Mynster, 1907, p. 88. [Григорий Палама, свт. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М.: Канон, 1995. С. 359. Примеч. 36].

2. Согласно Соборному томосу, сущность и энергия характеризуются следующим образом. 1) Сущность и энергия в Боге имеют «богодостойное различие», они «различаются без расхождения» (*αδιάστατος διαφορά*) как существующее само по себе и не существующее само по себе; как причина и причинно обусловленное; как не допускающее причастность к Себе и допускающее причастность к Себе; как то, о чем говорится только в единственном числе, и то, о чем можно говорить и в единственном, и во множественном числе; как неизменное и именуемое. 2) Энергия есть нетварная и природная благодать и озарение, «неисходно выходящие» от Божией сущности. 3) Составности в Боге нужно при этом избегать отнесением и сущности, и энергии к единому Богу живому, «и после этого богодостойного различения прекрасно сохраняется Божия простота». 4) Можно прилагать к энергии имя Божества, совершенно избегая при этом двоебожия. 5) Сущность выше энергии. 6) Причастность к Богу есть причастность к Его энергии, а не сущности. 7) Свет Преображения не сотворен. Цит. по: Соборный томос.: PG 151, 732 A [Григорий Палама, свт. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М.: Канон, 1995. С. 367–368. Примеч. 54].

3. Это верно в том случае, если имеются в виду конечные части, т.к. состоящее из конечных частей само конечно, а потому контингентно; но если мыслить бесконечные части как обоженный человек, бог по благодати, обладающий всеми божественными предикатами, то такие части, объединившиеся с целым, интегрируются в целое без ущерба для простоты последнего.

Библиографический список

1. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. В 3-х томах/ Учение о сущности. Т.1. М.: Мысль, 1975.
3. Корет Э. Основы метафизики. Киев: Тандем, 1998.
4. Современная западная философия: Словарь. М.: ТОН-Остожье, 1998.
5. Фома Аквинский. Сочинения. М.: Едиториал УРРС, 2002.
6. Франк С.Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998.

Stakh L.V.

KENOTIC SOTERIOLOGY IN PHILOSOPHIC TRANSCRIPTION

The author makes a challenging effort to render some aspects of Christian faith using the language of modern philosophy. She focuses on the Christian concept of salvation. The author comes up with the idea that it's possible to replace theological categories "God" and "man" with corresponding philosophic categories "the whole" and "part".

*В.П. РИМСКИЙ, доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Белгородского государственного университета*

*О.В. КОВАЛЬЧУК, кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социальной работы
Белгородского государственного университета*

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГИЗМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Авторы рассматривают византийский тип цивилизации через призму культурного диалога светской и религиозной культуры. Показывается этико-аксиологический горизонт повседневной жизни византийца. Особое внимание уделено культурному диалогу Византии с католическим Западом и Русью. В статье делается вывод о существовании в Византии симфонической модели диалога религиозной и светской культур.

Ключевые слова: византийский тип цивилизации, культурный диалог, культурные синтезы.

Задача нашей статьи — охарактеризовать повседневность, культурный диалогизм и культурные синтезы в византийско-православном типе цивилизационных систем.

Почти во всех популярных учебниках по истории культуры или истории философии, а часто и по всеобщей истории существует громадная «дыра» почти в тысячу лет, именуемая Византийской цивилизацией. В истории философии «византийский след» обрубается на патристике, вершиной которой чаще всего объявляется Блаженный Августин, а о великих православных учителях Церкви, «Трех светочах Каппадокийской Церкви», утвердивших основные догматы веры христианской, — Василии Великом, Григории Богослове и Григории Нисском (где уж Иоанну Златоусту!) — вообще упоминают вскользь. Дионисий Ареопагит (для Запада он всегда будет «псевдо») и Иоанн Дамаскин, без которых немислима католическая схоластика, предстают как безродные греческие космополиты, не имеющие восточно-православного отечества. Никто не пытается даже объяснить, почему вершина католической философии в XIII в. совпадает с захватом крестоносцами части Византийской империи и ее столицы, а «заря Возрождения» — с окончательным падением Византии под ударами османов и бегством греческих интеллектуалов, философов и богословов в ближайшие итальянские пределы.

Во тьме новейшей схоластической книжности, подверженной европоцентристской систематике и модернизации, пропадают величайшие достижения человеческой культуры, будто их и не было. И лишь византинисты-ученые пытаются по археологическим артефактам и пыльным рукописным спискам реконструировать образ Великой Православной цивилизации, без которой не было бы возможно развитие всей западноевропейской культуры от средневековья до наших дней.

Запад не воспринял живого античного наследия и образованности — таковое наблюдалось именно в Византии. Католический Запад довольствовался лишь крохами неадекватной латинской учености, едва-едва собранной Боэцием, последним

римским патрицием. Католический Запад получил культурный эрзац античного наследия, доставшийся ему в крестовых походах от «сарацинов», которые создавали арабскую цивилизацию методом имитации эллинистической философии и культуры, доставшихся им почти в готовом виде на землях халифата после завоевания части Византийской империи.

Печально, что и многие отечественные историки культуры, философии и литературы, занимающиеся историей Древней Руси и началом Русской цивилизации, живое византийско-античное наследие, как и живой древнеславянский язык, доставшиеся нам в кирилло-мефодиевской традиции, вменяют нам чуть ли не в вину по причине нашей последующей якобы «отсталости от Запада». Расцвет Древней Руси в XI–XII вв., ее привлекательность для крестоносных завоевателей, прикрывавших богословской риторикой свои геополитические и экономические аппетиты, можно объяснить лишь тем, что уже тогда Русская цивилизация сделала заявку на прямое преемство от Византии как «православного первородства и чистоты», так и живого наследия античной культуры.

Лишь немногие философы, культурологи и историки, подобно А. Тойнби, смогли уловить эту сложную культурно-трансформационную диалектику преобразования Византийской цивилизации в восточно-славянский суперцивилизационный ареал во главе с Русью-Россией. Мы не намерены принижать великую католико-протестантскую культуру Западной Европы, которой Россия также многим обязана — и плохим, и хорошим. Мы хотим дать адекватную оценку и интерпретацию византийско-православного культурного наследия, реконструировать механизмы возникновения и повседневного бытования *культурно-типологического ряда византийско-православных цивилизаций*.

Для нашего исследования проблемную предметность следует несколько сузить до специфики культурного диалога в этом этнокультурном и этноконфессиональном ареале, временном и пространственном. Поэтому нас интересуют цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры в контексте византийско-православного течения и русского восточно-православного выбора. Но нельзя забывать и о нашей общехристианской, вселенской основе, внесившей культурные коррективы в судьбы отечественной цивилизации через диалог и культурные обмены с Западным миром.

Христианство, синтетически возвысившее до уровня духовности телесно-душевные интуиции античной образованности, было культурообразующей парадигмой и основой духовной жизни как в Западной Европе, так и в Византии. Уже к кон. IV в. оно утвердилось в качестве государственной религии империи Великого Константина, хотя языческий (особенно античный) «культурный подтекст» христианских цивилизаций сохранялся на протяжении всех столетий. Христианские верования, догматы и символы стали своеобразной знаковой системой эпохи: в них оформлялись не только сложные вероучительные и аскетические практики, богословские конструкции, образовательные технологии, но и вся христианская повседневность, труд и быт, жизнь и смерть, надежды и обетования. Крест как символ искупительной смерти Христа накладывался, как печать, на всю «знаковую телесность» светской культуры: чеканился на монетах, украшал императорскую диадему и одежды знати, ставился на купчих грамотах и частных письмах.

Физический космос, представлявшийся античному греку в виде «божественного тела», был также «христианизирован», стал в большей степени культурно-культовым Космосом, обрел символическую архитеконику «священной истории» и «священного пространства». Богословско-символические прообразы «аккультурации» и познания физического, тварного мира (природы) были заложены уже в Ветхом Завете. Важнейшая культурная задача человека, положенная ему Богом, функция называния, *категоризации, символизации и познания мира* провозглашена в первых главах Библии: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19). Поэтому весь компендиум натурфилософского и социального знания Византии, имевший *сакральную* санкцию, представлял собой *богословский синтез* античного знания, новых опытно-эмпирических приобретений из собственной цивилизационной практики, заимствований из ближайших культурных традиций (от арабов и латинян) и верований из мира народной религиозности. При этом следует отметить, что все античное или иноверное имело в восприятии правоверного православно-го сугубо *мирской* характер, как бы оно ни было укоренено в стихии языческой религиоз-

ности или мусульманской ортодоксии. Интересно, что и византийская ученость и образованность точно так же воспринимались на Арабском Востоке в качестве знания *светского*, хотя были основаны на христианском богословском фундаменте. Кстати, на этот момент светско-религиозного диалога в конфессиональном контексте мало кто обращает внимание.

Таким образом, *знания* сами по себе могли быть отнесены к разряду ценностей лишь с известными богословскими оговорками и соответствующими сакральными легитимациями. Их разделяли на истинные и ложные: истинные шли от Бога и сочетались с благочестием, ложные сближались обычно с «эллинской премудростью», «латинской ересью» или «сарацинским иноверием».

Знания византийцы считали ценностью лишь постольку, поскольку они приближали к познанию Бога и вечности, помогали человеку в его православной повседневности и вписывали мировоззрение и поведение христианина в Божественный миропорядок. Так, в руководстве по предсказанию погоды небесные светила носят уже не имена античных богов, но христианских святых — Святых Димитрия, Мины, Николая Мирликийского, Феклы. *Церковные праздники* рассматривались как основные вехи времени, как границы погодных периодов, как определяющие пункты начала и конца сельскохозяйственных работ — и тем самым человеческая повседневная жизнь как бы втягивалась в сакрально-временной ритм. Важнейшие праздники были связаны с воспоминанием об отдельных событиях сакральной жизни Христа и Богородицы: отмечалось Рождество и Обрезание Христово, Сретение и Крещение, Преображение, Воскресение и Вознесение Спасителя; отмечалось Рождество и Успение Богородицы, а также Благовещение и день Сошествия Святого Духа на апостолов. Недели были связаны с отдельными эпизодами евангельского предания (например, неделя Жен-мироносиц), дни — со святыми христианской церкви и даже часы дня, отбиваемые *биллом* в церквях и монастырях, объявлялись церковью применительно ко времени молитв [6:120–126]. Естественно, что основным авторитетом для каждого христианина (византийца в частности) было Священное Писание.

Поскольку христианство исходило из противоположности земного и небесного и рассматривало земное существование человека как краткий эпизод на пути в жизнь вечную, то основные ценности приобретали эсхатологическую окраску, они были ориентированы не на

землю — временное местопребывание людей — а на Царство Небесное. Отсюда вытекали две особенности, определявшие природу христианских ценностей:

- отношение к мирскому как к скоропреходящему и ничтожному;
- выдвигание в качестве основной жизненной задачи подготовку себя к смерти и к грядущему воскресению.

Представление о скоротечности и ничтожности земных благ в Византии оказалось как нельзя более соответствующим той социальной и геополитической нестабильности, которая была свойственна Византийской империи, находившейся в «оси напряжения» между различными цивилизациями. Христианский *идеал нестяжательства*, развиваемый восточными монахами-аскетами, мысль о тщете собирания земных сокровищ пронизывали всю византийскую повседневность, сколько примеров обратных, «стяжательных» мы ни приводили бы из практики правящей элиты или ничтожных низов — обыденные интересы и тех и других часто бывали далеки от христианского благочестия. И тем не менее *собственность* не входила в число приоритетных христианских ценностей, а христианство скорее примирялось с возможной потерей собственности, нежели объявляло ее неприкосновенной. При этом осуждению подлежало не само по себе богатство (оно — милость Божья), не собственность как таковая (она — дар Божий), но греховная жажда богатства, влечение и привязанность к собственности.

В отличие от собственности *труд* рассматривался в византийско-православной духовной иерархии как *основополагающая ценность*, как этический идеал повседневной жизни. Интересно, что благодатный труд изначально, *до грехопадения*, лежит в основании христианского понимания человека как творения Бога и творения человеческого — культуры, которая изначально несет в себе печать «богоизбранности» человека, данную ему Богом при творении. В Библии сказано: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15). Бог создал человека в этом мире, чтобы «возделывать» природный, тварный, — это была первая культурная роль человека, *миссия творческого освоения природы*, богоподобного мироправления.

Человеческая близость и *таинство брака* также были для православного человека сакрализованной ценностью. Брак объявлялся святыней, так

как он имел религиозную легитимацию в ветхозаветной традиции. «И создал Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Быт. 2:22). И далее: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:24). В этом состояла следующая культурная функция человека, установленная самим Богом, — таинство брака, союз мужчины и женщины, *функция воспроизводства, социализации и общения (коммуникации) человека*. Таким образом, в раю, до грехопадения, мы имеем Богооткровенный культ и Богооткровенную культуру, положенную Богом Адаму и Еве в Едемском саду при сотворении мира. И *основные ценности христианской культуры* — любовь к Богу, познание божественного мира и Бога, труд во славу Божию и божественный союз мужчины и женщины как высших творений Бога, ценность жизни человека как образа и подобия Бога и любовь к ближнему — определяли и до сих пор определяют и высшие творения человеческого духа, и простоту жизненной повседневности в ведущих культурах и цивилизациях христианского мира.

Однако в нашем греховном и неустойчивом мире эти основополагающие ценности порой представлялись весьма относительными, приобретали как бы «зеркальную перспективу» в человеческой повседневности, в человеческой слабости, которая всегда была благодатной почвой для искушений «князя мира сего». Но и сам грех, и его преодоление, возможность которого дана нам в молитвенной практике и в аскезе послушания, также имели сакральное освящение в библейской традиции.

Так, способность познания мира и таинство брака, имевшие в раю санкцию Бога, получали и греховную перспективу, так как именно в раю по наущению змея Адам и Ева вкусили от древа познания добра и зла и «узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3:7). Брак отныне получал не только божественную благодать таинства, но и аскетическую направленность *искупления греха*: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). Отсюда брал истоки аскетический (искупительный!) идеал монашеского безбрачия, или брачный союз, основанный только на духовной и человеческой близости, в котором стороны избегали полового общения. Идеал аскетического искупления греховности мира и человека тре-

бовал порой не только безбрачия, но и полного разрыва с родными и близкими в своей устремленности к Богу.

Отныне и смысл трудовой деятельности был не только в создании земных благ, ибо земные блага рисовались ничтожными, а оказывался ценностью еще и потому, что он воспитывал в человеке *самодисциплину* и аскетическое самоуничтожение, способствовал *преодолению гордыни* и лености, рождающих всевозможные пороки, и в конечном счете подготавливал к «воскресению мертвых и жизни будущего века». Аскетико-искупительный смысл повседневной трудовой деятельности также находил сакральную санкцию в Священном Писании. И эта функция трудовой деятельности связана с фактом грехопадения человечества в лице его прародителей: «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедовал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:17–19).

Жизнь человека как творение Бога получала сакральную легитимацию уже не только в ветхозаветной традиции, но и в самом факте теофании Богочеловека, как подтверждение Богодобия каждого из нас и свидетельство нашего возможного спасения через крестную Смерть и Воскресение Спасителя. Христианство свято сохраняло ветхозаветную заповедь «Не убий» и новозаветную заповедь Иисуса Христа «Любите врагов ваших». Но в мирской жизни правил «князя мира сего», и политическое убийство было столь же обыденным, как и повседневная вражда близких людей, а смертная казнь служила наказанием не только за уголовное преступление, но и за инакомыслие.

Кстати, подобное *буквальное прочтение* Священного Писания было доступно в первые века византийского православия почти всем верующим, так как большинство населения обладало основами грамотности, полученной в наследие от античной образованности. И здесь не нужны были какие-то особые богословские толкования. Весь смысл православных таинств и догматов легко проникал в самые интимные уголки человеческой души, а тем самым и в ментальные структуры и практики византийской повседневности.

Иными словами, *основные элементы повседневности* — собственность, труд, знания, человеческие связи и сама жизнь — имели как бы несколько измерений. Во-первых, во всей византийской аксиологической системе присутствовал *дуализм* божеского и человеческого, духовного и телесного, сакрального и мирского, священного и обыденного, светского и религиозного, аскетического и греховного. Но этот дуализм, а вернее *полифонизм*, в реальной жизнедеятельности человека преодолевался на *метафизическом уровне бытия в религиозном синтезе*, который утверждался путем молитвенной практики и социального служения всех византийцев Истине православного идеала, путем «снятия» этого *видимого дуализма в духовном синтезе* частной жизни и *культурном синтезе* имперского бытия.

Диалог светского и религиозного утверждался в православном смирении и благочестии, в ощущении собственной греховности и духовно-душевно-телесном подвиге (пост, воздержание, ночные бдения), в размышлении о Боге и молитвенном общении с Ним. Соответственно этому основным ценностным критерием оказывалась душеполезность и богоугодность. Всякое явление действительности расценивалось с этих позиций — является ли оно душеполезным и богоугодным или нет, подготавливает оно человека к спасению, к Царству Небесному или, наоборот, мостит ему дорогу в ад.

Господствовавшее в Византии мировоззрение, подчеркивая примат духовного над телесным, отнюдь не содержало в себе осуждения плоти как таковой, что было характерно для гностико-манихеев (в Византии это прежде всего павликанская ересь). Византийцы сохранили интерес к плотскому и, соответственно, трансформировали *античные традиции в трактовке тела* людей и животных. Внимание и интерес к плоти и телесным практикам объясняются прежде всего тем, что для православного человека *плоть, как и душа, — создание Божье, образ и подобие Бога, храм божественной души*. Ведь человек для византийца, как и для грека классической поры, — Микрокосм, малая Вселенная, отражающая в себе не только совершенство большой Вселенной, сотворенной Богом, но и совершенство самого Творца.

Аскеза предполагала не только телесные практики, но и молитвенное единение с Богом. Здесь нет никакой двойственности, столь свойственной дуализму гностико-манихеев. Ведь и монашеский подвиг искупал не столько греховность тела, сколько греховность души, преступившей запре-

ты Бога на вкушение плодов добра и зла, исполнившейся гордыни «гносиса», внушенной змием-дьяволом. Интересно, что телесный и духовный аскетизм монахов приводил к тому, что по продолжительности жизни с монашествующими могли сравниться только элитарно-господствующие слои. Смирением телом Господь даровал и долгую телесную жизнь. И никогда чрезмерная аскеза мирян, искание монашеского подвига в миру не поддерживались церковью — ведь здесь гордыня на грани с гностической ересью, так как именно гностико-манихеи объявляли аскезу доступной и необходимой для мирян, *тотальной* в своей повседневной обыденности. Что и позволяет нам рассматривать гностико-манихеев как культурно-религиозную парадигму как современных тоталитарных сект, так и всех феноменов тоталитаризма [8]. Да, христианство признавало момент трансцендентального дуализма земного и небесного, материи и духа, но искало сакрального преодоления этой противоположности именно в Боге, в факте тварного единства и мира (видимого и невидимого), и человеческой души, и человеческой телесности.

Можно проследить, как вся система убранства, символики и молитвы в византийском храме связаны с *теодицеей* византийского Православия — идеей преодоления разрыва земли и неба, *идеей снятого дуализма*. Например, икона была для византийца не идолом, но образом и подобием Божественных образов, символом мира невидимого, его *явленностью* в нашей грешной действительности. Внешне материальная, созданная из досок и краски (а в творении участвовал и растительный, и животный мир, т.е. материя, созданная Богом), она тем не менее была сопричастна изображаемому и служила, таким образом, средством, связывающим земное и небесное, окном в божественный мир. Но поскольку Бог предельно удален от человека, от земного бытия, икона была ориентиром на пути к горнему миру, к идеалу. Икона, созданная по канону, была зримым воплощением правильного восприятия христианского учения, духовным ориентиром в мире большой Вселенной и внутри самого человека [7].

Все сказанное о мире православной религиозной жизни в ее аксиологической иерархии и горизонтали повседневности позволяет нам заключить, что в Византии синтез мирской и церковной культуры — по крайней мере в ее классический период, до падения Константинополя в 1204 г., когда уже католический Запад вступает в период расцвета — ощущается сильнее, чем на Западе,

да и сам диалог Бога и человека в культовой практике более «демократичен».

Если воплощение Сына Божьего, согласно христианскому учению, создавало возможность спасения, то культ означал реализацию этой возможности. Следовательно, спасение осуществлялось через богослужение, через литургию, через таинства, и потому Церковь (как Тело Христово, но не социальное учреждение) брала на себя представительство и помощь в деле спасения. Еще одна особенность религиозной культуры Византии состоит в том, что этот принцип никогда не подчеркивался в Византии с такой энергией, как на Западе, однако он существовал и здесь, хотя и порождал разного рода сопротивление, которое оказывали еретические движения.

Для нас представляется важным остановиться на проблеме взаимоотношения православной культуры Византии и антисистемных сект. Прежде всего, несколько замечаний относительно сект, существовавших в Византии.

Ариане, пытаясь преодолеть противоречивость природы Христа, объявляли его тварью, хотя и «совершенным творением». Они считали его особенной, будто бы отличной от Бога сущностью, подобием Бога, чья божественность — приобретенная, данная ему Богом-Отцом. *Несториане*, упоминавшиеся выше, также отвергали имманентное единство сына Божьего, но не с Богом (как ариане), а с человеком. Они признавали Христа лишь человеком, с которым Сын Божий якобы пребывал в относительном соединении. В обоих учениях предметом критики становится понятие Богочеловека: Арий превращает его в божество, промежуточное между Богом и людьми, Несторий расчленяет его на Бога-Сына и человека Иисуса, связь между которыми оказывалась относительной, временной. Основной тезис *монофиситов* сводился к тому, что после воплощения сына Божьего в человеческом образе Иисусу Христу присуща одна божественная природа: пострадавшим за человечество и распятым оказывался в таком случае не Богочеловек, а сам Бог.

Павликане (ересь зародилась на восточных границах Византии в VII в.) критиковали существующее церковное устройство, но принимали некоторые догматы и священные новозаветные книги. Они отвергали, включая все это в понятие «земного» и сатанинского, почитание креста, видя в нем орудие казни Христа, культ святых, иконы, таинства, иными словами. Принципы павликанства были использованы болгарскими еретиками — *богомилами* (возникли в X в.). Богомилство, рас-

пространившись по Византийской империи, представляло собой еще более последовательное отвержение «земного», сатанинского, по их мнению, начала, вплоть до призыва прямого неповиновения властям. Богомилский аскетизм был еще более суровым, осуждение «маммоны» — еще более гневным.

Более скрытый антихристианский характер носило так называемое *иконоборчество* — религиозное и политическое движение, развернувшееся в VIII–IX вв. и поддержанное византийскими императорами в своих ограниченных политических интересах. Также обращенное против церковной монополии, оно было направлено на то, чтобы материально и политически подчинить церковь государственной власти: материально — потому что сопровождалось изъятием церковных ценностей, политически — потому что объявляло василевса главой византийской церкви, предлагая *вместо симфонии* светской и духовной власти — *цезарепапизм*, т.е. полное подчинение Церкви светской власти (какая параллель с деятельностью российских императоров и даже большевиков!). Иконоборцы якобы выступали за очищение христианства от еретических нововведений, за возвращение к ветхозаветным нормам, запрещавшим идолопоклонничество. Почитатели икон, по их мнению, неминуемо приходят к ереси, поскольку икона могла изображать либо одну человеческую природу Христа, — но тогда художник впадал в несторианство, отделяя человеческое в Христе от божественного; либо же его божественную природу — здесь художник оказывается монофиситом, допуская слияние двух натур. Следовательно, по логике иконоборцев, Христос не мог быть изображен на иконе, изображение оказывалось идолом. Иконоборцы отвергали мысль, что икона является образом божества, через который верующий способен прикоснуться к сверхъестественному (иконоборчество после длительной борьбы было осуждено в 843 г.).

Во всех этих учениях чувствовалось влияние *гностики-манихеев*, псевдохристианского учения, возникшего на периферии эллинистической цивилизации в момент ее христианской трансформации. Манихейство, объявляя зло началом столь же самостоятельным и исконным, как добро, связывало его с материей, а добро — со светом как духом. Манихейство считало мировую историю борьбой света и тьмы, добра и зла, бога (богов в их путаной и эклектической теогонии зачастую было несколько) и дьявола. При нападении тьмы на свет часть света была полонена

тьмой. Смысл последующей истории — в освобождении полоненного света. Согласно манихеям, человек двойствен: творение дьявола, он сотворен все же по образцу небесного «светлого первочеловека» и заключает в себе элементы полоненного тьмой света. Евангельского Христа они считали лже-Христом, вторгшимся в дело настоящего Христа, который не воплощался и не сочетал в себе природы Бога и человека.

Естественно для того времени, что византийский закон подвергал дискриминации еретиков, разрушителей самих основ цивилизации. В главных сборниках права рассматриваемого периода — Эклоге, Исагоге, Василиках — последовательно закрепляется положение о том, что евреи, язычники и еретики не могут быть приняты ни на гражданскую, ни на военную службу [5:57]. Однако *гонения* на павликан и других еретиков, насильственное их обращение в христианство были скорее *исключением*, чем правилом, ибо они расходились с византийским гражданским и церковным законодательством, противоречили самому духу православной любви и милосердия. Современными словами можно сделать вывод о *толерантности* по отношению к инакомыслящим.

Византийцы, естественно, пытались законодательно и практически (путем переселений) оградить массы от влияния еретиков, но серьезные конфликты места не имели. Об этом говорит сам факт долгого существования самостоятельного павликанского государства на кавказской периферии Византии. Да, византийский закон подвергал дискриминации также и евреев. Но при переходе еврея в христианство с него снимали все ограничения и запрещалось третировать его за прежнюю веру. «Отношение византийцев к евреям, как, впрочем, и к другим иноплеменникам, было амбивалентным. Вспышки враждебности, конечно, имели место, однако империя не проводила «этнических чисток» и гонения на евреев» [5:58]. Затем это повторится и в православной Руси, которая вплоть до раскола XVII в. фактически не знала гонений на еретиков и инакомыслящих, а еврей, принявший православие, становился полноправным гражданином империи.

Все это лишний раз подтверждает большую способность православной цивилизации как к внутрисистемному диалогу, так и к контактам и взаимопониманию даже с враждебными духовными общностями. Важным для нас является рассмотрение *межкультурных диалогов* Византийской империи, поскольку здесь мы можем найти как исторические варианты пло-

дотворного культурного диалога светского и религиозного элементов, межконфессионального и межцивилизационного культурного диалога, так и варианты внутрикультурных и межкультурных конфликтов, порождающих, в свою очередь, конфликты светской и религиозной культуры, в которых и крылись корни секуляризации.

Прежде всего, рассмотрим диалог Византийской империи с «латинским» Западом. Здесь необходимо отметить, что в V–VI вв., после распада единой Римской империи, население этой некогда единой цивилизации еще не ощущало резких отличий в привычном распорядке культурной жизни. Общими оставались вера, нормы права, социальная система, институты власти, государственный язык (латынь). Чиновники с равным успехом строили карьеру и там и тут. Однако уже чувствовались признаки нарастающего отчуждения между Восточной и Западной империями. В Константинополе, в сущности, перестали питать интерес к ходу событий в Риме, оказавшемся во власти «варваров». С этого времени политическое и идеологическое влияние Константинополя становится безраздельным — он представлял теперь столицу *единственной империи* как законной преемницы Римской в христианской ойкумене. Общий уровень образования и культуры оставался, как и прежде, более высоким на Востоке. Несмотря на появление на Западе «варварских» государств, вплоть до подъема Франкского королевства, Византия здесь воистину «разделяла и властвовала». Она рассматривала правителей бывших провинций империи как своих наместников, которые нередко сами в VI–VII вв. признавали патронат императора, чтобы получить от него регалии власти и титулы. Что же касается «западных варваров», оказывавшихся в пределах империи, то империя активно привлекала к себе их знатную верхушку, открыв ей доступ в высшие слои общества. Влияние же самих «варваров» на империю захватывало в этот период лишь бытовую сферу культуры (появилась мода на штаны, сапоги, плащи, новые прически, виды мебели). Влиянию «варваров» было обьязано также заметное огрубление нравов общества и упрощение как латыни, так и эллинской речи [11:81–104].

Культурные взаимодействия Запада и Византии в средневековую эпоху (VII–XII) развивались на основе широкого спектра отношений — в сферах политики, экономики, религии и искусства. Несмотря на политическое и религиозное отчуждение (две различные ветви христианства стали

основанием духовной и культурной самоидентификации Востока и Запада), нельзя отрицать, что исторические судьбы европейского мира все-таки были едиными. Запад и Восток были связаны сетью объективных зависимостей, и происходящее на Западе неизбежно вызывало ту или иную реакцию на Востоке, и наоборот. Известно, что в VII–XII вв. Византийская цивилизация по большинству параметров превосходила западноевропейскую. Философия, общественная мысль, политическая мысль, наука, образование, искусство — это области, где Византия в то время, безусловно, «задавала тон». Наконец, Византия не пережила столь трагического и болезненного разрыва с античностью, как Запад. Она в течение всего средневековья оставалась хранительницей античного наследия, источником, откуда шли на Запад мощные импульсы культурного влияния, что и позволило назвать ее «главным европейским учителем».

Отметим, что на протяжении всего средневековья наиболее тесные связи с Византией — политические, экономические, культурные — поддерживала католическая Италия. Этому способствовали объективные обстоятельства: наряду с Грецией Италия являлась колыбелью великой античной цивилизации, прямой наследницей которой в средние века выступала Византия. Вхождение значительной части Апеннинского полуострова в состав Восточной империи, общие культурные традиции, господствующие идеологические доктрины делали Италию особенно восприимчивой к византийской культуре. К этим факторам добавлялись конфессиональные взаимосвязи, этнические взаимовлияния и просто географическая близость двух цивилизаций. В годы византийского господства в Италии поселилось немало византийцев. Они селились преимущественно в городах и вливались в привилегированные слои городского населения: это были чиновники и военные, духовенство и представители свободных профессий — юристы, врачи, художники и довольно многочисленное греческое купечество. Несмотря на то, что их удельный вес в демографической характеристике страны был невелик, тем не менее их влияние на культурное развитие Италии было значительным.

Следы византийского воздействия обнаруживаются в самых различных сферах культуры стран Запада. Распространившаяся во всей Европе литургическая драма пришла на Запад из Византии. Столь важный для католической литургии музыкальный инструмент, как орган, был изобретен в Византии и использовался там во

время пиров, дворцовых приемов и цирковых процессий. В отличие от Византии, где орган был сугубо *светским* инструментом, в Западной Европе он стал неременным «участником» христианских *религиозных* церемоний (пример проникновения элемента светской культуры в культуру церковную другой страны). Католическая литургия содержала отдельные греческие слова и фразы (мы находим в этом *межкультурный диалог* и взаимодействие церковных культур Запада и Византии). Сходство католической и православной литургии, конечно, объясняется прежде всего общностью христианских корней. Однако нельзя забывать и о культурных связях с Византией. До сих пор в римских соборах можно услышать песнопения, начинающиеся греческими словами («*Hagios athanatos eleison hemas*» — Святой, бессмертный, помилуй нас) (Wellesz E. *Eastern Elements in Western Chant*. Oxford, 1974. P 201.) [10:132]. Это «римейк» нашей православной молитвы «Трисвятое». Византийская культовая практика также оказывала определенное влияние на *духовную жизнь* Европы. Именно из Византии распространяется в странах Запада почитание священных реликвий и мощей. Один из римских пап-греков Сергей I (687–701) вводит в Западной церкви торжественное празднование Благовещения, Успения и Рождества Богородицы.

Византийская культура питала на Западе не только религиозную духовность — она входила и в *светский быт*. Например, для Италии, особенно для Венеции, Византия вплоть до XII в. была законодательницей моды в одежде. Не только в Италии, но и во всей Юго-Западной Европе скарамангий — парадное византийское одеяние — стал прототипом костюма знатного всадника-рыцаря. Дома аристократов в итальянских городах Адриатического побережья имели женские половины — гинекеи (еще одно прямое наследие классической античности). Интересно, что благодаря влиянию Византии в среде итальянской знати поддерживалось обычное регулярно мыться в бане, чего не наблюдалось на северо-западе Европы вплоть до Нового времени. Например, в Германии византийская принцесса Феофано сначала шокировала придворных своего жениха Отгона II привычкой принимать ванну. Однако и у нее вскоре появились последователи.

В целом, если говорить о быте народов Западной Европы, следует признать, что лишь узкий круг аристократов испытал здесь в какой-то степени воздействие византийской цивилиза-

ции. Естественно, что влияние византийской культуры было более интенсивным там, где был выше уровень образованности широких слоев населения, а следовательно, было более осознанным и восприятие византийских духовных достижений, их переосмысление и приспособление к местным условиям. Именно поэтому воздействие Византийской цивилизации было гораздо более значительным на представителей господствующего класса, чем на широкие слои населения, ведь известно, что распространение и усвоение достижений науки и культуры сопредельных государств возможно только при определенных обстоятельствах, прежде всего при наличии образованных людей, которые могли бы усваивать и перерабатывать воспринятое, приспособляя его к условиям своей страны. Иными словами, воссоздание истории становления европейской цивилизации немислимо без учета византийского вклада.

Нужно отметить, что характер культурных связей Запада и Византии приобрел иную тональность после разгрома империи крестоносцами в 1204 г. При этом, с одной стороны, культурный обмен в светской, официальной и бытовой сфере усилился при непосредственных военных и мирных контактах, с другой — он стал еще менее возможным в идеологизированных областях культуры, символизирующих главные духовные ценности стран-неприятелей (прежде всего это касалось религиозной культуры).

В Никейской империи, как и в других концах бывшей Византии после 1204 г., имел место взрыв ненависти к латинянам. Однако именно в «никейскую эпоху» — эпоху перехода к сословному обществу зрелого феодализма — в жизненную практику высших слоев империи вошли западные ордалии, рыцарские судебные поединки и турниры, отпущения грехов перед битвой, которые были введены патриархом в 1208 г. по примеру католической церкви. И хотя отпущение грехов Православной Церковью противоречило всей византийской традиции, однако ввиду того, что латиняне составляли в этот период значительную часть наемного византийского войска, этот обычай был введен [4:210]. Это был пример *диалога церковных культур*. Существенно усилилось влияние Запада в военной сфере, а также увеличилось количество бытовых реалий, проникших в жизнь византийцев с Запада вместе со множеством латинян, несших военную и гражданскую службу в войсках императора Никейской Византии.

Западное влияние отразилось и на религиозных представлениях. Хотя подавляющее боль-

шинство населения было настроено враждебно по отношению к латинянам и их верованиям, многие образованные представители никейской знати стремились к уменьшению антагонизма, а в конечном итоге — и к унии Православной и Католической церковью (богословские труды Георгия Акрополита и Никифора Влеммида) [4:214]. Вероятно, элементы западных реалий не ограничиваются вышеприведенными примерами. Таким образом, несмотря на глубокий антагонизм, который разделял после 1204 г. греков и латинян, восприятие западных культурных реалий Никейской империей органично вошло в культурный обиход формирующейся греческой народности.

Можно отметить, что культурное взаимодействие Западной Европы и Византии, принимавшее самые различные формы и переживавшее периоды подъемов и спадов, в раннем и развитом средневековье было тем не менее постоянно действующим и творческим фактором развития европейской культуры. Роль этого фактора, конечно, особенно велика в трансляции на Запад достижений античности. При всей сложности культурных, конфессиональных и в особенности политических взаимоотношений византийского Востока и латинского Запада, они существовали, обогащая друг друга, как две подсистемы одной структуры — христианской средневековой суперцивилизации.

Говоря о культурном взаимодействии Византии и Восточнославянских православных культур, а также Византии и Древней Руси, необходимо прежде всего отметить, что Восточнославянские православные культуры выступали в этом диалоге в качестве культур-реципиентов (т.е. являлись принимающей стороной). Целью Византии было прежде всего обращение этих стран в христианскую веру и организация института церкви, подчиненной Константинопольской патриархии. Славяне-неофиты, которые плодотворно заимствовали достижения византийской культуры (например, посредством византийской школы), предметом главного интереса считали не античное культурное наследие, а основы христианского православного вероучения, форму организации церкви и, конечно же, правила монастырской жизни, поскольку значительную роль в культуре Древней Руси домонгольского периода играли прежде всего монастыри.

Здесь мы хотели бы упомянуть еще об одной проблеме: взаимодействии языческой и христианской культур. На почве диалога христиан-

ства и язычества складывались два встречных процесса — христианизация язычества и поднятие язычества до уровня духовности христианства, обусловившие взаимодействие и взаимопроникновение двух мировоззренческих систем. Фактически здесь осуществлялся *перевод* с одного, *своего* языка культуры («язык язычества») на другой, *чужой* («язык христианства») и обратно [9: 154–155]. Данные переходные, *синкретические формы* не составляли исключительного своеобразия Древней Руси: подобные явления наблюдались и в западноевропейском средневековье. В такие периоды устанавливались относительно кратковременные переходные культурно-исторические системы — *двоеверия*, обычно довольно быстро изживаемые национальными культурами (при сохранении отдельных пережиточных черт язычества в низовых формах народной культуры в течение длительного времени) и не сказывающиеся на типе формирующейся цивилизации [2: 109 и сл.]. М. Элиаде назвал это «*политикой ассимиляции язычества*»: «Для крестьян Восточной Европы такое положение вещей было вовсе не «оязычиванием» христианства, а, напротив, «*охристианиванием*» религии их предков» [12: 171–172]. Отметим, что и на Западе, и на Руси элементы двоеверия были характерны и для духовенства, поскольку приходские священники избирались общиной (миром) из крестьян и, следовательно, оставались носителями той же традиционной культуры. «Церковный приход — первичная ячейка, где формировалась и организовывалась духовная народная культура» [3: 668].

Вообще приходской священник — одна из ключевых фигур русской культурной жизни. Он передавал свои знания детям, обучая их богослужебной практике и грамоте. Белое духовенство глубоко проникало в повседневную жизнь мирян, неся в народные глубины православное понимание. Такой «долгосрочный» подход предполагал бережный и неспешный доступ к человеку, сохранявшему в душе языческие reminiscences. Но главное, эти иереи умели совершать богослужение — путем ли грамоты или даже наизусть.

На наш взгляд, двоеверие для Древней Руси не является отличительной чертой и формой диалога мирской и религиозной культур. Само фиксирование этого феномена уже исследователями дореволюционной России было вызвано не столько внутренними научно-гуманитарными проблемами, сколько внешними, полити-

ческими. Можно с достаточной долей уверенности заявить, что культурно-историческая модель диалога светской и религиозной культур русского православного средневековья была близка не только модели византийского Православия, но и средневековой цивилизации Западной Европы. Русская народная (православная) религиозность во многом была культурным аналогом диалогичности западно-католической народной религиозности.

Мы позволим себе *предположить*, что преимущество антично-святоотеческой составляющей Русской цивилизации не через имперско-консервативную византийскую традицию, а путем наследования более *открытой*, Кирилло-Методиевской (православно-инновационной) традиции, признанной помимо Византии и «латинским» Римом, и католическим славянством, и Германией, обусловило специфику *русской модели цивилизационного диалога* (во всех его типах и модальностях) вплоть до наших дней. На наш взгляд, это породило, с одной стороны, чрезмерную *вертикально-историческую и вертикально-диахронную диалогичность русской культуры*, ту ее «всемирную отзывчивость» и даже излишнюю открытость (до полной имитации чужих культур), которой так любят спекулятивные псевдопочвенники и над которой так иронизируют инфантильные псевдозападники. Чего нам всегда не доставало, так это как раз *горизонтально-исторического и внутрикультурного, системного диалогического дискурса*. Мы никогда не могли и не можем понять, кто мы такие и куда идем. Мы не научились слушать друг друга как в пространстве повседневности, так и во времени нашей истории.

Это наложило отпечаток и на специфику отечественного светско-религиозного культурного диалога. Это задавало и задает те культурно-исторические модификации российского *менталитета и хронотопа*, формы *высокой культуры и структуры повседневности*, которые дают о себе знать не только в нашей истории, но и в современности. Таким образом, мы можем сделать вывод, что на Руси христианство не «опускалось» до уровня язычества, а, наоборот, происходит *возвышение* язычества до уровня христианства, включение высших достижений языческой культуры в православный культурно-цивилизационный контекст. Народное православие и стало своеобразным синтезом христианских и языческих представлений.

В результате рассмотренных межкультурных коммуникаций Византии с другими странами возникает еще один вопрос: почему в процессе взаимодействия с культурами других стран и народов цивилизация Византии обнаружила гораздо большую устойчивость и, не чуждаясь в течение многих веков восприятия элементов чужой и отдавая (вольно или невольно) еще больше своих культурных ценностей, не утрачивала никогда присущей ей оригинальности?

На наш взгляд, решающим среди факторов, обусловивших относительную однородность культуры Византии, являлось, по всей вероятности, государство, непосредственно унаследованное от римской античности. Именно от него во многом зависели судьбы как античного культурного наследия, так и самого христианства, так как оно в лице политической и культурной элиты в значительной мере определяло пределы отбора и адаптации этого наследия. Государственная власть обеспечила также и самую победу христианства, сделала его государственной религией, подавила ереси, создала единую церковную организацию и превратила церковь в своего верного союзника, нуждающегося в постоянной опеке государства. Доктрина римской государственности и сакрализованная идея «единственного Божьего царства на земле» — *Римской империи* — легли в основу политической жизни ее подданных и стали одним из важнейших факторов самосознания византийцев, второй их натурой, источником их нравственной силы и патриотизма, неотъемлемым элементом их мировосприятия до конца существования империи.

С.С. Аверинцев отмечал, что «две силы, внутренне чуждые миру классической древности и в

своем двуединстве составляющие формообразующий принцип «византизма», — императорская власть и христианская вера возникают почти одновременно. Византийские авторы любили отмечать, что рождение Христа совпало с царствованием Августа» [1:57]. Окончательное воцарение единого всевластного цезаря, императора означает соответствие буквальному низведению Царства Божия на землю — в форме самодержавного единовластия, осознается как материальный, политический аналог всемирной власти Христа, как воплощение идеалов христианства.

Итак, в Византийской империи имела место основанная на веротерпимости и толерантности *симфоническая цивилизационная модель диалога религиозной (церковной) и светской, мирской культуры жителей Византийской империи*, т.е. культура религиозная не подавляла и не пыталась подавить мирскую. Диалог светской и религиозной культур происходил внутри единой культуры Византийской империи, и проявлялось это во всех сферах жизни. Симфония существовала, даже несмотря на имевший место конфликт внутри церковной культуры между истинным Православием и богословскими ересьями, поскольку он не принимал тех антагонистических форм, которые мы находим на католическом Западе, особенно в период инквизиции. Важную роль в существовании симфонии сыграла государственная власть. Поскольку Византия явилась «крестной матерью» Древней Руси, то подобная модель диалога культур легла на славянскую почву. При этом основным фактором модели диалога светской и религиозной культур в России также оказалось государство.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
3. Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси (XI–XIII вв.) // Из истории русской культуры. Т.1 (Древняя Русь). М., 2000.
4. Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии в социально-политической и духовной жизни Никейской империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей. СПб., 1999.
5. Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей. СПб., 1999.
6. Каждая А.П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997.
7. Колесник В.Н. Русская икона как духовная модель Православного культурного космоса: Автореф. дис... к. филос. н. Белгород, 2002.
8. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997.

9. Толстая С.М. К соотношению христианского и народного календаря у славян // Языки культуры и переводимость. М., 1987.
10. Уколова В.И., Бородин О.Р. Византия и Запад: культурные отношения в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей. СПб., 1999.
11. Чекалова А.А. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV — первой половине VII в. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей. СПб., 1999.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995.

Rimsky V.P., Koval'chuk O.V.

EVERYDAY LIFE OF AN ORTHODOX AND CULTURAL INTERCHANGE IN THE BYZANTINE EMPIRE

The authors consider the Byzantine civilization from the viewpoint of cultural interchange of secular and religious cultures. They reveal the ethics and values of a Byzantine citizen's everyday life. The authors also describe cultural interchange between the Byzantine Empire, Catholic West and Rus'. They arrive at a conclusion that there existed a symphonic model of religious and secular cultures interchange.

*К.А. СТРАХОВА, аспирантка кафедры философии
Белгородского государственного университета*

ДИВЕРТИСМЕНТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАЛЬВИНИСТСКОГО АНТИФЕМИНИЗМА

Актуальная сегодня проблема взаимоотношения полов рассматривается автором в контексте современного российского кальвинистского антифеминизма. В статье подчеркивается, что рост разводов есть результат секуляризации и сексуальной революции, а не феминизма как такового. Религиозную мотивацию брачно-семейных отношений автор связывает не с реформаторскими кальвинистскими ценностями, а с возрождением вековых православных традиций.

Ключевые слова: *биархат, патриархат, христианство, феминизм, антифеминизм, кальвинизм.*

Патриархатные тенденции (мы пользуемся терминологией Ю.Б. Рюрикова, выделившего три типа общества, исходя из отношений господства/подчинения полов: матриархат как главенство женщины над мужчиной, патриархат как главенство мужчины над женщиной, биархат как взаимное главенство обоих полов — современное состояние, которое начинает становиться в результате успехов женской эмансипации — «Биархатные перевороты пронизывают все отношения мужчины и женщины — экономические и семейные, социальные и сексуальные» [5:268]) доминируют во всех традиционных религиях. Христианство независимо от его конфессиональной разновидности не составляет в этом исключения. Данное обстоятельство (патриархатность в подходе к отношению полов) породило феминистскую критику «андроцентрической теологии», которая, «в течение двух тысячелетий пребывавшая в руках и в головах мужчин, в своих базовых структурах отражает эту картину мира: мужской опыт, рационалистическое, дуалистическое мышление в категориях или—или, иерархические представления и образы (господство мужчины над женщиной, господин над слугой, воли над чувством, духа над телом; примат истории над природой)» [2:95]. Христианские церкви не приветствовали женскую эмансипацию в прошлом, а сегодняшнюю их реакцию на феминизм можно охарактеризовать как антифеминизм.

Санкт-Петербургское общество «Реформация» (в Северной столице активно функционирует центр кальвинизма) в теологическом листке разместило эссе Б. Смородина под названием «Дивертисмент феминизма», следует заметить, с оговоркой, что «редакция не во всем согласна с положениями публикуемой статьи» [3]. Автор эссе, справедливо констатируя обострение современных проблем в отношениях полов, обвиняет в этом исключительно феминизм. Отнюдь не разделяя феминистские установки, более того, считая их в современной западной интерпретации чуждыми отечественной культуре, богатой и сильной традициями, очевидно, что в работе Смородин допускает ряд по меньшей мере дискуссионных положений, свидетельствующих об односторонности антифеминизма.

«Нельзя не отметить, что установление равенства между мужчиной и женщиной принципиально изменило общество, и прежде всего это отразилось на семье и

браке. Еще недавно брак казался незыблемым институтом, установленным для совместного проживания одного мужчины и одной женщины, для рождения и воспитания детей... Теперь он оттеснен сожительством в разных формах: с ведением совместного хозяйства и без ведения оно, *браком* втроем-вчетвером, с однополым *браком*...» — констатирует Смородин [6], добавляя, что сокращается рождаемость, и это связано отнюдь не с богатством или бедностью, что характерная черта современного общества — одинокие люди. В конце первой части эссе следует вывод: «Доступный развод — важный инструмент феминисток в борьбе за свободу жить так, как им хочется. Развод, полагают они, несет освобождение, дает возможность начать новую счастливую жизнь» [6].

Согласимся с констатацией «тектонических сдвигов», которые выразились в кризисе семьи, распространении однополых браков, сокращении рождаемости и одиночестве современного человека. Но насколько связаны эти процессы с женской эмансипацией, иными словами, является ли феминизм главной причиной и непосредственным виновником данных изменений?

Брак столь же историчен и преходящ, как и все другие социальные институты. В недалеком прошлом основным мотивом вступления в брак являлись родительская воля, экономические соображения, иные обстоятельства, оставляющие немного места взаимной склонности и уж тем более любви. Действовал принцип «стерпится — слюбится», развод допускался крайне редко и в строго оговоренных случаях. Двойные стандарты оставляли мужчине, особенно с положением, материальным достатком и в годах, относительную свободу выбора супруги и смягчали посредством адюльтера, сурово осуждаемого у женщин, тяготы сосуществования с нелюбимым человеком. У верующих супругов их безрадостная совместная жизнь облегчалась убеждением, что они исполняют волю Божию, соответственно, должны терпеть друг друга как ниспосланное свыше испытание, открывающее дорогу к вечному блаженству. В браке без любви, а тем более с взаимным отторжением и тем более со взаимной ненавистью, страдала не только женщина, хотя ей приходилось тяжелее, но и мужчина. А отсутствие права на развод приводило к трагедиям ставшей невыносимой семейной жизни, вплоть до физической расправы, убийства. Разводов в прошлом было мало, но только в силу крайне сложной и малоосуществимой их процедуры. При этом в простом народе

практиковался реальный развод, когда муж уходил из семьи, что не отражалось на статистике разводов, в связи с этим кажущейся столь благополучной в сравнении с современностью. Многократный рост разводов — результат секуляризации и сексуальной революции, процессов, в которых поборники феминизма участвовали, но которые не определяли.

Аналогично и с современным демографическим кризисом в Европе и России. Последний присутствует в Африке, Латинской Америке, ряде азиатских стран, но уже с обратным знаком, как переизбыток населения в связи с распространенной там практикой многодетности. Опять-таки в какой-то мере в бездетности и малодетности повинно стремление женщины реализоваться на внесемейном поприще, ряд феминистских организаций активно выступили за контрацепцию и аборт, но планирование семьи зависит не только от жен, но и от мужей, в массе своей в феминизме не замеченных, а нередко выступающих рьяными антифеминистами, претендующими (основательно или безосновательно) на роль главы семьи. Причина демографического кризиса — экономическая и культурная, когда возросший уровень запросов супругов формирует у них своеобразный эгоизм: желание «пожить для себя», чему препятствуют дети. Кстати, с рождаемостью в США, где широко представлен феминизм, относительно благополучно, но основной прирост обеспечивает прежде афроамериканская, ныне испаноязычная часть населения, характеризующаяся низкими доходами и неразвитыми культурными запросами.

Распространение нерегистрируемых сожительств, наблюдаемое и в России как одно из следствий сексуальной революции, провоцируется отказом пребывающих в «гражданском браке» пар от ответственности и обязательств друг перед другом. **Взаимным**, заметим, отказом, т.е. и мужским. И прежде всего мужским — от ответственности и обязательств в зарегистрированных брачных союзах уклоняются, как правило не жены, а мужья.

Наконец, в первой части эссе автор связывает равенство между мужчиной и женщиной с однополыми браками. Обвинение не новое: «Риторическая ассоциация феминисток с лесбиянками — корректная и некорректная — была главной опорой антифеминизма. Этот штамп долго сосуществовал с другими противоречивыми стереотипами феминисток, такими как антисексуальные скромницы и свободолюбивые (гетеросексуальные) развратницы» [1]. О мужеподоб-

ности феминисток, психологической и физической, любили говорить в позапрошлом столетии, к примеру В.В. Розанов. «И мужа ей совсем не нужно, она скучает с ним, убегая неудержимо в “общественные дела”, в разные “организации”, притворную “благодетельность”, в основе же — в шум, беганье, возню, суету. Мужчина, “воин и гражданин” (стрелка самца), — уже полупробужден в ней; и только вот не растут усики. И она не умеет нести на себе *по настоящей-женскому женское платье*: оно на нее не так надето, неуклюже, и все как-то коротит, без этих длинных и красивых линий, волнующих мужчину. Их и не любят мужчины. Но уже начинают любить женщины: “Какой славный товарищ эта Маша”» [4:42]. Феминистки скомпрометировали себя активным участием в лесбийских движениях, точнее, их скомпрометировали участвующие в борьбе за женские права лесбиянки, но так называемое «сексуальное меньшинство» присутствовало, другое дело, что по понятным причинам латентно, во всех культурах и на всех исторических этапах, как и мужской гомосексуализм, в котором неоднократно уличались и представители христианской церкви, антифеминисты. Также следует заметить, что мужской гомосексуализм представляет собой большую социальную угрозу, в своей активности посягая на «традиционалов», не случайно в тоталитарном СССР уголовно преследовалась мужская, но не женская однополая любовь.

В чем с автором эссе полностью можно согласиться, так это со сложностями воспитания детей матерями-одиночками. Действительно, специфика такой неполной семьи нередко провоцирует как эгоизм ребенка, так и невротическое состояние, описанное Э. Фроммом в «Искусстве любви». Ребенок мужского пола, если фиксируется на ранней привязанности к матери (это может происходить и в полной семье в случае слабых характеристик отца), развивается в человека, «который зависит от матери, чувствует свою беспомощность, обладает ярко выраженными чертами рецептивного характера, склонного подвергаться влиянию, быть опекаемым, нуждаться в заботе, и которому недостает отцовских качеств — дисциплинированности, независимости, способности самому быть хозяином своей жизни» [7:42].

Трудно не разделить идею Смородина, выраженную в названии и начале второй части его эссе — не надо соревноваться! Только автор вкладывает в этот справедливый и актуальный призыв антифеминистский, вытекающий из патриархатных установок христианства смысл, усматри-

вая в отказе от соревнования признание женщиной «библейского взгляда на семью», предписывающего подчиненность жены мужу. Некоторый реверанс в сторону подчиненной мужчине женщины автором все же делается. «Призыв к женам повиноваться своим мужьям сочетается с призывом к мужьям любить своих жен. Любовь — это прежде всего забота мужа о данной ему Богом спутнице жизни. Не надо громких слов, окружите жену вниманием. Не будьте к ним суровыми, но прощайте их несовершенства, не взыскивайте с них за то, чего они не умеют делать. Научатся», — отмечает Смородин [6].

Следует заметить, что о женских качествах мнение автора эссе невысоко, судит он о них с явных позиций мужского превосходства, заложенных в пуританской морали (и присущих силвестровскому «Домострою»). К примеру, в примечании [2] сказано: «В то время молодые леди, находясь под властью отца, не могли свободно ходить по гостям, поэтому о них и не шел разговор. Сегодняшние девицы ничуть не хуже упоминаемых *вдов* ходят по домам и ничуть не хуже их сплетничают...» [6]. Повышенное внимание женщин к частной жизни, их интерес к специфическим темам — многие женщины ведут пустые и продолжительные, с мужской точки зрения, разговоры, например, о деталях внешнего облика, воспринимаемые мужчинами как «сплетни» — успешно реализуются при помощи современных средств коммуникации. Причем замужние женщины мало уступают «девицам» и «вдовицам». Только у женщин обычно трезвые разговоры, а у мужчин чаще не менее продолжительные «застольные», непонятные женщинам: об автомобилях, политике, напитках, спорте (у рыбаков и охотников соответственно о рыбалке и охоте) и о тех же женщинах.

Со времен монаха Филофея, провозгласившего и обосновавшего теорию «Москва — третий Рим», в истории отечественной философской, социологической, религиозно-богословской мысли нет-нет да звучат претензии на особую роль России в духовном и социальном спасении Европы, а то и мира. Об этом вели речь славянофилы и неославянофилы, на это рассчитывал Л.Н. Толстой (подтверждением чему служит его эпистолярное наследие и распространение учения толстовства), на это прямо указывал Н.Ф. Федоров, помышлявший даже Индию сделать православной. Претензии на «пожар мировой революции», пламя которой из России разбежится по всему человечеству, обеспечив последнему светлое будущее, выдвигали рос-

сийские радикалы от народников до большевиков. Так что автор эссе не одинок, когда пишет об «особой миссии России», которой «надлежит продолжить дело Реформации, начатое в Европе в XVI веке» [6]. Он сам говорит о некотором сходстве с «патриотами», которые тоже рассуждают на эту тему. При этом важнейшее место отводится им созиданию семьи, распространению в обществе библейского, «пусть его называют патриархальным», взгляда на семью, в которой главой является мужчина.

Складывающийся в современной России бихархат, позволяющий преодолевать крайности матриархата и патриархата, вместе с тем предполагает преодоление крайностей феминизма и антифеминизма. Российский мультикультурализм имеет давние исторические корни. Российское государство формировалось как многонациональное и многоконфессиональное, отсюда проистекает и традиционная терпимость, столь свойственная государствообразующему этносу — русскому. К тому же, если в позапрошлом столетии пресловутый «женский вопрос» объективно требовал разрешения, в XXI веке при всех еще сохраняющихся проблемах в отношениях полов актуальность феминизма утрачена, феминистское учение и феминистские

организации в современной России имеют заимствованный с Запада характер (что подтверждается финансированием их из-за рубежа), провоцируя соответствующую реакцию в виде антифеминистских настроений. Но феминистские настроения, в свою очередь, может спровоцировать антифеминизм. Различия полов выступают различиями не сущности, сущность у них одна — человеческая, а существования. Не превосходство, а взаимодополняемость полов, не соревнование, а сотрудничество актуальны сегодня. И конечно, актуально воссоздание ценностей семьи, особенно в свете сложившейся в России кризисной демографической ситуации. Однако вряд ли эффективным средством превращения российских семей из «заброшенного пустыря» в «цветущий сад» способно выступить обращение к реформаторским кальвинистским ценностям, хотя бы по причине устойчивости и возрождения вековых православных традиций. Последнее обстоятельство, разумеется, не означает неуважительного отношения к кальвинистскому религиозному учению, разделять или не разделять которое — дело совести каждого российского гражданина, которому предоставлена реальная свобода выбора.

Библиографический список

1. Horowitz M.C. New Dictionary of the History of Ideas. Part 1. //Режим доступа: <http://www.librus.ru>. Сайт электронной библиотеки. Каталогный № 04816=2007.03.20
2. Мольтман-Вендель Э. И сотворил Бог мужчину и женщину (*феминистская теология и человеческая идентичность*) //Вопросы философии. 1991. № 3.
3. Режим доступа: <http://calvin.tvcom.ru/6/18.htm#id01=2007.03.02>
4. Розанов В.В. Люди лунного света/Уединенное. М.: Правда, 1990.
5. Рюриков Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее//Философия любви. Часть 1. М.: Политиздат, 1990.
6. Смородин Б. Дивертисмент феминизма //Режим доступа: <http://calvin.tvcom.ru/6/18.htm#id01=2007.03.02>
7. Фромм Э. Искусство любви. М.: Знание, 1990.

Strakhova K.A.

Divertissement of Modern Russian Calvinist Antifeminism

The acute problem of gender relationships is treated in the context of modern Russian Calvinist Antifeminism. The researcher is convinced that the increase in number of divorces nowadays is the result of secularization and sexual revolution rather than feminism as such. The author links religious motivation of matrimonial relations with the revival of old Orthodox traditions but not reformed Calvinist values.

*Н.Д. КАБАНОВА, старший преподаватель
русского языка как иностранного
Орловского государственного университета*

СЛОЖНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКОВОМ НАСЛЕДИИ К.Г. ПАУСТОВСКОГО: ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

Статья посвящена описанию способа сложения в языковом наследии К. Г. Паустовского. В статье рассматриваются примеры индивидуально-авторского словоупотребления, свидетельствующие о творческом отношении писателя к родному языку. Сложные имена прилагательные позволяют писателю точнее выразить не только свое отношение к различным явлениям объективной действительности, но и увидеть необычные сочетания цветов, подчеркнуть то специфическое, что характерно какому-то человеку. Окказиональные образования всегда стилистически мотивированны.

Статья может быть интересна тем, кто занимается изучением творчества К. Г. Паустовского: аспирантам, учителям средних школ, преподавателям высших учебных заведений.

***Ключевые слова:* сложные имена прилагательные, двухкомпонентные структуры, трехкомпонентные структуры, индивидуально-авторские образования, сложение, сложение с одновременной суффиксацией опорной основы.**

Изучение языка писателя как индивидуального в настоящее время имеет большое количество сторонников. Эти исследования пытаются установить взаимосвязь между особенностями творческого видения художника и его словотворческими традициями. Сказанное в полной мере относится к исследованию творческого наследия К.Г. Паустовского, одного из крупнейших мастеров прозы, признанного стилиста, писателя, чье творчество пронизано верой в силу добра и справедливости.

К вопросам языкового мастерства К.Г. Паустовского исследователи обращались достаточно интенсивно, о чем свидетельствует обширная научная литература.

Исследователи его творческого наследия единодушны в том, что К.Паустовский — сторонник использования традиционных языковых средств. В этой связи значительный интерес представляет рассмотрение тех лексических единиц, которые не являются достоянием общенародного языка, а представляют собой индивидуально-авторские неологизмы. Примером могут служить следующие окказионализмы, образованные путем сложения или сложения с одновременной суффиксацией опорной основы: **домовито-архитектурный, туманно-синева-тый, зернисто-зеленый, парфюмерно-сентиментальный, придирчиво-лю-**

бопытный, настороженно-любопытный, потрепанно-элегантный, светотканый, бешено-зеленый, полурелигиозно-полуполитический, воздуходувный, атласно-зеленый, туманно-синеватый, обаятельно-добрый, стандартно-примитивный, пугливо-любопытный, добродушно-насмешливый, придирчиво-любопытный, настороженно-любопытный, водянисто-голубой, атласно-зеленый, зернисто-зеленый, дымчато-белый, маслянисто-черный, сумрачно-черный, плакатно-желтый др.¹.

Многие исследователи обратили внимание на обилие имен прилагательных в его языковом наследии. Это объясняется тем, что для писателя «более важны не предметы, а отношение к предметам – прилагательные»². Именно этим обстоятельством объясняется обилие имен прилагательных разной семантики и структуры на страницах его прозаических произведений.

Сложные имена прилагательные в языке К.Г. Паустовского еще не были предметом специального рассмотрения. Между тем анализ их в составе коммуникативных контекстов поможет выявить некоторые особенности его словотворческой манеры. Для языкового анализа нами избраны прозаические произведения писателя: повести, романы, рассказы.

Сложные по своей структуре имена прилагательные являются тем «благодатным» языковым материалом, который позволяет передавать признаки, присущие тому или иному явлению, в совокупности, способствуя тем самым богатству выражения.

Известно, что одни мастера слова предпочитают цепочку имен прилагательных к одному субстантиву, другие — сложения, объединяющие в своей линейной структуре разные имена прилагательные, третьи — развернутые сравнения, которые в ходе словопроизводственного процесса могут превратиться в сложные имена прилагательные. К. Паустовский пользуется всеми перечисленными способами для воплощения своего авторского замысла: с их помощью писатель создает пейзажные зарисовки, отличающиеся утонченностью восприятия окружающего мира, синтезом звуковых, зрительных, обонятельных ощущений, передает душевное состояние своих героев.

В современном русском языке сложные прилагательные представляют собой двухкомпонентные, реже трехкомпонентные структуры. В языке К. Паустовского основная масса сложений так же, как и в общелитературном языке, представляет собой двухкомпонентные структуры. Новаторство писателя

проявилось при создании многокомпонентных структур типа: **русско-греческо-грузинско-французский (диалект), польско-русско-украинский (жаргон), сине-розово-черно-белый** (контраст).

Эти имена прилагательные образованы на базе сочинительных словосочетаний, компоненты которых находятся между собой в равноправных отношениях. **Русско-греческо-французско-грузинский диалект** — это смесь разных наречий, с его помощью жители города Батуми объяснялись между собой.

«Чачиков называл этих юношей левантийцами и потомками финикийцев».

Все они прилично говорили по-русски. Но Чачиков предпочитал объясняться с ними на смешном русско-греческо-французско-грузинском диалекте и даже пытался писать на этом диалекте шуточные стихи» (т. 5, 326)

Наличие в составе сложного слова нескольких основ придает словам «характер окказиональности индивидуальных черт, творческих склонностей автора этого слова»³. Двухкомпонентные структуры, как правило, носят общепотребительный характер и хорошо знакомы носителям языка: белосиний, желто-коричневый, сероглазый, светловолосый, злобный, светло-зеленый, овражно-опытный, ясноглазый, мелкозернистый и др., в связи с чем их толкование не вызывает затруднений. Между тем среди двухкомпонентных сложений, извлеченных из прозаических произведений, есть такие, которые могут быть квалифицированы как индивидуально-авторские, ср.: светотканый, воздуходувный, листовой, бешено-зеленый, плакатно-желтый и др. Их толкование не может быть объяснено без опоры на контекст, на синтагматическом уровне. Примером может служить прилагательное светотканый, звуковая оболочка которого неизвестна общелитературному языку. При его образовании имело место отступление от нормативных связей, существующих между словами. Контекст не раскрывает причин создания слова, но помогает в какой-то степени понять его мотивацию:

«На песчаной дорожке около дачи Карелиных была нарисована очень похожая Любина голова в профиль, солнце над ней, и было написано: «О солнечность светотканая!»

Глеб рассердился:

— Декадент! Телячий восторг! Маменькин поэт!

Глеб влез на крышу купальни, протянул к солнцу руки, торжественно и гнусаво прокричал: «О солнечность светотканая!» — и с воплем сорвался в воду» (4, 262–263).

Окказиональное прилагательное **светотканый** образовано на базе глагольного подчинительного словосочетания — **ткать свет**. Как видно, при создании этого имени прилагательного была нарушена нормативная сочетаемость, так как в общелитературном языке глагол ткать имеет ограниченную сферу использования, ср.: золототканый, пестротканый, домотканый и т.п. Солнечность светотканая — это метафорическое сочетание, которое становится понятным благодаря соотнесенности с существительным солнце. Субстантив солнечность образован от относительного прилагательного солнечный, которое в словаре имеет следующую фиксированную словарями структуру значений: 1) ясный, непасмурный; 2) освещенный солнцем, ярким светом солнца; 3) перен. светлый, радостный; 4) ярко-желтый с золотым отливом, похожий на солнце.

Очевидно, что в нашем примере композит светотканый реализует значение: освещенный ярким светом солнца, словно бы сотканный из солнечного света.

Следует отметить, что в сложных словах мотивированность ощущается гораздо определеннее, чем мотивированность простых аффиксальных производных, поэтому метафорический образ, выражаемый сложным словом, более конкретен и потому легче ощутим. Ш. Балли во «Французской стилистике» отмечал, что писатель преобразует язык, «чтобы сделать его пригодным для выражения сугубо индивидуальной мысли», а «непривычное выражение именно своей непривычностью привлекает наше внимание; вдумываясь в него, мы более или менее глубоко проникаем в авторский замысел»⁴.

Окказиональное по своей звуковой оболочке интересующее нас сложное слово выполняет в тексте характеризующую функцию: с его помощью передается негативное отношение к высокопарным фразам, что подчеркивается самим контекстным окружением, в состав которого входят наречие гнусаво, существительное декадент, преобразованный разговорный фразеологизм маменькин сынок, значение которого в тексте получает иную интерпретацию, а также устойчивое разговорное сочетание телячий восторг.

Значение производного прилагательного листобойный, образованного также на основе глагольного производящего словосочетания, достаточно прозрачно и не требует пространного контекста благодаря отчетливой связи с производящей базой. Прилагательное **листобойный** в такой звуковой оболочке не зафиксировано со-

временными словарями. В художественном тексте это слово выступает в роли определения к слову ветер и при опоре на текст может быть определено как разрушительный ветер, как следствие варварского отношения к окружающей природе:

«До того времени птица зимовала у нас. Даже журавлик и тот никуда не подавался. Леса и зиму и лето стояли в листьях, цветах и грибах. И снега не было. Не было зимы. Говорю! Не было. Да на кой ляд она сдалась нам, зима, скажи на милость?! Убил дурак первую птицу, и загрузила земля. Начались с той поры листопады, и мокрая осень, и листобойные ветры» (т. 6, 452).

Не вызывает затруднения и толкование другого композита — **воздуходувный** благодаря его словообразовательной структуре и вербальному контексту:

«— Ишь, шалые, что придумали! Народ мутитя!

После испытания дед, по прозвищу «Десять процентов», щупал лодку корявыми пальцами, нюхал ее, ковырял, хлопал по надутым бокам и сказал с уважением: «Воздуходувная вещь» (6, 44).

Нелишне заметить, что в современном русском литературном языке вместо слова **воздуходувный** употребляется общеупотребительное прилагательное надувной, стилистически нейтральное и эмоционально не окрашенное. В тексте анализируемое слово приобретает некоторую дополнительную коннотацию: «вызывающий уважение, полезный, нужный».

Единичное имя прилагательное **дурная-смешная**, окказиональное по своей звуковой оболочке, образовано на базе сочинительного словосочетания без соединительной гласной, компоненты которого выражены полными именами прилагательными, также обозначают совокупный признак. Эта лексическая единица относится к числу тех, которые, по мысли Н.М. Шанского, занимают промежуточное положение между сложными и слитными словами⁵. Для раскрытия значения этого имени прилагательного достаточно минимального контекста, так как его составляющие хорошо известны носителям языка.

Любопытно употребление композитов **насто-роженно-любезен** и **придирчиво-любезен** в составе одного достаточно пространного контекста.

Оба сложных слова структурно однотипны и отличаются лишь зависимыми компонентами,

выраженными наречиями настороженно и придирчиво:

«Если при встрече с Яшей или со мной он отводил глаза, делал вид, что плохо слышит, и, разговаривая, перебивал нас и кричал на кухню работнице, бывшей монахине: «Неонила, не лейте так много постного масла» или что-то в таком роде, то это означало, что положение Советской власти в Одессе в какой-то степени пошатнулось.

Если же Просвирняк был настороженно-любезен, хохотал неестественным басом, подбирая снизу обеими руками свою бороду, то это свидетельствовало о крепости Советской власти.

На этот раз Просвирняк был сдержанно-любезен, но глаза у него белели от злобы.

Выслушав мой рассказ о залежах шуб и табуреток, смиренно, но подчеркнуто ответил: «Вам, глубокоуважаемый Константин Георгиевич, как советскому служащему, хотя и с некоторой ответственностью за деяния ваших хозяев, надлежало бы знать, что с сегодняшнего числа в Одессе «день мирного восстания» (т. 5, 4–8).

На наш взгляд, для объяснения причины образования этих лексических единиц недостаточно ограничиться только контекстом, необходимо учитывать и внеязыковую действительность. Так, в годы гражданской войны положение Советской власти менялось не один раз, и это не могло не сказаться на психологии людей, вынужденных приспособляться к обстановке того времени. Созданные писателем прилагательные помогают читателю понять мотивацию поведения человека, живущего в то противоречивое и сложное время. Как видно из приведенных примеров, одна и та же ситуация реальной действительности (экстралингвистическая) может отразиться в разных лексических единицах.

Соединение двух или более слов в едином линейном ряду способствует тому, что новое слово не является простой суммой составляющих его элементов, но приобретает новый компонент значения. Писатель неожиданно для носителей языка соединяет разные по семантике слова, за счет чего создается яркий стилистический эффект. Возможно, что такое соединение несовместимых, казалось бы, понятий происходит в результате подсознательно сложившейся ассоциации. Сам писатель говорил о большой роли ассоциаций в творческом процессе, которые всегда индивидуальны и неповторимы. Именно ассоциации позволяют соединить в одном ряду,

казалось бы, «несовместимые» основы, благодаря чему создается наибольший художественный эффект, ср.: **пугливо-любопытный, насмешливо-добродушный, домовито-архитектурный, парфюмерно-сентиментальный, бешено-зеленый и др.**

Е.А. Василевская, исследовавшая словосложение на разных временных срезах, пришла к выводу о том, что в области словосложения не может быть подлинного новаторства, ибо это «творческая комбинация имеющихся в языке компонентов, которая в языке большого писателя всегда обусловлена стилистическими задачами»⁶. Нам представляется, что такое утверждение излишне категорично. Появление нового слова — это не механическое соединение имеющихся в языке слов или основ, а процесс словопроизводства, результатом которого является слово как единство звучания и значения. Доказательством служат индивидуально-авторские образования, звуковые оболочки которых неизвестны общелитературному языку. Для всех способов, в том числе и для сложения, характерны словообразовательные типы, модели, по которым в современном русском языке могут возникать слова «путем мгновенного называния»⁷. Модели, по которым образуются новые слова, можно выделить на разных уровнях абстракции: на более абстрактном — как типизированную схему любого слова (часть речи + часть речи) и на менее абстрактном — как ее конкретное наполнение (наречие + причастие; прилагательное + прилагательное и т.д).

Представляется спорной и мысль о том, что слова, возникшие на базе наречий и причастий или прилагательных, есть результат длительного употребления. Если бы это было так, то вероятность образования новых слов была бы невероятно мала, так как создание нового слова, экспрессивного и выразительного, — процесс сугубо индивидуальный.

Известно, что элементы сложного слова, стоящие в одном ряду, взаимодействуют между собой, чем обеспечивается структурно-смысловое единство, являющееся отличительным признаком всякого сложного слова вообще и прилагательного в частности. Компоненты сложного слова могут быть связаны синонимическими и антонимическими отношениями, что, безусловно, учитывается носителем языка при создании нового слова.

Как показывает анализ языкового материала, в составе сложного слова синонимическими отношениями связаны цветообозначения типа **канареечно-желтый, чернильно-фиолетовый, изумрудно-зеленый, винно-золотистый, кроваво-винный, табачно-зеленый, ультрамари-**

ново-синий, а также прилагательные нецветовой семантики, которые используются писателем достаточно широко: **отвлеченно-умозрительный, примитивно-стандартный, громоносно-звонкий** и др.

Прилагательные **чернильно-фиолетовый, канареечно-желтый, дегтярно-черный, кофейно-коричневый, изумрудно-зеленый** образованы на базе сравнительных оборотов, что легко проиллюстрировать примерами из текста:

«Мгла висела над озером от недавних лесных пожаров. По черной, как деготь, прозрачной воде плавали листья» (прил., 75).

«Над раковинами висели пожелтевшие кружева, а в иных местах — гирлянды белых, как снежинки, цветов» (т. 8, 359).

Несмотря на то, что сравнительный оборот может получить в тексте некоторую трансформацию, заключающуюся в замене существительного — объекта сравнения однокоренным или близким по значению словом, можно с уверенностью утверждать, что именно такие описания послужили материальной базой для сложений указанного типа.

Но не все цветообозначения сложной структуры связаны признаком общности значений. В таких композитах, как **бешено-зеленый, ослепительно-белый**, компоненты связаны отношениями меры и степени между прилагательным — носителем признака и наречием, обозначающим его интенсивность.

Сложное прилагательное **бешено-зеленый** окказионально по своей звуковой оболочке, оно выполняет в тексте характеризующую функцию:

«На базаре продавали шерстяные ковры с такими пылающими розами и бешено-зелеными виноградными листьями, что покупатель брала оторопь» (т. 5, 463).

Среди прилагательных цветовой семантики особое место занимают оценочные прилагательные, которые переводят восприятие цвета в психологический план. Их функция в художественном тексте заключается не только в передаче настроения героев (или самого писателя), но и в желании автора показать красоту окружающего нас мира даже в самых неярких, неброских красках и тонах. Так, с помощью цветообозначения **тускло-желтый** автор очень точно и в то же время художественно рисует картину заката, увиденного им во время путешествия по Англии:

«К Оксфорду мы подъезжали к вечеру. Над очень пологими, волнистыми холмами Англии разгорался закат. Такого я не видел никогда в жизни. Он был необыкновенно тускло-желтого и приятного цвета, без всяких оттенков, как

одна огромная небесная пелена. Если бы это сравнение не казалось искусственным, то я бы сказал, что закат над Оксфордом носил цвет спелого банана» (т. 8, 440).

Конкретно и одновременно образно производное **сумрачно-черный**, сочетающееся в тексте со словом бычки (черноморская рыба):

«Рыбаки подарили Иордану плетеную корзинку с недавно пойманными бычками. Бычки были мрачные и еще шевелили жабрами. По-болгарски бычки назывались «попче», то есть попы, монахи, именно за то, что они такие же сумрачно-черные, как болгарские священники» (т. 8, 365).

Наличие в составе развернутого контекста сравнения помогает уточнить значение цветообозначений и сделать их еще более наглядными: **цвет спелого банана, сумрачно-черные, как монахи**.

Среди цветových лексических единиц выделяется группа имен прилагательных, в которых первая основа имеет опосредованное, метафорическое значение цвета типа **молочно-розовый, атласно-зеленый, туманно-синий**. Подобные сложения способствуют тому, что характеристики многих явлений приобретают более зримый, вещный характер.

Антонимическими отношениями связаны в составе сложного слова компоненты производных **грустно-веселый, черно-белый, сладковато-горький, бодразаунывный, потрепанно-элегантный, входящие в состав разных контекстов**.

Особую группу составляют такие лексические единицы, компоненты которых не связаны в лексической системе языка системными отношениями. Возникшие на их базе композиты отличаются своей новизной, что позволяет квалифицировать их как индивидуально-авторские.

Окказиональное прилагательное **парфюмерно-сентиментальный** объединяет в своем составе слова, входящие в разные системные ряды в языковой системе. С его помощью характеризуется журнал для женщин, в котором освещаются вопросы, далекие от общественной жизни:

«Принцесса Греза». Я часто встречал эту подпись в дешевых журнальчиках для женщин в отделе «Ответы нашим читательницам»:

«Принцесса Греза» с полным знанием дела и в совершенно особом парфюмерно-сентиментальном стиле отвечала читательницам на самые щекотливые и интимные вопросы: как влюбить в себя блондина, что делать, если изменяет муж, что такое платоническая любовь

и как избавиться от угрей и бледной немочи» (т. 4, 439).

Окказиональное прилагательное **домовито-архитектурный**, входящее в состав обособленного приложения, использовано в тексте для характеристики города Луги, который писатель посетил во время путешествия по пушкинским местам:

«Только под Лугой — уютным городком, очень чистым, очень домовито-архитектурным, — гроза прошла» (т. 8, 26).

Город Луга запомнился писателю потому, что в его облике сочетались черты большого и маленького города: домовитость, уют, свойственные небольшим городам, и архитектурность — неотъемлемая черта большого города. В этом сочетании «несочетаемого» и заключено обаяние этого русского города.

Диапазон использования сложных имен прилагательных в языке К. Паустовского достаточно широк. Кроме пейзажных зарисовок они часто встречаются в составе очерков, посвященных воспоминаниям о друзьях, с которыми писателя связывали годы совместной жизни и творчества. Так, писатель Кара-Дервиш предстает перед читателем рыцарски-доброжелательным, писательница Лидия Сейфуллина — обаятельно-доброй, Илья Ильф — насмешливо-добродушным, Глан — герой романа «Блистающие облака» — пугливо-любопытным. С помощью сложных имен прилагательных писателю удалось лаконично и мастерски создать портреты друзей, которых он любил и знал. Портреты получились запоминающимся, далеким от какого-либо шаблона. Любопытно, что в драматических произведениях сложные имена

прилагательные почти не встречаются, что, по всей видимости, объясняется особенностями жанра.

Писатель много размышлял о роли языка в творческом процессе, о месте литературы в жизни общества. Он делился своими мыслями с начинающими писателями, давал им советы, как обогатить свой словарный запас, как избежать стандарта в использовании языковых средств. В таких беседах-размышлениях сложные прилагательные достаточно частотны: ср.: **божественно-вдохновенный, отвлеченно-умозрительный, стандартно-примитивный**.

Подводя итоги всему сказанному о сложных именах прилагательных в языке прозы К. Паустовского, можно сделать следующие выводы относительно специфики их использования:

- 1) большая часть сложений представляет собой общеупотребительные лексические единицы;
- 2) окказиональные образования составляют незначительную часть всех сложений;
- 3) индивидуально-авторские образования всегда стилистически мотивированы и эмоционально окрашены;
- 4) сложные имена прилагательные выполняют в тексте яркую характеризующую функцию;
- 5) сложения представляют собой двухкомпонентные структуры, и лишь незначительную часть составляют многокомпонентные структуры;
- 6) значительную долю всех сложений составляют цветообозначения, что объясняется стремлением видеть мир в цвете и красках.

Примечания

1. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Художественная литература, 1968. Все ссылки в статье даются с указанием тома и страницы.

2. Хмельницкая Т. Лирика в прозе//Нева, 1956. № 8. С. 167.

3. Лыков А.Г. О некоторых особенностях образования сложных имен прилагательных//Русский язык в школе. 1969. № 5. С. 76.

4. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Издательство Московского университета, 1968. С. 272.

5. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 28–29.

6. Василевская Е.А. Словообразование в русском языке. М., 1962. С. 117.

7. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Построение раздела «Словообразование». В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966. С. 68.

Kabanova N. D.

The article deals with the description of K.G. Paustovsky work-composition pattern. It gives essential examples of individual usage revealing his creative attitude towards language. Adjective compounds help the author to express his attitude towards various objective phenomena, moreover, they describe unusual colours and underline the specific that is characteristic of some people. Occasionalisms are always stylistically motivated.

The article can be interesting to all specializing in K G Paustovsky's works of literature: aspirants, secondary and high school teachers.

*Ю.М. ПРУСОВА, старший преподаватель кафедры
английской филологии
Орловского государственного университета*

МОДЕЛЬ ИНТЕГРАТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В 5 КЛАССЕ

В данной публикации представлена возможная методическая модель интеграции дисциплин «Русский язык» и «Английский язык» в 5 классе на материале раздела «Лексика. Фразеология» и рассмотрены компоненты, обеспечивающие интеграцию этих дисциплин.

Ключевые слова: методическая модель, интегративный подход, лексика, фразеология, дисциплины языкового цикла («Русский язык», «Английский язык»).

Процесс формирования у учащихся системных представлений и понятий о языке и его уровнях может быть существенно облегчен благодаря организации обучения на интегративной основе. Базой интеграции выступают общность целей и идей, заложенных в программах, необходимость формирования общеучебных умений и навыков, сходство изучаемых явлений и т.д. При интегративном подходе русский и иностранный языки, изучаемые в школе, представляют собой не просто самостоятельные дисциплины со своим содержанием и системой организации обучения, но способны реализовывать единые цели и задачи. Для создания целостного представления о строении и функционировании системы языка в целом и его уровней в частности возможна интеграция отдельных частей курсов языковых предметов и их комплексное изучение.

Интегративное изучение лексико-фразеологических систем русского и английского языков основывается на общей теории педагогической интеграции и направлено на формирование у учащихся системы знаний о лексическом уровне языка, совершенствование общелексикологических умений и навыков. Для разработки методической модели интегративного изучения лексики и фразеологии русского и английского языков в 5 классе необходимо выяснить «целевые и содержательные совпадения, объективно существующие между учебными дисциплинами» [Баранов, 1988: 24] «Английский язык» и «Русский язык».

Общность предметов языкового цикла проявляется прежде всего в том, что их целью является формирование, развитие и совершенствование языковой и речевой компетенции [Леонтьев, 1990]. Содержание обучения русскому и английскому языкам в примерных программах основного общего образования структурировано на основе компетентностного подхода и ориентировано на формирование и развитие языковой, коммуникативной и лингвистической компетенций, что происходит в том числе при изучении лексики.

В плане содержания основу интегративной работы составляют явления лексического уровня языка, которые являются предметом рассмотрения в школьном курсе русского языка в 5 и/или 6 классе (в зависимости от программы) и формируют лингвотeorетическую базу работы на уроках русского и английского языков, а также основные лексико-фразеологические умения и навыки. Интегративное изучение лекси-

ко-фразеологических систем русского и английского языков может быть сосредоточено вокруг ключевых понятий раздела «Лексика. Фразеология» школьного курса русского языка (лексическое значение, синонимы, антонимы, омонимы, многозначные слова, заимствования и т.д.), уточнения и конкретизации их содержания. Терминологический аппарат школьников может быть расширен за счёт понятий, способствующих формированию системных представлений о лексическом уровне языка, привлекающих внимание к семантическим универсалиям, свойственным номинативным системам русского и английского языков, национально маркированным лексическим явлениям и межъязыковым лексическим отношениям синхронно-диахронического характера.

Содержание обучения на интегративной основе состоит из разделов «Универсальные лексические единицы», «Универсальные лексические явления», «Межъязыковые лексические отношения», которые представлены в синхронно-диахроническом аспектах. Обучение начинается с ознакомления учащихся с универсальными единицами лексического уровня языка — словом и фразеологизмом. На следующем этапе знания учащихся систематизируются и расширяются за счёт семантических синхронических универсалий (лексическое значение слова, однозначные и многозначные слова, прямое и переносное значение слова, синонимы, антонимы, омонимы). Раздел «Межъязыковые лексические отношения» обогащает представления учащихся о процессах развития лексики и фразеологии за счёт диахронических универсалий (заимствования, интернационализмы, неологизмы) и межъязыковых отношений лексических единиц с точки зрения синхронного состояния языка. Национально маркированные слова и фразеологизмы, межъязыковые омонимы и паронимы рассматриваются на синхронном уровне, но с указанием на то, что эти явления представляют собой продукт взаимодействия языков в процессе исторического развития. При разработке были учтены трудности лексического характера, вызываемые межъязыковой интерференцией.

Изучение лексических систем русского и английского языков на интегративной основе способствует систематизации старых и более глубокому усвоению новых знаний и умений. Цель интегративного изучения лексики и фразеологии состоит не столько в овладении новыми понятиями, сколько в обогащении лингво-теоретических знаний, полученных на уроках русского языка из раздела «Лексика и фразеология». В ходе интегративной работы усваивается универсальный характер явлений

лексического уровня языка, совершенствуются умения и навыки оперирования ими.

Усваивая иноязычную лексику, учащиеся сталкиваются с новым способом членения иностранным языком окружающей действительности и обозначения понятий, известных им из прошлого опыта и закреплённых родным языком. Сравнение изучаемых лексических единиц с эквивалентными единицами родного языка стимулирует более всестороннее и глубокое осмысление этих понятий.

Интегративная работа над словом, таким образом, направлена на развитие языковых способностей учащихся, общеучебных умений и интереса к глубокому познанию языка и культуры. В процессе работы происходит совершенствование механизма языковой догадки и умения переноса сформированных знаний и умений на новый языковой материал.

Целостная методическая модель интегративного изучения лексико-фразеологических систем русского и английского языков предполагает разработку целенаправленных развивающих упражнений и привлечение специального дидактического материала междисциплинарного характера.

Таким образом, интеграция между предметами «Русский язык» и «Английский язык» при изучении раздела «Лексика. Фразеология» в 5 классе общеобразовательной школы обеспечена следующими компонентами:

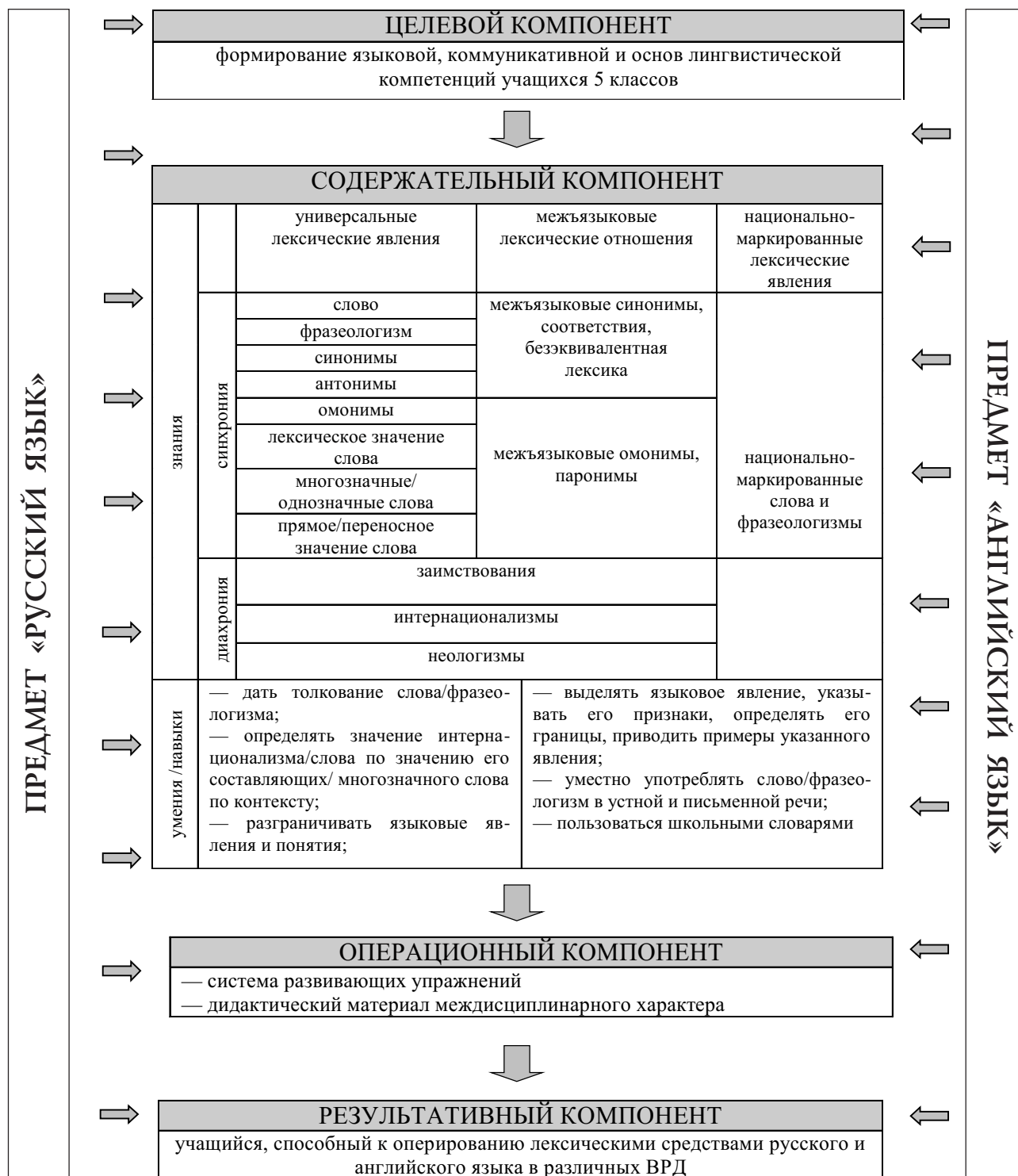
- целевым компонентом (наличием общих целей обучения лексике и фразеологии двух языков);
- содержательным компонентом (возможностью разработки интегрированного содержания обучения лексико-фразеологическим системам русского и английского языков, которое бы включало основные понятия и явления, входящие в программу по русскому языку для 5 классов, расширяло представления учащихся о лексико-фразеологических уровнях русского и английского языков, было направлено на формирование и развитие основных лексико-фразеологических умений);
- операционным компонентом (необходимостью разработки целостной системы упражнений, направленных на развитие лексического компонента языковой способности учащихся, и привлечения дидактического материала междисциплинарного характера);
- результативным компонентом (итоком интегративного изучения лексики должен стать учащийся, способный к оперированию лексическими средствами русского и английского языков в различных ВРД).

Предложенная интегративная модель изучения лексико-фразеологических систем русского и английского языков в 5 классе (см. рис. 1) наглядно показывает, что цели интегративного

изучения лексики реализуются через содержательный и операционный компоненты интеграции в личности учащегося с развитой лексической способностью.

Рис. 1

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В 5 КЛАССЕ

Библиографический список

1. Баранов М. Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка [Текст]: пособие для учителя / М.Т. Баранов. М.: Просвещение, 1988. 191 с.
2. Леонтьев А. А. Единый подход к предметам языкового цикла [Текст] /А.А. Леонтьев, Е.А. Ленская, Е.Д. Розанова//Иностранные языки в школе. 1990. № 5. С. 26–35.

J.M. Prusova

Orel State University

THE MODEL OF THE INTEGRATED APPROACH TO TEACHING LEXIS AND PHRASEOLOGY OF RUSSIAN AND ENGLISH TO FIFTH-GRADE PUPILS

The article presents a possible methodical model of integrating school subjects Russian and English in the 5th grade on the topic «Lexis. Phraseology» and elicits the components that carry it out.

*Г.Ф. ХАСАНОВА, аспирант кафедры русской литературы XX века
Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского*

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА БОЯ В ПРОЗЕ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ (КОНЕЦ 1950-х — СЕРЕДИНА 1980-х гг.)

В статье рассматривается воздействие традиций Н.С. Гумилева на творчество прозаиков фронтового поколения. На материале рассказов, повестей и романов В. Некрасова, К. Воробьева, Ю. Бондарева, Г. Бакланова описывается тип человека боя, восходящий к произведениям Н.С. Гумилева.

Ключевые слова: традиция, новаторство, военная проза, концепция личности, типология героя.

На формирование прозы фронтового поколения оказали сильнейшее влияние традиции фольклора, древнерусской воинской повести, русской литературы XIX–XX веков. В этой сложной системе литературного воздействия особое место занимает традиция изображения человека боя, восходящая к творчеству Н.С. Гумилева. Несмотря на то, что имя поэта было на долгие годы вычеркнуто из истории официальной литературы, а произведения заклеены советскими критиками, как враждебные и вредные, военная проза демонстрирует не только знакомство, но и глубокое художественное освоение идей писателя, в творчестве которого тема войны является одной из ведущих. В 1980-х годах широкому кругу читателей стало доступно художественное наследие мастера слова, начался процесс нового прочтения произведений, однако вопрос о влиянии творчества писателя на формирование военной прозы конца 1950 — середины 1980-х годов не до конца изучен. Г.И. Чулков назвал Н.С. Гумилева «поэтом-воином» [6, 451]. В поэтических шедеврах, прозаическом произведении Н.С. Гумилева «Записки кавалериста» ратный труд представлен как святое дело, истинное призвание мужчин, обоснован культ человека боя, для которого война становится родной стихией. В «Записках кавалериста» ярко выражен мотив элитарности военного сословия: воины образуют особую высшую касту людей, предназначенных лишь для битвы: «Есть люди, рожденные только для войны, и в России таких людей не меньше, чем где бы то ни было <...> как было бы дико видеть этого человека за плугом или у рычага заводской машины» [5, 349]. Прирожденные воины воспринимают все «мирные» компоненты человеческой жизни сквозь призму полезности / бесполезности для ведения боевых действий: «Оставалось скакать прямо от немцев, но там далеко раскинулось вспаханное поле, по которому нельзя идти галопом <...> и зачем только люди придумали земледелие?» [5, 299].

Во время подготовки к сражению герой Гумилева замечает наличие у себя чувства радости в ожидании боя, инстинкта охотника, счастья от осознания предстоящей опасности. Если перевоплощение в охотника возникает во время боя, то в минуты затишья кавалеристы чувствуют себя рыцарями. Как и рыцарство в средние века, кавалерия представлена у Н.С. Гумилева особой военной кастой с особыми правилами, восходящими к рыцарскому кодексу. Писатель, характеризуя статус «благословенной» кавалерии, лейтмотивным делает эпитет «веселый»: «веселая странствующая артель», «веселое сознание опасности», «веселое отступление».

Кавалеристы знают, что благодаря мобильности и фактору внезапности их войско всегда сможет безнаказанно уйти от разъяренного врага. Понимание этого стратегического превосходства приводит к возникновению особого чувства благородного покровительства по отношению к другим родам войск, которое ассоциируется с рыцарским культом прекрасной Дамы: «Ни один рыцарь не беспокоится о судьбе своей дамы, как кавалерист о безопасности артиллерии, находящейся под его прикрытием...» [5, 321]. Но с еще большей тщательностью рыцарский этикет («изысканная любезность») проявляется во взаимоотношениях между кавалеристами разных частей.

В военной прозе конца 1950-х — середины 1980-х гг. к людям боя относятся капитан Рюмин (К. Воробьев «Убиты под Москвой»), майор Ушаков (Г. Бакланов «Мертвые сраму не имут»), Куропатенко (Г. Бакланов «Июль 41 года»), лейтенант Богачев (Г. Бакланов «Южнее главного удара»), капитан Орлик (В. Некрасов «Вторая ночь»), лейтенант Орлов (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»), Борис Брянцев (Ю.В. Бондарев «Юность командиров»).

В.А. Чалмаев, раскрывая образ капитана Рюмина (К. Воробьев «Убиты под Москвой»), отмечал присутствие явных признаков гумилевских рожденных воинов: корпоративный аристократизм, высокомерие [10, 63].

Человек боя воспринимает себя прежде всего как сильную духом личность, способную быть лидером и образцом для подражания. Поэтому характерной чертой данного типа является подчеркнутое внимание к своему внешнему виду. Капитана Рюмина отличает надменно-ироническая улыбка, военная выправка («застегнут и затянут так, словно никогда не раздевался»). Майор Ушаков, чтобы казаться выше, даже в сильные морозы носит кубанку и кавалерийскую шинель, перетянут скрипящими ремнями. Капитан Орлик появляется в легких хромовых сапогах и сбитой на ухо пилотке. О Борисе Брянцеве сокурсники говорят, что он «родился в военной форме». Борис Брянцев рыцарски галантен в общении с товарищами и непримирим в бою, курсанты отмечают у Бориса задатки военного лидера («он точно родился офицером»). Для Богачева характерно наличие чувства элитарности. Человеческое общество для героя делится на разведчиков (людей привилегированной касты) и всех остальных. Безответная любовь Богачева к Тоне в произведении обретает характер поединка. Например,

герой не говорит о своих чувствах открыто, а доказывает свое превосходство рискованными вылазками в тыл врага. Богачев не только добывает «языков», но и отправляется в немецкий тыл за совершенно ненужными вещами, например, дерзко выкрадывает из немецкого блиндажа патефон с пластинками, а потом празднует завершение удачной «операции» в землянке с разведчиками, демонстративно не замечая Тоню.

Человек боя часто находится в состоянии конфликта с окружающими людьми. Причиной данных конфликтов является сложная система ценностей и принципов персонажей: обостренное чувство собственного достоинства, препятствующее появлению доверительных отношений, культ личной победы, который нередко становится предпосылкой для появления чувства зависти к боевому успеху товарищей. Например, майор Ушаков вызывает к себе чувство непонимания и неприязни у сослуживцев, так как «спит и видит себя генералом». Куропатенко не может побороть чувства зависти к Прищемихину, которому предстоит принять свой последний бой, чтобы дать армии выйти из окружения. Раненый лейтенант Орлов самолюбиво обижается на Ермакова, решившего принять командование батальоном.

Лейтенант Брянцев во время военных действий участвует во многих опасных заданиях и пользуется уважением среди сослуживцев. Однако приобретенное на передовой чувство свободы затрудняет адаптацию Бориса в училище к мирной жизни: «Начинается тыловое воспитание! Когда там лупили всякую сволочь — награждали, а здесь — наряды» [3, 20]. Неумение жить по дисциплинарному уставу, сознательное подавление майором Градусовым культа личной доблести, стремление к лидерству, которые во время войны были эффективными стимулами и приветствовались («плох тот солдат, что не мечтает быть генералом»), приводит героя к конфликту с окружающими людьми. Брянцев интригует против лучшего друга. По верному замечанию капитана Мельниченко, Борис из храброго боевого офицера за год вне войны превратился в труса «перед жизнью и самим собой». Неразрешимое противоречие между морально-этическими принципами лейтенанта Брянцева жить по совести и стремлением к лидерству приводит героя к единственному решению, которое соответствует его пониманию об офицерском достоинстве, — увольнению из армии.

Бравада Рюмина во время авианалета напоминает поведение Н.С. Гумилева, известное по

воспоминаниям современников. Например, из воспоминаний полковника А.В. Посажнова известно, что Н.С. Гумилев во время вражеского обстрела позиций невозмутимо прикурил сигарету и только после этого спустился в окоп.

Если в вышеуказанных произведениях военной прозы конца 1960-х — середины 1980-х годов гумилевский тип человека боя действует преимущественно в военной обстановке, то в повести С. Никитина «Падучая звезда» образ человека боя показан вне хронотопа войны.

Характер героя передан не глазами окружающих, а при помощи самохарактеристики. Отец Мити Ивлева, уходя на фронт, излагает сыну свою жизненную философию. Из монолога читатель узнает не только о жизни Митино-го отца, но и о системе жизненных ценностей персонажа.

Отличительной чертой героя является направленность на себя: даже объяснение с сыном перед уходом на фронт, которое может стать последней встречей, он оформляет как передачу «полезных истин», но не как покаяние или поиск утраченных контактов.

Отцом Мити самоустраняется от различного рода обязанностей, которые могут ограничить его свободу, возможность проявить себя. В качестве препятствия он воспринимает семью, долг отцовства. Как и герой произведений Н.С. Гумилева, персонаж повести С. Никитина не может полностью реализовать себя в мирное время, бежит от покоя и быта, постоянно ищет возможность испытать характер и волю (поездки по Кавказу, Средней Азии, Гималаям, Дальнему Востоку, охота на хищников).

Образ человека боя в военной прозе конца 1960-х — середины 1980-х гг. имеет сходство с героями Н.С. Гумилева также во внешнем облике.

Неотъемлемым атрибутом человека боя становится стек (прутик, веточка). Согласно «Толковому словарю иностранных слов» стек (англ. stick — буквально палка) — «тонкая палочка», «применялся как хлыст при верховой езде» [7, 664], был не нужен в пехоте, использовался писателями для создания особого образа. Например, о капитане Рюмине в повести К. Воробьева «Убиты под Москвой» говорится: «...с губ его не сходила всем знакомая надменно-ироническая улыбка, и из рук, затянутых тугими кожаными перчатками, он не выпускал ивовый прут, до половины очищенный от коры. Каждый курсант знал, что капитан называет эту свою лозинку стек-ком...» [4, 147]. Во время немецкой атаки май-

ор Ушаков идет под пулями, словно заговоренный, «похлестывая себя прутиком по голенищу сапог». Командир полка Куропатенко, наблюдая сражение, также постегивает плеткой по голенищу сапог.

Несмотря на неумение ладить с людьми, сложность характера, человек боя способен вызвать восхищение, стать образцом для подражания. Однако ощущение себя человеком боя — это состояние, присущее от природы. Им нельзя стать, можно только родиться. В повести Г.Я. Бакланова «Южнее главного удара» сержант Орлов пытается воспитать в себе характерные качества человека боя, имитирует поведение прирожденного воина. Например, во время минометного обстрела демонстративно остается стоять, облокотившись на бруствер окопа, обращается подчеркнуто снисходительно к окружающим. Орлов может совершить подвиг, героически погибнуть лишь при условии, что о его поступке узнают люди, тогда как умереть безвестно, как безымянный пулеметчик, до последнего патрона стрелявший в идущий на позицию немецкий танк, не может: «Вчера только Орлов сам подорвал гранатой немецкий танк. <...> На глазах у людей, в азарте, Орлов был готов умереть, хотя любил жизнь и знал многие ее радости. А вот так, одному...» [2, 128]. Более того, сержант Орлов в душе готов оправдать покинувшего позицию солдата, который не вступил вместе с безымянным пулеметчиком в неравный смертельный бой с немцами: «Пэтээровец бросил ружье и прыгнул в овраг, а пулеметчик остался. Он был один, он мог уйти — кто ему судья? <...> И хотя Орлов никогда никому не признался бы в этом, в душе он считал, что прав пэтээровец. Тот — жив. Он вернется в часть и как расскажет о себе, так о нем и будут судить» [2, 127–128]. Видя приближающихся немцев, Орлов бежит к оставшимся чинить трактор бойцам, но не для того, чтобы предупредить товарищей о возникшей угрозе, а чтобы самому найти защиту.

В системе образов героев военной прозы человек боя занимает особое место, что объясняется двойственным отношением к данному типу.

С одной стороны, писатели не могли не признать достоинств в характере и поведении героя. С другой стороны, отмечают потенциальную опасность, которую несут безрассудно-храбрые порывы человека боя. Противоречие отношения наблюдается уже в самом имени героя. Например, в произведениях Ю.В. Бондарева («Батальоны просят огня»), В. Некрасова («Вторая ночь») и Г. Бакланова («Южнее главного удара») люди боя

носят фамилии, которые происходят от существительного «орел» (старший лейтенант Орлов, капитан Орлик, сержант Орлов). Е. Левкиевская описывает двойственное отношение в восточно-славянской мифологии к орлу. Во-первых, орел признавался царем птиц, хозяином небес. Во-вторых, считалось, что орел — птица, проклятая Богом [8]. В русском языке существительное «орел» в переносном значении употребляется по отношению к «гордому, смелому, сильному человеку» [9, 459]. Не случайно в романе А. Злобина «Самый далекий берег» Чагода — командир разведгруппы — называет своих бойцов не иначе как орлами. Сравнение солдат и офицеров с орлом является наивысшей похвалой в устах героя. Однако в выборе авторами «орлиных» фамилий прослеживается не столько следование романтической традиции наделять семантически значимой фамилией героя, выделяющегося своими качествами, сколько противоречивое отношение к нему. Например, в повести В. Некрасова «Вторая ночь» человек боя носит фамилию Орлик (т.е. орел, но маленький). Вспомним о снисходительном отношении опытных солдат к безрассудно храброму, гордому капитану. В повести Г. Бакланова сержант Орлов искусственно имитирует поступки прирожденного воина, но не является таковым (т.е. Орлов, но не орел). Однако прием наделения героя фамилией, несущей смысловую нагрузку, не становится общей тенденцией для военной прозы.

Противоречивое отношение к типу человека боя является свидетельством наличия в прозе исследуемого периода конфликта державной и антивоенной традиции. Конфликт антивоенной и державной традиции в пользу антивоенной линии выражается несколькими способами:

1. Писатели противопоставляют или сравнивают мировоззрение, поведение человека боя и труженика войны, при этом предпочтение отдается труженику войны (Орлов — Бульбанюк, Куропатенко — Прищемихин).

2. Писатели нередко снижают образ человека боя:

- 1) путем привнесения комического эффекта единственной деталью при описании внешности персонажа;
- 2) через отношение «любимых» героев прозы к высказываниям и поступкам романтиков войны и человека боя;
- 3) через несоответствие действительности представлению о ней человека боя.

Утверждая антивоенные идеи, военная проза отдает предпочтение героям невоенного склада,

для которых война является вынужденным, неестественным состоянием. Показательным является эпизод разговора солдат о традициях японских самураев, которые объявили воинскую честь и славное имя превыше жизни, в романе А. Злобина «Самый далекий берег». Провокационный вопрос Стайкина: стал бы Шестаков за миллион и возможность обрести вечную славу смертником, как камикадзе, перерастает в разговор о сути героизма на войне. Шестаков отказывается от денег и героической смерти. Капитан Рязанцев произносит: «Героическая смерть во имя идеи и смерть за миллион — это совсем разные вещи» и признает правоту Шестакова.

В романе Г.Я. Бакланова «Июль 41 года» полковник Нестеренко оставляет прикрывать отход корпуса не человека боя Куропатенко, а офицера — труженика войны Прищемихина, аргументируя свой выбор словами: «...достойней тебя оставить мне было некого».

В повести Ю.В. Бондарева «Батальоны просят огня» образу вспыльчивого, азартного, бесшабашного Орлова противопоставлен образ думающего, осторожного командира, труженика войны Бульбанюка. Описание привычек, действий одного героя сопровождается сравнением с привычками и действиями другого. Автор-повествователь при всем восхищении безрассудно-храбрым Орловым нравственную правоту признает за поступками Бульбанюка.

В книге Ю.В. Бондарева «снижение» образа человека боя достигается с помощью такой детали, как пуховый платок. Орлов впервые предстает перед читателями перевязанным пуховым платком (у старшего лейтенанта болят зубы). Внешность Орлова вписывается в представление о данном типе героя («злой, гибкий, с нестерпимо зелеными, отчаянными глазами»), однако постоянное упоминание о перевязанной опухшей щеке, которая «смешно скашивается» в разговоре, разрушает созданный романтический ореол.

«Снижение» образа человека боя может достигаться метким комментарием тружеников войны. В повести Г. Бакланова «Мертвые сраму не имут» наряду с авторским описанием облика и поведения майора Ушакова, который внешне похож на героев произведений о революции и гражданской войне (затянут кожаными ремнями, улыбается, обнажая стальные зубы, носит кавалерийскую шинель, при этом автор ненавязчиво поясняет, что шинель помогает герою скрыть небольшой рост), щепетильность Ушакова показана так, как видит ее труженик войны Криво-

шеин: «В самые сильные морозы Ушаков ходил вот в этой кубанке. Даже на уши ее не натянет. Крайнее, что мог позволить себе, — это потереть ухо перчаткой. Кривошеин был обыкновенный человек, и у него на морозе мерзли уши. И, между прочим, он не считал это таким уж большим преступлением» [1, 294–295].

В повести Г. Бакланова «Южнее главного удара» прослеживается нелюбовь героев к сержанту Орлову, который подражает людям боя. Пожилой Архипов осуждает Орлова за показную храбрость во время обстрела немцами позиций, Беличенко в присутствии сержанта не хочет прощаться с Ваней Горошко, уходящим на задание.

В повести В. Некрасова «Вторая ночь» неопытный Ленька Богорад искренне, по-мальчишески влюбляется в капитана Орлика. Восхищение Леньки настолько велико, что в присутствии капитана он теряет дар речи, но после того, как Орлик зло шутит, разглядывая фотографии убитого немца, Ленька разочаровывается в своем кумире. Опытные солдаты расценивают безрассудную храбрость капитана Орлика как проявление слабости характера. Например, рядовой Антонов, узнав, что Ленька идет с Орликом в разведку, просит неопытного молодого солдата «присмотреть» за капитаном, так как последний «обязательно во что-нибудь впутается». Покровительственное отношение со стороны подчиненного, без труда предугадывающего действия командира, и особенно данная ему меткая характеристика («шило у него в одном месте торчит») позволяют говорить не о поэтизации образа человека боя, а о потере данным типом ореола привлекательности, который создала предшествующая литература.

В повести Г. Бакланова «Мертвые сраму не имут» отношение к данному типу героя показано через несоответствие действительности представлению о ней человека боя. Человек боя Ушаков, вписывая в свою концепцию войны окружающих людей, хочет увидеть в замполите Васиче комиссара, воспетого литературой о революции. Раскрывая образ Васича, который является типичным тружеником войны, автор подчеркивает отсутствие в герое тех черт характера, которыми пытается «наделить» Васича Ушаков. Васич в отличие от героев произведений Фурманова, Фадеева, Серафимовича не носит кожаное пальто, не смотрит на врагов стальным взглядом, у него нет маузера на боку. Автор обращает внимание на добродушную усмешку, смущение в разговоре с женщиной, проявление отцовской нежности к незнакомому ребен-

ку. Васич снисходительно относится к Ушакову, прощая боевому товарищу его слабости. Майор Ушаков как прирожденный воин гибнет в бою. Герой в последние минуты жизни чувствует себя счастливым, видя горящий танк противника. Но Ушаков умирает обманутым, так как принимает за подбитые танки противника горящий советский трактор. Таким образом, описание смерти Ушакова приобретает скорее иронический, чем героико-романтический оттенок.

Ощущение внутреннего разлада, безысходности из-за несоответствия реальной войны и действительности идеальному представлению приводит к самоубийству капитана Рюмина (К. Воробьев «Убиты под Москвой»). Исследователь В.А. Чалмаев [10], анализируя образ капитана Рюмина, обращает внимание на авторские комментарии. До прибытия на передовую и во время планирования штурма села действия Рюмина сопровождаются пояснениями, подчеркивающими уверенность героя («четкая интонация», «торжественно напряженная команда», «стремительный шаг»), тогда как в ситуациях, не включенных героем в систему концепта «война» (осознание роли отрядов НКВД, наличие недоверия среди курсантов, политика доносительства), прослеживается растерянность капитана Рюмина («растерянно улыбнулся», «тихо спросил», «не приказал, а посоветовал»). Именно несоответствием представляемого действительному объясняется противоречие в поведении Рюмина. Рюмин способен повести дерзкую атаку роту курсантов, вооруженных самозарядными винтовками, на укрепившийся в селе, вооруженный по последнему слову техники немецкий батальон, однако не решается поверить устному приказу об отступлении. Анализируя поведение героя повести К. Воробьева, В.А. Чалмаев приходит к выводу, что «время Рюминых с их мужеством, стеками, перчатками, но и робостью перед заградотрядом исчерпано... настало время тружеников войны, неказистых, заурядных внешне, но не ломающихся, опирающихся на терпение, разумную способность, подчиняясь обстоятельствам, жить и бороться» [10, 67].

Освоение образа человека боя продолжается и в 90-е годы, о чем свидетельствует роман Г. Владимова «Генерал и его армия». На наш взгляд, можно говорить о сложившейся бинарной противопоставленности человека боя труженику войны как одной из важнейших черт, которая определяет особенности функционирования военной прозы.

Библиографический список

1. Бакланов Г.Я. Мертвые сраму не имут // Бакланов Г.Я. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983.
2. Бакланов Г. Южнее главного удара // Бакланов Г. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983.
3. Бондарев Ю. Юность командиров // Бондарев Ю. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Молодая гвардия, 1974.
4. Воробьев К. Убиты под Москвой // Воробьев К. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 1991.
5. Гумилев Н. Записки кавалериста // Гумилев Н. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. М., 1991.
6. Гумилев Н.: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Н. Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2000.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 2000.
8. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2004.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998.
10. Чалмаев В.А. На войне остаться человеком. Фронтовые страницы русской прозы 60–90-х годов. В помощь преподавателям, старшеклассникам, абитуриентам. М., 2000.

G.F. Hasanova

«The image of the fighting man in the front generation prose»

In the article «The image of the fighting man in the front generation prose» under examination is the influence of N.S. Gumilev's traditions on the war prosaists' works, belonging to the late fifties — middle eighties years.

The type of the fighting man, which is traced back to N.S. Gumilev's works, is described on the material of V. Nekrasov's, K. Vorobyev's, U. Bondarev's, G. Baklanov's novels, narratives and stories.

А.А. КРАВЦОВА, аспирант кафедры профильного
обучения иностранным языкам
Орловского государственного университета

...И ВОТ ЧУЖОЕ СЛОВО ПРОСТУПАЕТ

(Поэзия рубежа веков (акмеизм):
семантическая связь цитаты с текстом-источником)

В статье рассматриваются отличительные особенности поэзии Серебряного века, а именно течение «акмеизм», временные рамки его существования, поэты, входившие в круг «Цеха поэтов», их программа. Особое внимание уделяется аспекту цитирования в поэзии акмеистов, семантической связи цитаты с текстом-источником.

Ключевые слова: акмеизм, цитата, семантическая связь.

Весьма актуальной сегодня представляется разработка теории интертекстуальности в системе многообразных категориальных форм поэтики произведений, имеющих своеобразные отличительные черты в литературе XX века. Рубеж XIX и XX столетий ознаменовался существенным сдвигом в сознании ценителей и творцов европейского искусства, «культура из европейской стала мировой, открыв для себя цивилизации с совсем иным видением мира» [2, 1993:9]. «Все лучшие произведения первой трети XX века ориентированы на интертекстуальные интерпретации — т.е. на память живого поэтического слова» [10, 2000:23]. В различных текстах использование отсылок осуществляется в разной степени. В художественной речи интертекстуальность максимально проявилась в поэзии Серебряного века. Установление строгих хронометрических рамок Серебряного века затруднительно. Приблизительно начало его можно датировать 1894–1895 годами. Окончанием или «началом конца» условно можно назвать 1921 год, когда умирают А. Блок и Н. Гумилев.

Творчество некоторых поэтов Серебряного века сознательно ориентировано на диалог с текстами мировой культуры, в них можно услышать различного рода переключки. Прежде всего это относится к «семантической поэтике», созданной представителями такого художественного направления, как акмеизм.

Установкой акмеизма было составление (при высокой степени избирательности) некоего фрагмента «мирового поэтического текста» [5, 1974:51], в который входили или который повторяли и тексты самих поэтов. Тем самым утверждалась идея «вечного возвращения» поэзии, действующей через время и пространство, поэзии, где любой текст может восприниматься одновременно как «свой» и как «чужой».

Но как официальное литературное течение акмеизм просуществовал не так уж долго. По предположению О.А. Лекманова, кончина акмеистической школы приходится на роковую для русской истории 1914 год — год начала первой мировой войны и «настоящего» XX века [6, 2000:129], хотя еще долго слышались отголоски акмеизма «после акмеизма» в последующие годы.

Статьи и публикации об акмеизме были написаны многими исследователями (М.Л. Гаспаров, В.М. Жирмунский, Г.А. Левинтон, О.А. Лекманов, О. Ронен, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян и др.).

Собственный текст создавался акмеистами в процессе и на основе изучения чужого текста, отсюда и обилие цитатных переключек в стихах представителей этого течения. Источниками цитат могли служить различные тексты: от стихов со товарищей до всего богатства предшествующей и современной литературы (вот откуда появилось знаменитое мандельштамовское определение акмеизма: «тоска по мировой культуре»).

(1) *Что, если, вздрогнув неправильно, / Мерцающая всегда, / Своей булавкой заржавленной / Достанет меня звезда?*

(О. Мандельштам

«Я вздрагиваю от холода...», 1912:43).

Ср. у В. Брюсова стихотворение «Холод» (1906): *От луны лучи протягиваются, / К сердцу иглами притрагиваются.*

Хотя заимствование неявное, автор уверен, что читатель его времени распознает его.

(2) Возможно, в следующем стихотворении А. Ахматовой содержится цитата, восходящая к циклу стихотворений М. Цветаевой:

Как и жить мне с этой обузой, / А еще называют Музой...

(А. Ахматова «Муза» из цикла

«Тайны ремесла», 1936–1960:163)

Ср. у М. Цветаевой из цикла «Ахматовой»: *О муза плача, прекраснейшая из муз!* (1916).

Стихотворение Н. Гумилева переключается со стихотворением М. Цветаевой:

И жалок голос одинокой музы, / Последней — Царского Села.

(Н. Гумилев «Памяти Анненского», 1915:163)

Ср. у М. Цветаевой из цикла «Ахматовой»: *Что тебя, чей голос — о глубь! о мгла! — / Мне дыханье сузил, / Я впервые именем назвала / Царскосельской Музы; И никнут льстиво / Над Музой Царского Села / Кресты крапивы* (1916)

(3) *O quae beatam, Diva,
tenes Cyprum et Memphin...*

Нор.

*О богиня, которая
владычествует над
счастливым островом
Кипром и Мемфисом...*

Гораций (лат.)

Красотка очень молода, / Но не из нашего столетья, / Вдвоем нам не бывать — та, третья, / Нас не оставит никогда.

(А. Ахматова «В Зазеркалье» из цикла «Полночные стихи», 1963:196)

У А. Ахматовой цикл стихотворений называется «Библейские стихи», каждое из стихотво-

рений предваряет эпиграф, заимствованный из Библии:

(4) *Но Давида полюбила ... дочь Саула,
Мелхола. Саул думал: отдам ее за
него, и она будет ему сетью.*

Первая Книга Царств

(А. Ахматова «Мелхола», 1922–1961:122)

Особенностью поэтики акмеистов является то, что при всем «многообразии цитации за чужим словом всегда можно услышать авторское (согласное или несогласное с этим чужим словом)... на одном уровне определенные элементы выступают как авторский текст, на следующем уровне они оказываются цитатой, позволяющей установить новые связи, которые по-новому строят все пространство стихотворения, а на еще более глубоком уровне обнаруживается, что цитата с определенной атрибуцией представляет собой цитату цитаты — многостепенное цитирование, объясняющее отчасти взаимоисключающие при первом взгляде отождествления у разных исследователей» [5, 1974:54]. При этом существует явная установка на соотнесение данного произведения с другими собственными произведениями автора, образующими единый поэтический текст, и с «мировым поэтическим текстом», конструируемым автором.

(5) *Мне не нравится томность / Ваших скрещенных рук, / И спокойная скромность, / И стыдливый испуг. / Героиня романов Тургенева, / Вы надменны, нежны и чисты, / В вас так много безбурно-осеннего / От аллеи, где кружат листья. / Никогда ничему не поверите, / Прежде чем не сочтете, не смерите, / Никогда никуда не пойдете, / Коль на карте путей не найдете. / И вам чужд тот безумный охотник, / Что, взойдя на нагую скалу, / В пьяном счастье, в тоске безотчетной / Прямо в солнце пускает стрелу.*

(Н. Гумилев «Девушке», 1912:121)

В примере (5) автор апеллирует не к одному произведению Тургенева, а ко всему творчеству писателя.

(6) *Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит, / Крапиве, чертополоху / Украсить ее предстоит. / И только могильщики лихо / Работают. Дело не ждет!*

(А. Ахматова «В сороковом году», 1940:166)

В стихотворении А. Ахматовой есть имплицитная цитата, представленная одним словом «чертополох». Это автоцитата, отсылка к собственному стихотворению «Поэт (Борис Пастернак)», 1936: *Кладбищенский воспел чертополох*, эта же цитата, в свою очередь, отсылает к стихотворению Б. Пастернака «Высокая болезнь».

Сложностью изучения акмеистического движения является, на наш взгляд, то, что, когда речь идет об акмеизме, не всегда понятно, о ком идет речь.

Обобщив исследования многих авторов, О.А. Лекманов предлагает рассматривать акмеизм как «сумму трех концентрических окружностей». Первый, самый широкий круг образуют участники «Цеха поэтов», это был самый многочисленный круг поэтов (хотя автор оговаривается, что знак равенства между принадлежностью к «Цеху» и к школе акмеизма не ставится). В целом «Цех» — это был союз, призванный объединить «все постсимволистское поколение поэтов». Во второй круг вошли С. Городецкий, А. Ахматова, О. Мандельштам, Н. Гумилев, М. Зенкевич и В. Нарбут. Третий был представлен поэтами, чью поэтику, в соответствии со сложившейся традицией, называют «семантической», — это О. Мандельштам, А. Ахматова, Н. Гумилев [6, 2000: 13–14]. Первые два круга определяются признаками биографическими, а третий — общностью поэтик [8, 1999: 426].

«Ахматова — поэт сухой. Ничего нутряного, ничего непросеянного. Это у нее общеакмеистическое. Особая профильтрованность сближает непохожих Ахматову, Гумилева, Мандельштама».

(Л. Гинзбург)

Особенности семантической связи цитаты с текстом-источником рассматриваются на примере поэтических произведений третьего круга поэтов, а именно А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, т.к. эти поэты входили во все три круга акмеистов, в их лирике наиболее полно отражены особенности поэзии акмеистов и характерные черты времени, в котором они творили. «Интенсивность, напряженность и изоциренность поэтического диалога действительно выделяют Гумилева, Мандельштама и Ахматову не только из вполне разношерстного круга членов первого «Цеха поэтов», но и из «корпоративно замкнутого круга» шести акмеистов» [6, 2000: 103].

Поэзия акмеизма характеризуется многообразием цитат. В случае цитирования (употребления реминисценций) авторы апеллировали к тому, что прототекст, используемый ими, хорошо знаком читателю. Если читатель по тем или иным причинам не видит в тексте заимствование, «чужое слово», то интерпретация данного текста оказывается неполной. Та или иная реминисценция может быть понята одним читателем и не замечена другим.

При употреблении цитат нередко одновременно реализуются буквальный (поверхностный) и небуквальный (глубинный) смыслы высказывания. Однако соотношение и значимость поверхностного и глубинного смыслов могут быть различными в зависимости от преследуемой автором цели. В связи с этим все случаи функционирования цитат можно разделить на две большие группы [3, 1997: 107–115]:

I. Семантическая связь цитаты с ситуацией ослаблена или полностью утрачена; её источник не играет большой роли в формировании смысла, а на первый план выходит прямое, поверхностное значение. Это часто происходит при формальном сходстве языковой конструкции, употреблённой в речи, с цитатой из того или иного источника.

II. Тесно связанные с прецедентной или иной предшествующей ситуацией определёнными смысловыми отношениями. При этом цитата выступает как означающее, сигнализирующее о некотором большем предшествующем контексте.

В поэзии акмеизма существуют примеры относительно самостоятельного использования цитат, когда их смысл понятен и без обращения к соответствующему источнику цитаты. В данном случае знание «происхождения» цитаты не оказывает существенного влияния на её семантику, хотя в большинстве случаев и дополняет основное значение цитаты различными коннотациями. Как правило, у акмеистов это ономастические цитаты, цитаты—названия произведений, в случаях их употребления необходимости в обращении к тексту самого произведения или произведений нет.

Следующий пример иллюстрирует употребление цитаты—названия произведения, когда обращение к тексту самого произведения не является обязательным и знание источника не окажет существенного влияния на семантику принимающего текста:

(7) *Не понимая ничего, /Читает «Фауста» в вагоне...*

(О. Мандельштам «Американка», 1913:66)

В следующем примере обращение к творчеству названных авторов также не является обязательным:

(8) *Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг — /Язык бессмысленный, язык солено-сладкий...*

(О. Мандельштам «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...», 1930-е гг.:220)

(9) *И поведал ветер блаженный/ То, что Лермонтов утаил.*

(А. Ахматова, 1961:180)

В данном случае знание творчества писателя может дополнить смысл употребления его имени в стихотворении, но не является необходимым условием понимания текста.

В классических случаях обращение к цитированию в поэзии акмеизма требует от реципиента не только собственно языковых знаний или фактологической информации, приобретённой в результате элементарного жизненного опыта, но и различных фоновых знаний. При использовании цитат автор нередко апеллирует к эрудиции (разного уровня) адресата.

Рассмотрим, например, употребление видоизмененной цитаты, заимствованной из Библии:

(10) *Он не солгал нам, дух печально-строгий,
/Принявший имя утренней звезды, /Когда ска-
зал: «Не бойтесь вышней мзды, /Вкусите плод и
будете, как боги».*

(Н. Гумилев «Потомки Каина», 1910:92)

Разумеется, автор ожидает, что читателю известно, что в Библии эти слова принадлежат змею-искусителю, убеждавшему первых людей попробовать запретное яблоко.

(Ср.: *Но знает Бог, что в день, в который вы
вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете,
как боги, знающие добро и зло.*

Ветхий Завет. Первая Книга Моисеева.

Глава 3)

Цитата влечёт за собой семантическое добавление за счёт «подключения» семантики исходного текста. Знание контекста источника расширяет для читателя смысл текста стихотворения-приемника.

В примере (11) осведомленность читателя о центральной проблеме ветхозаветного повествования о Давиде, который получил царство благодаря тому, что «Господь был с ним», оказывается необходимой:

(11) *Со дня Купальницы-Аграфены /Малино-
вый платок хранит. /Молчит, а ликует, как царь
Давид...*

(А. Ахматова «Со дня Купальницы-
Аграфены...», 1913:57)

Знание прецедентного текста раскрывает читателю все тонкости и дополнительные коннотации данного сравнения. Согласно Библии, многочисленные победы Давида сделали его любимцем народа. Давида полюбила дочь царя Саула, Мелхола, женившись на которой Давид стал царем.

При сохранении семантической связи с предшествующим текстом при цитировании смысл цитаты не сводится к её буквальному (поверхностному) значению. Цитата обладает и

другим, глубинным значением, которое реципиент выводит через определение источника и первоначального контекста (большого или меньшего) цитаты при учёте контекста текста-приемника. В теории речевых актов употребление цитат в этом случае можно охарактеризовать как косвенный речевой акт [3, 1997: 110], в котором «говорящий передаёт слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [9, 1982: 197].

Следующий пример иллюстрирует взаимодействие двух значений цитаты — поверхностного и глубинного:

(12) *...И женщина, как серна боязлива, /Во
тьме к прохожему спешит. /Она смотрит, она поет
и плачет /И снова плачет и поет, /Не понимая, что
все это значит, /Но только чувствуя — не тот.*

(Н. Гумилев «Памяти Анненского», 1915:163)

«Она поет и плачет... плачет и поет...» — заимствование из стихотворения А. Ахматовой «Не хулил меня, не славил...» (1915): *Как тогда ее я спрячу,
/Как от Бога утаю? /Та, что так поет и плачет,
/Быть должна в его раю.*

В стихотворении Ахматовой речь идет о душе, которую отдали ей «на хранение». Возможно, в стихотворении Гумилева плачет уже не женщина, которая «во тьме к прохожему спешит», а душа.

Не тот — цитата, заимствованная из собственного стихотворения Н. Гумилева «Однажды вечером» (1912): *О Леконте де Лиле мы с тобой гово-
рили, /О холодном поэте мы грустили с тобой. /
Мы не раз открывали шелковистые томы /И чита-
ли спокойно и шептали: не тот!*

В тексте-источнике «не тот» относится к поэту, поэтому и во вторичном (принимающем) контексте «не тот» уже не просто прохожий. В данном случае автор рассчитывает на знания читателя, скрывая цитаты в тексте своего стихотворения. Акмеисты сознательно скрывали цитаты в текстах своих стихотворений, следуя принципу ничего не облегчать и не раскрывать читателю, но некоторые примеры иллюстрируют не только взаимодействие глубинного и поверхностного смыслов цитаты, но и указание направления интерпретации для читателя.

(13) *Зловещий голос — горький хмель — /Души
расковыривает недра: /Так — негодующая Федра —
/Стояла некогда Рашель...*

(О. Мандельштам «Ахматова», 1914:73)

Словосочетание «зловещий голос» заимствовано из стихотворения Н. Гумилева, ср.: *«И этот голос, нежный и зловещий, / Уже читающий стихи!»*

(Н. Гумилев «Памяти Анненского», 1915:163)

В стихотворении Гумилева «зловещий голос» принадлежит Ахматовой, подсказкой для читателя служит название стихотворения Мандельштама «Ахматова».

Для поэзии акмеизма в целом сохранение семантической связи цитаты с прецедентным текстом является существенным. В основном (в 92% случаев) цитата связана смысловыми отношениями с предшествующей ситуацией тем или иным образом, и лишь в 8% цитат в текстах поэтов-акмеистов их связь с текстом-источником не является значимой или сильно ослабляется.

Библиографический список

1. Ахматова А. Я — голос Ваш. М.: Книжная палата, 1989. 381 с.
2. Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века»//Русская поэзия «серебряного века». 1890–1917. Антология. М., 1993.
3. Гудков Д.Б. Прецедентное имя: Проблема денотации, сигнификации и коннотации / Д.Б. Гудков // Лингво-когнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М.: Филология, 1997. С. 116–129.
4. Гумилев Н. Шестое чувство. СПб.: «Азбука-классика», 2006. 351 с.
5. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. Russian Literature, № 7/8, 1974. С. 47–82.
6. Лекманов О.А. «Книга об акмеизме и другие работы». Томск. изд. «Водолей», 2000.
7. Мандельштам О. Стихотворения. М.: Эксмо, 2006. 382 с.
8. Новое литературное обозрение. 1999. № 35.
9. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 17. С. 195–222.
10. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

Kravtsova A.A.

... And here someone else's word shows through.

(Poetry of the turn of the century (acmeism): semantic connection of a quotation with its source-text).

Distinctive features of the poetry of the Silver Age, more exactly of 'acmeism', the temporal frame of its existence, the poets the 'Corporation of Poets' comprised, their program are examined in this article. Special attention is paid to the aspect of quoting and the semantic connection of a quotation with the source-text in the poetry of acmeism.

*О. В. ИВАНЯЙНЕН, аспирант кафедры истории
русской литературы XI–XIX вв.
Орловского государственного университета*

ФУНКЦИИ ФОРМУЛ «ЯКО ЖЕ РЕКОХОМЪ», «МЫ НА ПРЕЖНЕЕ ВОЗЪВРАТИМСЯ» И ДРУГИХ В ТЕКСТЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В статье классифицируются типы авторских ремарок в тексте «Повести временных лет», которые служат для соединения разных фрагментов текста. Исследование таких случаев авторского присутствия в летописи может приблизить к более точному пониманию проблемы автора древнерусского летописного текста.

Ключевые слова: авторские ремарки, соединение фрагментов текста, понимание проблемы автора.

Формулы «яко же рекохомъ», «мы на прежнее возвратимся», «яко же скажем послѣже», «се же повѣсть мало нѣчто» и их варианты встречаются в тексте «Повести временных лет» на протяжении всего повествования. В.Ф. Харпалёва рассматривает подобные конструкции в ряду авторских ремарок, «которые являются своеобразными скрепами, мостиками между частями летописи» [1. С. 107].

Нам представляется продуктивным разбить вышеозначенные формулы на четыре группы. К первой группе относится ремарка «яко же рекохомъ» и её варианты, которая используется летописцем для напоминания читателям о событиях, действиях, качествах персонажей и т.д., описанных ранее в тексте. Ко второй группе примыкает формула «мы на прежнее возвратимся» и её варианты, к которой автор прибегает, как правило, для возвращения к главной теме, прерванной комментариями и оценками ситуации, поступков персонажей и т.д. Третью группу составляет формула «яко же скажем послѣже» и её варианты, которую автор использует, сообщая о событиях, ещё не произошедших. Четвёртая группа ремарок «се же повѣсть мало нѣчто» и подобные готовят читателя к восприятию информации.

Рассмотрим означенные группы подробнее. Среди устойчивых, повторяющихся выражений наиболее употребительными являются формулы первой группы: «яко же рекохомъ», «яко же глаголахъ», «яко же рекохом преже», «яко же и в прежнее лѣто сказахъ» и другие. Используя подобные ремарки, летописец отсылает читателя к предшествующему тексту, напоминает о нём или рассчитывает, что читатель помнит о сказанном раньше. По мнению А.С. Дёмина, «склонность летописца к последовательно «подразумевавательному» повествованию можно объяснить тем, что летописец ожидал от читателя недюжинной сообразительности, ставил читателя как бы в положение проницательного участника событий... летописец, проявляя свою памятьливость, одновременно так или иначе побуждал читателя к воспоминанию о прочитанном, в том числе к памяти на детали» [2. С. 561, 565]. Например, летописец напоминает читателям о месте расселения славян: *Словѣньскѹ же языку, яко же рекохомъ, живушю на Дунаи* [3. С. 14]; о происхождении племени полян: *Полянѹ же живущемъ осовѣ, яко же рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне* [3. С. 14]. Действительно, о том, что славянский народ жил на Дунае и поляне «же жившемъ осове», летописец сообщал раньше. А. С. Демин отмечает, что летописец в таких случаях приводит только начало или часть вышерассказанного [2. С. 522].

По такому же принципу (краткий пересказ изложенного ранее) строятся и другие эпизоды «Повести временных лет», где используются формулы напоминания о ранее сказанном. Так, говоря о заслугах Ярослава: **Ярославъ же сей, якоже рекохом, любимъ въ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ** [3. С. 103], летописец апеллирует к изложенному ранее: **Заложил Ярославъ городъ великий, у него же града сѣтъ Златая врата; заложил же и церковь святая Софья... И въ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризыцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая 'е часто в нощи и въ дне. И собра писцы многы и прекладаше от грекъ на словѣнское писмо. И списаша книги многы, ими же поучащеся върнии людье наслаждаются ученья божественаго** [3. С. 102]. Напоминание о добродетелях Антония: **Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньем, якоже глаголахъ** [3. С. 107] вытекает из предыдущего текста, где подробно рассказывалось о судьбе основателя Печерского монастыря, которому положил Бог на сердце идти странничать, а игумен Святой Горы постриг в монахи, дал имя Антоний и благословил вернуться на Русь для устройства монашеской жизни.

Формула «якоже рекохомъ» может служить напоминанием о месте захоронения князя: **И собрашася епископы, и игумены, и черноризыци, и попове, и боляре, и простии людье, и вземше тѣло его (Всеволода, сына Ярослава Мудрого, внука Владимира), со обычными пѣснями положиша 'и въ святѣй Софьи, якоже рекохомъ преже** [3. С. 142]; о месте заточения князя: **Василковни же сѣщю Володимери, на прежереченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великий, и мнѣ тѣ сѣщю, Володимери, въ едину нощъ присла по мя князь Давыдъ** [3. С. 175]; о примирении между князьями: **В лѣто 6606/1098. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ** [3. С. 181]. В последнем примере автор конкретизирует дату первоначального текста-сообщения (под предыдущим годом, то есть отправляет читателя к 1097 году). Иногда летописец делает ссылку на начало погодной записи, хотя прямо об этом не сообщает (в расчёте на «догадливого» читателя). Напоминание о строительстве Ладоги под 1114 годом: **Се бо и высть послѣдняя земля, о ней же сказахомъ первое** [3. С. 199].

Как правило, авторские ремарки первой группы употребляются летописцем в особо значимых эпизодах и помимо напоминания читателям, точности и связи воедино текста летописи играют роль своеобразных акцентов. Для летописца —

первого историографа — важным представлялось происхождение и местонахождение славянского народа, автономность и выделенность из числа других племени полян. Его интересовала судьба Русской земли, поэтому он сосредоточивает внимание на заслугах князей, на их сплочённости. Будучи человеком духовного звания, летописец подчёркивает роль добродетельной жизни монахов (см. пример с Антонием), богоизбранности Руси. Так, дважды летописец напоминает о знамении в Печерском монастыре, которое трактует как явление ангельское. Под 1110 годом: **Якоже рекохомъ прѣже зънаменье се высть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18** [3. С. 190]; Под 1111 годом: **Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменики, русьскии князи. Се бо, якоже рекохомъ, видинье видиша в Печерскомъ монастыри, еже стояше столпъ огненъ на трапезници, та же преступѣ на церковь и оттѣда к Городцю; тѣ бо вѣше Володимеръ в Радосыни** [3. С. 192]. Если первая ссылка на знамение возвращает читателя к началу погодной статьи, то второе упоминание о знамении относится к предыдущему году (1110). Знамение в Печерской обители автор связывает с поведением Владимира, которому ангел — посланник Божий вкладывает в сердце мысль поднять всю братию на борьбу с иноплемениками: **И тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, якоже рекохомъ** [3. С. 192].

Как видно из текста, связка «якоже рекохомъ» обычно отправляет читателя либо к началу погодной статьи, либо к предыдущему году. Однако в примере с «теремным двором» она действует на непривычно длинное расстояние — 35 лет. В погодной записи под 980 годом в сюжете убийства Ярополка и вокняжения Владимира находим авторскую ремарку: **И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити 'и».** Володимеръ же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде тѣ с вон и съ дружиною своею [3. С. 55]. О теремном дворе упоминается в период княжения Ольги под 945 годом: **надъ горою дворъ теремный, въ бо тѣ теремъ камень** [3. С. 40]. По такого рода замечаниям историк-текстолог А.Л. Никитин выделяет работу одного из летописцев, которого называет «краеведом» [4. С. 3]. Оказывается, «краевед» не только «краеведческие» замечания делал, но и серьёзные сюжеты излагал.

С упоминанием в «Повести временных лет» о Янке — дочери Всеволода связана текстологическая «закавыка». В погодной записи под 1089 го-

дом автор напоминает о Янке: **В се лѣто иде Янка в Греки, дщи Всеволожа, реченая преже** [3. С. 137]. Однако в тексте по Лаврентьевскому списку о Янке нигде «преже» не говорится. О ней упоминается в Ипатьевском списке под 1086 годом, где говорится, что Янка организовала при церкви святого Андрея монастырь, где и приняла постриг. Таким образом, в первоначальном варианте о Янке всё же говорилось, и, вероятно, в Лаврентьевском списке мы имеем дело с поздней редакцией, удалившей эти, по-видимому, малозначительные сведения.

Отметим, что авторские ремарки типа «яко же рекохомъ», отнесённые нами к первой группе, встречаются и перед цитированием из Священных книг, но отсылают читателя не к летописному тексту, а к Псалтыри и другим религиозным источникам, при этом глаголы становятся безличными: **Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша ангели, яко же речено бысть: «Бгда раздѣляше вышнии языки, ихъ же расия сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ Божий; ны и вѣрнымъ человекомъ комуждо достася ангелъ»** [3. С. 193]; **Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша ангели, яко же речено бысть: «Бгда раздѣляше вышнии языки, ихъ же расия сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ Божий; ны и вѣрнымъ человекомъ комуждо достася ангелъ»** [3. С. 193]; **якоже глаголетъ: «И се мужъ одѣнъ въ пѣстро, и лядвия его припоясани златомъ чистомъ, и тѣло его, аки фарсисъ, и лице емѹ, аки молнья, и очи емѹ, яко свѣщи огненѣи, и мышци емѹ плещи подовни мѣди чистѣи, и глагола его, аки народа многа»** [3. С. 194]; **Се бо людемъ работати персямъ нѹжаше, яко же речено бысть, се же раздришити пленныя тѣшашеся** [3. С. 194]. Устойчивые обороты в данных примерах служат не напоминанием читателю о чём-либо, а отсылают к источнику цитирования.

Ко второй группе мы отнесли ремарки типа «мы на прежнее возвратимся», используемые летописцем для возврата читателя к главной теме повествования. Обращение к такого рода формулам А.А. Пауткин связывает с потребностью средневекового писателя «отвлечься от конкретных фактов, дать оценку происшедшего... Последовательность изложения событий сохранялась, так как летописец всегда продолжал прерванный рассказ, крупные и мелкие происшествия вновь «выстраивались» в ряд друг за другом в соответствии с их временной очерёдность» [5. С. 19].

Летописец прибегает к формуле «мы на прежнее возвратимся» уже в конце первой датированной статьи 852 года. Завершив хронологи-

ческую таблицу, летописец уведомляет: **Но мы на прежнее возвратимся и скажемъ, што ся здѣя в лѣта си, яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа (17)**. Как замечает П.П. Толочко, «автор постоянно держит в уме событийную его канву» [6. С. 41].

Тема целостности Русской земли, её богоизбранности не могла не волновать летописца, поэтому сообщение о приходе иноплеменников под 1068 годом и их победе над Ярославичами прерывает авторское отступление о «казнях Божиих». Возврат к главной теме осуществляется с помощью ремарки: **Мы же на предѣлежащее паки возвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Киеву повѣгшу, а Святославу Чернигову, и людье киевстни привѣгоша Киеву»** [3. С. 114]. Аналогичный пример находим под 1096 годом. После сообщения о князьях Святополке и Владимире, понуждающих Олега пойти к брату Давыду и заключить договор, чтобы оборонить Русскую землю от поганых, следует рассказ от первого лица о набеге половцев с Боняком шелудивым на Киев и Печерский монастырь, отступление о нечистых, заклѣпанных Александром Македонским народах, поучение Владимира Мономаха, рассказ от первого лица о неведомых народах — юграх. К основной теме — взаимодействию русских князей — возвращает авторская ремарка: **Но мы на предняя взвратимся, яко же бяхом преже глаголали** [3. С. 168]. Причём здесь, как и в случае с эпизодами, связанными формулой «яко же рекохомъ», возвращая читателя к главной теме, летописец кратко пересказывает события, описанные ранее. Особенно показателен пример из статьи 1096 года. В начальной части статьи читаем: **И выльзе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста емѹ миръ, рекѹща сице: «Иди к братѹ своему Давыдови, и придѣта Киеву на столъ отецъ наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей, Киевъ; тѹ достойно снятися и порядъ положити»**. Олег же обѣщася се створити, и на семь цѣловаша крестъ [3. С. 150]. Затем идет многостраничное повествование, включающее и Поучение Мономаха, и через 18 страниц современного типографского издания читаем: **Но мы на предняя взвратимся, яко же бяхом преже глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к братѹ своему Давыдови Смолинску, и прити з братом своим Киеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити** [3. С. 168].

Последовательность событий в статье под 1097 годом нарушает авторское отступление о любви Владимира к игуменам, митрополитам и монахам. После чего летописец возвращает читателей к теме взаимоотношения князей: **Но мы**

на свое възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и княном, яко миръ бѹдетъ [3. С. 175]. О том, что княгиня была у Владимира, уже сообщалось, но летописец, заботившийся о связности текста, ещё раз повторяет: Княгини же бывши у Володимера [3. С. 175].

Зачастую летописец нарушает хронологию событий, забегая вперёд, сообщая о событиях, ещё не произошедших. Такие ремарки мы условно относим к *третьей группе*. Так, во вступительной части «Повести временных лет» автор сообщает: По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послѣ же при Олзѣ [3. С. 14]. Действительно, в погодной записи под 898 годом находим: Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорское [3. С. 21]. При учёте, что первая запись относится к недатированной части, а вторая значится под 898 годом, то, исходя из первой даты (852 год), от момента упоминания об угрох до их реального похода прошло более 46 лет.

В примере с Феодосием Печерским, о котором летописец упоминает в статье под 1051 годом и обещает рассказать позже, с момента обещания до реального сообщения проходит 23 года: Феодосьеви же живущю в монастыри, и правящю добродѣтельное житѣе и чернечское правило, и принимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ хѹдый и недостойный рабъ, и приять мя лѣтъ ми сѹщю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти монастырь, и что ради зовется Печерский. А о Феодосьевѣ жити паки скажемъ [3. С. 107–108]. Погодная записи 1074 года начинается известием о смерти Феодосия: В лѣто 6582/1074. Феодосии, игѹменъ печерский, преставися [3. С. 122].

Рассказывая о правлении Владимира, когда тот был ещё язычником, поэтому ставил идола языческим богам (980 г.), автор преднамеренно забегает вперёд — во времена Владимира-христианина: Но превлагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоитъ, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възвратимся [3. С. 56]. Своё обещание он выполняет в статье под 988 годом, то есть спустя 8 лет: И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кѹмиръ Перѹнъ и прочии, иде же творяхѹ потребы князь и людѣе [3. С. 81].

Иногда летописец конкретизирует. В статье 1102 г. читаем: На придѹщее лѣто вложи Богъ мысль добрѹ в рѹсьскыѣ князи: ѹмыслиша дерзнѹти на половцѣ и понти в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣ же в пришедшее лѣто [3. С. 183]. Обещание

выполняет под следующим годом — 1103-м.

К *четвёртой группе* относятся ремарки, используемые автором для подготовки читателя к восприятию информации. Они не отсылают к предыдущим текстам, не возвращают к главной теме после отвлечённых рассуждений, не обещают рассказать о том, что будет, а предваряют рассказ летописца сейчас, в настоящем. Значительная часть этих ремарок встретила на отрезке летописи, относящемся к так называемой Печерской повести. Они готовят читателя к восприятию рассказа о Печерском монастыре: И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерский монастырь. Боголюбивомѹ князю Ярославѹ любящю Берестовое и церковь тѹ сѹщю святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, в нихъ же бѣ презвѹтеръ, именовъ Ларионъ, мѹжь благъ, книженъ и постникъ [3. С. 104–105]; о бесовском наущении и деянии: Бѣси бо подътокше на зло вводятъ; посем же насмисаюцца ввергъше и в пропасть смертнѹю, научивше глаголати. Яко же се скажемъ бѣсовское наущенье и дѣйство [3. С. 117]; о виде бесовском и их наважденияхъ: Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченѣи ихъ. В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоемѹ новгородцѹ прити в Чюдъ, и приде к кѹдеснику, хотя волхвованья от него (119); о «чудных мужах» Печерской обители: Тацѣ бо бѣша любовници, и въздержници, и постници, от нихъ же на-мѣню нѣколико мѹжь чюдныхъ [3. С. 126].

Много подобных ремарок имеют отношение к Феодосию. В статье 1074 г. автор готовит читателя к восприятию рассказа о кончине Феодосия — Феодосии, игѹменъ печерский, преставися. Скажемъ же о ѹспеньи его мало [3. С. 122]; в статье 1091 г., в связи с перезахоронением Феодосия — И приспѣвшю празднику ѹспенья Богородицѣ треми деньми, повелѣ игѹменъ рѹшити кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Феодосья, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ, еже скажю, не слѹхомъ бо слышавъ, но самъ о семь начальникъ [3. С. 138]; в этой же статье о пророчестве Феодосия — Се же повѣмъ мало нѣчто, еже ся събысть прореченье Феодосьево [3. С. 139] и о добродетелях Феодосия — Азъ же, грѣшный твой рабъ и ѹченикъ, недоѹмѣю, чимъ похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто: «Радѹйся, отче нашъ и наставниче, мирския плещи отринѹвъ, молчанье възлюбивъ, Богу послѹжилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомъ житѣи, всяко собѣ принесенье Божественое принеслъ еси...» [3. С. 140]. Вышеназванные примеры указывают на автора, близкого Печерскому монастырю, скорее всего, лично знавшего Феодосия. Обращают на себя внимание повторяющиеся наречия

«мало»», которые наряду с самоуничижительными формулами, видимо, являются данью традиции и связаны с особенностями мировоззрения человека того времени.

Рассказ о югре (статья 1096 г.) летописец начинает с уведомления о своём намерении и, стремясь к достоверности, называет информатора и указывает точную дату — четыре года назад: *Се же хошю сказати, яже слышах прежде сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородецъ, глаголя сице, яко «Послах отрокъ свой в Печеру, люди, иже сѣтъ дань дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к ним, а отгуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и со-*

сѣдять с Самоядью на полунощныхъ странах [З. С. 167].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что используемые летописцем устойчивые словесные формулы рассчитаны, как правило, на «догадливого» читателя и служат напоминанием о ранее изложенных событиях («яко же рекохомъ»), возвращают к главной теме повествования («мы на прежнее возвратимся»), готовят читателя к восприятию информации («се же повѣмъ мало нѣчто»), отсылают к последующим событиям («яко же скажем послѣже»). Вместе с тем они соединяют разные фрагменты текста, придавая ему вид цельного произведения.

Библиографический список

1. Харпалёва В.Ф. Специфика авторского самовыражения в «Повести временных лет» (К вопросу об образе автора в древнерусской литературе) // Филологические науки. М., 1992. № 4.
2. Дёмин А.С. «Подразумеваемательное» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика Древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005.
3. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачёва и Б.А. Романова / Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой. М.; Л., 1950.
4. Никитин А.Л. Инок Иларион и начало русского летописания: Исследование и тексты. М.: Аграф, 2003.
5. Пауткин А.А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси // Учебно-методическое пособие. Изд-во Московского университета, 1990.
6. Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003.

Ivanainen O.V.

The functions of set expressions «yako zhe rekokhom», «my na prezhnee vozvratimsya» and others in the text of The Russian Primary Chronicle (Povest Vremennykh Let)

The article contains the classification of types of author's remarks in the text of The Russian Primary Chronicle (Povest Vremennykh Let) which serve for connection of different text fragments. The analysis of such cases of author's presence in the chronicle can bring us closer to the understanding of the problem of the author in the ancient Russian annalistic text.

Е.Н. АШИХМИНА, соискатель кафедры истории русской литературы XI–XIX вв. Орловского государственного университета, заведующая предметно-цикловой комиссией общегуманитарных, социально-экономических, естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин Орловского колледжа культуры и искусств

ЛЕСКОВ В ОРЛОВСКОЙ ПАЛАТЕ УГОЛОВНОГО СУДА: НОВЫЕ АВТОГРАФЫ ПИСАТЕЛЯ

Статья посвящена анализу неизвестных автографов Н.С. Лескова, относящихся к периоду его работы в Орловской палате Уголовного суда.

Ключевые слова: Лесков, биография, Орел, автографы писателя.

Документы Канцелярии Орловского губернатора, хранящиеся в Государственном архиве Орловской области, содержат образцы почерка Николая Лескова. До недавнего времени были известны в основном те из них, что в той или иной мере касались его отношений с гимназией.

Недавно были обнаружены не выявленные ранее образцы составления деловых бумаг и почерка письмоводителя Орловской палаты Уголовного суда Николая Лескова. Обнаруженные автографы датируются 1847, 1848, 1849 гг. и даже 1850 годом. Напомним, что обязанности письмоводителя отличались от обязанностей простого писца. Лесков был не просто писцом, но письмоводителем. Писец, даже обладавший каллиграфическим почерком, годами мог оставаться в этой должности, как неспособный к сочинению текста. Лескову же достаточно быстро поручается составление документа. Как лицо, отвечающее за содержательную часть послания, Лесков ставит свою подпись с названием должности: «Письмоводитель Н. Лесков».

Любопытной частью обнаруженных автографов является инициал, которым будущий писатель предваряет написание своей фамилии.

Далеко не всегда, более того, почти никогда орловские письмоводители не ставили своих инициалов впереди фамилии.

Сначала не ставит инициала и Лесков. 10 декабря 1847 года он составляет «Рапорт Орловской Градской Полиции» Орловскому военному и гражданскому губернатору генерал-лейтенанту П.И. Трубецкому о том, что перемещающаяся из дома Г. Рапп во вновь выстроенный «съезжий дом 3-ей части» полиция из-за отсутствия достаточного помещения не может перевезти в новое здание свой архив, так как она вынуждена будет делить строение с квартирной комиссией и места для архива не хватит. Полицеймейстер просит Начальника Губернии отдать распоряжение об оставлении архива там же, где и раньше, а именно «в корпусе, занимаемом Градской Думою»¹. Рапорт подписан письмоводителем Лесковым, подтвердившим таким образом внизу оборотного листа составление им документа.

Однако вскоре Лесков начинает помещать свой инициал перед фамилией. С разрывом в год, 4 декабря 1848-го, в «Материалах по финансовым и хозяйственным вопросам и о службе чиновников губернии» мы вновь видим руку будущего писателя. Лесков снова составляет документ для губернатора. В нем Полицеймейстер просит обратить внимание начальства на неудобства размещения полиции вместе с Квартирной комиссией. 7 декабря рапорт Орловской полиции регистрируется в Канцелярии Губернатора. Внизу документа перед подписью столоначальника стоит подпись: «Письмоводитель Н. Лесков». Текст документа публикуется с сохранением орфографии оригинала:

«Его Сиятельству Господину Военному Губернатору Города Орла и Орловскому Гражданскому Губернатору, Генерал Лейтенанту и ковалеру князю Петру Ивановичу Трубецкому Орловской градской полиции

Рапорт.

В Корпусе выстроенном для съезжего дома 3-й части занимаемом сею полициею, помещается ныне и орловская квартирная комиссия, – А как полиции занимаемых ныне ею Помещений весьма недостаточно и Канцелярия оной находится в большом стеснении, передней же комнаты для принятия просителей вовсе нет и по наступившему холодному времени встречает в размещении канцелярии большое стеснение, – то представляя о сем Вашему Сиятельству, градская полиция имеет честь покорнейше просить, удостоить распоряжением о переводе куда-либо в другое помещение орловской квартирной комиссии из занимаемого ею вместе с полициею корпуса.

За полицеймейстера майор Добровольский»².

Рапорт подписывается двумя лицами – столоначальником Левшина и письмоводителем Н. Лесковым.

Увидев подписи рядом, одну под другой, можно сделать предположение, что сходство в написании Левшиным и Лесковым их фамилий, ставившихся в документе одна под другой, и сделало возможным появление инициала «Н.» около подписи письмоводителя. Можно предположить также, что когда-то начальство сделало внушение одному из этих служащих по поводу неверного составления ими какого-то документа, адресовав свое недовольство невинному в промашке. Ошибся, скорее, Левшин, чем Лесков. Вероятно, для того, чтобы избежать подобных выговоров впредь, Лесков и начинает ставить впереди фамилии свой инициал «Н», чем помогает исследователям атрибутировать его подпись и почерк. С 1848 года, а может быть и ранее, чего нельзя пока утверждать наверняка, не получив документального подтверждения, письмоводитель Лесков впредь до самого своего прощания с Орлом будет подписываться, ставя впереди фамилии первую букву своего имени.

Обнаруженные документы позволяют наблюдать быстрый рост Лескова как составителя документов. Если текст 1847 года составлен еще достаточно неопытной рукой ученика, то содержание рапорта 1848 года соответствует всем необходимым нормам, предусмотренным профессией. В

дальнейшем профессиональные качества Лескова как делопроизводителя совершенствуются и становятся безупречными. Так, в числе документов Канцелярии Орловского губернатора в «Переписке с Орловской палатой госимуществ, земскими исправниками и о жалобах помещиков на неповиновение крестьян, о скопцах и по др. вопросам» вновь оказался «Рапорт Орловской Градской Полиции», составленный Лесковым. Поступивший в Канцелярию Орловского губернатора 16 сентября 1849 года, он представляет нам Лескова – мастера канцелярского дела.

В документе на имя Губернатора говорится о том, что делается Градской Полицией для выполнения распоряжения Начальника Губернии о новых правилах по перевозке извести по городу Орлу. Полицеймейстер отчитывается, какие указания давались частным приставам всех частей (районов) города во исполнение данного предписания Орловского губернатора, рассказывает о том, как именно предупреждались «промышленники», занимающиеся «извозом извести», докладывает о готовности и дальше вести работу с нарушителями указания начальствующего лица. Объясняя, как строго Полиция настаивает на том, чтобы перевозчики либо устраивали над своими телегами крыши, либо возили известь в бочках с крытым верхом, Лесков пишет достаточно длинный текст, легко включая в него отточенные служебные выражения типа «Частным приставам принять решительные меры по искоренению развозки извести по городу Орлу в открытых телегах, озаботясь точным исполнением, данным им по этому предмету» и употребляя подобные обороты³. По тексту документа видно, что прежние трудности составления «бумаги» в прошлом, в ней нет даже тени школярства. Перед нами – опытный ас канцелярского дела.

Документ написан скорописью уверенного в себе специалиста.

В «Ведомости о молодых дворянах, находящихся на службе в учреждениях Орловской губернии» за 1849 год Лесков именуется писцом 1 разряда. Ведомость говорит о нем следующее: «Писец 1-го разряда Николай Семенов сын Лесков, 18 лет поступил в Орловскую палату Уголовного суда 30 июня 1847 года. Из Орловской губернской гимназии. Поступил на службу в Палату Уголовного суда. Воспитывался в Орловской губернской гимназии. Находится налицо. Какого поведения – Хорошего. Какие имеет способности или наоборот. – Хорошие»⁴.

Почерк Лескова в это время постоянно претерпевает изменения, связанные не только с тем, что его рука привыкает держать «служебное» перо, но

и с артистичностью его природы, которая, приступая к исполнению задания, может теперь позволить себе некоторые отклонения то в нажиме пера, то в величине букв, то в очертаниях свободных концов буквы «д» и проч. При этом всегда неизменной в написании, всегда одинаковой, всегда точной остается его подпись под составленным документом: «Письмоводитель Н. Лесков».

Один из текстов, заверенных этой подписью, сталкивает нас с некой, пока что малообъяснимой загадкой. Из данных Андрея Лескова известно, что 24 февраля 1850 года Николай Лесков был «определен помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения» Киевской Казенной Палаты⁵.

Но в «Деле по наблюдению за следствием о раскольниках Калашникове и др.», хранящемся в ГАОО, неожиданно отыскался еще один «Рапорт Орловской Градской Полиции», датированный 11 апреля 1850 года, завершающийся уже знакомой подписью: «Письмоводитель Н. Лесков»⁶.

Вряд ли имело смысл некоему писцу брать чистый лист с подписью вот уже полгода как от бывшего в Киев канцеляриста, чтобы написать на нем Рапорт с пометкой «Секретно». Тем более хорошо известно, что составление бумаг с подобным грифом являлось личной ответственностью письмоводителя, который должен был непременно поставить свою подпись в конце документа. Вряд ли также документ, речь в котором идет о выполнении приговора по высылке раскольников, был составлен заранее, если в нем говорится о предписании, сделанном губернатором только 6 апреля, то есть всего лишь за пять дней до написания «Рапорта». Вопрос о том, почему письмоводитель Н. Лесков поставил свою подпись под документом, в то время как по имевшимся ранее данным он уже давным-давно должен был находиться в Киеве, требует дальнейшего рассмотрения.

Следует оговорить, что автором данной публикации документы по раскольникам Орловской губернии просматривались специально, поскольку дела сектантов велись в Орловской Палате Уголовного суда на протяжении целого ряда лет, включая годы службы Лескова в Орле. Делопроизводство, связанное с ведением следствия по многочисленным эпизодам раскола, предполагало наличие немалого количества писцов в условиях отсутствия каких-либо технических средств, помогавших делопроизводству. Гусиное перо и то сменилось металлическим только в середине XIX века. Вне всякого сомнения, количество «раскольничьих» дел в Орлов-

ской губернии зачастую превалировало над иными, рассматриваемыми в Уголовной палате. Анализ «орловских» дел показывает исключительную стойкость раскольников во время следствия. Сектанты, большинство которых были выходцами из сословия однодворцев, людей, в анамнезе происходящих из служилого сословия детей боярских, несущих в XVI–XVII веке пограничную службу на южных рубежах Русского государства, и в XIX веке обнаруживали самостоятельность взглядов, неуступчивость, несговорчивость и не шли ни на какие «увещания» ортодоксальной церкви, что не могло пройти мимо сознания Лескова, также принимавшего участие в описаниях подобных дел. Автор будущего «Запечатленного ангела» получил тогда в Орле целый пласт и специфических знаний, и знаний психологии русского человека, которые так пригодятся потом ему в дальнейшем.

Однако одним из самых важных «приобретенных» того времени оказался для Лескова полученный навык сочинения грамотного текста, умение обращать внимание на главное при его составлении, умение обращаться с письменным словом.

Текст, подписанный именем Лескова и датированный апрелем 1850 года, безусловно, нуждается в дальнейшем анализе. Несомненным, однако, остается то, что документы Государственного архива Орловской области, содержащие в себе разнообразный материал, связанный с присутствием Лескова в Орловской Уголовной палате, делают возможные находки в ГАОО не просто вероятными, но закономерными.

Среди документов, скрепленных в дела Канцелярии Орловского губернатора, случаются и иные, не менее интересные находки. Так, в «Переписке с Орловской палатой госимуществ...» среди рядовых бумаг, касающихся самых разных вопросов, оказалось подшитым в дело личное письмо тетки Николая Лескова Натальи Петровны Константиновой Орловскому губернатору Сергею Николаевичу Муханову⁷ и его черновой ответ ей, написанный карандашом⁸.

Тонким пером, изящным почерком на бумаге, предназначенной более для дамской переписки, чем для деловых посланий, легким, почти разговорным языком, отражающим явную литературную одаренность автора, Наталья Петровна пишет губернатору о результатах своей беседы с сыном, прибывшим по настоянию первого лица губернии для извинений перед ней. Из послания неясно, который из сыновей стал виновником переписки. Известно, что двое из трех двоюродных братьев

15 Декабря 1847
328

Его Высочеству
Господному Великому Губернатору Сергею
Фроловичу Орловскому Грабчинскому Губерна-
тору Генералу Антонванту иксатару князь
Петру Ивановичу Струвевичу.

Орловской Гражданской Позиции
Депорт.

Орловской Позиции именованъ Представителемъ
отъ 4-го декабря года 2829. Тамъ имеетъ по-
зиция, что Ваше Высочество именованъ
иномъ приказанъ князь П. Позиции именованъ
сперва въ Гражданской Позиции востокъ съ ка-
ртирною Комиссией изъ дома 1. Пана и
вспомогательный въ томъ означенъ годъ гнъ 3.
Число, а какъ Архивъ Позиции полагаетъ
заурагъ иномъ въ томъ же году 1. Пана,
Коллекционеръ въ Училищномъ поваритъ
Зданий Позиции, предумышленъ Позиции

Приглашаемъ къ перепису позицы къ
то зданью, а какъ помянутое Архивъ
Позиции въ означенномъ Зданьи при гра-
жданской Позиции означены распоряженны
въ Сандембъ теръ Гражданской Позиции
именемъ иномъ помянутое представителъ
Ваше Высочество гднъ при-
казанъ Зданний Гражданской Позиции
определенны на означенную перепису
къ Позиции въ корпусъ Занятельна
Гражданской Позиции.

Число 21-го Декабря года 1847

№ 2829
Декабрь 10 гнъ
1847. года.

Полковникъ Павелъ Александровичъ

10.12.1847 г.

2 Декабря 1848
76

Его Высочеству
Господному Великому Губернатору Сергею
Фроловичу Орловскому Грабчинскому Губерна-
тору, Генералу Антонванту иксатару князь
Петру Ивановичу Струвевичу.

Орловской Гражданской Позиции.
Депорт.

Въ Корпусъ вспомогательнаго Дома съ 2829
въ Домъ 3-й части занимающагося на Позиции
помещаются иномъ помянутое Квартирныя
комиссией, а какъ помянутое занимающагося
иномъ на Позиции весьма недостаточны
и канцелярскія оной находится въ болышомъ
Станции, передней же комнаты для при-
ятелья прошитый въ домъ на Позиции

Хотелось бы быти въ распоряженны Граждан-
ской канцелярии болыше означенны
те представителъ ономъ Вашему Выс-
очеству, гражданская позиция именованъ
иномъ помянутое проситъ Высочеству
распоряженны сперва въ корпусъ худа иномъ
въ корпусъ помянутое орловской кварти-
рной Комиссией изъ занимающагося на
Зданья на Позиции корпусъ,
Въ означенномъ иномъ

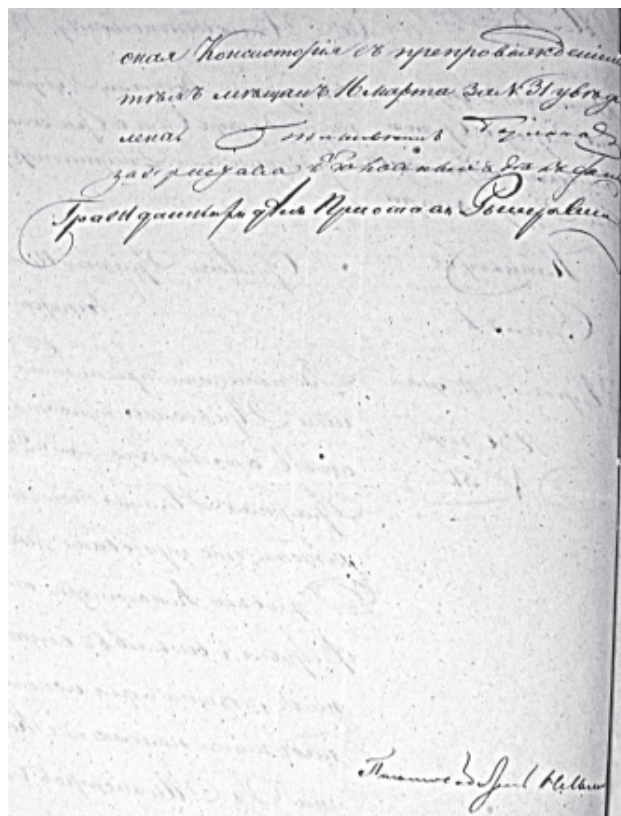
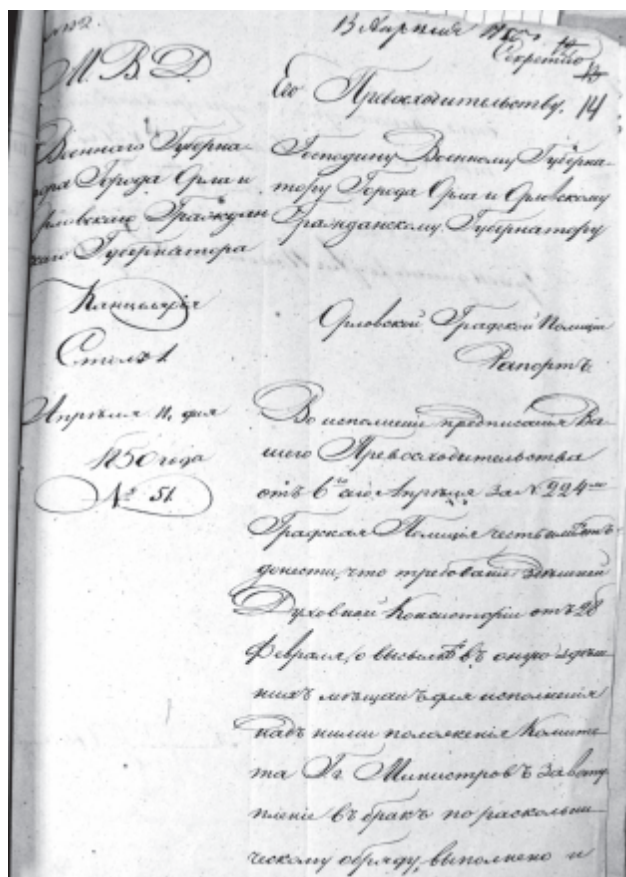
Гражданской Позиции

№ 2830
Декабрь 4 гнъ
1848. года.

Полковникъ Павелъ Александровичъ

Сотникъ Александръ Александровичъ

04.12.1848 г.

П. Константинов

4 апреля 1850 г.

Лескова Страховых – Андрей и Иоасаф служили в Орле с ним одновременно, причем оба в ведомстве Орловского Депутатского собрания⁹. После смерти их отца (и крестного Лескова) М.А. Страхова имения его детей должны были находиться под опекой до их совершеннолетия. Одно время опекуном Страховых считался Н.Е. Афросимов. Младший Страхов, чье имя в письме не указывается, считал, вероятно, что опекуны плохо управляют его частью наследства, и написал об этом, вероятно, губернатору. Конфликт, возникший в связи с этой внутрисемейной полемикой, также гасился Натальей Петровной при помощи губернатора.

В письме говорится, что сын, прибывший к матери для извинений, не признал, что написал жалобу на мать, не справляющуюся, по его мнению, с делами усадьбы и приводившую в упадок его имение, но заявил, что существо его претензий справедливо и что он может представить тому «тысячу доказательств». Присутствовавшие при объяснении две сестры и брат заняли сторону матери, «стали его усовещивать. Он всё

молчал, потом спрашивает, какой ответ он должен передать Вашему Превосходительству?». Выслушав мать, юный Страхов «с иронической улыбкой и общим поклоном ... вышел из комнаты»¹⁰. Как видим, юноша Страхов не стал перечить матери, хотя, по всему видно, остался при своем мнении.

Под текстом письма стоит необычная для таких посланий подпись, добавляющая маленький штришок к личности Натальи Петровны: имя ее начертано по-французски, фамилия – по-русски. Натальи Константинова, мать пятнадцати детей, не утратила очарования женственности, которая отразилась даже в подписи под не самым приятным для нее документом.

В маленьком эпизоде, открывшемся нашим глазам, просматриваются непростые отношения родных в семействе, близком и родственном Лескову. Так, наблюдая жизнь в самых разных ее проявлениях, на самых разных уровнях, формировался в Орле будущий великий писатель, чья жизнь и творчество еще предстоит по-новому осмыслить, понять и оценить.

Примечания

1. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Ст. 2. Д. 448. Лл. 328 и 328 об.
2. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 448. Лл. 316, 316 об.
3. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 694. Лл. 52–53.
4. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 545. Лл. 25 об., 36 об.
5. Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям в двух томах. Том первый. М., 1884. С. 137.
6. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 727. Лл. 14, 14 об.
7. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 727. Лл. 58–59.
8. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 727. Л. 63.
9. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 545. Лл. 28 об., 53 об.
10. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 727. Л. 58 об.

E.N. Ashikhmina

Leskov in the Oryol chamber of Criminal court: new autographs of the writer

Article is devoted to the analysis of unknown of N.S.Leskov's autographs applying to the period of its work in the Oryol chamber of Criminal court.

Keywords: Leskov, the biography, Oryol, autographs of the writer

*А.Л. ДМИТРОВСКИЙ, кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и связей с общественностью
Орловского государственного университета*

ВИДЫ КОМПОЗИЦИЙ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена «вечно» актуальной для журналистского творчества проблеме – проблеме композиционного (логичного, выразительного) построения текста. Рассматриваются не только традиционные типы композиции, такие как принцип перевёрнутой пирамиды, но и виды построения статей или эссе, то есть весь континуум жанров – от краткого информационного сообщения до крупных форм беллетристики.

***Ключевые слова:** журналистика, композиция текста, типы композиции, жанры.*

В каждой профессии, к какой бы сфере деятельности она ни относилась, существуют свои максимы и «золотые правила», законы. Так, для журналистики бесспорным выступает утверждение о том, что владеющий жанрами – владеет профессией. Это справедливо, ведь нетрудно доказать, что любой удачный журналистский текст написан «жанрово». И хотя приемлемая большинством жанровая типология в теории журналистики пока не сложилась (а учитывая провокативную «теорию диффузии жанров», теоретики могут вообще отказаться от решения данной, ныне особенно острой проблемы), тем не менее понятие жанра остаётся и по сей день остро-актуальным.

Жанры характеризуют как диалектическую, формально-содержательную категорию. И если содержательный аспект каталога жанров журналистики (включающий в иных «популярных» типологиях и нежурналистские формы) достаточно прояснён, то формальный, структурный момент остаётся несколько в тени. Речь идёт о композиции журналистских текстов.

Как справедливо отмечает Е.П. Прохоров, сегодня «характеристики «журналистского» творчества, методы создания творческого «продукта», в том числе представления о жанрах, не базируются на теоретическом знании о сущности разных типов творчества, используемых в журналистике, что неизбежно должно бы влечь к разграничению жанров по типам творчества, к которым они относятся, и, разумеется, по характерным для них методам. Стремление же все произведения, передаваемые через СМИ, обозначить как «журналистские» порождает, как минимум, неточности...»¹. Это значит, что необходимо сначала чётко разобраться с тем, что же такое журналистика и какие сферы творчества она в себя включает. Затем, охарактеризовав уже каждую из этих сфер в отдельности, мы достаточно чётко и ясно сможем разграничить и выделить основные жанры и, далее, типы композиционного построения журналистских текстов.

Сущностью журналистики («общим методом» по Гегелю) как социально-исторического феномена, т.е. социального института, является оперативная массовая общественная рефлексия² (Ф. Муминов). Если ключевые слова «общественная рефлексия» вполне понятны, то уточняющие их «массовая» и «оперативная» требуют дополнительного анализа.

Говоря о журналистике и её «массовости», как правило, имеют в виду направленность её материалов на максимально широкую, рассредоточенную и «обезличен-

ную» аудиторию. Отчасти это верно. В данном случае речь идёт о том, что журналистика как социальный институт не может возникнуть без «армады» собственно журналистов (в самом широком смысле: профи, экспертов, внештатников, общественников). В России сегодня около миллиона профессиональных журналистов, и именно поэтому мы и можем говорить о наличии у нас такого социального института. Если б их было, например, тысяча или десять тысяч, то как общественный феномен такая журналистика не состоялась бы (примером могут служить ныне резко критикуемые Центральное телевидение и либеральная журналистика Садового кольца).

«Оперативность» же выступает сущностным, родовым свойством журналистики. Это обусловлено тем, что обществу, как и любому живому организму, информация о себе и окружающей действительности (картина мира) необходима: 1) наиболее полная; 2) наиболее свежая. Это и есть основные требования к информационно-аналитической журналистике: полнота и быстрота.

Однако журналистика – это не только сообщение, «информирование» в узком смысле. Она устроена гораздо сложнее и интереснее. Прежде всего, в соответствии с определёнными сферами мышления человека (и имеющими соответственно разные потребности) журналистика распадается на три достаточно самостоятельные сферы творческой деятельности: **журнализм** (информационно-аналитическую деятельность), **публицистику** и **беллетристику** (включая **эссеистику**).

Связано это с процессом выживания человека в сложном и агрессивном окружающем мире. Прежде всего, чтобы жить, ему было необходимо оглядеться, отразить в сознании то, что происходило вокруг (полно и быстро). То есть проанализировать, выделить главное, существенное из синкретичного (цельного) потока жизни.

При этом он должен был обладать некой системой ценностей, набором положительных (полезных, приятных) и отрицательных (нежелательных, опасных) понятий/образов/целей, отталкиваясь от которых он мог бы осмыслить видимое и сознательно выстроить своё поведение.

Соответственно, в-третьих, ему было необходимо сопоставить то, что он считал важным и нужным (желаемое), с тем, что происходило вокруг (действительное), то есть оценить реальность. Только тогда его желания могли бы осуществиться, т.е. получить своё воплощение в наиболее рациональной и безопасной форме.

Все эти процессы вполне относимы и к обществу в целом. Массовое сознание, являясь «веще-

ственным воплощением» духовных потребностей социума, требует от журналистики удовлетворения трёх основных «информационных запросов»: в отражении мира, оценке его, а также в наборе – системе – ценностей (жизненных целей).

Этим важнейшим для построения качественной жанровой классификации в журналистике понятиям нужно дать определение.

Так, **журнализм** как информационно-аналитическая «сфера творчески-преобразовательной деятельности» (М.Н. Ким) удовлетворяет потребность людей, связанную с формированием более или менее целостной и связной картины мира (того, что есть вокруг). Именно поэтому предметом репортёрского поиска и публикации выступают любые факты и события, то есть всё то, что произошло, и то, что происходит «здесь и сейчас». Содержанием же является **новость**, то, что неизвестно аудитории либо не замечается ею.

Соответственно «чистой» журналистикой с точки зрения индивидуального творчества будет выступать **деятельность по ежедневной фиксации наблюдаемых фактов и событий**, т.е. ведение «дневника», «журнала», «хроники» (от стены пещеры до электронного блога; не зря же раньше журналистов именовали «хроникёрами»). Непосредственно же профессиональной деятельностью репортёра выступит **журнализм**, т.е. **деятельность по поиску, фиксации и публичному оперативному распространению сведений, востребованных обществом**.

Основной функцией **публицистики** является **оценка происходящих событий на основе той или иной системы ценностей (1) и (2) отбор и пропаганда наиболее перспективных, полезных и выгодных обществу систем этих ценностей**. Поэтому публицистическая оценка всегда включает в себя (явно ли, скрыто ли) два аспекта: идейную критику, а также прогноз рассматриваемых событий. Соответственно же идейная критика и прогноз выступают содержанием публицистики, тогда как предметом являются **социальные проблемы** (конкретные ситуации в обществе, связанные с резким увеличением разрыва между ожиданиями аудитории и реальным развитием событий и требующие немедленного либо скорейшего разрешения).

И если дневник можно вести и «для себя» (журналистика как «чистое творчество», например блоггерство), то публицистика уже обязательно требует «публичности», т.е. активной включённости (вовлечённости) автора в бытие своей социальной группы или страны. С этой точки зрения под публицистикой как индивидуально-профессио-

нальной творчески-преобразовательной деятельностью следует понимать **деятельность по анализу, прогнозированию и оценке современной социальной действительности с целью обнаружения актуальных социальных проблем, публичному оглашению их и обсуждению социально приемлемых путей их разрешения.**

Тогда под публицистикой с точки зрения институциональной следует иметь в виду **сферу деятельности в журналистике (как социального института), связанную с анализом, прогнозированием, оценкой актуальных социальных проблем современности и поиском общественно приемлемых путей их разрешения.**

Беллетристика в данной триаде вызывает, пожалуй, наибольшее количество вопросов, хотя философско-методологические основы выделения её как из собственно литературы, так и для отделения от «чистой» журналистики были заложены ещё Белинским.

Отделяя беллетристику от «большой» литературы, Виссарион Григорьевич говорил, что в отличие от художественно завершённых, «замкнутых» в своей завершённости и потому оторванных от живой жизни произведений «высокого» искусства произведения беллетристические прямо связаны с происходящими в обществе событиями, посвящены им, их осмысляют. Добавим, что от публицистики они отличаются «безадресностью», отсутствием конкретных упоминаний фамилий, имён, мест и т.д., хотя само событие или персонаж читателем, без сомнения, легко угадываются (например, в фельетоне или рассказе).

Таким образом, **беллетристику** можно определить как **сферу деятельности журналистики, связанную с удовлетворением потребности аудитории в художественно-образном ценностном осмыслении происходящих событий.** Именно поэтому предметом отражения в беллетристике (а в советской теории печати – в художественно-публицистических произведениях) **выступает личность, человек во всём разнообразии его отношений с окружающей действительностью.**

Следовательно, как индивидуально-профессиональную деятельность беллетристику можно охарактеризовать как **публичную смысло- и образопорождающую деятельность на основе ценностного осмысления бытия человека в мире.** Говоря просто, беллетристы пытаются рассказать аудитории, каковы другие люди в различных обстоятельствах, и объяснить, почему.

Остаётся эссеистика – понятие, до сих пор вызывающее теоретический «ступор». «Эссе не мо-

жет быть приведено ни к какой дефиниции» – этот тезис очень часто встречается в справочниках и словарях. Но так ли это на самом деле?

Эссе производно от французского *essai* – «попытка», «проба сил» («испытание»), «набросок». Происходит же от латинского *exagium* – «взвешивание». В результате историко-культурологического и теоретического анализа жанра эссе нами было получено определение эссе как *произведения, отражающего экзистенциальную рефлексию автора*³.

Если говорить об **эссеистике** с институциональной точки зрения, то это **сфера деятельности в журналистике, связанная с удовлетворением потребности аудитории в экзистенциальном (межличностном) общении.** Её возникновение обусловлено массовизацией (обезличиванием) продукции журналистской деятельности (в XX веке особенно «благодаря» доктрине объективности и всяческим «информационным» теориям типа «информационного общества», «коммуникативистики» или «информационной журналистики»).

Сегодня широкое распространение жанра эссе находит своё воплощение в такой популярной для отечественной и зарубежной журналистики коммуникативной стратегии, как **«эссеизация».** Её сущность заключается в индивидуальном, личностном восприятии и воспроизведении (трактовке) наблюдаемых жизненных ситуаций и проблем бытия. Её отличительные качества отражают естественный ход мысли человека и заключаются в ассоциативности содержания, определённой фрагментарности («нелинейности») повествования, композиционной и стилистической свободе.

Если дать определение эссеистике с этой – профессиональной – точки зрения, то оно будет следующим: **эссеистика есть публичная рефлексия над экзистенциальными проблемами собственного существования.** Ключевым здесь выступает принцип жизненности, отражающий неразрывную, непосредственную связь между реальной личностью эссеиста и «языковой личностью героя произведения» («коммуникативной личностью» – Д.П. Гавра).

Каждая из рассмотренных сфер профессиональной деятельности предполагает и свои собственные способы творчества (методы), и специфические формы для её воплощения, т.е. жанры, и, соответственно, особые формы композиции (внутри этих жанров).

Само понятие **жанра** не ново: это исторически сложившаяся, устойчивая форма видения и вос-

произведения человеком действительности. Смысл в том, что весь жизненный поток целиком, нерасчленённо, человек воспринять не может. Поэтому сознание, дабы исключить перегрузки и для более эффективного функционирования, выработало способность «анализировать» действительность (от лат. analysis – «расчленять»), т.е. с помощью определённых (исторически и опытно) мыслительных форм выбирать из потока непосредственных событий лишь наиболее значимые. К ним как раз и относятся жанры. Их задача – максимально упростить восприятие и осмысление действительности, передачу информации, переживаний/отношений и т.д. от человека к человеку.

Как видно, жанр – сложное образование. Можно заключить, что система жанров журналистики – это динамичная, эволюционирующая, многоуровневая совокупность форм восприятия, осмысления и отражения (воспроизведения) действительности (письменным или аудиовизуальным – электронным – способом), связанная с удовлетворением потребностей аудитории в формировании картины мира, осмыслении её и оценке происходящих событий для принятия людьми правильных поведенческих решений.

В соответствии с выделенными сферами творчески-преобразовательной деятельности в журналистике система жанров журналистики также будет иметь троичную структуру, включая в себя подсистему **информационно-аналитических жанров** (журнализм), подсистему **жанров публицистики** и подсистему **беллетристических жанров**. В каждой из этих подсистем (жанровых групп) будут выделяться и соответствующие им виды композиционного построения, обусловленные функционально-содержательными аспектами труда журналиста в данной сфере.

Уточним значение термина «композиция». Само слово происходит от лат. «складывание», «расположение», «построение». Уже у древних римлян существовал термин *dispositio*, обозначающий важнейший элемент ораторской речи – «расположение» материала будущей речи, выстраивание его в соответствии с наиболее выигрышной логикой предстоящего выступления. Таким образом, под композицией будем понимать соотношение в произведении журналиста элементов «материала» (деталей, фактов, явлений) с ярким словесным выражением («стилистикой», «художественностью», «образностью»).

Традиционно считается, что, представляя собой систему сопоставлений, композиция строит-

ся либо по принципу сходства элементов, либо по принципу их контраста. Можно говорить о том, что, являясь частью жанра (исторически сложившейся формы восприятия действительности), законы композиции отражают собой важнейшие свойства человеческого восприятия, а также непосредственные («жизненные») типичные связи между и внутри различных явлений.

Можно отметить и основные элементы, что включает в себя «развёрнутая» композиция журналистского текста:

- последовательность деталей, фактов, событий и действий «героев» произведения;
- расстановку и характеристику участников описываемого события (участников, свидетелей, наблюдателей-экспертов, заинтересованных лиц);
- подробности обстановки, поведения, интересов и переживаний участников;
- «ходы», вставки, лирические отступления, специфические элементы (прогнозы, версии, мнения и оценки, личностную позицию автора-журналиста и т.д.);
- способ повествования (концептуальный, хронологический, сюжетный и т.д.).

Говоря о композиции художественных форм, саратовский исследователь И.А. Книгин весьма точно подмечает: «Важнейший аспект композиции – последовательность введения изображаемого в текст, способствующая развёртыванию художественного содержания. <...> Каждое последующее звено в тексте должно что-то приоткрывать читателю, обогащать его какими-то сведениями, тревожить его воображение, чувство, мысль, которые не вызвали той или иной реакции сказанным ранее»⁴. Таким образом, являясь одним из важнейших элементов жанровой формы, композиция обладает высокой содержательной значимостью: своими приёмами она значительно обогащает смысл описываемого журналистом явления, делает его более «выпуклым», доступным, интересным аудитории.

Рассмотрим типы композиции в группе информационно-аналитических жанров.

Прежде всего, можно выделить **фактологическую** композицию (характерную для таких «малых» информационных жанров, как «информация», «новость», сообщение). Её можно обозначить также как «простую» или «констатирующую». Построение текста точно соответствует изложению фактического материала, организуемого системой основных вопросов: что? когда? где? Подобная «информация» зачастую идёт даже без отдельного заголовка, «в подбор»

или включается в дайджест (в «ленту новостей», на ТВ).

Следующий тип композиционного построения информационно-аналитических текстов обозначается как **принцип «перевёрнутой пирамиды»** (характерен для заметки и её разновидностей, часто – корреспонденции).

Этот тип композиции был выработан западными журналистами ещё в XIX веке, во время Гражданской войны в США. Сообщения оплачивались пословно, и потому редакции требовали от сотрудников краткости и в первую очередь передачи самого главного, сути. Кроме того, пересылка новостей шла телеграфом, а времени им воспользоваться из-за высокой конкуренции у репортёров было очень мало. Подробности же переправлялись в редакцию позже и часто – иными способами.

Мы уже отмечали, что законы композиции отражают естественно сложившиеся в действительности связи и отношения. Это значит, что типы композиционного построения не являются «идеологическими принципами» или «происками врагов», но есть исторически сложившиеся, привычные для тех или иных сфер жизни гносеологические формы. Соответственно и принцип перевёрнутой пирамиды не «придуман» прагматичными американцами, а взят репортёрами непосредственно из жизни, в том числе и из практического общения: при встрече с товарищем никто не начнёт рассказ о вчерашнем важном событии в своей жизни со второстепенных деталей, но скажет о сути: «Я выиграл миллион», «Наши победили» или «Меня повысили». Подробности же оставит на потом. Таким образом, суть принципа перевёрнутой пирамиды в том, чтобы излагать имеющийся материал начиная с главных, наиболее значимых аспектов, переходя затем уже к менее важным, т.е. идти от сути к подробностям, а затем к деталям.

Структура текста включает в себя, во-первых, **заголовок**. Иногда вперёд выносятся ещё и **хэдлины** – главная мысль текста. Это ответ на вопрос «ЧТО случилось?»: «Открыта новая форма жизни...», «Преступник обезврежен...», «Сборная России по футболу завоевала бронзу...». Хэдлины – своего рода транспарант или магазинная вывеска – «Хозмаг», «Продукты», «Одежда», увидев которые человек сразу понимает, что перед ним и стоит ли тратить на это время. Кроме того, вслед за хэдлином и заголовком иногда ставится подзаголовок, уточняющий их либо привлекающий читателя.

Следующий элемент – **лид** («ударный» первый абзац, краткое введение), отвечающий на клас-

сический «шестерик»: кто? что? где? когда? почему? как? Это ограничение обусловлено психологическими аспектами восприятия человека. Так, известный американский психолог Джордж А. Миллер в знаменитом эссе «Магическое число семь плюс-минус два» убедительно доказал, что оперативная (краткосрочная) память человека оперирует одновременно лишь семью (плюс-минус два) объектами, воспринимая их по отдельности, независимо друг от друга. Причём в норме – пятью, а в зависимости от интеллектуальной тренированности и психических особенностей – семью или даже девятью, но это редкость. О том же говорит и наука управления: максимальное число заместителей не должно превышать пяти. В этой связи специалисты по журналистике предлагают ограничить число аспектов в лиде двумя-тремя.

За лидом следует **корпус** (основной текст), несущий подробности, детали и дополнительные факты. В нём раскрывается, иллюстрируется основная идея, заложенная в лиде и выраженная в хэдлине.

Завершается текст **заключением** (на телевидении называемым «синхроном»). Оно призвано ещё раз подчеркнуть суть события и оттенить главную мысль, адресуемую журналистом аудитории.

Следующий вид композиции – **вопросно-ответное построение текста**. Характерно для интервью и беседы и их разновидностей (как жанров).

Вариант первый – **хронологический**: композиция прямо отражает ход разговора.

Вариант второй – **концептуальный**: расположение вопросов-ответов подчинено сверхидее материала, концепции текста, принятой журналистом. В таком случае в интервью/беседу часто включаются дополнительные элементы – лирические отступления, размышления журналиста, описания обстановки или хода интервью, различные данные и примеры и т.д., а вопросы-ответы могут даваться не в хронологической последовательности.

Композиция репортажей также имеет свою специфику, поскольку рассказ о разворачивающемся на глазах репортёра событии, как правило, уже обладает **сюжетом** и может быть передан как непосредственно в форме события, так и с «нарушением» хронологической последовательности действий.

Поэтому здесь тоже можно говорить о двух типах **репортажной композиции**: а) **сюжетно-хронологическом** построении текста, точно отражающем ход разворачивающегося на глазах репор-

тёра события (по этому принципу, с оговорками, строятся также дневник и хроника), б) **сюжетно-концептуальном** построении, когда для своего репортажа журналист находит «ход»: нарушает хронологическую последовательность, единство времени или действия (включает в текст факты или картины, какие-либо события из прошлого героя либо происходящие параллельно и т.д.). Так, например, зачастую на композиции с «обратным сюжетом» строятся репортажи из зала суда и судебные очерки.

Естественно, необходимо дать определение понятию «сюжет», не ограничиваясь общеизвестной его трактовкой как «развития действия» или «хода событий». Представляется, что можно лишь присоединиться к определению сюжета, данному одним из наиболее авторитетных отечественных литературоведов XX века В.В. Кожинным: «Сюжет – живая последовательность всех многочисленных и многообразных действий, изображённых в произведении, — не может быть пересказан, ибо <...> произведение и есть наиболее сжатый, не имеющий ничего лишнего, рассказ о сюжете, словесное воплощение сюжета»⁵. Разница же между литературным и журналистским произведением в том, что сюжет художественного текста порождается фантазией художника, а сюжет текста журналистского «порождает» сама жизнь, и задача журналиста – точно и скрупулёзно, правдиво воссоздать его.

В следующей группе жанров, в нашей классификации обозначенных как «публицистические» (статья и её разновидности), композиционное построение текста включают в себя «доказательный» и «проблемный» (проблемно-поисковый) тип построения текста. Это связано прежде всего с сущностными функциями публицистики: прогнозированием и оценкой описываемых в тексте социальных проблем. Соответственно в зависимости от того, какие прогнозные методики используются (явно ли, скрыто ли), меняется и композиционное решение оформления материала и идей.

«Доказательная» композиция, **строящаяся, как правило, на использовании метода структурной аналогии, включает в себя:**

- *заголовок*, часто с *подзаголовком* (в статье они важны особенно: поскольку читателю предлагается объёмный текст, запомнить который трудно, возникает необходимость в «метафоричности»). Это означает, что журналисту необходимо привести яркий образ или метафору, которые должны стать осью, стержнем текста, ведь ещё с советских времён известно, что публицистический образ

расцветает на стебле главной идеи. Хороший же заголовок в статье зачастую исполняет роль хэдлима: подробности забываются, мысль (лозунг) остаётся);

- *врезку (аннотацию, введение)* с кратким пояснением, о чём пойдёт речь в статье (обозначение темы, поднимаемой проблемы);
- *описание конкретной социальной проблемы* («актуального повода», по В.Третьякову, – события в его противоречиях; в советских учебниках журналистики использовались также понятия «явления» – суммы фактов, связанных между собой существенными, значимыми связями, и/или «конflikта» – открытого столкновения интересов тех или иных социальных сил или интересов; говоря проще, журналисту необходимо определить «тенденцию», имеющую статистическое (измеряемое), «вещественное» выражение);
- *точку зрения автора* на сложившуюся ситуацию и её разрешение («авторскую гипотезу»), а также *основную идею*, главную мысль статьи («тезис»; в данном случае используется, как правило, метод структурной аналогии, суть которого в том, чтобы найти и использовать для анализа и прогнозирования данной социальной проблемы «объект-аналог» – такой исторический или близкий пример из социальной практики, что по своим основным структурным элементам схож с рассматриваемой ситуацией);
- *аргументы в пользу собственной гипотезы (идеи)*;
- *рассмотрение точки зрения оппонентов (антитезиса) и критический разбор их доказательств*;
- *позитивный (конструктивный) синтез всех точек зрения* (подтверждение, уточнение первоначальной гипотезы либо отказ от неё – в случае доказательства своей правоты «от противного»);
- *вывод*;
- *прогноз развития событий*.

«Проблемно-поисковая» композиция построения статьи включает:

- *заголовочный комплекс*;
- *введение*;
- *описание социальной проблемы*;
- *определение ведущей тенденции* («явления», «конflikта») данной социальной проблемы;
- *изучение её генезиса и состояния* в настоящий момент («основание» прогноза – генетический анализ и интерполяция);

- *экстраполирование изученных данных* (имеющих числовое, вещественное выражение) в будущее на определённый концепцией публициста срок («глубина» прогноза);
- *определение верхней и нижней экстрем* (максимально возможного и минимально допустимого состояний функционирования объекта прогноза);
- *анализ «стандартного прогнозного фона»* (международные, внутривосточные, экономические, научные, экологические, социальные, культурные, демографические, институциональные, коллективно-индивидуальные и т.д. факторы);
- *обоснованный вывод*, представляющий собой аргументированное изложение основного сценария развития анализируемой тенденции, с включением в него тех проблем, с которыми общество может или должно столкнуться при тех или иных вариантах исхода событий;
- *мнения экспертов и возможные варианты разрешения проблемы* («Что делать?»).

Существует ещё один вариант построения статьи и логической организации материала: с точки зрения философско-антропологического подхода, признающего «центром измерения мира» человека, конкретную личность, логичным представляется анализировать событие и с точки зрения психологии непосредственных его участников.

Такая **«проблемно-аналитическая» композиция** предполагает:

- *заголовочный комплекс*;
- *введение*;
- *описание социальной проблемы*;
- *психологическую характеристику главных участников – субъектов действий, акторов* (поскольку любое социальное явление имеет совершенно конкретных идеологов, вдохновителей, реализаторов, противников и т.д., очевидно, что от личностно-психологических качеств, ценностей и манеры действовать этих людей и будет во многом зависеть течение и характер событий);
- *определение как их личных «потребностей» и интересов, так и «опредмеченных» через них групповых (общественных) потребностей и интересов* (потребность – нужда или недостаток в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом; интерес – осознанная потребность);
- *определение конкретных целей либо мета-*

целей участников события (цель – один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определённых средств; осуществление цели подразумевает процесс преодоления разрыва между ожиданиями той или иной части населения и «неудовлетворительной» реальностью; в данном случае цель – более прагматична («выиграть суд»), метаяцель включает не только ряд «предвосхищаемых результатов», но и философско-ценностную – стратегическую – установку («через суды сделать прессу региона лучше»);

- *анализ средств, методов, способов достижения целей*;
- *оценку конкретных, непосредственных действий (деятельности) участников события*;
- *учёт «матрицы условий»* («контекста», т.е. непосредственных условий протекания события и осуществления действий (место, время, участники, интересы). Помимо «контекста» можно выделить также «метаусловия» (влияние таких масштабных парадигм, как ментальность, культура, политический климат и т.д.); «протоусловия» (генезис данной проблемы); «промежуточные условия» (случайные факторы, воздействующие на ход и характер событий, вроде ураганов, заморозков, революций или реформ);
- *оценку результатов*;
- *вывод-прогноз развития событий*.

Беллетристические жанры большинство специалистов не зря определяют как «художественно-публицистические», поскольку этот вид творчества тесно связан как с публицистикой (актуальная, «жгучая» социальная проблематика), так и с литературой (художественная выразительность, образность, проблема человека). Более того, журналистику вообще не следует «тотально» отграничивать от литературы, поскольку первая совсем недавно (по историческим меркам) выделилась из последней как самостоятельный вид профессиональной деятельности. Беллетристика в таком случае как раз и выступает переходным, пограничным, межевым видом художественного творчества, вобрав в себя как «оперативность» и социальную актуальность журналистики, так и «оставив при себе» родовые черты литературы: образность и «человеческую» проблематику.

Композиция беллетристических жанров близка к классической композиции малых литературных форм (новеллы, повести и т.д.) и вклю-

чает в себя пролог, завязку, кульминацию и развязку.

— *Пролог или введение.* Это вступительная часть произведения, которая либо является предысторией сюжета (в рассказе, очерке), либо выступает в качестве предисловия (аннотации) к тексту. В любом случае задача пролога-введения – ввести читателя в суть конфликта или острой социальной проблемы, поднимаемой беллетристом (памфлет, фельетон, пародия), кратко изложив события, предшествовавшие основному содержанию. Желательно, чтобы эту работу выполнил сам автор (для сохранения целостности текста и единства стиля), поскольку в журналистской практике довольно часто случается так, что текст, поступивший в редакцию, приходится дополнять введением непосредственно редактору, ибо ситуация, хорошо знакомая автору, не всегда ясна аудитории (особенно в случае безадресных или сатирических текстов).

Иногда, особенно в газетах и журналах общественно-универсального направления, пролог знакомит аудиторию с автором или историей создания им предлагаемого ей произведения. Это особенно актуально для «толстых» и провинциальных журналов, поскольку лишь избранные постоянные читатели помнят большую часть авторов и их библиографию, чтобы не нуждаться в их представлении.

— *Завязка.* Событие, которым начинается развитие действия. В журналистике чаще всего именно здесь намечается конфликт между сторонами-антагонистами. Обычно он даётся в самом начале, служа началом подъёма сюжетной линии и источником возрастающего при дальнейшем изложении напряжения. Однако, например, в судебных очерках с «обратным сюжетом» конфликт может быть дан и в конце текста, как разгадка «истории».

Зачастую для увеличения интриги, для придания особой остроты развитию действия беллетристы используют внезапную, немотивированную, неожиданную завязку, открывающую произведение безо всякой «экспозиции», подготовки. Здесь также надо отметить и роль первой фразы, первого абзаца произведения, поскольку именно они, если читатель заинтересовался проблематикой, должны задать тон и динамику дальнейшему изложению и удержать его внимание. Конечно, в данном случае первый абзац очерка, например, нельзя назвать лидом, но в некотором смысле он выполняет те же функции.

— *Кульминация* (от лат. «вершина»). Ключевой момент развития действия, сюжета. Точка наивысшего напряжения. Психологи уже давно опреде-

лили, что ключевыми для бытия человека выступают всего три «направления»: отношения с другими, отношения с собой и отношения с жизнью, миром. Соответственно и кульминация как пик конфликта и отражение естественных бытийственных закономерностей иллюстрирует, как правило, перелом мировоззрения при решающем столкновении героев, персонализирующих собой различные социальные интересы, между собой, с самими собой либо с обстоятельствами.

— *Развязка.* Окончание действия, завершение или разрешение конфликта. Чаще всего она приводится в конце текста, но иногда начинается в начале. Как правило, вытекает из внутренней логики развития событий, поведения героев. Но иногда бывает и немотивированной, «неожиданной» (т.н. «особые случаи»). Однако именно эти «немотивированные» случаи и привлекают внимание беллетристов, порождая желание написать рассказ, очерк или памфлет и ответить на вопрос «ПОЧЕМУ так произошло?».

Отдельно стоит сказать о **композиции эссе**. Эссеистику часто относят к литературным и/или беллетристическим формам, но это не совсем правильно. Эссеистика – особый вид творчества⁶. Более того, «чистого» эссе практически не встретить на страницах газет и журналов. Чаще всего встречаются «эссеизированные» разновидности других жанровых форм. Тем не менее и эта разновидность журналистских текстов имеет определённую композицию, строй.

Мы выделяем в нём линейный, циклический и фрагментарный типы композиционного построения.

В *линейном* типе построения автор ограничивается, как правило, одной конкретной ситуацией и её осмыслением. Мысль рождается на глазах читателя, разворачиваясь постепенно. Оттолкнувшись от какой-либо детали или повода, эссеист развивает свою мысль логически, не отрываясь и не отклоняясь (И. Бунин, эссе «Ночь»; эссеистика К.Г.Честертон). Мысль зреет постепенно, чтобы в конце эссе «выстрелить» глубоким философским выводом, решением или парадоксом. Это построение на первый взгляд близко к статье, поэтому чаще всего используется журналистами. Получается (в лучшем случае) эссеизированная статья. В этом плане стоит отметить развитие «научной эссеистики», особенно в Германии (а В. Руднев, например, пишет о современной физике как о «рассказывании историй»).

Циклический тип композиции также предполагает повод и некую ситуацию выбора. Однако для разрешения проблемы эссеистом привлекаются

различные примеры, аналогии, сходные случаи из своей или чужой жизни и т.д. Вопрос рассматривается со множества точек зрения и в различных аспектах. Мысль эссеиста, проходя сквозь различные жизненные примеры, обогащается новыми оттенками, нюансами; высвечиваются её новые грани и аспекты. Этот тип эссе требует от автора богатой эрудиции и чаще всего интересен неожиданными ассоциациями, парадоксальными «сближениями» и «узнаваниями». Чаще используется в журнальной, «элитарной» эссеистике и подразумевает хорошо подготовленного читателя (классика – «Опыты» М. Монтеня).

Фрагментарный тип композиции является наиболее «приближенным» к личности самого эссеиста выражением чувств и мыслей. Здесь дистанция от «сердечной печи» до листа бумаги самая короткая (вспомним В. Розанова, фиксировавшего свои «листья» и «за нумизматикой», и «за чтением корректур», и «в ватерклозете», и «в постели

ночью», и «на извозчике»...). Это непосредственная фиксация душевных и мысленных «порывов», духовных озарений и чувствований. Они, как правило, не имеют жёстких связей между собой, но иногда собираются в «подборки» – либо тематические, либо «временные» (по времени написания – например, с оговорками, «Дневник писателя» Достоевского, «Несвоевременные мысли» Горького). Здесь, несомненно, интерес представляет Личность эссеиста, такое чтение – настоящее духовное общение, интимное и глубокое переживание встречи с Другим, близким человеком.

Таковы, на наш взгляд, основные виды композиций в журналистском тексте. Естественно, что данная статья лишь намечает общее направление для исследования такого важного и сложного вопроса, но, как мы надеемся, всё же своим текстом сможем помочь не только начинающим журналистам, но и тем, кто журналистику исследует или непосредственно «творит».

Примечания

1. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. М., 2005. С. 20.
2. Муминов Ф. Метод журналистики и методы деятельности журналистов. Ташкент, 1998. С. 57.
3. Дмитриевский А.Л. ЖАНР ЭССЕ: Очерк теории жанра. *Монография*. Орёл, 2006. – Свободный режим доступа: <http://www.journ-orel.ru/download.php?view.17>
4. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. Саратов, 2006. С. 94.
5. Цит. по: Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. С. 215.
6. Подробней см.: Дмитриевский А.Л. Жанр эссе...

A.L. Dmitrovsky

KINDS OF COMPOSITIONS IN JOURNALISTIC TEXT

This article is dedicated to the problem of compositional (logical, expressive) structure of the text. This problem is very interesting and actual for journalistic creation. In this article are examined not only traditional kinds of compositions (such, as the principle of the crossover pyramid), but the whole continuum of genres from short information report to large forms of fiction.

Key words: journalist, composition text, kinds of compositions, genres.

ПРАВО

В. И. ОПРЯТОВ, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Орловского государственного университета

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эволюция правового статуса системы органов исполнительной власти таких субъектов Российской Федерации, как край и область, достигла момента, когда назрела насущная необходимость её унификации на федеральном уровне. Принятие федеральных модельных актов, закрепляющих общие принципы создания и деятельности всей системы органов исполнительной власти на уровне субъекта Российской Федерации, позволило бы оптимизировать государственное управление на региональном уровне, способствовало бы решению многих проблемных вопросов, встающих перед «вновь наделёнными полномочиями» губернаторами на начальном этапе формирования собственной системы органов исполнительной власти, и укрепило бы вертикаль исполнительной власти России в целом.

***Ключевые слова:** субъект Российской Федерации, система органов исполнительной власти (администрация) субъекта Российской Федерации, губернатор, глава администрации области (края), высший орган исполнительной власти (правительство) субъекта Российской Федерации.*

Принимая во внимание, что государственно-правовую систему разработать в проекте и осуществить затем на практике невозможно, то есть теория должна следовать за практикой, мы, раскрывая юридические, политологические и социологические основы построения систем органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, в первую очередь опираемся на изучение практического применения правовых норм, реализующих общественные отношения, правовое регулирование которых Конституцией РФ и федеральным законодательством¹ отнесено к ведению субъектов Федерации или к их совместному ведению с Российской Федерацией.

В этой связи было странным открыть новый учебник административного права выдающихся правоведов, обнаружить в нём главу 11 «Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации», отражающую реалии 1994 года и опирающуюся на давно уже не действующие Указы Президента РФ № 1723 от 22 октября 1993 г. и № 1969 от 3 октября 1994 г.² Если теория на 15 лет отстаёт от практики, то что можно сказать о самой практике?

Собственная система органов исполнительной власти субъектов Федерации, имеющая достаточно сложное и неоднозначное для разных регионов организационное

выражение, по истечении последних 10 лет только в 12 субъектах, входящих в Центральный федеральный округ, не была приведена в соответствие с ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов РФ» 1999 года³. В 10 из них, а в целом по Российской Федерации в 37 субъектах до сих пор сохранены администрации, включающие в себя: губернаторов или глав администраций; их заместителей или вице-губернаторов; руководителей органов исполнительной власти края, области; отраслевых и территориальных структурных подразделений, других коллегиальных органов (правительств, коллегий, советов и т.д.), что полностью не отвечает современным реалиям государственного регионального строительства.

Здесь кажется логичным в отдельных субъектах в целях сохранения правовой легитимизации наименования должности «Глава администрации» на федеральном уровне законодательно закрепить понятие администрации края, области как системы органов исполнительной власти субъекта Федерации, состоящей из высшего должностного лица, высшего органа исполнительной власти и других органов исполнительной власти данного субъекта Российской Федерации, как это сделано в Орловской области⁴.

И наконец, в целях усиления взаимодействия федерального уровня исполнительной власти и

органов исполнительной власти субъектов Федерации между собой, выработки согласованных решений по вопросам их социально-экономического развития, разрешения проблемы двойного подчинения территориальных федеральных органов исполнительной власти и ликвидации *двухуровневости правового регулирования их деятельности*, в целях укрепления единой вертикали исполнительной власти предлагается в субъектах Федерации образовывать Правительства во главе с Губернатором (Главой администрации) в качестве высшего коллегиального органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, включающие в себя по должности руководителей территориальных федеральных органов, действующих в регионе и разрешающих вопросы, отнесенные к исключительному ведению Федерации и к их совместному ведению, руководителей иных территориальных органов специальной компетенции, создаваемых в соответствии с региональным законодательством, а также иных должностных лиц по согласованию с законодательным (представительным) органом власти субъекта РФ. В этой связи необходимым является разработка и принятие федеральных модельных нормативно-правовых актов, способствующих унификации организационных структур органов исполнительной власти всех субъектов Российской Федерации.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года // Российская газета. № 237. 25.12.1993.; Федер. закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: принят Гос. Думой 22 сентября 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 и др.

2. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г., Кузнецов С.М. Административное право России: учеб., 2-е изд., перераб. и доп. / Б.Н. Габричидзе. М.: Проспект, 2009. С.141–149.

3. Закон Курской области «О схеме управления Курской области»: принят Курской областной Думой 07 февраля 2002 г. // Курская правда. 2002. 23 марта.; Закон Московской области «О структуре исполнительных органов государственной власти Московской области»: принят Московской областной Думой 26 марта 2004 г.; Закон Московской области «О схеме управления Московской областью»: принят Московской областной Думой 13 марта 2000 г.; Закон Московской области «О структуре Правительства Московской области»: принят Московской областной Думой 14 марта 2000 г. и др.

4. Закон Орловской области «О системе органов исполнительной государственной власти Орловской области»: принят Орловским областным Советом народных депутатов 30 ноября 2001 г. // Орловская правда. — 2001. — 15 декабря; Закон Орловской области «О схеме управления Орловской областью»: принят Орловским областным Советом народных депутатов 30 ноября 2001 г. // Орловская правда. — 2001. — 15 декабря.

Evolution of a legal status of system of enforcement authorities of such subjects of the Russian Federation as edge and area has reached such moment when the absolute must of its unification at federal level has ripened. Acceptance of federal modelling certificates fixing the general principles of creation and activity of all system of enforcement authorities at level of the subject of the Russian Federation would allow to optimise the government at regional level, would promote the decision of many problem questions rising before «again allocated powers» governors at the initial stage of formation of own system of enforcement authorities and would strengthen a vertical of an executive power of Russia as a whole.

*И.А. МАЛЬЦЕВ, аспирант кафедры
конституционного и муниципального права
Орловского государственного университета*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР КАК ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Принцип разделения властей — один из основных принципов деятельности государственных органов и государственной власти в целом. Его реализация зависит от законодательного механизма воздействия на его элементы. Согласительные процедуры призваны стать одной из основных конституционных гарантий соблюдения принципа разделения властей.

Ключевые слова: согласительные процедуры, орган государственной власти субъектов РФ, согласительная комиссия, принцип разделения властей, Конституция РФ, федеральный закон.

В любой отрасли права существуют свои процедуры разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между субъектами регулируемых данной отраслью правоотношений. В настоящее время одним из часто применяемых на практике способов разрешения конфликтов является досудебный способ. В конституционном праве получило законодательное закрепление понятие «согласительная процедура». Статья 85 Конституции Российской Федерации предусматривает возможность применения Президентом Российской Федерации согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации [1].

Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде РФ» предусматривает, что для реализации положений статьи 85 Конституции РФ соответствующий орган государственной власти должен обратиться к Президенту РФ. В свою очередь Президенту РФ предоставлена возможность использования согласительных процедур. В случае, если эти процедуры не были использованы либо не привели к разрешению конфликта, Президент РФ обращается с ходатайством в Конституционный суд РФ [2].

Статья 25 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» также указывает на необходимость применения согласительных процедур при возникновении споров между законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации по вопросам осуществления их полномочий. При этом указанная статья правовой основой регулирования указанных процедур называет Конституцию РФ, конституции (уставы) субъектов и законы субъектов Российской Федерации [3]. Федеральный конституционный закон РФ «О Правительстве Российской Федерации» наделяет высший орган исполнительной власти Российской Федерации правом разрешения споров и устранения разногласий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Для разрешения споров и устранения разногласий создаются согласительные

комиссии из представителей заинтересованных сторон [4].

Положение о необходимости и возможности применения согласительных процедур предусмотрено и законодательными актами Орловской области (Закон Орловской области «Об Орловском областном Совете народных депутатов» [5], Закон Орловской области «О правотворчестве и нормативно-правовых актах Орловской области») [6]. Например, в Законе Орловской области «О референдуме Орловской области» указывается, что в случае возникновения спора о компетенции в связи с выдвижением инициативы референдума Орловской области Президент РФ, Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Государственная Дума Федерального Собрания РФ, Правительство РФ вправе предложить Орловскому областному Совету народных депутатов создать согласительную комиссию. В работе согласительной комиссии вправе принять участие представители инициативной группы по проведению референдума Орловской области [7].

Указанные НПА, а также Устав Орловской области и иных субъектов РФ не конкретизируют порядок применения данных процедур [8].

Таким образом, основываясь на проведённом нами исследовании действующего законодательства федерального уровня и уровня субъектов Российской Федерации, можно сделать вывод, что на законодательном уровне не регламентирован порядок проведения согласительных процедур. Наряду с вышеуказанным представляется неясным и само понятие «согласительная процедура». Обратимся к словарю Конституционного права для определения данного понятия. Конституционные согласительные процедуры — конституционно-правовые средства разрешения разногласий, возникающих между участниками конституционно-правовых отношений [9]. Известны следующие виды согласительных процедур: переговоры, создание согласительных комиссий, третейский суд и другие. Для применения различных форм согласительных процедур необходимо руководствоваться разработками конфликтологии. Однако считаем необходимым отметить, что конституционные согласительные процедуры следует рассматривать как особые конституционно-правовые средства, применяемые с учётом специфики конституционно-правовых отношений.

Законодательной практике Российской Федерации известны случаи издания Президентом указов, регулирующих тем или иным образом порядок создания согласительных комиссий как одной из форм согласительных процедур, например,

Указ Президента Российской Федерации от 05 октября 1995 года «О мерах по обеспечению взаимодействия федеральных органов государственной власти субъектов Российской Федерации при проведении конституционно-правовой реформы в субъектах Российской Федерации» (утратил силу) [10]. Данным указом предусматривалось создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по взаимодействию федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. На образуемую комиссию возлагалась обязанность по устранению возможных разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Комиссия была обязана осуществлять подготовку предложений о применении Президентом Российской Федерации согласительных процедур для разрешения таких разногласий в соответствии со статьёй 85 Конституции Российской Федерации. Этим же указом устанавливалось, что работа комиссии будет осуществляться на основании Положения о комиссии. Таким образом, применение положений статьи 85 Конституции Российской Федерации на практике ограничивается изданием соответствующего указа Президента РФ и последующей разработкой на основе указа Положения о согласительной комиссии. Несколько нецелесообразным представляется ограничение применения согласительных процедур исключительно созданием согласительных комиссий, что в целом, на наш взгляд, не в полной мере способно эффективно решать вопросы урегулирования разногласий при «конфликте компетенций».

В конституционном праве рассматриваемые в настоящем исследовании категории приобретают особую значимость и актуальность в части реализации положений Конституции РФ о принципе разделения властей. Данный принцип предполагает наличие определённой системы сдержек и противовесов между органами государственной власти РФ. В части реализации принципа разделения властей между органами государственной власти субъектов Российской Федерации предполагается такая законодательно закреплённая система взаимодействия, в которой бы сочетались как элементы взаимоконтроля, так и элементы самостоятельности в осуществлении своих полномочий. Однако эта система, на наш взгляд, представляется достаточно сложной, поскольку само

её построение и реализация трудно применимы на практике. Многие сферы общественной жизни многогранны, что подчас становится одной из причин появления так называемой «двойственной компетенции», когда разные органы оказываются «правомочны» в решении одного и того же вопроса. Таким образом, спор о компетенции между государственными органами неизбежен. На наш взгляд, именно данное обстоятельство является основанием для создания законодательного акта, регулирующего порядок применения согласительных процедур в части регулирования конституционно-правых отношений.

Поскольку принцип разделения властей в полной мере является конституционным принципом, то и методы его реализации и поддержания следует выбирать конституционные. «Конфликт компетенций» – это своего рода конфликт элементов сложного механизма системы разделения государственной власти. Согласительная процедура – это метод и средство разрешения «конфликта компетенций». Поэтому данный метод и средство должны иметь исключительно конституционно-правовую основу, а именно разработанные законодательно механизмы применения согласительных процедур.

Категории «спор», «конфликт», «согласительная процедура» изучаются наукой «Юридическая конфликтология». Научные разработки данной отрасли знаний в настоящее время становятся широко применимы на практике. В отличие от таких отраслей, как международное частное право, гражданское право, в науке конституционного права применение согласительных процедур ограничивается, на наш взгляд, декларативными нормами нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней.

Конфликт в системе разделения властей рассматривался В.Н. Кудрявцевым. В своём исследовании, названном «Юридическая конфликтология», он рассматривает конфликт, его природу и проявления в различных правоотношениях. Наибольший интерес в его исследовании для нас представляет рассмотрение принципа разделения властей в аспекте порождаемых им противоречий. Кудрявцев полагает, что, «являясь по существу элементом эффективного государственного управления, принцип разделения властей одновременно может служить объективной базой для зарождения и развития юридических конфликтов. Это споры о компетенции органов, «война актов», споры о формах и процедурах взаимоотношения органов власти, конфликты, вытекающие из внутрифедеральных проблем, отношения с политическими партиями и движениями» [11]. Кудряв-

цевым выделяются несколько особенностей конфликта в системе разделения властей. Первая заключается в том, что в разрешении конфликтов всегда активно действующими субъектами являются государственные органы. Это происходит и в том случае, когда они не входят в число конфликтующих сторон, а выполняют лишь функции посредника или арбитра. Второй особенностью, названной автором, является «преимущественное использование легальных средств разрешения конфликтов или их последующая легитимация. Итогом такого конфликта является принятие нормативного правового акта, изменение конституции, подписание общественных соглашений» [12].

Возможность применения согласительных процедур предусмотрена для органов как федерального уровня государственной власти, так и для органов субъектов Российской Федерации. Однако следует отметить, что наиболее широкими полномочиями в этой области наделён именно Президент РФ. Как следует из анализа текста статьи 85 Конституции РФ, Президент РФ может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации [13]. Для иных же органов государственной власти федерального и регионального уровней в пределах их полномочий предусмотрено инициирование создания лишь согласительных комиссий для разрешения споров о компетенции. Как указывалось выше, понятие «согласительная комиссия» включено в понятие «согласительная процедура». Данные категории соотносятся как общее и частное. Вышеуказанное означает то, что только Президент согласно нормам действующего законодательства наделён правом использования всех возможных процедур разрешения споров.

Анализ федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации выявляет ряд пробелов в правовом регулировании рассматриваемого нами вопроса. На наш взгляд, одной из целей создания норм о согласительных процедурах явилось не что иное, как стремление законодателя обеспечить соблюдение принципа разделения властей ещё одной гарантией. Последняя, в свою очередь, заключается в том, что спор, возникающий между органами государственной власти любого уровня, может и должен быть разрешён не иначе, как вышестоящим по вертикали власти органом. Данный способ урегулирования разногласий позволит избежать вмешательства одного органа в компетенцию другого.

На настоящий момент вопрос создания согласительных комиссий и разработки их регламентов отнесён к компетенции того органа, который инициирует проведение подобной процедуры. Более того, как отмечалось нами выше, Президент Российской Федерации не ограничен законом в выборе способа урегулирования конфликта. Подобные пробелы правового регулирования не способствуют, на наш взгляд, укреплению конституционного принципа разделения властей как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов.

На наш взгляд, необходимы разработка и принятие специального закона о согласительных процедурах в части урегулирования споров по вопросам осуществления компетенции органов всех уровней государственной власти. Необходимо на законодательном уровне конкретизировать виды конфликтов, способы их разрешения. Таким образом, способ разрешения «конфликтов компетенций» будет иметь в полной мере конституционно-правовую основу, что будет способствовать укреплению конституционных гарантий принципа разделения властей.

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
2. ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
3. ФЗ от 06.10.2003 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
4. ФКЗ от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
5. Закон Орловской области от 06.06.2001 № 201-ОЗ (ред. от 06.02.2009) «Об Орловском областном Совете народных депутатов» // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
6. Закон Орловской области от 15.04.2003 319-ОЗ (ред. от 07.11.2008) «О правотворчестве и нормативно-правовых актах Орловской области» // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
7. Закон Орловской области от 20.05.2004 № 403-ОЗ (ред. от 13.02.2007) «О референдуме Орловской области» // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
8. Устав (Основной закон) Орловской области от 26.02.1996 № 7-ОЗ (ред. от 06.02.2009) // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.); см. напр.: Устав Брянской области // <http://www.bryanskobl.ru/region charter>; Устав Воронежской области // <http://www.govrn.ru/wps/wcm/connect/voronezh/AVO/Main/Bill/Charter>; Устав Липецкой области // <http://www.admlr.lipetsk.ru/rus/law/law01.php>
9. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. 432 с.
10. Указ Президента РФ от 05 октября 1995 года «О мерах по обеспечению взаимодействия федеральных органов государственной власти субъектов Российской Федерации при проведении конституционно-правовой реформы в субъектах Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
11. Цит. по: Юридическая конфликтология / Под ред. академика В.Н. Кудрявцева // www.koob.ru/kudrjavcev_v_n/juridicheskaja_konfliktologia
12. Цит. по: Юридическая конфликтология / Под ред. академика В.Н. Кудрявцева // www.koob.ru/kudrjavcev_v_n/juridicheskaja_konfliktologia
13. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).

Maltsev I.A.

The Principle of sharing of powers is one the basic principles of the activity of public bodies and state power in whole. But its realization depends on existing legislative mechanism of influencing its elements. Conciliations are the main constitutional guarantees of observance of the principle of sharing of powers.

Ю.Б. МАЛЬЦЕВА, соискатель кафедры гражданского права и гражданского процесса Орловского государственного университета, специалист юридического отдела Регионального отделения Федеральной службы по финансовым рынкам в Юго-Западном регионе

УСИЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

В настоящее время в условиях нарастания кризисных явлений в мировом экономическом пространстве и мировых финансовых рынков особое внимание уделяется вопросам развития процессов инвестирования и совершенствования сложившихся основ корпоративного управления. Последнее, в свою очередь, признано определяющим фактором роста экономик развитых стран в части стимулирования прироста капитала. Однако, как в любой сфере жизни общества, необходимо формирование устойчивой правовой основы данных отношений и должной системы государственного надзора. На настоящий момент Российская Федерация следует тенденциям развития финансового рынка, обозначенным мировой практикой.

***Ключевые слова:* кризисные явления, процессы инвестирования, стимулирование прироста капитала.**

В рамках подведения итогов выполнения задач, поставленных стратегией развития финансового рынка в РФ на 2006–2008 гг., сформированной Правительством Российской Федерации, было обозначено, что наиболее приоритетными из проблем, требующих скорейшего решения, являются построение системы пруденциального надзора за профессиональными участниками рынка ценных бумаг, решение проблем с предотвращением манипулирования рынком ценных бумаг [1].

Одной из приоритетных задач развития финансового рынка на период до 2020 года, также сформированной распоряжением Правительства Российской Федерации, является совершенствование государственного регулирования на финансовом рынке [2]. В рамках решения данной задачи, как отмечалось, необходимо повысить эффективность государственного регулирования финансового рынка, обеспечить эффективную систему раскрытия информации на финансовом рынке, продолжить развитие и совершенствование корпоративного управления, принять действенные меры по предупреждению и пресечению недобросовестной деятельности на финансовом рынке.

Помимо реализации данного направления государственной политики на финансовом рынке предусматривалось повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности ФСФР России, а как один из методов – совершенствование нормативно-правовой базы развития российского финансового рынка.

Таким образом, необходимость развития и укрепления корпоративного управления в рамках обозначаемых соответствующими органами приоритетных направлений – одна

из наиболее острых задач, порождаемых несовершенством российского корпоративного права.

Термин «корпоративное управление» получил закрепление во многих международных документах. В частности, Организацией экономического сотрудничества и развития сформированы принципы корпоративного управления, которые были разработаны совместно с национальными правительствами, другими заинтересованными международными организациями и частными актами [3]. Именно в данном документе содержалось указание на то, что надлежащий режим корпоративного управления помогает обеспечить эффективное использование компаниями их капитала. Надлежащая система корпоративного управления способствует тому, чтобы корпорации учитывали интересы широкого круга заинтересованных лиц, а также сообществ, в которых они осуществляют свою деятельность, и обеспечивает подотчётность органов её управления как самой компании, так и её акционерам [4]. Коротко выделим обозначенные данным документом стратегии построения корпоративной структуры управления:

- 1) структура корпоративного управления должна защищать права акционеров;
- 2) структура корпоративного управления должна обеспечивать равное отношение к акционерам, включая мелких и иностранных акционеров. У всех акционеров должна быть возможность получить эффективную защиту в случае нарушения их прав;
- 3) структура корпоративного управления должна признавать установленные законом права заинтересованных лиц (стейкхолдеров) и поощрять активное сотрудничество между корпорациями и заинтересованными лицами в создании богатства и рабочих мест и обеспечении устойчивости финансового благополучия предприятий;
- 4) структура корпоративного управления должна обеспечивать стратегическое управление компанией, эффективный контроль над администрацией со стороны совета директоров, а также подотчётность совета директоров самой компании и её акционерам [5].

Для целей нашего исследования имеет значение формирование принципа защиты прав акционеров посредством совершенствования структуры корпоративного управления. Сформулированные принципы ОЭСР к основным правам акционеров относят право на получение необходимой информации о корпорации на своевременной и регулярной основе и право на участие в голосовании на общих собраниях акционеров.

До принятия Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс об административных правонарушениях в части усиления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах» и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части уточнения определения и конкретизации признаков манипулирования ценами на рынке ценных бумаг» нарушение требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров ограничивалось рамками гражданско-правовой ответственности [6]. Однако в юридической литературе и в статистической информации, сформированной ФСФР России на официальном сайте, указывается на возросшее количество жалоб граждан, юридических лиц о нарушении их прав как акционеров. До момента принятия ФЗ от 9 февраля 2009 года № 9-ФЗ эффективной системы государственного надзора за нарушениями прав акционеров на участие в общем собрании не существовало.

ФЗ от 9 февраля 2009 г. усилена административная ответственность за ряд правонарушений, а также обозначены составы новых административных правонарушений, подлежащие внесению в КоАП РФ [7]. Правонарушения на финансовом рынке дополнены статьёй 15.23.1, содержащей состав правонарушения и ответственность за нарушение законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров. Таким образом, в российском корпоративном законодательстве явно обозначена тенденция к укреплению основ корпоративного управления. Согласно новой редакции статьи 23.47 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 15.23.1 КоАП РФ, рассматривают федеральный орган исполнительной власти в области финансовых рынков, его территориальные органы.

Подобная тенденция развития отечественного корпоративного права отвечает тенденциям развития международных принципов построения корпоративных отношений, что подтверждают вышеупомянутые нами документы.

Как отмечается в литературе, для значительной части российских компаний характерны неурегулированные конфликты интересов между собственниками, а также между владельцами бизнеса и менеджерами высшего звена [8]. Это связано, в частности, с тем, что многие российские предприятия отличаются низким уровнем корпоративно-

го управления; распространённой практикой является совершение правонарушений, которые обусловлены конфликтами интересов акционеров. Применительно к условиям российского фондового рынка 1990–2000 гг. отмечалось, что «в силу особенностей структуры собственности российских эмитентов, сложившейся в результате процесса приватизации, дальнейшего перераспределения активов, менеджмент многих российских компаний, практически ничем не рискуя, шёл не только на сокрытие важнейшей информации, но и на откровенную дезинформацию акционеров и инвесторов, преследуя свои корыстные цели, что было возможно в связи с отсутствием адекватного регулирования и правоприменения». Нарушение прав акционеров, в том числе непредставление акционерам информации о проведении собраний акционеров и препятствование их участию в таких собраниях, было массовым явлением в период становления российского фондового рынка. Анализ судебной практики правонарушений, совершённых на фондовом рынке в 2000–2005 гг., продемонстрировал значительную долю правонарушений в области корпоративного управления и процедуры эмиссии (около 17%), причём большинство дел рассматривалось в гражданской системе права [9].

С введением в действие ФЗ от 9 февраля 2009 года № 9-ФЗ установлены санкции за нарушение порядка или срока направления (вручения, опубликования) сообщения о проведении общего собрания акционеров, а равно непредоставление или нарушение срока предоставления информации (материалов), подлежащей (подлежащих) предоставлению в соответствии с федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами, при подготовке к проведению общего собрания акционеров. Согласно статье 52 ФЗ «Об акционерных обществах» сообщение о проведении общего собрания акционеров должно быть сделано не позднее чем за 20 дней, а сообщение о проведении общего собрания акционеров, повестка дня которого содержит вопрос о реорганизации общества, – не позднее чем за 30 дней до даты его проведения [10]. В случаях, если предлагаемая повестка дня внеочередного общего собрания акционеров содержит вопрос об избрании членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, а также если предлагаемая повестка дня общего собрания акционеров содержит вопрос о реорганизации общества в форме слияния, выделения или разделения и вопрос об избрании совета директоров (наблюдательного совета) общества,

создаваемого путем реорганизации в форме слияния, выделения или разделения, сообщение о проведении внеочередного общего собрания акционеров должно быть сделано не позднее чем за 70 дней до дня его проведения. В указанные сроки сообщение о проведении общего собрания акционеров должно быть направлено каждому лицу, указанному в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, заказным письмом, если уставом общества не предусмотрен иной способ направления этого сообщения в письменной форме, или вручено каждому из указанных лиц под роспись, либо, если это предусмотрено уставом общества, опубликовано в доступном для всех акционеров общества печатном издании, определенном уставом общества. Общество вправе дополнительно информировать акционеров о проведении общего собрания акционеров через иные средства массовой информации (телевидение, радио).

В сообщении о проведении общего собрания акционеров должны быть указаны:

- полное фирменное наименование общества и место нахождения общества;
- форма проведения общего собрания акционеров (собрание или заочное голосование);
- дата, место, время проведения общего собрания акционеров и в случае, когда заполненные бюллетени могут быть направлены обществу, почтовый адрес, по которому могут направляться заполненные бюллетени, либо в случае проведения общего собрания акционеров в форме заочного голосования – дата окончания приема бюллетеней для голосования и почтовый адрес, по которому должны направляться заполненные бюллетени;
- дата составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров;
- повестка дня общего собрания акционеров;
- порядок ознакомления с информацией (материалами), подлежащей предоставлению при подготовке к проведению общего собрания акционеров, и адрес (адреса), по которому с ней можно ознакомиться.

К информации (материалам), подлежащей предоставлению лицам, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, при подготовке к проведению общего собрания акционеров общества, относятся годовая бухгалтерская отчетность, в том числе заключение аудитора, заключение ревизионной комиссии (ревизора) общества по результатам проверки годовой бухгалтерской отчетности, сведения о кандидате (кандидатах) в испол-

нительные органы общества, совет директоров (наблюдательный совет) общества, ревизионную комиссию (ревизоры) общества, счетную комиссию общества, проект изменений и дополнений, вносимых в устав общества, или проект устава общества в новой редакции, проекты внутренних документов общества, проекты решений общего собрания акционеров, а также информация (материалы), предусмотренная уставом общества. Также законодателем предусмотрено право уполномоченного в области финансовых рынков органа исполнительной власти на дополнение данного перечня. Необходимо также отметить, что на настоящий момент является действующим Постановление ФКЦБ РФ от 31 мая 2002 г. № 17-пс «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров» [11].

В число административных правонарушений также добавлена ответственность за незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания акционеров, а равно незаконный отказ или уклонение от внесения в повестку дня общего собрания акционеров вопросов и (или) предложений о выдвижении кандидатов в совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный исполнительный орган, ревизионную комиссию (ревизоры) и счетную комиссию акционерного общества либо кандидата на должность единоличного исполнительного органа акционерного общества.

Список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, составляется на основании данных реестра акционеров общества. В случае, если в отношении общества используется специальное право на участие Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в управлении указанным обществом («золотая акция»), в этот список включаются также представители Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Дата составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, не может быть установлена ранее даты принятия решения о проведении общего собрания акционеров и более чем за 50 дней, а в случае, предусмотренном федеральным законом, – более чем за 85 дней до даты проведения общего собрания акционеров. В случае проведения общего собрания акционеров, в определении кворума которого и голосовании участвуют бюллетени, полученные обществом в соответствии с абзацем вторым пункта 1 статьи 58 настоящего Федерального закона, дата составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собра-

нии акционеров, устанавливается не менее чем за 35 дней до даты проведения общего собрания акционеров.

Для составления списка акционеров, имеющих право на участие в общем собрании, номинальный держатель акций представляет данные о лицах, в интересах которых он владеет акциями, на дату составления списка. Список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, содержит имя (наименование) каждого такого лица, данные, необходимые для его идентификации, данные о количестве и категории (типе) акций, правом голоса по которым оно обладает, почтовый адрес в Российской Федерации, по которому должны направляться сообщения о проведении общего собрания акционеров, бюллетени для голосования в случае, если голосование предполагает направление бюллетеней для голосования, и отчет об итогах голосования. Список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, предоставляется обществом для ознакомления по требованию лиц, включенных в этот список и обладающих не менее чем 1 процентом голосов. При этом данные документов и почтовый адрес физических лиц, включенных в этот список, предоставляются только с согласия этих лиц. По требованию любого заинтересованного лица общество в течение трех дней обязано предоставить ему выписку из списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, содержащую данные об этом лице, или справку о том, что оно не включено в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров. Изменения в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, могут вноситься только в случае восстановления нарушенных прав лиц, не включенных в указанный список на дату его составления, или исправления ошибок, допущенных при его составлении [12].

Согласно внесённым изменениям образует состав административного правонарушения выполнение функций счетной комиссии акционерного общества ненадлежащим органом (лицом), или лицами, избранными в состав счетной комиссии акционерного общества с нарушением требований федерального закона, либо лицами, срок полномочий которых истек. Согласно нормам ФЗ об АО в обществе с числом акционеров – владельцев голосующих акций общества более ста создается счетная комиссия, количественный и персональный состав которой утверждается общим собранием акционеров. В обществе, держателем реестра акционеров которого является регистратор, ему может быть поручено выполнение функций

счетной комиссии. В обществе с числом акционеров – владельцев голосующих акций более 500 функции счетной комиссии выполняет регистратор. В составе счетной комиссии не может быть менее трех человек. В счетную комиссию не могут входить члены совета директоров (наблюдательного совета) общества, члены ревизионной комиссии (ревизор) общества, члены коллегиального исполнительного органа общества, единоличный исполнительный орган общества, а равно управляющая организация или управляющий, а также лица, выдвигаемые кандидатами на эти должности. В случае, если срок полномочий счетной комиссии истек либо количество ее членов стало менее трех, а также в случае явки для исполнения своих обязанностей менее трех членов счетной комиссии для осуществления функций счетной комиссии может быть привлечен регистратор.

Новая редакция КоАП РФ предусматривает ответственность за ненаправление (невручение, непубликование) или нарушение срока направления (вручения, опубликования) бюллетеня для голосования лицу, указанному в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров. Согласно ст. 60 ФЗ об АО бюллетень для голосования должен быть вручен под роспись каждому лицу, указанному в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров (его представителю), зарегистрировавшемуся для участия в общем собрании акционеров. При проведении общего собрания акционеров в форме заочного голосования и проведении общего собрания акционеров общества с числом акционеров – владельцев голосующих акций 1000 и более, а также иного общества, устав которого предусматривает обязательное направление (вручение) бюллетеней до проведения общего собрания акционеров, бюллетень для голосования должен быть направлен или вручен под роспись каждому лицу, указанному в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, не позднее чем за 20 дней до проведения общего собрания акционеров. Направление бюллетеня для голосования осуществляется заказным письмом, если уставом общества не предусмотрен иной способ направления бюллетеней для голосования. Уставом общества с числом акционеров более 500 тысяч может быть предусмотрено опубликование в указанный срок бланков бюллетеней для голосования в доступном для всех акционеров общества печатном издании, определенном уставом общества [13].

ФЗ от 9 февраля 2009 года № 9-ФЗ также вводит ответственность за проведение общего собра-

ния акционеров при отсутствии кворума, необходимого для его проведения, или рассмотрение отдельных вопросов повестки дня при отсутствии необходимого кворума, а также изменение повестки дня общего собрания акционеров после направления (вручения, опубликования) сообщения о проведении общего собрания акционеров. В соответствии со ст. 58 ФЗ об АО общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества. Принявшими участие в общем собрании акционеров считаются акционеры, зарегистрировавшиеся для участия в нем, и акционеры, бюллетени которых получены не позднее двух дней до даты проведения общего собрания акционеров. Принявшими участие в общем собрании акционеров, проводимом в форме заочного голосования, считаются акционеры, бюллетени которых получены до даты окончания приема бюллетеней. Если повестка дня общего собрания акционеров включает вопросы, голосование по которым осуществляется разным составом голосующих, определение кворума для принятия решения по этим вопросам осуществляется отдельно. При этом отсутствие кворума для принятия решения по вопросам, голосование по которым осуществляется одним составом голосующих, не препятствует принятию решения по вопросам, голосование по которым осуществляется другим составом голосующих, для принятия которого кворум имеется. При отсутствии кворума для проведения годового общего собрания акционеров должно быть проведено повторное общее собрание акционеров с той же повесткой дня. При отсутствии кворума для проведения внеочередного общего собрания акционеров может быть проведено повторное общее собрание акционеров с той же повесткой дня. Повторное общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности не менее чем 30 процентами голосов размещенных голосующих акций общества. Уставом общества с числом акционеров более 500 тысяч может быть предусмотрен меньший кворум для проведения повторного общего собрания акционеров [14].

Как показывает анализ проведенных нами изменений в КоАП РФ, большинство из них направлено главным образом на защиту прав акционеров, владельцев всех категорий акций. Административное производство по данным делам не исключает возможности гражданского судопроизводства. В данном случае гражданское разбира-

тельство тесно связано с административным. Так, наложение штрафа на акционерное общество либо генерального директора акционерного общества в случае нарушения ст. 15.23.1. КоАП РФ не исключает возможности обращения за защитой своих прав в порядке гражданского судопроизводства. Следует отметить, что последний способ защиты прав являлся до внесения рассматриваемых нами изменений едва ли не единственным.

Как отмечается в юридической литературе, специфика гражданских правонарушений заключается в трудности их выявления, фиксации и отражения в статистической отчетности [15]. Наконец, необходимо отметить, что не каждый акционер, имея предоставленную законом возможность, способен обратиться в суд за защитой своего права. Таким образом, в целях совершенствования основ корпоративного управления и защиты частных инвестиций стало необходимым создание действенного механизма воздействия на нарушителей.

Согласно нормативно-правовым актам, регулирующим осуществление надзорной деятельности ФСФР и её территориальных органов, возможность определённого контроля за деятельностью акционерных обществ и их должностных лиц в части реализации права на участие в общем собрании акционеров присутствовала. Однако отсутствие соответствующих составов правонарушений в КоАП РФ, а также увеличивающееся количество правонарушений в этой сфере позволяло говорить о необходимости создания более эффектив-

ного механизма воздействия на нарушителей данных правоотношений.

Если обратиться к одному из определений правонарушения, данному в юридической литературе, то правонарушение можно определить как поведение людей, противоречащее правовым предписаниям и наносящее вред общественным отношениям. Административным правонарушением признаётся противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Как известно, всякое правонарушение посягает на тот или иной вид общественных отношений, однако степень опасности каждого правонарушения для сложившейся системы общественных отношений различна, что обуславливает различную ответственность. Именно последнее лежит в основе выделения законодателем уголовных преступлений, административных и гражданских правонарушений. Усиление ответственности, на наш взгляд, означает признание государством общественной опасности данного правонарушения, а также того, что в условиях развития общества данное правонарушение выходит за рамки сугубо частных отношений акционер – акционерное общество, а затрагивает по меньшей мере определённую общественную сферу жизни общества, требующую наличия устойчивой и действенной системы государственного контроля и надзора.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 1 июня 2006 г. № 793-р «Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на 2006–2008 годы»// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
2. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р «Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года»// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
3. OECD Principles of Corporate Governance// http://www.fcsm.ru/catalog.asp?ob_no=101202
4. OECD Principles of Corporate Governance// http://www.fcsm.ru/catalog.asp?ob_no=101202
5. OECD Principles of Corporate Governance// http://www.fcsm.ru/catalog.asp?ob_no=101202
6. Федеральный закон от 09 февраля 2009 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах» и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части уточнения определения и конкретизации признаков манипулирования ценами на рынке ценных бумаг» (не вступил в закон. силу)//СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с измен. и доп.)// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
8. Правонарушения на финансовом рынке: выявление, анализ и оценка ущерба/Под общей ред. Г.С. Полтавченко, Альпина бизнес букс, Москва, 2007 г., с.165.
9. Правонарушения на финансовом рынке: выявление, анализ и оценка ущерба/Под общей ред. Г.С. Полтавченко, Альпина бизнес букс, Москва, 2007 г., с.166.

10. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с измен. и доп.)// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
11. Постановление ФКЦБ от 31 мая 2002 г. № 17-пс «Об утверждении положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров» (с посл. изм. и доп.)//СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
12. Ст. 51 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с измен. и доп.)// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
13. Ст. 60 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с измен. и доп.)// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
14. Ст. 58 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с измен. и доп.)// СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 19.02.2009 г.).
15. Правонарушения на финансовом рынке: выявление, анализ и оценка ущерба/Под общей ред. Г.С. Полтавченко, Альпина бизнес букс, Москва, 2007 г., с. 92.

Maltseva Y.B.

Nowadays because of the economic crisis the particular attention is paid to the development of investment and to the perfecting of the existing system of corporate management. The last one is recognized as the main factor of stimulating of capital growth. As in every sphere of social life it is necessary to form the legal basis of these relations and the propriet system of control. Nowadays the Russian Federations follows the world tendency of the development of financial market.

*В. А. НИКИФОРОВ, кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой международного и международного частного права,
директор НИИ правовых проблем
Орловского государственного университета*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮНКТАД И ЮНСИТРАЛ В ВЫРАБОТКЕ ПРИНЦИПОВ И ПРАВОВЫХ ОСНОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

В данной статье рассматриваются причины создания и деятельность Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Комиссии по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) по унификации норм, регулирующих международную торговлю.

Ключевые слова: ЮНКТАД, ЮНСИТРАЛ, международное торговое право, унификация международно-правовых норм.

Как известно, основные принципы – это ядро системы международного права. Они имеют руководящее значение для всего механизма международно-правового регулирования. Сформированные по предмету регулирования нормативные комплексы – институты и отрасли международного права – действуют в полном соответствии с этими принципами, каждый из которых во взаимосвязи с остальными является критерием правомерности отраслевых норм и критерием эффективности их реализации.

Одним из средств реализации основных принципов, охватывающих всю область международно-правового регулирования, становятся отраслевые принципы.

Международное право как самостоятельная правовая система [4] подразделяется на отрасли – большие группы (комплексы) международно-правовых норм, регулирующих однородные (с точки зрения объекта) отношения. Становление отраслей обусловлено состоянием межгосударственных отношений и уровнем международно-правового регулирования. Своё оптимальное развитие отрасль получает с момента создания кодификационного акта или комплекса актов.

Кодификация международного права представляет собой официальную систематизацию действующих международно-правовых норм в соответствии с предметом регулирования в целях создания внутренне согласованных крупных правовых актов или их комплексов. Такая систематизация может быть отраслевой или внутриотраслевой [3].

Значимую роль в процессе кодификации международного права играет ООН и её Комиссия международного права, в международных торговых отношениях – ЮНКТАД, ЮНСИТРАЛ и др.

По мнению К.А. Бекашева и Е.Г. Моисеева, важную роль в международном торговом праве играет унификация норм, регулирующих международную торговлю. Унификацией на универсальном уровне занято много межгосударственных и межправительственных организаций. Среди них важное место занимают Гаагская конференция по международному частному праву, Международный институт по унификации международного частного права (УНИДРУА), Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), Международная торговая палата (МТП) [1, с. 112].

Вопрос о принципах и сущности международно-правового регулирования международной торговли неоднократно поднимался и обсуждался на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Так, например, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 декабря 1959 г. (1421, XIV) было рекомендовано всем странам – участницам этой организации продолжать усилия по развитию и расширению взаимовыгодной внешней торговли, так как она является естественным и надежным фактором развития мирных отношений между государствами. В резолюции от 15 декабря 1960 г. (1519, XV) была еще раз подчеркнута роль международной торговли.

В 1964 году в Женеве состоялась I сессия Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Она была созвана для обсуждения основных экономических вопросов международных отношений, но в силу явно назревшей необходимости обсудила и зафиксировала ряд основных международно-правовых принципов международной торговли.

16 июня 1964 г. состоялось подписание Заключительного акта, который был передан Генеральному секретарю ООН. Акт содержит три части: 1) преамбулу (история Конференции, организация и работа Конференции; исходные положения; основания и соображения); 2) сводку рекомендаций Конференции (принципы; международные проблемы сырьевых товаров; торговля готовыми изделиями и полуфабрикатами; финансирование расширения международной торговли и улучшение торговли развивающихся стран по невидимым статьям; организационные меры; особые проблемы; программа работы) и 3) приложения (тексты принятых рекомендаций; замечания делегаций, прочие документы).

Принятые на Конференции рекомендации предусматривают, что международная торговля является одним из важнейших факторов экономического развития и должна регулироваться такими правилами, которые совместимы с экономическим и социальным прогрессом, и ей не должны препятствовать несовместимые с такими целями мероприятия. Все страны должны сотрудничать в создании условий, способствующих, в частности, быстрому росту экспортных доходов развивающихся стран и общему расширению и разностороннему развитию торговли между всеми странами независимо от того, находятся ли они на одинаковых или на различных уровнях развития или же

имеют различные социально-экономические системы [2].

Вопросами систематизации международно-правовых норм в области международной торговли занимается вспомогательный орган ООН – Комиссия по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), утвержденная на XXI сессии (1966 г.) Генеральной Ассамблеи ООН.

В функции этой Комиссии входят: содействие прогрессивному согласованию и унификации права международной торговли путем координации работы организаций, действующих в этой области; подготовка проектов новых международных договоров (соглашений, конвенций); разработка типовых и единообразных законов в области международной торговли, обеспечение единообразного толкования и применения международных конвенций в области международной торговли; сбор и распространение информации о национальном внешнеторговом законодательстве; поддержание связей с органами Организации Объединенных Наций, а также со специализированными учреждениями, занимающимися проблемами международной торговли.

Первоначальный состав Комиссии по праву международной торговли – 29 членов. На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН состав комиссии был увеличен на 7 членов (всего 36). Члены этой Комиссии избираются на шестилетний срок на следующей региональной основе: 9 членов – от стран Африки; 7 – от стран Азии; 5 – от европейских социалистических стран; 6 – от латиноамериканских стран и 9 – от стран Западной Европы. Сессии Комиссии проходят один раз в год. Свои отчеты и рекомендации Комиссия ежегодно представляет Генеральной Ассамблее ООН.

В завершение сделаем следующие выводы.

Наиболее наглядно процесс закрепления, утверждения и развития международно-правовых принципов в современных общемировых торговых отношениях проявился в работе Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), что касается её правовой сферы деятельности, то она призвана решать прежде всего проблемы международного публичного права.

В свою очередь, Комиссия по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) решает проблемы торговых взаимоотношений, носящих характер частного права, затрагивающих различные страны.

Что же касается деятельности этих специализированных организаций, то стоит обратить

внимание на то, что их создание было обусловлено интенсивным развитием международной торговли в середине прошлого века и недостаточным правовым обеспечением деятельности международных торговых отношений.

В результате после создания и более чем сорокалетней продуктивной деятельности

были зафиксированы принципы, регулирующие международные торговые отношения и торговую политику, выработаны рекомендации, типовые законы, приняты различные конвенции, которые представляют собой правовую основу регулирования международных торговых отношений.

Библиографический список

1. Бекашев К. А., Моисеев Е. Г. Международное публичное право М.: Из-во «Проспект», 2008.
2. Лисовский В. И. Международное торговое право. М., 1979.
3. Мовчан А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М., 1972.
4. Фельдман Д. И. Система международного права. Казань, 1983.

V.A. Nikiforov

UNCTAD and UNCITRAL Activities on International Trade Principles and Legal Basis Elaboration

In the article are observed the reasons of UN Trade and Development Conference (UNCTAD) and International Trade Law Commission (UNCITRAL) foundation and their activities on the unification of the laws regulating international trade.

Keywords: UNCTAD, UNCITRAL, international trade law, international-legal norms unification.

*В.И. ФИЛОНОВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры
международного и международного частного права
Орловского государственного университета*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСНОВНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Данная статья посвящена обзору правовых аспектов института ограничения прав человека. Ограничение основных прав осуществляется как путем прямых запретов использования некоторых из них, так и посредством исключения того или иного правомочия из содержания конкретного права, а равно путем установления специального порядка реализации такого права.

Ключевые слова: права человека, ограничение прав, международно-правовое регулирование.

Наличие основных относительных прав и свобод говорит о том, что права человека не следует трактовать как набор дозволений и неограниченного волюнтаризма в поведении [10, с. 44]. Напротив, каждое право и каждая свобода имеют четко регламентированные рамки; каждой из свобод соответствует обязанность, выраженная, например, в форме соблюдения «общего интереса», непосягаемости на права других лиц, уважения нравов, недопущения произвольных, а тем более насильственных, действий, затрагивающих интересы других граждан, независимо от того, в каком качестве они выступают [4, с. 9]. Содержание ограничений определено ст. 55, 56 Конституции РФ. Так, ч. 3 ст. 55 гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо...», а ч. 3 ст. 56 называет те права, которые не могут быть ограничены. К примеру, нельзя лишить человека права на достоинство, на свободу мысли и вероисповедания, на благоприятную окружающую среду. Нельзя, не опираясь на закон, произвольно изымать у человека и иные основные права и свободы [7, с. 169].

Обязанность государства и человека не посягать на права и свободу граждан и других лиц принято считать ограничением прав. Правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольного обращения с правами других субъектов.

Институт ограничения прав является межотраслевым, включающим нормы конституционного, административного, уголовного, гражданского, трудового и других отраслей права. Он регулирует отношения власти и подчинения, а поэтому для него характерен субординационный, или императивный, метод правового регулирования [3, стр. 124]. Ограничение основных прав осуществляется как путем прямых запретов использования некоторых из них, так и посредством исключения того или иного правомочия из содержания конкретного права, а равно путем установления специального порядка реализации такого права.

Учеными-историками доказано, что уже при первобытно-общинном строе сложилась своеобразная система социального регулирования, ориентированная прежде всего на ограничения. Нормы поведения, в особенности нормы-табу, определялись необходимостью регулировать биологические инстинкты [2, с. 224, 316]. Впоследствии при возникновении права в обществе (и особенно в его господствующей части) возникла потребность в том, чтобы «возвести существующее положение в закон и

те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения» [5, с. 356].

Ограничения играют огромную роль в обретении личностью подлинной свободы. «Ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе».

Это свойство свободы было учтено еще раз работчиками французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. В ст. 4 Декларации записано: «Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами» [10, с. 98–100].

После второй мировой войны право на ограничение прав было провозглашено Всеобщей декларацией прав человека (ст. 29)¹, а впервые было реализовано в международно-правовом договоре регионального уровня. Это была Европейская конвенция защиты прав человека и основных свобод, подписанная 15 членами Комитета министров Совета Европы в Риме 4 ноября 1950 г. В документах же глобального масштаба ограничения прав человека юридически были закреплены лишь 19 декабря 1966 г. в международных пактах о правах — Пакте об экономических, социальных и культурных правах и Пакте о гражданских и политических правах [8, с. 20–32; 32–53].

Статья 4 международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах гласит: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать... ограничения прав, которые определяются законом...» [8, с. 20–32; 32–53].

Универсальным международным Пактам вполне соответствует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая закрепляет положение о том, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом».

В литературе нет единого толкования понятия «ограничение прав». Наряду с ним употребляется термин «пределы прав» [1, с. 8–11]. Нет его и в международно-правовых документах, отражающих это явление. Так, к примеру, во Всеобщей декларации (п. 2 ст. 29), Пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4), Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (принят 29 июня 1990, ст. 24) используется термин «ограничения», в Пакте о гражданских и политических правах (ст. 4) — термин «отступление государств от своих обязательств»; в Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г. [6] (ст. 27) — термин «приостановление гарантий», а в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. используются на равных два понятия — «ограничение» (ст. 8–11, 18) и «отступление от своих обязательств» (ст. 15) [6].

Термин «ограничить» в словарях русского языка означает «стеснить определенными условиями, поставить в какие-то рамки, границы» [9, с. 357], лимитировать, свести к чему-то (возможности, сфере деятельности и т. п.), сузить (возможности, права и т. п.), ущемить, поставить в рамки, поставить предел чему-либо. Правовые ограничения характеризуют следующие признаки:

- 1) неблагоприятные условия (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъектов, направленные на их сдерживание и одновременно — на удовлетворение общественных интересов в охране и защите;
- 2) негативный характер, т. е. использование преимущественно принудительных, силовых средств;
- 3) уменьшение объема возможностей, свободы, а значит, и прав человека, что осуществляется с помощью обязанностей, запретов, мер защиты, наказаний и т. п., сводящих разнообразие в поведении субъекта до определенного «предельного» состояния;
- 4) направленность на охрану общественных отношений, индивидуальной и коллективной свободы.

Правовые ограничения — это «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; это есть сдерживание неправомерного поведения, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента (в широком смысле слова) и общественных интересов в охране и защите».

Примечание

Еще раньше, чем Всеобщая декларация, 2 мая 1948 г., была принята Американская декларация прав и обязанностей человека, которая установила право ограничивать права каждого человека правами других лиц, безопасностью всех, требованиями благополучия и достижениями демократии (ст. XXVIII). Однако недостатком декларации было то, что она не указывала конкретные права человека, которые могли быть ограничены, и те, которые ограничению не подлежали (Международные акты о правах человека: Сб. документов / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2002).

Библиографический список

1. Воеводин Л. Д. Пределы осуществления прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Права человека в условиях становления гражданского общества: Матер. междунар. науч. конференции (Курск, 15–16 мая 1997 г.). Курск, 1997.
2. История первобытного общества: Общие вопросы: Проблемы антропосоциогенеза / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1983. С. 224, 316.
3. Конституционное право: Учебник/ Под ред. В.В. Лазарева. М., 2003.
4. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2.
5. Международные акты о правах человека. М., 2000.
6. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997.
7. Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов / Сост. и авт. вступ. ст. Г. М. Мелков. М., 2000.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2008.
9. Современные зарубежные конституции. М., 2002.
10. Стремоухов А. В. Правовые основы ограничения прав человека органами внутренних дел (теоретическое обоснование) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 2.

V. I. Filonov**Legislative Aspects of Fundamental Limiting of Human Rights**

The given article is devoted to the survey of the legislative aspects of human rights limiting. The limiting of fundamental rights is put into effect via direct prohibitions as well as via excluding this or that competence from the content of a certain right, or via setting a special order of the right fulfillment.

*Ю.Е. КОНЫШЕВА, старший преподаватель кафедры
международного и международного частного права
Орловского государственного университета*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме соотношения международного права и внутреннего права государств в сфере защиты прав человека. Автор указывает на то, что международное право как средство защиты прав граждан в процессе судопроизводства требует дополнительного внимания. Практика показывает наличие противоречия между конституционностью и господством права в международных отношениях: во внутреннем правопорядке превалирует конституционный порядок, вне государства продолжают оставаться действительными обязательства по международному праву, которые ведут к наступлению международной ответственности государства.

Ключевые слова: защита прав человека, процесс судопроизводства, конституционность.

Общепризнано, что международное право и национальное право государств составляют самостоятельные правовые системы. Однако их взаимодействие в условиях глобализации усиливается. Внутригосударственная нормативная база, взаимодействуя с нормами международного права, испытывает все более возрастающее влияние с его стороны. Важным фактором развития взаимодействия международного и национального права является концепция господства права. Если государство стремится к внедрению господства права в своих международных отношениях, то в своем внутреннем правопорядке ему легче настаивать на внедрении концепции господства права.

Проблема соотношения международного права и внутреннего права государств в последние десятилетия является одной из центральных проблем науки международного права во всем мире. В Российской Федерации эта проблема стала привлекать особенно пристальное внимание с 1993 года, с момента принятия новой Конституции, которая внесла существенные изменения в вопросы соотношения и сфер применения норм международного права и норм законодательства России. Часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Особое место в Конституции Российской Федерации отведено также нормам о правах человека. Международное право прав человека вообще глубже, чем нормы других его отраслей, проникает в национальные правовые системы. Проблема действительного соотношения международного права о правах человека и российской правовой системы пока не получила разрешения в нашей науке.

Конституция Российской Федерации, предписав, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание законов, деятельность законодательной и

исполнительной власти, местного самоуправления, одновременно установила способ обеспечения этих прав и свобод — правосудие (статья 18). Поэтому международное право как средство защиты прав граждан в процессе судебного производства требует дополнительного внимания.

Немаловажное значение для организации деятельности российских судов имеют постановления Верховного суда Российской Федерации, содержащие обобщение практики судов, а также указания на конкретное применение тех или иных норм. В частности, в области применения международного права важную роль играет Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

В Постановлении обобщен десятилетний опыт судов в этой области. Пленум называет два основания для применения международного права в Российской Федерации. Это, во-первых, часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Во-вторых, это Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», которым установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права — принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Если сопоставить статьи Российской Конституции с важнейшими международно-правовыми документами в области прав человека, то можно отметить не только совпадение общих подходов, но и сходство многих конкретных норм. И это не случайно: принципы, определяющие конституционный статус человека, отражают общемировой уровень норм, закрепленных в важнейших международно-правовых документах. Российская Конституция определяет соответствующий общепризнанным принципам и нормам международного права набор гражданских, политических, экономических и социальных прав [4, с. 114].

Глубокое проникновение норм о правах человека во внутреннее право государств — тенденция современной эпохи. Именно благодаря этому процессу говорят о сужении области исключительной внутренней компетенции государств, в кото-

рую нет доступа другим государствам и международным организациям. Некоторые авторы даже высказывают мысль о том, что практика осуществления международных норм о правах человека «свидетельствует если не об отказе, то, по крайней мере, о существенном ограничении действия и сужении сферы применения принципа невмешательства во внутренние дела государств в том, что касается международного права прав человека. Следует предположить, что данная тенденция будет сохранена и в будущем».

Права человека с давних времен традиционно понимаются в сугубо «личностном» значении — как статус, приращенные, неотъемлемые права и свободы личности, индивида. В этом своем значении права человека получили высокое общественное признание и имеют качество исторически знаковой категории [1, с. 642].

В любом случае политика и практика государства в правозащитной области уже не могут рассматриваться как относящиеся исключительно к сфере внутренней компетенции. В литературе иногда даже утверждается, что международные нормы о правах человека обладают иерархически более высоким статусом, чем нормы национального права [3, с. 17]. О неприменимости иерархического подхода к соотношению международного и национального права мы уже говорили в предыдущем параграфе, поэтому здесь уделим основное внимание конкретному регулированию вхождения норм о защите прав человека в российскую правовую систему.

В Российской Конституции есть несколько специальных положений, относящихся к применению международного права о правах человека в российской правовой системе.

Самое общее положение закреплено в части 1 статьи 17, в соответствии с которым «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Это значит, что международное право прав человека может применяться несколько по-иному, чем международное право других областей регулирования. Если согласно части 4 статьи 15 Конституции международное право имеет приоритет в случае наличия расхождений между нормами национального права и международного права, то в области прав человека должны совместно применяться общепризнанные принципы и нормы международного права и положения Конституции. Таким образом, общепризнанные нормы выступают как постоянное мерило право-

мерности национального права. Это придает Конституции и общепризнанным принципам и нормам одинаковый правовой статус в пределах правовой системы Российской Федерации.

Данное положение не может не оказывать влияния на применение норм о правах человека российскими государственными органами. Поскольку суд, применяющий такие нормы, прибегает к их толкованию, стремясь выяснить их действительное значение, то суд, по нашему мнению, должен толковать и нормы внутреннего, и нормы международного права совместно. То есть даже нормы о правах человека, полностью имплементированные в российскую правовую систему и зафиксированные во внутренних правовых актах Российской Федерации, не могут толковаться в полном отрыве от того источника международного права, в котором они первоначально были заложены. Это подтверждается анализом положений Конституции, касающимся прав человека и гражданина.

Общее положение статьи 17, указанное выше, дополнено нормой части 1 статьи 55, согласно которой «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Данное положение означает, что если в Конституции перечислены не все права и свободы, которые закреплены международными нормами, касающимися общепризнанных прав и свобод человека, то и те права и свободы, которые не вошли в Конституцию, должны действовать в стране.

Здесь особое значение придано именно «общепризнанным правам и свободам». Различие между этими правами и свободами, с одной стороны, и «правами человека» вообще не определено, а это может быть важно в том плане, что «общепризнанные права и свободы» могут входить в российское право, минуя Конституцию.

В Конституции Российской Федерации нет и определения понятия «права человека». В основополагающем документе современного международного права – Уставе Организации Объединенных Наций – выражение «права человека» упоминается шесть раз (преамбула, статьи 1, 13, 55, 62, 68 и 76). Кроме термина «права человека» здесь использовано выражение «основные права человека» (*fundamental human rights*), а также «права человека и основные свободы» (*human rights and fundamental freedoms*). Употребление тех же терминов можно найти и в Пактах о правах человека, и в других документах, гарантирующих права человека.

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод, текстом которой предусмотрено со-

здание Европейского Суда по правам человека, не сказано, что его решения должны автоматически становиться частью правовой системы затронутого государства. Европейский Суд не является «четвертой» инстанцией по отношению к национальным – в том числе и российской – судебным системам и, соответственно, не может отменить или изменить решение, вынесенное национальным судом. Однако, констатируя имеющееся нарушение прав человека и присудив пострадавшему лицу финансовую компенсацию, Европейский Суд фактически указывает государству на необходимость исправления расхождения норм национального права, а также правоприменительной практики со стандартами Совета Европы, закрепленными в Европейской конвенции по правам человека (в том виде, как сам Европейский Суд их понимает) [2, с. 6].

Обязательство вводить решения Суда, а также прецедентный массив его права в российскую правовую систему не предусмотрено ни Конституцией Российской Федерации, ни Законом о международных договорах, ни другими нормативными актами.

Тем не менее Пленум Верховного суда Российской Федерации в своем Постановлении от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» заявил, что применение судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека на том основании, что Российская Федерация как участник признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. «В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции постановления Суда в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов», – говорится в Постановлении. Суд подчеркивает, что юрисдикция Суда является обязательной для России в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации, и ссылается при этом на статью 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

Пленум толкует влияние постановлений Суда на российскую правовую систему как довольно широкое: выполнение постановлений, касающихся

Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Таким образом, Верховный суд считает необходимым принять меры к тому, чтобы устранить случившееся нарушение и не допускать таких нарушений в будущем.

Казалось бы, здесь не идет речь о влиянии прецедентного права Суда по правам человека на российскую правовую систему. Однако далее Верховный суд РФ дает толкование некоторых статей Конвенции (пункта 1 статьи 6, пункта 3 статьи 5, статьи 3, 5, 6 и 13) в понимании Европейского Суда по правам человека и приводит такие основания: «Согласно правовым позициям, выработанным Европейским Судом по правам человека», «исходя из постановлений Европейского Суда по правам человека», «в соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека», «практика применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека».

Таким образом, Верховный суд Российской Федерации дополняет статью 15 Конституции, причисляя к применимым положениям международного права также постановления Европейского Суда по правам человека и его прецедентное право.

Соотношение международного и национально-го права должно основываться на идее равенства норм, которые должны применяться так, чтобы в национальном правовом порядке создавалось как можно меньше противоречий, с одной стороны, и наиболее полно были бы исполнены международные обязательства – с другой. Однако, исходя из идеи единства международной и внутренней законности, нельзя не признать верховенства норм *jus cogens*, которые делают ничтожными противоречащие им нормы национального права.

Практика показывает наличие противоречия между конституционностью и господством права в международных отношениях: во внутреннем правовом порядке превалирует конституционный порядок, вне государства продолжают оставаться действительными обязательства по международному праву, которые ведут к наступлению международной ответственности государства.

Международное право не относится к числу источников российского права. Оно составляет часть категории «право, применяемое в государстве». Оставаясь отдельной правовой системой, оно, будучи санкционировано волей Российского государства, применяется для регулирования отношений, входящих во внутренний правовой порядок. Та часть международного права, которая может применяться в российской правовой системе, подлежит двойному регулированию. Международное право диктует, что должно быть сделано, а внутреннее право государств диктует, как это должно быть сделано. Это двойное регулирование, действующее для норм международного права, применяемых во внутренней правовой системе, демонстрирует взаимодействие и взаимозависимость двух правовых систем в современном мире.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Изд. НОРМА, 2001.
2. Европейский Суд по правам человека. Избранные постановления 1999–2001 гг. и комментарии к ним. М., 2002.
3. Лукьянцев Г.Е. О некоторых тенденциях развития международного сотрудничества и международного контроля в области прав человека //Юрист-международник. 2004. № 3.
4. Саидов А.Х. Общеизвестные права человека. М., 2002.

Konisheva U. E.

Reciprocity of International Law and National Law in the Sphere of Human Rights Defense under Globalization

The article is devoted to the problem of reciprocity of international and national law of states in the sphere of human right defense. The author underlines that international law as a mean of citizens right deference in the process of legal proceedings asks for additional; attention. The practice shows there is contradiction between constitution and domination of law in international relations: the constitutional order dominates in national law, the obligations on international law are still valid out of state, which leads to international responsibility of a state.

*О.К. ЧУНАЕВА, старший преподаватель кафедры
международного и международного частного права
Орловского государственного университета*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В современной международно-правовой доктрине существуют полярные точки зрения о том, можно ли считать физических лиц субъектами международного права наряду с государствами и международными организациями. Что касается статуса юридического лица в международной торговой системе, то главенствующую позицию среди них занимают транснациональные корпорации (ТНК) — компании, юридически созданные в одной стране, осуществляющие свою деятельность в других странах.

Ключевые слова: субъект международного права, транснациональные корпорации, международная торговая система.

Особенностью функционирования мировой экономики в XXI веке является превращение современного мирового хозяйства в единый организм. Мир вступает в новую эпоху — эпоху глобализации, поэтому появляется необходимость в совершенствовании механизма международно-правового регулирования международных экономических отношений в целом и международных торговых отношений в частности.

Говоря о субъектах международной торговой системы, необходимо разграничивать два понятия: субъект международного торгового права и субъект международной торговой системы. Субъектами международного торгового права по сути международного права могут быть только государства и международные организации, так как только эти субъекты по определению наделены правом участия в межвластных межгосударственных отношениях, то есть имеют международную правосубъектность.

В западной литературе высказывается мнение, что транснациональные корпорации в современных условиях становятся субъектами международного права в связи с тем, что зачастую обладают большей политической и экономической мощью, чем некоторые государства. Но данное положение противоречит общепринятой отечественной доктрине, дающей понятие субъекта международного права [1, с. 49–51].

Вместе с тем понятие «субъект международного торгового права» уже понятия «субъект международной торговой системы». В понятие «субъект международной торговой системы» включаются субъекты международного торгового права, а также частные лица, которые получили название «экономических операторов» [6, с. 101].

Физические лица непосредственно участвуют в международных торговых отношениях, поэтому их включают в число субъектов международной торговой системы или «операторов» международных торговых отношений. Но в отличие от публичных субъектов государств и международных организаций правовой статус физических лиц в международной торговой системе определяется внутрисубъектным правом, а не международным публичным. Вместе с тем на физических лиц распространяются

нормы международного права МЭП/ МТП в вопросах, касающихся определения их международно-правового статуса (граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев, вынужденных переселенцев, лиц, просящих политическое убежище и т.д.).

В современной международно-правовой доктрине существуют полярные точки зрения о том, можно ли считать физических лиц субъектами международного права наряду с государствами и международными организациями.

Западные ученые довольно давно признали за индивидом качество международной правосубъектности, объясняя это возможностью привлечь индивида как субъекта, отделимого от государства, к международной ответственности и способностью индивида обращаться в международные органы за защитой своих прав.

Что же касается взглядов российских ученых, то ряд авторов полагают, что возможно наделение физических лиц международной правосубъектностью. Так, по мнению А.Н. Жеребцова, физические лица, юридические лица и неправительственные организации относятся к неклассическим субъектам международного права, обладая международной правосубъектностью. Предполагается, что они не обладают классическими признаками субъекта международного права, но являются участниками международных отношений, а этого, по мнению автора, вполне достаточно для признания их субъектами международного права [2, с. 18].

К.А. Бекашев, сторонник этой же точки зрения, считает, что индивиды обладают международными правами и обязанностями, они следят, чтобы другие субъекты международного права исполняли международно-правовые нормы, а этого, полагает автор, достаточно, чтобы считать физических лиц равноценными субъектами международного права [5, с. 114].

Сторонники другой точки зрения (В.И. Лисовский, Г.М. Вельяминов, В.П. Шатров, В.М. Шумилов, С.В. Черниченко и др.) говорят о невозможности наделения индивида международной правосубъектностью. Так, В.И. Лисовский отмечает, что юридические лица и граждане не могут быть субъектами международного права, они могут только пользоваться его защитой. Признание же их полноправными субъектами международного права подрывает принцип суверенитета в международном праве [3, с. 11].

Представляется, что физические лица не могут быть субъектами международного права (следовательно, международного торгового права),

так как это противоречило бы понятию субъекта международного права. В.М. Шумилов отметил, что если субъекты международного права смогут признать физических лиц равными им по статусу субъектами, а нормы, созданные государствами, будут влиять на физических лиц непосредственно, а не опосредованно, как это происходит сегодня (через внутригосударственное право), то право, в котором будут сосуществовать на равных публичные и частные субъекты, уже не будет международным правом в современном его понимании. Это будет уже другое право [6, с. 67].

Что касается статуса юридического лица в международной торговой системе, то главенствующую позицию среди них занимают транснациональные корпорации (ТНК) — компании, юридически созданные в одной стране, осуществляющие свою деятельность в других странах.

В международно-правовых документах и в практике ООН существуют два понятия: «транснациональная компания» и «многонациональная компания». Многонациональные компании принадлежат государству или контролируются ими; транснациональные компании находятся в собственности частных лиц.

Как мы уже отмечали, в литературе широко обсуждается вопрос о международной правосубъектности ТНК, которые наряду с публичными субъектами рассматриваются рядом авторов в качестве субъектов МТП. Объясняется это прежде всего тем, что с каждым годом растет их влияние на мировую экономику. На сегодняшний день на внутрифирменную торговлю в рамках ТНК приходится около 60% всей мировой торговли.

Заметим, что в торговых отношениях в системе ТНК имеются позитивные и негативные черты. С одной стороны, ТНК оказывают положительное влияние на экономику принимающих стран (ввоз капитала, создание рабочих мест), с другой стороны, ТНК являются достаточно закрытой системой международной торговли, где одна небольшая группа задает «настрой» практически целой отрасли мировой торговли. Тем не менее, как отмечает И.И. Лукашук, ТНК являются закономерным явлением, которое возникло в связи с интернационализацией экономики и необходимостью ее регулировать [4, с. 177].

Отметим, что внутреннему законодательству государств очень сложно контролировать достаточно гибкую систему взаимоотношений в рамках ТНК в связи с их международным компонентом, поэтому корпорации достаточно легко «обходят» нормы национального законодательства. Поэтому и возникает необходимость международно-

правового регулирования транснациональных корпораций в противовес национально-правовому регулированию.

Тем не менее необходимость в международно-правовом регулировании не дает основания причислять ТНК к субъектам международного права. (Но они являются одним из основных субъектов международной торговой системы.) Юридические лица не признаются полноценными субъектами международного права по тем же основаниям, что и физические лица.

Между тем в западной и отечественной литературе существует концепция отнесения правового регулирования ТНК не к сфере внутреннего права, а к сфере транснационального права, под которым понимается правовая сфера регулирования ТНК, стоящая на стыке международного и внутреннего права государств. Вместе с тем понятие «транснациональное право» не включается в международное экономическое право, так как в транснациональное право входят не только международные экономические, но и коллизионные нормы.

Библиографический список

1. Бирюков П.Н. Международное право. М.: Юристъ, 2000.
2. Жеребцов А.Н. Международное право. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.
3. Лисовский В.И. Правовое регулирование международных экономических отношений. М.: Высшая школа, 1984.
4. Лукашук И.И. Международное право. М.: Издательство БЕК, 1998.
5. Международное публичное право/ Под ред. К.А. Бекяшева. М.: ПРОСПЕКТ, 1999.
6. Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М.: Международные отношения, 2003.

Chunaeva O.K.

Features of Legal Status of Physical and Juridical Persons in International Law

In modern international legal doctrine there polar points of view concerning the problem if physical persons can be taken as subjects of international law on a level with states and international organizations. As for the status of a juridical person in international trading system, transnational corporations – companies juridical basing in one country but acting in others – play a leading role among them..

*В.Е. КИРСАНОВА, старший преподаватель кафедры
международного и международного частного права
Орловского государственного университета*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

В данной статье освещаются основные вопросы и тенденции развития международно-правовой ответственности транснациональных корпораций. Все более актуальной становится проблема международной ответственности ТНК. Многие из них обладают большими возможностями воздействия на мировую систему, чем значительное количество государств.

Ключевые слова: международные монополии, транснациональная корпорация, мировая экономика, международная ответственность.

В современном мире основное влияние на мировую экономику оказывают юридические лица, чья коммерческая деятельность не ограничивается территорией одного государства, а активно распространяется на другие страны, порождая феномен транснациональных корпораций (ТНК) или многонациональных предприятий. Как отмечает исследователь А.В. Асосков, «в этих условиях сугубо внутринациональное правовое регулирование деятельности юридических лиц (в том числе через создание национальных систем законодательства об иностранных инвестициях) не способно решить все те задачи, которые ставит реальная действительность...» [2, с. 152].

Как отмечает В.В. Бурьянов, «...если в 1970-х гг. XX в. транснациональные компании обвинялись в пагубном воздействии на экономику развивающихся стран, недобросовестной конкуренции, коррупции и др. и даже в том, что их деятельность приводит к разрушению суверенитета государств, то в настоящее время отношение к ТНК значительно изменилось. Это отчасти связано с изменением политических систем многих государств, включая Россию» [1, с. 57]. Это также такие причины, как признание возрастающей роли транснациональных корпораций, ликвидация монопольного положения США как единственного источника экономического влияния, увеличение доли капитала развивающихся стран в транснациональных корпорациях, разнообразие проведения методов экономической политики транснациональными предприятиями.

Проблема правового регулирования ТНК возникла вместе с развитием национально-освободительного движения в колониях и зависимых территориях империалистических держав в начале 1960-х годов.

Использование коллизионных норм также лишь частично сглаживает остроту проблемы.

Международные монополии, деятельность которых охватывает многие сферы мирового хозяйства, можно дифференцировать на несколько групп.

В первую из них входят национальные общества, тресты, компании, имеющие за рубежом многочисленные филиалы, а также дочерние общества. Имеются в виду монополии, национальные по своему капиталу, но международные по сфере деятельности. В странах Западной Европы крупнейшими международными монополистическими корпорациями являются «Филиппс» (Нидерланды), «Нестле» (Швейцария).

рия). Отдельно можно выделить транснациональные корпорации (тресты и концерны), которые являются международными не только по сфере деятельности, но и по капиталу. В отличие от монополии первой группы они принадлежат капиталу нескольких государств. Общим для этих групп является то, что и те и другие монополии созданы как юридические лица одного государства. В других странах и те и другие монополии имеют многочисленные филиалы, отделения и дочерние общества. К третьей группе международных монополий относятся многочисленные картели и синдикаты, объединения производственного и научно-технического характера, юридическими лицами не являющиеся.

С правовой точки зрения монополии не являются международными юридическими лицами, хотя термин «международный» применяется и в официальном названии некоторых из них.

Все более актуальной становится проблема международной ответственности ТНК. Многие из них обладают большими возможностями воздействия на мировую систему, чем значительное количество государств. Их решения и действия зачастую причиняют ущерб межгосударственным отношениям, экономике государства, окружающей среде, правам человека. При этом нарушаются многие нормы международного права, а также внутреннего права государств. Используя свои транснациональные связи и влияние на правительства, ТНК в значительной мере выходят за пределы правового поля. Как отмечает И. Лукашук, «...заключая договоры с правительствами иностранных государств и друг с другом, ТНК создают соответствующее именно их интересам «квази-право» [3, с. 77].

Сложившаяся практика отрицательно сказывается на мировой экономике и экономике менее развитых стран.

Будучи созданными на основе национального права юридическими лицами, ТНК не обладают иммунитетом ни в отношении внутреннего права государств, ни в отношении международного права. Они, в частности, как и физические лица, несут ответственность за нарушение соответствующих норм международного права. Судебной практике США и ряда других стран известны случаи признания ТНК несущими не только гражданскую, но и уголовную ответственность за нарушение соответствующих норм международного права.

Как отмечают исследователи, актуальной становится проблема возможности и перспектив применения метода унифицированного материально-правового регулирования в отношении ста-

туса ТНК и других юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории иностранных государств. До последнего момента основные усилия международных организаций и ведущих западных стран в данном направлении были связаны с формулированием так называемых стандартов обращения с иностранными инвестициями, с закреплением принципиальных подходов к определению правового статуса иностранных инвесторов на территории принимающего государства.

С усилением воздействия транснациональных компаний на экономику принимающих их государств все большую актуальность стали получать вопросы правового статуса этих компаний. Это отражают документы, принятые международными организациями.

Немаловажную роль в нормативном регулировании деятельности ТНК сыграли утвержденный 12 декабря 1961 года Кодекс либерализации и одобренное 21 июня 1976 года в качестве приложения к Декларации о международных инвестициях и многонациональных предприятиях Руководство по многонациональным предприятиям. Помимо Руководства в тот же день были приняты еще три решения Совета ОЭСР по вопросам о принципах национального режима, инвестиционных ограничительных мерах, межгосударственных консультационных процедурах в отношении Руководства МНП. Руководство призвано помочь убедиться в том, что деятельность МНП не противоречит национальной политике принимающих государств, а кроме того, служит целям укрепления взаимного доверия между ТНК и государствами. По мнению западных исследователей, Руководство – пример так называемого «мягкого права», которое может превратиться в обязательные нормы международного права в качестве международного обычая в случае, если оно будет принято за основу правительствами большинства стран мира.

В 1967 г. в ОЭСР были изданы рекомендации для стран-членов по введению в действие правил контроля за ограничительной деловой практикой ТНК.

В 1975 году созданным под эгидой ООН центром по транснациональным корпорациям был разработан проект Кодекса поведения ТНК, который хотя и не стал международным документом, но оказал влияние на национальное законодательство об инвестициях.

В 1995 году в рамках ОЭСР начались переговоры по подготовке Многостороннего соглашения по инвестициям. Ключевыми положениями последнего явились: принцип открытости всех нормативных актов, касающихся регулирования инве-

стиций, принцип национального режима, принцип наибольшего благоприятствования, гарантии свободного перевода средств, запрещение определенных видов инвестиционных мер торгового характера, ограничение в отношении экспроприации (национализации) инвестиций, регламентация процедуры разрешения спора между инвесторами и принимающими государствами.

В 1998 году вопрос о деятельности многонациональных предприятий частично нашел свое отражение в принятых ОЭСР «Рекомендациях Совета стран – членов ОЭСР по совершенствованию этических норм поведения в сфере государственного рынка товаров и услуг».

Попытки унификации правового регулирования ТНК были предприняты в рамках СНГ. В 1998 году была принята Конвенция СНГ о транснациональных корпорациях. Конвенция не устранила имеющихся вопросов, касающихся транснациональных корпораций.

Как отмечают исследователи, в научной литературе и документах нет единой терминологии: в ряде документов и научных работ используется термин «транснациональная корпорация», в других – «многонациональное предприятие». При

этом речь ведется не об одном субъекте, а об экономической совокупности субъектов – о предприятиях.

Следует отметить позицию В.В. Букреева, утверждающего, что «... транснациональная корпорация – это экономический термин, и, соответственно, сущность данного явления лежит в сфере экономической науки. Так же неправильно выделять в юридической науке в качестве самостоятельного, отдельного вида юридического лица транснациональную корпорацию, тем более неправильно рассматривать ее в качестве разновидности международного юридического лица...» [3, с. 155].

Как уже отмечалось, ТНК не обладают иммунитетом ни в отношении внутреннего права государств, ни в отношении международного права. Они, подобно физическим лицам, несут ответственность за нарушение соответствующих норм международного права.

Таким образом, проблема нормативного регулирования деятельности ТНК, в частности задача заключения конвенции, устанавливающей правила международной деятельности ТНК и предусматривающей ответственность за ее нарушение, становится все более настоятельной.

Библиографический список

1. Асосков А.В. Тенденции развития частно-правового регулирования транснациональных корпораций // Вестник Московского университета. 2002. № 5.
2. Бурьянов В.В. О правовой сущности транснациональных предприятий // Право и международные экономические отношения: Сборник статей / М.: Юристъ, 2005.
3. Лукашук И.И. Указ.соч.

Kirsanova V.E.

Tendencies of development of international legal responsibility of transnational corporations

In the given article are highlighted fundamental questions and tendencies of development of international legal responsibility of transnational corporations The problem of international responsibility of transnational corporations is becoming more and more actual. Many of them have big possibilities of influence on world system.

*М.М. АЛЕКСАНДРОВ, ассистент кафедры международного
и международного частного права
Орловского государственного университета*

ОФОРМЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РФ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОРМАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВЫХ АКТАХ

В данной статье рассматривается направление внешнеполитического курса РФ на обеспечение национальной и региональной безопасности как в нормах национального законодательства, так и в международно-правовых актах. Также здесь отмечены некоторые внешнеполитические факторы и направления деятельности международных организаций, при непосредственном влиянии которых происходит формирование указанного курса.

Ключевые слова: процесс глобализации мировой экономики, многополярный мир, Военная доктрина РФ, Шанхайская организация сотрудничества.

Современная военно-политическая обстановка в мире определяется происходящими изменениями в системе международных отношений. На рубеже 20-го и 21-го столетий существенное воздействие на ее развитие оказывали и оказывают в настоящее время углубление международной и региональной интеграции, формирование глобального финансово-экономического и информационного пространства, усиление соперничества между мировыми и региональными центрами силы за расширение своего влияния.

Основные противоречия в современном мире обусловлены процессом глобализации мировой экономики, в рамках которого усиливается борьба, с одной стороны, за сохранение однополюсного мира (стремление США к монополярному миру при их безусловном лидерстве), с другой – за формирование многополюсного мирового порядка и сохранение государствами суверенитета и национальной самобытности (ориентация ряда государств Евразийского континента, в том числе и России, на построение многополярного мира).

Дестабилизирующее влияние на развитие военно-политической обстановки оказывают усиление националистического и религиозного экстремизма, неконтролируемое распространение ядерных и ракетных технологий, рост незаконного оборота оружия и наркотиков, международный терроризм и транснациональная организованная преступность.

Последовательная миролюбивая политика Российской Федерации находит своё закрепление как в нормах международного права, так и в национальном законодательстве.

Одним из основных национальных документов, закрепляющих миролюбивый внешнеполитический курс Российской Федерации, а также основу её национальной безопасности, является Военная доктрина Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 года № 706 [1]. Неагрессив-

ный, оборонительный характер непосредственно закреплён в её тексте: «Военная доктрина носит оборонительный характер, что предопределяется органическим сочетанием в ее положениях последовательной приверженности миру с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность Российской Федерации и ее союзников». Давая оценку Военной доктрине РФ, необходимо отметить её взаимосвязь как с национальным законодательством Российской Федерации, так и с нормами международного права. В документе указано, что «правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, а также международные договоры Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности».

Краеугольным камнем национальной безопасности России является её военная безопасность. Главными целями обеспечения военной безопасности являются предотвращение, локализация и нейтрализация военных угроз Российской Федерации.

Россия рассматривает обеспечение своей военной безопасности в контексте строительства демократического правового государства, осуществления социально-экономических реформ, утверждения принципов равноправного партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства в международных отношениях, последовательного формирования общей и всеобъемлющей системы международной безопасности, сохранения и укрепления всеобщего мира.

Международно-правовым документом, положившим начало системе универсальной международной безопасности, является принятый в 1945 году Устав ООН, в котором закреплена концепция: избавить современные и будущие поколения от военных конфликтов. Уставом ООН закреплены такие принципы, как неприменение силы и угрозы силой; мирное разрешение международных споров; всеобщее и максимальное разоружение. При этом должны полностью соблюдаться остальные принципы международного права. Устав ООН также предусматривает возможность и обязывает Совет Безопасности ООН организовать совместные действия государств-членов ООН в случае возникновения угрозы миру и безопасности или при совершении актов агрессии.

К сожалению, современная военно-политическая обстановка характеризуется наличием таких дестабилизирующих факторов, как: 1) попытка ослабить (игнорировать) существующие механизмы

обеспечения международной безопасности (прежде всего ООН и ОБСЕ); 2) использование военно-силовых акций в качестве средства «гуманитарного вмешательства» без санкции Совета Безопасности ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права.

Глава VIII Устава ООН предусматривает возможность создания региональных систем международной безопасности. Основными требованиями Устава ООН к таким системам являются:

- 1) участие государств только одного политико-географического района;
- 2) действия в связи с региональными соглашениями не могут выходить за пределы этого района;
- 3) эти действия не должны противоречить мерам, предпринимаемым ООН, или целям и принципам Устава ООН.

Основу региональной коллективной безопасности составляют мирные средства разрешения региональных споров. В соответствии со статьёй 51 Устава ООН о коллективной самообороне военные меры могут применяться только для отражения прямой агрессии, они могут продолжаться лишь до тех пор, пока СБ ООН не принял соответствующих норм.

Среди региональных систем безопасности одной из наиболее перспективных и относительно действующих в настоящее время является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). ШОС как новая региональная организация многостороннего сотрудничества сразу после своего создания привлекла к себе всеобщее внимание международного сообщества своей спецификой. ШОС стремится к диалогу, обмену мнениями и сотрудничеству во всех формах с другими государствами и регионами. С момента своего создания ШОС проделала большую работу для содействия региональному сотрудничеству в поддержании мира в регионе.

Сотрудничество в области безопасности и экономики рассматривается государствами-участниками ШОС как приоритетные направления. Опираясь на мнение мировых политиков, можно с уверенностью сказать, что ШОС правильно и верно выбрала линию на приоритетное налаживание сотрудничества между ее государствами-участниками в области поддержания региональной безопасности и стабильности. Сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС направляется прежде всего на борьбу с «тремя угрозами» – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

ШОС – первая международная организация, четко выступившая с концепцией борьбы против

«трех зол», эта актуальная тема обсуждается на каждой встрече глав государств и определена в качестве приоритетного направления развития этой организации. Основное отличие Шанхайской организации сотрудничества от аналогичных межгосударственных образований, созданных на постсоветском пространстве, состоит в том, что в нее помимо стран СНГ входит также Китай, что заметно повышает ее значимость. ШОС наряду с другими многосторонними механизмами и институтами, действующими в этом регионе, по мнению всех членов организации, является новым важным звеном в системе многостороннего сотрудничества.

В интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации и влияния на геополитическую обстановку в мире сохраняется необходимость военного присутствия России в некоторых стратегически важных регионах мира. Размещение за пределами России на ее военных базах и военных объектах в 16 государствах на договорной основе и на принципах партнерства ограниченных воинских контингентов (около 40 тысяч военнослужащих и 25 тысяч лиц гражданского персонала) [3] демонстрирует готовность Российской Федерации выполнить свои союзнические обязательства, содействовать формированию устойчивого военно-стратегического баланса сил в регионах и обеспечивать Российской Федерации возможность реагировать на кризисную ситуацию еще в начальной стадии ее зарождения.

Вопросы строительства, использования и совершенствования Вооруженными силами Российской Федерации военной инфраструктуры и военных объектов на территории иностранных госу-

дарств регулируются, как правило, двусторонними соглашениями.

Так, существенный вклад в укрепление мира и стабильности на Кавказе был сделан подписанием 17 сентября 2008 года в Москве президентами России, Абхазии и Южной Осетии договоров о дружбе и сотрудничестве. Стороны договорились об оказании друг другу помощи в случае военной угрозы, а также о совместном использовании существующих военных объектов и создании новых. Как записано в документах, «в целях обеспечения безопасности договаривающихся сторон, а также мира и стабильности в Закавказском регионе, каждая из договаривающихся сторон будет предоставлять другой договаривающейся стороне право использования и совершенствования ее вооруженными силами военной инфраструктуры и военных баз (объектов) на своей территории».

Особое место среди двусторонних соглашений, касающихся создания систем коллективной безопасности, занимает заключенный 8 декабря 1999 года между Российской Федерацией и Республикой Беларусь Договор о создании Союзного государства [2, с. 786]. Статьей 2 названного Договора целью Союзного государства определено укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире.

Таким образом, анализ как международных соглашений, так и национального законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что Россией проводится исключительно миролюбивый внешнеполитический курс, что, однако, не исключает создания условий для возможности гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях.

Библиографический список

1. Вопросы военной безопасности Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, № 19 (307), 2006.
2. Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2000 г., № 7.
3. Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., № 17, ст. 1852.

Alexandrov M. M.

Directing RF foreign policy course at implementation of national and international safety in norms of national legislation and international legislative acts.

In the given article is observed the direction of RF foreign policy course at implementation of national and international safety in norms of national legislation and international legislative acts. Also there are underlined some international factors and directions of the activity of international organizations which influence upon the formation of the course.

Е. ЛУКАНКИНА, студентка 4 курса международно-правовой специализации юридического факультета Орловского государственного университета

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В НОТАРИАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье говорится о международной действительности юридических документов в практике нотариуса. В международных отношениях доказательственная сила такого рода документов, происходящих из иностранных государств, подтверждается с использованием процедур легализации.

Ключевые слова: международные договоры, апостилирование, консульская легализация.

В современную эпоху деятельность нотариуса имеет существенную и практическую роль, это обуславливается прежде всего необходимостью обеспечения прав и защиты интересов российских граждан за рубежом и необходимостью реализации прав иностранных лиц в России. Количество дел с иностранным элементом в практике российских нотариусов имеет тенденцию к увеличению, и в связи с этим развитие данных отношений, регулируемых нормами международного частного права, привело в последние годы к значительному расширению объема нотариальных действий. Эти процессы, безусловно, имеют общемировой характер, так как в гражданском обороте происходит взаимодействие между двумя правовыми порядками: российским и иностранным.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность нотариальных органов в России, являются Основы законодательства РФ о нотариате 1993 г.

Каких-либо ограничений для иностранных граждан и юридических лиц при обращении к нотариусам не имеется.

В функции нотариальных контор входят: удостоверение документов, предназначенных для их действия за границей (в частности доверенностей); принятие документов, составленных за границей, осуществление действий, связанных с охраной находящегося на территории РФ имущества, оставшегося после смерти иностранного гражданина, или имущества, причитающегося иностранному гражданину после смерти гражданина России; обеспечение доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств и т.д. [4].

В основах законодательства РФ о нотариате предусмотрена возможность применения нотариусами норм иностранного права. Нотариусы принимают документы, составленные в соответствии с требованиями международных договоров, а также совершают удостоверительные надписи в форме, предусмотренной законодательством других государств, если это не противоречит международным договорам (ст. 104).

Данное положение включено в Основы законодательства о нотариате в интересах развития международного делового сотрудничества, так как принимаемый нотариусом в соответствии с указанной нормой документ, а также порядок совершения им соответствующих удостоверительных надписей могут существенно отличаться по форме и содержанию от документов и порядка, используемых внутри России.

Осуществляя свои профессиональные функции в рамках бесспорной юрисдикции, нотариус может основывать свои выводы о правовой ситуации исключительно на бесспорных источниках информации, не вызывающих сомнений относительно их допустимости, достаточности и достоверности. В этом смысле деятельность нотариуса по оценке материалов, представленных сторонами и собранных им лично, аналогична роли судьи в доказывании и подчинена тем же логическим и во многом процессуальным правилам. Использование юридических документов в международно-правовых отношениях нередко имеет целую серию сложностей, связанных с их международной действительностью. В международных отношениях доказательственная сила документа, происходящего из иностранного государства, подтверждается с использованием процедур легализации [1].

В статье 106 Основ «Принятие нотариусом документов, составленных за границей» устанавливается, что документы, составленные за границей с участием должностных лиц компетентных органов других государств или от них исходящие, принимаются нотариусом при условии их легализации органом Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Без легализации такие документы принимаются нотариусом в тех случаях, когда это предусмотрено законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации. Примером легализации может быть такая правовая ситуация, при которой консул РФ в соответствующем государстве делает на документе специальную надпись, которая удостоверяет подлинность подписи должностного лица иностранного государства. Данная легализация, совершенная консулом, состоит также и в удостоверении соответствия документов и актов законам государства пребывания.

Легализация – это действие, посредством которого публичное должностное лицо свидетельствует достоверность подписи на официальном или частном документе и качество, в котором действовало лицо, подписавшее акт, а равно в случае необходимости – подлинность печати или штампа, которыми скреплен этот акт, с тем чтобы он мог считаться достоверным везде, где будет представлен. Аналогичным образом акты нотариусов в РФ или иные официальные документы подлежат легализации для действия за рубежом. Но это не означает, что нотариус должен легализовывать все иностранные документы, которые поступают к нему для удостоверения их соответствия и бесспорности с точки зрения права. Существует ряд доку-

ментов, которые не требуют легализации, это акты, которые используются нотариусом в качестве справочных, информационных материалов об иностранном гражданине или организации, их имуществе.

По существу процедура международного оформления документов бывает двух видов:

- 1) российские документы, которые представляются за границей;
- 2) иностранные акты, которые используются нотариусами РФ.

Непосредственная роль нотариуса в отношении российских документов, которые в последующем должны быть представлены на территорию иностранного государства, заключается в основном в подготовке таких актов для выполнения иных формальностей. Нотариус выступает в качестве своеобразного передаточного звена в данном механизме. По общему правилу выделяется несколько правовых режимов признания доказательственной силы юридических документов:

– *консульская легализация*

В настоящее время легализацию документов и актов, исходящих от организаций, учреждений и должностных лиц РФ и предназначенных для предъявления за границей, осуществляет Департамент консульской службы Министерства иностранных дел РФ;

– *апостилирование*

Гагская конвенция 1961 года отменила требование легализации иностранных официальных документов ввиду ее громоздкости и несоответствия требованиям экономической и социальной интеграции. Данную конвенцию подписали более 85 стран мира, в ней предлагается использовать более упрощенную процедуру признания документов: это проставление апостиля, специального штампа, удостоверяющего подлинность подписи, качество, в котором выступало лицо, подписавшее документ. Данная конвенция в статье 1 устанавливает исчерпывающий список официальных документов, подлежащих апостилированию [2].

– *отсутствие формальностей*

Многие страны, имея устойчивые политические и экономические связи, избрали для себя более упрощенный путь по удостоверению иностранных документов, это представляется возможным на основании заключения двусторонних либо многосторонних соглашений, по которым иностранные документы полностью приравниваются к внутренним документам при условии, что они не требуют принудительного исполнения на территории другого государства [3].

В отличие от российских документов, представляемых за границей, роль нотариуса при столкновении с иностранными документами, представляемыми в Россию, заключается в действительной легализации либо совершением иных формальностей. В данном случае также используется три правовых режима: консульская легализация (в данном случае юридический документ должен быть легализован российским консулом на территории соответствующего государства), апо-

стилирование (если государство является участником Гаагской конференции, компетентные органы данного государства должны проставить специальный штамп – апостиль при условии, что он будет являться действительным), и, наконец, освобождаются от легализации иностранные документы, происходящие от государств, которые заключили с РФ соответствующие двусторонние соглашения, либо государств-участников Минской конференции 1993 года.

Библиографический список

1. Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. М., 2007.
2. Гаагская конвенция 1961 года. Правовая система Гарант.
3. И.Г. Медведев. Международное частное право и нотариальная деятельность. М., 2005.
4. Основы законодательства РФ о нотариате от 1993 года. Правовая система Гарант.

Lukankina K.

International validity of legal documents at notary

In the given article is told about international validity of legal documents in notary practice. .In international relations the proof power of such documents coming from foreign countries is proves by using the procedure of legalization..

С. АСТАХОВ, студент 4 курса международно-правовой специализации юридического факультета Орловского государственного университета

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Данная статья посвящена правовому положению беженцев в соответствии с международно-правовыми нормами. Помимо международных документов во многих государствах существуют и свои законодательные акты, которые вносят дополнительные критерии определения тех или иных категорий вынужденной миграции.

Ключевые слова: статус беженцев, современные конфликты, вынужденная миграция, международно-правовые нормы.

Современное определение понятия «беженец» в международном праве содержится в двух основных документах: Конвенции ООН 1951 года «О статусе беженцев», Конвенции «О статусе беженцев» (Заключена в Женеве 28.07.1951) и Протоколе к ней 1967 г., касающемся статуса беженцев. Между указанными актами существуют некоторые расхождения. В частности, Конвенция ООН 1951 г. предусматривает временное и географическое ограничения, т.е. она применяется в отношении стран, расположенных в Европе, и в отношении тех беженцев, которые стали таковыми в результате событий, происшедших до 1 января 1951 г. Протокол 1967 г. устраняет эти ограничения и применяется в отношении государств и в отношении любых событий как в прошлом, так и в будущем, в результате которых возникла или возникает проблема беженцев. Российская Федерация подписала эти документы, которые таким образом обладают теперь прямым действием на территории нашего государства.

Одна из острых проблем, связанных с беженцами, как и с рядом других категорий вынужденной миграции (экологические беженцы, перемещенные лица, «высланные», лица, ищущие убежища и др.), состоит в том, что помимо международных документов, определяющих их статус, во многих государствах существуют и свои законодательные акты, которые вносят дополнительные критерии определения тех или иных категорий вынужденной миграции. Но, что четко зафиксировано в большинстве из них и с чем согласны большинство специалистов в области международной миграции, так это то, что «люди, которые хотят покинуть свою страну, чтобы повысить жизненный уровень или найти лучшую работу, не могут претендовать на статус беженца».

Процесс определения статуса беженца происходит в два этапа. Во-первых, необходимо выяснить факты, относящиеся к данному случаю. Во-вторых, применить к этим фактам определения Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года. Положения Конвенции 1951 года, определяющие, кто является беженцем, состоят из трех частей, которые были названы положениями соответственно о «включении», «прекращении» и «исключении». В положениях о включении определяются критерии, которым должно отвечать лицо, чтобы быть беженцем. Они образуют позитивную основу, на которой строится определение статуса беженца.

Причинами существования беженцев в первую очередь надо выделить политические и этнические, постоянно провоцирующие различной степени вооруженные конфликты, причем в большинстве случаев непосредственно в развивающихся регионах. Более того, почти все современные конфликты, ведущие к появлению беженцев,

как правило, происходят непосредственно внутри стран, в то время как раньше данные конфликты наблюдались между странами. Ситуация в Сомали, Руанде, Заире, Югославии и др. – яркие тому примеры. Более того, чем больше в том или ином регионе вооруженных столкновений, тем больше беженцев там появляется.

Не случайно наиболее стремительный рост их численности наблюдается в Африке. Сегодня на Африканском континенте насчитывается примерно 15 млн. беженцев, перемещенных лиц. Надо выделить политические и этнические причины, постоянно провоцирующие различной степени вооруженные конфликты, причем в большинстве случаев непосредственно в развивающихся регионах.

Среди причин, способствующих сохранению огромного числа беженцев и перемещенных лиц, необходимо выделить также причины, обусловленные ухудшением окружающей среды, экологическим кризисом, увеличением стихийных бедствий и природных катастроф. Как отмечал бывший Генеральный секретарь ООН в 1993 г. Бутрос Гали, «невозможно провести четкую и ясную границу между конфликтами, войнами и стихийными бедствиями по тому влиянию, которое они оказывают на гражданское население».

Засуха, наводнение, землетрясение и циклоны так же разрушительны для людей и благосостояния общества, как войны и гражданские конфликты». Эти стихийные бедствия происходят не в вакууме и зачастую обусловлены неразумной промышленной и сельскохозяйственной деятельностью во многих, в первую очередь в развивающихся странах. Интенсивная вырубка леса, например, ведет к обезлесению, что, в свою очередь, повышает опасность засухи и наводнений, развитие которых сокращает плодородные земли и тем самым вынуждает часто огромные массы голодных людей мигрировать из родных мест. Так, голод в районе Африканского Рога в 1980-е годы вынудил миллионы африканцев к миграции как внутри самих стран этого района, так и через государственные границы.

Данная проблема, связанная с появлением новых масс беженцев, существует и в наши дни. Люди, которые вследствие вышеуказанных причин мигрировали в другое государство, обладают на его территории правами и обязанностями. Права беженцев можно разделить на следующие группы:

- специфические права беженцев, вытекающие из института международной защиты;
- права, которыми беженцы пользуются наравне с гражданами страны-убежища;

- права, которыми беженцы пользуются наравне с другими иностранными гражданами, законно находящимися в стране пребывания.

Одним из основополагающих прав человека, закрепленным в статье 14 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), является право искать убежище.

Согласно духу Конвенции 1951 г. все лица, ищущие убежища, должны иметь доступ к справедливым и эффективным процедурам рассмотрения их заявлений о предоставлении убежища. В любом случае компетентные государственные органы должны принимать заявления таких лиц для определения возможности рассмотрения их ходатайств о получении статуса беженца по существу, а также оказать необходимое содействие заявителю, включая предоставление переводчика и передачу его дела на рассмотрение. Согласно Заключению УВКБ ООН № 8 «Определение статуса беженца» (1977 г.) в случае непризнания заявителя беженцем ему должен быть предоставлен разумный срок для подачи апелляции с просьбой пересмотреть решение в том же либо в другом органе, административном или судебном в соответствии с действующей системой.

При этом беженец должен получить разрешение на пребывание в стране на срок рассмотрения его ходатайства, включая время, необходимое для рассмотрения его апелляции. Единственным исключением является случай, когда по первоначальному заявлению установлено, что оно «явно представляет собой злоупотребление соответствующим правом».

При этом лица, ищущие убежища, не должны подвергаться задержанию и заключению на время рассмотрения их заявлений. Обращение с просьбой о предоставлении убежища не является уголовным преступлением, а свобода от произвольного помещения в места заключения является одним из фундаментальных прав и свобод человека. В случае помещения в места заключения ищущие убежища имеют право знать, на каких основаниях проведено их задержание; при этом они имеют право оспаривать вынесенное решение об их задержании.

Одним из важнейших прав беженца является возможность свободного обращения в суды на территории всех стран – участниц Конвенции 1951 г. При этом на территории страны обычного местожительства беженца при обращении в суд он пользуется тем же положением, что и граждане этой страны. В прочих странах беженцу предос-

тавляется то же положение, что и гражданам страны его обычного места жительства.

Социальное попечение является сферой действия национального законодательства, и поэтому его стандарты не могут быть регламентированы международными соглашениями. Однако в соответствии с принципом отказа от каких-либо форм дискриминации беженцы, законно проживающие на территории государства, имеют право на социальное попечение в размерах, предусмотренных, как правило, для граждан страны проживания. В частности, глава IV Конвенции 1951 г. определяет, что беженцы имеют право:

- на применение системы пайков наравне с гражданами страны, где существует система распределения дефицитных продуктов;
- на решение жилищного вопроса в положении не менее благоприятном, чем то, которым обычно пользуются иностранцы при тех же обстоятельствах;
- на начальное образование наравне с гражданами страны пребывания и положение не менее благоприятное, чем то, которым обычно пользуются иностранцы в отношении других видов образования;
- признания иностранных аттестатов, дипломов и степеней; освобождения от платы за право учения и сборов, а также в отношении предоставления стипендий;
- на то же положение, что и граждане страны проживания в отношении вознаграждения за труд и условий труда (размер оплаты, продолжительность рабочего дня, возраст работающих по найму и т.д.), социального обеспечения с учетом национального законодательства (например, при сочетании солидарной и накопительной пенсионной систем, при котором беженцы будут получать пенсии меньшего размера).

Беженцы, согласно статье 15 Конвенции, наравне с иными иностранцами имеют право создания ассоциаций, не имеющих политического характера и не преследующих целей извлечения выгоды (некоммерческих объединений), а также профессиональных союзов.

Важным моментом при решении проблем беженцев является вопрос об их самообеспечении, т.е. вопрос о поиске ими занятий, приносящих им доход – работы по найму, или создании собственных предприятий.

Беженцы имеют право на самостоятельное занятие сельским хозяйством, промышленность, ремеслами и торговлей, а также право учреждать торговые и промышленные товарищества в усло-

виях не менее благоприятных, чем те, которыми обычно пользуются иностранцы при тех же обстоятельствах.

Очевидно, что правовое положение беженцев и лиц, ищущих убежище, подразумевает наличие не только прав, но и обязанностей в отношении принимающего их государства. Они лаконично определены в статье 2 Конвенции о статусе беженцев.

Нарушение этих норм, в частности совершение преступного деяния, может повлечь за собой не только уголовную ответственность, но и возможность депортации.

Предоставление политического убежища – суверенное право государства. Своим внутренним актом оно определяет мотивы предоставления убежища, статус лиц, которым оно предоставлено, порядок предоставления и случаи утраты права на убежище.

Политическое убежище предоставляется лицам, которые ищут защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного места жительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, которые не противоречат демократическим принципам, признанным мировым сообществом, нормами международного права, при этом принимается во внимание, что преследование направлено непосредственно против лица, обратившегося с ходатайством о предоставлении политического убежища.

Лицо, которому предоставлено политическое убежище, пользуется на территории и правами, и свободами и несет обязанности наравне с другими гражданами, кроме случаев, установленных законом для иностранных граждан и лиц без гражданства.

Предоставление РФ политического убежища и его лишение производятся указами Президента РФ. Политическое убежище в РФ не предоставляется, если лицо:

- 1) преследуется за действия (бездействия), признаваемые в РФ преступлением, или виновно в совершении действий, противоречащих целям и принципам ООН;
- 2) привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу и в отношении его имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда на территории РФ;
- 3) лицо прибыло из третьей страны, где ему не грозило преследование;
- 4) прибыло из страны с развитыми и устоявшимися демократическими институтами в области защиты прав человека;

5) прибыло из страны, с которой РФ имеет соглашение о безвизовом пересечении границ, без ущерба для данного лица на убежище в соответствии с ФЗ «О беженцах»;

6) представило заведомо ложные сведения;

7) имеет гражданство третьей страны, где оно не преследуется.

Лицо, которому в РФ предоставлено политическое убежище, утрачивают право на убежище в случаях:

1) возврата в страну своей гражданской принадлежности или страну своего обычного места жительства;

2) выезда на жительство в третью страну;

3) добровольного отказа от политического убежища на территории РФ;

4) приобретения российского гражданства или гражданства другой страны.

Лишение лица предоставленного ему РФ политического убежища может иметь место по соображениям государственной безопасности, а также если это лицо занимается деятельностью, противоречащей целям и принципам ООН, совершило преступление и в отношении его вынесен вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда.

Astakhov S.

Legal status of refugees in international law.

The given article is devoted to the legal status of refugees according to an international law. Besides international documents, many states have their own legislative acts in putting additional criteria of defining this or that categories of forced migration.

Т. ДОБАРИНА, студентка 4 курса международно-правовой специализации юридического факультета Орловского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Данная статья посвящена вопросам защиты гражданских лиц в вооруженных конфликтах, защиты детей в вооруженных конфликтах, рассмотрению проблем, связанных с положением женщин, укреплением мира и безопасности и предотвращением вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: нарушения прав человека, насильственное переселение, перемещенные лица.

Несмотря на то, что за последние 50 лет были приняты многочисленные конвенции по международному гуманитарному праву и праву в области прав человека, не проходит и дня без того, чтобы мы не узнавали о новых случаях жестокого обращения, пыток и убийств незащищенных гражданских лиц в вооруженных конфликтах. В современных войнах доля гражданских лиц среди жертв войны резко возросла и, по оценкам, составляет 75%, а в некоторых случаях и больше. И в то время как армии ведут учет своих потерь, в отношении гражданского населения такого подсчета не ведется, ибо не существует такой организации, которая была бы наделена мандатом вести счет погибших из числа гражданского населения. Как заявил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «Жертвы современных бесчеловечных конфликтов не только анонимны, они в буквальном смысле этого слова бессчетны».

Со времени создания ООН в 1945 г. мир захлестывали опустошительные вооруженные конфликты, унесшие жизни миллионов мирных людей и навсегда превратившие десятки миллионов в перемещенных лиц. Эти гражданские лица были изгнаны из своих домов и зачастую лишены спасительного доступа к продовольствию, медикаментам и убежищу. Гражданское население стало основной мишенью для нападений на почве этнической и религиозной ненависти, политического противостояния или просто беспощадного преследования экономических интересов. Нарушения прав человека в условиях вооруженного конфликта и военной оккупации являются нарушениями основных международных принципов права в области прав человека и гуманитарного права, воплощенных в международно-правовых инструментах в области прав человека и в Женевских конвенциях 1949 г. и дополнительных протоколах к ним.

Нападения на гражданских лиц. Во многих современных конфликтах потери среди гражданского населения и разрушения гражданской инфраструктуры являются не просто издержками войны, но последствием преднамеренных действий против тех, кто не участвует в военных действиях. Во многих конфликтах воюющие стороны направляют свои усилия против гражданского населения с тем, чтобы изгнать или ликвидировать часть населения или же чтобы ускорить военную капитуляцию. Граница между гражданским населением и комбатантами зачастую бывает размыта. Комбатанты часто живут или ищут убежища в деревнях и иногда используют невинных мирных людей и даже детей в качестве живого щита.

Насильственное переселение. Сегодня насчитывается 30 млн. переселенных лиц, 80% которых – женщины и дети. Женщины, являющиеся перемещенными лицами

внутри своей страны, несут на себе очень тяжелое бремя, часто являясь одинокими главами семей, которые в одиночку несут ответственность за воспитание своих детей. Перемещенные лица часто систематически подвергаются жестокому обращению и не имеют адекватной физической защиты, это вынуждает их к бегству, и они оставляют за собой свое имущество, свои дома и своих родных. В качестве примера приведем только два места, где подобное происходило. Это Союзная Республика Югославия, где перемещенными лицами оказалась значительная часть населения Косово, а также Ангола, где сотни тысяч людей были вынуждены покинуть свои дома в результате возобновления гражданской войны.

Комбатанты и вооруженные элементы, оказавшиеся в лагерях беженцев среди беженцев и перемещенных лиц из числа гражданского населения (хотя лагеря и предназначены для того, чтобы давать временное убежище), часто не могут гарантировать защиту гражданским лицам. Неспособность обеспечить чисто гражданский и гуманитарный характер лагерей может привести к тому, что гражданские лица оказываются в лагерях бок о бок с комбатантами и другими вооруженными элементами. Гуманитарная помощь может попадать к членам воюющих группировок, на которых не распространяется право на международную защиту и помощь.

Дети в вооруженных конфликтах. Более 300 тыс. детей в возрасте моложе 18 лет подвергались в ходе конфликтов безжалостной эксплуатации в качестве солдат в правительственных вооруженных силах или в оппозиционных вооруженных формированиях. Детей также использовали как секс-рабов. Их привлекали для поддержки военных усилий и в других формах. По оценке Детского фонда ООН, за последнее десятилетие непосредственно в результате вооруженных конфликтов было убито 2 млн. детей. Втрое больше детей было ранено или искалечено на всю жизнь. Еще большее число детей умерло от недоедания и болезней. Признавая катастрофическое положение, в котором дети находились и продолжают пребывать, являясь одновременно и жертвами зверств войны, и сами принимая в них участие, подготовленный в 1996 г. доклад о влиянии вооруженных конфликтов на положение детей привлекает внимание международного сообщества к росту числа конфликтов, в которые вовлекается и от которых страдает гражданское население.

Сложившаяся тревожная ситуация привела к тому, что ООН, Международный комитет Красного Креста, региональные организации и многие другие международные структуры уделяют все большее внимание защите гражданских лиц в вооруженных конфликтах.

В последние годы Совет Безопасности посвятил немало времени обсуждению вопросов защиты гражданских лиц в вооруженных конфликтах, защиты детей в вооруженных конфликтах, рассмотрению вопросов, связанных с положением женщин, укреплением мира и безопасности и предотвращением вооруженных конфликтов. Мысль о том, что гражданские лица стали основными жертвами войны и особенно внутренних вооруженных конфликтов, регулярно высказывается на многих заседаниях Совета Безопасности.

В 1998 г. Совет Безопасности провел открытое обсуждение проблемы положения детей в вооруженных конфликтах, в результате которого было опубликовано основополагающее заявление Председателя Совета. За этим последовали три важные резолюции Совета Безопасности: 1261 (1999 г.), 1314 (2000 г.) и 1379 (2001 г.). Еще одной из недавних подвижек в этой области было заявление Председателя Совета Безопасности Исполнительному комитету Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), сделанное в декабре 2001 года. В этом заявлении основное внимание было обращено на положение детей, затронутых вооруженным конфликтом в Западной Африке, и подчеркивалось, что эта ситуация представляет собой идеальный случай для совместных действий между Советом Безопасности и ЮНИСЕФ. В этих целях предлагался совместный механизм, который сделает такое сотрудничество возможным.

В 1999 г. Совет Безопасности провел двухдневное обсуждение вопросов, связанных с положением гражданских лиц в вооруженных конфликтах. Совету Безопасности был представлен доклад Генерального секретаря, отображающий суровую реальность, с которой приходится сталкиваться миллионам гражданских лиц во всем мире в случаях вооруженных конфликтов, людям, оказавшимся в пучине войны и отчаянно нуждающимся в помощи и защите. В связи с этим он дал Совету Безопасности четкие рекомендации относительно действий, направленных на то, чтобы заставить стороны конфликта в большей степени защищать гражданское население и уважать права, гарантированные гражданским ли-

цам в соответствии с нормами международного права.

В октябре 2000 г. Совет Безопасности принял свою историческую резолюцию 1325 (2000) в отношении положения женщин, мира и безопасности. В этой резолюции выражалась обеспокоенность в связи с тем, что гражданские лица, и в особенности женщины и дети, составляют основное большинство пострадавших в результате вооруженных конфликтов. Помимо всего прочего в резолюции содержится призыв ко всем сторонам вооруженного конфликта в полной мере соблюдать нормы международного права, относящиеся к правам и защите женщин и девочек, в особенности тех, которые являются гражданскими лицами.

В своем втором докладе по вопросу защиты гражданских лиц в вооруженном конфликте, сделанном в 2001 г., Генеральный секретарь призвал к созданию «культуры защиты». Такая культура защиты предполагает, что правительства будут действовать в полную меру своей ответственности, вооруженные группировки будут подчиняться нормам международного гуманитарного права, частный сектор будет осознавать последствия своих действий в районах, оказавшихся в кризисной ситуации, а страны — члены международных организаций и сами международные организации будут проявлять необходимую приверженность обеспечению решительных и быстрых действий для разрешения кризиса.

В заявлении Председателя Совета Безопасности от 15 марта 2002 г. вновь была подтверждена озабоченность Совета трудностями, которые выпадают на долю гражданских лиц в вооруженных конфликтах, признавались их последствия при установлении прочного мира, восстановлении согласия и развития, и была подчеркнута важность мероприятий, направленных на предотвращение и разрешение конфликтов. Одновременно Совет Безопасности принял в качестве приложения к заявлению Председателя Совета памятную записку, призванную содействовать решению в рамках Совета вопросов, связанных с защитой гражданского населения. В памятной записке была также отмечена важность решения проблем, связанных с положением детей, которые особенно сильно нуждаются в помощи и защите, в том числе проблем предотвращения являющегося нарушением международного права вовлечения детей в военные действия в качестве солдат, вопросов объединения перемещенных детей с их семьями, а так-

же обеспечения безопасности для перемещенных внутри страны детей, которые наиболее уязвимы для эксплуатации и жестокого обращения. Памятная записка явилась результатом взаимодействия и консультаций между Советом Безопасности и Секретариатом ООН и вобрала в себя опыт и знания широкого круга органов и учреждений системы ООН, включая Межучрежденческий постоянный комитет по реконструкции и восстановлению хозяйства после войны и стихийных бедствий.

В связи с Днем прав человека Генеральный секретарь отметил, что «выдающимся наследием прошлого века стало развитие международно-правовой системы — гуманитарного права, прав беженцев, уголовного права и прав человека. Взятые вместе, правильно понимаемые и эффективно используемые, эти области права служат защите личности от несправедливости, предвзятого обращения и покушений на основы безопасности». В связи с этим вступление в силу Римского статута Международного уголовного суда, которое состоялось 1 июля 2002 г., положило конец безнаказанности геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности. Впервые такие действия, как изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, причинение принудительной беременности, насильственная стерилизация и другие формы сексуального насилия, характеризуются как военные преступления и преступления против человечности.

Верховный комиссар ООН по правам человека Сержиу Виейра ди Меллу в своем выступлении на Третьем комитете в ноябре 2002 г. заявил: «Меня часто беспокоит то, что расстояние притупляет наши чувства по отношению к действительно ужасным, разрушительным последствиям, которые влекут за собой конфликты для тех, кто оказался в их водовороте. Мы не должны допускать этого. Убийства, разрушения, жестокость, изнасилования, изгнание, страх, голод и травмы — вот составные части конфликта, стоит им начаться — и остановить их будет очень нелегко. Если мы намерены продвигаться вперед в решении этой проблемы, важно, чтобы все государства и вооруженные группировки полностью отказались от нападения на ни в чем не повинных мирных людей, будь то по небрежности, неосторожности или же преднамеренно, независимо от ситуации».

Международное сообщество продолжает напоминать странам и их правительствам о том, что основная ответственность за защиту граждан-

данского населения лежит именно на них, а международные усилия могут только дополнять действия правительств в этой области. Как заявил Верховный комиссар по правам человека в своем обращении по случаю Дня прав человека, нам «следует делать гораздо больше. Мы должны с новым пониманием неотложности решения этого вопроса искать новые пути и методы реального продвижения и защиты прав человека в зонах конфликта. Давайте же придерживаться всеобъемлющей стратегии, которая сосредоточена в первую очередь на предотвращении конфликтов и в то же время направлена на защиту гражданского населения, оказавшегося под перекрестным огнем конфликтов, на содействие

достижению мира, помощь восстановлению измученных войной обществ на твердой основе уважения прав человека».

17 сентября 2008 года 17 государств согласовали «Документ Монтрё», содержащий правила и положения о передовых практических методах в отношении частных военных и охранных компаний, действующих в зонах вооруженных конфликтов. «Документ Монтрё», который стал итогом международного процесса, инициированного в 2006 году правительством Швейцарии и Международным комитетом Красного Креста, призван содействовать уважению международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека.

Dobarina T.

Person's right defense during armed conflicts

The given article is devoted to the questions of civil persons' and children's defense during armed conflicts; studying the problems connected with women's position, peace and safety strengthening, preventing armed conflicts.

*Г.Е. КОТЬКОВА, кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры социальной педагогики
Орловского государственного университета*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Создание определенной модели комплексного сопровождения участников образовательного процесса способствует поливариантному развитию личности ребенка. Системы-комплексы взаимодействия, средовый подход обеспечивают выход на непрерывное образование как на стратегию жизненного успеха личности.

Ключевые слова: поливариантное развитие, комплексное сопровождение, система-комплекс, личностные компетенции.

Определение личностью позиции относительно своих жизненных планов и взаимоотношений с окружающей действительностью, как показывает существующий опыт, во многом зависит от образования, накопленных умений и социальных условий, в которых происходит личностное становление.

Среди множества факторов, оказывающих влияние на социально-педагогическую деятельность, прежде всего нужно отметить особенности процесса развития самой личности ребенка, общую стратегию воспитания, суть которой в том, чтобы создать необходимые условия, обеспечивающие гуманизацию данного процесса и совершенствование в этом направлении социальной среды.

Данная статья написана по результатам проведенного нами исследования, направленного на изучение инновационных подходов к развитию личности ребенка в сельском социуме. Цель работы — выявление эффективности практической реализации различных моделей комплексного сопровождения участников образовательного процесса. Нами была выдвинута гипотеза, в которой выделены следующие положения:

1. Создание определенной модели комплексного сопровождения участников образовательного процесса положительно скажется на социальной адаптации (воспитанности) детей дошкольных и учащихся общеобразовательных учреждений.
2. Результатом этой деятельности будет поливариантное развитие всех участников образовательного процесса, осуществляемое в той или иной модели (системе-комплексе) сопровождения.
3. Системы-комплексы взаимодействия, средовый подход обеспечат выход на непрерывное образование как стратегию жизненного успеха личности.

Для реализации цели исследования и проверки рабочей гипотезы было предусмотрено решить следующие задачи:

1. Определить структурные компоненты оценки степени социальной адаптации и компетенций детей — участников экспериментальной деятельности, обучающихся в образовательных учреждениях.
2. Разработать адаптивную модель (и варианты) комплексного сопровождения участников образовательного процесса.
3. Выявить и обосновать комплекс оптимальных механизмов взаимодействия участников образовательного процесса в рамках «педагог — семья — социум — ребенок».

Для получения необходимой информации по проблеме комплексного сопровождения нами использовались материалы отечественных и зарубежных авторов по следующим направлениям:

- * исследование уровня социальной зрелости;
- * основы процесса личностного развития ребенка, его специфика;
- * субстанциональные характеристики развивающего образовательного пространства;
- * инновационные технологии оптимального функционирования развивающей социально-педагогической среды;
- * опыт создания разного рода объединений в системе образования, существующих контактов, связей, структур взаимодействия.

На начальном — *организационно-информационном этапе* экспериментальной работы было необходимо выявить круг проблем и разработать проект модели взаимодействия участников образовательного процесса. Для решения этой задачи были использованы методы наблюдения, сбор информации от участников эксперимента, контент-анализ научных источников.

На наш взгляд, социально-педагогическое пространство микросоциума является частью «поля развития» личности ребенка, где происходит взаимодействие всех его социальных систем, всех субъектов образовательного процесса в рамках определенной нормативно-правовой модели — системы. *Практика работы социально-педагогических комплексов микрорайона (СПКМ) в Орловском регионе подтвердила эффективность такого взаимодействия.*

√ С 1992 г. по настоящее время педагогические коллективы, входящие в состав СПКМ (с 1992 г. — общеобразовательная школа № 17 г. Орла, с 1996 г. — детские сады № 36, 40, 47; школа № 42 для «проблемных» детей, спортивный клуб «Ритм»; с 2002 г. — городской учебно-производственный комбинат № 1), проводят целенаправленную эксперименталь-

ную деятельность по воспитанию гражданина в определенном социуме — городском микрорайоне.

В результате серьезной работы в СПКМ Заводского района г. Орла в течение 15 лет произошло освоение педагогами субъектов комплекса гуманистического воспитания, изменение на этой основе их педагогической позиции. Были проведены следующие шаги в данном направлении:

- сформирована теоретико-методологическая готовность педагогов к работе в системе гуманистических отношений через постоянно действующий семинар, курсы, систему педсоветов;
- выработана каждым образовательным учреждением СПКМ своя воспитательная система, общая концепция воспитания в СПКМ с учетом потребностей, интересов, пожеланий учеников и их родителей;
- по всем показателям диагностик значительно улучшилось качество воспитанности и обученности учащихся, развитие творческих способностей ребенка (что подтверждают рейтинговые показатели всех образовательных учреждений СПКМ, внутренние и внешние экспертные оценки).

Содружество образовательных учреждений — соседей по микрорайону проводит свою работу через разновозрастное население микрорайона, школы, детские общественные организации, дополнительные образовательные учреждения, подростковый клуб, учебно-производственный комбинат, Совет директоров, психолого-медико-педагогический и профориентационные центры города и области во взаимодействии со службами защиты семьи.

В контексте вышесказанного созданная модель *регионального интегративного содружества стала центром воспитательного пространства социальной ориентации.*

Данная практика работы получила дальнейшее развитие в сельских районах области:

√ В 2002–2007 гг. коллектив Троснянской средней общеобразовательной школы являлся площадкой экспериментального проекта «Оптимизация гуманитарного образования Орловской области» и реализовал программу «Школа социального оптимизма» по адаптации механизмов взаимодействия. С 2009 г. Троснянская школа-комплекс — базовая в деятельности региональной площадки по поиску новых моделей непре-

ровного образования личности как стратегии жизненного успеха.

√ С 2004 г. в Куракинской средней общеобразовательной школе Свердловского района социально-педагогическая деятельность организуется на основе положений о региональной экспериментальной площадке по обобщению инновационного опыта «Социально-педагогическая поддержка семей и детей «группы риска» в условиях села».

√ С 2004 г. в Орловском районе 12 образовательных учреждений различного назначения участвуют в работе академической экспериментальной площадки Орловского филиала Государственного научного учреждения «Институт содержания и методов обучения» РАО по обобщению опыта работы с элементами эксперимента по направлению «Взаимодействие Центра психолого-медико-социального сопровождения и образовательных учреждений в коллективном сопровождении участников образовательного процесса».

Внутри развивающей образовательной среды выделяется целый ряд организационных объединений, где осуществляются разнообразные виды связей и типы отношений между входящими в них социальными институтами. Изучив и обобщив сложившийся опыт функционирования подобных сельских школ-комплексов в Орловском районе, мы выявили, что:

- *школу-комплекс можно определить как систему, суть которой в создании взаимодействия со средой всех учреждений микросоциума, где социальные, психолого-педагогические, материальные, организационные условия нацелены на развитие личности каждого участника образовательного процесса;*
- основополагающим элементом всей организационной системы школы-комплекса являются отношения, лежащие в основе *модели объединения* социальных институтов различных типов и разного назначения: *интеграция, кооперация, содружество;*
- личностно ориентированные воспитательные технологии образуют подсистему воспитания, в плоскости которой сами учащиеся выстраивают индивидуальные траектории своего собственного развития, что позволяет педагогам предложить, а учащимся использовать возможности выбора вариантов и способов личностного развития, т.е. обеспечивают *поливариантность развития.*

На основании вышесказанного мы выделили *6 критериев личностных компетенций, необходимых для успешного развития ребенка.*

1. **Определенный уровень социальной зрелости учащихся**, необходимый, как отмечают Т.Н. Кожевникова, Н.А. Струмбрис, Т.А. Сундукова, для благополучного вхождения ребенка в общество [Кожевникова, Струмбрис, Сундукова, 2003: с. 97–107].

2. **Высокий уровень воспитанности** — наличие адекватного уровня социальной активности, осведомленности в сфере социально-экономических и политических отношений, осознанное отношение к умственному и физическому труду, чужой и своей собственности, взаимоотношениям со сверстниками и взрослыми. П.М. Якобсон указывал, что «основными индикаторами личности в первую очередь являются уровень ее организации и особенности саморегуляции...» [Якобсон, 1981: с. 141–147].

3. **Готовность к профессиональному самоопределению и осознанному выбору будущего жизненного пути** — адекватная оценка собственных способностей, информированность об особенностях и специфике выбранной профессии, основных требованиях к ней, так как, по мнению Р.В. Овчаровой, «отрицательные последствия неправильного выбора профессии затрагивают как самого человека, так и общество... Любой выбор профессии можно рассматривать как взаимодействие двух сторон: подростка с его индивидуальными особенностями и специальности с теми требованиями, которые она предъявляет человеку» [Овчарова, 1996: с. 276].

4. **Сформированность** осознанного отношения к проблеме сохранения здоровья и соблюдения правил здорового образа жизни — осознание ценности жизни и здоровья, своего и окружающих, ибо, как отмечает А.М. Митяева, «становление культуры здоровья обеспечивается лишь постольку, поскольку целенаправленно организуется система коллективных валеологических отношений (учитель — учитель, учитель — ученик, учитель — родители, родители — подростки)...» [Митяева, 2007:8].

5. **Наличие высокого уровня развития коммуникативной компетентности**, являющейся немаловажным компонентом личности, ибо, как отмечает И.С. Кон, в школьном возрасте «трудности коммуникативного характера проявляются... особенно резко и накладывают отпечаток на последующее развитие личности» [Кон, 1982:116].

6. **Наличие адекватной внутренней самооценки** также немаловажно, поскольку «плохая социальная адаптация связана с не-

гитивной Я-концепцией и низкой самооценкой» [Райс, 2000: 225].

Определение исходного уровня показателей по шести отмеченным критериям проводилось в течение 2005–2006 учебного года. Участвовали экспериментальные и контрольные группы учащихся 6, 8 классов.

Данные исходного уровня свидетельствуют о том, что коэффициент выраженности отмеченных характеристик учащихся по всем критериям как в классах контрольной группы (6 «Б» и 8 «Б» — данные на 2005 г.), так и экспериментальной группы (6 «В» и 8 «А») был приблизительно одинаков, исключая некоторые возрастные различия.

Наглядное представление о динамике личностного развития учащихся в процессе комплексного сопровождения дает сравнительный анализ отмеченных выше параметров. Сравнение про-

дилось за счет диагностики в экспериментальных и контрольных группах учащихся. В экспериментальных классах 8 «В» и 10 «А» коэффициент выраженности такой характеристики, как уровень воспитанности, увеличился в среднем на 0,05 (в контрольных группах на 0,01). Как можно наблюдать на рис. 1 «Сравнительные данные диагностики уровня воспитанности учащихся 8 «В», 10 «А» классов Знаменской школы, участвующих в эксперименте» (данные на 2007 г.), учащиеся восьмого класса согласно экспертным оценкам (в качестве экспертов выступили учителя истории, классные руководители и педагог-психолог) показывают увеличение выраженности качеств практически по всем исследуемым нами параметрам в сравнении со сверстниками, не участвующими в экспериментальной работе.

Рисунок 1

Сводные данные диагностики уровня воспитанности учащихся МОУ «Знаменская средняя общеобразовательная школа» Орловского района
(Сравнительный анализ полученных данных по экспериментальным 8 «В» и 10 «А» и контрольным 8 «А» и 10 «Б» классам)

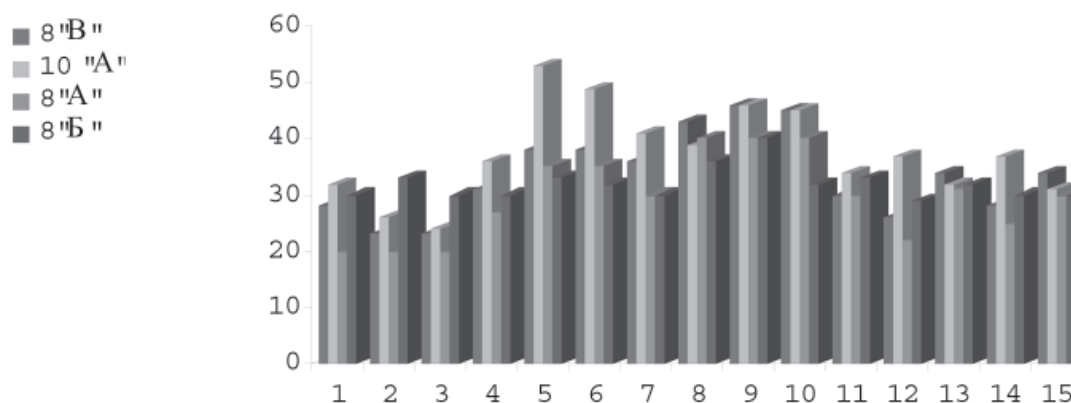
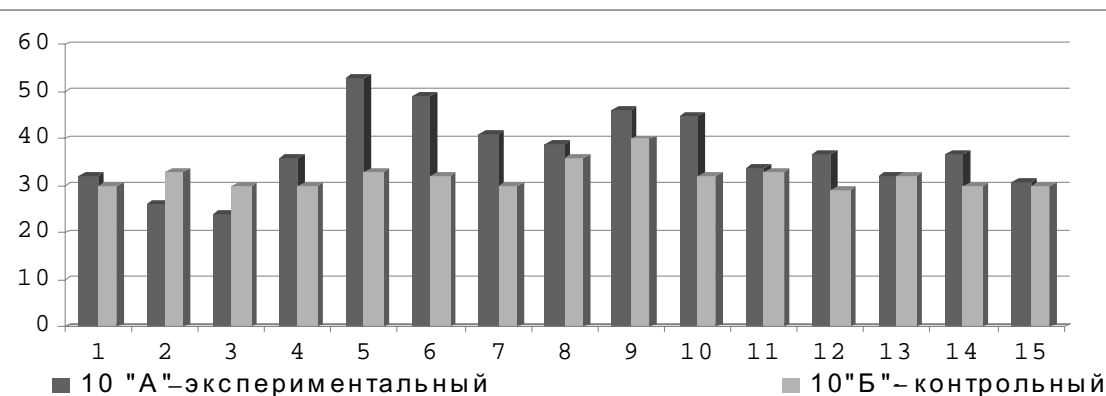

Рисунок 2

Сравнительный анализ данных уровня воспитанности учащихся 10-х классов МОУ «Знаменская средняя общеобразовательная школа»

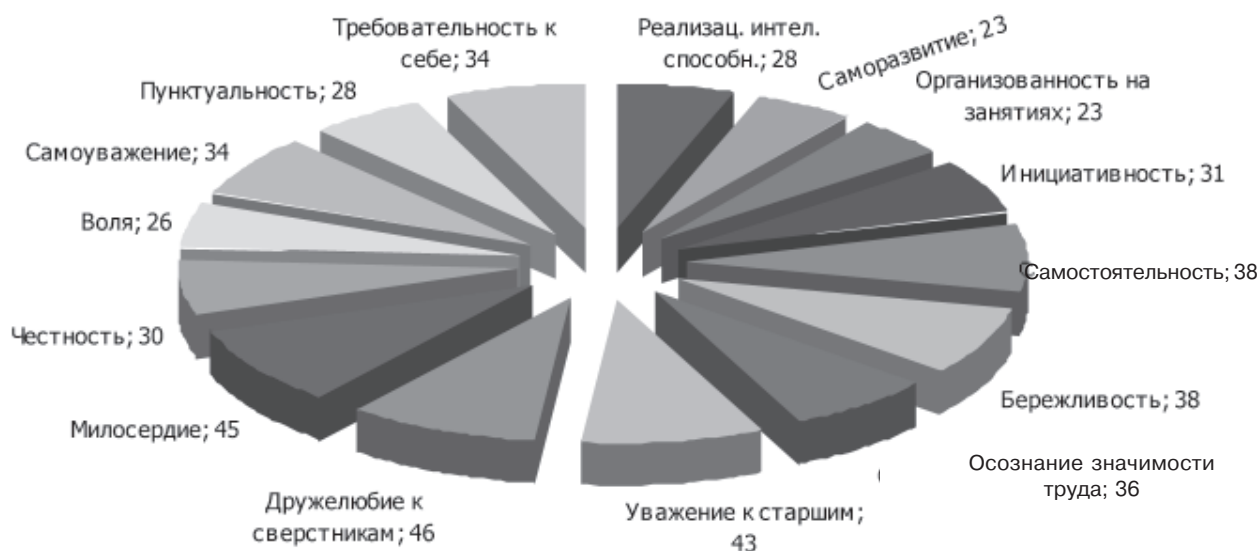

Как можно видеть на рис. 2, учащиеся 10 «А» класса, принимающие участие в экспериментальной работе, согласно точке зрения экспертов имеют более выраженные показатели по двенадцати из пятнадцати предложенных критериев оценки. Исключение составляют шкалы № 13 («Самоуважение») — здесь качество имеет средне выраженный показатель в том и другом классах; шкалы № 2, 3 («Саморазвитие», «Организованность на занятиях») — у учащихся 10 «Б» класса (контрольной группы) эти показатели ниже.

Наибольшую положительную выраженность (показатели «выше среднего») имеют такие качества воспитанности (социальной адаптации), как самостоятельность в труде, бережливое отношение к результатам труда, осознание значимости труда, дружелюбное отношение к сверстникам и милосердие (шкалы № 5–7, 9, 10, см. рис. 3) у учащихся 10 «А» класса, принимающих участие в экспериментальной работе. В 10 «Б» классе все исследуемые качества оцениваются как средне выраженные.

Рисунок 3

Степень выраженности исследуемых признаков социальной адаптации учащихся 8 «В» и 10 «А» классов, принимающих участие в экспериментальной работе

Как видно из рисунка 3, наибольшую выраженность у исследуемой выборки экспериментальной группы имеют такие качества, как уважительное отношение к старшим, дружелюбное отношение к сверстникам, милосердие (шкалы № 8–10), которые оцениваются экспертами как сформированные «выше среднего» в данной методике — от 40 баллов и выше.

Остальные из исследуемых нами качеств имеют среднюю выраженность, т.е. в нашей градации это диапазон 39–20 баллов.

В целом уровень социальной адаптации (воспитанности) исследуемой группы учащихся можно назвать средним, что, на наш взгляд, является нормой для данного возрастного периода, особенно если учесть то обстоятельство, что в экспериментальную деятельность изначально были включены учащиеся «проблемных» классов.

Следует отметить, что в обеих возрастных группах учащихся высоко оценивается степень

проявления таких качеств воспитанности, как дружелюбное отношение к сверстникам и милосердие (шкалы № 9, 10); оценку «выше среднего» учащиеся 10 класса получили по параметрам «Самостоятельность в труде», «Бережливое отношение к результатам труда», «Осознание значимости труда» (шкалы № 5–7). У восьмиклассников эти качества, так же как и прочие, имеют среднюю степень выраженности — в диапазоне от 20 до 40.

Так как наиболее объемным явилось исследование социальной адаптации (воспитанности) детей, то именно эти данные мы представляем в числовом выражении наиболее подробно.

В эксперименте были задействованы две группы учащихся: экспериментальная (23 ученика 8 «В» класса и 16 учеников 10 «А» класса) и контрольная (21 ученик 8 «А» класса и 26 учеников 10 «Б» класса). Экспериментальная группа участвовала в реализации модели I «Комплексное сопровождение

развития личности ребенка»; с детьми проводились тренинги, занятия с различными специалистами. В контрольной группе развивающие занятия и тренинговая работа не проводились.

Результаты диагностики оценивались по шкале от 0 до 3 баллов по 15 показателям:

- 1) стремление реализовать свои интеллектуальные способности;
- 2) саморазвитие;
- 3) организованность на занятиях;
- 4) инициативность в творческом труде;
- 5) самостоятельность в труде;
- 6) бережливое отношение к результатам труда;
- 7) осознание значимости труда;
- 8) уважительное отношение к старшим;
- 9) дружелюбное отношение к сверстникам;
- 10) милосердие;

- 11) честность в отношении со сверстниками и взрослыми;
- 12) волевая саморегуляция;
- 13) самоуважение, соблюдение правил культуры поведения;
- 14) организованность и пунктуальность;
- 15) требовательность к себе.

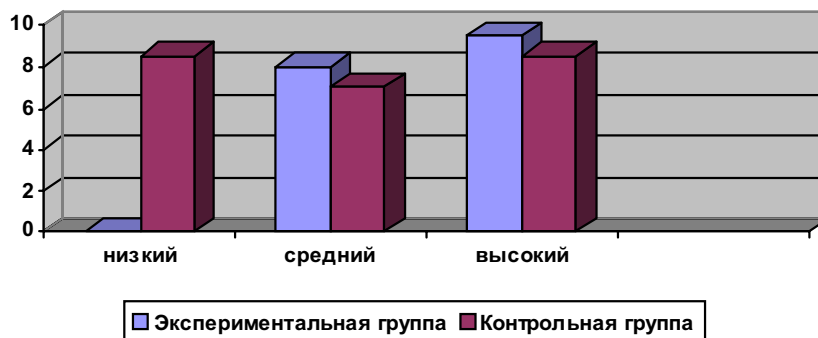
В результате каждый ученик мог набрать от 0 до 45 баллов.

Мы разбили диапазон разброса полученных данных на три уровня: низкий уровень воспитанности (0–15 баллов); средний уровень воспитанности (16–30 баллов); высокий уровень воспитанности (31–45 баллов).

Данные, представленные на диаграмме (рис. 4), свидетельствуют о том, что уровень воспитанности учащихся экспериментальной группы выше уровня воспитанности учащихся контрольной группы.

Рисунок 4

Распределение по уровню воспитанности учащихся восьмых классов экспериментальной и контрольной групп

Для статистической обработки результатов эксперимента мы провели сравнение уровня воспитанности в экспериментальной и контрольной группах с помощью критерия χ^2 , эмпирическое значение которого вычисляется по формуле (Новиков, Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях (типичные случаи) [Текст] / Д.А. Новиков. М.: МЗ-Пресс, 2004. 67 с.):

$$\chi^2_* = N \cdot M \cdot \sum_{i=1}^L \frac{\left(\frac{n_i}{N} - \frac{m_i}{M}\right)^2}{\frac{n_i + m_i}{N + M}}$$

где N и M — число членов экспериментальной и контрольной групп; n_i , m_i — число членов экспериментальной и контрольной групп, продемонстрировавших i-й уровень знаний; L — число выде-

ленных уровней. Критерий позволяет проверить нулевую гипотезу о достоверности совпадения качества знаний в экспериментальной и контрольной группах.

Критическое значение критерия $\chi^2 = 5,99$ для уровня значимости $p = 0,05$ и числа степеней $k = 2$. Таким образом, $\chi^2_* > \chi^2$, а следовательно, различие результатов в экспериментальной и контрольной группах является статистически значимым. Следовательно, гипотеза о равенстве средних значений отклоняется и уровень воспитанности учащихся экспериментальной группы (8 «В») достоверно выше, чем у учащихся контрольной группы (8 «А»).

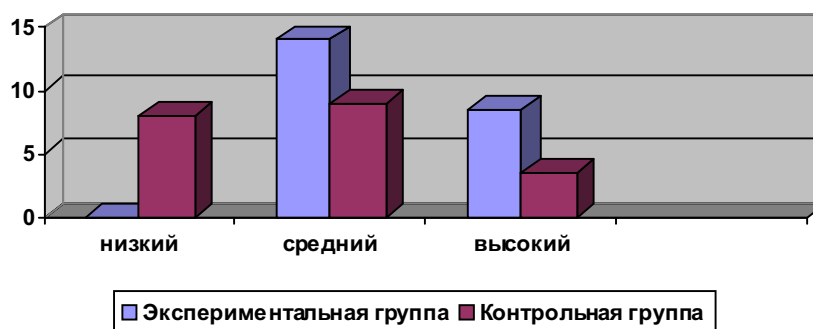
Достоверность различий уровня воспитанности в экспериментальной и контрольной группах после окончания эксперимента составляет 95%.

Более высокий уровень воспитанности в экспериментальной группе, и это не случайно, а является результатом реализации модели деятельности педагога /организатора сопровождения.

Аналогичным образом проведем оценку уровня воспитанности учащихся 10 «А» (экспериментальная группа) и 10 «Б» (контрольная группа) классов.

Рисунок 5

Распределение по уровню воспитанности учащихся десятых классов экспериментальной и контрольной групп

Данные, наглядно представленные на диаграмме (рис. 5), свидетельствуют о том, что уровень воспитанности учащихся экспериментальной группы выше, чем у учащихся контрольной группы.

Критическое значение критерия $\chi^2=5,99$ для уровня значимости $p=0,05$ и числа степеней $k=2$. Таким образом, $\chi^2_* > \chi^2$, а следовательно, различие результатов в экспериментальной и контрольной группах является статистически значимым. Следовательно, гипотеза о равенстве средних значений отклоняется и уровень воспитанности у учащихся экспериментальной группы (10 «А») достоверно выше, чем у учащихся контрольной группы (10 «Б»).

Достоверность различий уровня воспитанности в экспериментальной и контрольной группах после окончания эксперимента составляет 95%. Более высокий уровень воспитанности в экспериментальной группе не случаен, а является результатом реализации модели I «Комплексное сопровождение развития личности ребенка». Таким образом, можно говорить о достаточной эффективности разработанной модели сопровождения.

Мы можем констатировать, что там, где участники образовательного процесса использовали предложенную нами модель сопровождения, процесс развития личности ребенка в условиях сельского социума протекает наиболее оптимально.

Таким образом, классы, где осуществлялось комплексное сопровождение, согласно экспе-

риментальной модели «Комплексное сопровождение развития личности ребенка», показали результаты выше исходных, что подтверждает корреляционный коэффициент значимости. По данным проведенного в классах социометрического исследования, в экспериментальных классах произошло значимое изменение социально-ролевых позиций. Так, за период участия в эксперименте количество «отверженных» в обоих экспериментальных классах сократилось до нуля, что свидетельствует о благополучии психологического климата в детских коллективах, организации атмосферы принятия и взаимопонимания. Сравнение данных проективной методики «Несуществующее животное» позволяет говорить о сокращении частоты изображения учащимися экспериментальных классов тех элементов рисунка, которые свидетельствуют о наличии агрессии, высокого уровня тревожности, неадекватной самооценки.

В течение всего периода велась апробация различных моделей сопровождающей деятельности образовательных учреждений. В ней приняли участие 12 образовательных учреждений, 450 педагогов, 2200 учащихся. В ходе эксперимента для координации деятельности участников экспериментальной работы и творческих групп проводились методические семинары, координационные советы, выездные мероприятия, погружение в проблему, педагогические лектории, тренинги и практикумы по отработке различных моделей сопровожде-

ния; один раз в три месяца собирался координационный совет творческих групп, проводились встречи руководителей образовательных учреждений.

В ноябре 2007 года на базе МОУ «Знаменская средняя общеобразовательная школа» проведена районная конференция «Организация комплексного сопровождения участников образовательного процесса в социально-педа-

гогическом пространстве: модели и технологии взаимодействия».

Исходя из вышесказанного, нами в ходе эксперимента было проведено исследование уровня сформированности личностных компетенций учащихся подросткового возраста при условии организации комплексного сопровождения в рамках системы-модели **«Сопровождение развития личности ребенка»**.

Библиографический список

1. Бойко А.Ф. Не ждите первого звонка [Текст]/ А.Ф. Бойко. М.: Вагриус, 1999. С. 367.
2. Гуревич К.М. Психологическая диагностика: учебное пособие [Текст] / К.М. Гуревич, Е.М. Борисова. М.: Изд-во УРАО, 1997. С. 304.
3. Кожевникова Т.Н. Методика выявления социальной зрелости выпускников [Текст]/ Т.Н. Кожевникова, Н.А. Струмбрис, Т.А. Сундукова // Классный руководитель. — 2003. — № 6. — С. 97–107.
4. Кон И.С. Психология старшеклассника [Текст]/ И.С. Кон. М.: Просвещение, 1982. С.116.
5. Котькова Г.Е. Сущность процесса развития ребенка: основные положения: Монография в двух частях. [Текст] / Г.Е. Котькова. Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2008. — [1]: 196 с.; [2]: 365 с. — ISBN 978-5-9929-0033-0.
6. Митяева А.М. Педагогика здоровья: учебно-методическое пособие [Текст]/ А.М. Митяева. Орел, ГОУ ВПО «ОГУ», 2007. С. 8.
7. Новиков Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи) [Текст] / Д.А. Новиков. М.: МЗ-Пресс, 2004. 67 с.
8. Овчарова Р.В. Справочная книга школьного психолога [Текст] / Р.В. Овчарова. Изд. 2-е, дораб. М.: Просвещение, Учебная литература, 1996. С. 276.
9. Пряжников Н. Личная профессиональная перспектива [Текст] / Н. Пряжников // Школьный психолог. — 2000. — № 16. — С. 17.
10. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста [Текст] / Ф. Райс. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. С. 225.
11. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании: учебное пособие [Текст]/ Е.И. Рогов. М.: ВЛАДОС, 1995. С. 529.
12. Степанов Е.Н. Концепция воспитательной системы школы как социокультурного центра на селе [Текст] / Е.Н. Степанов // Классный руководитель. — 2005. — № 4. — С. 8–15.
13. Якобсон П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности [Текст] / П. М. Якобсон // Психологический журнал. — 1981. — № 4. — С. 142–147.

*А. А. КАЛЕКИН, профессор, кандидат технических наук,
заслуженный работник высшей школы РФ,
заведующий кафедрой технологии и предпринимательства
Орловского государственного университета*

К ВОПРОСУ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕХНОЛОГИЯ» В ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Образовательная область «Технология» является необходимой компонентой общего образования школьников, предоставляя им возможность применить на практике и творчески использовать знания основ наук в области современного материального производства. Излагаются цели, задачи, содержание и структура этой области при блочно-модульном принципе построения законченных элементов – блоков, соответствующих возрастным особенностям развития школьников.

Ключевые слова: технология, технологическая грамотность, образовательная область, цели, задачи, содержание, структура.

Технологическая революция и образовательная область «Технология» в школе. Технологическая революция XXI века связана с интенсивным развитием и использованием нанотехнологий и других перспективных технологий, требует формирования в нашей стране научно-технологического потенциала, адекватного современным вызовам мирового технологического развития.

Фундамент интеллектуального потенциала нации формируется в школе. В обществе сложилось мнение, что школа из-за теоретической направленности учебно-воспитательного процесса недостаточно готовит детей к трудовой жизни. Большинство выпускников, освоив установленный программами курс основных наук, слабо адаптируются в технологическом пространстве, не могут реализовать себя как самостоятельная личность ни в производстве, ни в учебных заведениях, ни в быту и окружающей среде. Поэтому перед современной школой встала задача усовершенствования системы образования за счет ее технологизации и введения профильного обучения школьников.

В 1993 году в инвариантную часть базисного учебного плана с 1 по 11 классы общеобразовательных учебных заведений России включена новая образовательная область «Технология». Ее главной целью является подготовка школьников к самостоятельной трудовой деятельности, развитие и воспитание широко образованной, творческой, культурной, инициативной и предприимчивой личности.

К числу важнейших задач развития профильного обучения в школе относится совершенствование концепции образовательной области «Технология».

Совершенствование такой концепции должно опираться на методологические подходы, учитывающие опыт философии, среди которых выделим *онтологический, исторический и социальный* [2].

Согласно первому подходу человек по мере своего развития движется к раскрытию всех качеств, заложенных в него природой. Важно создать условия для развертывания его родовой человеческой сущности. Становление духовности, гармонии, красоты в мире и его явлениях есть всеобщий закон бытия, охватывающий и процесс

становления цивилизации. Необходимо приобщать человека к национальным народным ценностям посредством образования.

С позиций *историзма* образование есть новый этап формирования человека на каждом историческом отрезке, когда происходит приращение качеств, что, условно говоря, приводит к появлению новых свойств и характеристик.

С точки зрения *социального подхода* необходимо учитывать особенности среды, в которой мы проживаем. Школьнику надо помочь разобраться в положительных и отрицательных сторонах современной жизни.

От уровня технологического состояния страны сегодня зависят не только ее экономическое благополучие и образ жизни населения, но и положение в мировом сообществе, возможности экономической и политической интеграции с другими странами. Использование современных технологий определяется не столько развитием материальной базы промышленности, сколько духовно-нравственным состоянием общества, готовностью молодого поколения производить, усваивать и практически использовать новые знания, приборы, материалы и новые технологии.

В каждую эпоху образование видоизменялось, стремясь соответствовать объективным требованиям времени, формировать человека того уровня, которого он достиг к данному историческому периоду.

В поисках объективности оснований образовательной области «Технология» необходимо выделить два направления развития современной культуры: *природно-духовное* и *знаково-техническое*. Большинство философов на стороне последнего, что совсем не свидетельствует о его истинности, а скорее наоборот – массовость чаще говорит об инерции. Представители первого направления – мыслители XX в. П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Р. Гвардини, Х. Ортега-и-Гассет, А. Печчи, Э. Фромм, В. Франкл, К. Юнг – исходят из природной сущности человека, который мыслится не как случайно возникший феномен, а стал им как субъект бытия. В человеке они ценят духовно-творческое начало, способное преобразовать действительность. По их мнению, он должен быть наделен любовью, красотой и гармонией. Представители другого направления (знаково-технического) рассматривают мир с позиций позитивизма: явление берется как данность, без его связей со всеобщим. Такой подход широко распространился в XX в., особенно в англо-американских странах. Его сторонники отмечают необычайное развитие техники и технической куль-

туры, видят их подавляющую роль в жизни людей. Не пытаясь проанализировать, что это значит для человечества, они считают технику ведущим фактором жизнеобеспечения человечества. Поэтому культура, порожденная техникой, становится знаковой, утратившей непосредственную связь с природой, реальностью.

Многие полагают, что учебное заведение должно готовить человека к жизни, под которой сегодня подразумевается адаптация молодежи к рыночным отношениям и овладение современными технологиями. По мнению «технократов», естественнонаучные дисциплины и сама техника, в том числе компьютерная, должны заполнить большую часть образовательного пространства. Те же предметы, которые еще связаны непосредственно с природой человека, прежде всего гуманитарные, должны быть построены технократично, т.е. рационально, схематично, как это якобы принято в науке. Торжествует принцип пользы, либерализма и расчета. По мере усиления опасности технократического манипулирования людьми культура как механизм поддержания социальности устаревает и становится ненужной. Богатство, успех, здоровье – вот единственные ценности жизни в условиях техногенной цивилизации.

Школа – это социальный институт, призванный помочь школьнику стать человеком во всей полноте природно-космического явления. Без этого не может состояться ни полноценный гражданин общества, ни творческий специалист. Вот почему педагогика уже давно выдвинула принципы целостности и гуманизации образования. Центром школьного образования должны стать области знаний, наиболее целостно развивающие учащегося, его мышление, интуицию, воображение, пластику психики, духовность в целом, к тому же не рядоположенно, а вокруг жизненных смыслов. Это забота преподавателей литературы, музыки, декоративно-прикладного искусства. Затем идут дисциплины, развивающие отдельные стороны индивида: история, география, обществоведение, далее – математика, физика, общая биология, способствующие умственному воспитанию, обогащающие воображение, а также физическая культура, направленная на укрепление здоровья. Большое значение для практической жизни имеют прикладные учебные дисциплины: биология, химия, психология, право, азы экономики, этикет и др.

Каково положение в этом ряду образовательной области «Технология»? Чрезвычайно важное. Она может стать вершиной образовательного процесса, если правильно понимать сущность

образования и технологической дисциплины. Она венчает образование не только в том смысле, что аккумулирует знания всех школьных дисциплин, но и теоретическое знание превращает в деятельность, в конкретное действие, которые воплощаются в созданных предметах окружающего мира.

Исходя из онтологического подхода, можно выделить такие задачи образовательной области «Технология»: развивать ребенка как целостную личность, помогать ему сформироваться как современному человеку, способствовать органичному вхождению в современный социум. На уроках технологии ребенок создает вещь, а не компьютерный образ и не математическую модель или иную теоретическую абстракцию. Здесь возможно творческое воспроизведение изделия декоративно-прикладного искусства, свидетельствующего о духовном возвышении его создателя.

Актуальность технологического образования школьников. Как показывает мировой опыт общего образования молодежи, образовательная область «Технология» является необходимой компонентой общего образования школьников, предоставляя им возможность применить на практике и творчески использовать знания основ наук в области проектирования, конструирования и изготовления изделий. Тем самым обеспечивается преемственность перехода учащихся от общего к профессиональному образованию, непрерывному самообразованию и трудовой деятельности.

Во многих развитых странах «Технология» является одним из основных предметов обучения от детского сада до окончания старшей школы.

В системе общего образования образовательная область «Технология» предназначена для того, чтобы:

- формировать у учащихся внутреннюю потребность и уважительное отношение к труду;
- заложить основы для успешной созидательной и преобразовательной деятельности;
- формировать технологическую, трудовую, этическую, эстетическую, экологическую, предпринимательскую, графическую и информационную культуры учащихся;
- ознакомить учащихся с различными видами профессиональной деятельности и способствовать их профессиональному самоопределению;
- выявить и развить творческие способности школьников в созидательной и преобразующей деятельности, формировать и расширять их познавательные интересы, сознательность и гибкость;

- способствовать самореализации, самоутверждению и социализации школьников в коллективе сверстников в период обучения.

Выполняя свое предназначение, образовательная область «Технология» вносит существенный вклад в становление целостной личности школьника, гармонично сочетающей в себе его потребности в физическом и умственном труде, постоянном самообразовании и самосовершенствовании.

Сформированные у школьников при изучении образовательной области «Технология» знания, умения и навыки создают культурные и духовные предпосылки для сохранения и развития национальных культур народов России, социально-экономического развития страны.

Цели и задачи образовательной области «Технология». Образовательная область «Технология» играет системообразующую роль в формировании нравственно-трудовых качеств личности школьника. Основанная на практическом изучении распространенных технологий, знакомстве с перспективными технологиями XXI века и компьютерной поддержке технологической деятельности, она является основой социально-трудового становления личности учащегося в системе общего образования.

Педагогическая роль и предназначение технологической подготовки в системе общего образования определяют цели и задачи образовательной области «Технология».

Основными *целями* образовательной области «Технология» являются:

1) наиболее полное развитие способностей учащихся к созидательной и преобразовательной деятельности на основе их природных задатков, подготовка к решению практических задач, с которыми они могут встретиться в реальной жизни в быстро меняющемся технологическом мире;

2) формирование у школьников технологических знаний и умений осваивать разнообразные способы и средства анализа и творческого решения возникающих практических проблем, преобразования материалов, энергии, информации, учитывать возможные социальные, экономические и экологические последствия технологической деятельности, определять свои жизненные и профессиональные планы.

В процессе технологической подготовки учащихся с I по XI класс с учетом потребностей школьников, возрастных особенностей и перспектив их развития, сориентированных на потребности общества, должны решаться следующие *задачи* воспитания и обучения:

1) освоение технологических знаний и технологической культуры, овладение общетрудовыми и специальными умениями, необходимыми для поиска и использования технологической информации, проектирования и создания объектов труда, их оценки и реализации на рынке товаров и услуг, ведения домашнего хозяйства, определения своих жизненных и профессиональных планов и путей их воплощения, в первую очередь в отношении специальностей сферы современного материального производства;

2) овладение знаниями о научной организации труда, общих основах различных технологий, методах творческой деятельности и принципах дизайна, путях снижения негативных последствий производственной и бытовой деятельности на окружающую среду и здоровье человека;

3) формирование представления о технологии как части мировой культуры, как науки о преобразовании материалов, энергии и информации по плану и в интересах человека, расширение политехнического кругозора;

4) формирование у учащихся качеств творчески думающей, активно действующей и легко адаптирующейся в новых условиях личности, развитие познавательных интересов, технического мышления, пространственного воображения, интеллектуальных, коммуникативных и организаторских способностей, гибкости;

5) воспитание трудолюбия, самостоятельности, предприимчивости, честности, сознательности, ответственности за результаты своей деятельности, порядочности, коллективизма, уважения к людям, культуры поведения и бесконфликтного общения, становление активной гуманистической природосообразной жизненной позиции;

6) закрепление в практической деятельности знаний, полученных при изучении основ наук, развитие навыков проектной, конструкторской и художественно-прикладной деятельности в сочетании с формированием готовности к исполнительской деятельности;

7) воспитание патриотизма на основе изучения передовых отечественных и мировых достижений в области техники, технологии, художественно-прикладной деятельности.

Содержание образовательной области «Технология». Исходя из необходимости учета потребностей личности школьника, его семьи и общества, достижений педагогической науки, отбор и построение содержания образовательной области «Технология» строится на следующих положениях:

а) распространенность изучаемых технологий в сфере производства, сервиса и домашнего хо-

зяйства и наличие в них современных научно-технических достижений;

б) политехническая и практическая направленность обучения, наглядность представления методов и средств осуществления технологических процессов;

в) четкая конкретизация объектов созидательной и преобразовательной деятельности на основе изучения общественных, групповых или индивидуальных потребностей;

г) возможность познавательного, интеллектуального, творческого, духовно-нравственного, эстетического и физического развития учащихся;

д) профориентационная, предпринимательская и экологическая направленность.

Содержание обучения в образовательной области «Технология» включает в себя следующие составляющие:

- общие принципы технологической деятельности, технологические процессы производства изделий с использованием конструкционных и текстильных материалов, пищевых продуктов;
- технологические процессы художественно-прикладной обработки материалов;
- технологические процессы производства, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции;
- технологии преобразования и использования энергии;
- технологии получения, преобразования и использования информации, перспективные технологии XXI века, дизайн в технологической деятельности, элементы прикладных экономических знаний и предпринимательской деятельности;
- сведения о мире профессий, поведении на рынке труда;
- методы творческой деятельности;
- формы, методы и средства организации культурного быта и содержательного досуга;
- экономические и экологические характеристики технологических процессов, история развития техники и технологий.

Обучение школьников в образовательной области «Технология» строится на основе конкретных технологических процессов. Независимо от технологической направленности обучения содержанием предусматривается изучение следующих сквозных образовательных линий:

- культура и эстетика труда;
- получение, обработка, хранение и использование информации (информационная культура);

- основы черчения, графики (графическая культура);
- основы дизайна (культура дизайна);
- элементы прикладной экономики и предпринимательства (предпринимательская культура, культура дома, потребительская культура);
- знакомство с миром профессий, выбор жизненных, профессиональных планов с учетом склонностей и интересов учащихся;
- влияние технологических процессов на окружающую среду и здоровье человека (экологическая культура);
- творческая, проектная деятельность (проектная культура);
- история и социальные последствия развития технологии и техники;
- культура поведения и бесконфликтного общения (культура человеческих отношений, этическое воспитание).

Структура образовательной области «Технология». В основе структуры содержания образовательной области «Технология» лежит блочно-модульный принцип построения материала. Все содержание составляется из логически законченных элементов – блоков, соответствующих возрастным особенностям развития школьников.

Блочно-модульное построение призвано обеспечивать тесную смысловую взаимосвязь и преемственность содержания на всех этапах технологической подготовки учащихся. При этом модули интегрируют в себе сквозные образовательные линии.

Структура обучения «Технологии» в 11-летней школе включает три блока:

- первый блок охватывает период младшего школьного возраста (1–4-й классы);
- второй – период подросткового возраста (5–9-й классы);
- третий – период ранней юности (10–11-й классы).

На этапе начального общего образования реализуются цели:

- расширение политехнического кругозора учащихся, их знакомство с простейшими технологиями преобразования материалов, энергии, информации;
- планирование работы, конструирование изделий, оценка результатов деятельности;
- выполнение отдельных этапов проектной деятельности;
- воспитание трудолюбия, уважительного отношения к людям и бережного отношения к природе.

В соответствии с этим решаются задачи:

- освоение доступных технологий ручной обработки природных и искусственных материалов, выращивание комнатных и огородных растений;
- выполнение эскизов объектов труда;
- освоение доступных информационных технологий;
- знакомство с распространенными профессиями людей из ближайшего окружения школьников.

С учетом периодизации общего образования изучение «Технологии» в начальной школе позволяет учащимся:

- 1) получить начальные представления о широко распространенных технологиях преобразования материалов, энергии, информации, отдельных видах декоративно-прикладного творчества, их художественных особенностях и традициях;
- 2) освоить элементарные трудовые приемы, развить творческие способности в процессе разнообразных видов трудовой деятельности с доступными для обработки материалами;
- 3) сформировать устойчивые навыки самообслуживания, самостоятельность и ответственное отношение к результатам труда;
- 4) освоить использование безопасных приемов труда;
- 5) получить начальные представления о влиянии технологической деятельности человека на окружающую среду и здоровье людей.

В первом блоке (1–4-й классы) в виде отдельных модулей изучаются преимущественно технологии ручной обработки природных и искусственных материалов, простейшие электротехнические устройства, доступные информационные технологии, выполняются простые проекты, которые технологически безопасны для учащихся данного возраста, не требуют значительных физических усилий и в то же время способствуют интеллектуальному, эстетическому и познавательно-трудовому развитию учащихся, развитию самостоятельности, обеспечивая подготовку к более сложной проектной деятельности в следующих классах. Младшие школьники учатся читать и выполнять простые эскизы объектов труда, строить несложные механические и электрические модели из конструкторов. Они знакомятся с доступными технологиями выращивания комнатных и огородных растений.

В процессе технологической деятельности учащихся совершенствуются манипулятивные функции рук и пальцев, что способствует более интенсивному развитию умственных способностей

школьников. Большое внимание уделяется воспитанию добросовестного отношения к труду, изучению его роли в жизни человека и общества, творческому развитию учащихся.

В первый блок включается также материал о распространенных профессиях людей из ближайшего окружения школьников.

На этапе основного общего образования (5–9-й классы) цели можно определить следующим образом:

- знакомство с общими принципами технологической и проектной деятельности, с наиболее распространенными и перспективными технологиями преобразования материалов, энергии, информации в сферах производства, сервиса, домашнего хозяйства;
- практическое использование основ предпринимательской деятельности;
- выполнение проектов;
- профессиональное самоопределение учащихся;
- формирование добросовестного отношения к труду, бережного отношения к окружающей среде и своему здоровью.

Соответственно при этом решаются следующие задачи:

- освоение общих принципов технологической и проектной деятельности, некоторых из технологий обработки материалов (в соответствии с выбранным направлением обучения), энергии и информации;
- приобретение графических умений и графической культуры;
- освоение культуры труда;
- знакомство с принципами дизайна;
- профессиональное самоопределение на выбор будущей профессии.

В основной школе учащиеся углубляют полученные в начальной школе технологические знания, совершенствуют сформированные умения и приобретают новые, относящиеся к более сложным технологиям созидательной деятельности людей.

Изучение образовательной области «Технология» в основной школе позволяет учащимся:

1) приобрести знания и умения по общим способам практико-преобразующей и проектной деятельности, технологические знания и умения по распространенным методам и средствам преобразования материалов, энергии, информации, принципам конструирования изделий, влиянию технологической деятельности человека на окружающую среду и здоровье человека;

2) сформировать заинтересованное и ответственное отношение к процессу и результатам тру-

да, способности к творчеству в созидательной деятельности при изучении и освоении современных технологий и различных народных ремесел;

3) получить представления о способах и средствах профессионального самоопределения и формирования реалистичных социально-профессиональных планов применительно к различным сферам профессионального труда на основе участия в познавательно-трудовой деятельности;

4) овладеть методами и средствами получения, преобразования и использования информации. Научиться использовать графический язык, элементы дизайна и современные информационные технологии для проектирования и создания объектов труда;

5) приобрести навыки коммуникативной и управленческой деятельности в процессе коллективной работы над творческими проектами;

6) сформировать представления о предпринимательской деятельности по производству и реализации созданных учащимися изделий и услуг, овладеть умениями рационального поведения в условиях рыночной экономики, оптимального ведения домашнего хозяйства.

Содержание второго блока (5–9-й классы) базируется на наиболее распространенных технологических процессах в сферах производства, сервиса, домашнего хозяйства и развивающего досуга:

- это ресурсосберегающие технологии обработки конструкционных материалов, конструирования, сборки и управления техническими устройствами;
- технологии обработки текстильных материалов, конструирования и изготовления швейных изделий;
- технологии обработки пищевых продуктов и приготовления блюд;
- методы и средства художественно-прикладной обработки материалов;
- технологии выращивания растений, животных и птиц; технологии первичной переработки и хранения сельскохозяйственной продукции;
- технологии общестроительных и санитарно-технических работ;
- технологии электромонтажных работ, использования электрической энергии, знания по формированию и исполнению домашнего бюджета, рациональному расходованию средств с учетом современных социально-экономических условий.

Школьники получают знания и умения по информационным технологиям, черчению и графике применительно к изучаемым технологиям,

сведения по прикладной экономике и предпринимательству, экологии, систематизированный материал о мире профессий, выполняют творческие проекты. Учитывая наличие в базисном учебном плане образовательной области «Информатика», где изучаются процессы преобразования, передачи и использования информации, информационные технологии в образовательной области «Технология» изучаются в прикладном плане.

Отмечая важную роль любой формы информации в преобразующей деятельности человека, особое внимание должно быть уделено использованию ПЭВМ как мощного инструментального средства поддержки любых видов технологической деятельности человека при обработке конструкционных материалов, тканей, энергии и т.д. Целесообразно проводить с помощью ПЭВМ профориентационное тестирование учащихся, деловые игры по экономике и предпринимательству, моделировать экологические ситуации, осуществлять проектную деятельность.

Технологии второго блока группируются по трем направлениям:

- 1) техническое (технический труд);
- 2) сервисное, включая домашнее хозяйство (обслуживающий труд);
- 3) сельскохозяйственное (сельскохозяйственный труд).

Учащимся в соответствии с их интересами и склонностями предоставляется выбор возможных направлений изучаемых технологий.

На этапе среднего (полного) общего образования целями образовательной области «Технология» являются:

- формирование технологической культуры учащихся;
- знакомство с технологиями выбранного профиля;
- выполнение комплексных проектов.

В соответствии с этим решаются задачи:

- завершение освоения технологической культуры;
- освоение некоторых технологий выбранного профиля;
- уточнение профессиональных планов учащихся.

В старшем звене общеобразовательной школы технологическая подготовка осуществляется в соответствии с профильными направлениями работы общеобразовательного учреждения и характером познавательных интересов учащихся.

Изучение образовательной области «Технология» в старшей школе позволяет учащимся:

1) скорректировать профессиональные планы и сделать адекватный выбор социально-деловой карьеры с учетом конъюнктуры рынка труда и собственных профессиональных возможностей, получить представление о порядке трудоустройства на предприятиях различных типов собственности;

2) овладеть некоторыми технологиями созидательной или преобразовательной деятельности, соответствующими выбранному профилю обучения, и при желании получить начальную профессиональную подготовку, усовершенствовать владение элементами предпринимательства и потребительской культуры.

Изучение образовательной области «Технология» в профильной школе позволяет учащимся дополнительно:

1) получить технологические знания, умения и навыки, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности;

2) систематизировать знания об универсальных принципах технологической, творческой и проектной деятельности;

3) установить связи между достижениями в области естественных и социальных наук и тенденциями развития современных технологий.

Содержание третьего блока (10–11-й классы) расширяет и углубляет технологическую подготовку учащихся, завершает формирование технологической культуры, обеспечивает возможность коллективного выполнения проектов и способствует обоснованному выбору будущего направления профессионального образования.

Последний этап технологической подготовки в общеобразовательных учреждениях в соответствии с действующим законодательством и по желанию учащихся за счет регионального и школьного компонентов Базисного учебного плана предоставляет им возможность получить начальную профессиональную подготовку и тем самым обеспечить их социальную защищенность на рынке труда.

В результате освоения образовательной области «Технология» учащиеся овладевают следующими инвариантными умениями:

- обосновывать цель деятельности с учетом выявленных общественных, групповых или индивидуальных потребностей;
- сознательно и творчески выбирать оптимальные способы преобразовательной деятельности из многих альтернативных подходов с учетом их последствий для природы, общества и самого человека;
- находить, обрабатывать и использовать необходимую информацию, читать и выпол-

- нять несложную проектную, конструкторскую и технологическую документацию;
- проектировать предмет труда в соответствии с предполагаемыми функциональными свойствами, общими требованиями дизайнера и художественного оформления, планировать свою практическую деятельность с учетом реальных условий осуществления технологического процесса;
 - создавать и оценивать объекты труда (материальные, интеллектуальные объекты или услуги), обладающие эстетическими качествами и потребительской стоимостью;
 - применять рациональные и безопасные приемы работ при использовании инструментов и оборудования;
 - самостоятельно овладевать общими способами проектно-преобразовательной деятельности, политехническими и специальными знаниями и умениями выполнения операций, пользования средствами труда, которые необходимы для осуществления технологического процесса;
 - оценивать возможную экономическую эффективность различных способов оказания услуг или создания конструкций материальных объектов труда и технологий их изготовления;
 - давать экологическую оценку технологическому процессу и результату практической деятельности;
 - выдвигать и оценивать предпринимательские идеи;
 - ориентироваться в мире профессий, оценивать свои профессиональные интересы и склонности к изучаемым видам профессиональной деятельности, составлять жизненные и профессиональные планы;
 - выполнять работу самостоятельно, а также на основе делового общения и сотрудничества в коллективе.

Важную роль в технологическом образовании школьников играет ручной труд по обработке материалов. Он способствует физическому и умственному развитию детей, формирует их материалистическое мировоззрение.

Успешность реализации в школе образовательной области «Технология» во многом зависит от профессиональной подготовки учителя технологии.

В основу нового направления модернизации российского общего образования положено не только развитие потенциала каждого школьника, но и постоянное саморазвитие учителя.

Сегодня востребован не учитель-предметник, а учитель-исследователь, учитель-технолог, который активно занимается научно-методической, опытно-экспериментальной, инновационной работой, учится искать свое «профессиональное лицо» через призму преподаваемой дисциплины.

На первый план выходит личностный потенциал педагога, его установки и направленность его личности, готовность к проектированию своего профессионального развития.

Учитель профильного обучения должен иметь хорошую методическую подготовку, владеть различными методами организации познавательной деятельности учащихся на уроке, проводить вместе с ними поисково-исследовательскую работу, укрепляющую их интерес к учебному предмету.

Учитель в профильных классах – это организатор учебной, поисковой работы, наставник и консультант. Все это требует особых, а в некоторых случаях принципиально новых подходов к организации кадрового обеспечения профильного обучения.

Проблема совершенствования профессиональной подготовки учителя технологии имеет определенную специфику, особенно при работе в профильных школах. Эта специфика predetermined тем, что в пределах одного класса учитель должен быть готов к профориентации школьников по различным профессиям.

Чтобы готовить школьников к выбору будущих профессий, учитель технологии должен сам быть профессионально подготовленным, особенно в сфере материального производства. Отсюда существенно возрастают требования к подготовке будущих учителей технологии. Учителю технологии предстоит в рамках одного и того же технологического профиля осуществлять подготовку старшеклассников по самым различным направлениям. Соответственно требуется пересмотр содержания предметной подготовки будущих учителей технологии.

Представляется очевидным, что обучить учащихся различным видам технологической деятельности сможет лишь учитель, сам владеющий такими. Соответственно при подготовке будущих учителей технологии в вузе необходимо предусмотреть изучение ими различных видов технологической деятельности. Однако практически осуществить подготовку будущих учителей технологии одновременно по нескольким рабочим профессиям, на наш взгляд, невозможно. С одной стороны, подготовка будущих учителей технологии ограничена определенными временными рамками, а с другой – слишком широк и разнообразен

круг формируемых технологических знаний и умений. Поэтому встает вопрос о качестве образованности учителя технологии, его профессиональной компетентности, которая позволила бы ему осуществлять свою деятельность наиболее эффективным образом.

Исходя из вышесказанного, для подготовки учителей технологии профильных школ, реализующих свои знания в школе по профессиональному самоопределению школьников в сфере материального производства, необходима особая педагогика, взаимодействующая с техническими науками. Такая педагогика имеется для технических вузов, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов с высшим техническим образованием, и она называется инженерной педагогикой [3].

Учитель технологии не готовит из школьников технических специалистов, его главная задача – дать школьнику профессиональное самоопреде-

ление для выбора будущей профессии. Отсюда для подготовки учителя технологии нужна не инженерная педагогика, а какая-то другая, использующаяся, по-видимому, базу инженерной педагогике, но выполняющая другую, то есть школьную, задачу. Такую педагогику мы условно называем общеинженерной.

Отсюда исследования по совершенствованию образовательной области «Технология» (ее целей, задач, содержания и структуры) и формированию в вузе на базе общеинженерной педагогике профессионально компетентных будущих учителей технологии для успешной работы в профильных школах, способствующих своими действиями профессиональной ориентации учащихся на продолжение обучения в начальных, средних и высших профессиональных учебных заведениях и на трудовую деятельность в сфере современного материального производства, являются актуальными и перспективными в педагогической науке.

Библиографический список

1. Атутов П. Р. Концепция формирования технологической культуры молодежи в образовательной области школы [Текст] / П. Р. Атутов, О. А. Кожина, В. П. Овечкин, В. Д. Симоненко, Ю. Л. Хотунцев // Школа и производство. 1999. № 1, 5 – 12.
2. Огородников Ю. А. Образовательная область «Технология»: от философии к практике [Текст] / Ю. А. Огородников, О. А. Кожина // Педагогика. 2001. № 8.
3. Основы инженерной педагогике / А. А. Кирсонов, В. М. Жураковский, В. М. Приходько, И. В. Федоров. М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007.

A. A. Kalekin

To The question of the concept of edikation area «technology» at vokational school

Annotation. The educational area «Technology» is a necessary component of the general education of schoolboys? giving to them an opportunity to put into practice and creatively to use knowledge of bases of sciences in the field of modern production of goods. The goods, tasks, contents and structure of this area are set forth with a block-modular principle of construction of finishes elements-blocks, which correspond to age features of schoolboys' development.

*Е.С. ПЕЛЕПЕЙЧЕНКО, методист областного
института усовершенствования учителей*

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРЕДМЕТАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ИСКУССТВО» («МУЗЫКА», «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО», «МИРОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА», «ИСКУССТВО»)

Ключевые слова: «проблемное поле» урока, социум, проект, исследование, метод.

Говоря о проектной деятельности, необходимо вспомнить, что вся поисковая, исследовательская и, конечно, проектная деятельность возможна только на основе внутренней мотивации к обучению. Сам процесс обучения направлен на получение глубоких, прочных и объемных знаний. Приятные эмоции, связанные с удовлетворением от работы, ощущение собственной компетентности, чувство самоуважения от получения индивидуального результата сопутствуют ученику при работе с проектами. По опыту своей деятельности хочу сказать, что присутствуют и внешние мотивы, но внутренние являются доминирующими.

Предметы образовательной области «Искусство» имеют нравственно-эстетическую направленность, целостность, художественно-педагогическую идею, интонационно-образную и жанровую сущность познания. В них присутствуют тесные межпредметные связи, взаимодействуют различные виды искусств. Уроки строятся на основе принципа эмоциональной драматургии. Главным условием уроков искусства является личностно ориентированный подход к художественному развитию учащихся. И, конечно, «проблемное поле» урока. «Проблемное поле» — это не только поиск выходов из нестандартных педагогических ситуаций, это педагогическая импровизация на уроках и во внеурочное время.

Такая специфичность предметов художественно-эстетического цикла открывает новые возможности в использовании технологий проектной деятельности как на уроке, так и во внеурочное время. В настоящее время очень актуальны уроки-проекты, уроки-исследования. Ведь они способствуют не только интенсификации учебного процесса, но и формируют культуру умственного труда учащихся, готовя их к созданию самостоятельных проектов.

Какова же модель этих уроков?

Урок-исследование.

1. Постановка проблемы.
2. Прояснение неясных вопросов.
3. Формулирование гипотезы исследования.
4. Планирование учебных действий.
5. Сбор данных.
6. Анализ и синтез их.
7. Подготовка сообщений.
8. Выступление с сообщениями.
9. Ответы на вопросы, корректировка.
10. Обобщение, выводы.
11. Самооценка.

Метод исследования больше подходит предметам естественного цикла, поэтому на уроках образовательной области «Искусство» используется в исключительных случаях. Исследовать — значит находить пути и варианты, которые не только решают наши вопросы, но, возможно, откроют тайну завесы в определенной области. Вероятно, мы не откроем жизненно значимых законов. Но очень хочется вместе с ребятами прикоснуться и к этому новому способу познания мира, который сыграет важную роль в становлении личности человека, развитии творческих способностей, логического мышления, эстетического восприятия. Это означает, что исследование в сфере образования должно быть учебным. Его главной целью является развитие личности, а не получение нового результата, как в «большой науке».

Урок-проект (модель урока)

Придерживаясь системы построения урока-проекта, их можно проводить не только в старших классах, но и в начальной школе.

1. Сбор информации.
2. Обсуждение данных, систематизация.
3. Выдвижение гипотезы.
4. Изготовление моделей, сценариев, макетов, схем, иллюстраций.
5. Выбор способа представления результатов.
6. Распределение ролей для защиты.
7. Защита (презентация).
8. Коллективное обсуждение защиты, оценка.

Для того чтобы создать условия для самостоятельной творческой проектной деятельности обучающихся в области предмета «Искусство», необходимо проводить подготовительную работу. Учащийся должен иметь знания, умения, навыки в содержательной области проекта или исследования. Ему понадобятся до определенной степени сформированные навыки и умения для самостоятельной работы. Каждый проект или исследование должны быть обеспечены не только материально-техническим и учебно-предметным оснащением, но и информационно-технологическими ресурсами.

Типология проектов в настоящее время существует самая разная, например:

Исследовательские проекты.

Здесь необходимо хорошо продумать структуру, цели, которые актуальны для всех участников. Продумать опытные и экспериментальные работы, метод обработки результатов.

Творческие проекты.

Эти проекты не имеют детально проработанной структуры, они развиваются по ходу работы, планируется только конечный результат.

Игровые проекты.

Структура только намечается и остается открытой до окончания проекта. Участники принимают на себя определенные роли, обусловленные содержанием проекта. Это могут быть литературные персонажи или выдуманные герои, имитирующие социальные и деловые отношения.

Информационные проекты.

Направлены на сбор информации о каком-либо объекте. Их структура: цель, методы получения и обработки информации, результат, презентация.

Практико-ориентированные проекты.

Здесь четко обозначен результат, тщательно продумана структура, четко определены функции каждого участника, координируются этапы работы, затем презентация и оценка работы.

Таким образом, включение учителя в проектную деятельность по своему предмету дает возможность решить многие вопросы, которые ставит перед нами современное образование.

В проектной деятельности возрастает самостоятельность учащихся в выборе форм и видов работы. Зная способности и интересы ребят, педагог не должен прибегать к авторитарному стилю работы и диктовать им условия. Кроме того, коллективная деятельность такого рода дает ребенку возможность почувствовать свою значимость в коллективе и в то же время научиться ценить вклад других людей в общее дело. Таким образом, метод проектной деятельности имеет не только образовательное, но и социальное значение. Обучение на основе проектов — средство повышения качества образования по предметам художественно-эстетического цикла.

Типы проектов нужно выбирать согласно учебному предмету и ситуации, в которую поставлены ученик и учитель. Уроки гуманитарного цикла, как правило, останавливаются на творческом, игровом, информационном типе проекта.

Темы и проблемы проектных и исследовательских работ школьники подбирают в соответствии с личностными предпочтениями, которые находятся в области их самоопределения.

У подростков в соответствии с возрастной спецификой на передний план выходят цели освоения коммуникативных навыков. Поэтому проектную и исследовательскую деятельность це-

лесообразно организовать в групповых формах. При этом не следует лишать ученика возможности выбора индивидуальной формы работы.

Темы работ выбираются из любой содержательной области «Искусство». Проблемы — близкие и волнующие подростков в личном плане, социальных, коллективных и личных взаимоотношениях. Получаемый результат должен быть социально и практически значимым. Презентацию результатов проектирования или исследования целесообразно проводить на школьных конференциях, ярмарках идей, городских конкурсах. При этом учитель должен иметь в виду реальные сроки проведения таких мероприятий и соответствующим образом планировать завершение работ обучающихся, дать тем самым шанс ученику публично заявить о себе и своей работе,

получить подкрепление в развитии личностных качеств и проектной и исследовательской деятельности.

Достоинства проектной деятельности — в углубленности и многосторонности изучения отдельных тем.

Обучение на основе проектов — средство повышения качества образования. Можно сделать вывод: проектная исследовательская деятельность своевременна, необходима, обязательна, интересна и актуальна.

Анализ и самоанализ урочной и внеурочной деятельности, корректировка форм, технологий, определение результативности своей работы — все это позволяет современным педагогам идти в ногу со временем. Труд учителя должен удовлетворять потребности социума.

Библиографический список

1. Азаров Ю. П. Искусство воспитывать. М.: Просвещение, 1979.
2. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.
3. Боголюбов Л. С. Формирование творческих способностей учащихся средней школы средствами изобразительного искусства. Дис. ... канд. пед. наук. М., 1993.
4. Бореев Ю. Б. Эстетика. М., 1988.
5. Воробей Ю. Д. Диалектика художественного творчества. М., 1984.
6. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991.
7. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. СПб.: Союз, 1997.
8. Инновации в школе: характер и результаты // Народное образование. 1993. № 6. С. 16–27.

Pelepeichenko Elena Sergeevna

Project Activity and Subjects of Educational Area “The Arts” (“Music”, “Painting”, “World Art”, “The Arts”)

This article focuses on the urgency of project activity in studying “Music”, “Painting”, “World Art” and “The Arts”. The author suggests methods and ways typical for teaching these subjects and examines the problem from the points of view of psychology, methodology and pedagogy.

Т.К. АВДЕЕВА, доктор педагогических наук,
профессор кафедры геометрии и методики
преподавания математики
Орловского государственного университета

И.Ф. АВДЕЕВ, кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры математического
и информационного анализа экономических процессов
Орловского государственного университета

ЗАКОН БОЛЬШИХ ЧИСЕЛ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается применение закона больших чисел в решении проблем общеобразовательной школы, предложенного К.Д. Краевичем в 1890 году.

Ключевые слова: закон больших чисел, проблема, образование, общеобразовательная школа.

Трудно представить себе систему школьного образования без проблем. Конечно, жизнь вносит разнообразие, подчеркивая значимость одних и отодвигая в тень другие. Однако проблема содержания образования была актуальна во все времена, особенно сейчас, в начале XXI века, века информатизации и высоких технологий.

В данной статье мы хотим обратиться к истории и рассказать в связи с обозначенной выше проблемой о нашем земляке-орловце Константине Дмитриевиче Краевиче (1833–1892), ученом, педагоге, человеке разносторонних интересов и глубоких знаний в физике, математике, астрономии, химии и, конечно, педагогике.

Во второй половине XIX века Константин Дмитриевич был лучшим учителем физики Санкт-Петербурга, вероятно, поэтому в 1889 году он был включен в комиссию по подготовке новой программы для гимназий. Как истинный ученый-экспериментатор, Константин Дмитриевич, наблюдая за работой этой комиссии, предложил «методу» научного решения вопроса о составлении программы для гимназий и распределения времени на изучение школьных предметов. Основание этой «методы» — теорема из теории вероятностей, которая получила название «закон больших чисел».

Говоря словами математика, «закон больших чисел» — это общий принцип, в силу которого совместное действие случайных факторов приводит при некоторых весьма общих условиях к результату, почти не зависящему от случая. Сближение частоты наступления случайного события с его вероятностью при возрастании числа испытаний может служить первым примером действия этого принципа [2. С. 523].

Математическое выражение этого принципа было дано Я. Бернулли на рубеже XVII–XVIII веков: в последовательности независимых испытаний, в каждом из которых вероятность наступления некоторого события A имеет одно и то же значение p , $0 < p < 1$, верно соотношение

$$\left(\frac{\mu_n}{n} - p > \varepsilon \right) \rightarrow 0$$

при любом $\varepsilon > 0$ и $n \rightarrow \infty$, где μ_n — число появления события A в первых n испытаниях,

$\frac{\mu_n}{n}$ — частота появлений [2. С. 522–523].

В своей статье «Нерешенный вопрос» [1] К.Д. Краевич поясняет действие закона больших чисел на привычной для теории вероятностей задаче о черных и белых шарах: представляя, что в вазе белых шаров вдвое больше, чем черных. Это может быть 200 белых, 100 черных, 600 белых, 300 черных и т.д. Шары ничем не отличаются друг от друга, кроме цвета.

Некто вынимает из вазы шары наудачу, по одному, заметив цвет шара, опускает его обратно в вазу. Перемешав шары, снова вынимает шар из вазы, заметив цвет вынутого шара, опускает его назад и т. д. Это испытание проводится многократно, чем больше, тем лучше. По теореме Якова Бернулли:

- число вынутых белых шаров должно оказаться больше числа черных;
- отношение первого числа ко второму должно получиться весьма близким к 2, т. е. к тому отношению, которое имеют шары в вазе.

Таким образом, зная отношение числа белых и черных шаров в вазе, можно предсказать отношение белых шаров к числу черных, которые будут последовательно вынуты из вазы. Будет верно и обратное предположение.

Прежде чем «строить» то или иное образование, Константин Дмитриевич совершенно правильно первый взор обращает на ученика, которого мы (общество) хотим получить в результате обучения и воспитания, выделяя при этом главное: здоровье и здравый смысл. Без этого человек не способен ни к какой деятельности. Трудно спорить с этим и сейчас; как видим, о здоровьесберегающих принципах общего образования наш земляк говорил еще во второй половине XIX века.

Второе важное условие, которое, увы, сегодня забыто или проигнорировано — не в этом суть, — решать вопрос об общем образовании должны педагоги, как подчеркивал в своей статье К.Д. Краевич, «следует устранить влияние правительственных и научных авторитетов, потому тогда только можно ожидать искренних мнений» [1].

Прекрасно говорил Константин Дмитриевич о содержании общего образования: «...Наука всякого рода, во всей ее обширности, доступна весьма и весьма немногим... Для большинства же людей нужна не наука, а ее образовательное влияние. Если же мы поставим целью изучение науки в среднем и даже высшем учебном заведении, то ока-

жем пользу только единицам, вообще же цели не достигнем: науки учащиеся знать не будут, а здоровье и здравый смысл потеряют» [1].

Какими же качествами должен обладать ученик общеобразовательной школы? К.Д. Краевич выражает желание, «чтобы ученик, окончивший общеобразовательный курс, был правдив, честен и всесторонне развит, чтобы умел слушать и понимать другого, устремлять и держать внимание на изучаемом предмете и имел нравственную и умственную силу к преодолению трудностей... Молодые люди по окончании среднего курса должны представлять почву так возделанную, чтобы она пригодна была для всякого посева» [1].

Когда цель общего образования определена, собрание педагогов рассмотрит образовательное влияние каждого учебного предмета.

«Внимательный, любящий свое дело преподаватель очень хорошо знает, какое образовательное влияние производит его наука».

Благодаря влиянию закона больших чисел «все разнообразие мнений сольется в общий вывод, который выразится числом».

Дает «метода» К.Д. Краевича ответ и на вопрос об уровне сложности излагаемого материала учебных предметов в общеобразовательной школе: «Одни полагают, что обучение должно быть облегчено до крайней степени, чем больше, тем лучше, — дабы сведения воспринимались учащимися без всякого труда. Другие, напротив, предпочитают, чтобы часть труда усвоения была предоставлена учащимся, так как только те сведения оказывают благотворное образовательное влияние и прочно усваиваются, которые достаются ученику путем более или менее значимых усилий» [1].

Предлагаемая «метода» дает возможность из всех мнений взять среднее и притом самое надежное: председатель предлагает каждому члену собрания заявить, сколько часов в неделю во всех классах общеобразовательной школы следует предоставить на преподавание какого-нибудь учебного предмета; будет заявлено столько чисел, сколько было членов в собрании. Некоторые числа, может быть, окажутся слишком малыми, другие, наоборот, большими. В среднем эти неправомерности сгладятся, и получится число часов, которое, по теореме Якова Бернулли, заслуживает большего доверия.

Так как теорема Бернулли может применяться только при условии больших чисел, то необходимо, чтобы членов в собрании по возможности было больше. По мнению К.Д. Краевича, 50 человек достаточно.

Больше того, теория вероятностей дает средство определить, насколько можно доверять полученному выводу, для этого достаточно знать заявленные числа, из которых получилось среднее арифметическое.

На конкретном примере в своей статье [1] Константин Дмитриевич показывает, что эта погрешность незначительна и составляет не более часа к числу недельных часов, отведенных на изучение конкретного предмета.

На вопросы о продолжительности пребывания в школе в течение дня, о соотношении времени умственного труда, рисования, пения, физической культуры и т.п. с пользой для здоровья ответ должны дать врачи, исходя из возрастных особенностей учащихся.

Тем же способом («методой») следует определять число часов для внеклассных занятий.

После этого преподаватели приступают к составлению учебных программ. При этом, советует нам опытный учитель (К.Д. Краевич), «не должно забывать, что общеобразовательная школа не имеет целью изучение наук, а общее образование, дело не в том, чтобы программа удовлетворяла требованию чистой науки, а производила бы

наиболее образовательное действие... Таким образом, можно предположить, что программы будут не обширны и не вполне строго научны. Зато молодые люди будут выносить из школы неиспорченное здоровье и светлый ум, не угнетенный непомерным количеством сведений, худо закрепленных, неразработанных и вскоре вылетающих из головы, не оставив в ней никакого следа, кроме потемнения здравого смысла... Дело не в том, каковы сведения, а какой они оставили след в умственном и нравственном развитии питомцев» [1].

Более 100 лет назад К.Д. Краевич предложил использовать математику для решения проблем образования, основываясь на принципах здоровьесбережения и оптимального построения учебных планов общеобразовательной школы. Увы, эта проблема не решена и по сей день.

Так, может, стоит прислушаться к педагогу—мастеру и призвать на помощь математику?

Ведь «ни одно человеческое исследование не может называться истинной наукой, если оно не прошло через математические доказательства», писал Леонардо да Винчи [3. С. 8].

Библиографический список

1. Краевич К.Д. Нерешенный вопрос // Северный вестник, март, 1890.
2. Математическая энциклопедия. Ред. коллегия: И.М. Виноградов (главн. ред) (и др.) Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1977.
3. Лиман М.М. Школьникам о математике и математиках: пособие для учащихся 4–8 классов средней школы / Сост. М.М. Лиман. М.: Просвещение, 1981.

Avdeeva T.K., Avdeev I.F.

THE LAW OF LARGE NUMBERS PROBLEM'S SOLVING IN EDUCATION

The article considers problems application law of large numbers problem in solving problems comprehensive school, suggested by K.D. Kraevitch in 1890 year.

Е. Н. КИРЮХИНА, преподаватель кафедры математических и естественнонаучных дисциплин Технологического института Орловского государственного технического университета

ОСОБЕННОСТИ ОБОБЩАЮЩЕ-СИСТЕМАТИЗИРУЮЩЕГО ПОВТОРЕНИЯ В ВЫПУСКНЫХ КЛАССАХ

В статье рассматриваются некоторые ошибки учащихся в экзаменационных заданиях, возникающие по причине неправильной организации итогового повторения курса математики в выпускных классах.

Ключевые слова: *единый государственный экзамен, обобщающе-систематизирующее повторение, элементы математических знаний, выпускные классы, рациональный способ решения.*

Распоряжением Правительства РФ от июня 2001 года № 910 -р в рамках реформирования образования начался эксперимент по проведению единого государственного экзамена. С 2009 года новая форма итоговой аттестации введена в штатный режим. Как подчеркивается в документах, целью ЕГЭ является обеспечение объективной итоговой аттестации в системе общего образования и вступительных испытаний системы профессионального образования

В связи с этим, на наш взгляд, должен измениться подход к организации заключительного этапа обучения математике.

Раньше варианты выпускных экзаменов были заранее известны, и итоговое повторение во многих случаях сводилось к решению этих задач из нормативных сборников. Это в большинстве случаев приводило к успешной сдаче экзамена, но не давало объективной картины качества математической подготовки выпускников общеобразовательных школ. С переходом к ЕГЭ резко понизился уровень математической подготовки. Об этом, например, говорят результаты сдачи ЕГЭ, представленные в таблице:

Процент участников экзамена, показавших различные уровни математической подготовки в 2005–2008 гг.

Годы	Неудовлетв. «2»	Удовлетв. «3»	Хороший «4»	Отличный «5»
2005	21,6 %	40,2 %	31,3%	6,9%
2006	19,4%	39,5%	34,0%	7,1%
2007	20,9%	41,9%	29,6%	7,6%
2008	23,1%	44,9%	24,7%	7,2

Одна из главных причин создавшегося положения, на наш взгляд, – неправильная организация итогового повторения курса математики в выпускных классах.

Большинство учителей, работающих в выпускных классах, отмечают, что на заключительном этапе обучения необходимо особое внимание уделить обобщению и систематизации знаний. Это подтверждают и результаты опроса, проведенного на базе областного института усовершенствования учителей г. Орла, и рекоменда-

ции по подготовке учащихся к ЕГЭ в методических письмах [2].

Основная задача обобщающе-систематизирующего повторения состоит в том, чтобы обогатить изученное новыми связями, рассмотреть его под новым углом зрения, это приводит не только к упрочнению усвоенного в памяти школьника, но и выстраивает имеющиеся знания учащихся в целостную систему. Обобщающе-систематизирующее повторение в выпускных классах имеет ряд особенностей, так как на заключительном этапе обучения все основные математические понятия уже изучены. Основная задача учителя состоит в том, чтобы за небольшое количество часов, отводимых на итоговое повторение, систематизировать знания школьного курса математики.

Поэтому на данном этапе обучения целесообразно использовать специально подобранную систему задач, которые должны содержать знания из различных разделов курса математики.

Как показывает анализ ошибок и трудностей учащихся при выполнении заданий на итоговом этапе (экзамен в форме ЕГЭ), школьники не способны применить несколько элементарных знаний к решению одной задачи, изменить стандартный алгоритм решения, согласуясь с данными задачи. Прокомментируем сказанное примерами.

1. В задании ЕГЭ 2006 года «найдите разность между наибольшим и наименьшим значениями функции $y = \log_{0,1}(10-x^2)$ на отрезке $[-3; 1]$ » [2] условие задачи провоцирует выпускника на применение стандартного алгоритма: 1) найти производную $f'(x)$; 2) найти стационарные и критические точки функции, лежащие внутри отрезка $[a; b]$; 3) вычислить значения функции $f(x)$ в точках, отобранных в пункте 2 и в точках a и b ; выбрать среди этих значений наименьшее и наибольшее; 4) найти разности между наибольшим и наименьшим значениями функции. Однако анализ условия показывает, что данную задачу можно решить элементарными методами, используя знания из основной школы, и провести рассуждения так: функция $y = \log_{0,1}(10-x^2)$ монотонно убывает, так как основание логарифма $a = 0,1$, $0 < a < 1$. Поэтому в силу того, что меньшему значению аргумента соответствует большее значение функции и монотонная функция на каком-либо промежутке может принимать единственное значение аргумента, достаточно найти разность $y(-3) - y(0) = \log_{0,1}(10 - (-3)^2) - \log_{0,1}(10 - 0) = 1$. Ответ: 1.

Как видим, обобщенные знания учащихся помогли найти более рациональный способ реше-

ния и сэкономить время для получения ответа на вопрос, что немаловажно на экзамене в форме ЕГЭ. Как показывают опросы школьников, многим из них не хватило именно времени на получение более высокой оценки.

2. В задании «решите неравенство» [1] по стандартному алгоритму решения рациональных уравнений сводится учащимися к совокупности

$$\begin{cases} 3^x + 1 \geq 0, \\ \lg(x^2 - 1) < 0; \end{cases}, \quad \begin{cases} 3^x + 1 \leq 0, \\ \lg(x^2 - 1) > 0 \end{cases}$$

найти решение которой довольно непросто.

Однако при более детальном рассмотрении выражения можно увидеть, что числитель принимает только положительные значения. Поэтому для решения данного неравенства достаточно рассмотреть неравенство

$$\lg(x^2 - 1) < 0 \Leftrightarrow \begin{cases} x^2 - 1 > 0; \\ x^2 - 1 < 1 \end{cases}$$

Дальнейшее решение неравенств системы поможет обобщить графический способ решения квадратичного неравенства. Ведь «эскизное» решение позволяет значительно сократить время. Графически неравенство $x^2 - 1 > 0$ представлено на рисунке 1, а неравенство $x^2 - 1 < 1$ на рисунке 2.

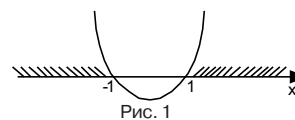

Рис. 1

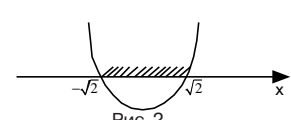

Рис. 2

Таким образом, решением системы неравенств является пересечение промежутков $(-\infty; -1)$, $(1; +\infty)$ и $(-\sqrt{2}; \sqrt{2})$, которое также целесообразно выполнить на числовой прямой (рис. 3).

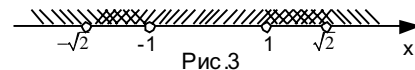

Рис. 3

Ответ: $x \in (-\sqrt{2}; -1) \cup (1; \sqrt{2})$.

При решении неравенств такого типа в классе учитель имеет возможность повторить: 1) свойства показательной и логарифмической функций; 2) решение логарифмических неравенств; 3) решение систем неравенств; 4) решение квадратичных неравенств.

Такие задачи помогут сократить время на эта-

пе обобщающе-систематизирующего повторения в выпускных классах и установить новые связи между уже известными понятиями.

3. В задании «решить неравенство $|9^x - 3^x| < 6$ » [1] исходное неравенство во многих случаях заменялось совокупностью систем неравенств

$$\begin{cases} 9^x - 3^x \geq 0, \\ 9^x - 3^x < 6; \\ 9^x - 3^x < 0, \\ -9^x + 3^x < 6 \end{cases}$$

Между тем учащиеся должны знать, что $|f(x)| < a$ ($a > 0$) $\Leftrightarrow -a < f(x) < a$. Поэтому указанное неравенство сводится к несложному двойному неравенству $-6 < 9^x - 3^x < 6$, которое равно-

сильно совокупности $\begin{cases} 9^x - 3^x + 6 > 0, \\ 9^x - 3^x - 6 < 0 \end{cases}$. Делая

замену $t = 3^x$, $t > 0$, первое неравенство равносильно $t^2 - t + 6 > 0$. Так как функция $y = t^2 - t + 6$ не имеет точек пересечения с осью Ox и ветви параболы направлены вверх, то решением данного неравенства является вся числовая прямая. Рассуждая аналогично, второе неравенство приводится к виду $t^2 - t + 6 < 0$. Как и в примере 2, далее удобно воспользоваться эскизным решением неравенства, которое представлено на рисунке 4.

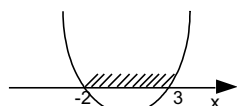

Рис. 4

Поэтому система сводится к неравенству $-2 < 3^x < 3$, откуда $x < 1$. Ответ: $x \in (-\infty; 1)$.

В ходе рассмотрения данного примера учителю можно повторить и обобщить следующие понятия: 1) решение простейших неравенств с модулем; 2) решение неравенств вида $|f(x)| < a$; 3) решение двойных неравенств; 4) решение квадратичных неравенств; 5) решение простейших показательных неравенств.

4. В задании «решить уравнение $40 - 14x + x^2 = 2(x - 4)\sqrt{x}$ » [2] применение стандартного приема «возведение в квадрат» обеих частей уравнения приводит учащихся к громоздкому уравнению 4-й степени. Однако

при анализе левой части исходного уравнения легко заметить, что многочлен $40 - 14x + x^2$ можно разложить на множители $(x - 4) \cdot (x - 10)$. Это несложное преобразование сводит исходное уравнение к совокупности уравнений

$$\begin{cases} x - 4 = 0, \\ x - 10 = 2\sqrt{x}, \end{cases} \text{ которая легко решается.}$$

При рассмотрении аналогичного задания на уроке обобщающе-систематизирующего повторения в выпускных классах учителю необходимо обратить внимание на особенности решения иррационального уравнения. Часто учащиеся, возводя обе части уравнения в квадрат, не оговаривают тот факт, что обе части уравнения должны быть неотрицательны. Это приводит к появлению посторонних корней. Поэтому иррациональное уравнение $x - 10 = 2\sqrt{x}$ равносильно системе

$$\begin{cases} x \geq 10, \\ x^2 - 20x + 100 = 4x; \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} x \geq 10, \\ x = 12 + 2\sqrt{11}, \Leftrightarrow x = 12 + 2\sqrt{11}. \\ x = 12 - 2\sqrt{11}. \end{cases}$$

Таким образом, решением исходного уравнения являются $x = 4$, $x = 12 + 2\sqrt{11}$. Ответ: $4, 12 + 2\sqrt{11}$.

При рассмотрении аналогичных заданий на уроке учитель имеет возможность повторить: 1) разложение квадратного трехчлена на множители; 2) решение уравнений, когда правая часть равна 0; 3) решение иррациональных уравнений; 4) решение квадратных уравнений.

Необычная и редко встречающаяся в школе запись условия часто делает задачу нерешаемой для выпускника, хотя после несложных преобразований задание сводится к стандартному и решается по известным алгоритмам.

5. «Построить график функции $y = \sin^4 x - \cos^4 x$ » [1]. Для выполнения задания необходимо выполнить преобразования, используя формулу разности квадратов, основное тригонометрическое тождество и формулу косинуса двойного угла, и тогда $\cos^4 x - \sin^4 x = (\cos^2 x - \sin^2 x)(\cos^2 x + \sin^2 x) = (\cos^2 x)^2 - (\sin^2 x)^2 = (\cos^2 x - \sin^2 x) = \cos 2x$.

Таким образом, исходная функция примет вид $y = \cos 2x$. Используя элементарные преобразо-

вания графиков функций, график функции $y = \cos 2x$ можно получить из синусоиды $y = \cos x$ сжатием к оси координат в 2 раза (рисунок 5).

При решении аналогичных заданий на этапе обобщающе-систематизирующего повторения

учителю можно повторить следующие элементы знаний: 1) основные тригонометрические тождества; 2) формулы сокращенного умножения; 3) графики тригонометрических функций; 4) элементарные преобразования графиков функций.

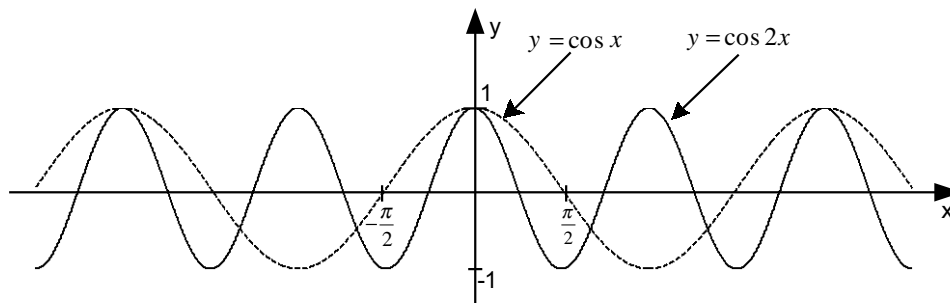
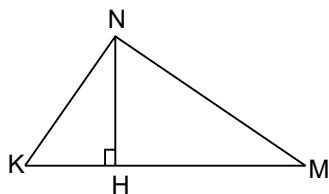

Рис. 5

Геометрические задания, предлагаемые на итоговом экзамене, также требуют применения фактов из различных разделов геометрии, и только более детальный анализ условия помогает найти более рациональный способ решения.

6. «В прямоугольном треугольнике MNK ($\angle N = 90^\circ$) из вершины прямого угла проведена высота NH , $\angle K = 30^\circ$, $KH = 3\sqrt{3}$ см. Найдите MN » [3].

Решение учащихся начинают, как правило, с рассмотрения подобных треугольников $\triangle KNH$ и $\triangle KNM$, тем самым доказывая известное им из 7 класса соотношение: «катет прямоугольного треугольника есть среднее пропорциональное между гипотенузой и проекцией этого катета на гипотенузу».

С учетом этого факта, задача имеет более короткий способ решения: $MN = KM - KN$. Необходимо найти KM . Так как $\triangle KNH$ – прямоугольный и KH – проекция катета KN на гипотенузу KM , то $KN = \sqrt{KM \cdot KH}$, откуда

$KM = \frac{KN^2}{KH}$. Катет, лежащий против угла $\angle K = 30^\circ$, равен половине гипотенузы, то есть $NH = \frac{1}{2} KN$. Пусть $NH = x$ (см), $x > 0$, тогда $KN = 2x$. По теореме Пифагора $KN^2 = NH^2 + KH^2$, значит, $4x^2 = x^2 + (3\sqrt{3})^2 \Leftrightarrow x = 3$. Откуда $NH = 3$ см,

$KN = 6$ см и $KM = \frac{12}{\sqrt{3}}$; $MN = \sqrt{3}$ см. Ответ: $\sqrt{3}$ см.

Для решения данной задачи были использованы следующие элементы знаний: 1) соотношение о том, что катет прямоугольного треугольника есть среднее пропорциональное между гипотенузой и проекцией этого катета на гипотенузу; 2) соотношение о том, что в прямоугольном треугольнике катет, лежащий против угла в 30 градусов, равен половине гипотенузы; 3) теорема Пифагора; 4) решение квадратных уравнений.

К сожалению, несмотря на многочисленные рекомендации учителям к организации заключительного этапа повторения, ошибок в работах учеников на этапе итогового экзамена не становится меньше. Одна из причин этого, на наш взгляд, отсутствие в действующих учебниках разделов для обобщающе-систематизирующего повторения. Организация такого повторения полностью возложена на плечи учителя.

Для организации обобщающе-систематизирующего повторения в выпускных классах в первую очередь следует:

- 1) выделить основные содержательные линии школьного курса математики;
- 2) определить в содержательных линиях основные теоретические знания и опорные задачи, которые следует повторить в первую очередь;
- 3) использовать специально подобранную систему задач для обобщающе-систематизирующего повторения.

Библиографический список

1. Байдак В.Ю. Содержание и методика адаптационной подготовки студентов-первокурсников математических специальностей вузов. [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Орел, 2000. 204 с.
2. Официальный сайт Федерального института педагогических измерений. [Электронный ресурс]. М.: <http://www.fipi.ru>
3. Тесты. Геометрия. 9 класс. Варианты и ответы централизованного (итогового) тестирования. [Текст]. М.: ФГУ «Федеральный центр тестирования», 2007. 56 с.

Kiryuhina E. N.

PECULIARITIES OF GENERALIZATION AND SYSTEMATIZATION OF REVISION IN GRADUATION CLASS

Some mistakes of students in examination tasks appearing because of incorrect revision of Mathematic course in graduation classes are described in the article.

*Н.Н. МИТЮШКИНА, ассистент кафедры высшей математики
Орловского государственного технического университета*

ИНДУКТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОВЕРХНОСТИ

В данной статье предлагается индуктивный подход к определению ориентированной поверхности. Индуктивность в определении понятия ориентированной поверхности понимается как определение поверхности более высокой размерности через понятие поверхности меньшей размерности.

Ключевые слова: согласование ориентации поверхности и её границы, ориентированная поверхность, кривая, кусочно-гладкая поверхность, параметризация.

Первый шаг в этом направлении состоит в определении понятия ориентированной поверхности размерности один, то есть кривой линии в координатном пространстве нескольких измерений.

Следует сказать, что эти пространства встречаются уже в школьной программе. Так, пространство размерности «один» есть прямая, размерности «два» есть плоскость. Школьному термину «пространство» соответствует размерность «три» в нашей формулировке, отвечающей стандартной терминологии изложения курса математического анализа.

Отметим, что определение понятия кривой в n -мерном пространстве при фиксированном значении $n \geq 3$ не несёт в себе существенной зависимости от размерности пространства, поэтому при его анализе для большей наглядности можно, вообще говоря, ограничиться случаями $n = 2$ и $n = 3$.

Обычное определение кривой в n -мерном пространстве понимается как образ отрезка $[a, b]$ при его непрерывном отображении в данное пространство R^n . Это значит, что на отрезке $[a, b]$ задана совокупность из n непрерывных функций $f_1(t), \dots, f_n(t)$. Каждой точке t из отрезка $E = [a, b]$ соответствует n чисел $f_1(t), \dots, f_n(t)$, которые рассматриваются как координаты некоторой точки в пространстве R^n , являющейся образом точки t .

Кривой L в пространстве R^n называется множество точек $M \subset R^n$, состоящее из всех значений $(f_1(t), \dots, f_n(t))$ некоторой вектор-функции $x_1 = f_1(t), \dots, x_n = f_n(t)$, причём функции $f_1(t), \dots, f_n(t)$ заданы на отрезке $E \subset R$ и непрерывны в каждой его точке [1].

Чтобы обеспечить пригодность данной кривой для дальнейших рассмотрений, её координаты, т.е. функции $f_1(t), \dots, f_n(t)$, подчиняют различным дополнительным условиям.

Например, предполагают, что все эти функции в каждой точке t внутри отрезка $E = [a, b]$ имеют производные, а в концевых точках отрезка односторонние производные. Если при этом оказывается, что указанные производные как функции аргумента t являются непрерывными на $E = [a, b]$, то все они называются **гладкими функциями**, а кривая L называется **гладкой кривой**.

Точка $\vec{n} = (c_1, c_2, \dots, c_n) \in L$ называется **кратной точкой** кривой L , если имеются, по крайней мере, две различные точки $t_1 \neq t_2$ промежутка E , такие, что $f_1(t_1) = f_1(t_2) = c_1, \dots, f_n(t_1) = f_n(t_2) = c_n$.

Кратную точку ещё называют точкой самопересечения.

Точки кривой, не являющиеся кратными, называют **простыми** точками кривой.

Кривая L , имеющая только конечное число кратных точек, называется **параметризуемой** кривой [1].

Если гладкая кривая не имеет кратных точек, то её называют **дугой** или **дугой кривой линии**.

Обратим внимание на одно важное обстоятельство.

Поскольку данная кривая понимается как некое множество точек n -мерного пространства, то может оказаться, что существует другой отрезок $E = [a, b]$, также являющийся прообразом данного множества L при некотором непрерывном отображении. В этом случае говорят, что имеет место другая параметризация кривой L . Более точно, всякое задание множества L как непрерывного образа некоторого отрезка E называется его **параметризацией**. Если фиксированная параметризация кривой L позволяет рассматривать данную кривую как некоторую дугу, то эту параметризацию называют гладкой. Дугу кривой называют ещё «куском гладкой кривой».

Всякая параметризация дуги задаёт на ней «**направление**». Это значит, что при данной параметризации про любые две различные точки r_1 и r_2 , лежащие на данной кривой, можно сказать, какая из них предшествует другой или следует за ней.

Действительно, у этих точек есть прообразы t_1 и t_2 . И если $t_1 < t_2$, то $r_1 = r(t_1)$ предшествует $r_2 = r(t_2)$, а если $t_1 > t_2$, то r_1 следует за r_2 . В этом случае говорят, что данная параметризация задаёт ориентацию кривой L .

Другими словами, термины «ориентация» и «направление» в данном случае являются синонимами.

Легко понять, что для данной дуги L можно задать строго два различных направления, которые, в частности, определяются тем, куда отображаются концы отрезка E при данной параметризации.

В связи с этим при выбранной ориентации дуги вводятся понятия «начало дуги» и «конец дуги», определяемые как образы $A = r(a)$ и $B = r(b)$ точек a и b , являющиеся началом и концом отрезка $E = [a, b]$. образом отрезка $[a, b]$ является дуга L при данной параметризации $r(t)$.

Если данная кривая составлена из конечного количества ориентированных дуг или кусков так, что начало каждой следующей дуги совпадает с концом предыдущей, то такая кривая называется **ориентированной кусочно-гладкой кривой**.

Если ориентированная кусочно-гладкая кривая не имеет точек самопересечения, то она называется **простой** ориентированной кусочно-гладкой кривой.

Если же допустить, что начало и конец этой кривой совпадают, а других кратных точек данная кривая не имеет, то она называется простой **замкнутой** ориентированной кривой.

Тогда говорят ещё, что на замкнутой кусочно-гладкой ориентированной кривой выбрано направление обхода.

Следующий шаг в определении кусочно-гладкой поверхности произвольной размерности в n -мерном пространстве состоит в выработке понятия **куска гладкой ориентированной поверхности размерности два**, а также в определении **связи куска ориентированной поверхности с ориентацией её границы**.

Куском гладкой поверхности P размерности два в пространстве R^n будем называть непрерывный образ $r(u, v)$ некоторого выпуклого ограниченного множества D на плоскости точек (u, v) , имеющего кусочно-гладкую ориентированную границу ∂D и не имеющего кратных точек.

Понятие «кратная точка» определяется так же, как и в случае кривой.

Гладкость отображения $r(u, v)$ подразумевает, что на множестве D , включая его границу, заданы n функций $f_1(u, v), \dots, f_n(u, v)$, каждая из которых имеет непрерывные частные производные на множестве $\bar{D} = D \cup \partial D$.

Заметим, что для простоты изложения можно предполагать существование и гладкость отображения $r(u, v)$ на некотором открытом множестве D_0 , включающем в себя множество \bar{D} .

Будем также считать, что множество D замкнуто, то есть $D = \bar{D}$.

Как и в случае ориентированной кривой, произвольное фиксированное гладкое отображение $r(u, v)$, образом которого является данная поверхность P , будем называть её **параметризацией**. Более точно под термином поверхность P мы подразумеваем здесь некоторый кусок гладкой поверхности.

Указанную выше параметризацию будем называть **невырожденной**, если матрица Якоби $J(u, v)$ отображения $r(u, v)$ в каждой точке (u, v) , принадлежащей множеству D , имеет максимальный ранг, равный двум, $r(J) = 2$.

Теперь предположим, что имеет место другая параметризация $r_1(u_1, v_1)$ поверхности P , которая отображает плоское выпуклое множество D_1 в P и имеет те же самые свойства, что и первая параметризация $r(u, v)$. Тогда каждая точка $(u, v) \in D$ имеет свой образ $r(u, v)$ на поверхности P , а этот образ имеет свой прообраз (u_1, v_1) на множестве D_1 . Таким образом, устанавливается взаимно однозначное соответствие h между множествами D и D_1 . Оно является гладким невырожденным отображением, поскольку оба отображения $r(u, v)$ и $r_1(u_1, v_1)$ предполагались невырожденными.

Это значит, что якобиан отображения h всюду на D отличен от нуля. Кроме того, он представляет собой непрерывную функцию на D , а отсюда следует, что во всех точках его значение имеет один и тот же знак.

Таким образом, все параметризации разбиваются ровно на два класса, первый из которых отвечает знаку «плюс» для значения якобиана отображения h , а второй отвечает знаку «минус».

Заметим ещё, что согласно данному определению исходное отображение $r(u, v)$ будет отнесено к первому классу, поскольку отображение h в этом случае представляет собой тождественное отображение, якобиан которого равен единице.

Ориентацией куска P гладкой поверхности будем называть тот класс, к которому относится параметризация, задающая данный кусок.

Поясним, что в данном случае мы не имеем возможности один из классов назвать положительным, а другой отрицательным, поскольку оба класса равноправны, хотя и различны. Можно только говорить о том, что две разные параметризации задают **одну и ту же ориентацию**, если знак якобиана h положителен, или они задают **противоположную** ориентацию, если знак якобиана h отрицателен. Заметим, что для определения его знака достаточно рассмотреть всего одну точку, поскольку, как уже было сказано выше, данный якобиан в ноль не обращается.

Из сказанного выше следует ещё более наглядное, хотя и формально не строгое представление о **согласовании направления обхода границы поверхности с её ориентацией**. Оно может быть описано следующим образом.

Рассмотрение положительного обхода единичной окружности на плоскости Oxy , отвечающее параметризации $x = \cos \varphi$; $y = \sin \varphi$, равносильно «взгляду сверху», то есть со стороны положительного направления оси Oz , на ту же самую плоскость Oxy с тем же направлением обхода окружности, которое совершается «против часовой стрелки».

Не вдаваясь в детали, это означает, что при согласовании ориентаций произвольной поверхности и её границы в трёхмерном пространстве при «взгляде» со стороны выделенной двусторонней поверхности выбранное направление на её границе должно соответствовать её обходу «против часовой стрелки».

Ещё один важный аспект при рассмотрении понятия гладкой поверхности состоит в том, что множество точек, которое согласно данному выше определению представляет собой кусок гладкой поверхности, может быть задано не только с по-

мощью конкретной параметризации, но и ещё каким-либо другим способом.

В частности, поверхности задаются как «поверхности уровня» некоторой функции трёх переменных. Так задаются все классические поверхности второго порядка, такие как единичная сфера $x^2 + y^2 + z^2 = 1$, параболоид $z = x^2 + y^2$, конус $z^2 = x^2 + y^2$, однополостный гиперболоид $z^2 = x^2 - y^2$ и так далее.

В случае такого задания вопрос о превращении данной поверхности в **двустороннюю кусочно-гладкую поверхность** должен решаться с помощью нахождения соответствующей ей параметризации либо любым другим из описанных выше эквивалентных ей способов.

Следует также сказать, что для ориентации поверхности в трёхмерном пространстве часто используют другой эквивалентный подход, обладающий большей наглядностью. Он состоит во введении понятия двусторонней поверхности. Не вполне строгое, но краткое и удобное для применения описание такого подхода сводится к представлению о том, что трёхмерное пространство в окрестности этой поверхности разбивается ею на две части подобно тому, как всякая плоскость в трёхмерном пространстве разбивает его на два полупространства. При этом плоскость можно рассматривать как «двустороннюю», то есть склеенную из двух совпадающих плоскостей, одна из которых является границей первого полупространства, а вторая – границей другого полупространства.

Данный подход становится более строгим, если в каждой точке одной из выделенных сторон плоскости поставить единичный вектор, ортогональный плоскости и направленный в сторону соответствующего полупространства.

Эта схема выделения двух различных сторон плоскости легко переносится на случай произвольной гладкой поверхности.

Для этого достаточно в каждой точке поверхности рассмотреть касательную плоскость и применить к ней приведённые выше рассуждения, при необходимости заменить в ней единичный вектор на вектор сколь угодно малой длины. Эквивалентное геометрически наглядное представление о превращении поверхности в двустороннюю подразумевает, что на одну и ту же часть поверхности мы можем «посмотреть» с двух разных сторон и различать при этом обе стороны.

Аналитические средства позволяют эту процедуру строить математическим путём. При этом можно воспользоваться данной параметризацией поверхности, т.е. её заданием с помощью отображения $\vec{r}(u, v)$.

На поверхности P в точке $\vec{r} = \vec{r}(u, v)$, $(u, v) \in D$ определены два касательных к ней вектора \vec{r}'_1 и \vec{r}'_2 , являющихся соответственно первым и вторым столбцами матрицы Якоби $J_r(u, v)$, т.е.

$$\vec{r}'_1 = \vec{r}'_u(u, v) = \begin{pmatrix} \frac{\partial x}{\partial u} \\ \frac{\partial y}{\partial u} \\ \frac{\partial z}{\partial u} \end{pmatrix}, \quad \vec{r}'_2 = \vec{r}'_v(u, v) = \begin{pmatrix} \frac{\partial x}{\partial v} \\ \frac{\partial y}{\partial v} \\ \frac{\partial z}{\partial v} \end{pmatrix}.$$

В силу условия невырожденности матрицы Якоби имеем, что для любой точки $(u, v) \in P$ векторное произведение $[\vec{r}'_1, \vec{r}'_2]$ отлично от нуля. Заметим, что **особыми точками поверхности** называются такие её точки, в которых ранг её матрицы Якоби меньше двух.

Рассмотрим вектор

$$\vec{n} = \frac{[\vec{r}'_1, \vec{r}'_2]}{\|[\vec{r}'_1, \vec{r}'_2]\|}.$$

Вектор $\vec{n} = \vec{n}(\vec{r})$ будем называть **нормалью** к поверхности P , отвечающей параметризации $\vec{r} = \vec{r}(u, v)$.

Такое название связано с тем, что вектор \vec{n} перпендикулярен касательным векторам \vec{r}'_1 и \vec{r}'_2 .

Если задана другая параметризация $\vec{\rho}$ поверхности P , то всегда выполнено одно из равенств, $\vec{n}(\vec{r}) = \vec{n}(\vec{\rho})$ или $\vec{n}(\vec{r}) = -\vec{n}(\vec{\rho})$. Следовательно, функция $f(u, v)$, равная скалярному произведению векторов $\vec{n}(\vec{r})$ и $\vec{n}(\vec{\rho})$, принимает всего два значения: $+1$ и -1 . Но эта функция является непрерывной на области D . Отсюда имеем, что она либо тождественно равна $+1$, либо тождественно равна -1 . Это означает, что при замене параметризации определённая нами нормаль к поверхности P либо не меняется во всех точках P , либо меняет своё направление сразу во всех точках P . Поэтому говорят, что нормаль к поверхности, отвечающая некоторой параметризации этой гладкой поверхности без особых точек, выделяет на ней её сторону. Поверхность с выделенной стороной называется **двусторонней поверхностью**.

Выделение одной из сторон поверхности P с помощью параметризации называется **ориентацией поверхности P** .

Обратим внимание, что и в случае кривых про данную ориентированную дугу, вообще говоря, невозможно сказать, к какому классу относится её

ориентация, несмотря на то, что задание направления имеет наглядное представление посредством указания её начала и конца.

Очень большое значение имеет тот факт, что удаётся связать понятия ориентации куска поверхности размерности два с ориентацией его границы, являющейся кусочно-гладкой кривой. Разберём сначала случай, когда кусок лежит на координатной плоскости и представляет собой круг радиуса единица. Тогда его границей является окружность $L = \partial P$ единичного радиуса. Её естественная параметризация

$$\rho: \begin{cases} x = \cos \varphi, \\ y = \sin \varphi, \end{cases} \quad 0 \leq \varphi \leq 2\pi$$

задаёт обход начала координат «против часовой стрелки». Этот обход обычно называется обходом в положительном направлении. Будем считать этот обход согласованным с **ориентацией круга P , задаваемой его тождественной параметризацией**.

Далее этот подход к согласованию ориентации необходимо зафиксировать в аналитическом виде, который имеет более широкую область применения.

Для этого введём понятие касательного вектора по направлению обхода границы и внешней нормали к границе L куска P .

Направляющим вектором кривой L , отвечающим её параметризации, будем называть единичный вектор $\vec{\tau}$, сонаправленный с вектором производной $\vec{\rho}'_\varphi = (x'_\varphi, y'_\varphi)$, т.е.

$$\vec{\tau} = \frac{\vec{\rho}'_\varphi}{|\vec{\rho}'_\varphi|}.$$

Для того чтобы определить вектор внешней нормали \vec{b} для точки $\rho(\varphi)$ границы L , проведём в ней прямую, ортогональную касательному вектору $\vec{\tau}(\varphi)$. В силу выпуклости множества $D = P$ эта прямая пересекает его по некоторому отрезку. Из двух разнонаправленных лучей, лежащих на этой прямой и начинающихся в точке $\rho(\varphi)$, только один содержит в себе внутренние точки этого отрезка, а другой таких точек не содержит.

Единичный вектор, задающий направление второго луча, мы будем называть направлением внешней нормали и обозначать его через $\vec{b} = \vec{b}(\varphi)$.

В рассмотренном выше случае единичного круга и его положительного обхода, очевидно, имеем

$$\vec{\tau} = (-\sin \varphi, \cos \varphi)$$

и

$$\vec{b} = (\cos \varphi, \sin \varphi).$$

Из координат векторов \vec{b} и $\vec{\tau}$ составим определитель Δ второго порядка, взяв в качестве элементов первого столбца координаты вектора \vec{b} , а второго – координаты вектора $\vec{\tau}$. Тогда получим

$$\Delta = \begin{vmatrix} \cos \varphi & -\sin \varphi \\ \sin \varphi & \cos \varphi \end{vmatrix} = 1 > 0.$$

В общем случае в силу единичности и ортогональности векторов \vec{b} и $\vec{\tau}$ всегда будем иметь $\Delta = \pm 1$.

Будем считать, что направление обхода $p(\varphi)$, то есть параметризация границы $L = \partial D$, согласовано с ориентацией куска P , если выполнено условие $\Delta > 0$.

Можно также вектора $\vec{\tau}$ и \vec{b} рассматривать как точки трёхмерного пространства, полагая их третью координату равной нулю. Тогда смешанное произведение векторов $(\vec{k}, \vec{b}, \vec{\tau})$, где $\vec{k} = (0, 0, 1)$ является направляющим вектором оси Oz , имеет тот же знак, что и определитель Δ . А потому положительность знака данного смешанного произведения может быть выбрана как условие согласованности и ориентации куска плоскости D и его границы ∂D .

Теперь имеем возможность распространить это определение согласования ориентации P размерности два его кусочно-гладкой границы L на общий случай n -мерного пространства.

Для этого достаточно потребовать, чтобы согласование ориентаций было проведено сначала на прообразе D и её границе ∂D , а потом уже было перенесено на P и ∂P с помощью одной и той же гладкой невырожденной параметризации $r(u, v)$, при которой класс параметризаций, то есть ориентация как самого куска P , так и его границы, определяется однозначно.

Другими словами, мы будем считать, что ори-

ентации поверхности и её границы согласованы в том случае, если они были **согласованы на прообразе**.

Заметим, что в случае размерности $n = 3$ согласование ориентаций поверхности и её границы можно проводить непосредственно на самой поверхности. Для этого достаточно в некоторой точке поверхности проверить выполнение условия

$$(\vec{k}, \vec{b}, \vec{\tau}) > 0,$$

причём в качестве вектора \vec{k} следует рассматривать вектор, ортогональный к поверхности P и соответствующий той её стороне, по которой проводится интегрирование.

Установленное правило согласования ориентаций куска поверхности размерности два и её кусочно-гладкой границы позволяет ввести в рассмотрение понятие ориентированной кусочно-гладкой «двумерной» поверхности в этом пространстве.

Будем называть множество P в пространстве R^n **ориентированной кусочно-гладкой двумерной поверхностью**, если его можно представить в виде объединения конечного числа кусков гладкой ориентированной поверхности размерности два.

При этом граница каждого из кусков представляет собой кусочно-гладкую кривую, ориентация которой согласована с ориентацией самого куска. Куски эти могут быть занумерованными числами так, что два куска с соседними номерами имеют общий участок границы, являющейся кусочно-гладкой кривой. Но две ориентации, отвечающие каждому из этих кусков, имеют противоположные направления.

Предполагается также, что данная кусочно-гладкая поверхность не имеет кратных точек.

Понятие кратной точки имеет тот же самый смысл, что и в случае кусочно-гладких кривых.

Библиографический список

Архипов Г.И. Лекции по математическому анализу: Учеб. для вузов/ Г.И. Архипов, В.А. Садовничий, В.Н. Чубариков. 4-е изд., испр. М.: Дрофа, 2004. 640 с.

N.N. Mityushkina

The inductive approach to definition of the focused surface

In the article the inductive approach to definition of the focused surface is offered. Inductance in definition of concept of the focused surface is understood as definition of a surface of higher dimension through concept of a surface of smaller dimension.

*Ю.М. ЛОГВИНОВА, ассистент кафедры мировой экономики
Орловского государственного аграрного университета,
аспирант Орловского государственного университета*

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ТИПОЛОГИИ ЗАДАНИЙ ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ЗА ПЕРИОД С 2002 ПО 2009 ГОД

В данной статье рассматриваются основные изменения в процедуре проведения единого государственного экзамена в период с 2002 по 2009 год включительно, а именно изменения в ранжировании заданий по уровню сложности, количестве заданий на каждом из трех уровней сложности, временным затратам на выполнение тестовых заданий, а также изменение количества баллов за выполнение заданий, формата и формулировок тестовых заданий, количества заданий по проверке владением нормами русского литературного языка.

Ключевые слова: единый государственный экзамен (ЕГЭ), тестовые задания, традиционная форма экзамена, тестовая форма проверки знаний, контрольные измерительные материалы.

Эксперимент по внедрению государственной аттестации выпускников средней школы в тестовой форме проводится в Российской Федерации с 2001 года.

Если в начале своего существования ЕГЭ был альтернативой традиционной форме экзаменов, и то лишь в некоторых регионах страны, то в 2009 году законом Совета Федерации ЕГЭ вводится как обязательная форма аттестации школьников на всей территории России. При этом выпускник не получит аттестата о среднем полном образовании без положительных оценок по обязательным предметам, а именно по математике и русскому языку. Кроме того, русский язык является еще и обязательным предметом в перечне вступительных испытаний в любой вуз, что, несомненно, усилило внимание к подготовке школьников по данным дисциплинам.

Еще одной не менее значительной предпосылкой к совершенствованию процедуры проведения экзамена, контрольных измерительных материалов (КИМ), шкалы оценки явились возникающие каждый год споры о целесообразности, объективности и эффективности тестовой формы проверки знаний учащихся.

Для выявления изменений в процедуре ЕГЭ нами были проанализированы демонстрационные варианты контрольных измерительных материалов, кодификаторы и спецификации, подготовленные создателями заданий к экзаменам в 2002 – 2009 годах.

В результате проведенного анализа и сопоставления материалов нами было выявлено, что **процедура** проведения государственного экзамена за указанный период коренных изменений не претерпела: все задания экзамена выполняются в один и тот же день на стандартных экзаменационных бланках, обрабатываемых в автоматическом режиме (задания уровня А и В), задания уровня С и уровня В при необходимости проверяются экспертами. Однако если в 2001–2006 годах творческие работы проверялись любыми специалистами по русскому языку, то с 2007 года этот тип заданий проверяется только специалистами по русскому языку, прошедшими специальную подготовку для проверки заданий ЕГЭ в соответствии с Методическими рекомендациями по оцениванию заданий с развернутыми ответами, подготовленными Феде-

ральным институтом педагогических измерений (ФИЛИ).

Экзаменационные задания **ранжированы по уровню** трудности следующим образом: уровень А – задания базового уровня сложности, задания уровня В в 2001–2008 годах относились к повышенному уровню сложности, а с 2009 года – к высокому, так как по данным предыдущих лет именно они вызывали наибольшее количество затруднений у экзаменуемых. Следовательно, задания части С, ранее считавшиеся заданиями высокого уровня сложности, в настоящее время считаются заданиями лишь повышенного уровня.

Если анализировать **формат заданий** каждой из трех частей экзаменационной работы, то следует отметить, что он изменениям не подвергся. Так, часть А по-прежнему состоит из заданий с выбором ответа из четырех предложенных (задание множественного выбора), часть В – из заданий с кратким ответом и часть С – это задание с открытым развернутым ответом, творческая работа. Традиционно это один из видов сочинения по прочитанному тексту, хотя с годами менялся его вид и указание в тексте задания на него. Так, в 2002 году это было сочинение-рецензия, в 2003, 2004 – сочинение-рассуждение (отзыв, рецензия или эссе). Начиная с 2005 года в формулировке задания указание на вид сочинения отсутствует.

Что касается **временных ограничений** на выполнение заданий, то общее время экзамена (180 минут) и распределение времени на каждую часть экзамена (часть А – 60 минут, часть В – 30 минут, часть С – 90 минут) не подверглись изменениям. Изменения коснулись лишь рекомендуемого времени на выполнение тестовых заданий частей А и В. Так, в 2002–2004 годах рекомендовалось на выполнение каждого задания части А отводить примерно 1 минуту, в 2005–2006 годах – примерно 1–2 минуты. Впоследствии с 2007 года время выполнения задания увеличилось до 1–3 минут. Тенденция увеличения количества времени на выполнение заданий наблюдается и в отношении части В: с примерно 3–4 минут в 2002–2004 годах до 3–5 минут в 2005–2007 годах. В связи с изменением уровня сложности части В с 2008 года на каждое задание этой части отводится 3–7 минут.

Менялось и **количество тестовых заданий на каждом уровне**, кроме уровня С, где в связи с творческим характером используется только 1 задание. Однако четкой тенденции на увеличение или уменьшение их количества не выявляется: в 2002 и 2004 годах заданий с выбором ответа было 32, в 2003 – 33, в 2005 – 29, в 2006–2008 – 31, а в

2009 году планируется 30. Что касается заданий с кратким ответом, то здесь наблюдается большая стабильность: ежегодно количество заданий составляло 8, исключением можно считать 2003 год, когда их количество составило 7.

При этом **формулировка заданий** не менялась. Задания **части А** формулируются как: «При выполнении заданий этой части укажите в бланке ответов цифру, которая обозначает выбранный Вами ответ, поставив знак «х» в соответствующей клеточке бланка для каждого задания (А1–А32)».

Формулировка заданий **части В** до настоящего времени звучит так:

«При выполнении заданий этой части запишите Ваш ответ в бланке ответов рядом с номером задания (В1–В8), начиная с первой клеточки. Ответ необходимо дать в виде последовательности цифр или букв. Каждую букву или цифру пишите в отдельной клеточке. Между числами ставьте знак тире». С 2005 года появилось дополнение: «Слова или числа при перечислении отделяйте запятыми. Каждую запятую ставьте в отдельную клеточку». Свою статью мы посвятим более подробному анализу частей А и В, так именно они подверглись наибольшим изменениям.

Задание **В1** части В направлено на проверку умений словообразования – ЕГЭ 2003–2009, а в ЕГЭ 2002 – на определение частиречной принадлежности указанного слова.

Задание **В2** проверяет умение определить часть речи слов, исключение составляют экзамены 2003 и 2004 годов, в которых соответственно предлагалось назвать средства выразительности, использованные в предложениях, и предложения, в которых повелительное наклонение глагола употреблено в значении условия.

Начиная с 2004 года задание **В3** проверяет умение определить тип словосочетания с определенным типом связи (в 2004, 2005 и в 2008 годах – со связью примыкание, в 2006, 2007, 2008 – со связью согласование). В 2002 году авторы задания просили выписать прилагательное с беглой гласной, а в 2003 – определить способ словообразования.

Задание **В4** проверяет умение определить тип предложения в тексте, например простое односоставное безличное (ЕГЭ 2006–2008) или сложное предложение, в состав которого входит односоставное безличное (ЕГЭ 2004, 2005, 2009). Исключением можно считать ЕГЭ 2002, где предлагается найти в тексте словосочетания, в которых используется связь примыкание, а ЕГЭ 2003 – подчинительное словосочетание со связью согласование.

В5 направлено на поиск обособленных членов предложения (ЕГЭ 2004 – на поиск вводной конструкции, 2005 – обособленных согласованных определений, 2006 и 2007 – приложения, 2008 – обособленного обстоятельства, 2009 – обстоятельства, выраженного деепричастным оборотом). ЕГЭ 2002 и 2003 опять же «выбиваются» из общего ряда. Так, в работе они соответственно предполагают поиск предложения, состоящего из трех частей, одна из которых выражена односоставным безличным предложением, и поиск простого безличного предложения в тексте.

Задание **В6** ставит задачу определения вида придаточного предложения в тексте (ЕГЭ 2005–2008), ЕГЭ 2009 – нахождения однородных придаточных без указания их конкретного вида. Вид придаточных предложений не задан и в экзаменационной работе 2004 года, здесь необходимо записать номер сложноподчиненного предложения с параллельным подчинением придаточных. ЕГЭ 2002 и 2003 коренным образом отличаются по данному пункту, в данных работах целью является проверка умения определить авторскую пунктуацию в тексте и простое предложение, в котором вводное слово стоит в начале обособленного оборота.

Задание **В7** – необходимо выписать номера предложений с указанным способом связи предложений в тексте (ЕГЭ 2004–2009). В ЕГЭ 2002–2003 это задание направлено на обнаружение предложений с обособленными обстоятельствами и сложноподчиненных предложений.

Следует заметить, что задание **В8** в экзаменационную работу 2003 года включено не было. В 2006–2009 годах это задание проверяет знание терминов, используемых при анализе языковых средств текста, средств выразительности (ЕГЭ 2004, ЕГЭ 2005). В работе 2002 года задание В8 направлено на выписывание номеров сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных.

Задание **части С** дается более подробно: «Для ответа на задание этой части используйте специальный бланк. Запишите сначала номер задания С1, а затем напишите сочинение». При этом сочинение пишется по тому тексту, который экзаменуемые использовали при выполнении заданий частей А и В. Причем в 2002–2004 годах авторами КИМов учащимся было предложено написать конкретный вид сочинения (сочинение-рецензию, сочинение-рассуждение, эссе), а в последующие годы учащимся самим надо было выбрать соответствующий вид сочинения. В творческой работе выпускникам предлагается сформулировать и

выразить свое согласие/несогласие с позицией автора, выразить свою точку зрения по поднятым в тексте проблемам, а с 2006 года предлагается назвать и прокомментировать какую-либо одну из проблем, а также проанализировать языковые средства, помогающие автору создать тот или иной образ или выразить свою позицию по какому-либо вопросу. Кроме указанных пунктов с 2003 года учащиеся должны оценить и актуальность темы текста. Что касается выразительных средств, то лишь в 2002 году было предложено назвать и привести примеры реализации всех языковых средств в тексте, а с 2003 года анализу подвергнуть можно лишь 2–3. Следует отметить, что инструкция выполнения творческой работы стала развернутой с 2006 года и с тех пор не менялась. Это связано с тем, что написание сочинения требует интегрированных умений и знаний по языку, литературе, из других областей знания и жизненного опыта. Части А и В подготавливают учащихся к написанию творческой работы, выражению своего мнения через работу с отдельными языковыми явлениями и их реализацией в тексте-опоре. Следует отметить, что часть С «примиряет» сторонников и противников ЕГЭ, так как она по форме близка к традиционной форме сдачи экзамена, позволяющей выявить не только достигнутый уровень владения языком, но и личностные особенности экзаменуемого. Хотя, с одной стороны, заданный объем работы (не менее 150–300 слов) несколько ограничивает возможности учащихся проявить себя, но в то же время приучает их к четкому и краткому выражению мыслей, высказыванию «по существу».

В большинстве случаев менялась и **нумерация заданий**, проверяющих конкретные умения, в каждой части экзаменационной работы. В нашей статье мы уделим внимание заданиям, проверяющим владение и знание языковых норм. Так, часть С проверяет умение выбрать необходимые языковые средства и реализовать это умение на практике через высказывание своего мнения и анализ использованных автором языковых средств.

Задание В 8 (ЕГЭ 2006–2009) и В2 (ЕГЭ 2003) части В проверяет знание как *терминологии в области изобразительно-выразительных средств* (ЕГЭ 200), так и умение провести *анализ текста*, соблюсти нормы словообразования, отличить авторскую пунктуацию от нормативной (ЕГЭ 2002, задание В6). Нормы словообразования проверяются заданием В1 (ЕГЭ 2006, 2008 и 2009), например, в демонстрационном варианте КИМов 2009 года это задание звучит как: «Выпишите из предложения 17 слово, образованное приставочно-суффиксальным способом».

Однако большинство **умений в области культуры речи** сосредоточено в части А, позволяющей работать с отдельными явлениями и примерами их реализации в языке. Так, знание *орфографических норм* проверяется заданиями А4–А13 (ЕГЭ 2002), А7–А16 (ЕГЭ 2003), А4–А12 (ЕГЭ 2004), А13–А19 (ЕГЭ 2005), А14–А20 (ЕГЭ 2006), А14–А20 (ЕГЭ 2007), А14–А20 (ЕГЭ 2008), А12–А18 (ЕГЭ 2009). Это типовые задания, расположенные ежегодно после заданий по *фонетике*, притом в схожей последовательности (от правописания гласных/согласных в ряду слов к слитно/раздельному написанию служебных слов в предложениях), например, в каком варианте ответа правильно указаны все цифры, на месте которых пишется одна буква Н; в каком ряду во всех словах пропущена безударная проверяемая гласная корня; в каком ряду во всех словах пишется одна и та же буква; в каком ряду на месте пропусков в обоих словах пишется та или иная буква (например, И); в каком варианте ответа указаны все слова, где пропущена указанная буква; в каком варианте ответа указаны все цифры, на месте которых пишется данная буква; в каком предложении оба выделенных слова пишутся слитно. В 2004 и 2005 годах использовалось и следующее задание: укажите неверное объяснение орфограммы (О/Ё после шипящих и -Н-/-НН- соответственно).

Владение *пунктуацией* проверяется такими заданиями, как А3, А21–А25 (ЕГЭ 2002), А24–А30 (ЕГЭ 2003), А22–А28 (ЕГЭ 2004), А20–А26 (ЕГЭ 2005), А21–А27 (ЕГЭ 2006), А21–А27 (ЕГЭ 2007), А21–А27 (ЕГЭ 2008), А19–А25 (ЕГЭ 2009): в каком предложении допущена пунктуационная ошибка; укажите правильное объяснение пунктуации в предложении; на месте каких цифр в предложении должны стоять запятые; укажите предложение с пунктуационной ошибкой; в каком предложении (не) ставится тире (знаки препинания не расставлены). С 2003 года появилось задание на выбор варианта, в котором правильно указаны и объяснены все запятые, а также на выбор предложение, в котором нужно поставить только одну запятую, при этом знаки препинания не расставлены. А с 2005 года было включено в работу и задание на объяснение правильности постановки двоеточия в предложении.

Количество заданий на проверку владения *орфоэпическими нормами* традиционно ограничено одним, которое обычно формулируется следующим образом: «В каком слове верно выделена буква, обозначающая ударный гласный звук?» (ЕГЭ 2004–2009) или «В каком слове ударение падает на первый (третий) слог?» (ЕГЭ 2002–2003).

Контроль соблюдения *лексических норм* является целью таких заданий, как: «В каком предложении вместо слова ДИПЛОМАТ нужно употребить слово ДИПЛОМАНТ», т.е. необходимо дифференцировать сходные по звучанию и написанию слова. Также имеются задания на выделение антонимической пары или контекстных антонимов в тексте, на заполнение пропуска в тексте соответствующим словом или словосочетанием, укажите значение данного слова в указанном предложении или укажите слово, которое использовано в тексте в переносном значении; укажите предложение, в котором используется фразеологизм (ЕГЭ 2006–2007); определите значение данного слова (например, ЕГЭ 2003); в каком значении в тексте используется слово ТОЛПА (ЕГЭ 2005); какое из перечисленных слов имеет указанное значение (ЕГЭ 2004) или какое слово в тексте употреблено в переносном значении (ЕГЭ 2009). В экзаменационных заданиях, представленных в 2008 году, вновь появляется задание на нахождение антонимов, которое не использовалось с 2002 года.

Еще одним критерием владения языком является соблюдение *морфологических норм*, проверяемых заданием на обнаружение ошибок в образовании форм слов и словосочетаний (ЕГЭ 2009, 2004, 2002).

Владение *нормами словообразования* контролируется через указание способа словообразования (задания части В) (ЕГЭ 2002, 2003, 2008), нахождение в предложении слова, образованного указанным способом (ЕГЭ 2005, 2006, 2007, 2009) или состоящего из указанных аффиксов (ЕГЭ 2002, 2004, 2005).

Синтаксические нормы и нормы связи (задание А6, ЕГЭ 2007, 2008) контролируются заданиями как части А, так и части В, например: «Укажите грамматически правильное продолжение предложения», «Укажите предложение с грамматической ошибкой (с нарушением синтаксической нормы)» (ЕГЭ 2002–2009). Также в тексте задания может содержаться указание на поиск подчинительных сочетаний с указанным видом связи из перечисленных предложений (ЕГЭ 2002, 2004, 2005, 2008 – примыкание; ЕГЭ 2003, 2007, 2009 – согласование). Кроме того, в заданиях части В традиционно дается задача найти предложения с обособленными членами предложения, с однородными придаточными предложениями или найти предложения, соединенные с предыдущим с помощью указанной части речи, например притяжательного местоимения, лексических повторов или синонимов. Также используется и задание на выписывание из текста сложного предложения, в

состав которого входит односоставное безличное предложение.

Стилистические нормы, также важные для достижения коммуникативной цели, кроме части С контролируются и частью А. Среди применяемых заданий можно выделить такие, как: определите тип и стиль речи текста (ЕГЭ 2002–2005) и какой(ие) тип(ы) речи представлен(ы) в указанных предложениях (ЕГЭ 2006–2009). При этом данные задания базируются не на наборе отдельных предложений разных стилей речи, а на связном тексте, который в дальнейшем подвергается анализу в заданиях частей А и В и переработке в части С. Таким образом, для проведения экзамена дополнительные раздаточные материалы и оборудование не требуются, что, несомненно, является одним из преимуществ ЕГЭ.

Что касается **количественного распределения заданий** на контроль умений *владения нормами языка*, то количество заданий на проверку орфографии с 10 в 2002–2003 годах сократилось до 9 в 2004 году и до 7 в 2005–2009 годах. Напротив, количество заданий по пунктуации увеличилось с 6 в 2002 году до 7 в 2003–2009 годах. Количество заданий по орфоэпии и стилистике осталось неизменным, т.е. равным 1. По количеству заданий, контролирующих владение лексическими нормами, авторы нашли «золотую середину»: если в 2002 и 2006 годах их было 1, в 2003–2005 годах — 3, то в с 2007 года — 2. Возросло также и количество заданий по владению синтаксическими нормами и нормами связи с 6 в 2005 году до 7 в 2003, 2004 и 2006 годах, до 8 в 2002, 2007 и 2008 годах и 9 в 2009 году, что отражает интерес к продуцированию связных текстов, к грамотному построению высказывания.

Таким образом, проведя анализ соответствующей документации по проведению ЕГЭ, можно отметить, что в целом процедура проведения итоговой государственной аттестации выпускников школ коренным преобразованиям не подверглась. Изменения коснулись лишь распределе-

ния времени внутри частей А и В экзаменационной работы, формулировок и количества заданий, части А прежде всего. Части В и С оказались более стабильными в отношении количества заданий и текста заданий. Пределы колебания первичного балла за выполнение частей В и С и итогового количества баллов за всю работу также менялись незначительно — от 0 до 2 и от 20 до 22 соответственно. Количественные показатели для части А не изменились (1 балл за правильный ответ).

Помимо этого все основные характеристики для заданий, проверяющих уровень владения русским литературным языком, были сохранены. Следует заметить, что в демонстрационных вариантах КИМов за период с 2002 по 2009 год текст многих заданий совпадает.

Новшеством можно считать дифференциацию первичного балла с 2005 года за задание В 8: 0 баллов за 2 и более допущенных ошибок или за отсутствие ответа, 1 балл, если допущена 1 ошибка, и 2 балла, если задание выполнено без ошибок.

Однако самым значительным изменением за все время существования данной формы итогового контроля можно признать изменение распределения заданий по уровню сложности. Так, часть С, соответствовавшая ранее высокому уровню сложности, с 2009 года стала считаться только лишь повышенным уровнем, а часть В — высоким, так как именно задания этой части вызывают наибольшие затруднения у экзаменуемых.

Таким образом, наблюдается тенденция к уменьшению количества легких заданий и увеличению количества заданий высокого и повышенного уровня сложности, что, с одной стороны, способствует большей адекватности и объективности тестового способа проверки знаний, а с другой стороны, повышает требования к выпускникам по владению родным для большинства языком. Как указывают методисты ФИПИ, они и далее планируют совершенствовать контрольные измерительные материалы для оправдания надежд, возложенных на новую форму контроля.

Библиографический список

1. <http://wwwl.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2002: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2001.
2. <http://wwwl.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2003: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2002.
3. <http://wwwl.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2004: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2003.

4. Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: 2005–2006 / Под общ. ред. И.П. Цыбулько: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М.: Просвещение, 2006. 77 с.
5. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2006: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2005.
6. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2007: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2006.
7. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2008: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2007.
8. <http://www.fipi.ru> – Единый государственный экзамен: русский язык: контрол. измерит. материалы: демонстрационный вариант: 2009: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2009.
9. <http://www.fipi.ru> – Единый государственный экзамен: русский язык: спецификация экзаменационной работы: 2009: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2009.
10. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: спецификация экзаменационной работы: 2004: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2003.
11. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: спецификация экзаменационной работы: 2005: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2004.
12. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: спецификация экзаменационной работы: 2006: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2005.
13. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: спецификация экзаменационной работы: 2007: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2006.
14. <http://www.ege.edu.ru/content/archivesection/> – Единый государственный экзамен: русский язык: спецификация экзаменационной работы: 2008: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2007.
15. <http://www.ege.edu.ru/> – Единый государственный экзамен: русский язык: кодификатор элементов содержания по русскому языку для составления контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2009 года: М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. служба по надзору в сфере образования и науки, Федерал. ин-т пед. измерений. М., 2009.

Julia Logvinova

On the alterations and changes in the Russian State Exam in the Russian Language in 2002–2009.

The article is devoted to the survey of alterations and changes made in the procedure of the Russian State Exam in 2002–2009, namely in ranking the tasks in order of difficulty, in format and wording of tasks and their assessment, time limits, the number of tasks on each level and the number of tasks aimed at checking the correspondence to standards of speech.

*А.Р. САДЫКОВА, кандидат педагогических наук,
доцент, зам. зав. кафедрой высшей математики
Московского государственного университета технологий и управления*

РЕФЛЕКСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В истории европейской философской, психологической и педагогической мысли начиная с Сократа и Платона до Л. Выготского и С. Рубинштейна прослеживается постоянно возрастающий интерес к изучению роли рефлексии. Психолого-педагогические технологии, разработанные для развития рефлексивного мышления, служат конструктивными методами для гуманизации общего и профессионального образования.

Ключевые слова: рефлексия, психолого-педагогические технологии, рефлексивное мышление, гуманизация.

Настоящий этап развития общества характеризуется невиданной ранее динамичностью и значимостью, что обуславливает необходимость овладения выпускником вуза стратегиями, методами и подходами решения частных и общих профессиональных задач. Эти задачи практически никогда изначально не определены и потому требуют от человека квалифицированного осуществления самых разнообразных рефлексивных, оценочных процедур. Резко усиливаются требования к уровню его профессиональной компетентности, к умению совершенствоваться и обновлять свои знания и стратегии мыслительной деятельности.

Для высшего профессионального образования рефлексивное мышление как стратегия познавательной деятельности имеет особую значимость, т.к. это важнейшее качество современного инженера, которое должно формироваться последовательно и систематично, с самой начальной ступени обучения.

Основная идея рефлексии заключается в ее «сопротивлении» любому насильственному влиянию, попыткам манипулировать человеческим сознанием. В ходе своей профессиональной и социальной деятельности человек, подвергаясь мощному воздействию, вынужден перерабатывать, осмысливать и соотносить полученную информацию со своими интересами и жизненными ценностями. Умение осуществлять все перечисленное и предполагает тот или иной уровень сформированности рефлексии, в частности следующих ее качеств:

1. Определенность
2. Непротиворечивость
3. Последовательность
4. Обоснованность

Человек, обладающий рефлексивным стилем мышления, может ориентироваться как в типичной, так и в незнакомой ситуации. Такая способность обеспечивает возможность на основании отдельных фактов делать предположения об особенностях большого количества фактов, а быть может, и о целом классе изучаемых фактов.

К особенностям, обеспечивающим достижение высокого уровня рефлексивного мышления, следует отнести развитую наблюдательность, то есть способность к целенаправленному отражению предметов и явлений, их всестороннему анализу в соответствии с поставленной целью. Она важна в деятельности, в процессе которой нельзя предвидеть дальнейший ход, либо в критической оценке, требующей полного, точно-

го отражения объекта, выделения в нем положительных и отрицательных свойств [1, 2].

Рефлексивность ума включает также способность обнаружения субъектом познания нарушения последовательности мысли, противоречий в рассуждениях, а также установления достаточности в обосновании. Эта способность предполагает не только знания формальной логики, но и умение применять их в практической деятельности. Также к числу параметров, входящих в рефлексивное мышление на правах составляющих, относятся: активность, раскованность, плюралистичность мышления, установка на множественность вариантов, свобода выдвижения нестандартных решений, высокий уровень организованности и целенаправленности мышления.

Таким образом, развитие культуры рефлексивного мышления сводится к тому, что ей необходимо специально обучать, чему может способствовать познание законов «правильного» мышления, методов и приемов доказательного рассуждения, которые влияют на становление самосознания, интеллектуальное развитие личности, формирование научного мировоззрения. Обучение должно обеспечивать не только усвоение основ наук, но и быть воспитывающим, формирующим личность, то есть системное формирование рефлексивного мышления помогает не только в учебном процессе, но и в становлении гармоничной личности. Это обусловлено как задачами учебной деятельности любого вуза, так и целями и задачами профессионального образования, ориентированного прежде всего на подготовку специалиста, способного успешно развиваться в своей будущей професси-

ональной деятельности, а без сформированности рефлексивного мышления это практически невозможно. Поэтому требуется разработка специальных технологий и методик формирования рефлексивного мышления студента высшего учебного заведения профессионального образования [3].

При этом следует отметить, что главной причиной несформированности рефлексивного мышления у студентов является отсутствие его у самих преподавателей. Это обусловлено и слабой разработкой данной проблемы в отечественной педагогике высшей школы, и слабым внедрением в учебный процесс ее составляющих. Поэтому к числу приоритетных направлений решения указанной проблемы относится проблема формирования рефлексивного мышления у преподавателей высшей школы. Это предполагает разработку специальных методик, которые могут быть использованы в процессе обучения преподавателей на ФПК и ИПК [3].

Исторический опыт свидетельствует, что проблема ценностей в системе образования приобретала важное значение лишь в переломные моменты общественного развития. Очевидно, что в нынешней исторической ситуации необходимо с особой критичностью и ответственностью подходить к оценке явлений и процессов общественной жизни, к категориям добра и зла, истины и лжи, допустимого и запретного и т.д. Все это обуславливает актуальность проблемы формирования рефлексивного мышления как одного из важнейших направлений современной педагогики вообще и педагогики высшей школы в частности.

Библиографический список

1. Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. С. 318.
2. Логика и эмпирическое познание / Сб. статей под ред. П.В. Таванец. 1981. 147 с.
3. Попков В.А., Коржув А.В. Рефлексивные стратегии познавательной деятельности в высшем профессиональном образовании. М.: Изд. ИУО РАО, 2004. 200 с.
4. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии: Для преподавателей вузов и аспирантов. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
5. Рузавин Г.И. Методы научного исследования. М.: Наука, 1974. 237 с.

Sadykova A.R.

Reflexive thinking as strategy of cognitive activity

In the history of European philosophical, psychological and pedagogical thought from Socrates and Plato to L.Vygotsky and S.Rubinshtein one can find an increasing interest in studying the role of reflexion. The psychopedagogical technologies elaborated to develop reflexive thinking serve as constructive methodological methods of the humanization of general and professional education.

*А.В. ОВСЯННИКОВА, кандидат педагогических наук,
заместитель директора Института системной автоматизации и
инноватики, доцент кафедры высшей математики
Московского государственного университета технологий и управления*

КРИТЕРИИ ВКЛЮЧЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В СОДЕРЖАНИЕ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматривается включение основ научной методологии в систему вузовского обучения, которое способствует решению многих актуальных проблем высшего образования.

Ключевые слова: *личностно ориентированная парадигма, субъект познания, познавательный объект, методология.*

В современных условиях в отечественном образовательном пространстве формируется новая парадигма, в основе которой лежит идея развития личности студента, – это личностно ориентированная парадигма, предполагающая перенос акцента с информационного, гностического подхода (ориентирующегося прежде всего на усвоение знаний) на личностно-деятельностный, предполагающий формирование личности, способной к активной, в том числе творческой, деятельности.

Одним из условий, способствующих реализации нового понимания целей образования, является включение основ научной методологии в систему вузовского обучения.

За последние десятилетия было проведено значительное число исследований, в которых обосновывалась необходимость включения методологических знаний в содержание общего среднего и высшего образования. Это прежде всего работы Л. Я. Зориной, В. Г. Разумовского, Б. Д. Комиссарова, Г. М. Голина, В. Н. Мощанского, В. Ф. Ефименко, Н. В. Шароной, Р. Н. Щербакова, П. Н. Николаева, О. Н. Голубева, Д. В. Суханова и др. Во многих работах, посвященных проблемам формирования научного мировоззрения студентов, развития их мышления, реализации принципа гуманитаризации естественнонаучного образования и т. д., отмечалось, что элементы методологического знания составляют неотъемлемую часть системы учебного знания, изучение которых способствует решению многих актуальных проблем вузовского образования.

Поэтому изучение вопросов методологии является абсолютно необходимым условием соответствия вузовского естественнонаучного образования состоянию развития современного научного знания и целям обучения студентов в высших учебных заведениях системы профессионального образования. Включая в предмет исследования вопросы взаимосвязи субъекта познания и познавательного объекта, познания и самого знания, проблемы истинности знания, методология как часть содержания образования позволяет оказать существенное влияние как на качество знаний студентов, обеспечиваемое в результате осознанного их усвоения, так и на процесс развития личности в целом.

Однако, несмотря на очевидную доказанность необходимости включения в содержание вузовского образования методологических знаний, они так и не стали реальной составной частью знаний студентов – это подтверждает анализ их зна-

ний и умений в процессе различных видов контроля.

Анализ проблемы привел нас к следующим критериям включения методологического материала в содержание вузовского обучения:

- Первым критерием будет следующий: максимальная сочетаемость конкретного методологического фрагмента с содержанием того или иного конкретного фрагмента предметного знания, к которому этот методологический фрагмент «прикрепляется» в учебном процессе. Говоря более коротко, имеется в виду органичная включенность методологического фрагмента в предметное учебное знание.
- Второй критерий сформулируем следующим образом: при проектировании методологического фрагмента, включаемого в содержание естественнонаучного образования, желательно предусмотреть возможность его иллюстрации на как можно большем числе конкретных разноплановых примеров – не сгруппированных в одной или нескольких близких по времени изучения темах, а более-менее равномерно распределенных по всему курсу.
- Третий критерий обозначает желательность того, чтобы при включении методологического фрагмента в содержание обучения были бы предусмотрены:
 - а) возможность его иллюстрации на примере (ах) из истории научного познания;
 - б) возможность иллюстрации применения того или иного методологического приема (утверждения, положения) преподавателем в специально сконструированной учебной ситуации;
 - в) возможность обучить студента самостоятельному применению методологических знаний в различных ситуациях, специально сконструированных преподавателем.
- Четвертый критерий предусматривает отражение в естественнонаучном образовании таких особенностей научной методологии, которые проектируются на ту конкретную область профессиональной деятельности, которой будет заниматься выпускник вуза после его окончания.
- Пятый критерий отбора методологического материала в содержание естественнонаучного образования в технических вузах пре-

дусматривает включение такого материала, который мог бы способствовать предотвращению формирования в сознании студентов ошибочных и формальных представлений о внутренних сущностных особенностях процесса становления и развития научного знания и методах его «добывания».

Говоря о реализации методологического знания в естественнонаучном образовании в технических вузах на уровне овладения студентами тем или иным компонентом, необходимо затронуть фрагмент, связанный с методами теоретического и эмпирического познания, и вести речь об эксперименте. Задав целью методологического насыщения соответствующих умений студента, преподаватель может конструировать и использовать в учебном процессе следующие типы задач и заданий:

- задания и вопросы, требующие от студента выявить, насколько полученный в эксперименте качественный эффект или количественный результат подтверждают (или опровергают) [а лучше – соответствуют или не соответствуют] тот теоретический вывод, умозаключение, закономерность, закон, с целью иллюстрации (проверки) которого этот эксперимент был выполнен;
- задания и вопросы, требующие от студента выявить, чем могло быть обусловлено то, что в процессе повторения эксперимента получают различающиеся результаты, может ли это влиять на результаты его интерпретации относительно соответствия какому-либо теоретическому положению;
- задачи и вопросы, предполагающие выявление студентом того, какой измененный (модифицированный) вариант экспериментальной установки способствовал бы более уверенному выводу о том, что результат эксперимента соответствует какому-либо теоретическому выводу;
- задачи и вопросы, при решении которых студент должен установить, вполне ли корректен тот или иной эксперимент в плане того, действительно ли он выявляет характер зависимости некоего А от некоего В (например, студент должен выявить, как соблюдается условие *неизменности* всех остальных факторов, так или иначе оказывающих влияние на исследуемое явление);
- задачи и задания, предполагающие выявление студентом того, действительно ли той

причиной, о которой говорится в теоретическом заключении, выводе и т.д., обусловлено желаемое и для экспериментатора изменение исследуемой величины или это вполне могло бы быть обусловлено другими факторами, как исключить их влияние;

- задачи и задания, предполагающие выявление

студентом того, не вносит ли «присутствие» измерительного устройства искажений в характер протекания исследуемого процесса;

- задачи и задания, требующие от студента соотнесения результатов двух (или нескольких) независимых экспериментов.

Библиографический список

1. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. 1997. № 4. С. 11–17.
2. Голин Г.М. Вопросы методологии физики в курсе средней школы. М.: Просвещение, 1987. 127 с.
3. Штоф В.А. Введение в методологию научного познания. Л.: ЛГУ, 1972. 191 с.
4. Степин В.С., Елсуков А.Н. Методы научного познания. Минск: Высшая школа, 1974. 152 с.
5. Методологические основы научного познания / Под ред. П.В. Попова. М.: Высшая школа, 1972. 272 с.

Ovsyannikova A.V.

Criteria of inclusion of the scientific methodology into the system of the High School education.

The article considers the inclusion of the scientific methodology into the system of the High School education, which promotes to solve the numerous actual problems of higher education.

*Е.А. НОВИКОВА, аспирантка кафедры
общей педагогики
Орловского государственного университета*

ПСИХОДИДАКТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

В данной статье дана краткая характеристика метода активного обучения, в центре внимания которого — активная деятельность студента, его активность. Выделены основные психодидактические идеи активного обучения. На них строится не только весь процесс обучения, но и проектирование результата обучения или траектории развития студента. Рассмотрен технологический комплекс личностно ориентированного обучения, с помощью которого выделена основная единица учебного проектирования (учебная ситуация) и основная процедура учебного проектирования (деловая игра). В результате анализа трех уровней пространств организации деловой игры дана характеристика видам учебной деятельности и формам ее организации. Основным составляющим элементом проектирования индивидуальной траектории развития является понимание и рефлексия.

***Ключевые слова:* процесс обучения, активное обучение, психодидактические идеи, учебная ситуация, проектирование, индивидуальная траектория развития, деловая игра, личностный опыт, рефлексия.**

В настоящее время система образования переживает эпоху перестройки и поиска новых методов обучения, где основной упор делается на активное участие самой личности в процессе образования, на развитие её аналитических и творческих способностей.

Подобные методы в педагогике получили общее название активных методов обучения, а сама деятельность носит активно-деятельностный характер. При сравнении традиционного и активного обучения можно выделить отличия в степени подготовки студентов и усвоения материала. Если в традиционном обучении учащийся сначала пассивно воспринимает новую информацию, а затем воспроизводит её в процессе учебной деятельности, то в активном обучении он в основном действует сам и во время этой деятельности получает новые знания и развивает свои способности. При использовании активных методов в процессе обучения происходит перенос акцента с обучающей деятельности преподавателя на познавательную деятельность студента. Новые знания, полученные таким способом, являются наиболее прочными, так как приобретают личностный смысл. Это происходит благодаря умению актуализировать общие знания и способности проектировать в личностную сферу.

При организации активного процесса обучения необходимо придерживаться основных психодидактических идей. Идеи являются систематизирующим фактором в цепочке «цель — задача — результат». В них отражается активный процесс проектирования результата обучения. Рассмотрим основные психодидактические идеи активного обучения.

1. Идея личностного подхода.

Для её реализации необходимо создание условий, образовательной среды для полноценного проявления личностных качеств обучаемого и его самореализации.

2. Идея деятельностного подхода.

Учебная деятельность должна быть разнообразной, охватывать все сферы, дающие возможность для самовыражения, имеющей творческий характер. Структура учебной деятельности включает мотивационный, содержательный и операционный компоненты (потребности, мотивы => цели, задачи => действия, операции).

3. Идея системного подхода.

Предполагает целостное, системное представление о личности и ее развитии.

4. Идея контекстного подхода.

Учебная деятельность студентов должна осуществляться в среде и в формах, наиболее близких к реальной предметной деятельности, что формирует условия для наилучшего усвоения практической деятельности и связанных с ней теоретических знаний.

5. Идея рефлексии.

Анализ, осознание осуществленной деятельности и самого себя в этой деятельности (рефлексия) — один из основных механизмов развития человека. Организация рефлексивности на всех этапах образовательного процесса придает личностный смысл.

6. Идея проблемности.

В основе проблемного подхода в образовании лежит проблемная ситуация интеллектуального затруднения.

7. Идея оптимизации.

Рассматривается в условиях вариантного образования, исключает перенос определенных методов и педагогических технологий в ограниченные условия.

8. Идея сотрудничества.

Взаимодействие субъектов образовательного процесса означает создание психологических комфортных условий для развития каждого обучаемого, удовлетворение от совместной деятельности.

Практическое использование психодидактических идей в профессиональной подготовке задает общую направленность деятельности в учебном процессе, становясь составной частью практико ориентированной методологии. Данная методология применяется в практике учебного проектирования, в частности при проектировании индивидуальной траектории развития студентов в образовательном процессе. Траек-

тория представляет собой путь, который проходит студент для успешной самореализации в будущем, — от зарождения проблемной (учебной) ситуации, порождения познавательной мотивации до нахождения способов разрешения проблемы и доказательства их правильности. Он может быть заранее задан, иметь общее направление, но в любом случае будут констатированы отклонения от ранее заданной траектории. Процесс развития траектории происходит по заранее заданному пути, из общей точки. Он начинается с постановки проблемы или с создания проблемной ситуации обучения. В неё включаются не только внешние условия, но и сам действующий субъект и другие люди, с которыми он находится в отношениях общения и межличностного взаимодействия. Попадая в ситуацию, студент должен определиться в ней, провести ее анализ, т.е. самоопределиться в ситуации. Проведя анализ ситуации, он формулирует задачу. Причем эта задача не навязана другим, «сверху», а является лично значимой, вытекает из логики его собственной активности, является его личной потребностью. Затем он решает ее (или организует решение с помощью других людей), доказывает истинность решения, компетентность и качество предпринятых при этом действий и поступков. С помощью развертывания ситуации и решения поставленной проблемы создается контекст деятельности студента. Таким образом учебная ситуация проектируется в личностную сферу, приобретая характер лично-развивающей ситуации, становясь частью личностного опыта индивида.

Личностный опыт — весьма специфический компонент содержания образования, и термин «лично-личный» может быть применен к образованию с большой долей условности. Этот опыт, во-первых, всегда существует неотрывно от личности: или как сложившаяся у нее ценностная установка, или в процессе переживания, переосмысления и т.п.; во-вторых, не может быть представлен, задан до наступления проблемной ситуации. Это особая собственная жизнь личности, которая может быть связана с выполняемой предметной деятельностью, а может протекать и независимо от этого. Здесь действуют свои внутренние потребности и мотивы личности, посредством которых учебная ситуация переходит в разряд личностного опыта, происходит формирование критериальной основы, необходимой для осуществления самостоятельного и ответственного выбора в проблемных ситуациях. На данном этапе мы не можем оценивать пра-

тельность выбранной траектории, т.к. действия обучаемых не являются строго определенными и законченными. В такой ситуации педагог должен строить учебную деятельность с позиции совместного сотрудничества и кооперации, в условиях лично ориентированного образования. Это означает сознательную ориентацию не на конфронтацию смысла и целей деятельности преподавателей и деятельности студентов, а их максимальное объединение, взаимное сотрудничество, где совместная учебная деятельность выступает предпосылкой для осуществления проектирования индивидуальной траектории развития. Её можно представить как возникающую в процессе учения общность, которая не дана в готовом виде сразу и неизменно. Перестройка ее форм на разных этапах усвоения материала учения образует движение от зарождения общности смыслов, целей и способов деятельности к развитию единого смыслового поля. В этом поле начинает дифференцироваться, оформляться новая форма саморегуляции деятельности, которая имеет личностный смысл для каждого студента. Именно с осознания значимости учебной деятельности самим обучаемым начинается процесс проектирования.

Процесс проектирования можно осуществить с помощью технологического комплекса лично ориентированного образования («задача», «диалог», «игра»), который предполагает использование трех базовых технологий (3):

1. «Технология задачного подхода» — представление элементов содержания образования в виде разноуровневых лично ориентированных задач (проблемных ситуаций).
2. «Технология учебного диалога» — усвоение содержания в условиях диалога как особой дидактико-коммуникативной среды, обеспечивающей рефлексию, самореализацию личности.
3. «Технология имитационных игр» — создание социально-ролевых и пространственно-временных условий, обеспечивающих самореализацию личности в условиях внутренней конфликтности.

Таким образом, проектирование образования возможно в ситуации, когда его направление выбирается самим субъектом личного и профессионального самоопределения, которое, в свою очередь, осуществляется на основе диалога с образовательной деятельностью. Необходимо построить учебный процесс, который способствовал бы вхождению предлагаемого

опыта в контекст жизненной сферы обучаемого через спроектированную задачу, где способом освоения личного опыта выступает диалог, а методом освоения является игра.

Все сказанное обуславливает необходимость разработки такой профессионально обучающей процедуры, при которой студенты смогут самостоятельно формировать новые связи и обобщения на основе собственного опыта, действовать в специфических, созданных преподавателем ситуациях, проектировать индивидуальную образовательную траекторию развития.

В качестве такой процедуры выбрана *деловая игра*, призванная активизировать отношение студентов к технологии учебного проектирования, сформировать у них качества восприятия данной процедуры как целостности, обладающей особым личностным содержанием. В деловой игре работа студентов предполагает использование знаний, умений, навыков, возможностей, полученных в период, предшествующий этой процедуре. Используя эти возможности в качестве средства разрешения ситуативных задач и проблем, студент накапливает технологический опыт, необходимый для будущей профессиональной деятельности (1). В теории контекстного обучения деловая игра рассматривается как одна из форм квазипрофессиональной (подобно профессиональной) деятельности. В ней моделируется предметное и социальное содержание будущей профессии, требующее активной коллективной деятельности на уровне творческого мышления. Деловая игра является инструментом формирования личности специалиста, то есть происходит соединение личного и контекстного в обучении.

Характеризуя деловую игру как процедуру проектирования индивидуальной траектории развития студента, необходимо отметить, что в данном случае происходит не только соединение лично ориентированного обучения с контекстным, но и поведение студента в деловой игре рассматривается через контексты проектирования: личного, деятельностного и познавательного.

Таким образом, игра — это не только процедура, но и сложная система действий, организуемая на трех уровнях пространства:

- *предметном*, где главным является исследование спроектированной проблемы в ситуации игры;
- *игровом*, где реализуются пути ее решения;
- *межличностных отношений*, где выстраивается определенная культура поведения.

В каждом пространстве будет по-разному организована учебная деятельность, поэтому результат обучения будет неодинаков. Это необходимо учитывать при проектировании индивидуальных траекторий, так как на каждом уровне обучаемый поставлен в ситуацию свободного выбора средств обучения с ориентацией на параметры личностного развития.

В предметном пространстве учебная деятельность носит характер «структурно организованной» деятельности и предполагает акцент на основах концептуальных построений учебного предмета при отборе учебного материала; на алгоритмах действия при знакомстве обучаемых с ним и отработке ими «навыков» предметно-специфического мышления. Основное, на что направлена учебная деятельность, — это выработка умений, навыков, способности *объяснять*. Игровое пространство имеет характер «позиционно ориентированной» организации учебной деятельности. Это коммуникативно-диалоговый и моделирующий поиск инструментальных ориентиров в проектируемой деятельности. Главными являются умения, навыки, способности *толковать*. Пространство межличностных отношений, которое реализуется в «смысле ориентированной» деятельности, направлено на создание ситуаций, психологически адекватных возможностям обучаемого, и формирование у них умений выражать себя, где основными становятся

умения, навыки *понимать*. На понимании должен быть основан не только процесс проектирования, но и вся учебная деятельность должна быть осознанной и понятной. Понимание не может происходить без процесса рефлексии. Когда знание отрефлексировано, оно становится частью личностного опыта и самой личности. Это является неотъемлемой частью всего процесса проектирования.

Переход одного вида пространства в другой сопровождается соответствующей сменой потребностей, мотивов, целей, средств, предметов и результатов деятельности и в конечном счете является процессом самопроектирования студента в специалиста.

Таким образом, деловая игра представляет собой комплексный метод, соединяющий в себе элементы обучения и исследования. При использовании уровней пространств деловых игр можно организовать процесс самопроектирования студента, имеющий творческий характер и личностную значимость. Данный процесс организуется на основе психодидактических идей активного обучения. Это позволяет проектировать не только индивидуальную траекторию, но и контекст будущей практической деятельности, который оказывает смыслообразующее влияние на учебную деятельность студентов и весь процесс обучения, способствует формированию компетентного специалиста.

Библиографический список

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991. С. 99.
2. Личностно ориентированное обучение: Хрестоматия: для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений / Сост. Е.О. Иванова, И.М. Осмаловская. М.: СГУ, 2005.
3. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 272 с. С. 31.
4. Ширшов Е.В. Педагогические условия проектирования электронных учебно-методических комплексов: Монография / Е.В. Ширшов, О.В. Чурбанова. Архангельск: Изд-во Архангельского госуд. технического университета, 2005.

NOVIKOVA ELENA ALEKSEEVNA

THE TITLE OF THE ARTICLE — THE CHARACTERISTICS OF ACTIVE LEARNING IN THE PROCESS OF STUDYING

Brief characteristics of active learning are given in this article. In the centre of attention students work and their activity is depicted in the article. Psychological ideas of teaching are marked. Not only the process of teaching is based on there ideas, but also future results of teaching and students development play a great role in this process. A method of teaching concerning individual approach is touched upon in this article. With the help of it main idea of the teaching situation and the main procedure of business game are touched upon. Analyzing 3 levels of organizing business game teaching activity and forms of there organization are given there. Understanding and reflexology are the main components of projecting an individual form of development.

*Т.А. ЯГУПОВА, ассистент кафедры ДПИ
и технической графики
Орловского государственного университета*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО, ВЛИЯЮЩЕЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

В статье рассматривается роль художественного образования в процессе обучения, его влияние на развитие личности ребенка.

Ключевые слова: художественное образование, искусство, художественно-творческая деятельность, формирование, воспитание.

Художественное образование — процесс освоения школьниками совокупности знаний, умений, навыков, формирования мировоззренческих установок в области искусства и художественного творчества. Практическое обучение изобразительному искусству, являющееся одним из эффективных методов воспитания, всегда решает комплексную задачу: формирование навыков художественной грамоты, развитие эмоционального восприятия произведений искусства, формирование интеллектуальных способностей, совершенствование художественного вкуса. Искусство — особая форма общественного сознания, концентрированно выражения человеком в разнообразных жанрах художественного творчества, в обобщенных художественных образах своего эстетического и идейно-нравственного отношения к действительности. По свидетельству ученого, педагога и искусствоведа Лихачева, «искусство было и остается главным предметом эстетики, а художественное воспитание — основным средством формирования эстетического отношения к миру».

Искусство оказывает широкое и многостороннее воздействие на человека. Художник, создавая свое произведение, глубоко изучает жизнь, вместе с героями любит, ненавидит, борется, побеждает, гибнет, радуется и страдает.

Встреча с явлением искусства не делает человека сразу духовно богатым или эстетически развитым, но опыт эстетического переживания помнится долго, и человеку всегда хочется вновь ощутить знакомые эмоции, испытанные от встречи с прекрасным.

Изучение искусства в основной школе призвано сформировать у учащихся художественный способ познания мира, дать систему знаний и ценностных ориентиров на основе собственной художественно-творческой деятельности и опыта приобщения к выдающимся явлениям русской и зарубежной художественной культуры. Вклад образовательной области «Искусство» в развитие личности выпускника основной школы заключается в развитии эстетического восприятия мира, в воспитании художественного вкуса, потребности в общении с прекрасным в жизни и в искусстве, в обеспечении определенного уровня эрудиции в сфере изобразительного искусства, в сознательном выборе видов художественно-творческой деятельности, в которых подросток может проявить свою индивидуальность, реализовать творческие способности.

Изобразительное искусство как комплексный предмет объединяет познание самих художественных произведений, элементы искусствознания, теории изобразительной деятельности, освоение навыков практического изображения,

изобразительной грамоты и творческого самовыражения.

Важнейшая воспитательная функция произведений изобразительного искусства, рассматриваемых на уроках, заключается в необходимости и осуществлении художественно-эстетического образования школьников. Познание выдающихся образцов художественного творчества требует от учащихся сопереживания героям, определенного идейного кругозора, культуры чувств, остроты восприятия. Любое произведение вызывает наше ответное чувство. Б.М. Неменский так описал это явление: «И хотя сам по себе творческий процесс создания художественного произведения как будто уже совершился, каждый человек вслед за художником-творцом погружается в него всякий раз, когда воспринимает произведение искусства. Он вновь и вновь в меру своих личных способностей становится творцом, «художником», переживая жизнь как бы «душой автора» того или иного произведения, радуясь или восхищаясь, удивляясь или испытывая гнев, досаду, отвращение».

Обучение изобразительному искусству в школе не должно сводиться к технократической, узкотехнологической стороне. Постигание основ языка художественной выразительности выступает не как самоцель, а как средство создания художественного образа и передачи эмоционального отношения человека к миру.

Изобразительная деятельность школьников как вид художественной деятельности должна носить эмоциональный, творческий характер. Педагог должен создавать для этого все условия: он прежде всего должен обеспечить эмоциональное, образное восприятие действительности, формировать эстетические чувства и представления, развивать образное мышление и воображение, учить детей способам создания изображений, средствам их выразительного исполнения.

Процесс обучения должен быть направлен на развитие детского изобразительного творчества, на творческое отражение впечатлений от окружающего мира, произведений литературы и искусства.

Рисование, лепка, аппликация — виды изобразительной деятельности, основное назначение которой — образное отражение действительности.

Изобразительная деятельность — одна из самых интересных для детей школьного возраста.

Изобразительная деятельность — это специфическое образное познание действительности.

Как всякая познавательная деятельность, имеет большое значение для умственного воспитания детей.

Художественное образование направлено на приоритетное развитие художественно-творческих способностей учащихся при эмоционально-ценностном отношении к окружающему миру и искусству. Отечественное (русское, национальное) и зарубежное искусство раскрывается перед школьниками как эмоционально-духовный опыт общения человека с миром, как один из способов мышления, познания действительности и творческой деятельности.

Цели художественного образования:

- **развитие** художественно-творческих способностей учащихся, образного и ассоциативного мышления, фантазии, зрительно-образной памяти, эмоционально-эстетического восприятия действительности;
- **воспитание** культуры восприятия произведений изобразительного, декоративно-прикладного искусства, архитектуры и дизайна;
- **освоение знаний** об изобразительном искусстве как способе эмоционально-практического освоения окружающего мира; о выразительных средствах и социальных функциях живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры, дизайна, архитектуры; знакомство с образным языком изобразительных (пластических) искусств на основе творческого опыта;
- **овладение умениями и навыками** художественной деятельности, разнообразными формами изображения на плоскости и в объеме (с натуры, по памяти, представлению, воображению);
- **формирование** устойчивого интереса к изобразительному искусству, способности воспринимать его исторические и национальные особенности.

Художественное образование предусматривает формирование у учащихся общеучебных умений и навыков.

Занятия изобразительным искусством способствуют развитию ассоциативности и образности мышления, умению использовать язык различных видов искусства при восприятии художественных произведений и в самостоятельной творческой деятельности; самоопределению в видах и формах художественного творчества, чувству сопереживания другому человеку.

Основными целями художественного образования в учебном процессе являются формирование духовной культуры личности ребенка, приобщение его к культурным ценностям, к художественно-культурным национальным традициям, развитие творческого, образного мышления, памяти, художественных способностей, формирование эстетического понимания сути происходящего. В этом процессе многое зависит от духовной и художественной культуры учителя изобразительно искусства, хорошо сформированного у него образного мышления. Осуществляющий художественно-эстетическое обучение и развитие учеников, он должен формировать и развивать их художественное восприятие через практическую, творческую деятельность, совершенствовать изобразительные умения и навыки.

Искусство как форма общественного сознания представляет собой художественно-образное отражение жизни. Родившись из потребностей жизни, оно призвано давать верное отражение действительности и отвечать эстетическим запросам человечества. Современная действительность предъявляет высокие требования к уровню интеллектуальной и творческой развитости человека, к технической и культурной образованности и, соответственно, к уровню подготовленности молодёжи к профессиональной деятельности.

Теоретические вопросы активизации творческой деятельности освещаются в психолого-педагогических научных работах В.С. Кузина, Н.Н. Ростовцева, Е.В. Шорохова, Н.С. Боголюбова и др. Эти ученые отмечают, что изобразительная деятельность и художественный труд являются благоприятными для развития основных компонентов творческих способностей — интеллектуальной инициативы, поисковой активности и направленности на самосовершенствование

и совершенствование окружающего мира. Одной из важнейших задач, стоящих перед общеобразовательной школой, является улучшение художественного образования и эстетического воспитания учащихся — формирование у них чувства прекрасного, высокого эстетического вкуса, умения понимать, ценить красоту не только искусства, но и окружающей действительности. Учителя школ призваны эффективно использовать воспитательные и образовательные возможности всех учебных предметов, факультативов и кружков по искусству.

Искусство на современном этапе идёт в ногу со временем и приобретает особые черты, которые раньше были менее ярко выражены: большую символичность, многозначность образов и очень часто глубокий философский подтекст произведения. Однако большинство даже образованных людей ориентированы до сих пор на поверхностно-натуралистическое восприятие произведения изобразительного искусства. В современном мире с его бешеным темпом жизни это становится ненужным. Эстетическое развитие и художественная культура являются неотъемлемой частью общей культуры личности в процессе ее развития.

Окружающий мир, разнообразные изобразительные формы, художественное наследие не только информируют, но и являются одновременно мощнейшим средством формирования определенных социально-эстетических предпочтений, вкусов, нравственных ориентиров. Современное изобразительное искусство значительно расширило свои границы: кино, телевидение, фотография, компьютерный дизайн и анимация, видео и многое другое активно вошли в нашу жизнь. Понятие синтеза культуры означает сегодня такую работу воображения, которая объединяет в себе творческое мышление и знания на качественно новом уровне.

Библиографический список

1. Болдырев Н.И. Нравственное воспитание школьников. М.: Просвещение, 1979.
2. Васильева З.Н. Нравственное воспитание учащихся в учебной деятельности. М.: Просвещение, 1978.
3. Взаимодействие искусств в педагогическом процессе. Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1989.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. М., 1967.
5. Воспитание личности школьника в нравственной деятельности: Метод. рекомендации/Ом. гос. пед. ин-т им. Горького. Омск: ОГПИ, 1991.
6. Лихачев Б.Т. Теория эстетического воспитания школьников. М., 1985.
7. Харламов И.Ф. Педагогика: Курс лекций. М.: Просвещение, 1990.

Yagupova T. A.

Artistic education as the principle means influencing the formation of child's personality.

The article touches upon the role of artistic education in the process of teaching, its influence on the development of child's personality.

*Н.В. ШУЛЬДЕШОВА, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
интенсивного изучения иностранных языков
Орловского государственного технического университета*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР В ФОРМИРОВАНИИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Проблемы терминов давно волнуют ученых и лингвистов разных стран. Их основная задача — это активизация работы по разработке и стандартизации терминов. Только благодаря тщательной работе над терминологией у преподавателей и студентов может сформироваться билингвальная методическая компетенция. Такая работа связана со значительными трудностями, так как в процессе отбора приходится решать целый ряд лингвометодических вопросов.

***Ключевые слова:* словарь-минимум, базовые и служебные термины, терминологический барьер.**

Проблемы терминов давно стали волновать ученых и лингвистов, особенно с 60-х годов, когда Всесоюзное терминологическое совещание в 1961 году поставило задачу активизации работы по разработке и стандартизации терминов.

История терминологической проблемы связана с именами таких ученых, как Д.С. Лотте, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, С.Г. Бархударов, О.С. Ахманова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.М. Кантор, В.В. Морковкин. С 80-х годов большой вклад в разработку учения о терминах внесли А.С. Герд, С.В. Гринев, Н.Б. Гвишиани, Г.А. Дианова, Б.А. Глухов, А.Н. Щукин, О.Д. Митрофанова, Ю.Н. Марчук, В.А. Татаринев, В.Д. Табанаква, Л.Б. Ткачева. Они разработали теорию терминов и их лексикографическое описание.

Среди зарубежных филологов можно отметить Фелбера, Д. Сейджера, Б. Свенсена, Г. Стерна, в учебниках которых мы находим много ценных сведений, связанных с терминами и их описаниями в терминологических словарях. Д. Ричарде и Д. Платт составили словарь терминов методики обучения языкам (Richards, Platt, 1992).

И сегодня в процессе обучения иностранному языку студенты и преподаватели неоднократно сталкиваются с лингвистической и методической терминологией, которая представляет немалые трудности для их профессионального общения. Н.Б. Гвишиани отмечает, что «одной из трудностей в учебном процессе является терминологический барьер, студентов озадачивает новая терминология английских учебных пособий» (1994, с. 4). Достаточно широкое использование зарубежных курсов по методике (Nunan D., 1992; Doff A., 1991; Cross D., 1993; Richards J., Rodgers T., 1997; Harmer J., 1991 и др.) погружает их в терминологический мир, и в результате трудности не ослабевают, а усиливаются, и требуется кропотливая работа по устранению этого барьера. Сомнительно, что без тщательной работы над терминологией у студентов может сформироваться билингвальная методическая компетенция, которая определяется как «наличие интегративных знаний и умений, как корректно излагать методические идеи, суть инноваций, анализировать и обобщать отечественный и зарубежный педагогический опыт в целом и

опыт преподавания иностранных языков в частности» (Соколова Н.Г., 1999, с. 87).

Билингвальная методическая компетенция включает в качестве одного из компонентов знания соотносимость английской и русской терминосистем методики преподавания иностранных языков. Достичь этого возможно через сопоставление дефиниций и толкований терминов, представленных в английской и русской методической литературе, через сопоставление классификационных схем, перевод и примеры использования терминов.

Мы придерживаемся билингвального подхода к формированию профессиональной компетенции преподавателя иностранного языка, так как при этом учитывается социокультурный контекст обучения иностранному языку, его вовлеченность в профессионально ориентированное общение. Следует отметить, что такая работа связана со значительными трудностями, так как в процессе отбора приходится решать целый ряд лингвометодических вопросов о том:

- что является термином,
- чем он отличается от слова,
- какие есть типы терминов и как их лучше объяснить,
- как соотносятся лексическое и понятийное значения в термине.

Н.Б. Гвишиани подчеркивает, что «именно через термины студент овладевает теорией, поэтому необходимо, чтобы термин был четко осмыслен как единица определенной понятийной системы» (1994, с. 3).

При ознакомлении с методической иноязычной терминологией студентов и специалистов ожидают многие трудности: неоднозначность термина, поиски переводных эквивалентов, сопоставительный анализ понятийных систем. Обучение профессиональному подязыку необходимо осуществлять на ограниченном языковом материале, отобранном на научной основе и отражающем особенности терминов конкретной специальности. Отбор лексики определенного подязыка осуществляется путем лингвистического и лингвостатистического анализа (Гринев С.В., 1993; Марчук Ю.Н., 1996). Отметим, что отобранный словарь-минимум лишь тогда будет соответствовать терминологическому составу любого из текстов, когда данный словарь выступает в качестве модели, отражающей генеральную тематическую совокупность соответствующей науки (Булычева С.Ф., 1987, с. 80). Для решения лингводидактических задач по устранению терминологического барьера представляется необходимым:

- уточнить позиции в отношении интерпретации понятия «термин», так как он неоднозначно трактуется,
- определить принципы отбора методических терминов,
- произвести классификацию терминов.

Многие ученые различают два типа лексики: терминированную (перешедшую из общего языка) и терминологическую (перешедшую из терминологии в общий язык) (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1976; Митрофанова О.Д., 1973; Прохорова В.Н., 1993; Рождественский Ю.В., 1993). Например, такая лексика, как *lesson, method, procedure, drill*, является терминологической. Терминированная же лексика не теряет образности, культурно-исторических ассоциаций. Терминированная лексика часто обладает национально-культурной семантикой, например «*Counseling Learning*», «*Silent way*», *global learning, streaming, Total Physical Response*. Важно выделить из семантики термина национально-культурный компонент, подчеркнуть связь слова с культурой. Некоторые термины обладают общеязыковой аккумулятивной функцией, существенной для национальной культуры. Термин — это принадлежность специального языка, средство называния специальных понятий и предметов. В лексикологии и лексикографии разработана целая система требований для термина (Гринев С.В., 1993; Марчук, 1993; Татаринов В.А., 1996).

Становление термина очень часто процесс сложный и длительный. Термин подвергается влиянию языковых норм и понятийного поля соответствующей области знаний (Дианова Г.А., 1996; Татаринов В.А., 1996, 1998). Первоначально могут существовать различные языковые формы одного и того же понятия. Например, *method, way* (метод). Со временем термин приобретает стабильность, которая, в свою очередь, зависит от стабильности соотношенного с ним понятия, так как понятия являются функцией культуры, а она — категория историческая и находится в связи с состоянием общества и его деятельностью. Процесс становления системы понятий непрерывен.

Если сопоставить общелитературное слово и термин, то к основным отличительным характеристикам термина относятся:

- высокая степень обобщения,
- связь с научным понятием,
- специфическая область употребления,
- системность,
- дефинитивность,

- стремление к точности (Гринев С.В., 1993, 1995; Дианова Г.А., 1996; Татаринев В.А., 1996, 1998; Булычева С.Д., 1987).

Вслед за Булычевой С.Ф. предлагается различать базовые и служебные термины. Базовые термины — это слова или словосочетания — носители понятий о денотатах определенной области знаний, составляющих главный предмет мысли понятийного поля текстов (Булычева С.Ф., 1987, с. 8). Например: *reading, writing, speaking, listening, method, approach*.

Служебные термины — это слова или словосочетания, носители понятий о денотатах определенной области знаний, употребленных в понятийном поле базовой терминологии и находящихся в смысловой подчинительной зависимости

от него (Булычева С.Ф., 1987, с. 86). К ним относятся, например: *scanning, intensive, extensive, skimming, reading, approaches, phonics, look and say, whole sentence*. И так, «*reading*» — базовый термин, а «*skimming, reading*» — служебные.

В специальной литературе Виноградова В.В., 1961; Реформатского А.Л., 1961; Ахмановой О.С., 1966; Тэна В.О., 1986; Диановой Г.А., 1996; Татаринев В.А., 1998; Миньяр-Белоручева Р.К., 1996 существуют разные подходы к определению термина. Однако общее в них то, что термин — это язык для специальных целей, слово или словосочетание для точного выражения специальных понятий, принадлежит к терминологическому «полю» и выполняет дефинитивную функцию.

Библиографический список

1. Бархударов С. Г. О состоянии методики преподавания русского языка [Текст] / С.Г. Бархударов // Русский язык в школе. — 1959. — № 4. — С. 92–172.
2. Габо В. С. Письменные работы и их исправление [Текст] / В.С. Габо // Вопросы преподавания русского языка в школах взрослых. — М., 1928. — С. 97–110.
3. Данилов В.В. К вопросу об этиологии современной школьной безграмотности [Текст] / В.В. Данилов // Родной язык в школе. — 1927. — № 1. — С. 17–89.
4. Дудников А.В. О теоретических основах методики преподавания русского языка как педагогической науки [Текст] / А.В. Дудников // Русский язык в школе. — 1973. — № 4. — С. 25–190.
5. Крючков С.Е. Орфографический словарь для средней школы [Текст] / С.Е. Крючков. 39-е изд. М., 1989. С. 43–80.
6. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка [Текст] / М.Р. Львов. М., 1988. С. 67–77.
7. Рождественский Н.С. Свойства русского правописания как основа методики его преподавания [Текст] / Н.С. Рождественский. М., 1960. С. 87–105.
8. Текучев А.В. Становление и развитие методики русского языка как науки после Октября 1917 года [Текст] / А.В. Текучев // Русский язык в школе. — 1977. — № 5. — С. 57–60.
9. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка [Текст] / К.Д. Ушинский // Руководство к преподаванию по «Родному слову». Собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1949. С. 333–356.
10. Фигуровский И.А. Методика русского языка и ее исследовательские методы [Текст] / И.А. Фигуровский // Русский язык в школе. — 1968. — № 1. — С. 97–154.

N.V. Shuldeshova

The Terminological Barrier in the Formation of the Biligustical Methodical Competence

The problems of terms for a long time excite scientists and linguists of the different countries. Their primary goal is an activation of the work on development and standardization of terms. Only owing to hard work above terminology teachers and students can form the methodical biligustical competence. Such work is connected with the considerable difficulties as during selection it is necessary to solve many methodical and liguistical questions.

М.А. ШОШИН, аспирант кафедры методики и технологии социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета

СУЩНОСТЬ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Различие детского и взрослого труда. Всякий труд содержит все следующие компоненты: социально-творческий, личностно-развивающий, ценностно-ориентационный. Определение трудового воспитания. Цель, задачи трудового воспитания, установлены три группы противоречий, выделены принципы реализации каждого компонента. Изучены три основных вида детского труда. Сформулированы три группы характеристик, дающих представление о готовности к труду.

Ключевые слова: труд, трудовое воспитание, структура трудового воспитания, система трудового воспитания, готовность к труду, мотивация детского труда, педагогические условия, определяющие эффективность детского труда.

Сегодня сформировался новый тип человека — человека, «умеющего жить». Это не значит умный, образованный, талантливый, умелый. Это значит, что он, не прилагая значительных усилий, добивается материального благополучия. Среди части ребят в почете альфонсы, а также «везунчики», получившие наследство от родственников. Для ряда девчат смысл жизни в том, чтобы «удачно» выйти замуж за состоятельного человека или приобрести профессию, связанную с «продажей» своей внешности, молодости. Сложилась опасная тенденция, что вырастет целое поколение с такой жизненной установкой. Пока не поздно, надо возродить, активизировать процесс трудового воспитания. Если такой установки у подростка нет, то часто вырастают ребята, не готовые к трудностям рыночных отношений.

Как известно, важнейшим условием успешности проведения исследования является однозначность толкования и глубина осознания ведущих понятий. Для глубокого понимания сущности термина «трудовое воспитание» необходимо предварительно рассмотреть сущность понятия «труд».

Всесторонний анализ сущности понятия «труд» позволил установить различие детского и взрослого труда. Если в труде взрослых основной целью является создание потребительских стоимостей, то труд детей организуется прежде всего с учебными и воспитательными целями. Не совпадает во многом и психологическое содержание того и другого труда: совокупность мотивов, процессы целеполагания, способы регуляции трудовой деятельности и др.

Для детского труда важно доведение до осмысления детьми социальной и личностной значимости трудовых усилий ребенка, осознание необходимости самосовершенствования для успешного выполнения любого труда, переживание собственного вклада в общее дело.

Особенно наглядно педагогическая сущность детского труда прослеживается в народной педагогике. Включение ребенка в трудовую деятельность осуществлялось постепенно. Вначале формировалась социальная мотивация труда с помощью колыбельных песен, потешек, прибауток, сказок, пословиц, общественного

мнения. Далее незаметно, в форме игр, игрушек, небольших персональных заданий, возвышающих ребенка, знакомили с различными видами труда. Используя ситуацию морального выбора, умело включали ребенка в элементарные трудовые занятия. При этом важен был не продукт детского труда, а формирование правильного отношения к труду, готовности выполнять любую необходимую работу, физическая подготовленность (3. С. 86).

Проведя сравнительный анализ различных подходов к понятию «труд» и структуры деятельности, предложенной М.С. Каганом, мы пришли к выводу, что всякий труд обязательно содержит все выделенные им компоненты деятельности: преобразовательный, познавательный, ценностно-ориентационный (2. С. 53). Всякий труд имеет социальную направленность. Поэтому первый компонент может быть назван социально-преобразовательным. Большинство исследователей отмечают в качестве обязательного требования творческий характер детского труда. Чаще это творчество носит субъективный характер. Поэтому первый компонент трудовой деятельности точнее назвать социально-творческим.

Данный компонент придает детскому труду подлинно педагогический смысл. Мы придерживаемся мнения ученых, мыслителей о том, что воспитание, т.е. изменение человека, наиболее эффективно в процессе деятельности, изменяющей окружающий мир. Поэтому воспитывает не труд вообще, а лишь тот, который улучшает окружающую жизнь, т.е. труд-забота (Макаренко). По мысли И.Ф. Иващенко, преобразуя, изменяя предмет труда, создавая общественно ценные продукты, человек изменяет самого себя (1. С. 27), т.е. воспитывается. Социально-творческий компонент предполагает социально значимую направленность всякого детского труда, т.е. ориентацию его на улучшение окружающей жизни. Если эта направленность неявна, то задача педагога состоит в педагогической инструментровке предстоящей работы.

Выполнение всякой деятельности характеризуется приобретением новых знаний. Но этим не исчерпывается познавательная функция труда. Включаясь в деятельность, человек не только познает новое, но и развивает свои способности, у него формируются частные и общетрудовые умения, складываются качества, необходимые для данного и других видов труда. В соответствии с решаемыми задачами второй компонент труда получил название познавательно-развива-

ющего. В структуре детского труда данный компонент в большей степени ориентирован на личностное развитие. Применительно к детскому труду мы назвали его личностно-развивающим.

В ходе труда, по его окончании сам человек, его социальное окружение оценивают качество и объем выполненной деятельности, определяют вклад в общее дело. Ребенок рефлектирует изменения, происшедшие с ним, его отношениями с окружающими и т.п. Полноценная трудовая деятельность включает третий компонент, который назван ценностно-ориентационным. Его назначение — придать процессу и результатам труда ценностный смысл, дать возможность детям эмоционально пережить значимость выполненной работы.

Нами проанализированы подходы к трудовому воспитанию в более чем шестидесяти учебных, методических пособиях, научных изданиях, диссертациях по психолого-педагогическим наукам. Подавляющее большинство авторов, формулируя сущность, цель, задачи трудового воспитания, в явном или неявном виде, в целом или частично выделяют в этом процессе три основных компонента: социально-творческий, личностно-развивающий, ценностно-ориентационный. Структура трудового воспитания, выработанная на основе философского анализа и подтвержденная анализом педагогических источников, позволяет говорить о ее объективности.

На основе анализа определений понятия «трудовое воспитание», соотнесения его с сущностью понятия «труд» сформулировано интегративное определение трудового воспитания. По нашим данным, это системный, диалектический процесс, направленный на социальную, нравственную, практическую подготовку к трудовой деятельности, включающий социально-творческий, личностно-развивающий, ценностно-ориентационный компоненты.

Система трудового воспитания включает в себя обязательный элемент — целеполагание. В имеющихся работах нет единого представления о данном элементе. Для полноценного представления о нем нами проанализированы цели и задачи трудового воспитания, сформулированные разными авторами, произведено соотнесение их с элементами выделенной структуры изучаемого процесса.

На основе проведенного анализа обобщены задачи трудового воспитания в соответствии с выделенными компонентами.

Социально-творческие задачи: а) формирование желаний, готовности трудиться на общую

пользу, б) воспитание потребности в творческом труде; в) развитие высоких социальных мотивов труда; г) формирование стремления к общественно полезной деятельности.

Личностно-развивающие задачи: а) воспитание высоких моральных качеств; б) развитие познавательного интереса к знаниям, в) вооружение учащихся трудовыми умениями и навыками; г) ориентация трудового воспитания на формирование навыков коллективной деятельности; д) формирование потребности в непрерывном самосовершенствовании; е) развитие способностей.

Ценностно-ориентационные задачи: а) формирование положительного отношения к труду как высшей ценности; б) понимание значения труда; в) уважение к трудящемуся человеку; г) познание радости творчества; д) переживание красоты создаваемых своими руками предметов.

Диалектика различных сторон воспитания, в том числе и трудового, раскрывается в соответствующих противоречиях. Противоречия в педагогической деятельности создают потенциальные условия для развития личности. В имеющихся публикациях выделяется ряд противоречий трудового воспитания.

Мы проанализировали процесс трудового воспитания в научных, методических источниках, в практике деятельности социальных педагогов. В соответствии с выделенными компонентами трудового воспитания нами установлены три группы противоречий. Первая группа — социально-творческие противоречия: 1) между характером повседневного детского труда и недостаточным осознанием его социально значимой направленности; 2) между социальными и личными мотивами труда детей; 3) между трудом, имеющим высокую социальную значимость, и низким уровнем его креативности.

Вторая группа — личностно-развивающие противоречия: 1) между необходимостью выполнения детьми определенного вида деятельности и недостатком развития у них соответствующих умений и навыков; 2) между необходимостью освоения важных для труда знаний, развития умений и недостатком мотивации детей для их формирования; 3) важностью наличия у детей социально-нравственных, общетрудовых качеств, необходимых для продуктивной трудовой деятельности, и нежеланием заниматься их развитием.

Третья группа — ценностно-ориентационные противоречия: 1) между высокой объективной значимостью результатов детского труда и его

низкой личностной значимостью; 2) между знанием детьми высокой социальной ценности своего труда и недостаточным переживанием ими этой ценности; 3) между недостаточно значимым отношением ребенка к своей деятельности и высокой социальной ценностью ее результатов.

Выделенные противоречия не охватывают всех противоречий трудового воспитания. Существуют противоречия содержательные и операциональные, объективные и субъективные и др. Их выделение в полном объеме не входило в задачи нашего исследования. Нам было важно определить противоречия в рамках разработанной в данном исследовании теоретической концепции трудового воспитания.

Важным элементом целостной системы, в частности трудового воспитания, являются принципы организации исследуемого процесса. Проведенное изучение принципов трудового воспитания в педагогической науке, соотнесение их с нашей концепцией исследования позволили сгруппировать их в три группы. Первая группа — принципы реализации социально-творческого компонента: а) общественной значимости детского труда, б) его творческой направленности, в) целесообразности, г) целеустремленности. Эти принципы позволяют детям осознать собственный вклад в общее дело коллектива, учебного заведения, страны. Использование этих принципов заставляет детей почувствовать свою причастность к улучшению окружающей жизни, социальному творчеству.

Вторая группа — принципы, определяющие личностно-развивающий компонент: а) коллективного характера труда, б) систематичности, в) достаточного уровня сложности, г) связи труда с наукой, учебными дисциплинами, д) активности, е) инициативности, ж) самостоятельности детей в труде и др. Эти принципы делают трудовую деятельность детей источником их развития, содействуют формированию важнейших личностных качеств, необходимых в трудовой деятельности, общетрудовых и специальных знаний, умений, навыков.

В анализируемых источниках в явном виде представлены лишь отдельные принципы, относящиеся к ценностно-ориентационному компоненту трудового воспитания. Углубленный анализ имеющихся источников, практики трудового воспитания в соответствии с данным компонентом позволил выделить принципы реализации данного компонента: а) коллективный и индивидуальный анализ выполненной работы, б) оценка вклада каждого участника в общее дело

и всего коллектива, в) осмысление социальной результативности выполненной работы, г) переживание радости совместного и полезного труда, д) оценка результатов труда, е) эмоциональное удовлетворение трудом, ж) включение в трудовую деятельность элементов игры, романтики, занимательности, з) поощрение участников труда и др. Эти принципы дают возможность ребенку осознать собственный вклад в общее дело, общественную значимость своего труда, ориентируют на необходимость переживания детьми радости труда на общую пользу, совместных трудовых усилий. Данные принципы создают эмоциональные стимулы для участия в трудовых делах.

Существенное место в системе трудового воспитания занимает его содержание. Практика, имеющиеся публикации свидетельствуют о том, что содержание трудового воспитания определяется педагогическими задачами, социально-экономическими факторами, возможностями и традициями школы, национально-региональными особенностями.

Большинство исследователей выделяют три основных вида детского труда: 1) учебный труд; 2) общественно полезный труд; 3) производственный труд.

Учебный труд в школьной практике обычно реализуется в виде физического труда на уроках технологии и выполняет ряд функций. Здесь дети осваивают начальные трудовые навыки, приобретают общетрудовые умения. Этот труд развивает важные нравственные качества: взаимопомощь, коллективизм, уважение к труженикам, результатам труда и др. Занимаясь на уроках труда, дети часто выполняют задания, связанные с оказанием помощи, заботы о других людях. Благодаря педагогическому руководству трудовой деятельностью, указаниям педагога на социально-ценностное значение продуктов труда дети ощущают чувство удовлетворения от освоения учебных, трудовых навыков, принесения пользы близким и далеким людям. Данный вид труда включает в себя все выделенные компоненты трудового воспитания: социально-творческий, личностно-развивающий, ценностно-ориентационный.

Общественно полезный труд составляют виды деятельности, направленные на удовлетворение общественных потребностей. Этот труд ориентирован на помощь коллективу, школе, близким и далеким людям. Основными направлениями общественно полезного труда являются труд по самообслуживанию, экологическая работа, работа в школьных лесничествах, работа по ремонту школы, оборудования, сельскохозяйственная работа

в лагерях труда и отдыха и др. Общественно полезный труд — вид труда, который занимает существенное место в деятельности каждого учебно-воспитательного учреждения. Как показал анализ этого вида детского труда, для выполнения им педагогических функций важно, чтобы при его планировании, организации, проведении, анализе учитывались все основные компоненты трудового воспитания: социально-творческий, личностно-развивающий, ценностно-ориентационный.

Производственный труд характеризуется созданием подростками материальных ценностей, вступлением их в производственные отношения. Этот труд максимально приближен к труду взрослых, имеет профориентационную направленность. Данный труд имеет место преимущественно в старших классах и осуществляется в учебно-производственных мастерских, цехах, комбинатах, межрайонных заводах и др. Изучение производительного труда показало, что его педагогическая направленность также определяется полноценным включением всех выделенных компонентов трудового воспитания. Содержательное наполнение социально-творческого, личностно-развивающего, ценностно-ориентационного компонентов зависит от возрастных особенностей детей и связанной с ними специфики организации трудового воспитания каждой категории детей.

Большинство авторов (5, 6) считают, что важнейшим условием успешности трудового воспитания является психологическая готовность к труду. Это связано с обязательностью формирования в ходе детского труда положительных мотивов, установок на эффективное участие в любой трудовой деятельности. Психологической подготовке к труду уделяют внимание многие исследователи. Однако достаточно обоснованной, системной характеристики данного феномена пока не существует.

Анализ различных источников позволил сделать вывод, что готовность к труду — это сложное личностно-психическое образование, имеющее многоуровневый характер. Его основными компонентами являются социально-творческая, личностно-развивающая, ценностно-ориентационная готовность. Выделены три группы характеристик, дающих представление о готовности к труду.

1. Социально-творческие характеристики: а) стремление добровольно выполнять любую работу, полезную для других, для общества, б) сознательное отношение к труду, в) общественная направленность деятельности на благо коллектива, г) социально активная позиция участника трудового процесса, д) осознание человеком важности

труда, е) готовность трудиться по внутреннему побуждению, е) стремление всякую работу выполнять творчески.

2. Личностно-развивающие характеристики: а) освоение знаний и умений, необходимых для качественного выполнения трудового задания, б) развитие морально-волевых качеств, необходимых для успешной трудовой деятельности (способность к трудовому усилию, дисциплина труда, организованность и др.), в) формирование коммуникативных умений, облегчающих взаимодействие в труде, сотрудничество.

3. Ценностно-ориентационные характеристики: а) пробуждение чувств, отношений личности к обществу, труду, людям, самой себе, б) развитие установок и мотивов, которыми она руководствуется в своей деятельности, в) осознание целей и ценностей, на которые эта деятельность направлена, г) переживание ценности трудовой деятельности, д) удивление, радость от результатов собственного труда, е) восхищение ярким трудом других людей, ж) эмоциональное подкрепление трудовой деятельности, з) переживание значимости работы, полезной для других, общества, появление потребности в изменении самих себя, в освоении необходимых умений и навыков.

Как показало изучение психологических основ трудового воспитания, важным условием его эффективности является адекватная мотивация детского труда. По данным психологических исследований, именно характером мотивации детский труд отличается от труда взрослых.

Как установлено С.Л. Рубинштейном, мотив как осознанное побуждение для определенного действия формируется по мере того, как человек учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых он находится, и осознает цель, которая перед ним встает. Из отношения к ним и рождается мотив в его конкретной содержательности, необходимой для реального жизненного действия. То есть ведущими механизмами формирования мотивов выступают процессы осмысления, оценивания, формирования определенного отношения к ходу и результатам труда (4).

Углубленный анализ мотивации детского труда выявил, что для успешного включения ребенка в трудовую деятельность важно использование трех групп мотивов: социально-творческих, личностно-развивающих, ценностно-ориентационных.

Социально-творческие мотивы развиваются путем реализации таких механизмов: разъяснение цели и перспектив предстоящего труда, роли труда в жизни общества, коллектива, отдельной лич-

ности. Под влиянием этих механизмов формируются социально-творческие мотивы: а) осознание общественной значимости собственного труда, б) чувство долга перед коллективом, обществом, в) осознание социально значимых задач, поставленных перед коллективом и отдельной личностью и т.п.

Личностно-развивающие мотивы формируются посредством следующих механизмов: а) продуктивное взаимодействие со сверстниками, б) работа в группе, в) саморазвитие. В результате у детей созревают личностно-развивающие мотивы трудовой деятельности: а) чувство ответственности, б) стремление к освоению разнообразных знаний и умений, в) желание поднять престиж в коллективе, г) познавательный интерес и др.

Ценностно-ориентационные мотивы формируются посредством следующих механизмов: а) оценивающая деятельность педагогов, товарищей, обусловленная общественными нормами, мнением окружающих, которым человек дорожит, б) самооценка деятельности, в) процесс осмысления, оценивания, формирования определенного отношения к процессу и результатам труда, г) определение ценности (личной и общественной) результатов предстоящих действий. Педагогический смысл имеет как положительная, так и отрицательная оценка, если они адекватны вкладу человека в дело. Существенное значение при формировании мотивации деятельности имеет воздействие на эмоциональную сферу личности в процессе труда, т.е. его эмоциональная окраска с целью поддержания хорошего эмоционального настроения детей, помощь товарищей в выполнении трудового задания.

Под влиянием выделенных механизмов формируются следующие ценностно-ориентационные мотивы: а) увлеченность трудом, б) стремление добиваться лучших результатов по сравнению с товарищами, в) высокий эмоциональный фон трудовой деятельности, радость от участия в ней, г) переживание детьми гордости за свой труд, д) эмоциональное переживание личной и общественной значимости труда, собственного вклада в его результаты, стремление принести пользу обществу, коллективу, е) переживание интереса к самому делу (содержанию, процессу труда, его продуктам) как собственной ценности, ж) стремление к самоутверждению в труде, з) осознание собственной ценности, значимости своего «Я», и) стремление действовать вместе с товарищами, к) надежда на похвалу, стремление к награде, л) боязнь наказания, избегание неприятностей.

Существенное место в трудовом воспитании имеет учет педагогических условий, определяющих эффективность детского труда. Анализ условий, предложенных разными авторами, позволил дифференцировать их в соответствии с предложенной нами концепцией трудового воспитания на три группы.

1. Социально-творческие условия: а) подчинение труда учебно-воспитательным задачам; б) активное включение ребенка в различные виды труда; в) сочетание общественной значимости с личными интересами школьника.

2. Личностно-развивающие условия: а) добросовестность и обязательность трудовой деятельности; б) сочетание коллективных и индивидуальных форм труда; в) развитие необходимых умений для выполнения различных трудовых операций; г) доступность и посильность трудовой деятельности; д) труд должен выступать как необходимость и долг; е) развитие навыков общения с другими участниками труда; ж) обучение основам сотрудничества с товарищами по деятельности; з) знакомство ребенка со сложной системой деловых, нравственных и других отношений, возникающих в труде; и) совершенствование до нужного уровня психических процессов, способностей ребенка, необходимых для качественного труда.

Ценностно-ориентационные условия: а) доста-

точное напряжение физических, волевых, умственных усилий для завершения трудового задания приносит радость, удовлетворение от труда; б) чередование труда с игрой, развлечением, отдыхом; в) развитие чувств — важнейшего регулятора поведения, показателя отношения ребенка к самому труду, к другим участникам; г) подавление одних чувств, как противоречащих принятым нормам поведения (снобизм, негативизм), переживание позитивных чувств (чувство успеха). Ценностно-ориентационные условия направлены на видоизменение чувств в процессе труда в связи с осознанием значения трудовой деятельности для общества, с осознанием своего участия в этой деятельности. Формируются совершенно новые, так называемые практические чувства: увлеченность трудом, любование его продуктами, чувство гордости за свой труд, чувство ответственности за порученное дело, уверенность в своих силах.

Проведенное исследование убеждает в целесообразности учета выделенных нами компонентов в системе трудового воспитания. При их наличии трудовое воспитание в полной мере выполняет возложенные на него функции: формирует готовность к любому труду, развивает личностные качества, умения, необходимые в любой трудовой деятельности, способствует правильному отношению к труду.

Библиографический список

1. Иващенко Ф.И. Труд и развитие личности школьника. [Текст] / Ф.И. Иващенко. М.: Просвещение, 1987.
2. Человеческая деятельность. (Опыт системного исследования) [Текст] / М.С. Каган. М.: Политиздат, 1974. 328 с.
3. Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. [Текст] / В.А. Николаев / МПГУ, ОГУ. М. — Орел, 1997. 134 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. [Текст] / С.Л. Рубинштейн. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1946.
5. Сериков В.В. Формирование у учащихся готовности к труду. [Текст] / В.В. Сериков. М.: Педагогика, 1988. 192 с.
6. Содержание трудового воспитания школьников. / Под ред. А.М. Журкиной, И.И. Зарецкой. [Текст] М.: Педагогика, 1989. 144 с.

Shoshin M.A.

The essence of education through work in contemporary conditions

The Article deals with the problem of labour education. There is a difference between the children's labour and the labour of grown-ups. Any labour contains the following components: social-creative, intellectual, valuable-orientational. The definition of labour education is given. The problems and purposes of labour education are described. Three groups of the contradictions are established; the principles of realization of every component are fixed. The main three forms of children's labour are analysed. Three groups of characteristics, which give us a notion about readiness for labour are formulated.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

*Н.В. ЕГУПОВА, кандидат педагогических наук,
кафедра дизайна,
Орловского государственного университета*

РУССКОЕ УЗОРНОЕ ТКАЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье раскрывается одна из страниц в истории развития текстильных промыслов в декоративно-прикладном искусстве. Верно и точно выстроена последовательность развития искусства узорного ткачества. Рассматривается ее значение и актуальность в современном обществе.

Ключевые слова: *геометрические мотивы, домотканина, зооморфные мотивы, колорит, паволока, полихромное ткачество, раппорт, рельеф, фриз, ширинка, шушпан.*

Один из древнейших и интереснейших видов народного прикладного искусства — ручное узорное ткачество, уходящее своими корнями в глубокое прошлое. В археологических раскопках курганов на территории средней России находят остатки тканей местной работы, в том числе узорных, относящихся еще к домонгольскому периоду. По своим узорам и технике исполнения они очень близки к узорным народным тканям XIX — нач. XX в.

Из исторических документов известно, что в XVI–XVII вв. в Москве существовало несколько ткацких слобод, где жили ткачи, работавшие специально «на царский обиход», для пополнения «государевой белой казны» (так называли запасы льняных полотен). Там ткали различные виды полотен из льняной пряжи высшего качества, среди них были и узорные ткани — различного рода убрусы (головные полотенца), ширинки (небольшие салфетки), скатерти и т. д. Историк конца XIX в. И. Забелин в труде «Домашний быт русского народа» упоминает до 20 наименований рисунков одних только скатертей того времени, такие как «ключатик», «осмерног», «лоси под деревом» и др.

Особенно славились узорные ткани работы ткачей Кадашевской ткацкой слободы в Москве, среди прочих тканей там делали и так называемые посольские скатерти, украшенные помимо ткачества еще и вышивкой и предназначенные для торжественных приемов во дворце. Были в Москве и другие ткацкие слободы, одна из них так и называлась — Хамовники (хамовниками называли ткачей). Существовали и дальние хамовные села. Так, в районе Ярославля «на царский обиход» работали два села — Брейтово и Черкасово. Их работа ценилась также очень высоко. Имелись хамовные села и слободы и при монастырских и боярских вотчинах. Их жители платили феодальную повинность льняными полотнами и узорными тканями.

К сожалению, тканей той поры не сохранилось. Мы можем судить о них только по упоминаниям в старинных документах, представить же их узоры сейчас почти невозможно. Можно предположить, однако, что по стилю они были близки к крестьян-

ским узорным тканям XIX — начала XX в., сохранившим древнейшие традиционные черты в своем оформлении.

В XIX в. домашнее ткачество, в том числе узорное, имело чрезвычайно широкое распространение в крестьянском быту южной и северной России. Сырьем для него служили, как и в Древней Руси, лен, шерсть, конопля, добываемые и обрабатываемые в каждом крестьянском хозяйстве. Для узорных тканей шел в основном лен, обладающий большими декоративными возможностями, и шерсть от домашних овец. В конце XIX в. начинают использовать и покупную «бумагу» (хлопчатобумажную пряжу фабричного производства), и тонкую шерсть, тоже фабричного прядения. И то и другое чаще всего в уже окрашенном виде.

Долгими зимними вечерами крестьянские девушки пряли на ручных прялках свой лен, для чего устраивались специальные посиделки, или беседы, а ближе к весне начинали ткать полотна и узорные ткани, имевшие разное назначение. Из них деревенские женщины шили цветные сарафаны, юбки — поневы, рубахи с узорной отделкой по подолу, рукавам и у ворота, передники, верхнюю летнюю распашную одежду — шушпан, а иногда и платки, головные косынки. Прекрасным дополнением к костюму, как к женскому, так и к мужскому, служил узорный пояс, затканый геометрическим орнаментом, а то и буквами, из которых складывались инициалы и надписи вроде: «Кого люблю, тому дарю». Такой пояс обычно невеста дарила своему жениху.

В целом русская народная одежда была необычайно яркой и красочной, в особенности праздничная. Прекрасное по своей живописности зрелище представлял первый выгон скота или первый день сенокоса в разгар лета, которые всегда отмечались как своего рода трудовые праздники. Яркие разноцветные тканые юбки женщин или их рубахи с нарядными подолами, в которых доминировал красный цвет в сочетании с ярко-розовым, синим, оранжево-желтым, фиолетовым, контрастно выделялись на фоне сочной зелени лугов и соперничали своими красками с луговыми цветами. С неменьшим вкусом и мастерством оформлялись и те изделия, которыми украшали внутренние помещения крестьянского дома, — полотенца, скатерти, подзоры простыней, занавески.

Все это исключительно красочное богатство, бесконечное разнообразие узоров создавалось, как правило, руками простых деревенских женщин, крестьянок, которые на протяжении многих лет, из

поколения в поколение передавая секреты своего мастерства, донесли до наших дней богатые художественные традиции этого древнего самобытного вида искусства. Искусство узорного ткачества было развито повсеместно в крестьянском быту не только у русских, но и у украинцев, белорусов и у других народов России. У каждого народа оно отличалось своими чертами, характеризующими его как часть национальной культуры.

Для русского народного ткачества в целом характерна строгая геометричность всех узоров, их большая ритмичность и уравновешенность отдельных частей. Сравнительно редко встречающиеся растительные и зооморфные мотивы, а также узоры с изображением человеческих фигур бывают сильно геометризованы, окружены геометрическими мотивами и превращены в орнамент, подчиненный строгим линейным ритмам. Узор в ткани строится обычно на пересечении диагональных линий, образующих самые различные орнаментальные формы, в которых ясно прослеживается их происхождение от ромба. То это ромб с отростками (так называемый орпей), то ромб с гребенчатыми сторонами, то ромб с крючками, выходящими из двух или из четырех его углов, то ромбовидная сетка, а иногда полуромб в виде треугольника. Основа, связующая орнамент в русских народных тканях, — симметрия, почти обязательная по вертикальной оси, а очень часто и по горизонтальной. Характерно фризовое построение орнамента — в виде горизонтальной полосы, в которой отдельные элементы повторяются, образуя раппорт.

Колорит русских народных тканей характеризуется звучная цветовая гамма, в которой преобладает красный цвет. Пристрастие к красному цвету отмечено исследователями еще в тканях домонгольской Руси, как в драгоценных привозных паволоках, употребляемых знатью, так и в простой домотканине, из которой шили свои одежды крестьяне и городские ремесленники. Недаром в русском фольклоре слово «красный» является синонимом слов «красивый», «прекрасный» (красная девица, красное солнышко, Красная площадь). Красный цвет в русских крестьянских тканях XIX в. чаще всего сочетается с белым. Это сочетание дополнялось иногда золотисто-желтым, зеленым, черным, а в более позднее время, в конце XIX — начале XX в., и другими цветами — ярко-розовым, васильково-синим, фиолетовым и др., что определяло приподнятый, мажорный колористический строй.

Несмотря на общее стилевое единство, русские народные ткани чрезвычайно разнообразны. В каждой области, порой даже районе, существовали небольшие центры узорного ткачества, и в каждом из них оно отличалось своеобразными чертами, выраженными в некоторых особенностях колорита, в расположении узора на вещи, количественном соотношении гладкого поля и узора, наконец, в самом назначении предметов, украшенных тканями узорами.

Значительно различаются между собой ткани Севера России и южнорусских районов, что объясняется различием в самом укладе жизни, связанным с климатическими условиями и с издавна сложившимися традициями культуры и быта. Так, на Севере России, на территории современных Архангельской, Вологодской областей, всегда большое место отводилось узорным тканям, предназначенным для украшения интерьера крестьянского дома. Это вполне понятно, если учесть, что северный дом, на строительство которого не жалели леса (лес имелся здесь в изобилии), представлял собой крупное, величественное сооружение и состоял из нескольких бревенчатых двухэтажных клетей, крытых одной крышей, с большим количеством внутренних помещений, как жилых, так и хозяйственно-назначения. С другой стороны, в силу сурового климата северный крестьянин значительное количество времени в году вынужден был проводить под крышей. Естественно, устройству помещений этого дома, в особенности жилых, их убранству придавалось большое значение. В красном углу (передний угол наискосок от печи) стоял обычно стол, накрытый домотканой скатертью, по будням — более простой, одноцветной, по праздникам — нарядной, украшенной тканями узорами. В одних местах на Севере любили скатерти чисто-белые, с белым же рельефно выступающим узором, покрывающим ее сплошь. Такими были скатерти русского населения Карелии, а также в районе реки Онеги, Белого озера. В районах, расположенных по реке Северной Двине, наоборот, делали яркие клетчатые скатерти, красно-белые с узорчатой красной каймой и такой же прошивкой, идущей вдоль, посередине; скатерти эти отличались необыкновенной декоративностью.

Не менее нарядными были на русском Севере и полотенца, которыми обычно обрамляли иконы, расставленные на специальной полке в красном углу. Ими украшали также наличники окон, зеркала, семейные фотографии в раме. В дни свадебных торжеств узорными полотенцами

увешивали буквально все стены дома. Помимо создания праздничного настроения полотенца эти должны были служить демонстрацией мастерства и трудолюбия невесты, а также свидетельствовать о зажиточности семьи. Для украшения дома служили и подзоры, подвешиваемые внизу кровати, и половики, которыми на Севере устилали весь пол, как ковром.

Особенностью севернорусских народных тканей является их узорчатость, тщательная графическая разработка самого узора, порой довольно сложно заплетенного, и в то же время сдержанность в его применении: цветным узором здесь украшали обычно лишь край изделия, оставляя основную часть его или гладко-белой, или с белым рельефным, очень скромным и неброским рисунком. Сдержан и колорит северных тканей: он строится на классически строгом сочетании красного с белым, где белый количественно преобладает (белое поле самой ткани и красная неширокая кайма). В самой кайме красный узор выступает на белом фоне, причем белый и красный цвета уравновешены, количество их почти одинаково, отчего общий тон этого узора не густо-красный, а розоватый. Это придает колориту северных тканей известную легкость, изысканность. Если ткань многоцветна, например полосатый половик или клетчатая пестрядь, то и здесь колорит чаще бывает мягким, сравнительно светлым.

Резким контрастом на фоне северного узорного ткачества XIX — начала XX в., то величаво-сдержанного, несколько сурового, то просветленно-лиричного по вызываемому им образу, выступает искусство таких двух центров узорного ткачества, как Великий Устюг с прилегающими к нему по реке Сухоне селами и район вокруг бывшего Ошевенского монастыря, к северу от Каргополя.

Ткани Устюга отличаются большой плотностью, насыщенностью цвета, полученной благодаря особой разработке орнамента, почти не оставляющей места для белого фона, а также обилием изобразительных мотивов, четко выделяющихся сильным цветовым пятном на более светлом фоне. Здесь часто встречаются изображения человеческих фигурок, и, хотя они предельно геометризированы, в их силуэте легко можно узнать северных жителей, одетых в характерные местные костюмы XIX в. (женщины в длинных сарафанах колоколом и коротеньких широких кофтах, мужчины в кафтанах и сапогах). Нередко можно встретить и фигуры животных — коней, птиц, сказочных зверей, тоже сильно гео-

метризованных, но все же не превращенных в орнамент, как это случалось в узорных тканях других районов.

В середине XIX в. в устюжских тканях применялся ярко-красный цвет, позднее, в конце XIX — начале XX в., их все чаще стали делать многоцветными, фон нередко тоже был цветным (например, оранжевым, желтым). Великоустюжские ткани этого периода поражают контрастными и порой неожиданными сочетаниями ярких цветов, полыхающих своей неумолимой красочностью: желтых, оранжевых, синих, фиолетовых, розовых, зеленых разных оттенков. Все вместе они образуют сильный, напряженно звучащий аккорд. Ткаными узорами в районе Великого Устюга украшали полотенца, подзоры, но особенно обильно — женский костюм: длинные и широкие с оборкой внизу фартуки, рукава и подола рубаш, головные косынки.

Вторым очагом полихромного ткачества на русском Севере была группа деревень вокруг бывшего Ошевенского монастыря. Ошевенские ткани: полотенца, рубашки, нарядные праздничные юбки — украшались сплошными широкими узорными полосами, составляющими цельную композицию. Замечательно то, что красные тканые узоры в конце XIX в. дополняли яркой многоцветной вышивкой. Вышивка заполняла белый фон между красными орнаментальными формами, создавая впечатление яркого, искрящегося многими цветами драгоценного ковра, в котором красный цвет доминировал, объединяя цветовую гамму в одно монолитное целое. Более поздние ткани из этого района, начала XX в., уже не отделялись трудоемкой вышивкой по красному узору, а ткались сразу из разноцветных ниток. Узор их состоял из расположенных друг над другом цветных орнаментальных полос и тоже был очень нарядным, но нередко грешил излишней пестротой.

Ткани южных районов России кажутся более плотными, тяжелыми по колориту, в них меньше белого цвета. Очень характерно, что тканый узор здесь не играет самодовлеющей роли, а почти всегда выступает в комплексе с вышивкой и различного рода отделкой — нашивками из лент, позументов, кусков кумача и других цветных тканей, выступая в качестве небольшого дополнения. Узор бывает иногда таким плотным, что в нем совсем не видно белого фона, зато он становится рельефным, как бы чеканным. В цветовой гамме, обычно полихромной, нередко встречается наряду с яркими цветами — красным, желтым, зеленым — и глубокий черный, почти от-

сутствующий в северных тканях. Однако, как и в северном ткачестве, красный цвет преобладает и является основой всего колорита, как правило, очень приподнятого, звонкого. В характере оформления южнорусских тканей чувствуется тяготение не к узорности, а к цветовому пятну, цельному и компактному.

Хотя и в черноземных русских областях можно встретить полотенца и скатерти с необычайно пышными цветистыми узорами (особенно в Брянской, Курской), здесь более распространены ткани, предназначенные для украшения женской одежды. Интересны южнорусские поневы XIX — начала XX в., имевшие множество разновидностей; в каждом селе, каждой деревне был выработан свой тип поневы, сложились свои традиции ее украшения. Наиболее нарядны поневы Воронежской области, которые делались из шерстяной клетчатой дмотканины высшего качества с сине-черным полем в тонкую цветную клетку и богато украшались вышитыми и ткаными узорами, помещенными по подолу и в местах сшива полотен (в так называемых прошивках). Поневы различались по размерам клеток, порядку расположения цветов в клетке (отсюда названия понев: «белоглазки», «желтоглазки» и т. п.), а также по манере отделки. По этим признакам можно было узнать, из какого села одетая в ту или иную поневу женщина.

Воронежские поневы исключительно красивы по колориту. Для него характерны очень сочные, глубокие тона, хорошо сочетающиеся с черным цветом поля клетки: оранжевый, золотисто-желтый, ярко-красный и фиолетово-красный, изумрудно- и травянисто-зеленый, синий. Несмотря на многоцветность, в них нет пестроты, все цвета здесь, сами по себе очень яркие, сливаются в едином и мощном звучании, как голоса в хорошем хоре. Воронежские поневы по силе выразительности, совершенству художественного решения представляют настоящие шедевры народного искусства, в них нашел наивысшее выражение самобытный талант воронежских народных мастериц, их высокое мастерство.

Другим не менее ярким по своеобразию центром южнорусского узорного ткачества являлся район города Сапожка, к югу от Рязани. Здесь отделяли узорным тканьем различные предметы женской одежды — рубашки, фартуки и пр., но самыми богатыми узорами украшались знаменитые сапожковские шушпаны. Делали их из белой шерстяной дмотканины, с широкими рукавами прямого покроя, по низу рукавов и подолу пришивали многоцветные тканые полосы,

очень своеобразные по орнаменту и колориту. Полю шушпана обшивали цветной самодельной тесьмой. Сапожковские узорные ткани отличаются большим разнообразием орнаментальных форм, имеющих свои местные наименования: здесь и «орепьи» (гребенчатые ромбы), и «лягушка» (ромб с крючками), и «мельница» (гребенчатый косой крест), и другие формы, ритмично чередующиеся и организованные в стройное и компактное целое. Колорит сапожковских тканей выдержан в оранжево-красной гамме, в нем много золотистых, желтых цветов, что создает ощущение солнечного тепла и ясности; оживляет его небольшое количество синего, зеленого и белого, придающее контрастность. Фоном в сапожковских узорах служит всегда красный цвет того или иного оттенка, в более ранних тканях — коричневатый, мягкий, в тканях конца XIX — начала XX в. — яркий кумачово-красный. Подобный колорит характерен и для тканей других районов Рязанщины, но там тканые узоры не так богаты по орнаменту, в них сравнительно большую роль играют вышивка и различного рода отделки — нашивки лент, позументов, тесьмы и пр. Для рязанского ткачества в целом характерно противопоставление белого поля ткани очень компактному и яркому цветовому пятну тканого узора и отделки. В известной мере это свойственно и всему южнорусскому узорному ткачеству.

С начала XX в. по мере изменения сельского быта, приближения деревенского костюма к городскому узорное ткачество начинает постепенно отмирать, особенно этот процесс усилился с 30-х гг. XX в.

Узорные ткани домашнего изготовления стали заменяться фабричными тканями, более де-

шевыми и практичными. Теперь все больше они становятся достоянием музеев, попадают в коллекции любителей народного искусства. Сейчас ими можно любоваться на различных выставках среди изделий других видов народных ремесел: вышивок, кружева, расписного и резного дерева, кости и т. д.

Но не совсем исчезли из употребления народные узорные ткани. Их можно увидеть в костюме самодеятельных сельских хоров и ансамблей, которые в некоторых случаях пользуются подлинным народным костюмом в полном его комплексе (например, в Белгородской, Брянской, Воронежской областях), в других используют отдельные его элементы. В настоящее время на территории России имеется ряд небольших предприятий ручного ткачества, где работают ткачихи, владеющие мастерством изготовления художественных тканых изделий в традициях народных узорных тканей. Они выпускают декоративные покрывала и наволочки на декоративные подушки, узорные скатерти и салфетки, различные коврики на кресла, тканые ковры, дорожки и другие изделия, предназначенные в основном для украшения интерьера.

В значительной степени художественное своеобразие изделий народных мастериц определяет безупречное владение ими техникой исполнения, специфически ручной, невозпроизводимой при механическом производстве ткани. Техническая и художественная стороны здесь выступают в тесном единстве. И, наконец, эти ткани подкупают необычайной красочностью колорита, свежестью контрастных цветовых сочетаний, оставляющих впечатление жизнерадостности, полноты мироощущения, всегда свойственной народному искусству.

Библиографический список

1. Воронов В.С. Крестьянское искусство. М.: Советский художник, 1972.
2. Вагнер Г.К. О природе народного искусства//Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций. М., 1991.
3. Костенко В.И. Русская вышивка. Орел, 1992.

The Russian patterned weaving creation: history and modernity.

The article touches upon one of the pages in the history of development of textile craft in decorative and applied art. The article gives exact and true consistency of the development of the art of patterned weaving creation, its meaning and actuality.

*Н.Н. СОШНЕВ, старший преподаватель
кафедры дизайна
Орловского государственного университета*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН УПАКОВКИ» НА ОТДЕЛЕНИИ «ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН» ХГФ ОГУ

В статье рассматривается проблема совершенствования обучения дизайн-проектированию упаковки на кафедре дизайна ХГФ ОГУ на отделении «Графический дизайн», алгоритм работы над учебными проектами, опыт, результаты и перспективы развития методики в свете все более возрастающих потребностей в упаковке различного вида и актуальности совершенствования ее качества.

Ключевые слова: предметный дизайн, методы проектирования, эргономика, графический дизайн.

Роль упаковки в современном мире очевидна, велика и всеохватна, обозначим её основные составляющие.

Во-первых, упаковка призвана обеспечивать сохранность продукта, будь то упаковка для холодильника, коробка для яиц, упаковка медицинского препарата или ювелирного украшения.

Во-вторых, упаковка обеспечивает информационно-коммуникативную функцию, информирует о свойствах и качествах продукта.

Третья основная функция — стимулирование покупки (сегодня упаковка является одним из важнейших рекламоносителей как по объему информации, так и по количеству контактов с потребителем до покупки, в процессе покупки, в процессе потребления, а зачастую и после потребления).

Рассматривая функции упаковки укрупненно, мы подразумеваем также наличие подфункций, таких как эстетическая, воспитательная, гедонистическая¹, **креативная² и др., это все аргументы в пользу утверждения того, что упаковка — объект дизайна и продукт дизайна.**

Целью дисциплины «Графический дизайн упаковки» является обучение методике графического и предметного дизайна упаковки. Учебный процесс направлен на практическое усвоение приемов и методов проектирования, поэтому после лекционных занятий на тему о роли упаковки в исторической перспективе и современной цивилизации студенты работают по индивидуальным практическим заданиям.

Темы учебных проектов упаковки предлагаются студентам в зависимости от индивидуальных предпочтений, технических и материальных возможностей, степени подготовленности.

По выбранной и согласованной с преподавателем теме студент самостоятельно собирает материал (информацию) из всех доступных источников — печатная продукция, Интернет, музеи, магазины, выставки.

Собранный материал автор систематизирует, делает графический анализ и представляет в виде схем, рисунков, коллажей, отражая особенности пластических, цветографических, конструктивных решений существующей упаковки по своей теме, подбирает природные аналоги (например, яичная скорлупа является совершенной упаковкой содержимого, «решето» подсолнечника — упаковка для семечек, горохо-

вый боб — для объектов шаровидной формы и т.п.).

На следующем этапе разрабатывается техническое задание, которое и содержит критерии оценки будущего проекта, то есть формулируются требования к проекту, а следовательно, предполагаемый результат:

I. С точки зрения физических параметров упаковываемого объекта (размерные характеристики, вес, объем, агрегатное состояние).

II. С точки зрения потребителя продукта (целевой группы, реципиента). Например, требования, определяемые половозрастными ограничениями, физическими, антропометрическими, эргономическими³, социокультурными, этническими, национальными и другими требованиями (в зависимости от конкретной темы набор их может быть расширен или ограничен).

III. Требования к упаковке на разных этапах ее «жизненного цикла», которые формулируются гипотетически (умозрительно), и в процессе работы проект рассматривается сквозь призму этих ограничений или требований:

1. Производство (техничко-экономические требования — технологичность, рациональный раскрой, минимальное количество выпадов и отходов, трудоемкость сборки, оптимальный выбор материала и технологии).
2. Транспортировка к заказчику (складируемость, возможность формирования бандеролей, упаковки в коробки стандартных размеров).
3. Фасовка продукта (сборка, трудоемкость фасовки, возможность автоматизации процесса).
4. Транспортировка к месту реализации (адаптированность к групповой стандартной таре, надежность защиты от воздействия внешних факторов).
5. Требования к упаковке в местах реализации: а) с точки зрения продавца (наличие дополнительных возможностей демонстрации продукта, его идентификации, привлекательность, надежность); б) с точки зрения потребителя (привлекательность, информативность, эстетичность, эргономичность).
6. Транспортировка к месту потребления (безопасность, надежность, эргономичность, учет возможностей и особенностей общественного и личного транспорта).
7. Потребление продукта (безопасность, информативность, эргономичность, эстетичность).
8. Хранение (надежность, безопасность, компактность, учет других специфических требований к хранению).
9. Требования экологии (вторичное использование, переработка, утилизация).

Данные требования конкретизируются в зависимости от темы проекта, в любом случае чем более точно на этом этапе они сформулированы, тем оригинальнее и объективно полноценнее результат.

Итогом этого этапа является техническое задание на проектирование (конкретизация параметров, требования к материалу, конструктивные и технологические ограничения, особенности пластики и т.д.). Материал может быть представлен как вербально (в виде описаний), так и в виде рисунков, схем.

Непосредственная работа над проектом начинается с изучения основ бумагопластики, пластических возможностей плоского листа (рельеф — объем — пространство), поскольку основной макетный материал — различные виды бумаги, картона и гофрокартона. Эти материалы имеют огромные пластические возможности, широкое применение в производстве упаковки и наиболее доступны.

На этапе разработки эскизных предложений, поиска новых решений происходит ознакомление с теорией решения изобретательных задач (ТРИЗ) и алгоритмом решения изобретательных задач (АРИЗ), но, поскольку они созданы главным образом для решения инженерных задач и применение их в дизайн-проектировании требует специальной адаптации, более предметно рассматриваются некоторые методы преодоления инерции мышления, активизации творческого мышления (элементы эвристики⁴, которая является составной частью ТРИЗ и АРИЗ).

Важным элементом курса является ознакомительная экскурсия на современное производство упаковки «ГОТЭК» (г. Железногорск), где студенты получают информацию об упаковке, могут увидеть процессы, связанные с проектированием и производством упаковки, новейшее полиграфическое оборудование, получить консультации у специалистов.

На основе утвержденных эскизных предложений выполняется проект упаковки, включающий в себя макет в натуральную величину, в цвете, с необходимой графикой и краткое описание проекта (аннотация), отвечающее на вопросы:

1. Название темы.
2. Область применения (характеристики упаковываемого продукта; особенности потребителя, влияющие на конструктивное и образное пластическое и цветографическое решение, — половозрастные, социокультурные и прочие характеристики).
3. Особенности производства и эксплуатации (например, возможность рекуперации⁵, переработки или утилизации).

В конце семестра состоится просмотр с обязательной защитой студентами своих проектов,

выбор лучших работ, формирование на их основе методического фонда.

Настоящая методика предполагает активное использование студентами знаний и навыков, приобретенных в процессе обучения смежными дисциплинами — основам цветоведения, пропедевтики⁶, истории искусств, психологии, основам компьютерной графики.

Используемая в течение двух лет на отделении «Графический дизайн» ХГФ ОГУ методика показала свою жизнеспособность и эффективность, позволяя максимально объективизировать процесс и результат проектирования (насколько это возможно в творчестве) при сохранении и даже активизации креативного начала, что подтверждается результатами ежегодного международного студенческого конкурса «Заводной апельсин».

В 2007 году дипломы участников конкурса получили 6 студентов, в том числе один бронзовый — за серию упаковок для молочных продуктов, в 2008 году — 9 дипломов, в том числе два золотых с вручением призов «Заводной апельсин»

по темам «Упаковка CD-дисков «Великие пианисты» и «Серия упаковок для соков», которая была отмечена поощрительным подарком от фирмы «Coca-Cola», бронзовым дипломом отмечен проект упаковки «Семена».

Учитывая актуальность проблемы, востребованность данного направления дизайн-проектирования и возможности методики для дальнейшего её совершенствования, в том числе в области прогнозирования, планирования и проектирования новых специфических требований и свойств упаковки (как пример: перспективное направление — интерактивная упаковка медицинских препаратов, продуктов питания, проектирование эффективной защиты от контрафакта, применение материалов и технологий, улучшающих экологические свойства упаковки), можно надеяться на дальнейшую помощь и поддержку кафедры дизайна руководством факультета и университета в совершенствовании материально-технической базы, а может быть, и в создании экспериментальной лаборатории или мастерской упаковки.

Примечания

¹ Гедонизм (греч. *gedone* — удовольствие).

² Креатив (лат. *create* — созидание, сотворение) — творческая, созидательная, новаторская деятельность.

³ Эргономика (греч. *ergon* — работа, *nomos* — закон) — отрасль науки, изучающая человека и его деятельность в условиях производства с целью совершенствования орудий, условий и процессов труда.

⁴ Эвристика (греч. *heurisko* — отыскиваю, открываю) — специальные методы, используемые в открытии нового.

⁵ Рекуперация (лат. *recuperation* — обратное получение).

⁶ Пропедевтика (греч. *propaideuo* — предварительно обучаю) — введение в какую-либо науку, предварительный, вводный курс, систематически изложенный в сжатой, элементарной форме.

Библиографический список

1. Волкова В.В. Дизайн рекламы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.
2. Дустьяр М. Семиотика Р. О. S. материалов // Рекламные технологии. № 11. 2003. М.: ООО «Гелла-Принт». С. 10–11.
3. Михайлов С., Кулева Л. Основы дизайна. М.: Союз дизайнеров, 2002. 240 с.
4. Нестеров П. Что такое дизайнер в рекламном агентстве? // Рекламные технологии. № 5. 2007. М.: ООО «Гелла-Принт». С. 20–21.
5. Рассказова О. Как скопировать бренд? И — надо ли? // Рекламные технологии. № 4. 2002. М.: ООО «Гелла-Принт». С. 7–9.
6. Семенихин П. Бренд-колористика в стиле ORANG // Рекламные технологии. № 5. 2007. М.: ООО «Гелла-Принт». С. 42–44.
7. Чалых Т. Бакалавр или магистр? Новый портрет специалиста, работающего в сфере упаковки // Тара и упаковка. № 3. 2008. М.: ООО «Тара и упаковка». С. 6–8.
8. Шитинский В. Основы полиграфии и декорирования упаковки. Гомель: Гомельский государственный университет им. П.О. Сухого, 2008. С. 264.
9. Шишкин В. Кирилл Москвичев // Реклама и полиграфия. № 7. 2007. М.: ООО «Медиа-Практика». С. 41–43.

N.N. SOSHNEV

SOME PECULIARITIES IN METHODS OF TEACHING THE SUBJECT OF «DRAWING DESIGN OF PACKING» AT THE FACULTY OF ART AND DRAWING OF THE OREL UNIVERSITY, DEPARTMENT OF «Design Drawing»

The article considers the problem of improving the teaching of design-making of packing at the chair of Design of the faculty of Art and Drawing at the OREL STATE UNIVERSITY. It also dwells upon the algorithm of student working on the design, experience, results and perspectives of developing methods in the situation of the demand in various kinds of packing being continuously increased and burning enhancement of the quality of packing.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»:

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) — доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) — доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. — ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) — кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЗОЛОТАРЕВ Ю.В. — доктор медицинских наук, профессор, директор медицинского института Орловского государственного университета, отличник здравоохранения;

ИВАНОВ А.Е. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, вице-президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. — доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, директор НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией обучения русскому (род-

ному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. — доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. — доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. — доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. — кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. — доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бермингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. — доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук;

УМАНА И. — доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. — доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член Международной ассоциации изобразительных искусств им. И. А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) — доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) — доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. — ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) — кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы XI–XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. — доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ЛИТВИН Ф.А. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. — доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного уни-

верситета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. — доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Российской академии лингвистических наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

МИХЕИЧЕВА Е.А. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX — XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. — кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НЕЧАЕВА Т.М. — кандидат психологических наук, доцент, заместитель декана факультета педагогики и психологии по научной работе, директор НИЦ педагогики и психологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и международного частного права, директор НИИ правовых проблем ОГУ;

НОВИКОВ С.Н. — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства и графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. — кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕЛЮТИН В.Д. — доктор педагогических наук, профессор кафедры алгебры и математических методов в экономике, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. — кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. — кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация на русском языке объемом 40–50 слов.

Статья объемом 4–15 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman Cyr, размером 14 pt, через один интервал, возможен формат *.pm6 или *.pm65.

Параметры документа: верхнее поле — 25 мм, нижнее — 25 мм, правое — 25 мм, левое — 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы. Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка — Объект — Создание — Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка — Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка — Объект — Создание — Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры — Цвета и линии — Цвет — Способы заливки — Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование, фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

В конце статьи должна быть надпись: статья публикуется впервые, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл. Инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи и аннотация должны быть переведены на английский язык и размещены в конце статьи. Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах) — ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактные телефоны*.

Обязательным условием для публикации статьи является наличие в ней ключевых слов (5–6 наименований).

В редакционную коллегия статью передается качественно распечатанной на бумаге формата А4 и в электронном виде одним файлом на дискете 3,5' (CD-диске).

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

ВНИМАНИЕ: статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Экономика

С.Ю. Новакова — г. Орел, пер. Почтовый, д. 10, кв. 18

История

И.В. Гончарова - e-mail snotra@orel.ru

А.А. Никулин - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

О.О. Федорова - e-mail sun-rice@yandex.ru

А.н. Гребенкин - г. Орел, ул. Фомина, д. 25, кв. 48. e-mail angrebyonkin@mail.ru

С.Т. Минаков - г. Орёл, ул. Брестская, д. 10, кв. 15

М.Ю. Илюхин - г. Орёл, ул. Колпакчи, д. 18, кв. 15

И.В. Проваленкова - г. Орел, ул. Октябрьская, д. 52, кв. 7

Г.С. Чувардин - e-mail snotra@orel.ru

Философия

С.Н. Коськов - e-mail: illuss@bk.ru

Е.И. Хохлова - e-mail in-g@orel.ru

Религиоведение

Киприан (Ященко), А.Я. Данилюк - г. Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18

М.А. Боронтов - . Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

С.Ю. Просветов - e-mail prosvetov-philos@mail.ru

М. Моравчикова - г. Орел, ул. Комсомольская, 95

А.Ю. Савосичев, О.Ю. Кузьмина - г. Орёл, ул. Мопра, д. 16, кв. 802; Email: sawositchev@mail.ru

Т.Г. Человенко г. Орёл, ул. 7-го Ноября, д. 9, кв. 29; Email: chelovenko@inbox.ru

Л.В. Стах - Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, ГСП 8

В.П. Римский - г. Белгород, ул. Победы, д. 85

О.В. Ковальчук - г. Белгород, ул. Победы, д. 85

К.А. Страхова - г. Белгород, ул. Победы, 85

Филология

Н.Д. Кабанова - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 41

Ю.М. Прусова - julia_for_friends@rambler.ru

Г.Ф. Хасанова - г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 1, корп. 5, кв. 154; e-mail: EXEn@inbox.ru

А.А. Кравцова - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

О.В. Иванайнен - г. Орёл, ул. Цветаева, д. 5а, кв. 6; e-mail: myfamily@orel.ru

Е.Н. Ашихмина - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

А.Л. Дмитриевский - г. Орёл, ул. Мопра, д. 16, кв. 315

Право

В.И. Опрятов - г. Орёл, пер. Садовского, д. 4, кв. 16

И.А. Мальцев - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Ю.Б. Мальцева - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

В.А. Никифоров - г. Орёл, ул. Пожарная, д. 32, кв. 202

В.И. Филонов - п. Верховье, ул. Коминтерна, д. 9, кв. 15

Ю.Е. Конышева - г. Орёл, ул. Ленина, 24/26, кв. 23

О.К. Чунаева - г. Орёл, ул. Машкарина, д. 18, кв. 187

В.Е. Кирсанова - г. Орёл, ул. Ленина, 24/26, кв. 23

М.М. Александров - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Е. Луканкина - г. Орёл, ул. Рощинская, д. 5, кв. 2
С. Астахов - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95
Т. Добарина - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Педагогика и психология

Г.Е. Котькова - e-mail amber2004@rambler.ru
А.А. Калекин - г. Орел, наб. Дубровинского, д. 66, кв. 22
Е.С. Пелепейченко - г. Орел, ул. Герцена, 19
Т.К. Авдеева, И.Ф. Авдеев - г. Орел, Пролетарская гора, д. 11, кв. 4
Е.Н. Кирюхина - e-mail mestnil81@rambler.ru
Н.Н. Митюшкина - ivanfesenko@rambler.ru
Ю.М. Логвинова - г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41
А.Р. Садыкова - г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73
А.В. Овсянникова - г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73
Е.А. Новикова - г. Орел, ул. Пожарная, д. 25, кв. 50
Т.А. Ягупова - г. Орел, ул. Комсомольская, д. 382, кв. 52
Н.В. Шульдешова - e-mail Fnatalja@yandex.ru
М.А. Шошин - e-mail GunGunka@mail.ru

Искусствоведение

Н.В. Егупова - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95
Н.Н. Сошнев - г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»
№1

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать» (почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: *Белевитина Т.М.*
Компьютерная верстка: *Канатникова Л.Т.*
Дизайн обложки: *Никифоров А.В.*
Корректурa: *Гудкова А.А.*

Подписано в печать 30.03.2009 г. Формат 60x84¹/₈. Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура PragmaticaC, Lazurski. Усл. печ. л. 36,39. Тираж 1000 экз. Заказ № 662.

Отпечатано с готового оригинал-макета в редакционно-издательском отделе
ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. Тел./факс (4862) 74-45-08